29153.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

В. Я. Богучарскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка.

Партія „Народной Воли“, ея происхожденіе, судьбы и гибель.

МОСКВА. — 1912.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

МОСКВА. Ваганьковскій, 3

Религія и Философія.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immediates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора *„Введеніе въ метафизику“*. Пер. *С. Гессена и М. Грюнвальдъ*. Стр. 238. Цѣна **1** р. **50** к.

Анри Бергсонъ принадлежитъ къ числу немногихъ современныхъ классиковъ философіи и занимаетъ въ философской литературѣ нашихъ дней совершенно исключительное мѣсто по идейному значенію и литературной цѣнности своихъ произведеній.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малахіевой-Мировичъ* и *М. В. Шикъ*. Подъ ред. *С. В. Лурье*. Стр. 518. Цѣна **2** р. **50** коп.

Классическій трудъ Джемса съ новой силой выдвинулъ психологическую проблему религіи и въ литературѣ религіозной философіи долженъ быть поставленъ рядомъ съ „Рѣчами о религіи“ Шлейермахера.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ, ее презирающимъ. Монологи. Перев. съ нѣмецк. *С. Л. Франкъ*, съ двумя портр. автора и вступительной статьей переводчика. Томъ въ 450 стр. Цѣна **2** р. **50** к.

Впервые въ русскомъ переводѣ появляются „Рѣчи о религіи“, классическое произведеніе, составившее эпоху въ развитіи философіи религіи. Къ „Рѣчамъ о религіи“ присоединены „Монологи“—замѣчательный образецъ философской лирики въ прозѣ.

Исторія и Политика.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна 1 р.

Сборникъ статей, характеризующихъ современное политическое положеніе Россіи. Статьи „Политическая провокація“ и „Замаскированное самоубійство“ посвящены террору и провокаціи, а статья „П. А. Столыпинъ“ даетъ характеристику сошедшаго со сцены государственнаго дѣятеля, начиная съ первыхъ его шаговъ.

А. А. КИЗЕВЕТТЕРЪ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. IX—XIX ст. Историческій очеркъ. Стр. 155. Цѣна **50** коп.

Авторъ въ своемъ очеркѣ прослѣживаетъ наиболѣе характерныя и основныя черты въ исторіи взаимныхъ отношеній коронныхъ и выборныхъ общественныхъ властей на поприщѣ мѣстнаго управленія въ Россіи, съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна **1** р. **25** к., въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

Въ сжатыхъ очеркахъ авторъ рисуетъ время Александра II, обращая преимущественное вниманіе на политическія событія и общественныя теченія этой достопамятной эпохи.

29155

В. Я. Богучарскій.

ИЗЪ ИСТОРІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка.

Партія „Народной Воли“,
ея происхожденіе, судьбы
и гибель.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

МОСКВА. — 1912.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

39
Библиотека ИНФ СССР

К

86555

ТИПО = ЛИТОГРАФІЯ
Ю. ВЕНЕРЪ
ПРЕЕМН. О. ФАЛЬКЪ
МОСКВА, ПЕТРОВКА,
РАХМАНОВСКІЙ ПЕР.,
Д. ГРАЧЕВА.—1912 Г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
1)	Предисловіе	I
2)	Исполнительный Комитетъ до-народовольческій и Исполнительный Комитетъ партіи „Народной Воли“	1
3)	Терроризмъ	49
4)	Дѣятельность народовольцевъ среди рабочихъ	124
5)	Дѣятельность народовольцевъ въ войскахъ	142
6)	Дѣятельность народовольцевъ среди учащейся молодежи	165
7)	Связи народовольцевъ съ обществомъ	178
8)	Антиеврейское движеніе начала 80-хъ годовъ и народовольцы.	218
9)	Народовольчество и другія политическія группировки въ Россіи.—Дѣятельность народовольцевъ заграницей. — Матеріальныя средства народовольцевъ	231
10)	Власть имущіе и ихъ настроенія	244
11)	Антиреволюціонное тайное общество „мужественныхъ добровольцевъ“.—„Священная Дружина“ и „Народная Воля“	268
12)	Заграничная газета „Вольное Слово“. — „Земскій Союзъ“ и Союзъ псевдо-земскій. — Политическое обшество „Вольный Союзъ“. — Провокаторская газета „Правда“.—Еще разъ „мужественные добровольцы“.	386
13)	Литература партіи „Народной Воли“. — Народовольческая программа. — Значеніе народовольчества въ исторіи русскаго освободительнаго движенія	439
14)	Алфавитный указатель упоминаемыхъ въ книгѣ фамилій и названій періодическихъ изданій	473

БИБЛІОТЕКА
* Ученаго Комитета Мин. Фин. *

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть главъ предлагаемой работы была уже напечатана въ прошломъ и текущемъ годахъ на страницахъ журнала Русская Мысль. Благосклонное вниманіе, которое вызвали эти статьи со стороны читателей и которое выразилось во многихъ о нихъ отзывахъ въ столичной и провинціальной прессѣ, равно какъ и въ полученныхъ авторомъ отъ разныхъ лицъ письмахъ съ весьма цѣнными замѣчаніями касательно тѣхъ или другихъ, разсматриваемыхъ въ его работѣ, событій, а также съ указаніями на относящіеся къ нимъ матеріалы и т. д.,— такое вниманіе позволяетъ автору думать, что его работа является своевременною и отвѣчающею общественной потребности въ точномъ знаніи событій, волновавшихъ русскую жизнь тридцать лѣтъ тому назадъ.

Хотя въ настоящей книгѣ сравнительно съ тѣмъ, что уже было напечатано въ Русской Мысли, многое дополнено, переработано и развито, тѣмъ не менѣе о всей неполнотѣ своего изслѣдованія авторъ отдаетъ себѣ совершенно ясный отчетъ. Но какова бы ни была неполнота его работы и каковы бы ни были другіе ея недостатки, авторъ считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ сознаніемъ, что его работа является въ русской исторической литературѣ первой попыткой систематизировать, подвергнуть критической разработкѣ и объединить въ цѣльный

очеркъ, сверхъ относящихся сюда данныхъ изъ источниковъ, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ, также въ количественномъ отношеніи весьма значительные и въ качественномъ нерѣдко очень важные, но крайне разбросанные, издававшіеся преимущественно заграницею или являвшіеся произведеніями русской тайной печати, составляющіе весьма часто библіографическія рѣдкости и потому потребовавшіе для ихъ собиранія многолѣтнихъ, спеціальныхъ изысканій, матеріалы по исторіи русскаго освободительнаго движенія въ одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ русской жизни, — эпоху конца семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ.

Кромѣ печатной литературы предмета авторъ пользовался и нѣкоторыми новыми документами, а также въ высшей степени цѣнными свѣдѣніями, сообщенными ему многими прямыми участниками или свидѣтелями различныхъ событій разсматриваемаго въ настоящей работѣ движенія. Всѣмъ этимъ лицамъ, — большую часть именъ ихъ читатели встрѣтятъ въ текстѣ книги, — авторъ приноситъ глубочайшую признательность.

Авторъ сосредоточилъ свое вниманіе почти исключительно на движеніи такъ называемомъ „народовольческомъ“, но онъ счелъ необходимымъ въ связи съ тѣмъ останавливаться болѣе или менѣе подробно и на другихъ теченіяхъ общественной мысли,—особенно земскомъ и псевдо-земскомъ,— имѣвшихъ мѣсто въ ту же эпоху русской жизни. Быть можетъ, работа эта вызоветъ появленіе трудовъ по тому же предмету другихъ изслѣдователей, и тогда теперь отъ насъ еще не очень удаленная,

но все болѣе и болѣе уже отходящая въ даль исторіи,—эпоха конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, выступитъ въ очертаніяхъ гораздо болѣе полныхъ и яркихъ, чѣмъ въ настоящее время. Безъ яснаго же представленія именно о той эпохѣ едва ли можетъ быть вполнѣ осознана и эпоха, нами нынѣ переживаемая.

Въ своей работѣ авторъ старался быть вполнѣ объективнымъ, считая принципъ „amicus Plato, sed magis amica veritas“ первымъ условіемъ для разрѣшенія поставленной имъ себѣ задачи. Историкъ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи Мэрингъ писалъ:

„Я чувствую, какъ часто и рѣзко мнѣ придется выступать противъ многихъ традицій, многихъ представленій, которыя близки сердцу многихъ и притомъ не самыхъ плохихъ членовъ партіи. Никто такъ ясно не пойметъ субъективнаго оправданія, даже объективной неизбѣжности такихъ преданій и представленій, какъ историкъ революціонной рабочей партіи, но ему, менѣе чѣмъ кому бы то ни было, слѣдуетъ щадить ее. Историческое повѣствованіе, которое остановилось бы осторожно передъ той или иной легендой, какъ бы понятна и извинительна она ни была, тѣмъ самымъ призналъ бы его лишеннымъ всякой цѣнности.

„Если революціонная рабочая партія подвержена общей участи борющихся армій — создавать себѣ легенды и ореолы, то ей нѣтъ надобности, слѣдуя извѣстному совѣту Мольтке, искусственно поддерживать такія легенды въ качествѣ необходимаго элемента своей дисциплины. Для нея необходима, напротивъ, безпрестанная самокритика“. [1])

---

[1]) Мэрингъ. т. I. (русскій переводъ) стр. 380—381.

Эти слова Мэринга примѣнимы, конечно, не къ однимъ только исторіямъ революціонныхъ рабочихъ партій, но и вообще ко всякому безпристрастному историческому изслѣдованію общественныхъ движеній, на какой бы изъ боровшихся въ такихъ движеніяхъ сторонъ ни лежали симпатіи изслѣдователя.

Достигнуть такой именно безпристрастности и старался авторъ настоящей работы. Насколько это автору удалось,—судить не ему.

Что касается до точки зрѣнія, которой держится авторъ на самое движеніе, составляющее предметъ на работы, то говорить о ней здѣсь нѣтъ надобности, ибо точка зрѣнія эта, ясна изъ текста книги.

Авторъ.

Октябрь. 1911 г.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

I.

Исполнительный Комитетъ до-народовольческій и Исполнительный Комитетъ партіи „Народной Воли".

Въ центрѣ организаціи „Народной Воли" стоялъ, какъ извѣстно, „Исполнительный Комитетъ".

Изъ разоблаченій члена этого Комитета Григорія Гольденберга, ряда политическихъ процессовъ 1880—1884 гг. и мемуаровъ многихъ народовольцевъ извѣстно, что Исполнительный Комитетъ получилъ свое начало на съѣздѣ 11 революціонеровъ въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи („Липецкій съѣздъ"), продолжавшемся съ 17 по 21 іюня 1879 г.

Но организація, носившая названіе „Исполнительный Комитетъ" и „Исполнительный Комитетъ Русской Соціально-Революціонной Партіи", существовала и до Липецкаго съѣзда. Она находилась съ Комитетомъ, возникшимъ въ Липецкѣ, въ нѣкоторой преемственной связи. По показаніямъ Гольденберга, участники съѣзда остановились на этомъ названіи именно „въ виду его традиціоннаго значенія для публики" [1]).

Гдѣ же, когда и при какихъ обстоятельствахъ возникъ „Исполнительный Комитетъ" эпохи до-народовольческой?

Объ этомъ въ исторической литературѣ имѣются нѣкоторые матеріалы, среди которыхъ первое мѣсто принадле-

[1]) „Процессъ 16-ти террористовъ (1880 г.)". Подъ редакціею и съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Русская Историческая Библіотека, № 3, стр. 18.

житъ превосходному разсказу несомнѣнно талантливѣйшаго изъ эмигрантовъ-мемуаристовъ народническаго періода освободительнаго движенія В. К. Дебагорія-Мокріевича [1]).

Но прежде нѣсколько словъ о до-народовольческомъ періодѣ революціоннаго движенія вообще.

До возникновенія „Народной Воли“, болѣе или менѣе объединившей разбросанные по Россіи революціонные кружки и отдѣльныхъ лицъ, такъ называемая „Русская Соціально-Революціонная Партія“ не имѣла единой организаціи и состояла изъ значительнаго количества лицъ, объединенныхъ между собою гораздо болѣе солидарностью воззрѣній и настроеній, чѣмъ какою бы то ни было связью формальнаго характера. Существовавшее общество „Земля и Воля“ представляло собою организованную единицу, но оно, конечно, далеко не покрывало собою всю „партію“ [2]).

„Вѣра“ въ соціальную революцію и полнѣйшій аполитизмъ были характернѣйшими чертами этого чисто интеллигентскаго, дѣйствительно, абсолютно оторваннаго отъ жизни страны, движенія [3]). Въ высокой степени безобидное и мечтательное, романтическое и утопическое, оно въ своемъ революціонизмѣ непремѣнно сошло бы само собою на-нѣтъ, если бы не привычка русскихъ правящихъ сферъ пугаться проявленія въ странѣ буквально всякаго шороха.

Можетъ ли подлежать сомнѣнію, что, столкнувшись въ народѣ съ тѣмъ, съ чѣмъ пропагандисты тамъ въ дѣйстви-

---

[1]) Въ формѣ отрывка изъ автобіографіи („Два года жизни“) мемуары Дебагорія-Мокріевича появились первоначально въ №№ 1 и 2 заграничнаго журнала Вѣстникъ Народной Воли въ 1883 г. Затѣмъ, въ полномъ видѣ „Воспоминанія“ были изданы сначала въ Парижѣ, а позже (въ 1903 году), при содѣйствіи П. Б. Струве — въ Штутгартѣ. Въ „дни свободы“ эти же „Воспоминанія“ были переизданы и въ Россіи. Мы дѣлаемъ цитаты по штутгартскому изданію книги.

[2]) Общество „Земля и Воля“ состояло изъ находившагося въ Петербургѣ центра и жившихъ въ „народѣ“ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ „колонистовъ“. Такой выдающійся землеволецъ, какъ скончавшійся въ 1909 году шлиссельбуржецъ М. Р. Поповъ, говоритъ, что „колонистовъ“-землевольцевъ было по деревнямъ въ Россіи 10 — 20 человѣкъ. М. Р. Поповъ: „Изъ моего революціоннаго прошлаго“. Былое, 1907 годъ, августъ, стр. 277).

[3]) Объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ главѣ о русской революціонной литературѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ.

тельности и столкнулись (вспомните замѣчательный по своей правдѣ, очеркъ Глѣба Успенскаго „Не суйся“, рисующій непроходимую пропасть, раздѣлявшую воззрѣнія народа отъ воззрѣній народниковъ), при иномъ отношеніи къ этому движенію со стороны властей, народолюбцы-пропагандисты обратились бы, по существу, въ самыхъ обыкновенныхъ культурниковъ, мирнѣйшихъ гражданъ земли своей? Сколько-нибудь долговременное пребываніе „въ народѣ“ обыкновенно и вело къ такому результату. „Революціонизмъ“ оставался лишь въ качествѣ фразеологіи, „соціализмъ“ — въ мечтаніяхъ.

Возьмемъ даже главнѣйшихъ дѣятелей 1-го марта 1881 г. Желябовъ не состоялъ членомъ старой народнической организаціи и былъ введенъ въ нее лишь на Воронежскомъ съѣздѣ народниковъ, послѣдовавшемъ непосредственно за съѣздомъ Липецкимъ. Тамъ встрѣтился онъ съ землевольцами, и вотъ какое, по словамъ біографа Желябова, произвели они на него впечатлѣніе:

„Желябовъ страшно злился.

„Хороши ваши землевольцы,— говорилъ онъ.— И эти люди воображаютъ себя революціонерами!“

Самъ Желябовъ стоялъ рѣзко на точкѣ зрѣнія дѣятеля, признававшаго „политику“ и „прямо, безъ малѣйшихъ уступокъ, развивалъ передъ съѣздомъ свою систему, свои взгляды, чѣмъ вызвалъ немалое изумленіе: „да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ“, говорили правовѣрные соціалисты“ [1]).

Говоря это, „правовѣрные соціалисты“ были недалеки отъ истины. Лишь оставивши въ очень значительной степени народническіе предразсудки и взявшись за „политику“, Желябовъ остался „революціонеромъ“. Или „соціализмъ“ (въ мечтаніяхъ, конечно) — и тогда культурная работа на

[1]) „Андрей Ивановичъ Желябовъ“. Лондонъ. 1882 г.— стр. 26. Біографія эта написана Л. А. Тихомировымъ и, по свидѣтельству Г. В. Плеханова, „одобрена къ печатанію Исполнительнымъ Комитетомъ“. (См. „Предисловіе“ Г. В. Плеханова къ русскому переводу книги Туна: „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи“. Изд. Библіотеки для всѣхъ. Спб., стр. 40.) Въ наиболѣе существенныхъ чертахъ „Біографія Желябова“ перепечатана въ августовской книжкѣ Былого за 1906 г. Цитируемое мѣсто см. на стр. 114.

дѣлѣ, или „политика"—и тогда „революціонизмъ". До синтеза же, который дала впослѣдствіи лишь соціалъ-демократія,—и то, конечно, не среди ея заговорщическихъ элементовъ,—было тогда, разумѣется, еще далеко.

Кибальчичъ. Въ его, произнесенной по дѣлу 1-го марта, рѣчи находятся слѣдующія въ высшей степени характерныя слова:

„Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе итти въ народъ, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно, я бы осуществилъ эту задачу, если бы этому не помѣшалъ арестъ. Конечно, если бы не тотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго храктера, отчасти соціалистическаго, а именно: поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до соціалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально, что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы въ цареубійствѣ, а были бы среди городского и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельско-хозяйственныхъ орудій и т. д."[1]).

Кибальчичъ, конечно, могъ мечтать сколько угодно о томъ, чтобы „развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до соціалистическихъ инстинктовъ и привычекъ",—онъ скоро столкнулся бы съ „Не суйся",— но что отъ пребыванія въ народѣ этого чрезвы-

[1]) „Судъ надъ цареубійцами". (Судебный отчетъ). С.-Петербургъ. 1881 г., стр. 58—59.

чайно даровитаго человѣка „кустарное производство“, „способы обработки земли“ и пр. только бы выиграли, и задачи „культурнаго характера“, которыя ставилъ себѣ Кибальчичъ, были бы имъ осуществлены,—это едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію.

А вотъ что говорилъ на судѣ (по „процессу 17-ти въ 1883 году“) пользовавшійся въ революціонной партіи очень большимъ моральнымъ авторитетомъ, членъ Исполнительнаго Комитета П. А. Теллаловъ:

„Дайте намъ слиться съ народомъ, дайте проявиться той горячей любви, которая живетъ въ каждомъ изъ насъ, и вы увидите, что изъ террористовъ мы превратимся въ мирныхъ учителей и просвѣтителей народа“ [1]).

И много-много можно было бы еще привести такихъ же примѣровъ.

Но правительство рѣшительно не понимало характера происходившаго въ Россіи народническаго движенія, имѣвшаго огромное значеніе лишь съ этической и культурной его стороны и совершенно не заключавшаго въ себѣ самомъ никакой опасности для „основъ“; не сознавало оно и собственной соціальной мощи, и металось, точно въ самомъ дѣлѣ подъ нимъ дрожала земля.

Чего оно хотѣло, чего боялось?

Книжекъ, которыя пропагандисты распространяли въ народѣ? Но что это были за книжки и сколько было ихъ издано для многомилліонной крестьянской массы?

Сошлемся на свидѣтельство активной участницы этого движенія, лица очень компетентнаго.

Описывая въ біографіи Н. А. Морозова положеніе вещей въ половинѣ 70-хъ годовъ, В. Н. Фигнеръ говоритъ:

„Даже самое главное орудіе дѣйствія на умы — простая грамотность почти отсутствовала въ деревнѣ; нѣсколько книжекъ подпольнаго изданія, которыя теперь кажутся почти дѣтскими по содержанію и формѣ, составляли весь литературный арсеналъ, предназначенный для читателя-простолюдина. Никакихъ шансовъ на что-нибудь похожее на возстаніе или партизанскую войну, о ко-

[1]) Рѣчи подсудимыхъ по процессу 17-ти. Гектографированное изданіе 1883 года.

торыхъ мечталъ Николай Александровичъ (Морозовъ)— не было“ [1]).

Какимъ же политическимъ горизонтомъ надо было обладать, чтобы — какъ это сдѣлалъ въ своей смѣхотворной „Запискѣ“ министръ юстиціи графъ Паленъ,— утверждать объ опасности движенія „въ народъ“ русской молодежи и о томъ, что „къ концу 1874 г. пропагандисты успѣваютъ покрыть какъ бы сѣтью революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ агентовъ большую половину Россіи“ [2]).

Разумѣется, начались самыя жестокія преслѣдованія. За найденную книжку людей морили, говоря безъ преувеличеній, по 3—4 года въ предварительномъ заключеніи, затѣмъ предавали суду, и, когда судъ ихъ оправдывалъ, либо вмѣнялъ въ наказаніе проведенное въ заключеніи время, высылали административно въ глухія мѣстности Архангельской или Вологодской губерніи и тамъ ставили въ крайне тяжелыя условія для существованія.

И опять-таки: зачѣмъ все это правительство дѣлало, чего опасалось?

При такихъ обстоятельствахъ удивительно не то, что у наиболѣе впечатлительныхъ натуръ народническое настроеніе начинало давать бреши, и народники стали то здѣсь, то тамъ относиться съ интересомъ къ вопросамъ „политики“, а то, что политическое мальтузіанство сидѣло еще среди народниковъ такъ долго и такъ упорно.

Политическая мысль пробудилась раньше другихъ среди южанъ.

Тамъ дѣйствовалъ, наприм., уже въ 1878—79 гг., умершій впослѣдствіи въ Шлиссельбургѣ Дмитрій Буцинскій, заявившій на своемъ процессѣ (онъ судился въ Кіевѣ уже въ 1880 г.), что онъ „политическій революціонеръ, а не соціалистъ“ [3]).

---

[1]) В. Н. Фигнеръ: „Біографія Н. А. Морозова. Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ“. Подъ редакціей Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича. Ч. I. Спб., стр. 99.

[2]) „Записка министра юстиціи графа Палена“.—Успѣхи революціонной пропаганды въ Россіи“. Женева. 1875 г., стр. 10.

[3]) С. Сватиковъ: „Біографія М. Р. Попова. Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ“, стр. 170.

Такихъ дерзновенныхъ людей, не только не боявшихся правительства, но и шедшихъ вразрѣзъ съ общимъ настроеніемъ среди революціонеровъ, русское освободительное движеніе знаетъ очень мало.

Въ лежащемъ передъ нами печатномъ обвинительномъ актѣ по дѣлу Попова, Буцинскаго и другихъ приводится текстъ отобранной при обыскѣ у Буцинскаго, написанный на листкѣ почтовой бумаги, „программы южныхъ рабочихъ“ [1]). Программа эта приводится въ обвинительномъ актѣ, вѣроятно, въ укоризну ея составителямъ-рабочимъ, съ сохраненіемъ орѳографіи. Мы тоже воспроизведемъ ее здѣсь полностью (она короткая), такъ какъ, не взирая на грамматическія ошибки, она представляетъ очень большой историческій интересъ.

Вотъ что гласитъ этотъ документъ:

„Братья рабочіе Гораблагодатскихъ Дружинъ. Мы Южные рабочіе согласны съ вашей программой и со всѣми требованіями, которыя согласны снашими для общаго народнаго блага, но вы говаритѣ, что партія борьбы изъ за политическаго измѣненія вамъ не товарищъ. Мы Южные рабочіе просимъ васъ присмотрѣться хорошо къ теперешнему положенію, къ которое мы поставлены борющіеся за народную свободу съ отжившимъ строемъ; на нашъ взглядъ, настолько онъ покажется для васъ правильнымъ при такой реакціи, какова въ настоящее время, нѣтъ никакой возможности вести въ народѣ какую бы то ни было агитацію, мы городскіе рабочіе между собою при болѣе выгодныхъ условіяхъ чѣмъ въ селѣ съ крестьянами, то нѣтъ никакой возможности организовать что-нибудь прочное, что могло бы просуществовать хоть короткое время неоткрытымъ сыщиками; каждый изъ насъ возставшихъ противъ подгнившаго уже государственнаго строя хорошо знаетъ, что сила для поднятія революціи въ народѣ у крестьянъ; что же дѣлать когда въ настоящее время мы южные рабочіе задались мыслью такого рода, *какимъ бы то ни было путемъ добиваться политической свободы*, только вы не думайте, что мы увлечемся этимъ, что если

---

[1]) Въ сущности, отвѣтъ на какую-то программу.

дастъ правительство народу конституцію, то и дѣло въ шляпѣ, нѣтъ мы знаемъ послѣ этого впереди дѣла больше, то все же можемъ надѣяться что хотя сколько-нибудь сдвинемъ эту грозную тучу, которая ежеминутно грозитъ обрушиться на наши головы при первомъ нашемъ движеніи, и такъ Братія когда мы освободимъ наши руки отъ цепей правительства и не посмѣютъ намъ за справедливое слово зажимать ротъ, тогда только мы въ состояніи будемъ выполнить наши выработанные планы и программы на дѣлѣ не на бумагѣ“ [1]).

Такъ-то при благосклонномъ содѣйствіи правительства завоевывала себѣ признаніе идея политическаго освобожденія страны и въ средѣ рабочаго класса.

На югѣ же дѣйствовали революціонеры Попко [2]), Лизогубъ [3]) и другіе, также начавшіе уже разставаться съ народническимъ аполитизмомъ.

Говоря въ „Литературныхъ замѣткахъ“ за 1880 годъ о народническомъ движеніи 70-хъ годовъ, Н. К. Михайловскій опредѣлилъ психику крайняго фланга носителей этого движенія знаменитой фразой: „пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же“ [4]).

Такую характеристику принять за вѣрную нельзя: какъ ни велика была готовность народниковъ на жертву для народа, какъ ни поглощены были всѣ ихъ помыслы заботою объ его благѣ, его счастіи, его освобожденіи отъ соціально-экономическаго гнета, но все же чувство собственнаго достоинства, достоинства личности не могло же въ нихъ атрофироваться совершенно, и оно громко заговорило именно тогда, когда „пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же“ стало совершившимся фактомъ. Тутъ

---

[1]) „Обвинительный актъ“, стр. 32—33.

[2]) Осужденъ въ безсрочную каторгу въ Одессѣ въ 1879 году по процессу 28-ми. Умеръ на Карѣ. Его біографія (составленная Р. А. Стеблинъ-Каменскимъ) напечатана въ № 3 журнала Съ родины и на родину. Женева, 1893 г., стр. 161—190, и перепечатана въ майской книжкѣ Былого за 1907 г., стр. 179—204.

[3]) Повѣшенъ въ Одессѣ 10 августа 1879 г.

[4]) Полное собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго. Т. IV., стр. 952.

передъ многими и многими народниками выросъ сразу вопросъ не о „соціализмѣ“, не о „народѣ“, а именно о человѣческой личности и даже болѣе того—о личности интеллигента.

Когда въ Петербургѣ градоначальникъ Треповъ приказалъ высѣчь осужденнаго на каторгу по дѣлу о казанской демонстраціи 6 декабря 1876 г. Боголюбова (Емельянова), то шестеро южныхъ революціонеровъ немедленно бросились въ Петербургъ съ цѣлью отмстить Трепову за такое поруганіе въ лицѣ Боголюбова личности русскаго революціонера. Они начали всѣ приготовленія къ этому акту, и лишь неожиданно для нихъ раздавшійся выстрѣлъ въ того же Трепова и по той же причинѣ Вѣры Засуличъ заставилъ ихъ прекратить дальнѣйшія приготовленія.

Неподражаемо разсказываетъ Дебагорій-Мокріевичъ о своемъ братѣ, тоже уже сильно зараженномъ въ то время „политикой“. Послѣ покушенія въ Петербургѣ на жизнь Трепова, а потомъ въ Кіевѣ на жизнь товарища прокурора Котляревскаго,—о чемъ у насъ рѣчь будетъ ниже,—братъ В. К. Дебагорія-Мокріевича Иванъ говорилъ ему:

„Вотъ, пока вы разсуждали о народѣ, и революціонности было мало; разводили бобы на киселѣ. А вотъ какъ дошло дѣло до вашихъ собственныхъ интересовъ,—посмотри, какія дѣла! Тамъ стрѣляютъ въ Трепова, здѣсь — въ Котляревскаго. Незачѣмъ закрывать глаза: вѣдь это факты политической борьбы. Котляревскій дѣлаетъ обыски, раздѣваетъ женщинъ до нага, и его за это стрѣляютъ. А дѣло съ Треповымъ? Ну, подумай,—мало ли у насъ сѣкутъ мужиковъ исправники да губернаторы. Однако, за это ихъ никто не стрѣляетъ. А попробовалъ Треповъ высѣчь интеллигентнаго революціонера,—ему и нагорѣло. Такъ-то братъ: ни соціализмъ, ни народъ здѣсь не причемъ“ [1]).

Такъ гдѣ же тутъ „пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же“ Михайловскаго?...

В. К. Дебагорій-Мокріевичъ на доводы своего брата не сдавался, но и возражать на нихъ, какъ это онъ самъ при-

---

[1]) „Воспоминанія“, стр. 262.

знаетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, было рѣшительно нечего.

Число сторонниковъ „политики“ на югѣ и главнымъ образомъ въ Кіевѣ все возрастало. Мало того: не въ примѣръ прочимъ городамъ, въ Кіевѣ даже завелся въ 1877 г., состоящій изъ студентовъ университета, особый дѣятельный „конституціонный кружокъ“.

„Изъ всего студенческаго движенія 1877 года, котораго я касаюсь въ общихъ чертахъ,—разсказываетъ Дебагорій-Мокріевичъ,—едва ли не самымъ характернымъ эпизодомъ была демонстрація при водруженіи креста на могилѣ одного рабочаго, похороненнаго на Байковомъ кладбищѣ. По иниціативѣ студенческой организаціи, въ центрѣ которой стоялъ „конституціонный кружокъ“, собралась толпа молодежи и двинулась процессіей черезъ городъ, неся впереди деревянный крестъ. Разъ, два или три толпа останавливалась, и присутствующіе ораторы, словно Евангеліе по усопшему, произносили рѣчи. Какъ ни странно можетъ показаться, но рѣчи сводились къ тому, что „намъ надо добиваться конституціи“ [1]).

Въ Кіевъ пріѣхалъ изъ Петербурга Валеріанъ Осинскій [2]), сдѣлавшійся въ скоромъ времени главою южныхъ „политиковъ“ и организаторомъ перваго „Исполнительнаго Комитета“, но тогда еще полный народническихъ иллюзій.

Произошелъ такой, опять-таки указывающій на завоеванія, которыя сдѣлала политическая идея, инцидентъ:

„Помню,—разсказываетъ Дебагорій-Мокріевичъ, на одномъ изъ засѣданій „конституціоннаго кружка“, куда мы ввели Осинскаго тотчасъ послѣ его пріѣзда въ Кіевъ, выступилъ онъ съ рѣчью, гдѣ принялся доказывать несостоятельность политическихъ программъ и необходимость соціальной революціи, которая одна только въ силахъ радикально измѣнить жизнь и уничтожить эксплоатацію народа и прочее въ такомъ духѣ. „Все это мы давнымъ давно слыхали“—замѣтилъ ему кто-то, когда онъ окончилъ свою рѣчь, и послѣ этого собраніе перешло къ очереднымъ вопросамъ.

---

[1]) Ibid., стр. 239.

[2]) Повѣшенъ въ Кіевѣ 14 мая 1879 г.

Любопытно то, что даже не были подняты дебаты по этому вопросу“ [1]).

Это была уже совсѣмъ черная ересь.

Богато одаренный отъ природы, Валерьянъ Осинскій очень быстро самъ проникся началами „политики“ и сталъ ревностнымъ адептомъ этихъ началъ. Къ сожалѣнію, созданныя правительствомъ болѣзненныя условія времени направили здоровую мысль на болѣзненные же пути. Въ рядахъ революціонеровъ „политическая“ дѣятельность сдѣлалась почти синонимомъ террористической.

Прежде чѣмъ выйти окончательно на новую дорогу,— а это случилось лишь черезъ много лѣтъ,— мысль русскихъ революціонеровъ должна была пройти еще черезъ одинъ крайне невѣрный и крайне ненормальный методъ дѣйствій,— черезъ терроръ.

Дебагорій-Мокріевичъ методу этому рѣшительно не сочувствовалъ, но обстоятельства сложились такъ, что онъ сталъ, благодаря своей близости къ Осинскому и другимъ „политикамъ“, въ самомъ центрѣ южныхъ террористовъ, чуть не иниціаторомъ и во всякомъ случаѣ однимъ изъ организаторовъ перваго „Исполнительнаго Комитета“.

Случилось это такъ.

Осинскій, Ив. Ивичевичъ [2]) и еще одинъ революціонеръ совершили втроемъ покушеніе на жизнь товарища прокурора Котляревскаго и, полагая, что онъ убитъ (послѣ выстрѣла Котляревскій упалъ),— это происходило ночью,— прибѣжали всѣ трое въ квартиру Мокріевича, который жилъ, разумѣется, нелегально, и остались у него ночевать. На другой день обнаружилось, что Котляревскій не только живъ, но и не раненъ. Упалъ же онъ просто со страху.

— Какъ же вы намѣрены поступить (относительно Котляревскаго) дальше?— спросилъ кто-то Осинскаго въ присутствіи Мокріевича.

— А чортъ съ нимъ, съ этимъ трусомъ,— воскликнулъ Осинскій,— съ него достаточно и этого случая: я полагаю, онъ болѣе не будетъ такимъ ревностнымъ чиновникомъ.

---

[1]) „Воспоминанія“, стр. 249.

[2]) Оба брата Ивичевичи (Иванъ и Игнатъ) получили смертельныя раны (отъ которыхъ и умерли) при вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ 11 февраля 1879 года.

„Высказано было, не помню кѣмъ,— продолжаетъ свой разсказъ Мокріевичъ,—мнѣніе, что было бы полезно издать по этому случаю прокламацію, гдѣ были бы выяснены причины, вслѣдствіе которыхъ стрѣляли въ Котляревскаго. Стали обсуждать въ деталяхъ этотъ вопросъ. Потомъ бесѣда перешла къ тому, что было бы вообще недурно всякій разъ, послѣ совершенія извѣстнаго террористическаго акта,—а ихъ предполагалось совершить не одинъ и не два, а много,— выпускать прокламаціи и расклеивать ихъ по улицамъ; при этомъ кому-то изъ собесѣдниковъ пришла мысль въ голову, чтобы группа лицъ. занимающаяся террористическими предпріятіями, назвала себя „Исполнительнымъ Комитетомъ“.

„Названіе „Исполнительнаго Комитета“ присваивалось потому, что террористы, по первоначальному представленію, должны были явиться не чѣмъ другимъ, какъ исполнителемъ рѣшеній, принятыхъ всей „соціально-революціонной партіей“. Но какъ эти рѣшенія могли приниматься, когда на самомъ дѣлѣ и партіи такой не существовало,— такъ какъ не существовало никакой общей организаціи,—объ этомъ пока не думали. „Исполнительный Комитетъ“ имѣлъ въ виду заняться убійствами зловредныхъ лицъ, препятствовавшихъ развитію революціонной дѣятельности, наприм., предателей, жандармскихъ сыщиковъ, прокуроровъ и проч. О перемѣнѣ программы, конечно, при этомъ не упоминалось, такъ какъ предполагалось, что программа у революціонеровъ остается прежняя, т.-е. народническая, и все новшество заключалось въ томъ, что часть силъ отряжалась спеціально на террористическія предпріятія“.

„Сдѣлана была печать овальной формы, наверху которой была вырѣзана полукруглая надпись: „Исполнительный Комитетъ“, а внизу „Русской Соціально-Революціонной Партіи“. Въ серединѣ были вырѣзаны револьверъ, кинжалъ и топоръ, скрещивающіеся между собою“.

„Но съ выпускомъ прокламаціи нѣсколько запоздали, такъ какъ не было гдѣ ее отпечатать. Только уже около середины марта, если не измѣняетъ мнѣ память, прокламація была отпечатана; въ ней говорилось объ убійствѣ шпіона Никонова, совершонномъ въ Ростовѣ на-Дону, и о по-

кушеніи на жизнь прокурора Котляревскаго. Подъ этой прокламаціей въ первый разъ была приложена печать „Исполнительнаго Комитета“ [1]).

Тутъ память, дѣйствительно, нѣсколько измѣнила Дебагорію-Мокріевичу.

Никоновъ былъ убитъ въ Ростовѣ на-Дону 1 февраля 1878 г. и по поводу этого убійства хотя и была выпущена прокламація [2]), но безъ упоминанія названія „Исполнительный Комитетъ“. По существу дѣло, конечно, отъ этого мало измѣняется, тѣмъ болѣе, что убійцами Никонова были тотъ же Ивичевичъ, тотъ же Осинскій [3]) и южный революціонеръ Сентянинъ [4]).

Покушеніе на убійство Котляревскаго имѣло мѣсто въ Кіевѣ уже 23 февраля и по поводу этого покушенія была издана особая прокламація [5]). Въ ней было помѣщено и предостереженіе жандармскому офицеру барону Гейкингу, убитому 25 мая того же года Григоріемъ Попко. Это и была первая прокламація „Исполнительнаго Комитета“.

Сдѣлавши эти поправки, возвратимся снова къ воспоминаніямъ Мокріевича.

Въ Кіевѣ шли приготовленія къ побѣгу изъ тюрьмы при помощи поступившаго туда надзирателемъ М. Ф. Фроленко содержавшихся тамъ Стефановича, Дейча и Бохановскаго. Предпріятіе это было доведено до конца съ полнымъ успѣхомъ. Освобожденные уплыли на заготовленной для нихъ

---

[1]) Ibid., стр. 260—262.

[2]) Прокламація эта перепечатана въ № 3 заграничнаго журнала Община за 1879 г. Біографъ Григорія Попко Стеблинъ-Каменскій разсказываетъ, что прокламація объ убійствѣ Никонова была напечатана въ Петербургѣ (Журналъ Съ родины и на родину. Женева, 1893 г., стр. 172).

[3]) См. біографію М. Р. Попова „Въ галереѣ шлиссельбургскихъ узниковъ“, стр. 157.

[4]) Сентянинъ умеръ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался по обвиненію въ принадлежности къ южному „Иполнительному Комитету“, 26 мая 1879 г. См. Листокъ Земли и Воли, № 5 (отъ 8 іюня 1879 г.).

[5]) Она также перепечатана въ № 3 Общины. О ней же упоминается, какъ имѣвшей на себѣ печать „Исполнительнаго Комитета“, въ процессѣ братьевъ Избицкихъ, осужденныхъ кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ 8 мая 1879 г.

лодкѣ въ Кременчугъ. Фроленко остался въ Кіевѣ[1]). Въ это же время былъ убитъ въ Кіевѣ жандармскій офицеръ Гейкингъ, и убійца его скрылся[2]).

„Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ событій, разсказываетъ Мокріевичъ,—была набрана коротенькая прокламація при помощи простой щетки (такъ какъ въ нашемъ распоряженіи не было станка). Прокламація, состоявшая всего изъ трехъ или четырехъ строкъ, гласила только, что какъ убійство Гейкинга, такъ и побѣгъ изъ кіевской тюрьмы были организованы по распоряженію „Исполнительнаго Комитета“; внизу подъ этими строками была приложена печать, и въ такомъ видѣ прокламація была расклеена въ нѣсколькихъ южныхъ городахъ“[3]).

По поводу южнаго „Исполнительнаго Комитета“ въ книгѣ Мокріевича находятся еще такія строки:

„Къ этому первому „Исполнительному Комитету“, о которомъ трудно было даже сказать, изъ кого въ точности онъ состоялъ, такъ какъ онъ совсѣмъ не представлялъ собою строго опредѣленной организаціи, всякій относился по-своему. Осинскій, Ивичевичъ Иванъ и нѣкоторые другіе, видимо, смотрѣли на дѣло очень серьезно. Что касается до моего отношенія къ этому нарождавшемуся „Исполнительному Комитету“, то оно было очень странное. Съ одной стороны, я не признавалъ пользы за террористическими дѣлами да и не чувствовалъ себя способнымъ къ нимъ, съ другой стороны, являлся пособникомъ террористовъ и съ какой-то дѣтской необдуманностью принималъ участіе

[1]) Объ этомъ побѣгѣ помѣщенъ въ книгѣ Степняка (С. М. Кравчинскаго „Подпольная Россія“ (Лондонъ, 1893 г.) разсказъ подъ заглавіемъ „Два побѣга“. Разсказъ этотъ далеко не вполнѣ отвѣчаетъ истинѣ. Дѣйствительныя подробности дѣла см. въ „Воспоминаніяхъ“ Дебагорія-Мокріевича и особенно въ разсказѣ самого М. Ф. Фроленко „Какъ я былъ тюремнымъ надзирателемъ“, напечатанномъ въ майской книжкѣ Русскаго Богатства за 1906 г., стр. 49—74.

[2]) Имъ былъ осужденный въ каторгу по другимъ дѣламъ Попко. Какъ объ убійцѣ Гейкинга, о Попко правительство узнало лишь послѣ его смерти на Карѣ изъ революціонныхъ изданій. Въ шебековской „Хроникѣ“ объ этомъ дѣлѣ говорится такъ: „виновникъ преступленія остался неизвѣстнымъ, несмотря на всѣ поиски“ (Русскій переводъ, стр. 17).

[3]) „Воспоминанія“, стр. 285—286.

въ такихъ дѣлахъ, какъ изобрѣтеніе печати „Исполнительнаго Комитета", расклейкѣ прокламацій и т. п. Мнѣ все еще казалось очень забавнымъ дразнить полицію, и я смотрѣлъ на расклейку прокламацій съ печатью „Исполнительнаго Комитета" чуть не такъ же, какъ на расклейку вымышленныхъ телеграммъ съ театра военныхъ дѣйствій [1]). „Вотъ,—думалъ я,—пойдетъ трескотня по городу! Начнутъ ловить „Исполнительный Комитетъ". Полиція совсѣмъ потеряетъ голову. Я радовался, рисуя въ своемъ воображеніи рожи нашихъ администраторовъ, толкующихъ между собою объ „Исполнительномъ Комитетѣ" и теряющихся въ догадкахъ, откуда „комитетъ" этотъ взялся? Однако, по мѣрѣ того, какъ происходили новыя событія террористическаго характера, и среди насъ стали возникать принципіальные споры, я сталъ задумываться надъ происходившими событіями, и мало-по-малу выработалось у меня прямо отрицательное отношеніе къ террору" [2]).

Кромѣ перечисленныхъ прокламацій, Мокріевичъ, вспоминаетъ еще о выпущенной прокламаціи,— дѣло было въ Одессѣ,— по поводу такого факта:

„Какіе-то жулики нашли выгоднымъ пустить въ ходъ подметныя письма отъ имени „Исполнительнаго Комитета" съ вымогательствомъ денегъ. Осинскій, узнавшій объ этомъ откуда-то, предложилъ издать протестъ противъ этихъ подметныхъ писемъ и, насколько помню, въ такомъ родѣ было напечатано заявленіе отъ „Исполнительнаго Комитета" и расклеено по улицамъ" [3]).

Такъ разсказываетъ о возникновеніи перваго „Испол-

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ своихъ „Воспоминаній" (стр. 226—227) Мокріевичъ разсказываетъ, какъ онъ и его пріятели, изъ простого озорства, во время русско-турецкой войны печатали и расклеивали по Кіеву подложныя телеграммы, якобы полученныя правительствомъ съ театра военныхъ дѣйствій.

[2]) „Воспоминанія", стр. 262—263.

[3]) Ibid., стр. 289. Хотя Мокріевичъ и говоритъ—„насколько помню", но его разсказъ совершенно точенъ. Фотографическій снимокъ именно этой прокламаціи "Исполнительнаго Комитета Русской Соціально-Революціонной Партіи" съ печатью комитета (скрещенные топоръ, кинжалъ и револьверъ) помѣщенъ въ іюньской книжкѣ Былого за 1906 годъ, стр. 295.

нительнаго Комитета“ Дебагорій-Мокріевичъ,— человѣкъ вполнѣ компетентный.

Въ литературѣ предмета существуютъ о томъ же и еще нѣкоторыя свѣдѣнія, правда, въ деталяхъ съ воспоминаніями Мокріевича нѣсколько расходящіяся, но въ существѣ дѣла совершенно съ ними совпадающія. Мы говоримъ о составленной Р. А. Стеблинымъ-Каменскимъ уже упомянутой нами біографіи Попко, въ которой находятся различныя указанія и по интересующему насъ въ данную минуту вопросу.

Стеблинъ-Каменскій разсказываетъ, что Попко былъ первымъ изъ южанъ, „поставившимъ передъ Д. А. Лизогубомъ и В. А. Осинскимъ вопросъ о террорѣ, какъ объ орудіи мести и политическаго переустройства. И Осинскій, и Лизогубъ были согласны съ Попко, что терроръ необходимъ. Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о террорѣ, и первымъ на очередь было поставлено убійство Трепова. Кромѣ Лизогуба и Осинскаго приверженцами террористическаго направленія явились Иванъ и Игнатъ Ивичевичи, Свириденко, Брандтнеръ, Сентянинъ и еще нѣсколько другихъ лицъ [1]). Съ такими-то незначительными силами рѣшились испробовать новое средство борьбы“.

Разсказавши затѣмъ о поѣздкѣ Попко въ числѣ другихъ въ Петербургъ съ цѣлью убійства Трепова, покушеніи на жизнь Котляревскаго, убійствѣ Гейкинга и другихъ событіяхъ, Стеблинъ-Каменскій говоритъ, что „мысль о печати „Исполнительнаго Комитета“ возникла совершенно случайно на одной вечеринкѣ въ Кіевѣ. Кто былъ на свободѣ въ 78 году, тотъ долженъ помнить, какую сенсацію произвела эта печать среди жандармеріи, и не только ея одной, а между тѣмъ, прикладывая эту печать въ первый разъ, никто не думалъ, что она способна надѣлать переполохъ“.

А „переполохъ“ произошелъ, дѣйствительно, большой, и даже не среди кіевской полиціи и жандармеріи, а среди тогдашнихъ руководителей „внутренней политики“ въ Петербургѣ.

---

[1]) Свириденко и Брандтнеръ были казнены въ Кіевѣ вмѣстѣ съ Осинскимъ.

Въ Землѣ и Волѣ былъ опубликованъ слѣдующій весьма интересный „совершенно секретный“ правительственный документъ:

20 іюля 1878 года шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Мезенцевъ писалъ министру внутреннихъ дѣлъ Макову (по III отдѣленію, № 2067):

„Милостивый государь, Левъ Савичъ! Въ силу доходящихъ до Высочайшаго свѣдѣнія извѣстій о распространеніи дѣятельности подпольнаго соціалистическаго кружка, избравшаго театромъ своихъ дѣйствій города Кіевъ, Харьковъ и Одессу, именующагося „исполнительнымъ комитетомъ русской соціально-революціонной партіи“, Государю Императору угодно было назначить подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, изъ гг. министровъ военнаго, юстиціи, вашего превосходительства и меня особое совѣщаніе для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя необходимо принять, дабы остановить развитіе зла, столь вреднаго для государственнаго порядка. Исполняя симъ Высочайшую волю, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что я бы полагалъ необходимымъ собраться для совѣщанія сего 27 іюля, на которомъ разсмотрѣть рѣшеніе одесскаго военно-окружнаго суда по дѣлу Ковальскаго. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. Николай Мезенцевъ“ [1]).

Sb555

Необходимо упомянуть, что 30 января 1878 г. въ Одессѣ произошло вооруженное сопротивленіе, оказанное Ковальскимъ и его товарищами при ихъ арестѣ [2]). Одесскій военно-окружной судъ разсматривалъ дѣло Ковальскаго съ 20 по 24 іюля 1878 г. и приговорилъ Ковальскаго къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Письмо Мезенцева къ Макову помѣчено 20 іюля 1878 г., т.-е. оно было написано тогда, когда приговора Ковальскому судъ еще не выносилъ. Засѣданіе „особаго совѣщанія“, на которомъ имѣлось въ виду „разсмотрѣть рѣшеніе одесскаго военно-окружнаго суда по дѣлу Ковальскаго“, было назначено Мезенцевымъ

---

[1]) Земля и Воля. 20 февраля 1879 г., № 4.

[2]) Объ этомъ дѣлѣ см. статью Н. А. Виташевскаго—„Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ“ (процессъ И. М. Ковальскаго). Былое. 1906 г. Февраль.

на 27 іюля. Очевидно, рѣшеніе суда и было на этомъ засѣданіи разсмотрѣно и одобрено. 2 августа Ковальскій былъ разстрѣлянъ. Это была первая послѣ Каракозова (въ 1866 году) политическая казнь въ Россіи. Она, конечно, страшно подлила масла въ огонь. 2 августа разстрѣляли Ковальскаго, а черезъ два дня (4 августа 1878 г.) Кравчинскій въ Петербургѣ на Большой Итальянской улицѣ убилъ кинжаломъ Мезенцева. Положимъ, это было совпаденіе, — замыселъ Кравчинскаго созрѣлъ еще до казни Ковальскаго, — но все-таки нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно разстрѣляніе Ковальскаго дало очень большой импульсъ терроризму. Въ типографіи землевольцевъ была издана написанная Кравчинскимъ же брошюра „Смерть за смерть“ съ посвященіемъ „святой памяти мученика Ивана Мартыновича Ковальскаго“; извѣстный А. А. Ольхинъ тогда же написалъ по поводу убійства Мезенцева, напечатанное въ Землѣ и Волѣ, стихотвореніе „У гроба“; въ самой Одессѣ, куда пріѣхалъ Дебагорій-Мокріевичъ послѣ казни Ковальскаго, происходило вотъ что: „Пріѣхалъ я въ Одессу—разсказываетъ Мокріевичъ—и засталъ тамъ необыкновенное возбужденіе умовъ; всѣ пылали мщеніемъ: одни находили нужнымъ отомстить прокурору, обвинявшему по дѣлу Ковальскаго, другіе — предсѣдателю суда. Осинскій высказывался за убійство генерала Семеки (градоначальника Одессы). И такъ какъ все это говорилось и проектировалось не болтунами, а людьми дѣла, то можно было ожидать, что борьба закипитъ на жизнь или смерть“ [1]).

Замѣтимъ также, что непосредственные помощники Кравчинскаго въ дѣлѣ съ Мезенцевымъ—Баранниковъ и Адріанъ Михайловъ были землевольцами, а въ этой средѣ народническое направленіе держалось еще очень упорно.

Мы, впрочемъ, еще будемъ говорить о настроеніяхъ петербургскихъ революціонеровъ въ 1878–79 годахъ, а теперь, чтобы обрисовать настроеніе въ это же время правительственныхъ сферъ, мы приведемъ здѣсь полностью то „правительственное сообщеніе“ по поводу убійства Мезенцева, которое не только чрезвычайно возбудило революціонеровъ, но и послужило точкою отправленія для на-

[1]) „Воспоминанія“, стр. 290.

чавшагося тогда же нѣкотораго движенія и въ земской средѣ. О послѣднемъ мы будемъ говорить въ особой главѣ этой книги, здѣсь же укажемъ лишь на бросающееся въ глаза противорѣчіе правительственнаго документа съ общеизвѣстными фактами. Вотъ что гласилъ этотъ документъ:

„Рядъ возмутительныхъ и преступныхъ дѣяній, предпринятыхъ горстью злонамѣренныхъ лицъ, съ цѣлью поколебать существующій въ Россіи строй государственнаго управленія, достигъ 4-го сего августа крайней степени злодѣянія совершеніемъ, въ здѣшней столицѣ, убійства шефа жандармовъ, генерала-адъютанта Мезенцова.

„Правительство, несмотря на обнаруживавшіяся по временамъ проявленія пропаганды преступнаго свойства, съ особеннымъ долготерпѣніемъ направляло всѣ, подлежащія судебному преслѣдованію, дѣла о пропагандистахъ, путемъ, указаннымъ закономъ, воздерживаясь отъ принятія какихъ-либо особыхъ, чрезвычайныхъ мѣръ.

„Нынѣ терпѣніе правительства исчерпано до конца; нынѣ оно считаетъ долгомъ и своею святою обязанностью, по отношенію къ каждому честному и доброму гражданину русскаго государства, оградить общественную, частную жизнь и права собственности отъ тѣхъ правонарушеній, которыя, по ихъ зловредному и преступному свойству, задерживаютъ спокойное и правомѣрное развитіе государственной жизни и правильное исполненіе разнородными органами управленія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей.

„Правительство не можетъ и не должно относиться къ людямъ, глумящимся надъ закономъ и попирающимъ все, что дорого и священно русскому народу, такъ, какъ оно относится къ остальнымъ вѣрноподданнымъ русскаго Государя. Еще менѣе можетъ оно оставаться равнодушнымъ къ тѣмъ кровавымъ преступленіямъ, которыми люди, выдѣлившіеся изъ среды добрыхъ гражданъ государства, ознаменовали свою возмутительную дѣятельность. Требуя правъ гражданства своимъ извращеннымъ, лишеннымъ здраваго смысла идеямъ, они попираютъ идею о законности и зако-

нахъ государственныхъ; проповѣдуя свободу, они угрозами и подметными письмами вознамѣрились угнетать свободу тѣхъ, которые исполняютъ свои обязанности по чувству долга и совѣсти; ратуя за принципъ своей личной неприкосновенности, они не гнушаются прибѣгать къ убійствамъ изъ-за угла!

„Въ виду сего, правительство отнынѣ съ неуклонною твердостью и строгостью будетъ преслѣдовать тѣхъ, которые окажутся виновными или прикосновенными къ злоумышленію противъ существующаго государственнаго устройства, противъ основныхъ началъ общественнаго и семейнаго быта и противъ освященныхъ закономъ правъ собственности.

„Русскій народъ во всеуслышаніе провозглашаетъ нарушителей государственнаго и общественнаго спокойствія и виновниковъ совершонныхъ преступленій—отверженниками и съ негодованіемъ отворачивается отъ ихъ кровавой дѣятельности. Онъ громко требуетъ и ожидаетъ защиты отъ законныхъ властей и проситъ правительство вырвать съ корнемъ позорящее русскую землю зло.

„Представители нашихъ сословныхъ и общественныхъ учрежденій высказались уже въ этомъ смыслѣ, а цѣлый рядъ полученныхъ разными правительственными учрежденіями частныхъ писемъ и заявленій отъ лицъ всѣхъ классовъ населенія, не исключая и крестьянскаго, свидѣтельствуютъ, что населеніе Имперіи возмущено до глубины души дѣятельностью преступниковъ и пропагандистовъ лжеученій, чуждыхъ русскому народу.

„Но какъ бы ни были тверды и стойки дѣйствія правительства, какъ бы строго и неуклонно ни слѣдовали исполнители правительственныхъ мѣропріятій велѣніямъ ихъ долга и совѣсти, съ какимъ бы презрѣніемъ и гражданскимъ мужествомъ ни относились правительственныя власти къ повторяемымъ угрозамъ шайки злодѣевъ—правительство должно найти себѣ опору въ самомъ обществѣ и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ

вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій.

„Русскій народъ и его лучшіе представители должны на дѣлѣ показать, что въ средѣ ихъ нѣтъ мѣста подобнымъ преступникамъ, что они дѣйствительно считаютъ ихъ отверженниками и что каждый вѣрноподданный русскаго Государя будетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами способствовать правительству къ искорененію нашего общаго внутренняго врага.

„Въ заключеніе правительство, считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ молодому, учащемуся поколѣнію, съ напоминаніемъ и просьбою—зрѣло обдумать и взвѣсить прискорбныя и тяжкія послѣдствія, которымъ оно себя подвергаетъ, увлекаясь распространяемыми въ его средѣ лжеученіями. Добросовѣстное и здравое отношеніе къ наукѣ, соединенное съ трудолюбіемъ, всегда было и будетъ лучшимъ надежнѣйшимъ охранителемъ отъ вступленія на ложный путь соблазна. Встрѣчавшіяся же, до сего времени, уклоненія отъ этой непреложной, освященной опытомъ истины, къ величайшему прискорбью, уже сгубили безвременно немало жертвъ изъ среды молодыхъ людей, по своимъ способностямъ подававшихъ надежды на болѣе свѣтлую и полезную для общаго блага будущность“ [1]).

По полному несоотвѣтствію дѣйствительности этотъ документъ можетъ быть уподобленъ развѣ только знаменитому „Донесенію слѣдственной комиссіи“ по дѣлу декабристовъ.

Казнь Ковальскаго и это „Правительственное сообщеніе“ явились показателями наступленія чрезвычайнаго обостренія отношеній между правительствомъ и революціонерами. Слова изъ „сообщенія“ объ „особенномъ долготерпѣніи“ правительства и о томъ, что оно „воздерживалось отъ принятіе какихъ-либо особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ“, (это говорило правительство уже послѣ военнаго суда надъ Ковальскимъ и его товарищами, состоявшагося до убійства Мезенцева, по поводу котораго и яви-

[1]) *Правительственный Вѣстникъ* 1878 г. № 186.

лось „сообщеніе“) революціонеры взяли эпиграфомъ къ изданной ими вслѣдъ затѣмъ въ Петербургѣ брошюрѣ „Заживо погребенные“, въ которой изображались ужасы положенія политическихъ каторжанъ въ такъ называемой харьковской „централкѣ“. Объ огромномъ возбужденіи послѣ казни Ковальскаго среди революціонеровъ южныхъ мы уже упоминали выше. Тамъ, на югѣ, родилась уже и мысль о цареубійствѣ. И не только мысль, но и сдѣланы были приготовленія къ ея осуществленію посредствомъ динамитнаго взрыва въ Николаевѣ подъ дорогой, по которой 18 августа 1878 г. долженъ былъ проѣзжать Александръ II. Во время ареста 16 августа, т.-е. за два дня до предполагавшагося покушенія, революціонера Виттенберга у него была найдена гальваническая батарея, предназначенная для покушенія. Заготовленный для этого взрыва динамитъ былъ увезенъ послѣ того изъ Николаева въ Одессу и помѣщенъ на квартирѣ революціонера Давиденко, а послѣ ареста его на улицѣ динамитъ успѣли вывезти и изъ его квартиры, отправить въ Кіевъ и помѣстить въ квартирѣ Ѳедорова-Гобста, гдѣ онъ и былъ захваченъ полиціей. Вмѣстѣ съ Виттенбергомъ серьезную роль въ предполагавшемся покушеніи игралъ матросъ Логовенко. Къ этому же дѣлу былъ прикосновененъ и одинъ изъ руководителей одесскихъ террористовъ Чубаровъ.

Въ вышеупомянутой брошюрѣ „Смерть за смерть“ авторъ ея С. М. Кравчинскій-Степнякъ, перечисливши всѣ жестокости убитаго Мезенцева и указавши на казнь Ковальскаго, писалъ: „вы перепугались отъ нашихъ первыхъ ударовъ и рѣшились прибѣгнуть къ военному суду, чтобы устрашить насъ перспективою кровавыхъ казней. Горе, горе вамъ, если вы рѣшитесь итти до конца по этому пути. Насъ вы не напугаете,—это знаете вы сами. Вы насъ сдѣлаете только еще безпощаднѣе къ вамъ. И знайте, что у насъ есть средства еще болѣе ужасныя, чѣмъ тѣ, которыхъ силу вы уже испытали; но мы не употребляли ихъ до сихъ поръ, потому что онѣ слишкомъ ужасны. Берегитесь же доводить насъ до крайности и помните, что мы никогда не грозимъ даромъ“ [1]).

[1]) „Смерть за смерть“ (убійство шефа жандармовъ генералъ-адъютанта Мезенцева) 1878 г., стр. 10.

Такимъ образомъ, послѣ казни Ковальскаго и въ Петербургѣ уже родилась мысль о динамитѣ.

Это обстоятельство отмѣчаетъ въ своей рѣчи на судѣ по дѣлу перваго марта со ссылкою именно на брошюру „Смерть за смерть“ и Желябовъ“ [1]).

Но въ Петербургѣ была въ то время только мысль о динамитѣ, на югѣ же уже и замыселъ въ этомъ направленіи и даже попытка приведенія этого замысла въ исполненіе.

Замыселъ былъ открытъ въ 1879 году и окончился висѣлицами въ Кіевѣ, Одессѣ и Николаевѣ. Кромѣ уже вышеупомянутыхъ лицъ по террористическимъ дѣламъ были тогда же казнены Чубаровъ, Давиденко, Виттенбергъ, Логовенко и Ѳедоровъ-Гобстъ [2]).

Такимъ образомъ южный Исполнительный Комитетъ былъ почти поголовно сметенъ съ лица земли. Кто не попалъ на эшафотъ, тотъ былъ или убитъ во время вооруженныхъ сопротивленій (какъ братья Ивичевичи), или умеръ въ тюрьмѣ (какъ Сентянинъ), или отправленъ въ безсрочную каторгу (какъ Попко и нѣкоторые другіе). По Россіи въ это время было воздвигнуто 16 висѣлицъ [3]). Изъ упоминаемыхъ Дебагоріемъ-Мокріевичемъ лицъ спаслись, кажется, только М. Ф. Фроленко и Н. Н. Колоткевичъ.

Оба они потомъ играли выдающіяся роли въ Исполнительномъ Комитетѣ „Народной Воли“.

Правительство думало, что этими жестокими мѣрами оно убьетъ сразу терроризмъ. Оно ошиблось. Изъ зародыша развился цѣлый организмъ.

---

[1]) „Судъ надъ цареубійцами“, стр. 226.

[2]) См. въ газетахъ 1879 г. обвинительный актъ по одесскому дѣлу 28 лицъ и кіевскому Ѳедорова, а также шебековскую „Хронику“ (стр. 81—83) и отчасти „Воспоминанія“ Мокріевича (стр. 288—289).

[3]) Въ Петербургѣ были повѣшены Дубровинъ и Соловьевъ. Въ Кіевѣ—Брандтнеръ, Антоновъ (Свириденко), Осинскій, Горскій, Бильчанскій и Ѳедоровъ (Гобстъ). Въ Одессѣ—Чубаровъ, Лизогубъ, Давиденко, Малинка, Дробязгинъ и Майданскій. Въ Николаевѣ—Виттенбергъ и Логовенко. (Кромѣ газетъ того времени см. статью В. Я. Богучарскаго „Кровавый синодикъ“, Современный Міръ, 1905 г., декабрь и въ отдѣльномъ изданіи).

Но что же дѣлалось въ это время на сѣверѣ?

Тамъ существовало общество „Земля и Воля“, начавшее издавать въ 1878 году въ самомъ Петербургѣ печатный органъ того же наименованія. Журналъ былъ направленія строго народническаго и рѣшительно былъ враждебенъ „политикѣ“. Когда рабочій Халтуринъ,—впослѣдствіи извѣстный террористъ,—создалъ въ Петербургѣ „Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ“, въ программѣ котораго отводилось нѣкоторое мѣсто и „политикѣ“,—не въ смыслѣ террора, а въ смыслѣ признанія значенія политической свободы и необходимости ея добиваться,—то „Земля и Воля“, привѣтствуя образованіе „Союза“, сочла нужнымъ сдѣлать ему, однако, выговоръ за „политику“ [1]). И, тѣмъ не менѣе, ересь начала проникать даже и въ среду землевольцевъ. И тамъ „политика“ стала пріобрѣтать себѣ адептовъ, но, къ сожалѣнію, въ силу тѣхъ же условій, какъ и на югѣ, подъ „политическою“ дѣятельностью подразумѣвалась и здѣсь почти исключительно дѣятельность террористическая. По разсказу пишущему эти строки Н. А. Морозова, въ нѣдрахъ самой „Земли и Воли“ былъ кружокъ, называвшій себя „Свобода или Смерть“ съ прямо террористическимъ направленіемъ. Былъ и „дезорганизаторскій отдѣлъ“, который состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ, также весьма склонныхъ къ политическому террору.

Съ 12 марта 1879 года, сверхъ Земли и Воли, въ Петербургѣ сталъ издаваться подъ редакціей землевольца Н. А. Морозова Листокъ Земли и Воли съ ярко выраженнымъ террористическимъ направленіемъ.

Въ вышедшихъ до появленія Листка четырехъ номерахъ Земли и Воли имя Исполнительнаго Комитета упоминается только въ напечатанномъ тамъ, выше цитированномъ нами, письмѣ Мезенцева къ Макову. Для Земли и Воли Комитета этого какъ будто и не существуетъ. Въ брошюрѣ „Смерть за Смерть“ (по поводу убійства Мезенцева) имя Исполнительнаго Комитета не произносится. Отпечатанная въ землевольческой типографіи по поводу убійства 9 марта 1879 г. въ Харьковѣ Гольденбергомъ харьковскаго губернатора князя Крапоткина прокламація носитъ

[1]) Объ этомъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже.

названіе „казнь Крапоткина“ и гласитъ, что „Русская Соціально-Революціонная Партія взяла на себя и эту казнь, какъ и всѣ прочія, происходившія въ 1878 году“. Въ ней объ Исполнительномъ Комитетѣ тоже ничего не говорится[1]). Не упоминается о немъ и въ напечатанномъ въ № 4 Земли и Воли „Письмѣ соціалиста-революціонера, взявшаго на себя казнь Крапоткина“[2]).

Но, вотъ, 12 марта появляется № 1 Листка Земли и Воли и въ немъ уже находится заявленіе „Исполнительнаго Комитета“ отъ 8 февраля 1879 г., съ опроверженіемъ распускавшихся III отдѣленіемъ слуховъ о томъ, будто революціонеры рѣшили убить дочь шефа жандармовъ Дрентельна. Незадолго до появленія этого Листка (25 февраля) въ Москвѣ былъ убитъ агентъ тайной полиціи Рейнштейнъ. По поводу этого убійства въ первый разъ на сѣверѣ появилась прокламація Исполнительнаго Комитета. („Казнь агента тайной полиціи Рейнштейна въ Москвѣ“)[3]). Листокъ Земли и Воли посвятилъ этому событію замѣтку („Убійство шпіона Н. В. Рейнштейна“), въ которой говорилось, что „Исполнительный Комитетъ, надѣлавшій властямъ столько безпокойства (слѣдуетъ ссылка на письмо Мезенцева къ Макову), вновь заявилъ публично свою дѣятельность убійствомъ московскаго шпіона Рейнштейна“, и горячо привѣтствовалось это дѣло.

Слѣдующіе Листки Земли и Воли (№ 2—3 и № 4) вышли 22 марта и 6 апрѣля 1879 г. За этотъ промежутокъ времени въ Петербургѣ произошло два крупныхъ террористическихъ акта: 13 марта было совершено покушеніе на жизнь Дрентельна (Мирскій) и 2 апрѣля на жизнь императора Александра II (Соловьевъ). По поводу перваго покушенія была выпущена прокламація „Покушеніе на жизнь

---

[1]) Прокламація эта воспроизведена въ вышедшемъ въ 1907 году въ Парижѣ историческомъ сборникѣ „Да здравствуетъ Народная Воля“ (стр. 12—14). Только издатели сборника почему-то помѣстили эту прокламацію въ серію тѣхъ, которыя вышли отъ имени Исполнительнаго Комитета. Это невѣрно.

[2]) Это „письмо“ было, въ формѣ прокламаціи „Къ обществу“, выпущено землевольцами и въ отдѣльномъ изданіи. Оно помѣчено „Петербургская Вольная Типографія“, 28 февраля 1879 года“.

[3]) Изданіе „Петербургской Вольной Типографіи“ 1 марта 1879 г.

Дрентельна“ уже прямо отъ имени Исполнительнаго Комитета[1]); по поводу покушенія Соловьева прокламаціи выпущено не было (Соловьевъ заявилъ, что онъ дѣйствовалъ единолично) [2]). Но въ названныхъ Листкахъ Земли и Воли Исполнительный Комитетъ фигурируетъ въ обоихъ. Въ первомъ изъ нихъ (№ 2—3) находятся два заявленія „Отъ Исполнительнаго Комитета“: 1) о томъ, что всѣ подлинныя заявленія Комитета будутъ печататься въ Землѣ и Волѣ или Листкѣ Земли и Воли,—всѣ остальныя должны считаться подложными и 2) что редакторъ Петербургской Газеты Баталинъ состоитъ на службѣ въ III отдѣленіи. Кромѣ того, въ сочувственной замѣткѣ о покушеніи на Дрентельна говорится: „да послужитъ этотъ случай первымъ предостереженіемъ г. Дрентельну. Исполнительный Комитетъ, какъ извѣстно, рѣдко даетъ промахи“.

---

[1]) „Покушеніе на жизнь Дрентельна“. Петербургская Вольная Типографія. 13 марта 1879 г.

[2]) Въ обвинительномъ актѣ по „процессу 20-ти“ (1882 г.) говорится: „до послѣдовавшаго лѣтомъ 1879 г. выдѣленія террористической фракціи изъ прежней организаціи революціонеровъ и „народниковъ“, органомъ тайной печати у этихъ послѣднихъ была газета Земля и Воля и дополнявшій или замѣнявшій ее Листокъ Земли и Воли. Кромѣ этихъ изданій, послѣ каждаго совершеннаго революціонерами преступнаго дѣянія террористическаго характера, появлялись печатныя прокламаціи, въ которыхъ говорилось о совершеніи означенныхъ дѣяній отъ имени и въ интересахъ „соціально-революціонной партіи“. Такія прокламаціи появились между прочимъ и послѣ убійства генералъ-адъютанта Мезенцева и покушенія на цареубійство 2 апрѣля 1879 г. Упомянутыя періодическія изданія и прокламаціи издавались за подписью „исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи“. („Процессъ 20 народовольцевъ въ 1882 г.“. Былое. 1906 г. январь, стр. 275). Удивительное невѣжество обнаруживали наши прокуроры даже въ дѣлѣ составленія обвинительныхъ актовъ. Ни Земля и Воля, ни Листокъ Земли и Воли „за подписью“ Исполнительнаго Комитета никогда не выходили. Первая и имя то Комитета произнесла всего одинъ разъ (при воспроизведеніи офиціальнаго документа),—объ отношеніи къ „Комитету“ Листка читатели увидятъ изъ дальнѣйшаго текста настоящей статьи. Онъ тоже вовсе не былъ еще органомъ Комитета. Но для прокуроровъ все это были, очевидно, такія „тонкости“, надъ которыми не стоило „дворянскія головы ломать“. Всѣ, молъ, „крамольники“, и этого совершенно достаточно.

Выходило, что, хотя Исполнительный Комитетъ дѣлаетъ свои заявленія въ землевольческомъ Листкѣ со стороны, но самъ то Комитетъ какъ будто уже находится въ Петербургѣ.

Появляется Листокъ № 4—и никакихъ сомнѣній больше не остается: да, онъ въ Петербургѣ.

Что покушеніе 2 апрѣля—дѣло Исполнительнаго Комитета, объ этомъ прямо не говорится, но дѣлается такое заявленіе:

„Исполнительный Комитетъ, имѣя причины предполагать, что арестованнаго за покушеніе на жизнь Александра II Соловьева, по примѣру его предшественника Каракозова, могутъ подвергнуть при дознаніи пыткѣ, считаетъ необходимымъ заявить, что всякаго, кто осмѣлится прибѣгнуть къ такого рода выпытыванію показаній, Исполнительный Комитетъ будетъ казнить смертью. Такъ какъ профессоръ фармаціи Трапъ въ Каракозовскомъ дѣлѣ уже заявилъ себя приверженцемъ подобныхъ пріемовъ, то Исполнительный Комитетъ предлагаетъ въ особенности ему обратить вниманіе на настоящее заявленіе“.

Въ выноскѣ сказано: „Настоящее заявленіе послано по почтѣ на бланкахъ и за печатью исполнительнаго комитета гг. Трапу, Дрентельну, Кошлакову[1]) и Зурову“[2]). Подъ строкою: „Примѣчаніе Исполнительнаго Комитета“.

Въ томъ же Листкѣ отъ имени „Исполнительнаго Комитета“ извѣщается, что помощникъ присяжнаго повѣреннаго Агатоновъ состоитъ на жалованьи въ III отдѣленіи.

Передовая статья — апологія покушенія 2 апрѣля.

16 апрѣля вышелъ № 5 (и послѣдній) основного органа землевольцевъ Земля и Воля. Объ „Исполнительномъ Комитетѣ“ попрежнему ни звука. Событію 2 апрѣля въ обширномъ номерѣ посвящена всего одна небольшая замѣтка фактическаго содержанія („Отголоски 2 апрѣля“). Видимо, что въ обществѣ „Земля и Воля“ назрѣвалъ какой-то кризисъ.

Пятый номеръ Земли и Воли былъ, какъ сказано, и послѣднимъ. О прекращеніи журнала рѣчи, однако, не

---

[1]) Профессоръ медико-хирургической академіи.

[2]) Петербургскій градоначальникъ.

только не было, но въ концѣ № 5 „отъ издателей“ было помѣщено такое объявленіе: „слѣдующій № Земли и Воли будетъ выпущенъ въ концѣ лѣта“. Этому не суждено было осуществиться не по причинамъ полицейскаго характера, а въ силу происшедшаго въ нѣдрахъ общества окончательнаго раскола.

Но Листка было выпущено еще два номера (5-й и 6-й). Они имѣли ту же физіономію, какъ и предыдущіе: въ № 5 (отъ 8 іюня) опять помѣщено заявленіе „Исполнительнаго Комитета“ о томъ, что чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ Гильхенъ состоитъ на жалованьи въ III отдѣленіи и повторное предупрежденіе комитета о томъ, „что всѣ его предостереженія и заявленія будутъ посылаться на печатныхъ бланкахъ „Исполнительнаго Комитета съ приложеніемъ его печати“.

„Во избѣжаніе недоразумѣній,—говорится далѣе,—здѣсь прилагается печать Исполнительнаго Комитета“.

И къ Листку была приложена печать точно такая же, какая прилагалась къ прокламаціямъ южнаго „Исполнительнаго Комитета“: въ серединѣ овала скрещенные топоръ, кинжалъ и револьверъ, а вокругъ надпись: на верху—„Исполнительный Комитетъ“, внизу—„Русской Соціально-Революціонной Партіи“.

Это было какъ разъ въ то время, когда одни изъ членовъ южнаго „Исполнительнаго Комитета“ и лицъ ему близкихъ, уже были казнены (въ томъ же Листкѣ помѣщено описаніе первыхъ кіевскихъ процессовъ и казни 14-го мая Брандтнера, Свириденко и Осинскаго), другіе доживали свои послѣдніе дни (Лизогубъ, Чубаровъ и др.).

14 іюня вышелъ № 6-й и тоже послѣдній Листка. Въ немъ помѣщено заявленіе „Исполнительнаго Комитета“ о томъ, что гофмаршалъ Черкасскій состоитъ въ сношеніяхъ съ III отдѣленіемъ и предсмертное письмо казненнаго Валеріана Осинскаго, въ которомъ онъ пишетъ о необходимости террора и о томъ, что „ни за что болѣе, по-нашему, партія физически не можетъ взяться“ [1]).

---

[1]) Всѣ приведенныя цитаты нами взяты изъ подлинниковъ, но желающіе ознакомиться съ цитированными изданіями найдутъ всѣ ихъ (кромѣ прокламацій) въ сборникѣ Базилевскаго „Революціонная жур-

Но кто же составлялъ въ это время въ Петербургѣ Исполнительный Комитетъ и когда это учрежденіе организовалось? Никто не составлялъ и никогда оно не организовывалось. Составъ его былъ такъ же неопредѣленъ, какъ и на югѣ. Входили въ него и члены „дезорганизаторскаго отдѣла Земли и Воли", и члены кружка „Свобода или Смерть" (въ сущности, одни и тѣ же), и просто „политики". Момента, когда бы эти лица условились составить „Исполнительный Комитетъ", не было. Считалось нужнымъ поддержать уже традиціонную фикцію и ее поддерживали. Говоря конкретнѣе, въ Петербургѣ дѣйствовали въ это время въ качествѣ „политиковъ" Александръ Михайловъ, Зунделевичъ, Баранниковъ, М. Н. Оловенникова, Морозовъ, Квятковскій, Ольга Любатовичъ, Тихомировъ и не задолго передъ тѣмъ пріѣхавшій изъ-за границы Степанъ Ширяевъ. Редакторомъ Листка Земли и Воли былъ, какъ сказано, Н. А. Морозовъ. Онъ же былъ и хранителемъ печати „Исполнительнаго Комитета".

Покушеніе на Дрентельна было организовано Михайловымъ. Покушенію Соловьева, какъ это подробно раскрыто разоблаченіями Гольденберга, предшествовалъ рядъ собраній изъ 6 лицъ: 3-хъ землевольцевъ-„политиковъ"—Михайлова, Зунделевича и Квятковскаго, и 3-хъ пріѣзжихъ: Кобылянскаго, Гольденберга и Соловьева [1]). Отъ организаціи „Земля и Воля" эти совѣщанія происходили въ полномъ секретѣ, и лишь тогда, когда покушеніе было окончательно рѣшено, Михайловъ задумалъ получить санкцію на это дѣло и отъ землевольцевъ. Созвавши общее собраніе, онъ сказалъ ему и тутъ только то, что „нѣкто" совершитъ покушеніе непремѣнно и независимо отъ того, будетъ ли ему землевольцами дана на это санкція, или нѣтъ. Желательно было бы, по мнѣнію Михайлова, такую санкцію этому „нѣкто"

налистика 70-хъ годовъ". Парижъ, 1905 г. Туда вошли всѣ 4 номера первой, издававшейся въ Россіи, революціонной газеты Начало, составленный Н. К. Михайловскимъ Летучій Листокъ, всѣ 5 №№ Земли и Воли и всѣ 6 Листковъ Земли и Воли. Книга эта была въ 1907 году переиздана подъ тѣмъ же названіемъ въ серіи изданій „Русской Исторической Библіотеки" (№ 8) въ Россіи.

[1]) См. „Процессъ 16 террористовъ", стр. 20 — 26 и „Процессъ 20 народовольцевъ", стр. 13—14.

дать. Произошли бурныя сцены, и большинствомъ голосовъ рѣшено не только въ санкціи отказать, но и выразить предположенному покушенію несочувствіе общества [1]).

Надломъ въ организаціи землевольцевъ, чувствовавшійся уже и раньше, теперь сдѣлался еще осязательнѣе, хотя о формальномъ расхожденіи еще никто не думалъ. М. Р. Поповъ, впослѣдствіи къ „Народной Волѣ“ не примкнувшій, разсказываетъ, что вечеромъ того же самаго дня, когда произошло это бурное засѣданіе — „въ театрѣ я, Квятковскій, Михайловъ, Зунделевичъ (другихъ не помню) вновь обсуждали этотъ вопросъ. Здѣсь я узналъ, что этотъ нѣкто, рѣшившійся на столь важный фактъ, не еврей и что такъ или иначе „Земля и Воля“ не должна оставаться въ сторонѣ въ этомъ дѣлѣ“ [2]).

Послѣ покушенія Соловьева послѣдовали усиленныя репрессіи: въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ были учреждены генералъ-губернаторства. Генералъ-губернаторами были назначены: петербургскимъ — Гурко, харьковскимъ — Лорисъ-Меликовъ и одесскимъ — Тотлебенъ. Власть генералъ-губернаторовъ, существовавшихъ и до того,—московскаго (князь Долгорукій), кіевскаго (Чертковъ) и варшавскаго (Альбединскій) была значительно усилена. Начались казни, открывшіяся уже 20 апрѣля повѣшеніемъ подпоручика Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка Дубровина. Потребность среди землевольцевъ, благодаря всему этому, столковаться и выработать единый образъ дѣйствій по отношенію къ происходившимъ событіямъ достигла крайняго напряженія. Къ тому же подходило время, когда, согласно уставу общества, программа должна быть пересматриваема на съѣздѣ.

Заручившись согласіемъ землевольческаго центра, М. Р. Поповъ объѣхалъ разные города и землевольческія „колоніи“ въ народѣ съ предложеніемъ собраться на съѣздъ. Мѣстомъ съѣзда былъ избранъ Тамбовъ, но по случайнымъ

---

[1]) См. О. В. Аптекманъ: „Земля и Воля 70-хъ годовъ“ (по личнымъ воспоминаніямъ), Русская Историческая Библіотека, № 19, стр. 183—184.

[2]) М. Р. Поповъ: „Земля и Воля наканунѣ воронежскаго съѣзда“, Былое, 1906 г., августъ, стр. 22.

обстоятельствамъ съѣздъ былъ затѣмъ перенесенъ въ Воронежъ.

Но и сторонники „политики“ энергично повели „свою линію“. Потребность сплотиться и выйти изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ они въ послѣднее время находились, дѣйствуя отъ имени несуществовавшаго „Исполнительнаго Комитета“, ощущалась въ ихъ средѣ быть можетъ еще сильнѣе, чѣмъ среди остальныхъ землевольцевъ. Они рѣшили поэтому созвать еще до общаго съѣзда частный съѣздъ своихъ сторонниковъ въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи. Оба эти съѣзда—Липецкій и Воронежскій,—имѣли важное значеніе въ послѣдующей исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, и потому на нихъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Надо замѣтить, что идея частнаго съѣзда „политиковъ“ не была уже тогда совсѣмъ новою.

Р. А. Стеблинъ-Каменскій говоритъ въ біографіи Попко, что „мысль о съѣздѣ сторонниковъ новаго направленія высказывалась на югѣ еще до ареста членовъ южнаго „Исполнительнаго Комитета“, но мысль эту осуществить не успѣли. Настало время и для ея осуществленія. Въ Петербургъ пріѣхалъ Гольденбергъ. Ему Михайловъ, Квятковскій и Тихомировъ поручили повидаться съ участникомъ убійства харьковскаго губернатора кн. Кропоткина Зубковскимъ (другой участникъ—Кобылянскій—былъ уже арестованъ) и находившимся на югѣ Зунделевичемъ и пригласить ихъ на совѣщаніе въ г. Липецкъ, куда прибыть и самому. (Зунделевичъ прибыть не могъ, Зубковскій былъ арестованъ, а Гольденбергъ прибылъ). Кого же еще пригласить? Изъ петербуржцевъ, конечно, Баранникова, М. Н. Оловенникову, Морозова. А изъ южанъ? Въ Петербургъ прибылъ въ это время М. Ф. Фроленко. Пригласили его и дали ему вмѣстѣ съ тѣмъ порученіе поѣхать въ Орловскую губернію и пригласить на совѣщаніе проживавшихъ тамъ А. И. Баранникова и М. Н. Оловенникову, а изъ южанъ—Н. Н. Колоткевича. Фроленко рекомендовалъ пригласить съ юга новое для землевольцевъ лицо—судившагося по процессу 193-хъ и съ тѣхъ поръ жившаго на югѣ А. И. Желябова.

Фроленко разсказываетъ про чрезвычайно характерный

разговоръ, который по этому случаю произошелъ между нимъ и его собесѣдниками.

Какъ сказано, Фроленко предложилъ пригласить въ Липецкъ Желябова.

„— Да вѣдь онъ же завзятый народникъ!—возразилъ кто-то.—Ихъ цѣлая компанія послѣ Большого процесса (193-хъ) рѣшила поселиться въ деревняхъ, и онъ первый отправился къ себѣ на родину въ деревню!—продолжалъ тотъ же.

„— Все это такъ, — Желябовъ, дѣйствительно, жилъ прошлое лѣто въ деревнѣ, но зиму онъ провелъ въ Одессѣ, и сейчасъ не слышно, чтобы онъ собирался снова туда,—отвѣтилъ я, и при этомъ разсказалъ, что̀ заставляетъ меня предлагать Желябова, и почему въ немъ и его согласіи нельзя и сомнѣваться.

„Когда существовала группа кіевскихъ бунтарей или „вспышкопускателей“, какъ ихъ иронически называли на югѣ, я принадлежалъ къ ея членамъ. Желябовъ и его компанія относились весьма отрицательно ко многимъ членамъ этой группы, перенося такое отношеніе и на ея программу. Однако, это не мѣшало его личному знакомству съ нѣкоторыми членами нашего кружка. Мнѣ съ нѣкоторыми другими бунтарями приходилось не разъ бывать у него на квартирѣ, когда онъ жилъ въ Одессѣ, и вести съ нимъ мирныя бесѣды. Програмныхъ споровъ мы избѣгали, и разговоръ велся на обычныя темы. Желябовъ, какъ человѣкъ живой, разговорчивый, любилъ попѣть, особенно въ хорошей компаніи, любилъ и поразсказать. Мнѣ въ особенности хорошо запомнились его разсказы про его студенческія похожденія, гдѣ онъ велъ постоянную войну и вступалъ въ схватки то съ полиціей, то съ уличными забіяками, то, наконецъ, въ бытность уже въ деревнѣ, съ быкомъ, котораго всѣ боялись и который никому не давалъ спуску. Желябовъ съ вилами въ рукахъ пошелъ одинъ на этого быка и обратилъ его въ бѣгство къ удивленію всей деревни.

„Да онъ больше бунтарь, чѣмъ мы!“,—невольно навертывалось на мысль, слушая его повѣствованія, и я не разъ высказывалъ это вслухъ, когда мы уходили отъ него. Но

приглашать его къ намъ въ то время было уже поздно. Наша компанія рушилась, и Желябовъ такимъ образомъ остался неиспользованнымъ.

„А между тѣмъ нужно было только разъ увидѣть и услыхать, съ какимъ жаромъ и увлеченіемъ онъ разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ, сопровождая слова жестами, чтобы сразу признать въ немъ чисто бунтарскую натуру.

„Когда я разсказалъ все это петербургскимъ товарищамъ, то мнѣ поручено было переговорить съ нимъ, и если онъ изъявитъ согласіе на принятіе участія въ покушеніяхъ противъ Александра II, то пригласить его въ Липецкъ“ [1]).

Вотъ какимъ тореадоромъ изобразилъ Фроленко Желябова, послѣ чего онъ и былъ приглашенъ на липецкое совѣщаніе.....

Александръ Михайловъ поѣхалъ самъ въ это же время въ Одессу, вошелъ тамъ въ сношенія съ сидѣвшимъ въ ожиданіи суда и желавшимъ передать партіи все свое имущество Лизогубомъ, отправился затѣмъ съ этою цѣлью въ Черниговскую губернію, но тамъ потерпѣлъ неудачу. Фроленко разсказываетъ, что въ этотъ пріѣздъ Михайлова въ Одессу онъ познакомилъ его и съ Желябовымъ. Они быстро сошлись.

При первомъ свиданіи съ Фроленко (еще до пріѣзда въ Одессу Михайлова) Желябовъ „выразилъ полную готовность принять участіе въ предпріятіяхъ противъ Александра II“, но любопытно, что „онъ далъ согласіе на единичный лишь фактъ и сказалъ, что останется, пока этотъ фактъ не будетъ выполненъ. По совершеніи же его онъ будетъ считать себя свободнымъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ обязательствъ; онъ потребовалъ даже, чтобы ему было дано слово, что онъ тогда воленъ будетъ выйти изъ организаціи или остаться въ ней, обязуясь, конечно, сохранять тайны. Слово ему, разумѣется, было дано“ [2]).

Согласился и Колоткевичъ [3]).

---

[1]) М. Ф. Фроленко: „Липецкій и Воронежскій съѣзды“. Былое 1907 г., январь, стр. 69.

[2]) Ibid., стр. 71—72.

[3]) Перечисляя участниковъ липецкаго съѣзда, Фроленко называетъ Колоткевича представителемъ „кіевскаго конституціонализма“. Ibid., стр. 80.

Такимъ-то образомъ съѣхались въ Липецкъ и пробыли тамъ съ 17 по 21 іюня 1879 года Михайловъ, Фроленко [1]), Желябовъ, Колоткевичъ, Квятковскій, Ширяевъ, Морозовъ, Баранниковъ, Тихомировъ, Гольденбергъ и Оловенникова. Всего 11 человѣкъ. Всѣ безъ исключенія нелегальные.

На съѣздѣ этомъ былъ поставленъ вопросъ о политическомъ переворотѣ путемъ заговора и въ общей формѣ,—не входя въ детали,—о покушеніи на жизнь Александра II не единоличнымъ образомъ, какъ это было въ дѣлѣ съ Соловьевымъ, а дѣйствіемъ, исходящимъ изъ опредѣленной организаціи.

То и другое было рѣшено въ утвердительномъ смыслѣ.

Заложены были и основы новой организаціи.

Несмотря на то, что,— какъ это и обнаружилось на съѣздѣ землевольцевъ въ Воронежѣ,—раздѣленіе общества „Земля и Воля“ на двѣ части —„политиковъ“ и „деревенщиковъ“,—вовсе не было предрѣшено, и даже, напротивъ, на Воронежскомъ съѣздѣ постановлено было общество сохранить, произведены были въ него выборы должностныхъ лицъ и т. д.,—члены липецкаго совѣщанія повели дѣло такъ, какъ будто расколъ общества „Земля и Воля“ былъ уже совершившимся фактомъ. Они произвели выборы изъ своей среды, избравши въ „Распорядительную Комиссію“,—учрежденіе, какъ оказалось на практикѣ, почти мертворожденное,—Тихомирова, Михайлова и Фроленко и редакторами новаго органа печати того же Тихомирова и Морозова. Остальные члены совѣщанія должны были войти въ составъ организаціи, которой было дано прежнее названіе Исполнительный Комитетъ. Эта-то организація фактически и стала руководить всѣмъ послѣдовавшимъ движеніемъ [2]).

Михайловъ, Фроленко, Квятковскій, Морозовъ, Тихомировъ, Баранниковъ и Оловенникова были землевольцами и

---

[1]) Въ разоблаченіяхъ Гольденберга онъ вездѣ ошибочно называется Ѳоменко.

[2]) О липецкомъ съѣздѣ см. „процессъ 16-ти террористовъ“. „Дѣло 1 марта 1881 г.“ „Процессъ 20-ти народовольцевъ“, статью Н. А. Морозова „Возникновеніе Народной Воли“. Былое, 1906 г. декабрь, комментарій къ этой статьѣ М. Ф. Фроленка въ той же книжкѣ Былого и ст. М. Ф. Фроленка „Липецкій и воронежскій съѣзды“. Былое 1907 г., январь. См. также шебековскую „Хронику“, стр. 57—61.

имѣли формальное право участвовать въ назначенномъ въ это же время съѣздѣ членовъ прежней организаціи. Они туда по окончаніи липецкаго совѣщанія и уѣхали, рѣшивши провести въ члены съѣзда также Желябова, Колоткевича и Ширяева. Это и было ими исполнено. Не попалъ туда одинъ лишь Гольденбергъ.

Первоначальнымъ мѣстомъ съѣзда землевольцевъ былъ, какъ сказано, избранъ Тамбовъ. Туда и съѣхались было уже нѣкоторые изъ членовъ старой народнической организаціи: „Титычъ“ (Тищенко), Аптекманъ, Хотинскій, Девель, Вѣра и Евгенія Фигнеръ, Поповъ [1]). Неосторожность одного изъ членовъ съѣзда навлекла на собравшихся вниманіе полиціи, и съѣздъ пришлось быстро перенести въ другой городъ, которымъ былъ избранъ сосѣдній съ Тамбовомъ Воронежъ. Кромѣ перечисленныхъ лицъ прямо въ Воронежъ прибыли Плехановъ, Исаевъ, Перовская, Сергѣева-Тихомирова. Затѣмъ прибыли 10 человѣкъ изъ Липецка, составившихъ уже тѣсно сплоченную группу. Изъ „деревенщиковъ“ былъ на съѣздѣ, еще, кажется, „Юристъ“ (Преображенскій), и этимъ, повидимому, исчерпывается весь составъ воронежскаго съѣзда [2]).

Засѣданія съѣзда открылись подъ тяжелыми впечатлѣніями: только что былъ казненъ Осинскій, и его письмозавѣщаніе Морозовъ прочелъ на съѣздѣ. Было получено извѣстіе, что смерть виситъ и надъ головой Лизогуба. Тѣмъ не менѣе, „деревенщики“ крѣпко стояли на томъ, чтобы остаться на старыхъ позиціяхъ. Въ особенности на этомъ настаивалъ Г. В. Плехановъ, и когда, по его мнѣнію, съѣздъ

---

[1]) М. Р. Поповъ: „Земля и Воля наканунѣ воронеженнаго съѣзда“. Былое, 1906 г., августъ, стр. 31.

[2]) О. В. Аптекманъ называетъ еще Юрія Богдановича, впослѣдствіи извѣстнаго „Кобозева“. Онъ же прибавляетъ, что „нѣкоторые изъ товарищей, не дождавшись съѣзда, разъѣхались въ свои деревни (Мощенко и Хотинскій), другіе, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не могли прибыть (Преображенскій и Прѣсняковъ)“. См. „Общество Земля и Воля 70-хъ годовъ“, стр. 189. М. Р. Поповъ, напротивъ, не только называетъ Преображенскаго въ числѣ участниковъ съѣзда, но и приводитъ діалогъ между Михайловымъ и Оловенниковой по поводу выборовъ Преображенскаго, имѣвшій мѣсто въ присутствіи Преображенскаго. См. „Земля и Воля наканунѣ воронежскаго съѣзда“. стр. 34.

началъ дѣлать слишкомъ много уступокъ „политикамъ“, уѣхалъ совсѣмъ изъ Воронежа, заявивъ, что онъ выходитъ и изъ организаціи.

Дѣло закончилось всетаки компромиссомъ: террористическія статьи въ Листкѣ Земли и Воли признаны народнической программѣ не противорѣчащими, и потому землевольческое общество постановлено сохранить и изданіе журнала Земля и Воля продолжать; на террористическую дѣятельность рѣшено тратить не болѣе $^1/_3$ имѣющихся въ обществѣ денежныхъ средствъ, а остальныя $^2/_3$ предназначались для работы въ деревнѣ. Редакторами Земли и Воли были избраны Тихомировъ и Морозовъ, въ „администрацію“—Михайловъ, Фроленко и Тищенко.

Что же вышло въ результатѣ? Въ результатѣ вышло, что лица, избранныя на липецкомъ съѣздѣ редакторами новаго органа (Тихомировъ и Морозовъ), оказались избранными на воронежскомъ и редакторами органа стараго (Земля и Воля).

Избранные въ Липецкѣ въ „Распорядительную Комиссію“ Михайловъ и Фроленко оказались избранными въ Воронежѣ и въ „администрацію“ землевольческую. Правда, туда же былъ избранъ и „деревенщикъ“ Тищенко, но вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ, и съ такимъ фактическимъ положеніемъ дѣлъ „деревенщики“, конечно, помириться не могли.

Это сказалось тотчасъ же, какъ только члены съѣздовъ липецкаго и воронежскаго возвратились въ Петербургъ.

Моментъ, когда окончательно произошло среди землевольцевъ раздѣленіе на двѣ части, относится именно къ этому времени.

Біографъ Желябова говоритъ о съѣздѣ или даже съѣздахъ землевольцевъ, происходившихъ въ Петербургѣ въ концѣ лѣта 1879 года, но это, конечно, были уже не съѣзды въ томъ смыслѣ, въ какомъ это имѣло мѣсто въ Липецкѣ и Воронежѣ, а постоянныя собранія петербургскихъ и пріѣзжихъ землевольцевъ для обсужденія создавшагося положенія. На этихъ-то собраніяхъ, то отдѣльно — „деревенщиковъ“, то отдѣльно — „политиковъ“, то тѣхъ и другихъ

вмѣстѣ и выяснилась окончательная невозможность совмѣстной работы. На собраніяхъ принимали постоянное участіе такіе упорные „деревенщики“, какъ Плехановъ (онъ хотя и вышелъ изъ организаціи, но, конечно, находился съ бывшими товарищами въ самомъ тѣсномъ общеніи) и пріѣхавшіе изъ-за границы Стефановичъ и Дейчъ.

Говоря объ этомъ времени, М. Р. Поповъ, все еще надѣявшійся на единеніе, пишетъ: „Неожиданно являются изъ-за границы Стефановичъ и Дейчъ, которые говорили, что у нихъ есть основательныя надежды на то, что въ Чигиринѣ возникаетъ вновь организація крестьянства [1]) и что крестьяне настроены революціонно. Народники, ясно сознававшіе, въ томъ числѣ и я, вашъ покорный слуга, что, чтобы остановить революціонные элементы на пути къ чисто политической дѣятельности, нужно создать какое-нибудь громкое дѣло въ крестьянствѣ, ухватились за эти надежды. Это и было поводомъ къ конфликту между народниками и террористами, который и привелъ къ расколу „Земли и Воли“ на двѣ партіи. Такимъ образомъ, общество „Земля и Воля“ и печатный его органъ перестали существовать: ни одна изъ двухъ образовавшихся партій не имѣетъ права присваивать себѣ названія „Земли и Воли“; матеріальныя средства дѣлятся пополамъ. Обѣ партіи обязуются оказывать одна другой всевозможную поддержку, и

---

[1]) За два года передъ тѣмъ, главнымъ образомъ Стефановичъ и Дейчъ устроили организацію среди чигиринскихъ крестьянъ при помощи подложныхъ царскихъ грамотъ. (Образцы такихъ грамотъ см. въ замѣткѣ „Документы къ чигиринскому дѣлу“. Былое, 1906 г., декабрь, стр. 257—261). Многіе и многіе революціонеры отнеслись тогда же къ методамъ Стефановича и Дейча безусловно отрицательно, да и вообще во всей многолѣтней исторіи русскаго революціоннаго движенія случаевъ употребленія подобныхъ пріемовъ было, къ счастью, всего четыре; (Другой случай—распространеніе подложнаго манифеста въ поволожскихъ губерніяхъ въ 1863 г. Текстъ этого манифеста см. въ № 6 Былого (заграничнаго) Этотъ способъ тогда же безусловно осудилъ Герценъ, выразившій увѣренность, что „Общество Земля и Воля“ (60-хъ годовъ) не имѣетъ никакого участія въ составленіи этого манифеста“. См. Колоколъ. 1863 года № 166. Третій случай—нѣкоторыя прокламаціи Нечаева и четвертый—уже отмѣченный выше въ разсказѣ Мокріевича—озорство кіевлянъ съ подложными телеграммами съ театра военныхъ дѣйствій въ 1877 году).

такимъ образомъ являются въ Россіи двѣ партіи: „Народная Воля“ и „Черный Передѣлъ“ [1]).

Это было для общества „Земля и Воля“ крайне тяжелое время.

„Цѣлыхъ два мѣсяца, послѣ воронежскаго съѣзда,—разсказываетъ Н. А. Морозовъ,—вся дѣятельность общества уходила на улаживаніе ежедневно возникавшихъ внутри его недоразумѣній между двумя фракціями, собиравшимися отдѣльно въ окрестностяхъ Петербурга. Всякая идейная и практическая революціонная дѣятельность совершенно прекратилась. Несмотря на всѣ усилія соединить несоединимое, у насъ ничего не выходило. Всѣ связующія нити между двумя группами рвались, какъ паутина, при первой попыткѣ начать какое-либо серьезное дѣло. У большинства товарищей все болѣе и болѣе терялась ровность характера. Стали возникать несправедливыя нареканія однихъ лицъ на другихъ, и интриги одной фракціи противъ другой“ [2]).

„Послѣ воронежскаго и липецкаго съѣздовъ,—разсказываетъ М. Ф. Фроленко,—мнѣ все время до осени пришлось быть на югѣ. О томъ несогласіи, которое началось въ Питерѣ вскорѣ же послѣ съѣзда, доходили на югъ лишь темные слухи. Большого значенія сначала этому не придавалось, но, вотъ, въ концѣ осени попадаю я въ Петербургъ и сей же часъ со всѣхъ сторонъ слышу взаимныя жалобы, а на вопросъ, почему же не постарались какъ-нибудь уладить недоразумѣнія, Александръ Михайловъ чуть не со слезами на глазахъ мнѣ замѣтилъ: „старались, дѣлали все, но ей-же Богу подъ конецъ стало не въ моготу, и гораздо лучше раздѣлиться, чѣмъ выносить тотъ ежедневный адъ, который вытекаетъ изъ различія взглядовъ!“ [3]).

Пріѣхавшая въ это же время изъ-за границы вмѣстѣ съ Стефановичемъ О. С. Любатовичъ, которая также была приглашена на липецкій съѣздъ, но не могла туда попасть и ставшая тогда же членомъ Исполнительнаго Комитета, разсказываетъ:

---

[1]) М. Р. Поповъ: „Земля и Воля наканунѣ воронежскаго съѣзда“. Былое, 1906 г., августъ, стр. 33—34.

[2]) Н. А. Морозовъ: „Возникновеніе Народной Воли“. Былое, 1906 года; декабрь, стр. 20.

[3]) М. Ф. Фроленко: „Липецкій и воронежскій съѣзды.“ Былое, 1907 г., январь, стр. 86.

„Пріѣхали Квятковскій, Морозовъ, Желябовъ, Ал. Михайловъ, Ширяевъ, Баранниковъ, Ошанина (М. Н. Оловенникова) и другіе. Лѣсной оживился. Скоро пріѣхали также Поповъ, Щедринъ, Е. Ковальская и другіе. По пріѣздѣ этихъ лицъ въ Лѣсномъ, подъ открытымъ небомъ, нѣсколько разъ собирались члены вновь сформировавшагося на липецкомъ съѣздѣ Исполнительнаго Комитета отдѣльно и отколовшіеся члены бывшей организаціи „Земля и Воля“ отдѣльно. Стефановичъ велъ очень дѣятельные переговоры между тѣми и другими, и многіе надѣялись, что онъ поможетъ сплоченію и предотвратитъ готовящійся расколъ, но надежды эти не оправдались; напротивъ, нѣкоторые обвиняли даже, что Стефановичъ подлилъ масло въ огонь, ускорилъ окончательный разрывъ. Когда послѣ другихъ въ Петербургъ пріѣхала Перовская, страстно желавшая повліять примирительно, то уже было совсѣмъ поздно; разрывъ совершился окончательно, и вчерашніе товарищи стали сторониться другъ отъ друга, какъ чужіе. Каждая партія пошла своей дорогой. Стефановичъ слѣлался главою мертворожденной организаціи „Чернаго Передѣла“; съ нимъ остались и его друзья, Вѣра Засуличъ и Дейчъ. Я примкнула, естественно къ липецкимъ товарищамъ, которые даже заочно были въ этомъ увѣрены, приглашая меня на липецкій съѣздъ. Но и Перовская, еще горячая народница, не примкнула къ „Черному Передѣлу“. Къ „Исполнительному Комитету“ примкнула и Вѣра Фигнеръ, другая горячая народница, только что работавшая въ одномъ изъ поселеній „деревенщиковъ“, созданныхъ первымъ составомъ организаціи „Земля и Воля“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, а также Якимова и Софья Иванова“. [1])

Общество „Земля и Воля“ рушилось. На развалинахъ его возникъ Исполнительный Комитетъ, на этотъ разъ уже не какъ фикція, а какъ реальность, какъ фактически существующая организація.

Но „Исполнительный Комитетъ“—чего? Южный „Исполнительный Комитетъ“ полагалъ, что онъ является „Комитетомъ“ всей „Русской Соціально-Революціонной Партіи“.

[1]) О. С. Любатовичъ: „Далекое и недавнее“. Былое, 1906 г., іюнь, стр. 109.

Въ такомъ видѣ, какъ мы видѣли, обнаруживалъ свое существованіе и „Исполнительный Комитетъ“ весной и въ началѣ лѣта 1879 г. въ Петербургѣ. А теперь?

И, вотъ, въ первомъ же номерѣ новаго органа „политиковъ“, который былъ названъ Народная Воля, наряду съ публикаціей „Исполнительнаго Комитета“ о томъ, что прославленный впослѣдствіи Рачковскій состоитъ на жалованьи въ III отдѣленіи (свѣдѣнія эти, какъ и раньше Листку Земли и Воли, доставлялъ чиновникъ III отдѣленія Клѣточниковъ) было напечатано такое заявленіе „Исполнительнаго Комитета“:

„Во избѣжаніе недоразумѣній, Исполнительный Комитетъ заявляетъ, что онъ никогда не былъ учрежденіемъ, члены котораго выбирались бы всею соціально-революціонной партіей, и что въ настоящее время онъ является совершенно самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ тайнымъ обществомъ. Исполнительный Комитетъ. 12 сентября 1879 года“.[1])

Исполнительный Комитетъ... „совершенно самостоятельное въ своихъ дѣйствіяхъ тайное общество...“

Мало того: когда въ № 3 Народной Воли была напечатана „программа Исполнительнаго Комитета“, то программа эта сопровождалась такимъ примѣчаніемъ редакціи: „заявляемъ полную солидарность съ этой программой. Ред.“[2]).

Такое заявленіе какъ будто предполагаетъ возможность и несолидарности редакціи Народной Воли съ Исполнительнымъ Комитетомъ...“.[3])

---

[1]) Народная Воля, № 1 (отъ 1 октября 1879 г.).

[2]) Народная Воля, № 3 (отъ 1 января 1880 г.).

[3]) Дѣло въ томъ, что, по настоянію г. Тихомирова, въ программу Исполнительнаго Комитета внесенъ былъ якобинскій принципъ захвата власти, съ чѣмъ нѣкоторые другіе члены Комитета уже и тогда рѣшительно не соглашались. (Объ этомъ см. въ вышеназванныхъ воспоминаніяхъ О. С. Любатовичъ „Далекое и Недавнее“). Но, вѣдь, редакторами Народной Воли были въ то время Тихомировъ и Морозовъ, стоявшіе по этому, чрезвычайной важности вопросу, на противоположныхъ точкахъ зрѣнія и потому единства взглядовъ въ народовольческомъ центрѣ уже и тогда не существовало.

Все это указываетъ, что еще къ 1880 году,—несмотря на то, что Исполнительный Комитетъ заявилъ себя уже публично такимъ актомъ, какъ покушеніе на взрывъ царскаго поѣзда подъ Москвою 19 ноября 1879 г., а непублично (въ томъ смыслѣ, что онѣ еще не были тогда открыты) такимъ же покушеніемъ подъ г. Александровскомъ Екатеринославской губерніи и приготовленіями къ тому же въ Одессѣ,—въ организаціонномъ отношеніи о партіи „Народной Воли", въ сущности, не можетъ быть и рѣчи.

Но что же было, что существовало?

Существовало именно тайное общество съ нѣсколько неподходящимъ для него названіемъ „Исполнительный Комитетъ".

Къ обществу этому, кромѣ 11 участниковъ липецкаго съѣзда (Михайловъ, Желябовъ, Колоткевичъ, Фроленко, Ширяевъ, Квятковскій, Морозовъ, Тихомировъ, Баранниковъ, Гольденбергъ и М. Н. Оловенникова), а также Любатовичъ и упоминаемыхъ въ ея мемуарахъ въ качествѣ членовъ Исполнительнаго Комитета Перовской, Вѣры Фигнеръ, Софьи Ивановой и Якимовой, примкнули первоначально еще изъ участниковъ воронежскаго съѣзда Исаевъ, Богдановичъ и Сергѣева-Тихомирова, а изъ лицъ, въ съѣздахъ не участвовавшихъ, Левъ Гартманъ, Лебедева, Савелій Златопольскій, Галина Чернявская, Прѣсняковъ, Зунделевичъ, Лангансъ, Ивановская и Саблинъ.

Всего, значитъ, 28 человѣкъ.

Конечно, около этихъ членовъ Комитета былъ еще десятокъ-другой лицъ, связанныхъ съ нимъ тѣсными отношеніями (такъ, кромѣ Софіи Ивановой, въ первой народовольческой типографіи работали Н. К. Бухъ, Цукерманъ, Лубкинъ и Грязнова; въ александровскомъ покушеніи вмѣстѣ съ Желябовымъ принимали участіе Кибальчичъ и привлеченные лично Желябовымъ къ этому дѣлу рабочіе Тихоновъ и Окладскій; въ покушеніи московскомъ на конспиративной квартирѣ жилъ вмѣстѣ съ Чернявской Арончикъ и т. д.); но все же не только число членовъ центра но и членовъ всей организаціи было очень не велико.

По показанію Гольденберга, денегъ въ это время въ кассѣ Исполнительнаго Комитета было 2,500 рублей. [1]) Морозовъ говоритъ, что не было и такой суммы. [2])

И съ такими-то силами тайное общество—Исполнительный Комитетъ—вступило въ борьбу на жизнь и смерть съ казалось бы столь могущественнымъ правительствомъ,—вступило въ то время, когда правительство это покрыло всю Россію сѣтью генералъ-губернаторствъ съ чрезвычайными полномочіями, а генералъ-губернаторы строили столько висѣлицъ...

Когда состоялось рѣшеніе Исполнительнаго Комитета начать систематическія покушенія на жизнь Александра II?

На это въ литературѣ предмета имѣются такія данныя:

1) Когда изъ показаній Гольденберга властямъ стало извѣстно о покушеніи подъ Александровскомъ и приготовленіи къ покушенію въ Одессѣ, то въ № 4 Народной Воли появилось слѣдующее заявленіе Исполнительнаго Комитета:

„Исполнительный Комитетъ заявляетъ, что произведенное въ прошломъ году подъ г. Александровскомъ и подготовлявшееся подъ Одессою покушенія на жизнь царя—произведены по иниціативѣ его, Исполнительнаго Комитета, согласно съ общимъ планомъ, установленнымъ осенью прошлаго года, съ цѣлью приведенія въ исполненіе смертнаго приговора надъ Александромъ II, постановленнаго Исполнительнымъ Комитетомъ 26 августа 1879 года". [3])

2) Когда совершилось событіе 1 марта 1881 г., то первая прокламація Исполнительнаго Комитета по поводу этого событія начиналась словами:

„Сегодня, 1 марта 1881 года, согласно постановленію Исполнительнаго Комитета отъ 26 августа 1879 года, приведено въ исполненіе..." и т. д. [4]).

---

[1]) Процессъ 16 террористовъ", стр. 135.

[2]) „Возникновеніе Народной Воли", Былое, 1906 г., декабрь, стр. 21.

[3]) Народная Воля № 4 (отъ 5 декабря 1880 г.).

[4]) „Литература партіи Народной Воли". Сборникъ подъ редакціей Базилевскаго. Парижъ, стр. 897.

3) Во время процесса 1 марта Желябовъ, говоря о своей роли въ дѣлѣ покушенія подъ Александровскомъ, сказалъ:

„Моя роль была такая: въ Харьковѣ сдѣланы были кое-какія подготовительныя работы, но предпріятіе было рѣшено не такъ, какъ показываетъ Гольденбергъ, а Исполнительнымъ Комитетомъ 26 августа въ Петербургѣ“ [1]).

4) Осужденный по процессу 20-ти народовольцевъ Александръ Михайловъ прислалъ товарищамъ письмо-завѣщаніе, въ которомъ между прочимъ писалъ:

„Завѣщаю вамъ, братья, издать постановленія Исполнительнаго Комитета отъ приговора А. (Александру II), т.-е. отъ 26 августа 1879 г. до марта 82 г.“ [2]).

Такія постоянныя указанія на одно и то же число (26 августа 1879 г.) свидѣтельствуютъ совершенно опредѣленно, что именно въ этотъ день Исполнительнымъ Комитетомъ было принято относительно покушеній на жизнь Александра II окончательное рѣшеніе. И несомнѣнно именно о засѣданіи Исполнительнаго Комитета 26 августа разсказываетъ О. С. Любатовичъ, хотя она точно его и не датируетъ, въ той рубрикѣ своихъ мемуаровъ, которую она такъ и озаглавила: „Постановленіе приговора Александру II“.

„Лѣтомъ 1879 года прошелъ мѣсяцъ и даже больше въ безплодныхъ переговорахъ съ зарождающимся „Черным Передѣломъ“ въ надеждѣ возсоединить вновь распавшуюся организацію „Земли и Воли“. Эти переговоры не мѣшали, однако, Исполнительному Комитету „Народной Воли“ итти своей дорогой. Такъ, на одномъ изъ собраній Исполнительнаго Комитета, происходившемъ подъ открытымъ небомъ въ Лѣсномъ и гдѣ присутствовалъ, между прочимъ, прибывшій на одинъ-два дня въ Петербургъ Гольденбергъ и о которомъ онъ почему-то умалчиваетъ въ своихъ показаніяхъ, былъ поставленъ вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать намѣченныя предпріятія противъ генералъ-губернаторовъ, или же сосредоточить всѣ силы на одномъ лицѣ государя? Рѣшено было всѣ удары направить на послѣдняго.

---

[1]) „Судъ надъ цареубійцами“ 1881 г., стр. 64.

[2]) Съ родины и на родину, № 3. Женева, 1893 г., стр. 149 Также „Литература партіи народной воли“. Парижъ, стр. 972.

Эту задачу фактически и осуществляли вплоть до 1 марта 1881 года" [1].

Мы уже говорили, что въ 1879 году число членовъ Исполнительнаго Комитета равнялось 28 человѣкамъ. Въ теченіе 1880 года членами Комитета стали еще Грачевскій, А. П. Корба, Теллаловъ [2], Халтуринъ, Сухановъ и Тригони. Любатовичъ разсказываетъ, что одновременно съ А. П. Корбой была принята въ число членовъ Исполнительнаго Комитета и сестра М. Н. Оловенниковой—Наталья. Приняты были также бѣжавшіе изъ ссылки Андрей Франжоли и Евгенія Завадская [3].

Итого, слѣдовательно, до 1 марта 1881 г. въ составѣ Исполнительнаго Комитета было 37 человѣкъ.

Но и этого числа, разумѣется, одновременно никогда не было.

Уже въ 1879 году были арестованы Гольденбергъ, Ширяевъ, Квятковскій и Зунделевичъ. Скрылся за границу Гартманъ.

Въ 1880 году арестованы Софья Иванова, Прѣсняковъ, Баранниковъ, Колоткевичъ, Михайловъ.

Въ 1881 г. (до 1 марта) Морозовъ, Тригони и Желябовъ. Въ теченіе марта: Перовская, Фроленко, Исаевъ. Тогда же застрѣлился Саблинъ.

Слѣдовательно, во время процесса первомартовцевъ на свободѣ членовъ Исполнительнаго Комитета было maximum 20 человѣкъ, а еще черезъ два года изъ Комитета осталось всего пять человѣкъ, изъ которыхъ четверо (Тихомировъ, Тихомирова-Сергѣева, Оловенникова и Чернявская) проживали за границей. Въ Россіи оставалась одна В. Н. Фигнеръ. Въ началѣ 1883 года произошла знаменитая „Дегаевщина": Фигнеръ была арестована, сохранившаяся еще тогда военно-революціонная организація разгромлена и фактическимъ „центромъ" движенія явился Дегаевъ... въ купѣ и любѣ съ инспекторомъ секретной полиціи подполковни-

---

[1]) „Далекое и недавнее", Былое, 1906 г., іюнь, стр. 111.

[2]) Гольденбергъ вездѣ неправильно называетъ его въ своихъ показаніяхъ Теноловымъ.

[3]) Н. А. Морозовъ. „Андрей Франжоли". Былое, 1907 г., мартъ, стр. 287.

комъ Судейкинымъ. Въ это время руководителями народовольчества считались братья В. А. и Н. А. Карауловы, П. Ф. Якубовичъ и С. Е. Усова [1]), но вотъ что писала намъ по этому поводу сама С. Е. Усова:

„Несомнѣнно, что Дегаевъ хотѣлъ создать провокаціонный процессъ, но думаю, что никто изъ вышеупомянутыхъ лицъ (т.-е. сама г-жа Усова, братья Карауловы и Якубовичъ) и не подозрѣвали своего участія въ мнимомъ Исполнительномъ Комитетѣ. По крайней мѣрѣ, этотъ Комитетъ никогда цѣликомъ не собирался и никакихъ резолюцій не принималъ. Съ П. Ф. Якубовичемъ я познакомилась лишь во второй половинѣ 1883 года, серьезныхъ дѣлъ съ нимъ не вела настолько, что на слѣдствіи мнѣ даже не былъ поставленъ вопросъ о знакомствѣ съ нимъ. В. А. Карауловъ былъ съ весны 1883 г. за границей и о немъ тоже меня не спросили. Н. А. Карауловъ, братъ его, будучи арестованъ, отдѣлался пустяками, т.-е. попросту сосланъ былъ въ деревню на родину. Такимъ образомъ выходитъ, что Дегаевъ вралъ въ обѣ стороны— и Судейкину, и Лопатину, стараясь показать, что онъ велъ серьезную игру. На самомъ же дѣлѣ этотъ человѣкъ думалъ только объ одномъ: какъ бы спасти свою шкуру и отъ тѣхъ и отъ другихъ“.

Такимъ образомъ въ составѣ Исполнительнаго Комитета всѣхъ названныхъ лицъ (за исключеніемъ В. А. Караулова, вступившаго въ комитетъ, какъ мы сейчасъ объ этомъ скажемъ, въ началѣ 1884 года), считать нельзя.

Послѣ убійства Судейкина и бѣгства изъ Россіи Дегаева (16 декабря 1883 года) за границей напрягли всѣ силы, чтобы образовать новый Исполнительный Комитетъ и даже новую Распорядительную Коммиссію. Въ этотъ Комитетъ, какъ писалъ намъ одинъ изъ его членовъ, вошли кромѣ „заграничниковъ“, слѣдующія лица: Г. А. Лопатинъ, Н. М. Салова, В. И. Сухомлинъ, В. А. Карауловъ и К—въ. „Тотчасъ послѣ нашего пріѣзда изъ Парижа въ Петербургъ,— продолжаетъ въ письмѣ къ пишущему эти строки членъ этого Комитета,—мы кооптировали А. Н. Баха и С. А. Ива-

[1]) См. Г. А. Лопатинъ. — Некрологъ В. А. Караулова. Современникъ 1911 г. Январь, стр. 402.

нова“ [1]). Распорядительная Коммиссія состояла изъ Лопатина, Саловой, Сухомлина, но она in corpore ни разу не собиралась. Въ теченіе 1884 — 85 года всѣ эти лица, (за исключеніемъ Баха, который уѣхалъ за границу) были арестованы, и Исполнительный Комитетъ болѣе не возобновлялся [2]).

Всѣхъ членовъ Исполнительнаго Комитета, значитъ, было съ момента его рожденія и до смерти—44 человѣка. Всѣ они, за исключеніемъ лишь Суханова и Тригони, были поголовно „нелегальные“.

Вотъ были тѣ силы, съ которыми имѣло дѣло всемогущее правительство на протяженіи цѣлыхъ шести лѣтъ — съ 1879 по 1885 годъ!

Но возвратимся къ кульминаціонной эпохѣ дѣятельности Исполнительнаго Комитета.

Желябовъ назвалъ себя на судѣ „агентомъ Исполнительнаго Комитета третьей степени“, т.-е. агентомъ, пользующимся бо̀льшимъ довѣріемъ центра. Это объясняется организаціей Исполнительнаго Комитета.

„Агентомъ“, а не членомъ Исполнительнаго Комитета, призналъ себя на судѣ въ Кіевѣ въ 1879 году еще Осинскій („изъ членовъ же Комитета, сколько мнѣ извѣстно, никто не арестованъ“, сказалъ онъ въ своей рѣчи на судѣ).

Когда организовался Исполнительный Комитетъ Народной Воли, то было рѣшено, что всѣ его члены должны называться агентами и притомъ агентами не первой, а именно третьей степени.

„Это для того,—говорилъ пишущему эти строки Н. А. Морозовъ,—чтобы привлекаемое въ качествѣ агента первой степени лицо не знало, сколько степеней ему еще надо пройти, чтобы стать членомъ Комитета“.

Квятковскій, вѣроятно, забывши это рѣшеніе, призналъ на судѣ не только себя, но и Гольденберга не агентами, а членами Комитета, но въ дальнѣйшихъ процессахъ члены Исполнительнаго Комитета неукоснительно называли себя его

---

[1]) См. В. Богучарскій.—„Къ біографіи П. Ф. Якубовича“, Русское Богатство. 1911 г. Май, стр. 134.

[2]) Объ этой эпохѣ см. мемуары А. Н. Баха—„Воспоминанія народовольца“. Былое, 1907 г. Январь—мартъ.

агентами. Такъ поступили Желябовъ, Перовская, Михайловъ, Баранниковъ, Колоткевичъ и другіе. Что же касается самаго Комитета, то Александръ Михайловъ выразился о немъ на судѣ такъ:

„Объ Исполнительномъ Комитетѣ, руководителѣ и центрѣ организаціи „Народной Воли", я не могу ничего сказать кромѣ того, что это учрежденіе неуловимое, недосягаемое"[1]).

Дѣйствительныхъ „агентовъ", т.-е. лицъ, занимавшихъ въ организаціи Народной Воли то іерархическое положеніе, которое обычно сочетается съ этимъ словомъ, у Исполнительнаго Комитета было очень мало. Считался таковымъ Кибальчичъ, считался Арончикъ, считалась—Гельфманъ, считался Ф. О. Люстигъ. Можно привести еще два-три примѣра, но это и все. Въ первой прокламаціи по дѣлу 1 марта сказано, что убійство совершено „двумя агентами Исполнительнаго Комитета", но ни Гриневицкій, ни, тѣмъ болѣе, Рысаковъ „агентами" Комитета не были.

Сколько было всѣхъ участниковъ событія 1 марта 1881 года?

Будемъ считать участниками, во-первыхъ, всѣхъ бывшихъ тогда на свободѣ членовъ Исполнительнаго Комитета. То были Желябовъ, Перовская, Тригони, Фроленко, Сухановъ, Богдановичъ, Якимова, Лебедева, Фигнеръ, Исаевъ, Тихомировъ, Тихомирова, Саблинъ, Корба, Грачевскій, М. Оловенникова, С. Златопольскій, Лангансъ, Теллаловъ, Франжоли и Завадская.

Въ подкопѣ на Малой Садовой, кромѣ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ лицъ, принимали участіе Меркуловъ и Дегаевъ.

Метальщики—Рысаковъ, Гриневицкій, Т. Михайловъ и Емельяновъ.

„Техникъ"—Кибальчичъ.

Хозяйка конспиративной квартиры—Гесся Гельфманъ.

„Наблюдательный отрядъ"—Тырковъ, Тычининъ, Елизавета Оловенникова и еще одинъ студентъ, оставшійся неоткрытымъ.

Итого 31 человѣкъ.

---

[1]) „Процессъ 20-ти народовольцевъ", стр. 69.

Изъ нихъ въ концѣ февраля и въ теченіе марта выбыло уже 12 человѣкъ, а въ апрѣлѣ и еще цѣлый рядъ лицъ (Сухановъ, Емельяновъ, Тырковъ, Тычининъ, Е. Н. Оловенникова).

На свободѣ оставалось совсѣмъ немного.

Желябовъ говорилъ на судѣ, что въ распоряженіи Исполнительнаго Комитета было нѣсколько „боевыхъ дружинъ“ и что на вызовъ совершить покушеніе на жизнь Александра II откликнулось 47 человѣкъ, изъ которыхъ онъ, Желябовъ, и избралъ нѣсколькихъ, по его мнѣнію, надежнѣйшихъ. Муравьевъ доказывалъ, что боевыхъ дружинъ было у комитета не нѣсколько, а одна, и въ этомъ случаѣ историческая правда на сторонѣ Муравьева. Помимо другихъ существующихъ объ этомъ предметѣ данныхъ, иначе трудно объяснить, почему всѣ четверо метальщиковъ были взяты изъ одной и той же дружины и никто изъ такой массы остальныхъ, предлагавшихъ свои услуги, лицъ взятъ не былъ?[1]).

Въ послѣсловіи къ переизданному въ 1906 году правительственному отчету о процессѣ 1-го марта Левъ Дейчъ по этому поводу пишетъ:

„Ошибочнымъ расчетомъ Желябова на сильное впечатлѣніе слѣдуетъ объяснить его заявленіе о „сорока семи лицахъ“, будто бы вызвавшихся „участвовать въ дѣлѣ 1-го марта“, о томъ, что онъ лишь „агентъ третьей степени Исполнительнаго Комитета“, что послѣдній „поручилъ ему организовать покушеніе“ и т. д.[2]).

Это обычный грѣхъ всѣхъ заговорщическихъ организацій.

Какими же силами располагалъ въ дѣйствительности народовольческій центръ? Какія связи были у него въ средѣ

---

[1]) Этому не противорѣчитъ, конечно, возможность предложенія Желябову своихъ услугъ со стороны и другихъ отдѣльныхъ лицъ: существуетъ извѣстіе, что именно съ такимъ предложеніемъ обращался къ Желябову, впослѣдствіи казненный въ Одессѣ за убійство военнаго прокурора Стрѣльникова, Желваковъ. Хотѣлъ быть въ числѣ метальщиковъ и членъ Исполнительнаго Комитета Саблинъ. (См. Былое, 1906 г., май, стр. 159).

[2]) „Дѣло 1 марта 1881 года“. Изд. 1906 г., стр. 417.

рабочихъ, въ войскѣ, среди учащейся молодежи, въ обществѣ?

Все это было,— но въ какой степени?

Отвѣтами на эти вопросы мы и займемся въ слѣдующихъ главахъ, но предварительно посвятимъ отдѣльную главу той сферѣ, въ которой „народовольчество“ проявилось съ особою интенсивностью,— такъ называемому „терроризму“.

II.

Терроризмъ.

Мы уже высказали выше свое вполнѣ отрицательное отношеніе къ этому методу политической борьбы, равно какъ и изложили причины, породившія, по нашему мнѣнію, столь болѣзненное въ Россіи явленіе. Отвѣтственность за него,— это мы тоже уже высказали,— падаетъ всецѣло на русское правительство 70-хъ и 80-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ этой главѣ мы ограничимся, поэтому, исключительно ролью повѣствователя. Для изображенія внѣшней стороны событій, о которыхъ мы будемъ здѣсь говорить, въ настоящее время накопилось вполнѣ достаточное количество матеріаловъ и документовъ, оставленныхъ обѣими боровшимися сторонами, и потому наше изображеніе можетъ быть очень близко къ дѣйствительности.

Народовольцы совершили по отношенію къ представителямъ правительственной власти, кромѣ покушеній на жизнь императора, о которыхъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь, два террористическихъ акта: то были убійство 18 марта 1882 года въ Одессѣ военнаго прокурора генерала Стрѣльникова и 16 декабря 1883 года въ Петербургѣ жандармскаго подполковника Судейкина. По поводу покушеній 20 февраля 1880 года на графа Лорисъ-Меликова (Млодецкимъ) и 13 ноября 1881 года на генерала Черевина (Санковскимъ) народовольцы рѣшительно заявили, особыми прокламаціями,

что они въ этихъ покушеніяхъ никакого участія не принимали[1]). Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ убійства Стрѣльникова и Судейкина, мы будемъ говорить ниже, а теперь остановимся на покушеніяхъ и приготовленіяхъ къ покушеніямъ народовольцевъ на жизнь императора Александра II.

Такихъ покушеній было три: 1) Подъ г. Александровскомъ 18 ноября 1879 года. 2) Въ Москвѣ 19 ноября того же года. 3) Въ Петербургѣ 5 февраля 1880 года (взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ).

Кромѣ того были произведены съ тою же цѣлью 4 раза приготовленія къ покушеніямъ: 1) въ Одессѣ въ октябрѣ-

---

[1]) Млодецкій былъ казненъ черезъ два дня послѣ покушенія на Лорисъ-Меликова (22 февраля 1880 г.), не взирая на извѣстное личное ходатайство за него передъ Лорисъ-Меликовымъ В. М. Гаршина. (Разсказъ о посѣщеніи Гаршинымъ Лорисъ-Меликова изложенъ наиболѣе подробно въ статьѣ „Пятнадцать лѣтъ назадъ.— Изъ литературныхъ воспоминаній“, напечатанной въ № 4 журнала Съ родины на родину. Женева 1894 г., стр. 302—303). По поводу покушенія и казни Молодецкаго Исполнительный Комитетъ выпустилъ прокламацію, въ которой писалъ: „По поводу самого покушенія 20 февраля Исполнительный Комитетъ считаетъ долгомъ заявить, что покушеніе это единоличное какъ по замыслу, такъ и по исполненію. Млодецкій дѣйствительно обращался къ Исполнительному Комитету съ предложеніемъ своихъ силъ на какое-нибудь террористическое предпріятіе, но, не выждавъ двухъ-трехъ дней, совершилъ свое покушеніе не только безъ пособія, но даже и безъ вѣдома Исполнительнаго Комитета“. (Прокламація приведена въ сборникѣ Базилевскаго—Литература партіи Народной Воли, стр. 894—896). Въ Шебековской „Хроникѣ“ говорится, что 26 февраля полиція открыла въ Каменецъ-Подольскѣ на фонарномъ столбѣ прокламацію, которая оканчивалась словами; „Да здравствуетъ республика! Смерть Лорисъ-Меликову! Да здравствуетъ Млодецкій!“ (Хроника, стр. 131). Эта прокламація намъ неизвѣстна. Она является, вѣроятно, издѣліемъ какого нибудь юного мѣстнаго кружка.

По поводу покушенія Санковскаго на жизнь Черевина былъ выпущенъ листокъ, гласившій: „Объявленіе Исполнительнаго Комитета. Во избѣжаніе недоразумѣній Исполнительный Комитетъ считаетъ нужнымъ заявить, что покушеніе Санковскаго на жизнь начальника полиціи (онъ же товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ) Черевина совершено помимо всякаго со стороны Комитета вѣдома и участія. Исполнительный Комитетъ. 22 ноября 1881 г.“. С.-Петербургъ типографія „Народной Воли“ 23 ноября.

ноябрѣ 1879 года. 2) Въ Одессѣ же весною 1880 г. 3) Въ Петербургѣ лѣтомъ 1880 года (закладка минъ подъ каменнымъ мостомъ). 4) Въ Петербургѣ же въ февралѣ 1881 г. (подкопъ на Малой Садовой).

Такимъ образомъ всѣхъ террористическихъ актовъ, направленныхъ на императора Александра II народовольцами, было семь.

Восьмымъ явилось событіе 1 марта 1881 года.

Эти десять событій,—8 относящихся къ личности императора Александра II и два къ Стрѣльникову и Судейкину,—мы и разскажемъ вкратцѣ каждое въ отдѣльности.

Замѣтимъ прежде всего, что всѣ 8 террористическихъ актовъ, направленныхъ народовольцами на Александра Второго, были произведены членами Исполнительнаго Комитета и его агентами собственными силами при чрезвычайно маломъ количествѣ сторонніхъ участниковъ, хотя бы и на самыхъ мелкихъ роляхъ. Если не считать самого событія 1 марта, о которомъ мы уже отчасти говорили выше, то получается такая картина:

Въ покушеніи подъ Александровскомъ участвовали, кромѣ членовъ Исполнительнаго Комитета, еще только трое: рабочіе—Макаръ Тетерка, Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій.

Въ покушеніи подъ Москвою ни одинъ человѣкъ изъ не членовъ Комитета или его агентовъ (Арончикъ) никакого участія не принималъ.

Въ покушеніи 5 февраля 1880 г. въ Петербургѣ—тоже.

Въ приготовленіи покушенія подъ Одессой въ ноябрѣ 1879 года посторонній лишь рабочій Василій Меркуловъ.

Во второмъ приготовленіи въ Одессѣ тотъ же Меркуловъ и Левъ Златопольскій [1]).

Въ Петербургѣ лѣтомъ 1880 года—тѣ же Тетерка и Меркуловъ.

Въ Петербургѣ въ февралѣ 1881 года—тотъ же Меркуловъ.

Такимъ образомъ въ качествѣ пособниковъ въ семи террористическихъ актахъ Исполнительнымъ Комитетомъ было привлечено всего лишь пять человѣкъ.

---

[1]) Не надо смѣшивать Льва Златопольскаго съ Златопольскимъ Савеліемъ, членомъ Исполнительнаго Комитета.

Обратимся теперь къ самимъ этимъ актамъ въ ихъ хронологическомъ порядкѣ:

1. Приготовленіе къ покушенію около Одессы осенью 1879 года.

Послѣ того, какъ расколъ въ обществѣ „Земля и Воля“ сталъ совершившимся фактомъ, народовольцы разъѣхались частью въ Москву, частью въ южные города Россіи. Степанъ Ширяевъ еще до окончательнаго раскола дѣятельно занимался приготовленіемъ динамита, котораго и заготовилъ нѣсколько пудовъ. Желябовъ, Колоткевичъ, Гольденбергъ и Татьяна Лебедева находились въ Харьковѣ. Туда же пріѣхали Баранниковъ и Пресняковъ, привезшіе съ собою около трехъ пудовъ динамита. Затѣмъ прибылъ Степанъ Ширяевъ, сообщившій Желябову и остальнымъ, находившимся въ Харьковѣ, членамъ Исполнительнаго Комитета, что въ Москвѣ на имя Льва Гартмана пріобрѣтенъ домъ, изъ котораго ведется подкопъ подъ полотно желѣзной дороги, но что тамъ рабочихъ силъ мало. Вслѣдствіе этого Гольденбергъ отправился въ Москву усилить собою ведшихъ подкопъ лицъ, туда же уѣхали Ширяевъ и Баранниковъ. Послѣ ихъ отъѣзда Желябовъ, Колоткевичъ, Пресняковъ и Лебедева рѣшили заняться приготовленіемъ къ покушенію на линіяхъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Пунктами покушеній избраны были Одесса и уѣздный городъ Екатеринославской губерніи Александровскъ. Отдѣливши около двухъ пудовъ изъ привезеннаго въ Харьковъ динамита, Колоткевичъ и Лебедева отправились въ Одессу. Тамъ находились члены Исполнительнаго Комитета Савелій Златопольскій, М. Ф. Фроленко и В. Н. Фигнеръ. Послѣдняя, при помощи своихъ связей, достала Фроленко мѣсто будочника и онъ поселился въ желѣзнодорожной будкѣ съ Лебедевой. Оттуда и начаты были приготовленія къ покушенію. Между тѣмъ стало извѣстно, что, находившійся тогда въ Крыму, императоръ Александръ II, вслѣдствіе дурной погоды, не поѣдетъ моремъ въ Одессу и динамитъ тамъ можетъ оказаться излишнимъ. Съ другой стороны въ Москвѣ возникло опасеніе, что для тамошняго покушенія динамита можетъ не хватить. Гольденбергъ, поэтому, отпра-

вился за динамитомъ въ Одессу, приготовленія въ которой были прекращены, взялъ его и уѣхалъ обратно, но по дорогѣ въ Москву въ Елизаветградѣ былъ арестованъ.

Всѣ эти обстоятельства были раскрыты Гольденбергомъ же. Прѣсняковъ былъ осужденъ и казненъ по „процессу 16-ти“ въ ноябрѣ 1880 года; Колоткевичъ, Фроленко и Лебедева по процессу 20-ти въ 1882 г. были приговорены къ повѣшенію, замѣненному имъ безсрочными каторжными работами. Колоткевичъ умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, Лебедева умерла на Карѣ, Фроленко пробылъ болѣе 20 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости, изъ которой освобожденъ послѣ 17 октября 1905 года. Савелій Златопольскій осужденъ въ 1883 году по „процессу 17-ти“ и умеръ въ Шлиссельбургѣ. В. Н. Фигнеръ была приговорена къ казни въ 1884 году, пробыла также почти 20 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости и въ настоящее время находится на свободѣ.

2. Покушеніе подъ Александровскомъ 18 ноября 1870 года.

Это было, быть можетъ, самое дерзновенное изъ всѣхъ покушеній. Имъ руководилъ Желябовъ. Съ фальшивымъ паспортомъ на имя ярославскаго купца Черемисова явился Желябовъ въ городскую управу г. Александровска и подалъ заявленіе о своемъ желаніи устроить въ этомъ городѣ кожевенный заводъ. Ему былъ отведенъ участокъ земли. Подъ именемъ жены Черемисова (Желябова) поселилась въ Александровскѣ и Анна Якимова. Привлекъ Желябовъ къ своему „предпріятію“ и двухъ знакомыхъ ему лично рабочихъ—Тихонова и Окладскаго. Пріѣзжали въ Александровскъ также Тетерка, Исаевъ и Кибальчичъ. Желябовъ купилъ лошадей, телѣгу, постоянно говорилъ съ жителями Александровска о кожевенномъ заводѣ, но ничего, конечно, для осуществленія этого не предпринималъ. Біографъ Желябова, Тихомировъ, пишетъ о времени пребыванія Желябова въ Александровскѣ такія строки:

„Въ своей роли купца-заводчика Желябовъ былъ неподражаемъ. Онъ, впрочемъ, и самъ очень увлекался новыми согражданами. Эти потомки запорожцевъ, среди кото-

рыхъ попадались фамиліи славныхъ казацкихъ воителей, заинтересовали его. Онъ отъ души дружился, пилъ и ѣлъ съ ними, занимаясь въ то же время своимъ дѣломъ. Онъ не разъ потомъ удивлялся, какъ это его съ товарищами никогда не взорвало: они перевозили динамитъ по самой тряской дорогѣ, сидя на немъ (курсивъ подлинника) въ простой телѣгѣ и еще гнали при томъ лошадей во весь духъ. „А въ книжкахъ то чего не понаписано, будто онъ отъ сотрясенія взрывается", смѣялись они....[1]).

Самое покушеніе, по словамъ обвинительнаго акта по дѣлу 20 народовольцевъ, было произведено такъ:

„Во исполненіе преступнаго дѣла подъ полотномъ желѣзной дороги на 4-й верстѣ произведена была закладка мины изъ двухъ цилиндровъ съ магнезіальнымъ динамитомъ, а по полученіи 16 ноября отъ Прѣснякова, пріѣхавшаго изъ Севастополя, свѣдѣній о предстоящемъ 18 ноября проѣздѣ Государя Императора, Желябовъ, Тихоновъ, Окладскій и Прѣсняковъ въ означенный день отправились въ телѣгѣ, въ которой помѣщалась гальваническая батарея, къ мѣсту, гдѣ была заложена мина; здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли спрятанные концы проводниковъ, идущихъ отъ заряда, передалъ ихъ Желябову, который, какъ только императорскій поѣздъ сталъ проходить надъ миною, по сигналу Окладскаго „жарь", сомкнулъ цѣпь. По неизвѣстной причинѣ взрыва однако же не произошло, и императорскій поѣздъ благополучно прослѣдовалъ мимо злоумышленниковъ, которые вскорѣ послѣ этого разъѣхались изъ Александровска" [2]).

И объ этомъ покушеніи власти узнали отъ Гольденберга. Желябовъ и Кибальчичъ были казнены 3 апрѣля

---

[1]) А. И. Желябовъ. Лондонъ 1882 г. стр. 30. Въ той же біографіи разсказывается и такой фактъ: „Однажды человѣкъ, поставленный Желябовымъ на стражѣ, когда другіе работали, заснулъ, и Желябовъ засталъ его на мѣстѣ преступленія. Его негодованію не было предѣловъ. „На войнѣ за это разстрѣливаютъ. Ну, а что же мы съ тобою должны сдѣлать!"—грозно укорялъ онъ. Впрочемъ, этотъ человѣкъ былъ отмѣнный работникъ и отваженъ безгранично, и Желябовъ съ нимъ скоро помирился (Ibid. стр. 29-30).

[2]) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Былое 1906 г январь, стр. 248-249.

1881 года въ Петербургѣ. Исаевъ и Тетерка умерли въ Шлиссельбургѣ, Якимова находится и понынѣ въ каторжныхъ работахъ (по другому уже дѣлу), Тихоновъ умеръ въ карійской каторгѣ, Окладскій былъ приговоренъ къ смертной казни по процессу 16-ти, но... потомъ вскорѣ очутился на полной свободѣ [1])....

3. Покушеніе на жизнь Александра II въ Москвѣ 19 ноября 1879 года.

Желябовъ, Колоткевичъ, Прѣсняковъ, Фроленко, Савелій Златопольскій, Якимова, Лебедева и Фигнеръ т. е. 8 членовъ Исполнительнаго Комитета, его агентъ Кибальчичъ и привлеченные ими Тихоновъ, Окладскій, Левъ Златопольскій, Тетерка и Меркуловъ,—всего слѣдовательно, 14 человѣкъ,—всѣ безъ исключенія нелегальные",—дѣйствуя въ то время, когда генералъ губернаторы юга Россіи были уже облечены чрезвычайными полномочіями и воздвигали висѣлицу за висѣлицой, довели свои „приготовленія" въ Одессѣ и Александровскѣ до конца и затѣмъ, какъ сказано, разъѣхались въ разныя стороны.

Въ то же время Александръ Михайловъ отправился въ Москву и сталъ высматривать тамъ для пріобрѣтенія домъ. Подходящій домъ онъ вскорѣ нашелъ около полотна желѣзной дороги и домъ былъ пріобрѣтенъ на имя Льва Гартмана (жившаго подъ фамиліей Сухорукова) за 1000 рублей. Гартманъ вслѣдъ затѣмъ заложилъ домъ за 600 рублей и такимъ образомъ вся операція по покупкѣ дома обошлась Исполнительному Комитету въ 400 рублей. Подъ видомъ жены Гартмана поселилась Софья Перовская. Новые хозяева дома, подъ предлогомъ необходимаго ремонта, очистили весь домъ отъ жильцовъ, послѣ чего изъ дома начали вести подъ полотно желѣзной дороги подкопы. Въ работахъ по проведенію подкопа приняли участіе, кромѣ Гартмана и Перовской, члены Исполнительнаго Комитета Александръ Михайловъ, Григорій Исаевъ и Н. А. Морозовъ. Къ нимъ же присоединились, прибывшіе изъ Харькова Ширяевъ, Баранниковъ и Гольденбергъ. Принялъ участіе въ подкопѣ и агентъ Комитета Арончикъ. Всего слѣдовательно 9 человѣкъ.

---

[1]) Въ книжкѣ Бурцева „За сто лѣтъ" противъ фамиліи Окладскаго стоитъ слово „предатель" (стр. 158).

Гольденбергъ, какъ сказано, былъ посланъ затѣмъ въ Одессу за дополнительнымъ количествомъ динамита, но на возвратномъ пути онъ былъ арестованъ въ Елизаветоградѣ.

Когда подкопъ былъ доведенъ до конца, всѣ участники покинули домъ, за исключеніемъ Перовской и Ширяева. Первая должна была наблюдать за приближеніемъ поѣзда, а послѣдній произвести самый взрывъ [1]).

19 Ноября взрывъ былъ произведенъ.

Въ обвинительномъ актѣ по „процессу 20-ти“ это событіе изложено такъ:

„19 Ноября 1879 г. въ 11-мъ часу вечера на 3-й верстѣ, отъ Московской станціи Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорской свитою, (Государь прослѣдовалъ въ другомъ поѣздѣ), былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе, означеннаго поѣзда, въ которомъ злоумышленники, очевидно, предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора. При взрывѣ никто изъ лицъ, слѣдовавшихъ въ поѣздѣ или постороннихъ не пострадалъ.

„По осмотру мѣста взрыва оказалось, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго близъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью, именовавшеюся саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ. Изъ этого дома была выведена подземная галлерея, обшитая внутри досками и оканчивавшаяся миной, заложенной на глубинѣ около 2 сажень подъ рельсами. Самый же взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, помѣщенной въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ и гальванической батареи, находившейся въ сараѣ, въ стѣнѣ котораго близь батареи, имѣлось отверстіе, повидимому, для наблюденія за желѣзнодорожнымъ путемъ. По заключенію экспертовъ на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней и совмѣстная работа нѣсколькихъ лицъ; что же

[1]) Кромѣ процессовъ 16-ти, 20-ти и 17-ти, а также дѣла 1 марта о московскомъ подкопѣ см. „Подпольную Россію“ Степняка.

касается до взрыва, то онъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ веществъ содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ“ [1]).

Всѣ подробности и этого дѣла были сообщены властямъ Гольденбергомъ. Перовская, Михайловъ, Ширяевъ, Баранниковъ, Морозовъ и Исаевъ признали свое въ немъ участіе. Отрицалъ совершенно свое участіе одинъ Арончикъ.

Перовская была казнена 3 апрѣля 1881 года. Ширяевъ осужденъ по процессу 16-ти и умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Михайловъ, Баранниковъ, Исаевъ и Морозовъ осуждены по процессу 20-ти. Михайловъ и Баранниковъ умерли въ Алексѣевскомъ равелинѣ, Исаевъ умеръ въ Шлиссельбургской крѣпости, Морозовъ послѣ многолѣтняго заключенія въ Шлиссельбургѣ послѣ 17 октября 1905 года освобожденъ изъ заключенія. Нынѣ—извѣстный писатель.

Что касается Гартмана, то онъ вскорѣ послѣ событія 19 ноября 1879 года скрылся за границу, но былъ арестованъ во Франціи, такъ какъ русское правительство требовало его выдачи. Противъ этого требованія во Франціи поднялась сильная агитація, въ которой выдающееся участіе принялъ Викторъ Гюго [2]). Гартманъ выданъ поэтому не былъ, но ему, запретили пребываніе во Франціи. Онъ переѣхалъ въ Англію, гдѣ близко сошелся съ Марксомъ и Энгельсомъ [3]). Потомъ онъ переѣхалъ въ Америку, гдѣ находится и до настоящаго времени.

---

[1]) Былое. Январь 1906 г., стр. 249—250.

[2]) Открытое письмо Виктора Гюго къ французскому правительству см. въ апрѣльской книжкѣ Былое за 1907 г.

[3]) Въ статьѣ „Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры“ Эдуардъ Бернштейнъ разказываетъ, какъ онъ былъ „просто пораженъ“ отношеніемъ Маркса и Энгельса къ Гартману. „Они съ нимъ обращались по братски, на ты“. Самъ Бернштейнъ вынесъ отъ знакомства съ Гартманомъ неблагопріятное впечатлѣніе. „Впрочемъ,—прибавляетъ онъ,—возможно, что Гартманъ служилъ тогда посредникомъ между Марксомъ и Энгельсомъ и проживающими въ Россіи членами „Народной Воли“. (Минувшіе годы. 1908 г. ноябрь, стр. 21—22). Исполнительный Комитетъ рекомендовалъ Гартмана Марксу. (Письмо Комитета по этому поводу см. въ № 1 заграничнаго Былаго).

4. Взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 года.

Въ обвинительномъ актѣ по „процессу 20-ти“ по поводу взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ находятся такія строки:

„5 февраля 1880 года въ седьмомъ часу вечера, когда въ Зимнемъ Дворцѣ, по случаю ожидавшагося прибытія въ С.-Петербургъ Его Высочества Принца Александра Гессенскаго, въ покояхъ, расположенныхъ надъ помѣщеніемъ главнаго караула, былъ приготовленъ столъ для семейнаго обѣда Членовъ Императорскаго Дома, а Его Императорское Величество, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ изволили выйти навстрѣчу высокому гостю въ малый фельдмаршалскій залъ, изъ подвальнаго этажа произошелъ взрывъ, разрушившій помѣщеніе главнаго караула и смежныя съ нимъ зданія, а также нѣсколько повредившій полъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ предполагался обѣденный столъ. При означенномъ взрывѣ изъ числа нижнихъ чиновъ л. гв. Финляндскаго полка, находившагося въ составѣ главнаго караула, было убито на мѣстѣ 10 человѣкъ. Кромѣ того 33 человѣка тѣхъ же нижнихъ чиновъ и нѣкоторыя лица изъ дворцовой прислуги получили болѣе или менѣе тяжкія поврежденія.

„По осмотру мѣста взрыва и заключенію, высказанному экспертами на основаніи этого осмотра, оказалось, что взрывъ былъ произведенъ зарядомъ динамита, посредствомъ дѣйствія на него капсюля съ гремучекислою ртутью, воспламененнаго съ помощью огнепроводнаго шнура.

„По изслѣдованію описаннаго событія выяснилось, что обвиненіе въ производствѣ взрыва падаетъ на крестьянина Вятской губерніи, Орловскаго уѣзда, Степана Халтурина и нынѣ казненнаго государственнаго преступника Александра Квятковскаго. Изъ нихъ Халтуринъ въ сентябрѣ 1879 г., подъ именемъ и по паспорту крестьянина Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда, Степана Батышкова, поступилъ въ число столяровъ при Зимнемъ Дворцѣ, проживалъ въ томъ самомъ подвалѣ, изъ котораго было произведенъ взрывъ, и послѣ этого послѣдняго скрылся, оставшись до сего времени неразысканнымъ. Квятковскій же былъ за-

держанъ въ Петербургѣ 24 ноября 1879 года, подъ именемъ Чернышева, въ домѣ № 13 по Лештукову переулку, причемъ по обыску у него было, между прочимъ, найдено ½ пуда магнезіальнаго динамита, разныя приспособленія для устройства взрывныхъ минъ и планъ той части Зимняго Дворца, въ которой послѣдовалъ взрывъ 5-го февраля 1880 года. Приговоромъ с.-петербургскаго военно-окружнаго суда по дѣлу о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, Квятковскій былъ признанъ виновнымъ въ участіи при приготовленіяхъ къ упомянутому посягательству на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора“ [1])

Динамитъ для этого взрыва былъ приготовленъ Исаевымъ и Кибальчичемъ, непосредственнымъ же участникомъ въ покушеніи 5 февраля, былъ еще одинъ только Желябовъ, замѣнившій въ сношеніяхъ съ Халтуринымъ Квятковскаго послѣ его ареста.

Въ Календарѣ Народной Воли за 1883 годъ т. е. уже послѣ ареста и казни Халтурина былъ напечатанъ, неоднократно потомъ воспроизводившіяся, разсказъ подъ заглавіемъ „Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ“. Содержаніе его такое:

Разсказавши о Халтуринѣ, какъ объ организаторѣ Сѣвернаго Союза Русскихъ рабочихъ (объ этомъ у насъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ) и причинахъ, толкнувшихъ его на путь терроризма, авторъ сообщаетъ, что Халтуринъ предложилъ свои услуги Исполнительному Комитету, причемъ указалъ и способъ приведенія въ исполненіе своего плана, именно тотъ, который имъ и былъ осуществленъ 5 февраля 1880 года. Предложеніе было принято и Халтуринъ сталъ искать возможности поступить столяромъ въ Зимній Дворецъ. Это ему, какъ очень хорошему столяру и полировщику, притомъ же работавшему раньше на царской яхтѣ, удалось, и онъ былъ поселенъ въ подвалѣ дворца. Сношенія съ Халтуринымъ велъ Квятковскій. Динамитъ проносился маленькими кусочками. При арестѣ Квятковскаго былъ найденъ планъ Зимняго Дворца съ поставленнымъ крестомъ на мѣстѣ столовой. Это обстоятель-

[1]) Былое. 1906 г. январь, стр. 253—254.

ство поставило на ноги всю дворцовую полицію, начались во Дворцѣ строгости, обыски рабочихъ, но открыто ничего не было. Халтуринъ настаивалъ, чтобы положено было какъ можно больше динамита. Смѣнившій Квятковскаго, Желябовъ этому противился, желая, чтобы покушеніе обошлось съ возможно меньшимъ количествомъ жертвъ. Во дворецъ пронесено было около трехъ пудовъ динамита, который Халтуринъ складывалъ въ простой деревянный сундучекъ, и послужившій миной для взрыва. Въ началѣ февраля Желябовъ и Халтуринъ встрѣчались ежедневно, но, всякій разъ, проходя мимо Желябова и не здороваясь съ нимъ, Халтуринъ ронялъ слова: „нельзя было“, „ничего не вышло“ и проходилъ мимо. Встрѣтившись 5-го февраля, онъ сказалъ ему: „готово“.

Очень быстро страшный грохотъ подтвердилъ его слова. Желябовъ увелъ Халтурина на конспиративную квартиру. Когда Халтуринъ узналъ, что онъ не достигъ своей цѣли, онъ „не простилъ Желябову того, что называлъ его ошибкой“ [1]).

Этими словами и кончается разсказъ.

О судьбѣ Квятковскаго, Желябова, Кибальчича и Исаева уже сказано.

Халтуринъ въ качествѣ виновника событія 5 февраля такъ и не былъ разысканъ. Черезъ два года послѣ того онъ и Желваковъ совершили политическое убійство въ Одессѣ военнаго прокурора генерала Стрѣльникова. Оба они отказались назвать свои имена и были казнены, какъ „неизвѣстные“. Объ этомъ ниже.

5. Приготовленіе къ покушенію въ Одессѣ весною 1880 года.

Послѣ всѣхъ относящихся къ концу 1879 и началу 1880 года, описанныхъ событій, члены Исполнительнаго Комитета Саблинъ и Перовская прибыли въ Одессу и поселились тамъ подъ именемъ уманскихъ мѣщанъ Прохоровскихъ. Нанявши на Итальянской улицѣ квартиру, они открыли въ ней лавку и стали торговать бакалейнымъ товаромъ. Въ Одессѣ въ это же время проживали члены Коми-

[1]) Былое (заграничное). 1904. № 5 стр. 52—59.

тета Исаевъ, Якимова и Фигнеръ. Составленъ былъ планъ провести изъ лавки подкопъ подъ Большую Итальянскую улицу. Кромѣ названныхъ лицъ къ этому дѣлу были привлечены Левъ Златопольскій и Василій Меркуловъ. Работы по проведенію подкопа начались, но такъ какъ было получено извѣстіе о прибытіи Государя въ Одессу гораздо раньше того времени, чѣмъ это предполагалось, то все начинаніе было оставлено [1]).

Про это, какъ и про другія дѣла, власти узнали впослѣдствіи отъ Меркулова.

О судьбѣ всѣхъ названныхъ здѣсь лицъ, кромѣ Саблина и Меркулова, сказано выше. Саблинъ застрѣлился послѣ 1 марта 1881 года при появленіи полиціи въ его квартиру на Телѣжной улицѣ. Меркуловъ былъ приговоренъ „по процессу 20-ти“ къ двадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, но туда отправленъ не былъ, сдѣлавшись вѣрнымъ слугой... департамента полиціи...

6. Приготовленія къ покушенію въ Петербургѣ лѣтомъ 1880 года.

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу 20-ти народовольцевъ говорится, что тотъ же Меркуловъ разсказалъ властямъ о такомъ фактѣ: „катаясь, однажды, въ началѣ лѣта на лодкѣ съ Желябовымъ, Прѣсняковымъ, Грачевскимъ, Баранниковымъ, Михайловымъ и Тетеркой, онъ слышалъ происходившій между этими лицами разговоръ о необходимости заложить динамитъ подъ какой то мостъ по Гороховой, съ цѣлью посягнуть на жизнь Государя Императора. Изъ содержанія разговора Меркуловъ заключилъ, что совершеніе этого преступленія было уже раньше рѣшено между соучастниками. Черезъ нѣкоторое время послѣ упомянутой прогулки, по отбытіи уже Государя Императора въ Ливадію, Меркуловъ, отправившись на свиданіе съ Желябовымъ на каналъ близь Михайловскаго сада, встрѣтилъ тамъ Александра Михайлова и нѣкоего „Мартына“, оказавшагося впослѣдствіи Лангансомъ, слѣдившихъ за появленіемъ полиціи. Желябовъ прибылъ скоро на мѣсто свиданія въ лодкѣ вмѣстѣ съ Тетеркой и Баранниковымъ, причемъ послѣдній отдалъ

[1]) Былое. 1906 г. январь. Стр. 254—257.

Меркулову на сохраненіе два желѣзныхъ пятилапныхъ якорька-кошки, а Тетерка объяснилъ ему, что они ѣздили извлекать динамитъ изъ подъ какого то моста по Гороховой улицѣ, но не могли его достать, такъ какъ кошки не захватывали достаточно глубоко. Упомянутыя кошки Меркуловъ оставилъ впослѣдствіи своему квартирному хозяину.

„Макаръ Тетерка, подтверждая въ общихъ чертахъ о готовившемся лѣтомъ 1880 года покушеніи посредствомъ взрыва одного изъ мостовъ, лежавшихъ по пути обычнаго слѣдованія Его Величества отъ вокзала Царскосельской желѣзной дороги къ Зимнему Дворцу, объяснилъ, что покушеніе было рѣшено на сходкѣ, собравшейся въ какомъ то трактирѣ, въ которой принимали участіе, кромѣ него самого, Желябовъ, Прѣсняковъ, Меркуловъ, Баранниковъ и, кажется еще двое неизвѣстныхъ ему лицъ. Черезъ нѣсколько дней Тетерка, по указанію Желябова, пріѣхалъ на квартиру, помѣщавшуюся въ одной изъ улицъ близъ Троицкаго переулка, и тамъ спросивъ „подушку“, получилъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка корзину, въ которой лежала завернутая въ рогожу гуттаперчевая подушка вѣсомъ около 2-хъ пудовъ, которую онъ, Тетерка, и привезъ въ Петровскій паркъ, гдѣ его уже ожидали Желябовъ и Прѣсняковъ. Усѣвшись втроемъ въ лодку, гдѣ уже находилась такая же подушка и проволоки, соучастники выѣхали сначала на взморье и тамъ связали обѣ подушки веревками а затѣмъ Фонтанкой и Крюковымъ каналомъ пріѣхали въ Екатерининскій, гдѣ, подъ Каменнымъ мостомъ, и погрузили подушки въ воду, прикрѣпивъ конецъ веревки и проволоки проводниковъ къ находившемуся близъ моста, выше по теченію, плоту, на которомъ устроена прачешная. По состоявшемуся между участниками преступленія соглашенію, взрывъ долженъ былъ произвести Желябовъ, при содѣйствіи Тетерки, во время проѣзда Государя Императора черезъ мостъ. Въ назначенный день и часъ Тетерка, имѣя при себѣ корзину съ картофелемъ, долженъ былъ сойтись съ Желябовымъ у Чернышева моста и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на плотъ, къ которому были прикрѣплены проводники, гдѣ подъ видомъ перемывки картофеля, соединить проводники съ батареей, которую взялся привести Желябовъ. Въ наз-

наченное, однако, время Тетерка по неимѣнію часовъ, не явился своевременно на мѣсто свиданія, и въ тотъ же день Государь Императоръ прослѣдовалъ черезъ С.-Петербургъ на южный берегъ Крыма. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого тѣ же лица поѣхали поднимать подушки съ динамитомъ со дна канала, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ имѣвшіяся у нихъ кошки не захватывали своими лапками подушекъ“ [1]).

Подушки потомъ были извлечены изъ воды полиціей.

Лице, передавшее Меркулову подушку, оказалось Исаевымъ.

Лангансъ былъ осужденъ вмѣстѣ съ другими по процессу 20-ти и умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ.

Грачевскій осужденъ по процессу 17-ти (въ 1883 г.), заключенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ окончилъ жизнь самоубійствомъ путемъ самосожженія.

7. Событіе 1 марта 1881 года [2]).

Вечеромъ 1-го марта 1881 г., въ экстренномъ прибавленіи къ Правительственному Вѣстнику были напечатаны два слѣдующихъ оффиціальныхъ бюллетеня:

1) „Сего 1 марта, въ 1 3/4 часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно“.

Лейбъ-медикъ Боткинъ.
Профессоръ Е. Богдановскій.
Почетный лейбъ-медикъ Головинъ.
Докторъ Круглевскій.

2) „Сегодня, 1-го марта, въ 1 часъ 45 минутъ по полудни, при возвращеніи Государя Императора съ развода, на на-

[1]) Ibid. стр. 257—259.

[2]) Подкопъ на Малой Садовой и событіе 1-го марта, какъ, по существу, совершенно слитные, мы соединяемъ въ одинъ отдѣлъ.

бережной Екатерининскаго канала, у сада Михайловскаго Дворца, совершено было покушеніе на священную жизнь Его Величества, посредствомъ брошенныхъ двухъ разрывныхъ снарядовъ. Первый изъ нихъ повредилъ экипажъ Его Величества. Разрывъ второго нанесъ тяжелыя раны Государю. По возвращеніи въ Зимній Дворецъ, Его Величество сподобился пріобщиться Св. Тайнъ и затѣмъ въ Бозѣ почилъ — въ 3 часа 35 минутъ по полудни. Одинъ злодѣй схваченъ".

Министръ внутреннихъ дѣлъ
генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

Затѣмъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ появились о катастрофѣ 1-го марта слѣдующія сообщенія:

1) „Задержанный 1-го марта здодѣй, какъ обнаружено производящимся дознаніемъ,— мѣщанинъ города Тихвина Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ, началъ образованіе въ вытегорскомъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ продолжалъ его въ череповецкомъ реальномъ училищѣ; въ 1879 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступилъ въ Горный Институтъ, гдѣ и нынѣ числится, но лекцій не посѣщалъ съ декабря 1880 года" [1]).

2) „Министръ внутреннихъ дѣлъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе:

„Одинъ изъ главныхъ организаторовъ послѣдняго преступнаго посягательства на драгоцѣнную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, арестованный 27-го февраля вечеромъ [2]), призналъ свое руководящее участіе въ преступленіи и изобличается въ томъ же показаніемъ задержаннаго на мѣстѣ катастрофы виновника ея, мѣщанина Рысакова, бросившаго подъ Императорскую карету, при проѣздѣ Его Величества по набережной Екатериненскаго канала, первый метательный снарядъ.

„Въ неизвѣстномъ лицѣ, кинувшемъ, повидимому, второй метательный снарядъ и получившимъ на мѣстѣ взрыва смертельныя поврежденія, Рысаковъ, по предъявленіи ему трупа умершаго, призналъ своего единомышленника [3]).

---

[1]) Правительственный Вѣстникъ отъ 4-го марта 1881 г.
[2]) Рѣчь идетъ объ А. И. Желябовѣ.
[3]) И. І. Гриневицкаго.

„Квартира, изъ которой Рысаковымъ и его товарищемъ, получены были употребленныя ими въ дѣло метательные снаряды, открыта въ ночь на сіе 3-е марта. Хозяинъ ея, по прибытіи къ нему должностныхъ лицъ, производящихъ дознаніе, застрѣлился [1]). Проживавшая съ нимъ вмѣстѣ женщина арестована [2]).

„Въ обнаруженной квартирѣ найдены метательные снаряды и одинъ экземпляръ революціонной прокламаціи по поводу совершившагося преступленія, съ указаніемъ на то, что злодѣйскій замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе двумя лицами.

„Въ 11 часовъ утра въ эту же квартиру явился молодой человѣкъ, который немедленно и былъ арестованъ [3]). При его задержаніи онъ сдѣлалъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, которыми ранено трое полицейскихъ чиновъ“ [4]).

3) „Министръ внутреннихъ дѣлъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе:

„Лицо, сопротивлявшееся полиціи съ оружіемъ въ рукахъ при его задержаніи въ квартирѣ, изъ которой мѣщаниномъ Рысаковымъ и его товарищемъ были получены метательные снаряды для злодѣянія 1-го марта, оказалось крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, дер. Гавриловки Тимоѳеемъ Михайловымъ, принимавшимъ участіе, какъ выяснено дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ, въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ преступленію. По бумагамъ, найденнымъ у арестованнаго, усмотрѣны указанія на какія то приспособленія по Екатерининскому каналу и Малой Садовой улицѣ. Вслѣдъ за симъ полиціею было доведено до свѣдѣнія судебной власти, что изъ сырной лавки крестьянина Кобозева, имѣющейся въ подвальномъ этажѣ дома № 56—8 по Малой Садовой, скрылись хозяева лавки, мущина и женщина [5]), оставивъ слѣды производившихся земляныхъ работъ. При ближайшемъ осмотрѣ помѣщенія Кобозевыхъ изъ сосѣдняго съ лавкой жилья

---

[1]) Н. А. Саблинъ.

[2]) Г. М. Гельфманъ.

[3]) Т. М. Михайловъ.

[4]) Правительственный Вѣстникъ. 4 марта 1881 года.

[5]) Ю. Н. Богдановичъ и А. В. Якимова.

обнаруженъ подкопъ, доведенный до середины улицы, съ устроенною въ немъ миною. Дознаніе и слѣдствіе по всѣмъ обнаруженнымъ обстоятельствамъ приближается къ окончанію и въ непродолжительномъ времени поступитъ на разсмотрѣніе суда“ [1]).

4) „10-го марта арестована въ С.-Петербургѣ Софья Перовская, скрывавшаяся съ 1878 года. По собственному сознанію, она участвовала подъ фамиліей Сухоруковой, 19 ноября 1879 года въ покушеніи подъ Москвой, посредствомъ подкопа, на жизнь Священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора, а нынѣ руководила, послѣ ареста Желябова, заговоромъ на злодѣйское преступленіе 1-го марта. Софья Перовская будетъ привлечена къ суду вмѣстѣ съ прочими участниками упомянутаго злодѣянія“ [2]).

5) „На дняхъ дѣло о злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта, дополненное указаніями на участіе въ немъ Софьи Перовской, поступило на разсмотрѣніе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената. Продолжающееся и послѣ сего разслѣдованіе обстоятельствъ дѣла, касающихся еще не привлеченныхъ къ суду участниковъ преступленія, привело къ изобличенію священническаго сына, уроженца Екатеринославской губерніи, Николая Кибальчича, который на допросѣ, сдѣлавъ полное сознаніе, показалъ, между прочимъ, что метательные снаряды, какъ брошенные 1-го марта, такъ равно и найденные при обыскѣ квартиры въ Телѣжной улицѣ, приготовлены имъ“ [3]).

Оффиціальныя сообщенія о событіи 1 марта дополнялись въ теченіе долгаго времени частными свѣдѣніями изъ газетъ.

Корреспондентъ катковскихъ Московскихъ Вѣдомостей писалъ такія строки:

„19 февраля получено было нѣсколько анонимныхъ писемъ, которыми извѣщалось, что въ этотъ день, во время иллюминаціи, должно совершиться нѣчто, что всѣхъ поразитъ“. Приняты были соотвѣтственныя мѣры, но предсказанію на этотъ день не вѣрили, видя въ этомъ отводъ глазъ

[1]) Правительственный Вѣстникъ. 6 марта 1881 года.
[2]) Правительственный Вѣстникъ. 14 марта 1881 года.
[3]) Правительственный Вѣстникъ. 24 марта 1881 года.

со стороны злодѣевъ, затѣмъ получено было другое письмо, говорившее, что будетъ сдѣлано покушеніе на Государя, „когда онъ будетъ возвращаться съ развода въ манежѣ домой". Полиція вслѣдствіе этого, усиленно металась и искала, а Государя графъ Лорисъ-Меликовъ убѣдилъ сряду два воскресенья откладывать разводъ; но 1-го марта, не смотря на новыя убѣжденія графа отложить разводъ, Государь настоялъ и поѣхалъ въ манежъ въ сопровожденіи своихъ шести конвойныхъ (число ихъ было увеличено противъ первоначальныхъ двухъ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ графа Лорисъ-Меликова)".

Правительственное сообщеніе объ обнаруженіи квартиры (Н. А. Саблина и Г. М. Гельфманъ), изъ которой Н. И. Рысаковъ и другой тогда еще неизвѣстный человѣкъ, бросившій 1 марта второй разрывной снарядъ (И. І. Гриневицкій), получили снаряды, и объ арестѣ въ этой квартирѣ Т. М. Михайлова, газеты дополняли такими сообщеніями:

„Это случилось въ Телѣжной улицѣ (Александро-Невской части). Въ 11 часовъ вечера 2-го марта въ 1-й участокъ Александро-Невской части прибыли товарищъ прокурора судебной палаты, судебный слѣдователь и жандармскій маіоръ, которые, въ сопровожденіи старшаго помощника пристава Рейнгольда, городового и околодочныхъ надзирателей, отправились произвести обыскъ въ Телѣжную улицу, въ домъ Пирогова, № 5, кварт. № 7. По приходѣ къ дверямъ означенной квартиры, помощникъ пристава Рейнгольдъ на данный звонокъ услышалъ за дверьми суматоху, и затѣмъ мужской голосъ спросилъ: кто тутъ? — на этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ, что приставъ и прокуроръ; послѣ этого дверь затворилась, и на неоднократные звонки голоса изъ квартиры не подавалось, вслѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе сломать двери. Лишь только послышались удары топора у дверей, какъ раздались подрядъ одинъ за другимъ 6 выстрѣловъ изъ револьвера, изъ которыхъ одинъ попалъ въ дверь; послѣ 6-го выстрѣла все стихло, а немного спустя, дверь отворила женщина небольшого роста, просившая о помощи. При входѣ въ квартиру всѣхъ присутствующихъ, на полу второй комнаты, отъ входа направо лежалъ, плавая въ крови, мужчина средняго

роста съ темнорусою, окладистою бородою, на видъ лѣтъ 32-хъ, одѣтый въ русскую красную кумачную рубашку, сѣрыя триковыя нѣмецкаго покроя брюки и ботинки. Повидимому, самоубійца уложилъ себя 6 выстрѣломъ, направленнымъ въ лѣвый глазъ, наповалъ. Женщина, отворившая дверь, немедленно была схвачена и подвергнута допросу, при чемъ отказалась дать какія-либо объясненія.

„Послѣ этого было приступлено къ обыску, которымъ обнаружено присутствіе въ квартирѣ въ двухъ жестяныхъ банкахъ 10 фунтовъ динамита, въ каждой по 5-ти фунтовъ, нѣсколько экземпляровъ прокламацій, по содержанію начала и по формамъ похожихъ на вышедшій 2-го марта манифестъ, отпечатанный въ газетахъ, паспортъ убитаго на имя коллежскаго ассесора Навроцкаго, много учебныхъ книгъ, газетъ и проч.

„По началу обыска было сдѣлано распоряженіе, чтобы дворники и городовые охраняли квартиру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ нее явится кто-либо посторонній, то чтобы немедленно задерживали и представляли въ квартиру, гдѣ находились помощникъ пристава, городовые и околодочные.

„Утромъ 3-го марта, въ 10 часовъ, къ означенной квартирѣ подошелъ неизвѣстнаго званія человѣкъ, очень прилично одѣтый, въ черномъ сюртукѣ, такихъ же брюкахъ, енотовой шубкѣ съ бобровымъ воротникомъ, въ суконной синяго цвѣта шапкѣ. На вопросъ, предложенный дворникомъ, кого нужно, неизвѣстный отозвался, что ищетъ квартиру № 12, а въ ней кучера Петрова, но на отвѣтъ дворника, что кв. № 12 пустая, онъ, не отвѣчая ни слова, началъ подниматься по лѣстницѣ вверхъ и потому былъ схваченъ бывшимъ на лѣстницѣ городовымъ полицейскаго резерва Денисовымъ и представленъ къ помощнику пристава Рейнгольду, который, спросивъ нѣсколько словъ у неизвѣстнаго, приказалъ находившимся тутъ околодочнымъ надзирателямъ Зезюкину и Нордману обыскать его. Въ то время, какъ городовой Денисовъ началъ снимать съ него шубу, неизвѣстный моментально опустилъ руку въ карманъ и, вынувъ оттуда револьверъ, направилъ его въ упоръ въ г. Рейнгольда. Послѣдній, замѣтивъ направленный въ него револьверъ, откинулся въ сторону, пуля, вмѣсто него, по-

пала въ стоявшаго тутъ же помощника пристава г. Слуцкаго и, пробивъ пальто и сюртукъ, контузила его въ правую сторону груди; вторымъ выстрѣломъ опасно раненъ въ пахъ городовой Денисовъ. Преступникъ схваченъ сзади, когда направлялъ выстрѣлы въ другихъ окружающихъ, но никого не ранилъ".

Объ обстоятельствахъ ареста „главнаго организатора событія 1 марта" (А. И. Желябова) газеты сообщали такія свѣдѣнія:

„Полиція, около 12 февраля, получила изъ-за границы свѣдѣнія, что одинъ изъ вожаковъ революціонной партіи, извѣстный въ средѣ ея подъ именемъ „Милордъ", направляется въ Петербургъ. Въ скоромъ времени, дѣйствительно, студентъ Тригони (Милордъ) прибылъ въ Петербургъ и, перемѣнивъ двѣ или три квартиры, поселился на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Лихачева, № 66, въ меблированныхъ комнатахъ г-жи Мессюро, въ квартирѣ № 12, гдѣ и прописался подъ своимъ настоящимъ именемъ. Учрежденъ былъ надзоръ за студентомъ Тригони, который былъ однимъ изъ распорядителей революціоннаго Исполнительнаго Комитета и, какъ оказалось, сторонникомъ употребленія разрывныхъ бомбъ, которыя и были пущены входъ во время страшной катастрофы 1-го марта. Брюнетъ съ черной бородой, горбатымъ, выдающимся носомъ, высокаго роста и замѣчательнаго тѣлосложенія, Тригони одѣвался всегда прилично. Между прочимъ, онъ навѣщалъ домъ № 18, по 1 ротѣ Измайловскаго полка; далѣе открылось, что булочно-кофейная Исакова, на углу Малой Садовой, служила мѣстомъ свиданій революціонерамъ. Сюда заходили они въ позднiе, ночные часы, здѣсь бесѣдовали о предстоящемъ осуществленіи плановъ. 27 февраля начальство секретной полиціи дало, наконецъ, приказаніе арестовать „Милорда". Вечеромъ, въ тотъ же день, когда въ комнатѣ его находился нѣкто „Петръ Ивановъ", жилецъ дома № 18, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, Тригони подъ какимъ-то предлогомъ былъ вызванъ въ корридоръ. Едва вышелъ послѣдній изъ комнаты, какъ преслѣдователи взяли его подъ руки и отвели въ отдѣльную комнату. Арестованный спокойно, не сопротивляясь послѣдовалъ за представителями полиціи, и, по словамъ

очевидцевъ, держалъ себя крайне прилично. Въ то же время другой человѣкъ, съ чрезвычайно красивымъ, выдающимся лицомъ и длинною черною бородою, сообразивъ случившееся, выскочилъ изъ комнаты арестованнаго и быстрыми шагами направился къ выходной двери; но, какъ и слѣдовало ожидать, дверь оказалась запертой и „Петръ Ивановъ", подобно „Милорду", очутился въ рукахъ полиціи. Во время ареста „Петръ Ивановъ" опустилъ руку въ карманъ и быстро вынулъ револьверъ, но оружіе было моментально отобрано у заарестованнаго. „Я цереубійца изъ Александровска",—рекомендовался „Петръ Ивановъ", а затѣмъ удивлялся, какъ это могло случиться, что онъ допустилъ себя арестовать.

„Обыскъ въ квартирѣ „Милорда" обнаружилъ 170 экземпляровъ листка Народная Воля. На основаніи примѣтъ одного государственнаго преступника, полиція полагала, что въ лицѣ второго заарестованнаго имѣетъ дѣло съ однимъ изъ сотоварищей Гартмана, скрывшимся государственнымъ преступникомъ Желябовымъ, но „Петръ Ивановъ" отрицалъ свою тожественность съ послѣднимъ. Задержанные въ тотъ же вечеръ были отправлены въ каретѣ въ домъ предварительнаго заключенія и поступили въ вѣдѣніе прокурорскаго надзора. Только тогда товарищъ прокурора Добржинскій обратился къ „Петру Иванову" и сказалъ: „Я васъ помню по дѣлу 74 года; вы — Желябовъ". Мнимый „Петръ Ивановъ" отвѣтилъ: „Вашъ покорный слуга".

„Въ квартирѣ послѣдняго, въ Измайловскомъ полку, найденъ динамитъ".

Уже черезъ 25 лѣтъ, послѣ этихъ событій (въ 1906 г.), вышедшій изъ Шлиссельбургской крѣпости, М. Н. Тригони самъ разсказывалъ объ обстоятельствахъ своего ареста въ 1881 году слѣдующее:

„На дняхъ мнѣ пришлось прочесть въ одной газетѣ воспоминанія неизвѣстнаго мнѣ лица о мартовскихъ событіяхъ 1881 года и въ частности о моемъ арестѣ въ Петербургѣ. Воспоминанія эти полны невѣрностей, и вотъ что случилось со мною въ дѣйствительности передъ событіемъ 1-го марта: пріѣхалъ я въ послѣдній разъ въ Петербургъ въ концѣ января 1881 года и остановился въ меблирован-

ныхъ комнатахъ Миссюро на углу Невскаго и Караванной. На другой день по пріѣздѣ, мнѣ нужно было узнать адресъ у одного моего знакомаго, который служилъ въ конторѣ паровой хлѣбопекарни, на Васильевскомъ островѣ. Выйдя изъ дому и пройдя два-три квартала, я взялъ извозчика и отправился на Васильевскій островъ. Пробывъ съ четверть часа у знакомаго, я вышелъ и увидѣлъ, что съ моимъ извозчикомъ разговариваетъ подозрительный человѣкъ. Догадавшись, что это агентъ полиціи, освѣдомляющійся у извозчика о мѣстѣ, откуда онъ меня привезъ, я сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ университетъ. Расплатившись съ извозчикомъ, я не раньше вышелъ изъ университета, какъ пробывши тамъ довольно продолжительное время. Я не ошибся. Въ тотъ же день я узналъ, что за посѣтителями конторы паровой хлѣбопекарни наблюдаютъ. Послѣ этого вплоть до 25 февраля я ничего особеннаго не замѣчалъ. Утромъ 25-го февраля я обратилъ вниманіе на своего сосѣда по квартирѣ, носившаго флотскую форму отставного капитана. Его предупредительность въ оказываніи мнѣ мелкихъ домашнихъ услугъ была настолько подозрительна, что я рѣшилъ перемѣнить квартиру. Но этому не суждено было сбыться.

Впослѣдствіи стало извѣстно, что рядомъ съ той комнатой, которую я занималъ, былъ помѣщенъ шпіонъ. Еще осенью 1880 года я получилъ извѣстіе изъ Крыма, что меня тамъ разыскиваютъ, но званіе помощника присяжнаго повѣреннаго было такъ удобно для конспиративной дѣятельности, что безъ солидныхъ причинъ мнѣ не хотѣлось стать нелегальнымъ. Меркуловъ, хотя и былъ уже арестованъ, но тогда еще не началъ выдавать. 27-го февраля я вернулся домой отъ Николая Евгеньевича Суханова въ половинѣ седьмого вечера. Черезъ полчаса входитъ ко мнѣ Желябовъ и, поздоровавшись, говоритъ: „У тебя въ корридорѣ, кажется, полиція“. Желая узнать въ чемъ дѣло, я сейчасъ же вышелъ въ корридоръ, но едва успѣлъ сказать, —„Катя (служанка), принесите самоваръ“— какъ былъ подхваченъ со всѣхъ сторонъ толпою людей, выбѣжавшихъ изъ противоположнаго пустого номера. Меня отвели въ пустой номеръ, гдѣ сейчасъ же и обыскали. Одновременно былъ арестованъ Желябовъ въ моемъ номерѣ. Минутъ черезъ

20 каждаго изъ насъ посадили съ конвоемъ въ отдѣльную карету и повезли въ канцелярію градоначальника. Градоначальникомъ въ то время былъ Федоровъ. Тамъ же присутствовалъ товарищъ прокурора судебной палаты, состоящій при департаментѣ полиціи,—Добржинскій. Послѣ обычныхъ вопросовъ, градоначальникъ спросилъ меня: „какъ фамилія товарища вашего, котораго у васъ арестовали?“ На это я ему отвѣтилъ: „потрудитесь обратиться съ этимъ вопросомъ къ моему товарищу; въ такихъ учрежденіяхъ я не имѣю обыкновенія говорить о другихъ и отвѣчать за другихъ“. На вопросъ товарища прокурора Добржинскаго „какъ вы могли проживать подъ своимъ именемъ въ то время, когда мы васъ давно разыскиваемъ“, я сказалъ, „что состою помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при Одесскомъ окружномъ судѣ, и найти меня было весьма легко“. Въ десятомъ часу вечера насъ повезли въ тѣхъ же каретахъ въ домъ предварительнаго заключенія. Здѣсь въ конторѣ, въ ожиданіи управляющаго домомъ, который долженъ былъ принять насъ подъ росписку, встрѣтились мы съ Желябовымъ въ послѣдній разъ. Онъ успѣлъ мнѣ сказать, что лишь только онъ вошелъ въ канцелярію градоначальника, какъ товарищъ прокурора Добржинскій встрѣтилъ его восклицаніемъ: „Желябовъ, да это вы!“ Желябовъ не нашелъ нужнымъ это отрицать. Добржинскій зналъ Желябова по Одессѣ въ то время, когда Желябовъ привлекался къ процессу 193-хъ. По этому процессу Желябовъ былъ оправданъ, но, по возвращеніи въ Одессу, онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Мы обнялись, и насъ развели по камерамъ...“ [1]).

Теперь приведемъ нѣкоторыя данныя относительно катастрофы 1-го марта въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ изложены въ обвинительномъ актѣ по этому дѣлу.

Суду, какъ извѣстно, были преданы А. И. Желябовъ, С. Л. Перовская, Н. И. Рысаковъ, Т. М. Михайловъ, Н. И. Кибальчичъ и Г. М. Гельфманъ. Объ участіи каждаго изъ этихъ лицъ, въ событіи 1-го марта, равно какъ и объ обстоятельствахъ, при которыхъ происходили ихъ аресты, въ

[1]) М. Н. Тригони. „Мой арестъ въ 1881 году“. Былое. 1906 г. Мартъ. Стр. 76—77.

соотвѣтствующихъ частяхъ обвинительнаго акта находятся слѣдующія данныя:

„Въ третьемъ часу дня, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя Императора, на разстояніи не болѣе двухъ саженъ отъ нея, ѣхалъ въ саняхъ полицеймейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи саженъ 50-ти отъ угла Инженерной улицы въ $2^1/_4$ часа пополудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ бы вѣромъ. Выскочивъ изъ саней и въ то же время замѣтивъ, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого-то человѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ императорской каретѣ, отворилъ дверцы и, встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимымъ Государя Императора, доложилъ Его Величеству, что преступникъ задержанъ. По приказанію Государя, свидѣтель проводилъ Его по тротуару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился уже окруженный толпою народа задержанный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Иванычемъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудыковскій, не узнавъ сразу Его Величество, спросилъ: „Что съ Государемъ?“. На что Государь Императоръ, оглянувшись и не доходя шаговъ десяти до Рысакова, изволилъ сказать: „Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ...“, указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государя, Рысаковъ сказалъ: „Еще слава ли Богу?“ Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ Государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ Рысакова, вынутые изъ платья его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ—онъ-ли стрѣлялъ, Его Императорское Величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова: „кто онъ такой?“ —на что тотъ назвалъ себя мѣ-

щаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по направленію къ экипажу, сзади, у самыхъ ногъ Его, раздался новый оглушительный взрывъ, причемъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и клочьевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась, пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ, поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и Государь Императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюбленный Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги вѣнценоснаго Страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было въ крови. Тутъ же лежала шинель Государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненый рядомъ съ Государемъ Императоромъ полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, услышалъ едва внятно произнесенныя слова Государя: „Помоги“, и вскочивъ, подбѣжалъ къ Нему вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто-то подалъ платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: „Холодно, холодно“. Тогда, приподнявъ Государя, уже начавшаго терять сознаніе, окружавшія Его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера павловскаго военнаго училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли Его къ санямъ полковника Дворжицкаго, причемъ поручикъ графъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкою обнаженную голову Страдальца. Наклонившись къ своему Августѣйшему Брату, великій князь спросилъ, слышитъ-ли Его Величество,— на что Государь Императоръ тихо отвѣчалъ: „Слышу“; на дальнѣйшій вопросъ его высочества о томъ, какъ Государь себя чувствуетъ, Государь Императоръ изволилъ сказать: „Скорѣе во Дворецъ“, а затѣмъ, какъ-бы въ отвѣтъ на услышанное Имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести Его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, Его Им-

ператорское Величество произнесъ: „Несите Меня во Дворецъ... тамъ...—умереть". То были послѣднія слышанныя свидѣтелями слова умирающаго Монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему Его Величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кулебякинъ и, съ помощью конвойныхъ казаковъ Козьменко и Луценко, повезъ Государя Императора въ Зимній Дворецъ.

„Неисповѣдимыя велѣнія Промысла совершились. Объявленіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованными того же 1-го марта, возвѣщено, что при вышеописанномъ второмъ взрывѣ Его Императорское Величество Государь Императоръ былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ, и въ тотъ же день, въ 3 часа 35 минутъ пополудни, въ Бозѣ почилъ".

Упомянувъ о существовавшемъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ сообществѣ и назвавъ нѣсколькихъ изъ принадлежавшихъ къ нему лицъ по именамъ, обвинительный актъ говоритъ далѣе такъ: результаты изслѣдованія „привели къ заключенію, что въ кружкѣ означенныхъ лицъ играли видную и вліятельную роль: проживавшій подъ своимъ собственнымъ именемъ дѣйствительный студентъ Михаилъ Тригони и крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, розыскиваемый по обвиненію въ покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества, совершенномъ 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска Екатеринославской губерніи. Желябовъ былъ арестованъ 27-го февраля сего года, одновременно съ Тригони, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

„По обнаруженіи мѣстожительства Желябова, проживающаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидіею Антоновной Войновой, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ домѣ № 37—18, кв. № 23, подъ именемъ Николая Иванова Слатвинскаго, въ квартирѣ его, утромъ 1 марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ

разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки изъ-подъ конфектъ и одна изъ-подъ сахару, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (трехъ изъ-подъ конфектъ и одной изъ-подъ сахару) чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки.

„Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновой, скрылась изъ вышеуказанной квартиры Желябова на другой день его ареста, 28-го февраля вечеромъ, и была задержана лишь 10-го марта, на Невскомъ проспектѣ, околодочнымъ надзирателемъ Широковымъ.

„Задержанная оказалась дворянкою Софьею Львовною Перовскою, обвиняемою и разыскиваемою по дѣлу о покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенномъ 19 ноября 1879 года, близъ города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги.

„По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи: отъ 2-го марта 1881 года, по поводу событія 1-го марта, 18 экземпляровъ отъ „Исполнительнаго Комитета“ и 14 экземпляровъ отъ „Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“.

Далѣе обвинительный актъ гласитъ слѣдующее объ обстоятельствахъ обнаруженія подкопа на Малой Садовой:

„4 марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома № 56—8 (графа Менгдена), находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, того самаго, въ которомъ помѣщается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о томъ, что содержатель сырной лавки, въ подвальномъ этажѣ того же дома, крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своею Еленою Федоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, мѣстная полиція произвела осмотръ означенной лавки, оставленной хозяевами, причемъ, по приглашеніи на мѣсто судебнаго слѣдователя, изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ, былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую.

„По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ генералъ-маіора Федорова, военнаго инженера

штабсъ-капитана Родавановскаго, командира гальванической роты полковника Лисовскаго и офицеровъ оной же роты: штабсъ-капитана Линденера и поручика Тишкова, какъ внутренности лавки и смежныхъ съ ней помѣщеній, такъ и самаго подкопа, изслѣдованнаго съ помощью поименованныхъ экспертовъ и нижнихъ чиновъ гальванической роты, оказалось, въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ, нижеслѣдующее: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры и оставлены разныя записки, не имѣющія значенія по своему содержанію; въ стоящихъ здѣсь же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломою и за обшивкою нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, сложена земля. Въ смежномъ жильѣ такая же земля найдена подъ сидѣньемъ дивана и рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, девять деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею и шесть мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, повидимому, носили землю. Въ разныхъ мѣстахъ разбросаны землекопные и минные инструменты, какъ-то буравъ съ его принадлежностями, ручной фонарикъ съ лампочкой и проч. Въ жильѣ стѣна, подъ первымъ отъ входа окномъ, пробита и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до средины улицы. Въ отверстіи оказалась стклянка съ жидкостью (двухромокислымъ кали) для заряженія гальванической батареи, системы Грене, 4 элемента которой найдены тутъ же въ корзинѣ. Отъ батареи шли по минѣ проводы, оканчивавшіеся зарядомъ. По заключенію генералъ-маіора Федорова, зарядъ этотъ состоялъ изъ системы чернаго динамита, количествомъ около 2-хъ пудовъ, капсюли съ гремучей ртутью и шашки для пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такая система вполнѣ обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до $2^1/_2$ саженъ въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были бы выщиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки. Что же касается до земли, найденной въ лавкѣ Кобозева, то, по заключенію полковника Лисовскаго, количество ея соотвѣтствуетъ объему земли, вынутой изъ галлереи.

„Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобозевыми наняли лавку въ домѣ графа Менгденъ въ де-

кабрѣ 1880 г., по контракту за 1.200 руб. въ годъ, и переѣхавъ въ январѣ, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ свидѣтелей, какъ не соотвѣствовавшая свойствамъ, образу жизни и внѣшности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ. Торговля производилась неумѣло и какъ бы лишь для виду: Кобозевъ казался человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше своего состоянія, жена его обнаруживала привычки, несвойственныя женѣ простого торговца, кромѣ того часто не ночевала дома. Вслѣдствіе павшаго по этому на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ лавкѣ ихъ, 28 февраля 1881 года, по распоряженію градоначальника, мѣстною полицею, при участіи техника, генерала-маіора Мровинскаго, произведенъ былъ осмотръ подъ видомъ техническихъ и санитарныхъ цѣлей. Осмотръ этотъ не далъ никакихъ результатовъ, при чемъ, однако же, по удостовѣренію свидѣтелей: Мровинскаго, пристава 1-го участка Спасской части Теглева и дворника Никифора Самойлова, Кобозевъ казался смущеннымъ и испуганнымъ. Послѣ осмотра, 1-го и 2-го марта Кобозевы поочередно уходили изъ дома, а 3-го марта Кобозевъ ушелъ утромъ, жена же его вечеромъ, послѣ чего они болѣе не возвращались".

Обстоятельства обнаруженія квартиры лица, бросившаго второй снарядъ и проживавшаго подъ фамиліей Ельникова (И. І. Гриневицкій), а также обстоятельства, предшествовавшія событію 1 марта, въ обвинительномъ актѣ изложены такъ:

„5-го марта, по указаніямъ Рысакова, была обнаружена и квартира того самаго неизвѣстнаго человѣка, который умеръ отъ поврежденій, полученныхъ имъ при взрывѣ 1-го марта. Подъ именемъ виленскаго мѣщанина Николая Степана Ельникова, онъ проживалъ на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

„По осмотру вещей, оставшихся въ квартирѣ Артамоновой, въ числѣ ихъ, кромѣ 6 экземпляровъ Рабочей Газеты, напечатанныхъ въ „Летучей Типографіи Народной Воли", и экземпляра „Программы рабочихъ членовъ партіи", оказались еще: 1) счетъ въ израсходованіи за но-

ябрь 33 рублей, съ надписью внизу: отчетъ Федорова, и 2) платокъ съ мѣткой Н. И. Р.".

„Рѣчь о цареубійствѣ зашла на собраніяхъ террористическаго отдѣла, происходившихъ сначала въ квартирѣ Рысакова, а затѣмъ въ особой конспиративной квартирѣ (Гесси Гельфманъ) по Троицкому переулку; на этой послѣдней квартирѣ, недѣли за полторы до 1-го марта, Желябовъ „кликнулъ кличъ" или, другими словами, вызвалъ добровольцевъ, желающихъ совершить новое покушеніе на жизнь Государя Императора, рѣшенное „Исполнительнымъ Комитетомъ". Послѣ этихъ собраній состоялось еще одно, въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ снова обсуждался вопросъ о покушеніи; сначала событіе, о которомъ Желябовъ говорилъ съ Рысаковымъ въ видѣ предположенія, еще до упомянутыхъ собраній, представлялось отдаленнымъ, но затѣмъ Рысаковъ сталъ замѣчать въ Желябовѣ и его товарищахъ лихорадочную поспѣшность, которую Рысаковъ объясняетъ тѣмъ, что составъ и силы партіи были разстроены только-что постигшими ее арестами. На категорическое предложеніе Желябова совершить покушеніе, Рысаковъ согласился приблизительно за недѣлю до 1 марта, послѣ чего вступилъ въ непосредственныя сношенія съ кружкомъ лицъ, устраивавшихъ посягательство, и былъ введенъ въ новую конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ, которая, по словамъ Желябова, и была нанята исключительно для подготовленія цареубійства. На призывъ Желябова совершить преступленіе отозвались, кромѣ его, Рысакова, еще и „Михаилъ Ивановичъ" [1]) и Тимоѳей Михайловъ, а также, повидимому, и человѣкъ, называвшійся „Михаиломъ" [2]) съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его познакомилъ Желябовъ, какъ съ „товарищемъ по дѣлу". Сверхъ названныхъ лицъ на „конспиративной квартирѣ" появилась и Перовская, съ которою Желябовъ познакомилъ его, Рысакова, еще въ началѣ зимы, причемъ Рысаковъ принялъ тогда же участіе вмѣстѣ съ „Михаиломъ Ивановичемъ", въ постоянномъ и правильномъ

---

[1]) Гриневицкій.

[2]) И. П. Емельяновъ, тогда еще не обнаруженный. Осужденъ 1882 г. См. „Процессъ 20 народовольцевъ" въ январской книжкѣ Былого За 1906 годъ.

наблюденіи за выѣздомъ Государя Императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ собирались добровольцы, т. е. онъ, Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“, Тимоѳей Михайловъ и „Михаилъ“. Здѣсь же Рысаковъ видѣлъ Гессю Гельфманъ, а также человѣка, признаннаго имъ въ предъявленномъ ему трупѣ Саблина. На первое же собраніе, вслѣдъ за Желябовымъ, явился человѣкъ, котораго называли „техникомъ“ и который подробно объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ по принесеннымъ имъ образцамъ. 28 февраля, онъ, Рысаковъ, „техникъ“, Тимоѳей Михайловъ и „Михаилъ Ивановичъ“ ходили за городъ въ пустынное мѣсто, за Смольнымъ монастыремъ, пробовать образецъ снаряда; снарядъ этотъ былъ брошенъ Тимоѳеемъ Михайловымъ и удачно разорвался. Оттуда участники задуманнаго преступленія отправились на конспиративную квартиру, для полученія какихъ-то указаній отъ Желябова, который, однако же не пришелъ, причемъ, Гельфманъ, кажется, сказала, что если онъ не пришелъ „то значитъ занятъ“. На другой день, 1-го марта, въ 9 часовъ утра, согласно состоявшемуся наканунѣ уговору, всѣ вновь сошлись на конспиративной квартирѣ, для полученія снарядовъ и необходимыхъ указаній. Здѣсь были: онъ, Рысаковъ, Тимоѳей Михайловъ, „Михаилъ Ивановичъ и “Михаилъ„“. Вскорѣ пришла Перовская и принесла съ собой узелъ съ снарядами, въ которомъ ихъ было не больше двухъ, она сообщила объ арестѣ Желябова и объяснила, что несмотря на работу въ теченіи всей ночи, не успѣли приготовить предположеннаго прежде количества снарядовъ. „Можетъ быть и еще принесутъ“, сказала Перовская, „нужно довольствоваться малымъ“. Затѣмъ явился „техникъ“ и, какъ кажется Рысакову, также принесъ снаряды. Всѣ указанія для совершенія злодѣянія были даны Перовскою, которая начертила на конвертѣ планъ мѣстности и каждому изъ участниковъ указала на немъ начначенный ему пунктъ. При этомъ состоялось слѣдующее распредѣленіе: на Малой Садовой имѣлъ произойти взрывъ при проѣздѣ Государя, а лица вооруженныя летательными снарядами, были разставлены по близости. Онъ, Рысаковъ, долженъ былъ стать у Екатериненскаго сквера, а „Михаилъ“

на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой. На противоположномъ концѣ этой улицы, на углу Б. Итальянской, близъ манежной площади, какъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ, должны были помѣститься лица, болѣе другъ съ другомъ знакомыя, болѣе опытныя и съ лучшимъ революціоннымъ прошлымъ; здѣсь могли стать „Михаилъ Ивановичъ“ и Тимоѳей Михайловъ. При взрывѣ на Малой Садовой, гдѣ, по словамъ Перовской, Государя „уже ждутъ“, всѣ лица со снарядами должны были, на случай неудачи, спѣшить къ мѣсту взрыва. Въ случаѣ же, еслибы Государь Императоръ не прослѣдовалъ по Малой Садовой, то свиданіе съ Перовской было условлено на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна была подать знакъ о томъ, что слѣдуетъ итти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ, послѣ обычнаго посѣщенія имъ Михайловскаго дворца. Когда же оказалось, что Государь Императоръ прослѣдовалъ въ манежъ не по Малой Садовой, а изъ манежа, послѣ посѣщенія Михайловскаго дворца, направился по Екатерининскому каналу, то онъ, Рысаковъ, прійдя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросилъ свой снарядъ, завернутый въ платкѣ, подъ ноги лошадямъ ѣхавшей ему на встрѣчу императорской кареты, послѣ чего и былъ задержанъ Тутъ же на набережной онъ, какъ ему кажется, видѣлъ предъ собой на далекомъ разстояніи „Михаила Ивановича“ [1]) 2-го марта, обвиняемый Желябовъ прислалъ на имя прокурора с.-петербургской судебной палаты заявеніе, въ которомъ, высказывая свою совершенную солидарность съ Рысаковымъ и требуя, по его выраженію, „пріобщенія его, Желябова, къ дѣлу 1-го марта“,

[1]) Уже послѣ своего осужденія И. П. Емельяновъ разсказывалъ А. В. Тыркову, что первоначальный планъ для очередей метальщиковъ былъ другой, чѣмъ это изложено въ обвинительномъ актѣ и чѣмъ произошло въ дѣйствительности. Первую бомбу долженъ былъ бросить Тимоѳей Махайловъ, и такимъ образомъ цареубійцей оказался бы рабочій. Но, придя на мѣсто, Михайловъ почувствовалъ себя не въ силахъ сдѣлать это и возвратился обратно. Очереди метальщиковъ перепутались, и первымъ очутился Рысаковъ, который долженъ былъ быть послѣднимъ и которому, какъ выразился Емельяновъ, только „хотѣли дать понюхать пороху“. См. А. В. Тырковъ. „Къ событію 1-го марта 1881 года“. Былое. 1906 г. апрѣль, стр. 146 и 147.

объясняетъ, „что онъ многократно покушался на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и не принялъ физическаго участія въ преступленіи 1-го марта лишь по случайности". Далѣе, восхваляя Рысакова, онъ выражаетъ опасеніе, что правительство, „за недостаткомъ формальныхъ уликъ противъ него, „ветерана революціи", предпочтетъ „внѣшнюю законность внутренней справедливости", во избѣжаніе чего онъ, Желябовъ, и проситъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу [1]). „Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ Желябова, котораго умершій, обвиняемый по дѣлу о такъ называемыхъ террористахъ, Гольденбергъ характеризуетъ какъ личность „въ высшей степени развитую и геніальную", оказывается, что Желябовъ въ 1872 году былъ исключенъ изъ новороссійскаго университета за безпорядки, затѣмъ судился по дѣлу о революціонной пропагандѣ и по оправданіи, по собственному его показанію, проживалалъ подъ разными именами въ разныхъ мѣстахъ, на средства изъ фонда народа.

„Обвиняемая Софья Львова Перовская, признавая какъ принадлежность свою къ партіи „Народной Воли", такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1-го марта 1881 года, показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домашнее образованіе и поступивъ въ 1869 году на высшіе женскіе курсы при 5-й с.-петербургской мужской гимназіи, она въ 1870 году оставила родительскій домъ и послѣ нѣкотораго подготовленія сдѣлалась народною учительницей, а въ 1872 году примкнула къ революціонному движенію, причемъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Въ 1878 году она была вновь арестована и подлежала административной ссылкѣ въ Олонецкую губернію, но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила „нелегально" подъ разными фамиліями и по подложнымъ видамъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 года, подъ фамиліей Войновой, она поселилась въ Петербургѣ, въ д. № 17—18 по

[1]) Полный текстъ этого гораздо болѣе рѣзкаго, чѣмъ оно изложено въ обвинительномъ актѣ, заявленія Желябова напечатанъ въ мартовской книжкѣ Былого за 1906 г. стр. 61.

1-й ротѣ Измайловскаго полка, вмѣстѣ съ своею знакомой, настоящей фамиліи которой она назвать не желаетъ и которая проживала подъ фамиліею Сиповичъ. Въ сентябрѣ къ ней на квартиру, вмѣсто уѣхавшей Сиповичъ, переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ партіи „Народной Воли“ и „агентъ Исполнительнаго Комитета“, она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе какъ въ приготовленіяхъ къ преступленію 1-го марта и въ происходившихъ по поводу его совѣщаніяхъ между соучастниками, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она вмѣстѣ съ другими лицами слѣдила за обычными выѣздами Государя Императора и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28 февраля соглашеніи дѣйствовать именно 1 марта. Подкопъ по Малой Садовой былъ устроенъ на случай проѣзда Государя по этой улицѣ. Независимо отъ этого подкопа, предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть коихъ, именно два, она, Перовская, утромъ привезла въ д. № 5 по Телѣжной улицѣ, въ квартиру, хозяевами которой были застрѣлившійся въ ней передъ обыскомъ человѣкъ (Саблинъ) и Геся Гельфманъ. Своихъ снарядовъ въ квартирѣ не было, но откуда они были принесены туда обвиняемою, а также сколько ихъ всѣхъ было, считая въ томъ числѣ и снаряды, принесенные другими, она объяснить не желаетъ. По спѣшности дѣла и краткости срока, истекшаго со времени принятаго наканунѣ рѣшенія совершить преступленіе 1 марта, не могло быть приготовлено большого количества снарядовъ, о чемъ она, Перовская, и объяснила своимъ соучастникамъ, по пріѣздѣ своемъ на квартиру по Телѣжной улицѣ, утромъ названнаго дня. Здѣсь же, при окончательномъ распредѣленіи участія каждаго, она нарисовала на конвертѣ найденный по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ планъ мѣстности, на которомъ и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ и назвать ихъ, кромѣ Рысакова, также получившаго снарядъ. По заранѣе составленному плану, отправивъ на условленныя мѣста лицъ, вооруженныхъ сна-

рядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, причемъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади для того, чтобы наблюдать за направленіемъ пути, принимаемымъ Государемъ Императоромъ. Увидя, что Его Величество, не проѣхавъ, по Малой Садовой, и такимъ образомъ, благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій дворецъ, а затѣмъ имѣетъ слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченнымъ ею лицамъ со снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову, подала, молча сморкаясь въ платокъ, условный сигналъ, означавшій, что нужно итти для дѣйствія на Екатериненскій каналъ. Сама же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ такового для нея въ этотъ день не достало. Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатериненскаго канала, для того, чтобы оттуда наблюдать за дѣйствіемъ метательныхъ снарядовъ. Во время обоихъ взрывовъ она находилась въ противоположной сторонѣ Екатериненскаго канала и по совершеніи ихъ удалилась".

Обстоятельства привлеченія къ дѣлу Н. И. Кибальчича обвинительный актъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

„17 марта 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ задержанъ разыскиваемый, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, проживавшій по Лиговкѣ, въ д. 83, кв. № 2, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степанова Ланского, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты.

„При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершеннаго 1 марта 1881 года злодѣянія, жертвою коего палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

„Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дознаніемъ собраны нижеслѣдующія данныя:

„По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самаго

„техника“, о которомъ онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоящему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, въ д. № 5, давало техническія наставленія объ устройствѣ и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ, называвшійся „техникомъ“, 28-го февраля находился съ ними, „Михаиломъ Ивановичемъ“ и Тимоѳеемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а 1-го марта, послѣ прибытія Перовской въ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется, ему, Рысакову, еще два таковыхъ же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежду на мину въ Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, онъ считалъ, „больше иллюзіей“ мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами“.

Послѣ обвинительной и защитительныхъ рѣчей судомъ былъ вынесенъ всѣмъ подсудимымъ приговоръ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Въ Правительственномъ Вѣстникѣ отъ 4-го апрѣля было напечатано:

„3-го сего апрѣля въ 9 ч. 50 м. утра, состоявшійся 29-го минувшаго марта и вошедшій въ законную силу приговоръ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената приведенъ въ исполненіе въ С.-Петербургѣ, на Семеновскомъ плацу, установленнымъ ст. 963 устава порядкомъ — совершеніемъ на эшафотѣ смертной казни черезъ повѣшеніе надъ государственными преступниками: Николаемъ Рысаковымъ, Андреемъ Желябовымъ, Тимоѳеемъ Михайловымъ. Николаемъ Кибальчичемъ и Софьею Перовскою“.

Приведеніе въ исполненіе смертной казни надъ Г. М. Гельфманъ было отсрочено впредь до разрѣшенія ея отъ бремени. Въ такомъ положеніи дѣло тянулось много времени. Въ Правительственномъ Вѣстникѣ отъ 15-го мая были напечатаны такія строки:

„Въ № 1867 газеты Новое Время помѣщено, заимствованное изъ иностранныхъ газетъ извѣстіе, что приговоренная къ смертной казни, государственная преступница

Геся Гельфманъ, исполненіе приговора надъ коей отсрочено въ виду ея беременнаго состоянія, преждевременно родила въ мѣстѣ ея заключенія. Въ виду сего Департаментъ Государственной Полиціи призналъ необходимымъ объявить, что по освидѣтельствованію Гельфманъ, 14-го сего мая, врачами: Славянскимъ, Баландинымъ и Сутугинымъ оказалось, что беременность ея продолжаетъ свое нормальное теченіе".

Такимъ образомъ, 15 мая, т.-е. черезъ полтора мѣсяца послѣ объявленія приговора, „отсрочка" еще висѣла надъ головой женщины, собиравшейся стать матерью... На это обратила вниманіе европейская пресса, въ Парижѣ и Марсели произошли по этому поводу демонстраціи, и смертная казнь была замѣнена Гельфманъ безсрочною каторгою.

Въ Прибавленіи къ №№ 8—9 Народной Воли было оповѣщено, что Гельфманъ умерла 2 февраля 1882 г.

Намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ (отъ лица, лично отвозившаго ребенка Гельфманъ) извѣстно, что ребенокъ этотъ былъ отправленъ въ воспитательный домъ.

На ряду съ оффиціальными документами, касающимися событія 1-го марта съ одной стороны и мемуарами участниковъ его съ другой, мы, для болѣе полнаго освѣщенія обстоятельствъ, сопровождавшихъ катастрофу, заимствуемъ еще нѣкоторыя о томъ же предметѣ данныя изъ книги Виктора Лафертэ—„Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort". Мы будемъ еще говорить въ другой главѣ настоящей книги объ этомъ произведеніи Лафортэ,—тогда мы приведемъ и неопровержимыя доказательства тому, о чемъ теперь мы упомянемъ лишь вскользь: книга Лафортэ составлена полностью на основаніи разсказовъ морганатической супруги Александра Второго свѣтлѣйшей княгини Юрьевской—и это обстоятельство придаетъ книгѣ характеръ историческаго документа.

Вотъ что читаемъ мы въ первой главѣ книги Лафортэ (переводимъ съ нѣкоторыми сокращеніями):

„Ярко блистало солнце въ субботу 28 февраля 1881 г. Слѣпящій глаза снѣгъ покрывалъ улицы русской столицы.

Термометръ показывалъ шесть градусовъ ниже нуля. Словомъ,—то былъ прекрасный, ясный, зимній день.

„Его Величество Императоръ Александръ II, имѣвшій привычку вставать въ $8^1/_2$ часовъ, поднялся на этотъ разъ получасомъ раньше. Окончивши свой туалетъ, Императоръ не отправился, какъ это онъ обыкновенно дѣлалъ, совершать ежедневную прогулку въ обширныхъ залахъ Зимняго Дворца въ сопровожденіи своихъ троихъ дѣтей отъ княгини Юрьевской, съ которыми онъ затѣмъ обыкновенно и завтракалъ. Эта привычка была Монарху столь дорога, что, если кто-либо изъ дѣтей былъ боленъ, то завтракъ сервировался около больного.

„Приблизительно въ $8^3/_4$ ч. утра Его Величество позвалъ въ свой кабинетъ княгиню и ея старшаго восьмилѣтняго сына князя Георгія, чтобы отправиться вмѣстѣ съ ними въ придворную церковь, гдѣ должна была быть отслужена обѣдня, во время которой Императоръ и ея семья должны были пріобщиться св. тайнъ".

Императоръ и его семья причастились.

„Нѣсколько изъ окружавшихъ Его Величество особъ также причастились во время той же обѣдни, по окончаніи которой Императоръ и его семья отправились къ завтраку, куда были приглашены также фрейлина покойной императрицы m-lle Бартенева, князь Суворовъ и генералъ-адъютанты Слѣпцовъ и Рылѣевъ. Завтракъ кончился, и Императоръ отпустилъ всѣхъ присутствовавшихъ, чтобы удалиться въ собственный кабинетъ съ женою и дѣтьми. Вскорѣ послѣ того прибылъ докторъ Боткинъ, и Императоръ хвалился ему, что, простоявши два часа на ногахъ, онъ не чувствуетъ себя утомленнымъ.

„Княгиня и Боткинъ удалились, чтобы оставить Императора заниматься съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Гирсомъ. Черезъ 20 минутъ онъ снова пришелъ къ своей женѣ и дѣтямъ. Онъ только что получилъ отъ Лорисъ-Меликова письмо, извѣщавшее Императора о произведенномъ важномъ арестѣ, въ лицѣ Желябова, одного изъ главнѣйшихъ вожаковъ русской революціонной партіи, виновника преступной попытки взорвать царскій поѣздъ подъ Александровскомъ, попытки, которая не удалась, благодаря обстоятельству поистинѣ провиденціальному.

„Послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ 5-го февраля 1880 г. Императоръ избралъ Лорисъ-Меликова въ качествѣ верховнаго главы по управленію государствомъ (chef suprême de l'administration de l'Etat) [1]), а спустя нѣкоторое время назначилъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Этотъ выборъ ему не былъ никѣмъ подсказанъ и явился единственно результатомъ убѣжденія Государя, что Лорисъ-Меликовъ былъ человѣкомъ, стоявшимъ на высотѣ событій, способнымъ умиротворить Россію и успокоить умы. Этотъ разумный выборъ служитъ лишь въ похвалу Императору, ибо онъ доказывалъ, что управленіе страною должно было быть направлено по пути прогресса, а Лорисъ-Меликовъ былъ именно человѣкомъ, обладавшимъ качествами, способными повести государство по пути реформъ.

„И дѣйствительно, въ теченіе короткаго промежутка времени управленія этого министра страна могла убѣдиться въ возвышенности благожелательныхъ намѣреній Его Величества, направляющихъ Россію къ славѣ и благоденствію. Этотъ выдающійся министръ понялъ также, какого ревностнаго и расположеннаго въ пользу его плановъ союзника имѣлъ онъ въ лицѣ княгини, — супруги Государя.

„Въ полдень въ субботу Лорисъ-Меликовъ явился въ Зимній Дворецъ для занятій государственными дѣлами съ Императоромъ, и вотъ что служило темою ихъ бесѣды:

„Какъ сказано, только что былъ произведенъ арестъ Желябова, за которымъ послѣдовалъ его допросъ. Всѣ отвѣты преступника были доставлены Лорисъ-Меликовымъ въ ихъ письменномъ изложеніи Императору, но, кромѣ обстоятельствъ, уже тогда бывшихъ извѣстными, Желябовъ отказался отвѣчать на всѣ вопросы прокурора судебной палаты и даже заявилъ, что онъ напрасно теряетъ время на постановку ему вопросовъ. Однако, преступникъ прибавилъ, что, не взирая на его арестъ, покушеніе на жизнь Его Величества все же безусловно будетъ произведено.

„Подъ вліяніемъ столь опредѣленной и столь смѣлой угрозы Желябова, Лорисъ-Меликовъ, въ присутствіи наслѣдника престола, уговаривалъ Государя не ѣздить на

[1]) Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ тогда предсѣдателемъ „Верховной Распорядительной Коммиссіи".

слѣдующій день на разводъ войскъ, прибавляя, что, если Его Величество будетъ, тѣмъ не менѣе, настаивать на поѣздкѣ, то онъ совѣтуетъ ему соблюдать осторожность, совѣтъ, звучавшій для Государя скорѣе одобреніемъ, чѣмъ наоборотъ.

„Совѣтъ Лорисъ-Меликова быть осторожнѣе заставилъ Императора полагать, что опасность не была особенно велика, тѣмъ болѣе, что,— какъ увѣрялъ Лорисъ-Меликовъ,— все, находящееся въ человѣческой возможности, сдѣлано для предохраненія Государя отъ опасности на тѣхъ улицахъ, по которымъ онъ долженъ былъ на другой день проѣзжать, отправляясь на разводъ войскъ. Впечатлѣніе отъ этого совѣта было настолько успокоительнымъ и выраженіе лица Его Величества стало столь яснымъ, что княгиня, съ которой Государь всегда затѣмъ завтракалъ, и не догадывалась о важности и серьезности только что бывшей бесѣды Императора съ его министромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы княгиня замѣтила малѣйшій признакъ озабоченности въ лицѣ Императора, ей пришло бы въ голову, что это является результатомъ послѣдняго разговора Александра съ Лорисъ-Меликовымъ,— тогда она узнала бы о содержаніи этого разговора, и Его Величество, конечно, отмѣнилъ бы разводъ. Обыкновенно въ дни, когда Лорисъ-Меликовъ занимался съ Императоромъ, онъ былъ приглашаемъ и къ императорскому столу, но въ тотъ день обычнаго приглашенія не произошло въ виду того, что графъ отъ нездоровья едва держался на ногахъ. Узнавши о нездоровьи графа и предполагая, что Императоръ, вслѣдствіе двухчасового стоянія въ церкви, долженъ чувствовать себя утомленнымъ, княгиня предложила ему не дѣлать ежедневной прогулки, которую онъ обычно совершалъ съ нею и дѣтьми. Тутъ же между ними было условлено, что въ то время какъ Императоръ поѣдетъ въ каретѣ сдѣлать визитъ двумъ великимъ княгинямъ, его жена отправится къ гр. Лорисъ-Меликову, чтобы освѣдомиться объ его здоровьи и получить нѣкоторыя справки относительно спокойствія въ столицѣ и мѣрахъ къ обезпеченію безопасности Его Величества. Княгиня имѣла затѣмъ съ Лорисъ-Меликовымъ разговоръ, который разсѣялъ всѣ ея опасенія. Она покинула его до та-

кой степени успокоенная, что, когда она снова увидѣла Императора, спокойствіе обоихъ ввело ихъ во взаимное заблужденіе. Страшно признать, но это фактъ: въ это свиданіе преступное дѣло слѣдующаго дня могло бы быть предотвращено столь естественною, казалось бы, откровенностью между Императоромъ и его женой. Отъ чего только зависятъ, увы, человѣческія судьбы!..

„Этотъ Государь не могъ быть счастливъ безъ радостей семейнаго очага. Одиночество было ему тягостно, ибо его чувствительная душа нуждалась въ изліяніяхъ“...

„Онъ и нашелъ такое счастье около княгини“. (Авторъ книги посвящаетъ затѣмъ нѣсколько страницъ описанію нѣжной любви Государя къ княгинѣ и ея дѣтямъ, доходившей до того, что Императоръ часто катался съ ними на салазкахъ съ горъ, устроенныхъ въ одной изъ залъ Зимняго Дворца).

„За чайнымъ столомъ (наканунѣ 1-го марта) княгиня спросила Государя,—поѣдетъ ли онъ на слѣдующій день на разводъ, на что онъ отвѣтилъ: „почему же нѣтъ“? Этотъ уклончивый отвѣтъ, казалось, былъ данъ, чтобы узнать мотивы вопроса.

„Не будучи освѣдомлена о составленномъ противъ жизни Государя заговорѣ и всемъ томъ, что было извѣстно Лорисъ-Меликову, удерживавшая Императора въ теченіе трехъ воскресеній подъ рядъ во дворцѣ, княгиня тщетно искала какого нибудь мотива, чтобы удержать Александра и на этотъ разъ отъ поѣздки на слѣдующій день на разводъ войскъ. Убѣжденная, впрочемъ,— какъ ее въ томъ увѣрили,— что всѣ, человѣчески-возможныя, мѣры предосторожности по пути, по которому Императоръ долженъ былъ прослѣдовать въ манежъ, приняты, княгиня воздержалась отъ настояній и, не желая противорѣчить Государю безъ серьезныхъ на то основаній, не сказала ни слова. Молчаніе же это было истолковано Императоромъ, какъ согласіе.

„Государь сохранялъ веселый видъ весь вечеръ и бесѣдовалъ съ полною свободою духа,—фактъ, свидѣтельствующій о всякомъ отсутствіи у него предчувствія смерти.

„На слѣдующее утро имѣла мѣсто обычная прогулка Императора съ дѣтьми. Потомъ онъ былъ у обѣдни, послѣ чего завтракалъ съ присутствовавшими тамъ же лицами свиты.

„Завтракъ кончился. Императоръ отправился въ свой кабинетъ, куда долженъ былъ прибыть Лорисъ-Меликовъ. За нимъ послалъ Государь, прося его пріѣхать, если то позволяетъ состояніе его здоровья. Въ противномъ случаѣ Его Величество самъ хотѣлъ навѣстить графа послѣ развода.

„Слѣдуетъ ли усматривать предчувствіе въ этомъ настойчивомъ желаніи Императора видѣть Лорисъ-Меликова, дабы передать ему важный документъ, который онъ, Александръ, только что подписалъ и который долженъ былъ быть опубликованъ на слѣдующій день т.-е. въ понедѣльникъ 2-го марта?

„Этотъ неизданный документъ заключалъ въ себѣ, по верховной волѣ Государя, новое изъявленіе его рвенія идти по пути прогрессивныхъ реформъ, что было слѣдствіемъ его обильной любви къ тому народу, судьбы котораго вручилъ ему Богъ. Автократъ по имени, Александръ держался болѣе либеральныхъ принциповъ, чѣмъ большинство его подданныхъ. Въ общемъ необходимо признать, что Императоръ находилъ съ трудомъ людей выдающихся, способныхъ раздѣлять его взгляды и приводить въ исполненіе его намѣренія.

„Богъ, въ непостижимыхъ велѣніяхъ и вѣчной мудрости своей, допустилъ, чтобы этотъ великій Государь, совершенный образецъ человѣколюбія, провелъ послѣднюю недѣлю своей славной жизни въ исполненіи христіанской обязанности. Богъ пожелалъ, чтобы Государь этотъ для завершенія огромнаго дѣла цивилизированія имъ своего народа, умирая, завѣщалъ, подписанный, такъ сказать, кровью мученика, торжественный государственный актъ, — это послѣднее выраженіе преданности Государя его отечеству.

„Передавши этотъ важный документъ Лорисъ-Меликову, Императоръ, прежде чѣмъ отправиться на разводъ, вошелъ въ комнату своей жены, которую нашелъ завтракающею съ ея дѣтьми, и сказалъ ей: „я только что подписалъ извѣстный актъ (le papier en question), который, я надѣюсь, произведетъ хорошее впечатлѣніе и будетъ для Россіи новымъ доказательствомъ того, что я даю ей все, что только возможно“. Окончивши эти слова, онъ перекрестился и

прибавилъ: „Завтра этотъ актъ будетъ опубликованъ въ газетахъ; я уже отдалъ объ этомъ приказаніе". [1])

„Сохраняя то же ясное расположеніе духа, Императоръ оставался на этотъ разъ съ своей семьей не болѣе пяти минутъ, такъ какъ спѣшилъ на разводъ. Княгиня попросила его не ѣздить по Невскому проспекту, а взять путь по Екатерининскому каналу. „Хорошо, — отвѣчалъ Императоръ,—я такъ и сдѣлаю".

Путь, указанный княгиней, казался наиболѣе безопаснымъ, наиболѣе обезпеченнымъ отъ нападенія, ибо онъ ограниченъ съ одной стороны каналомъ, а съ другой обширнымъ, обнесеннымъ стѣною, садомъ и принадлежащими казнѣ зданіями. Этотъ путь казался болѣе надежнымъ еще и потому, что онъ очень мало посѣщаемъ.

„Указывая своему супругу направленіе, котораго ему слѣдуетъ держаться по дорогѣ на разводъ, княгиня не упомянула о пути обратномъ, такъ какъ между супругами было условлено заранѣе, что изъ предосторожности обратный путь долженъ быть всегда инымъ, нежели передній. Въ

---

[1]) Мы еще будемъ говорить въ особой главѣ объ этомъ документѣ,— здѣсь же замѣтимъ лишь слѣдующее: княгиня Юрьевская свидѣтельствуетъ о томъ, что Александръ II сдѣлалъ распоряженіе объ опубликованіи „papier en question" на 2-е марта. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 6 марта 1881 года Лорисъ-Меликовъ писалъ новому Императору что покойный Государь приказалъ изготовить для напечатанія въ Правительственномъ Вѣстникѣ въ видѣ правительственнаго сообщенія „во всеобщее свѣдѣніе о принятомъ всемилостивѣйшемъ рѣшеніи" (извѣстныхъ Лорисъ-Меликовскихъ „предварительныхъ" и „общей" коммиссіяхъ), т. е., не опредѣляя въ точности дня, въ который должно было послѣдовать опубликованіе „сообщенія"; Лорисъ-Меликовъ утверждаетъ, однако, что воля Государя была выражена въ этомъ дѣлѣ категорически („приказалъ изготовлять для напечатанія въ Правительственномъ Вѣстникѣ"). Но съ другой стороны графъ Валуевъ пишетъ вполнѣ опредѣленно въ своемъ дневникѣ, что Государь 1-го марта приказалъ ему для разсмотрѣнія проекта этого оповѣщенія созвать на 4-е марта совѣтъ министровъ. (Замѣтимъ, „совѣтъ", а „не комитетъ министровъ", учрежденіе, функціонировавшее тогда лишь въ исключительныхъ случаяхъ). Слѣдовательно, опубликовать этотъ актъ второго марта Александръ едва ли могъ отдать распоряженіе. Какъ совмѣстить показанія всѣхъ трехъ „свидѣтелей?" Надо думать, что во всемъ этомъ дѣлѣ у самого Александра не было надлежащей ясности.

городѣ распространился слухъ, что Малая Садовая улица была минирована; власти произвели тамъ обыскъ, не давшій никакихъ результатовъ, изъ чего пришли къ заключенію, что слухи объ опасности преувеличены [1]). Тѣмъ не менѣе княгиня рѣшительно воспротивилась, чтобы Государь ѣздилъ по этой улицѣ. Было рѣшено, что Малой Садовой Государь будетъ избѣгать, и потому и на этотъ счетъ супруга Александра была совершенно спокойна" [2]).

Такъ повѣствуетъ обо всемъ, чему она была свидѣтельницею наканунѣ катастрофы и въ самый день ея княгиня Юрьевская. Ея заботы о безопасности Государя не увѣнчались успѣхомъ. А черезъ день послѣ того,—мы объ этомъ, на основаніи самыхъ неопровержимыхъ документовъ, [3]) разскажемъ ниже подробно,—Побѣдоносцевъ писалъ новому императору о великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ и княгинѣ Юрьевской, какъ о лицахъ, стоявшихъ во главѣ заговора противъ Александра II и настаивалъ на необходимости ихъ немедленной высылки изъ Петербурга.

* * *

Чтобы покончить съ этою главою, необходимо отмѣтить еще два, совершенныхъ народовольцами, террористическихъ акта: убійство ими военнаго прокурора генерала Стрѣльникова въ Одессѣ и инспектора секретной полиціи подполковника Судейкина въ Петербургѣ.

8. Убійство генерала Стрѣльникова.

18 марта 1882 года въ Одессѣ былъ убитъ военный прокуроръ генералъ-майоръ Стрѣльниковъ. Его непосредственнымъ убійцей оказался бывшій вольнослушатель Петербургскаго университета Н. А. Желваковъ, [4]) а лицомъ

---

[1]) Рѣчь идетъ, очевидно, объ осмотрѣ генераломъ Мровинскимъ и чинами полиціи сырной лавки Кобозевыхъ.

[2]) „Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort". 1882. Bale ps. 5—26.

[3]) На основаніи нынѣ опубликованныхъ въ Русскомъ Архивѣ писемъ самого Побѣдоносцева.

[4]) О Желваковѣ см. ст. *Л.* „Страница изъ давно написанныхъ воспоминаній. Былое". 1906 г. апрѣль.

которое должно было увезти Желвакова послѣ убійства, разыскивавшійся властями со времени взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, рабочій С. Н. Халтуринъ. Но это обнаружилось уже позже. Будучи арестованы на мѣстѣ убійства оба они отказались назвать свои имена и были казнены, какъ „неизвѣстные". Въ соучастіи въ убійствѣ Стрѣльникова обвинялись затѣмъ (въ 1883 году) М. Ф. Клименко (осужденъ по „процессу 17-ти) и (въ 1884) В. Н. Фигнеръ (осуждена вмѣстѣ съ группою военныхъ—Ашенбреннеромъ, Похитоновымъ, Рогачевымъ, барономъ Штромбергомъ и другими, о которыхъ мы еще будемъ говорить въ главѣ о дѣятельности народовольцевъ въ войскахъ).

Обстоятельства, сопровождавшія убійство Стрѣльникова, изложены въ корреспонденціи изъ Одессы, помѣщенной въ № 3 заграничныхъ изданій На Родинѣ, откуда мы съ нѣкоторыми сокращеніями и заимствуемъ слѣдующія строки:

„18 марта Стрѣльниковъ, пообѣдавши по обыкновенію во французскомъ ресторанѣ, вышелъ на бульваръ для обычной послѣобѣденной прогулки и, пройдясь нѣсколько разъ по средней аллеѣ, сѣлъ на скамейку у прохода изъ крайней аллеи на среднюю, отъ которой она отдѣляется изгородью, окружающей рядъ деревьевъ. Желваковъ остановился у конца изгороди, за которой сидѣлъ Стрѣльниковъ, вынулъ револьверъ, прицѣлился и спустилъ курокъ. Публика такъ и замерла на мѣстѣ: никто не шевельнулся даже и тогда, когда черезъ мгновеніе на крайней аллеѣ появился человѣкъ съ револьверомъ въ рукѣ и, перепрыгнувъ черезъ изгородь, пустился внизъ по крутому спуску къ Гаванной улицѣ". Потомъ поднялась тревога, за Желваковымъ началась погоня. Онъ „бѣжалъ внизъ, отстрѣливаясь отъ нагонявшихъ его или пытавшихся преградить ему путь. Выпустивъ всѣ заряды изъ двухъ револьверовъ, онъ, выхвативъ кинжалъ и, продолжая отбиваться, приближался все болѣе и болѣе къ бѣлой лошади, запряженной въ пролетку, на которой поджидалъ его Халтуринъ у конца узкаго спуска, выходящаго на Гаванную улицу. Между тѣмъ внизу передъ спускомъ собралась уже кучка прохожихъ. Они не знали, конечно, что совершилось тамъ на верху, но съ изумленіемъ смотрѣли на несущагося къ нимъ вооружен-

наго человѣка, поранившаго уже многихъ пытавшихся задержать его. Имъ скоро стала замѣтна цѣль этого отчаяннаго бѣга; многіе бросились къ выходу спуска, чтобы въ этомъ узкомъ мѣстѣ задержать бѣгущаго и окружили пролетку. Въ эту критическую минуту Халтуринъ, убѣдившись, что Желвакову пробиться къ пролеткѣ невозможно, соскачилъ съ нея и, выхвативъ револьверъ, хотѣлъ поспѣшить на помощь къ товарищу, но на первыхъ же шагахъ онъ споткнулся. Еврей, прикащикъ изъ угольнаго склада, околодочный надзиратель и нѣсколько карантинныхъ рабочихъ бросились его задерживать. „Оставьте! Я соціалистъ! Я за васъ!“,—крикнулъ Халтуринъ. Рабочіе инстинктивно остановились. „Что бы ты такъ жилъ, какъ ты за насъ“, отвѣчалъ прикащикъ, вмѣстѣ съ околодочнымъ всею тяжестью навалившійся на Халтурина. „Конечно, не за такихъ мерзавцевъ, какъ ты, а за рабочій несчастный народъ“, проговорилъ тотъ, съ трудомъ переводя дыханіе. Подоспѣвшая полиція помогла имъ связать Халтурина. Желваковъ увидалъ, что дѣлается около пролетки и почти у самого прохода свернулъ въ сторону по направленію къ Карантинной площади, все продолжая бѣжать, хотя силы уже начали оставлять его. Онъ пріостановился немного, тогда толпа моментально окружила его, обезоружила, повалила и связала. Обоихъ арестованныхъ тотчасъ же увезли въ полицію“...

„Полиція вся на ногахъ. Пѣшіе и конные патрули попадаются на каждомъ шагу.

„По тротуару передъ зданіемъ полиціи запрещено ходить Снова то и дѣло подъѣзжаютъ предержащія власти. А въ самомъ зданіи идутъ допросы. Желваковъ отказался отвѣчать, пока ему не скажутъ, убитъ ли Стрѣльниковъ. „Убитъ“,—отвѣчали ему. „Ну, теперь дѣлайте со мною что хотите“. Допросы ни къ чему не приводили. Узнали гдѣ была куплена лошадь, узнали и квартиры арестованныхъ, такъ какъ при нихъ были паспорта, но ни ихъ личности, ни настоящія фамиліи констатированы не были. Поздно ночью подъ сильнымъ конвоемъ ихъ перевезли въ тюрьму.

„Въ ночь съ 20 на 21 собрался судъ. Въ засѣданіи никого, кромѣ Гурко, имъ самимъ избранныхъ судей, да под-

судимыхъ. Даже высшіе чины военнаго и судебнаго вѣдомствъ не были допущены. И все таки намъ извѣстно въ общихъ чертахъ, что происходило на судѣ, что говорили подсудимые. Халтуринъ заявилъ, что пріѣхалъ въ Одессу съ цѣлью заняться организаціей рабочихъ, но въ дѣятельности Стрѣльникова встрѣтилъ сильное препятствіе. Онъ сообщилъ объ этомъ Исполнительному Комитету и получилъ отъ него порученіе организовать убійство Стрѣльникова, что и было имъ выполнено.

„Желваковъ, говорятъ, сказалъ: „меня повѣсятъ, но найдутся другіе. Всѣхъ вамъ не перевѣшать".

„Ни о судѣ, ни о приговорѣ, ни о самой казни общество не должно было знать, раньше чѣмъ все будетъ кончено, но, тѣмъ не менѣе, при повѣшеніи требовалось присутствіе его представителей. Эта диллема была разрѣшена слѣдующимъ образомъ: двумъ-тремъ благонадежнымъ гласнымъ думы и извѣстному редактору Новороссійскаго Телеграфа Озмидову былъ посланъ локаническій приказъ: явиться въ 5 часовъ утра къ городскому головѣ. Несчастные представители гласности провели очень тревожную ночь и на разсвѣтѣ явились къ Маразли (городской голова), который и повелъ ихъ прямо въ тюрьму.

„Въ 6 часовъ вывели Халтурина и Желвакова. Послѣдній быстро взошелъ по ступенькамъ эшофота и пересчиталъ ихъ;—„14, о, какъ высоко!"—сказалъ онъ. Самъ надѣлъ петлю на шею и повисъ. Чахоточнаго, больного Халтурина должны были поддерживать. Благодаря неумѣлости палача, онъ страшно долго мучался"... [1])

По поводу убійства Стрѣльникова Исполнительный Комитетъ издалъ 3 апрѣля 1882 года особую прокламацію, излагавшую мотивы этого убійства. [2])

9. Убійство инспектора секретной полиціи подполковника Судейкина [3]).

Въ отличіе отъ всѣхъ предыдущихъ, этотъ террористическій актъ явился осложненнымъ обстоятельствами, до тѣхъ

---

[1]) Народинѣ № 3. Женева. 1883 г. стр. 51—59.

[2]) Прокламація эта воспроизведена въ № 11—12 Былаго (заграничнаго) стр. 27—28.

[3]) Должность „инспектора секретной полиціи" просуществовала недолго. Бывшій начальникъ кіевскаго губернскаго жандармскаго

поръ совершенно невѣдомыми въ общественно-политической жизни Россіи и потому не только на фактической сторонѣ этого убійства, но и на мотивахъ его мы остановимся гораздо болѣе подробно, чѣмъ это мы дѣлали до настоящаго времени.

Фактическая сторона въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена въ неопубликованномъ обвинительномъ актѣ по дѣлу Г. А. Лапатина, Н. П. Стародворскаго, В. П. Канашевича, П. Ф. Якубовича и другихъ („процессъ 21-го“ 1887), заключается въ слѣдующемъ:

„16 декабря 1883 года около 9-ти часовъ вечера въ домѣ № 91 по Невскому проспекту, въ квартирѣ № 13, были найдены мертвымъ съ явными признаками насильственной смерти, инспекторъ С.-Петербургской секретной полиціи подполковникъ Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ и тяжело раненый въ голову чиновникъ полиціи Николай Судовскій. По судебно-медицинскимъ вскрытіи трупа покойнаго, врачи дали заключеніе, что смерть подполковника Судейкина по-

---

управленія генералъ Новицкій подалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ высшія сферы особую „Записку“, которая была въ 1910 году опубликована въ № 2 парижскихъ сборниковъ Соціалистъ-Революціонеръ. („Записки“ Новицкаго мы коснемся еще по другому поводу ниже). Въ документѣ этомъ находятся между прочимъ такія слова „Въ 1882 году состоялось Положеніе объ устройствѣ секретной полиціи въ Имперіи. Положеніе это, сохраняя высшій надзоръ за розыскною дѣятельностью по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ за Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Командиромъ Корпуса Жандармовъ и Завѣдующимъ Полиціею, предоставляетъ ему право учреждать въ Имперіи особыя розыскныя, нынѣ Охранныя отдѣленія, и независимо сего возлагать ближайшее руководство дѣятельностью учрежденій секретной полиціи, въ видахъ единообразнаго направленія производимыхъ розысковъ, на особаго Инспектора Секретной Полиціи, дѣйствовавшаго по особой преподанной инструкціи. Объ этомъ состоялось особое Высочайшее повелѣніе 3 декабря 1882 года, не оглашенное (курсивъ Новицкаго). Инспекторомъ секретной полиціи былъ назначенъ подполковникъ Судейкинъ, который печально закончилъ свою дѣятельность и жизнь, благодаря неопытности его и увлеченіямъ, онъ былъ убитъ въ С.-Петербургѣ 16 декабря 1883 г. секретнымъ агентомъ отставнымъ артиллерійскимъ офицеромъ Дегаевымъ. Со смерти Судейкина должность Инспектора Секретной Полиціи сократилась и перестала существовать съ сентября мѣсяца 1884 года“. (Сборникъ, стр. 72).

слѣдовала отъ безусловно смертельнаго поврежденія костей черепа, имѣющихъ нѣсколько трещинъ, а равно и отъ огнестрѣльной раны, проникающей въ полость живота и осложненной разрывомъ ткани печени и послѣдовавшимъ за этимъ разрывомъ кровоизліяніемъ въ названную полость. Всѣ приведенныя поврежденія по свойству своему были прижизненны, причемъ огнестрѣльная рана, вѣроятно, предшествовавшая другимъ поврежденіямъ, сама по себѣ должна быть признана безусловно смертельною, хотя смерть послѣ причиненія этой раны могла и не послѣдовать немедленно. Поврежденія же головы, по заключенію экспертовъ, послѣдовали, вѣроятно, отъ нанесенія сзади ударовъ тупымъ орудіемъ, которымъ могли быть и найденные въ квартирѣ ломы.

„По осмотрѣ доставленнаго въ Рождественскій барачный лазаретъ Николая Судовскаго, у него оказались двѣ раны на макушкѣ головы съ раздробленіемъ теменныхъ костей, нанесенныхъ, какъ это видно изъ скорбнаго листа, тяжелымъ орудіемъ, повидимому, ломомъ".

„При осмотрѣ домовой книги дома № 91 по Невскому проспекту установлено, что въ квартирѣ № 13 проживалъ дворянинъ Сергѣй Петровичъ Яблонскій по паспорту, выданному Путивльскимъ уѣзднымъ исправникомъ 27 февраля 1883 г. за № 1933, оказавшемуся подложнымъ, а показаніемъ старшаго дворника означеннаго дома Григорія Кондратьева тогда же было установлено, что въ упомянутой квартирѣ съ дворяниномъ Яблонскимъ проживалъ въ качествѣ его лакея Павелъ Ивановъ Суворовъ".

„Спрошенный вслѣдствіе сего въ качествѣ свидѣтеля запасный унтеръ-офицеръ Павелъ Ивановъ Суворовъ, по предъявленіи ему карточекъ разныхъ лицъ, разновременно привлекавшихся къ дознаніямъ о государственныхъ преступленіяхъ, показалъ, что въ карточкѣ Сергѣя Петрова Дегаева признаетъ Сергѣя Петрова Яблонскаго, у котораго онъ жилъ въ качествѣ прислуги по желанію покойнаго подполковника Судейкина. Къ Яблонскому онъ поступилъ 8 ноября, а на послѣднюю квартиру переѣхалъ съ нимъ 3 декабря 1883 года и за все это время Яблонскаго посѣщалъ лишь

подполковникъ Судейкинъ и его родственникъ Николай Судовскій. Самъ Яблонскій уходилъ изъ дому часовъ въ 11 утра, возвращался часа въ четыре, но затѣмъ скоро снова уходилъ и часто не возвращался до поздней ночи.

„Спрошенный по выздоровленіи отъ нанесенныхъ ему ранъ, Николай Дмитріевъ Судовскій показалъ, что въ квартирѣ № 13 дома № 91 по Невскому проспекту, гдѣ былъ убитъ подполковникъ Судейкинъ и раненъ онъ самъ, проживалъ подъ фамиліей Яблонскаго отставной штабсъ-капитанъ Сергѣй Петровъ Дегаевъ. 16-го декабря 1883 г. онъ съ подполковникомъ Судейкинымъ отправился въ эту квартиру въ пять часовъ пополудни по предварительному уговору съ Дегаевымъ. Человѣка Дегаева, Суворова, не было дома, Дегаевъ самъ отперъ дверь и, впустивъ ихъ, заперъ ее. Войдя въ квартиру, онъ, Судовскій, снялъ и повѣсилъ свою шубу въ передней, а подполковникъ Судейкинъ, не останавливаясь въ этой комнатѣ, прошелъ прямо въ слѣдующую — залу, гдѣ бросилъ на диванъ свое пальто, въ карманѣ котораго былъ револьверъ и тутъ же оставилъ палку со стилетомъ. Затѣмъ подполковникъ Судейкинъ прошелъ вмѣстѣ съ Дегаевымъ въ слѣдующія комнаты, а онъ вошелъ въ залу и сѣлъ въ кресло. Черезъ нѣсколько минутъ совершенно неожиданно для него напали сзади, повидимому, два человѣка и почти одновременно съ этимъ въ комнатахъ, гдѣ были Судейкинъ и Дегаевъ, послышался шумъ, глухой звукъ выстрѣла и голосъ Судейкина, кричавшаго, на сколько ему помнится: „Коко, бѣги сюда и бей ихъ изъ револьвера“. Получивъ затѣмъ сильный ударъ въ голову, онъ, свидѣтель, потерялъ сознаніе и происходившаго впослѣдствіе совершенно не помнитъ. Все, описанное свидѣтелемъ, совершилось такъ быстро, что онъ не имѣлъ возможности разсмотрѣть нападавшихъ, а потому и не можетъ дать никакихъ указаній относительно товарищей Дегаева, участвовавшихъ въ убійствѣ подполковника Судейкина. Очнулся онъ, свидѣтель, лишь на другой день въ больницѣ, совершенно же пришелъ въ сознаніе только нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго событія.

„Обвиняемый въ убійствѣ подполковника Судейкина отставной штабсъ-капитанъ Сергѣй Петровъ Дегаевъ вслѣдъ

за совершеніемъ этого преступленія скрылся и до сего времени не розысканъ.

„3-го января 1884 года въ Кіевѣ въ квартирѣ студента Эйберга былъ арестованъ скрывавшійся отъ преслѣдованія по дѣлу о преступномъ кружкѣ, обнаруженномъ въ г. Ромнахъ въ іюлѣ 1883 г., дворянинъ Василій Канашевичъ, проживавшій въ Кіевѣ по подложному паспорту на имя Бориса Ростицкаго.

„Обыскомъ, произведеннымъ въ означенной квартирѣ, было обнаружено значительное количество преступнаго содержанія брошюръ, шесть экземпляровъ прокламацій по поводу убійства подполковника Судейкина, руководство о взрывчатыхъ веществахъ и нѣсколько принадлежностей для изготовленія послѣднихъ въ видѣ стеклянныхъ ретортъ и металлическихъ трубокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено, что Канашевичъ въ концѣ 1883 года проживалъ въ Петербургѣ, хотя обстоятельство это онъ упорно отрицалъ.

„Между тѣмъ 22 декабря 1883 г. изъ дома № 114 по Большой Садовой улицѣ скрылась проживавшая тамъ акушерка Татьяна Голубева и ея жилецъ Михаилъ Адамовъ Савицкій. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе полиціи.

„Вслѣдствіе сего задержанный Канашевичъ, по доставленіи его въ Петербургъ, былъ представленъ дворнику № 114 по Большой Садовой улицѣ Петру Демидову, который призналъ Василія Канашевича за лицо, посѣтившее одинъ разъ Татьяну Голубеву и Михаила Савицкаго. Спрошенный по поводу этого обвиняемый Висилій Канашевичъ объявилъ, что онъ въ Петербургѣ никогда не жилъ, въ убійствѣ подполковника Судейкина никакого участія не принималъ и къ организаціи преступнаго сообщества, именующагося „партіей Народной Воли“ не принадлежитъ, хотя принципы партіи раздѣляетъ.

„16-го марта 1884 г. въ Москвѣ былъ задержанъ скрывавшійся отъ преслѣдованія сынъ священника Николай Петровъ Стародворскій, представившій въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя почетнаго гражданина Дмитрія Пухальскаго, составленный отъ имени Мелитопольской городской управы за № 2651 и оказавшійся подложнымъ.

„По предъявленіи Николая Стародворскаго дворнику домъ № 114 по Большой Садовой улицѣ, Петру Демидову, онъ призналъ въ Стародворскомъ лицо, проживавшее по паспорту на имя дворянина Михаила Савицкаго.

„Привлеченный, вслѣдствіе сего, въ качествѣ обвиняемаго, Николай Стародворскій отрицая на первыхъ допросахъ свою виновность въ принадлежности къ преступному сообществу и участіе свое въ убійствѣ подполковника Судейкина, показалъ, что на такъ называемое нелегальное положеніе онъ перешелъ въ августѣ 1883 г. послѣ освобожденія имъ, Стародворскимъ, бѣжавшаго изъ административной ссылки Никона Волянскаго, арестованнаго въ гор. Барѣ, Подольской губерніи, и что освобожденіе это было совершено имъ въ силу личныхъ отношеній къ Волянскому, а не по порученію революціоннаго сообщества, къ которому онъ никакихъ отношеній не имѣетъ. Живя затѣмъ въ провинціи у своего знакомаго, назвать котораго не желаетъ, онъ, Стародворсккій, въ октябрѣ 1883 г. получилъ письменное приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ. По прибытіи сюда онъ скоро познакомился съ Сергѣемъ Петровымъ Дегаевымъ и сначала поселился въ домѣ № 14 по Лиговкѣ въ квартирѣ Ильиной, представивъ въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя дворянина Михаила Савицкаго, а затѣмъ Сергѣй Дегаевъ, часто его посѣщавшій, предложилъ ему переѣхать на конспиративную квартиру, гдѣ помѣщалась тайная типографія. Вслѣдствіе отказа его, Стародворскаго, Дегаевъ недѣли черезъ три снова предложилъ ему поселиться на другой конспиративной квартирѣ въ домѣ № 114 по Большой Садовой улицѣ у акушерки Татьяны Голубевой, объявивъ, что эта квартира предназначена лишь для свиданій. Стародворскій согласился и прожилъ въ квартирѣ Голубевой до 17-го или 18-го декабря, когда къ нимъ явилось одно изъ лицъ, приходившихъ ранѣе къ Дегаеву на свиданіе, и заявило о необходимости оставленія квартиры въ виду послѣдовавшаго убійства подполковника Судейкина, въ чемъ, по словамъ этого лица, принималъ участіе Дегаевъ. Вслѣдствіе этого предупрежденія, онъ уѣхалъ на югъ, а въ мартѣ 1884 г. возвратился въ Петербургъ, откуда снова отправился на югъ, но на пути въ

БИБЛІОТЕКА

Москвѣ былъ задержанъ, причемъ у него были отобраны разныя шифрованныя замѣтки, революціонныя изданія, чертежи и замѣтки относительно взрывчатыхъ веществъ. Всѣ эти предметы были получены имъ въ Петербургѣ для передачи лицу, назвать которое онъ не желаетъ.

„Обвиняемый Василій Канашевичъ при вторичномъ допросѣ показалъ, что онъ дѣйствительно жилъ въ Петербургѣ, но лишь до 3-го или 5-го декабря 1883 г. а затѣмъ на вопросы, въ какой мѣстности Петербурга проживалъ, съ кѣмъ видѣлся, по какому поводу пріѣзжалъ, по какой дорогѣ выѣхалъ обратно въ Кіевъ и останавливался ли гдѣ на пути, отвѣчать отказался.

„При дальнѣйшемъ производствѣ дознанія обвиняемый въ государственномъ преступленіи, итальянскій подданный Степанъ Антоновъ Росси, между прочимъ, показалъ, что въ октябрѣ 1883 г. во время съѣзда въ Петербургѣ лицъ, принадлежавшихъ къ соціально-революціонному сообществу, Сергѣй Дегаевъ нѣсколько разъ намекалъ ему о предстоящихъ убійствахъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстого, директора департамента полиціи Плеве, прокурора Добржинскаго и подполковника Судейкина, а потомъ въ декабрѣ того же года признался ему въ своихъ отношеніяхъ къ Судейкину и назвалъ лицъ, привлеченныхъ къ убійству послѣдняго. По словамъ Дегаева, революціонеры, проживавшіе заграницей, требовали, чтобы онъ оставилъ всѣ остальные проекты убійствъ и поскорѣе убилъ Судейкина, на что онъ и согласился. Хотя Дегаевымъ давно были подысканы нужные для совершенія убійства люди, но передъ самымъ убійствомъ онъ избралъ двухъ другихъ: Василія Канашевича и Николая Стародворскаго. До 16-го декабря 1883 г. т.-е. до дня убійства подполковника Судейкина, Дегаевъ дважды пытался привести въ исполненіе это преступленіе. Первая попытка (3-го декабря) не удалась, вслѣдствіе того, что Судейкинъ, прежде чѣмъ пойти на квартиру Дегаева, послалъ дворника узнать, дома ли послѣдній. Дегаевъ, наблюдавшій за появленіемъ Судейкина изъ окна ватерклозета, выходящаго на лѣстницу, замѣтилъ это, и когда къ дверямъ его подошелъ дворникъ и сталъ звонить, не отперъ послѣднему дверь, и Судейкинъ долженъ былъ уѣ-

хать. Вторая попытка была назначена приблизительно спустя недѣлю послѣ первой. На этотъ разъ Судейкинъ почему то не прибылъ къ условленному часу, и потому Дегаевъ удалилъ Стародворскаго и Канашевича изъ своей квартиры, не дождавшись Судейкина. Назначивъ 16-ое декабря днемъ убійства, Дегаевъ предупредилъ Стародворскаго и Канашевича, чтобы въ случаѣ, если онъ снова пожелаетъ удалить ихъ изъ своей квартиры до пріѣзда Судейкина, они не исполняли такого его требованія, такое же требованіе не удаляться было предъявлено Стародворскому и Канашевичу и Германомъ Лопатинымъ, знавшимъ о приготовленіяхъ къ убійству Судейкина. Въ день убійства онъ, Росси, встрѣтилъ Дегаева утромъ на Невскомъ проспектѣ и по его просьбѣ отправился въ квартиру Татьяны Голубевой (она же Раиса Кранцфельдъ), чтобы передать послѣдней какой то паспортъ и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнить Стародворскому, чтобы онъ пріѣхалъ къ двумъ часамъ на квартиру къ нему, Дегаеву. Придя къ Голубевой, онъ засталъ тамъ и Канашевича, которому вмѣстѣ съ Стародворскимъ передалъ слова Дегаева, а затѣмъ ушелъ домой на Пушкинскую улицу, уложилъ въ чемоданъ свои вещи и поѣхалъ въ заранѣе приготовленную квартиру, гдѣ долженъ былъ ожидать Дегаева. Въ исходѣ 5-го часа Дегаевъ пріѣхалъ взволнованный, быстро переодѣлся, взялъ чемоданъ и отправился вмѣстѣ съ нимъ на Варшавскій вокзалъ, сказавъ дорогою, что выстрѣлилъ въ Судейкина и убѣжалъ, оставивъ Стародворскаго и Канашевича. Вскорѣ на тотъ же вокзалъ пріѣхалъ и Канашевичъ, вѣроятно, прямо изъ квартиры Дегаева и подоспѣлъ къ тому же поѣзду, на которомъ уѣхалъ Дегаевъ. На другой день вечеромъ онъ, Росси, былъ на квартирѣ Кранцфельдъ, гдѣ взялъ типографскій шрифтъ, а утромъ къ ней же заходилъ Германъ Лопатинъ за отпечатанными объявленіями объ убійствѣ Судейкина, которыя были напечатаны Раисою Кранцфельдъ и Стародворскимъ. Послѣ убійства Стародворскій и Кранцфельдъ (Голубева) пробыли въ Петербургѣ два дня. На квартирѣ Голубевой, гдѣ также происходили совѣщанія по дѣлу объ убійствѣ Судейкина, кромѣ хозя-

евъ, Дегаева, Канашевича и Лопатина до 16 декабря никто не бывалъ.[1])

„Спрошенные затѣмъ въ виду изложенныхъ свѣдѣній обвиняемые Николай Стародворскій и Василій Канашевичъ, признавъ свою виновность въ убійствѣ подполковника Судейкина, показали: Стародворскій—что до освобожденія арестованнаго въ Подольской губерніи административно-ссыльнаго Волянскаго, онъ къ организаціи преступнаго сообщества, именующаго себя „партіей Народной Воли", не принадлежалъ, хотя революціонною дѣятельностью занимался; послѣ же освобожденія Волянскаго онъ отправился въ Кіевъ и тамъ формально вступилъ въ означенное сообщество. Въ концѣ сентября или началѣ октября 1883 г. тамъ же, въ Кіевѣ, онъ получилъ приглашеніе отъ лица, которое назвать не желаетъ, пріѣхать въ Петербургъ, куда тотчасъ же и отправился. Здѣсь дня черезъ три по прибытіи онъ познакомился съ какимъ то Николаемъ Владиміровичемъ, впослѣдствіи оказавшимся Сергѣемъ Дегаевымъ, который, сообщивъ ему о приготовленіяхъ къ убійству подполковника Судейкина, спросилъ, можетъ ли онъ разсчитывать на содѣйствіе въ этомъ его, Стародворскаго, на что онъ и далъ свое согласіе. О двойственной роли Дегаева т. е. о томъ, что онъ состоялъ агентомъ у Судейкина, онъ Стародворскій, узналъ уже позже, именно въ день первой попытки на убійство Судейкина 6 декабря 1883 г., но не отъ самаго Дегаева, который, хотя и признавалъ это, но избѣгалъ по этому вопросу какихъ либо объясненій. Первоначально рѣшено было совершить убійство безъ употребленія огнестрѣльнаго оружія, что бы избѣжать шума, и потому орудіемъ убійства должны были служить ломы и въ случаѣ необходимости кинжалъ. Когда орудіе убійства было окон-

[1]) Этотъ Росси въ „процессѣ 21-го" (Лапатина, Стародворскаго и др.) не фигурировалъ. Въ брошюрѣ „процессъ 21-го" говорится: „о судьбѣ Росси существуетъ нѣсколько мнѣній; одни полагаютъ, что Росси принятъ на службу въ департаментъ полиціи; другіе же, что его замучили до смерти и въ безсознательномъ состояніи выпытали у него необходимыя показанія; трупъ его, однако, какъ говорятъ, позволили родителямъ взять и похоронить на свой счетъ". (стр. 8). Все это невѣрно: намъ достовѣрно извѣстно, что Росси былъ сосланъ административно въ Туркестанъ, гдѣ и умеръ.

чательно избрано, онъ, Стародворскій, въ первыхъ числахъ декабря купилъ два лома въ лавкѣ на Невскомъ проспектѣ, вблизи квартиры Дегаева и тамъ же при себѣ приказалъ обрубить ихъ, такъ какъ они были слишкомъ длинны. Эти ломы онъ привезъ изъ лавки къ себѣ на Большую Садовую, а впослѣдствіи уже перевезъ ихъ въ квартиру Дегаева. Затѣмъ было назначено время убійства, къ которому Дегаевъ пригласилъ къ себѣ подполковника Судейкина; Стародворскій же заранѣе помѣстился въ спальню Дегаева, Канашевичъ въ корридорѣ, а Дегаевъ въ ватерклозетѣ, чтобы наблюдать въ окно, выходившее на лѣстницу, за прибытіемъ Судейкина. Судейкинъ къ назначенному часу не пріѣхалъ, и это такъ сильно встревожило Дегаева, вообще трусливаго по природѣ, что минутъ черезъ десять онъ вышелъ изъ ватерклозета и попросилъ ихъ удалиться изъ своей квартиры. Въ это время раздался звонокъ у входной двери, и всѣ поспѣшно заняли свои мѣста. Дегаевъ вышелъ въ ветерклозетъ и увидѣлъ, что звонитъ дворникъ, почему и не отперъ двери, а вслѣдъ за этимъ Дегаевъ услышалъ внизу голосъ Судейкина, который спрашивалъ, дома ли Дегаевъ. Узнавъ объ этомъ, онъ, Стародворскій и Канашевичъ послали Дегаева внизъ пригласить Судейкина, но послѣдній успѣлъ уже сѣсть въ карету и уѣхать. Вторая попытка убить подполковника Судейкина была назначена дней черезъ семь или восемь. Въ этотъ разъ, ближе ознакомившись съ расположеніемъ комнатъ квартиры Дегаева, они съ Канашевичемъ размѣстились иначе и рѣшили употребить въ дѣло револьверъ, полагая, что выстрѣла внѣ квартиры слышно не будетъ. Прежнее размѣщеніе признано было неудобнымъ, такъ какъ никого бы не было вблизи передней, вслѣдствіе чего выходъ изъ квартиры остался бы незащищеннымъ, и потому Канашевичъ помѣстился въ кухнѣ, дверь изъ которой выходила въ переднюю. Въ этотъ разъ Судейкинъ въ назначенное время не пріѣхалъ и Дегаевъ поспѣшилъ удалить ихъ изъ своей квартиры. Въ промежутокъ времени между этой послѣдней попыткой и слѣдующей Дегаевъ предлагалъ еще другой планъ убійства Судейкина. По словамъ Дегаева, Судейкинъ предполагалъ устроить фиктивное покушеніе на свою жизнь съ цѣлью:

во первыхъ, устранить возникавшія въ средѣ революціонной партіи подозрѣнія относительно Дегаева, а во вторыхъ, получить такимъ путемъ повышеніе по службѣ.

„По этому плану Дегаевъ долженъ былъ выстрѣлить Судейкину въ лѣвую руку во время прогулки его въ Петровскомъ паркѣ и скрыться на лошади, приготовленной заранѣе самимъ же Судейкинымъ, а во время болѣзни послѣдняго отъ этой раны должно было послѣдовать, согласно замыслу Судейкина и Дегаева, убійство министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстого. Дегаевъ предложилъ имъ воспользоваться означеннымъ планомъ фиктивнаго покушенія на жизнь Судейкина для того, чтобы на самомъ дѣлѣ убить его, на что Стародворскій и изъявилъ согласіе. Роли осуществленія этого послѣдняго плана были распредѣлены такъ, что Канашевичъ принималъ на себя обязанность кучера Дегаева, а онъ, Стародворскій, долженъ былъ прибыть въ паркъ заранѣе и выстрѣлить въ Судейкина. Покушеніе это предполагалось произвести 19 декабря, но вскорѣ Дегаевъ отказался отъ этого плана, опасаясь, съ одной стороны, промаха, а, съ другой—засады со стороны Судейкина.

„Тогда рѣшили обратиться къ прежему плану, согласно которому преступленіе и было совершено 16 декабря. Въ этотъ разъ онъ, Стародворскій, помѣстился въ спальнѣ, а Канашевичъ—въ кухнѣ. До звонка у входной двери всѣ сидѣли въ спальнѣ, когда же раздался звонокъ, Канашевичъ отправился на назначенное ему мѣсто въ кухню, а Дегаевъ пошелъ отворить дверь. Еще ранѣе рѣшено было, что когда Судейкинъ войдетъ въ комнату, что̀ передъ спальней, то Дегаевъ выстрѣлитъ въ него сзади, вслѣдствіе чего Судейкинъ по предположенію, долженъ былъ броситься впередъ, т. е. въ спальню, гдѣ его встрѣтитъ онъ, Стародворскій. Вскорѣ послѣ звонка Стародворскій услышалъ шаги, а затѣмъ выстрѣлъ въ сосѣдней комнатѣ. Прождавъ моментъ и видя, что Судейкинъ не показывается въ спальнѣ, онъ бросился въ комнату, откуда былъ слышенъ выстрѣлъ и увидѣлъ Судейкина на порогѣ лицомъ въ гостинную. Онъ, Стародворскій, ударилъ его ломомъ, но такъ какъ Судейкинъ занималъ неудобное для удара положеніе, то

ломъ только скользнулъ по немъ, не причинивши существеннаго вреда. Послѣ удара Судейкинъ, держась лѣвой рукой за бокъ, съ крикомъ побѣжалъ въ переднюю, гдѣ въ это время возлѣ выходной двери находились Судовскій и Канашевичъ. Здѣсь онъ снова ударилъ Судейкина въ високъ и увидѣлъ, что Канашевичъ въ то же время наносилъ удары Судовскому. Отъ послѣдняго удара Судейкинъ упалъ, какъ показалось ему, Стародворскому, безъ признаковъ жизни, но черезъ нѣсколько мгновеній вскочилъ и вбѣжалъ въ ватерклозетъ, удерживая руками изнутри дверь. Желая воспрепятствовать Судейкину затворить за собою дверь ватерклозета, онъ, Стародворскій, вставилъ ногу между дверью и косякомъ, причемъ одной рукой старался оттянуть дверь, а другою билъ Судейкина ломомъ по рукамъ. Когда дверь такимъ образомъ была имъ вырвана изъ рукъ Судейкина, то послѣдній вмѣстѣ съ дверью оказался въ передней, гдѣ Стародворскій нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ ломомъ по головѣ, въ затылокъ. Отъ этихъ ударовъ Судейкинъ опрокинулся назадъ въ ватерклозетъ. Здѣсь онъ еще разъ ударилъ Судейкина ломомъ и прекратилъ нанесеніе ударовъ, лишь убѣдившись, что Судейкинъ мертвъ. Въ это время Судовскій лежалъ на полу въ передней на мѣховомъ пальто; Канашевичъ же ушелъ во внутреннія комнаты за своей одеждой и затѣмъ совершенно удалился, а онъ Стародворскій, остался еще въ квартирѣ, чтобы взять по порученію Дегаева, нѣкоторыя вещи и кинжалъ, во избѣжаніе, чтобы по этому кинжалу не отыскали его прежняго владѣльца. Уходя изъ квартиры, онъ заперъ за собою дверь на ключъ, который бросилъ на Невскомъ проспектѣ. Преступленіе было совершено между четырьмя съ половиной и пятью часами по полудни, и въ тотъ же вечеръ онъ, Стародворскій, печаталъ прокламаціи объ этомъ убійствѣ". [1])

Послѣ этого Канашевичъ также далъ показанія, ни въ чемъ существенномъ не отличающіяся отъ показаній Стародворскаго и лишь прибавилъ, что „еще во время своей службы въ Кіевѣ Судейкинъ былъ извѣстенъ за способнаго розыскнаго чиновника, а въ Петербургѣ онъ наводилъ па-

[1]) „Дегаевщина" (Матеріалы и документы). Былое. 1906 г. апрѣль стр. 18—26.

нику на революціонеровъ и дѣйствовалъ растлѣвающимъ образомъ на слабыхъ членовъ партіи, обращая ихъ въ своихъ агентовъ", что, выстрѣливши въ Судейкина, Дегаевъ „лишь только во время борьбы ихъ освободилась выходная дверь на лѣстницу, отперъ ее и быстро убѣжалъ, даже не затворивъ за собою дверей", что о роли Дегаева, какъ агента Судейкина, онъ раньше не зналъ и узналъ лишь незадолго до убійства, „когда Дегаевъ вынужденъ былъ объяснить, какимъ образомъ онъ могъ пригласить Судейкина къ себѣ на квартиру" и что онъ, Канашевичъ, „въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ Петербурга, по Варшавской дорогѣ, одновременно съ Дегаевымъ". [1])

Такова фактическая сторона дѣла по оффиціальнымъ даннымъ.

По поводу этого событія Исполнительный Комитетъ выпустилъ коротенькую прокламацію, гласившую:

„Отъ Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли. Сегодня, въ пятницу, агентами Исполнительнаго Комитета казненъ инспекторъ секретной полиціи жандармскій подполковникъ Г. П. Судейкинъ, причемъ убитъ защищавшій его сыщикъ. С.-Петербургъ. 16 декабря 1883 года". [2])

Правительство, конечно, быстро убѣдилось, что активнымъ участникомъ убійства Судейкина былъ его собственный агентъ, теперь скрывшійся Сергѣй Дегаевъ. Оно развѣсило поэтому по всей Россіи буквально въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ „объявленіе", съ изображеніемъ Дегаева въ шести видахъ гласившее:

„Отставной штабсъ-капитанъ Сергѣй Петровъ Дегаевъ (примѣты: маленькаго роста, худощавый, темный блондинъ) обвиняется въ убійствѣ 16-го декабря 1883 года подполковника Судейкина. 5000 рублей назначено за сообщеніе полиціи свѣдѣній, которыя, давъ возможность опредѣлить мѣстонахожденіе Дегаева, поведутъ къ его задержанію. 10000 рублей будутъ выданы тому, кто, указавъ полиціи мѣсто-

[1]) Ibid. стр. 26—27.

[2]) Прокламація приведена въ сборникѣ Базилевскаго „Литература партіи Народной Воли", стр. 651.

пребываніе Дегаева, окажетъ содѣйствіе къ задержанію преступника". [1])

Съ своей стороны Исполнительный Комитетъ издалъ по этому поводу такую прокламацію:

„Правительство назначаетъ денежныя награды въ нѣсколько тысячъ рублей тѣмъ, кто предастъ лицъ, казнившихъ начальника тайной полиціи жандармскаго подполковника Судейкина. Исполнительный Комитетъ объявляетъ, что смерть грозитъ каждому предателю. С.-Петербургъ, 26 февраля 1884 года". [2])

Перепечатавши это же заявленіе въ № 10 Народной Воли, редакція газеты сопроводила его такимъ примѣчаніемъ:

„Это заявленіе Исполнительнаго Комитета подало въ свое время поводъ къ очень непріятному недоразумѣнію: многіе полагали, что Исполнительный Комитетъ бралъ Дегаева какъ бы подъ свою защиту и такимъ образомъ объявлялъ себя какъ бы солидарнымъ съ нимъ. Для устраненія этого недоразумѣнія считаемъ небезполезнымъ пояснить теперь, что заявленіе Исполнительнаго Комитета, появившееся въ отвѣтъ на нахальное обращеніе правительства къ продажнымъ душамъ, относилось не къ одному Дегаеву, а ко всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ фактѣ 16 декабря; что же касается самого Дегаева, то Исполнительный Комитетъ хотѣлъ сказать лишь, что распоряженіе судьбой Дегаева принадлежитъ исключительно ему и что онъ не допуститъ вмѣшательства въ это дѣло добровольныхъ и наемныхъ пособниковъ правительства". [3])

Въ томъ же номерѣ Народной Воли Исполнительный комитетъ сдѣлалъ такое оповѣщеніе касательно личности Дегаева:

„Дегаевъ присоединился къ партіи въ моментъ ея могущества, исполнялъ многія довѣренныя ему службы и поднялся поэтому во время послѣднихъ разгромовъ довольно высоко въ организаціонной іерархіи, хотя его прошедшее, бѣдное серьезными испытаніями, и не давало всѣхъ требуе-

---

[1]) Это объявленіе воспроизведено фотографически въ апрѣльской книжкѣ Былого за 1906 годъ.

[2]) Литература партіи Народной Воли. стр. 652.

[3]) Ibid.

мыхъ въ другое время гарантій безусловной состоятельности во всѣхъ случаяхъ. Арестованный въ Одессѣ въ декабрѣ 1882 года, чувствуя себя скомпрометированнымъ самымъ серьезнымъ образомъ, устрашенный открывавшейся передъ нимъ перспективою личной гибели, молодушно смѣшивая подъ вліяніемъ тюремныхъ иллюзій и своего слабаго характера свою собственную гибель и безсиліе съ гибелью и безсиліемъ самого дѣла и партіи и суевѣрно представляя себѣ схватившую его полицію Судейкина какою то всемогущею, вездѣсущею силою, онъ рѣшился на такой планъ дѣйствій, который не только спасалъ его отъ каторги, но и открывалъ передъ нимъ, по его мнѣнію, заманчивую перспективу блестящей политической роли. А именно, находясь въ этомъ состояніи духовнаго помраченія и нравственнаго паденія и отрѣзанный отъ нравственной поддержки болѣе сильныхъ и благородныхъ товарищей, онъ задумалъ купить признательность и довѣріе правительства цѣной выдачи ему своихъ вчерашнихъ друзей и его злѣйшихъ враговъ, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи, заручившись полнымъ довѣріемъ власти, нанести ей при случаѣ рѣшительный ударъ. Съ этими химерическими, смутными и глубоко безнравственными идеями въ головѣ, онъ предложилъ Судейкину свои услуги, которыя и были охотно приняты перепуганнымъ правительствомъ, немедленно устроившимъ ему подложный побѣгъ, приведшій снова въ ряды партіи этого безсовѣстнаго и опаснаго предателя. Если вѣрить его собственнымъ объясненіямъ, то онъ льстилъ себя нѣкоторое время надеждами на то, что ему удастся достигнуть этого цѣною сравнительно незначительныхъ жертвъ, выдавая лишь второстепенныя дѣла и личности и спасая всѣхъ важныхъ дѣятелей и всѣ важныя предпріятія и учрежденія и даже обезпечивая этимъ послѣднимъ болѣе широкое развитіе подъ его самоличною охраною. Но дѣйствительность скоро разбила эти фантастическіе планы и показала всю химеричность этой безпринципной и преступной затѣи. Находясь подъ неустаннымъ давленіемъ ненасытной полиціи и подъ непрестаннымъ опасеніямъ потерять ея довѣріе и возбудить противъ себя ея подозрѣнія, онъ былъ вынужденъ мало по малу выдать ей почти все, что зналъ, не щадя ни

личныхъ друзей, ни довѣрявшихся ему знакомыхъ, ни учреж денiй и предпрiятiй самаго серьезнаго свойства, за исключенiемъ лишь того, что оставалось ему неизвѣстнымъ въ силу его iерархическаго положенiя. Мало того, подъ давленiемъ тѣхъ же мотивовъ и для приданiя себѣ большей важности и болѣе прочнаго положенiя, ему пришлось даже сочинять небывалыя предпрiятiя и приписывать многимъ отдѣльнымъ личностямъ, даже и не принадлежавшимъ совсѣмъ къ организацiи, совершенно фантастическое значенiе. Но все это, конечно, не привело ни къ чему и, разрушивъ множество серьезныхъ предпрiятiй и погубивъ не мало благородныхъ личностей, онъ нисколько не вышелъ самъ изъ позорнаго положенiя обыкновеннаго предателя и сыщика. И, вотъ, подавленный сознанiемъ своего преступнаго самообольщенiя, невольно поддаваясь вліянiю окружавшей его опять нравственной атмосѳеры, мучимый угрызенiями совѣсти, отчаявшись въ возможности для себя не только блестящей, но и какой бы то ни было карьеры, удерживаемый правительствомъ въ незавидной роли полицейской ищейки, постоянно опасаясь обнаруженiя своей позорной тайны и утомленный въ конецъ вѣчной борьбой съ непрестанно возникавшими противъ него подозрѣнiями, онъ рѣшилъ напослѣдокъ открыться Исполнительному Комитету, предоставивъ этому послѣднему или подвергнуть его заслуженной карѣ, или дозволить ему искупить, хотя до нѣкоторой степени, свое преступленiе какою-нибудь услугою дѣлу партiи. Очутившись предъ лицомъ этой глубоко печальной и трагической задачи, Исполнительный Комитетъ, какъ представитель политической партiи, не счелъ себя въ правѣ дѣйствовать подобно частному лицу въ обыденной жизни и руководствоваться въ своемъ рѣшенiи только нравственной брезгливостью да требованiями отвлеченной справедливости. Напротивъ того, онъ полагалъ, что его прямая обязанность состояла въ томъ, чтобы обезпечивъ—путемъ ли физической смерти или иными способами—полное уничтоженiе личности Дегаева для партiи, правительства и общества, достигнуть вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыхъ другихъ важныхъ цѣлей. А именно—онъ нашелъ необходимымъ: 1) спасти прежде всего тѣхъ изъ дѣйствительныхъ

дѣятелей, которые, хотя и были указаны полиціи, находились еще на свободѣ; 2) вывести изъ надзора полиціи указанныя ей учрежденія и скрыть ихъ вполнѣ надежнымъ образомъ; 3) отобрать у Дегаева подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ наемныхъ агентахъ и добровольныхъ пособникахъ политической полиціи; 4) и, наконецъ, казнить самого Судейкина,—но непремѣнно руками самого Дегаева, ибо этотъ неутомимый сѣятель политическаго разврата долженъ былъ, по мнѣнію Комитета, погибнуть въ той самой ямѣ, которую онъ рылъ другимъ, ославитъ собственной гибелью вѣчно памятный урокъ того, какъ ненадежно все, основанное на предательствѣ. Къ тому же только такое взаимоистребленіе двухъ достойныхъ другъ друга дѣятелей могло, по его мнѣнію, успокоить, хоть до нѣкоторой степени, возмущенное нравственное чувство зрителей этой трагедіи и дѣйствительно обезпечить на будущее время полную невозможность новаго выступленія Дегаева на той или другой сторонѣ русской политической арены. Нѣтъ надобности прибавлять, что всѣ выдачи были прекращены безусловно съ того самаго момента, когда Дегаевъ отдался въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета. Вынужденный горькою необходимостью преодолѣть свою нравственную брезгливость и законное негодованіе, Исполнительный Комитетъ нашелъ справедливымъ замѣнить Дегаеву смертную казнь безусловнымъ изгнаніемъ его изъ партіи, съ запрещеніемъ ему, подъ опасеніемъ смерти, вступать когда либо на почву русской революціонной дѣятельности. Исполнительный Комитетъ приглашаетъ всѣхъ членовъ партіи Народной Воли слѣдить за точнымъ выполненіемъ этого приговора, а также за поведеніемъ другихъ лицъ, запятнавшихъ себя договорами съ Судейкинымъ, Плеве и вообще полиціей". [1])

Въ этомъ заявленіи Исполнительнаго Комитета положеніе дѣла представлено гораздо лучше, нежели было въ дѣйствительности. Такъ, заявленіе говоритъ, что Дегаевъ выдавалъ все, „за исключеніемъ лишь того, что осталось ему неизвѣстнымъ въ силу его іерархическаго положенія". Этимъ Комитетъ даетъ понять, что существовало въ партіи еще нѣчто, Дегаеву неизвѣстное, ибо онъ

[1]) Народная Воля. № 10 (Сентябрь, 1884 года).

не находился въ самомъ центрѣ партіи (онъ, по словамъ заявленія, въ организаціонной іерархіи поднялся лишь „довольно высоко"), не былъ членомъ Исполнительнаго Комитета. Въ томъ то и дѣло, что это не такъ, мы уже цитировали выше печатное свидѣтельство по этому поводу такого компетентнаго человѣка, какъ Г. А. Лопатинъ, [1]) изъ котораго видно, что послѣ ареста Фигнеръ Дегаевъ былъ фактическимъ руководителемъ революціоннаго движенія въ Россіи. Затѣмъ, дѣло произошло такъ:

Дегаевъ былъ арестованъ въ Одессѣ вмѣстѣ съ своею женою и М. В. Колюжной при устройствѣ народовольческой типографіи 18 декабря 1883 [2]) года и очень быстро послѣ этого предложилъ Судейкину свои услуги. Уже въ началѣ января 1884 года Дегаеву былъ устроенъ изъ тюрьмы фиктивный побѣгъ и съ того времени въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ продолжалась непрерывно его предательская дѣятельность. Десятаго февраля 1884 г. по указанію Дегаева была арестована В. Н. Фигнеръ, потомъ много офицеровъ, о чемъ у насъ рѣчь будетъ ниже. Затѣмъ, какъ намъ извѣстно совершенно точно съ одной стороны со словъ покойной М. Н. Оловенниковой, а съ другой изъ ряда писемъ къ намъ по этому же поводу одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей революціоннаго движенія того времени, Дегаевъ явился въ Парижъ въ маѣ 1884 года по собственной иниціативѣ и самъ разсказалъ рѣшительно ничего не знавшимъ объ его роли Тихомирову и Оловенниковой о своихъ отношеніяхъ къ Судейкину, выдачѣ Фигнеръ, военныхъ и другихъ лицъ. Тутъ Тихомировъ и Оловенникова и потребовали отъ Дегаева, чтобы онъ убилъ Судейкина, на что Дегаевъ согласился и отправился въ Россію. Въ вышецитированномъ заявленіи Исполнительнаго Комитета говорится—„нѣтъ надобности прибавлять, что всѣ выдачи были прекращены безусловно съ того момента, когда Дегаевъ отдался въ распоряженіе Исполнительнаго

[1]) Г. А. Лопатинъ.—„В. А. Карауловъ". Современникъ. 1911 г. Январь. Стр. 402.

[2]) Дознаніе о типографіи Народной Воли, обнаруженной въ Одессѣ 19 декабря 1882 г." Былое. 1907 г., августъ, стр. 290. См. также Бурцевъ „За сто лѣтъ" стр. 111 и „Страница изъ воспоминаній" Спандани. Былое. 1906 г., іюнь, стр. 20.

Комитета". Это сомнительно, ибо съ момента покаянія передъ Комитетомъ (т. е. передъ Оловенниковой и Тихомировымъ. Въ то время находились еще въ Парижѣ Чернявская, Салова и Лопатинъ, но имъ тогда ничего сказано не было) до убійства Судейкина 16 декабря 1883 года прошло семь мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ Дегаеву, разумѣется, было необходимо оправдывать „довѣріе" къ себѣ Судейкина. „Въ сентябрѣ (1883 г.),—пишетъ извѣстный революціонный дѣятель того времени, Дегаевъ пріѣзжалъ еще разъ въ Парижъ оправдываться въ своей медлительности". Между тѣмъ, старый революціонеръ, другъ Маркса и Энгельса, имѣвшій за собою многолѣтнее блестящее прошлое, вырывавшійся нѣсколько разъ съ изумительною ловкостью изъ тюрьмы и ссылки, устроившій побѣгъ изъ Вологодской губерніи Лаврову, пытавшійся освободить изъ Вилюйска Чернышевскаго, человѣкъ, о которомъ былъ такого высокаго мнѣнія И. С. Тургеневъ [1]), но до того времени, однако, формально ни къ какой партіи не принадлежавшій, словомъ, Германъ Александровичъ Лопатинъ [2]) предложилъ Тихомирову и Оловенниковой „свою шпагу", которая была, разумѣется, съ радостью принята. И, однако, даже Лопатину, сдѣлавшемуся формально членомъ Исполнительнаго Комитета и отправившемуся въ Россію, Тихомировымъ и Оловенниковой объ отношеніяхъ Дегаева къ Судейкину и о предъявленномъ къ Дегаеву въ Парижѣ требованіи убить Судейкина ничего не было сказано, и Лопатинъ, какъ онъ самъ говоритъ, узналъ обо всемъ этомъ совершенно неожиданно въ Петербургѣ въ ресторанѣ Палкина отъ Дегаева [3])... На вопросъ о причинахъ такого умолчанія, Тихомировъ и Оловенникова говорили потомъ Лопатину такъ: „мы вполнѣ цѣнили васъ и страстно желали вашего присоединенія, но, опасаясь вашей моральной брезгливости, изъ за которой вы могли отшатнуться отъ

---

[1]) См. письма Тургенева къ Лаврову въ февральской книжкѣ Былого за 1906 г.

[2]) Біографія Лопатина, составленная Лавровымъ, приложена къ брошюрѣ „Процессъ 21-го". Женева. 1888 г. Изданіе кружка народовольцевъ.

[3]) Современникъ. 1911 г. Январь, стр. 403.

дѣла, запачканнаго такою грязью, а также боясь и погубить васъ, пока Дегаевъ не выйдетъ въ тиражъ, мы хотѣли пригласить васъ присоединиться къ намъ лишь послѣ ликвидаціи этого дѣла, а пока усердно отговаривали васъ,—не открывая, почему—отъ поѣздки въ Россію". (Цитата изъ одного изъ вышеупомянутыхъ къ намъ писемъ) [1]).

Произошло событіе 16 декабря 1883 года. Правительству арестовать Дегаева не удалось. При помощи одного изъ лидеровъ польской партіи „Пролетаріатъ" Станислава Куницкаго [2]), онъ перебрался заграницу. Когда о пребываніи Дегаева заграницей стало извѣстно властямъ, въ Парижъ былъ посланъ Рачковскій [3]), миссія котораго по задержанію Дегаева успѣхомъ тоже не увѣнчалась, но зато именно съ того времени Рачковскій началъ свою знаменитую „дѣятельность" по новымъ „методамъ". Первымъ творцомъ такихъ „методовъ" явился Судейкинъ и потому остановимся теперь еще на его личности. До сихъ поръ у насъ рѣчь шла главнымъ образомъ о Дегаевѣ, но событіе 16 декабря 1883 года отличается отъ другихъ ему подобныхъ не тѣмъ только, что дѣйствующимъ лицемъ въ немъ явился двойной предатель, но и большими особенностями личности убитаго „инспектора секретной полиціи".

Тихомировымъ и Оловенниковой у Дегаева были отобраны всякаго рода свѣдѣнія, касавшіяся Судейкина и организаціи сыска по политическимъ дѣламъ въ Россіи. На основаніи этихъ свѣдѣній Тихомировъ напечаталъ въ Вѣстникѣ Народной Воли статью „Въ мірѣ мерзости и запустѣнія", изъ которой мы приведемъ нѣсколько весьма интересныхъ выдержекъ.

„Георгій Порфирьевичъ Судейкинъ,—писалъ г. Тихомировъ,—былъ типичнымъ порожденіемъ и представителемъ того политическаго и общественнаго разврата, который разъѣдаетъ Россію... [4]) Это не былъ какой нибудь убѣж-

[1]) См. нашу статью „Къ біографіи П. Ф. Якубовича". Русское Богатство. 1911 г. Май.

[2]) Куницкій повѣшенъ въ Варшавѣ 16 января 1886 года.

[3]) См. некрологъ Рачковскаго Новое Время 20 октября 1910 г. № 12431.

[4]) Опускаемъ нѣкоторыя чрезвычайно рѣзкія выраженія г. Тихомирова.

денный фанатикъ реакціонной идеи, съ ожесточеніемъ преслѣдующій ея враговъ. Въ Судейкинѣ, напротивъ, вовсе не замѣчалось никакого ожесточенія противъ революціонеровъ. Онъ былъ просто глубокій эгоистъ, не стѣсняемый въ своихъ стремленіяхъ къ карьерѣ ни убѣжденіями, ни какими бы то ни было соображеніями гуманности. Убѣжденій онъ не имѣлъ, а къ человѣческому страданію, счастью или несчастью относился съ полнымъ безразличіемъ. Онъ не былъ положительно золъ, видъ страданій не доставлялъ ему удовольствія, но онъ съ безусловно легкимъ сердцемъ могъ жертвовать чужимъ счастьемъ, чужой жизнью — для малѣйшей собственной выгоды или удобства. Его безразличіе въ этомъ отношеніи доходило такъ далеко, что иногда становилось въ противорѣчіе даже съ простымъ благоразуміемъ практическаго дѣльца и возбуждало неудовольствіе собственныхъ друзей Судейкина. „Нѣтъ, такъ нельзя,— разсуждалъ однажды Скандраковъ (ближайшій другъ и повѣренный Судейкина), такъ нельзя, это уже неблагородно: высосать все изъ человѣка, а потомъ бросить его, какъ собаку, безъ всякихъ средствъ". Рѣчь шла, собственно, объ одномъ шпіонѣ, бывшемъ радикалѣ П. Этотъ жалкій человѣкъ, сдѣлавшись шпіономъ, повыдавалъ очень быстро всѣхъ, кого только зналъ, и возбудилъ противъ себя подозрѣніе революціонеровъ. Выдавать было больше некого, искать новыхъ жертвъ— опасно, вслѣдствіе уже возникавшихъ подозрѣній. Такимъ образомъ П. сдѣлался безпомощнымъ, и Судейкинъ забросилъ его, какъ выжатый лимонъ. Этимъ то и возмущался Скандраковъ. Читатели не должны, однако, особенно увлекаться „благородствомъ" самаго Скандракова. Вѣдь, мы находимся теперь въ мірѣ совершенно особенномъ, гдѣ всѣ обычныя понятія о нравственности имѣютъ свой оригинальный характеръ. „Благородство" Скандракова состояло собственно, въ томъ, что онъ старался вновь достать П. „заработокъ". Онъ настаивалъ на томъ, чтобы выдохшагося шпіона перевести въ „нелегальность" и, возбудивъ такимъ образомъ новое довѣріе къ нему, доставить ему возможность опять сдѣлаться „полезнымъ". Судейкинъ не имѣлъ такой сантиментальности и затѣвалъ планъ совершенно иного рода. Дѣло въ томъ, что Дегаеву нужно было чѣмъ нибудь

зарекомендовать себя въ революціонномъ мірѣ, и Судейкину пришла счастливая идея—извлечь изъ П. послѣднюю выгоду. Онъ предложилъ Дегаеву прослѣдить П., доказать передъ революціонерами его измѣну и убить его. Такимъ образомъ всякія подозрѣнія революціонеровъ противъ самаго Дегаева должны были исчезнуть. „Конечно,—замѣчалъ Судейкинъ,—жалко его. Да что станете дѣлать? Вѣдь, нужно же и вамъ чѣмъ нибудь аккредитовать себя; а изъ П. все равно никакой пользы нѣтъ". Такихъ примѣровъ мы могли бы привести нѣсколько. Тому же Дегаеву Судейкинъ предлагалъ убить еще шпіона Шкрябу[1]) (въ Харьковѣ): „Вотъ, если угодно, можете его уничтожить, коли понадобится" и т. д. Но гораздо характернѣе, что Судейкинъ и къ самому правительству относился нисколько не лучше. Какъ ни пріучила насъ оффиціальная Россія къ зрѣлищу политическаго индифферентизма и предательства, дѣянія Судейкина все таки невольно поражаютъ даже человѣка, хорошо знакомаго съ изнанкой существующаго строя и настоящей подкладкой реакціонныхъ гражданскихъ доблестей. Мы остановимся нѣсколько на этой сторонѣ біографіи Судейкина, любопытной особенно потому, что она рисуетъ яркими красками самый строй, которому онъ служилъ, или, правильнѣе, который самъ служитъ привольнымъ пастбищемъ для ненасытныхъ аппетитовъ этихъ искателей пирога и приключеній.

„Нужно замѣтить, что отношенія выскочки-сыщика къ верхнимъ правительственнымъ сферамъ, вообще, не отличались особеннымъ дружелюбіемъ. Онъ и пугалъ ихъ и внушалъ имъ отвращеніе. Судейкинъ—плебей; онъ происхожденія дворянскаго, но изъ семьи бѣдной, совершенно захудалой. Образованіе получилъ самое скудное, а воспитаніе и того хуже. Его невѣжество, не прикрытое никакимъ свѣтскимъ лоскомъ, его казарменныя манеры, самый, наконецъ, родъ службы, на которой онъ прославился, все шокировало верхнія сферы и заставляло ихъ съ отвращеніемъ отталкивать отъ себя мысль, что этотъ человѣкъ можетъ когда нибудь сдѣлаться „особой". А между тѣмъ, перспектива каза-

[1]) Этотъ Шкряба, впрочемъ, пережилъ Судейкина и уже послѣ него былъ дѣйствительно убитъ революціонерами. Примѣчаніе Тихомирова.

лась неизбѣжной. Въ сравненіи съ массой нашихъ государственныхъ людей, Судейкинъ производилъ впечатлѣніе блестящаго таланта. Мужи совѣта и дѣла сами это прекрасно чувствовали и начинали все больше тревожиться за свои портфели, за свое вліяніе... на дѣла. Отвращеніе и страхъ создавали такимъ образомъ постоянную оппозицію противъ Судейкина. Его старались держать въ черномъ тѣлѣ. Онъ же съ своей стороны глубочайшимъ образомъ презиралъ всѣхъ этихъ мужей совѣта и въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ не считалъ для себя слишкомъ высокимъ какое бы то ни было общественное положеніе. Ему, котораго не хотѣли выпустить изъ роли сыщика, постоянно мерещился портфелъ министра внутреннихъ дѣлъ, роль всероссійскаго диктатора, держащаго въ своихъ ежовыхъ рукавицахъ... [1]) Разладъ между радужной мечтой и сѣренькой дѣйствительностью оказывался слишкомъ рѣзокъ. Судейкинъ всѣми силами старался разрѣшить такой „узкій“ взглядъ на себя и постоянно добивался свиданія съ царемъ. Толстой употреблялъ, напротивъ, всѣ усилія не допустить его до этого, и дѣйствительно — Судейкинъ во всю свою жизнь такъ и не успѣлъ получить у царя ни одной аудіенціи, не былъ даже ни разу ему представленъ. Судейкинъ изъ себя выходилъ, но ничего не могъ сдѣлать, постоянно наталкиваясь на невидимую руку, оттиравшую его... „Если бы мнѣ увидать Государя, хоть одинъ разъ,—говорилъ онъ съ досадой,— я бы съумѣлъ показать себя, я бы съумѣлъ его привязать къ себѣ“, и онъ ненавидѣлъ гр. Толстого всѣми силами души.

„Ближайшій начальникъ Судейкина — Плеве—дорожилъ имъ совершенно искренно, какъ человѣкомъ необходимымъ для собственной карьеры самого Плеве. Онъ не скупился передъ Судейкинымъ на комплименты и въ глаза сказалъ ему однажды: „Вы должны быть осторожны. Вѣдь, Ваша жизнь, послѣ жизни Государя Императора — наиболѣе драгоцѣнна для Россіи“. Все это было, разумѣется, очень лестно и пріятно. Судейкинъ могъ, пожалуй, утѣшаться и тѣмъ, что его начальникъ сходится съ нимъ до нѣкоторой степени даже въ нелюбви къ графу Толстому. Однако же сплетеніе взаимной

[1]) Снова мы принуждены опустить очень рѣзкое выраженіе г. Тихомирова.

ненависти, интригъ и подсиживаній, образующихъ въ общей сложности гармонію россійскаго государственнаго механизма, представляетъ для карьеры каждаго отдѣльнаго честолюбца столько же удобствъ, сколько и затрудненій. Когда Судейкинъ, въ отвѣтъ на приведенный выше комплиментъ, замѣтилъ, что его превосходительство забываетъ еще о жизни гр. Толстого, который точно также составляетъ особенный предметъ ненависти для террористовъ, то Плеве раздумчиво отвѣтилъ: „Да, конечно, его было бы жаль—какъ человѣка; однако, нельзя не сознаться, что для Россіи это имѣло бы и нѣкоторыя полезныя послѣдствія“.... Но отпуская такія фразы, Плеве имѣетъ свою линію. Онъ гладитъ по шерсткѣ нужнаго человѣка, но вовсе не намѣривается строить изъ себя лѣстницу для его честолюбія. Въ общей сложности Судейкинъ напрасно рвался на дорогу государственнаго дѣятеля. Его постоянно держали въ уздѣ и обходили даже наградами. Онъ получалъ ордена, получилъ даже аренду, но его упорно не допускали до чиновъ т. е. до самаго главнаго, чего онъ добивался. Онъ ждалъ производства въ полковники хотя бы послѣ коронаціи, во время которой за нимъ всѣ такъ ухаживали. Боязнь допустить повышеніе Судейкина оказалось, однако, болѣе сильною, чѣмъ опасеніе его раздражить. Спаситель Россіи получилъ всего на всего Владиміра 4-й степени и буквально взбѣсился. Подъ вліяніемъ такихъ то столкновеній у Судейкина рождаются планы, достойные дѣйствительно временъ Семибоярщины или Бироновщины. Его упорно преслѣдовала соблазнительная мечта, которую онъ весь послѣдній годъ жизни лелѣялъ, какъ Валленштейнъ свой планъ измѣны, не рѣшаясь приступить къ осуществленію этихъ дерзкихъ замысловъ, но не рѣшаясь и разстаться съ ними. Онъ думалъ поручить Дегаеву подъ рукой сформировать отрядъ террористовъ, совершенно законспирированный отъ тайной полиціи; самъ же хотѣлъ затѣмъ къ чему нибудь придраться и выйти въ отставку. Въ одинъ изъ моментовъ, когда онъ уже почти рѣшился начать свою фантастическую игру, Судейкинъ думалъ мотивировать отставку прямо безтолковостью начальства, при которомъ онъ де не въ состояніи добросовѣстно исполнять свой долгъ; въ другой такой моментъ Судейкинъ хотѣлъ устроить фик-

тивное покушеніе на свою жизнь, причемъ долженъ былъ получить рану и выйти въ отставку по болѣзни. Какъ бы то ни было, немедленно по удаленіи Судейкина, Дегаевъ долженъ былъ начать рѣшительныя дѣйствія: убить гр. Толсого, великаго князя Владиміра и совершить еще нѣсколько болѣе мелкихъ террористическихъ фактовъ. При такомъ возрожденіи террора—понятно, ужасъ долженъ былъ охватить.... Необходимость Судейкина, при удаленіи котораго революціонеры немедленно подняли бы головы, должна была стать очевидной, и къ нему обязательно должны были обратиться, какъ къ единственному спасителю. И тутъ Судейкинъ могъ запросить чего душѣ угодно.... Таковы были интимныя мечты Судейкина. Его фантазія рисовала ему далѣе, какъ при исполненіи этого плана, Дегаевъ въ свою очередь дѣлается популярнѣйшимъ человѣкомъ среди революціонеровъ, попадаетъ въ Исполнительный Комитетъ или же организуетъ новый центръ революціонной партіи, и тогда они вдвоемъ—Судейкинъ и Дегаевъ—составятъ нѣкоторое тайное, но единственно реальное правительство, заправляющее одновременно дѣлами надпольной и подпольной Россіи: все будетъ въ ихъ распоряженіи, всѣ повезутъ ихъ на своихъ спинахъ къ какому то туманно-ослѣпительному будущему, которое Судейкинъ, можетъ быть, наединѣ съ самимъ собою не смѣлъ рисовать въ сколько нибудь опредѣленныхъ очертаніяхъ.

„Вотъ собственно каковъ былъ по своимъ „убѣжденіямъ“ и по своей „вѣрности“ этотъ отчаянный авантюристъ, за гробомъ котораго впослѣдствіи несли вѣнокъ, и предназначенный „честно исполнившему свой долгъ до конца“, какъ гласила чувствительная надпись. Можно ли придумать что нибудь болѣе жестоко-ироническое! И нужно сказать, что Судейкинъ далеко не остался въ области однихъ грѣшныхъ мечтаній. Еще незадолго до смерти онъ было совсѣмъ рѣшился переходить Рубиконъ. Онъ уже далъ Дегаеву указанія объ образѣ жизни гр. Толстого и сообщилъ необходимыя данныя для слѣженія за нимъ. Точно также онъ рѣшился устроить покушеніе и на свою собственную жизнь, для чего уже началъ ходить въ паркъ, гдѣ Дегаевъ долженъ былъ его якобы подстерегать, хотя при всемъ

своемъ довѣріи къ Дегаеву, Судейкинъ хотѣлъ себѣ нанести рану непремѣнно самъ. Планъ этотъ онъ потомъ оставилъ, а замыслы относительно Толстого отложилъ до мая 1884 года.

„Дегаевъ раньше жилъ съ женой, Судейкинъ—большой пріятель Дегаева—часто посѣщалъ супруговъ, по дѣламъ и безъ дѣлъ, ѣлъ и пилъ у нихъ, засиживался до поздней ночи. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ г-жа Дегаева собирается уѣхать заграницу. Судейкинъ даетъ ей деньги, даетъ фальшивый заграничный паспортъ. Онъ полагаетъ, что она ѣдетъ слѣдить за эмигрантами. Дегаевъ, оставшись одинъ, для полнаго успокоенія Судейкина, проситъ дать ему слугу изъ шпіоновъ. Просьба, разумѣется, удовлетворяется".

А затѣмъ наступаетъ событіе 16 декабря 1883 года.

„Такъ кончилась эта жизнь, переносящая насъ мысленно куда-то далеко, ко временамъ какого нибудь Гришки Отрепьева. А черезъ нѣсколько дней полицейская Россія уже воздала послѣдній долгъ своему герою, и проводила его на кладбище мрачно и уныло, среди тоскливыхъ опасеній за свою собственную судьбу" [1])....

О характерѣ отношеній между Дегаевымъ и Судейкинымъ мы имѣемъ еще одно свидѣтельство. Родная сестра Сергѣя Дегаева Н. П. Маклецова-Дегаева разсказываетъ, что ея братъ говорилъ ей о своихъ отношеніяхъ къ Судейкину и „планахъ" послѣдняго слѣдующее:

„Сергѣй разсказалъ, что Судейкинъ развилъ ему подробный планъ захвата власти соединенными силами революціонной партіи и его Судейкина. Правительство съ одной стороны будетъ запугано удачными покушеніями, которыя я помогу вамъ устроить, а съ другой—я сумѣю кого слѣдуетъ убѣдить въ своей необходимости и представлю васъ, какъ своего помощника, Государю,—тамъ уже вы сами будете дѣйствовать" [2]).

Г. Тихомировъ, со ссылкою на евангельскій текстъ, закончилъ свою статью „Въ мірѣ мерзости и запустѣнія" такимъ предсказаніемъ:

---

[1]) Л. Тихомировъ. Въ мірѣ мерзости и запустѣнія. Вѣстникъ Народной Воли № 2. Женева. 1884 г. стр. 92—125.

[2]) Н. П. Маклецова-Дегаева. — „Судейкинъ и Дегаевъ" Былое 1906 г. Августъ, стр. 269.

„Гдѣ будетъ трупъ—тамъ будутъ орлы. Вы всѣмъ своимъ строемъ уже собираете вокругъ себя этихъ орловъ, которые уже начинаютъ рвать падаль по кускамъ. Невѣроятную картину авантюристскаго хищничества представляетъ жизнь Судейкина, и, однако же, будьте увѣрены, что это только начало. Еще не такихъ орловъ увидите вы надъ трупомъ вашего строя. Судейкины пока еще все таки опасаются немного, они еще не знаютъ, дѣйствительно ли это трупъ вполнѣ беззащитный, надъ которымъ можно продѣлывать, что угодно. Но они съ каждымъ днемъ все больше и больше въ этомъ убѣждаются, все яснѣе начинаютъ чуять запахъ падали. А чутье у нихъ хорошее“ [1]).

Въ своемъ предсказаніи г. Тихомировъ не ошибся: у Судейкина оказался далеко превзошедшій „талантами“ своего учителя ученикъ Рачковскій, у Рачковскаго два такихъ прославленныхъ ученика, какъ Гартингъ и Азефъ...

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ упомянутыхъ нами прямыхъ или косвенныхъ участниковъ событія 16 декабря 1883 года.

Лопатинъ, Стародворскій и Конашевичъ были приговорены къ казни, замѣненной имъ пожизненными каторжными работами. Ихъ заключили въ Шлиссельбургъ, гдѣ Конашевичъ впалъ въ психическое разстройство и былъ переведенъ въ психіатрическую лечебницу въ Казани. Тамъ находится онъ въ безнадежномъ состояніи и понынѣ.

Лопатинъ и Стародворскій, пробывши въ Шлиссельбургѣ около 20 лѣтъ, были освобождены оттуда лишь послѣ 17 октября 1905 года.

М. Н. Оловенникова-Полонская умерла въ 1898 году въ Парижѣ.

Дегаевъ скрылся въ Америку, гдѣ, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, умеръ въ 1909 году, оставивши свои мемуары.

Левъ Тихомировъ нынѣ редактируетъ... Московскія Вѣдомости...

Это произошло такъ: живя заграницей въ качествѣ революціонера-террориста и редактора Вѣстника Народной Воли, г. Тихомировъ написалъ, между прочимъ, кни-

[1]) Тихомировъ. Вышецитированная статья стр. 125.

гу, разумѣется, ультра-радикальнаго содержанія „La Russie politique et sociale“. Книга имѣла во Франціи успѣхъ (была переведена и на англійскій языкъ). При второмъ изданіи этой книги г. Тихомировъ предпослалъ ей предисловіе, въ которомъ высказалъ взгляды, далеко не совпадающіе со всею его предшествовавшею дѣятельностью. Въ отвѣтъ на это появилось „Открытое письмо къ Тихомирову“ эмигранта Э. А. Серебрякова и брошюра „По поводу одного предисловія“, изданная „группою народовольцевъ“. Послѣ этого (въ 1888 г.) г. Тихомировъ и поставилъ точки надъ і изданіемъ въ Парижѣ брошюры „Почему я пересталъ быть революціонеромъ“. (Впослѣдствіи переиздана въ Россіи). По поводу брошюры г. Тихомирова П. Л. Лавровъ издалъ „письмо товарищамъ въ Россіи“, и всякія отношенія революціоннаго міра къ г. Тихомирову окончились. Въ своей книгѣ „Въ странѣ изгнанія“ Е. П. Семеновъ разсказываетъ, что передъ „раскаяніемъ“ Тихомирова у него бывалъ Гекельманъ-Ландейзенъ [1]). Послѣ этого г. Тихомировъ подалъ прошеніе о помилованіи. Слухъ о возвращеніи „Тигрыча“ былъ встрѣченъ реакціонною печатью крайне недружелюбно. Она ему даже грозила, если онъ возвратится въ Россію, висѣлицею. Говорили, что Побѣдоносцевъ ставилъ, какъ условіе возвращенія г. Тихомирова, чтобы прощаемый властью земною грѣшникъ поступилъ въ монастырь замаливать грѣхъ 1-го марта и убійство Судейкина передъ властью небесной. Но въ концѣ концевъ все окончилось благополучно, и г. Тихомировъ помаленько да полегонько дошелъ до наслѣдованія кресла Каткова.... [2]).

---

[1]) Т. е. впослѣдствіи знаменитый Гартингъ. См. Е. П. Семеновъ.—„Въ странѣ изгнанія“. С.-Петербургъ 1911 г. стр. 136.

[2]) Во внутреннемъ обозрѣніи Русскаго Вѣстника за сентябрь 1888 года („Повинная террориста“) были напечатаны между прочимъ такія строки: „Въ Петербургѣ много говорятъ о вышедшей на дняхъ въ Парижѣ брошюрѣ нѣкоего Льва Тихомирова „Почему я пересталъ быть революціонеромъ“. Имя автора брошюры, опозоренное гнуснѣйшими преступленіями, небезъизвѣстно русскому обществу, благодаря разоблаченіямъ самихъ же „революціонеровъ“. Не мѣшаетъ напомнить забывчивымъ, что это за человѣкъ. Совѣщаніемъ цареубійцъ на Липецкомъ съѣздѣ было рѣшено предпринять новое покушеніе на жизнь Его Императорскаго Величества, но уже не тѣмъ способомъ, какъ 2 апрѣля, а при помощи динамита. Въ числѣ главныхъ злоумышлен-

III.

Дѣятельность народовольцевъ среди рабочихъ.

Говоря, конечно, относительно, можно утверждать, что уже въ 70—80-хъ годахъ рабочіе были классомъ, наиболѣе воспріимчивымъ къ идеямъ освободительной борьбы. Но сколько-нибудь упорной работы среди рабочихъ народовольцами въ Петербургѣ и Москвѣ не велось. Не велось же потому, что у нихъ на такую работу физически не хватало наличныхъ силъ. Отрасль эта не была отдѣлена отъ другихъ, главнымъ образомъ, террористической,—и во главѣ ея стояли тѣ же лица, которыя руководили и множествомъ другихъ дѣлъ — Желябовъ, Перовская и ихъ ближайшіе товарищи.

Со стороны народовольцевъ въ эпоху расцвѣта ихъ дѣятельности почти не было попытокъ создать сколько нибудь широкія рабочія организаціи, не было и руководительства Исполнительнымъ Комитетомъ рабочихъ стачекъ. Въ томъ

никовъ называли Льва Тихомирова, бывшаго студента Петерб. университета". Разсказавши затѣмъ главныя черты изъ біографіи Тихомирова, авторъ продолжаетъ такъ: „Васъ радуетъ, что Тихомировъ, убивъ великодушнѣйшаго изъ царей Россіи,—а убилъ его онъ (курсивъ подлиника), потому что не только руководилъ цѣлымъ рядомъ заговоровъ, но и досталъ средства убійцамъ и воспиталъ убійцъ,—совершивъ это гнусное преступленіе въ видѣ опыта (курсивъ подлинника), какъ самъ же онъ говоритъ, и убѣдившись затѣмъ, что изъ этого опыта ничего путнаго „для революціи" не вышло, признаетъ народную Россію и т. д. Въ награду за покаяніе такого содержанія, такой формы и по такимъ мотивамъ общественная совѣсть не задумалась бы отправить злодѣя на висѣлицу... Систематически, въ теченіе 15 лѣтъ, развращая и губя учащуюся молодежь, этотъ душегубецъ,—въ буквальномъ смыслѣ слова,—поучаетъ теперь своихъ бывшихъ друзей, закоснѣлыхъ въ „узкомъ кагальномъ духѣ", что губить молодежь не слѣдуетъ.

„Для него,—изволите ли видѣть,—дѣло не въ личной судьбѣ сотенъ и тысячъ молодыхъ людей,—что за важность, если „негодный ни къ чему серьезному, качается на перекладинѣ или гніетъ въ казематѣ",—а въ томъ, что „тутъ замѣшаны очень и очень близко величайшіе интересы Россіи",--каковъ гражданинъ, подумаешь!

и другомъ отношеніи во времена землевольцевъ дѣло обстояло лучше, хотя утопизмъ землевольцевъ и мѣшалъ поставить рабочее дѣло на сколько нибудь реалистическую почву. Мы уже упоминали вскользь объ образованіи въ Петербургѣ въ 1878 году „Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ". Образованъ былъ Союзъ, главнымъ образомъ, трудами извѣстнаго впослѣдствіи террориста-рабочаго Степана Халтурина. Когда появилась программа Союза, то землевольцы, одобряя ея утопическіе элементы, порицали именно ея элементы реалистическіе. Земля и Воля отозвалась объ этой программѣ такъ: „Отрицаніе государства и требованіе комунальной автономіи (т.-е. анархическое требованіе землевольческой программы—упраздненія государства и замѣны его „федераціей автономныхъ общинъ". В. Б.) зачисляютъ нашихъ товарищей въ лагерь соціалистовъ революціонеровъ, каковыми мы и сами желали бы видѣть членовъ „Сѣвернаго Союза", а послѣдующіе параграфы программы прямо взяты изъ катехизиса нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплоатируемыхъ съ эксплоататорами посвящается слишкомъ много мѣста и рѣшается онъ

„Но какъ бы ни рядился волкъ въ овечью шкуру, а своимъ воемъ выдаетъ себя. Человѣку, въ которомъ, дѣйствительно, проснулась совѣсть, не давали бы покоя тѣни этихъ качающихся на висѣлицахъ и сгнившихъ въ казематахъ имъ погубленныхъ молодыхъ людей. Онѣ вызывали бы въ немъ не сознаніе ошибки, а потребность искупить свою вину тяжкимъ страданіемъ. Но этотъ закоснѣлый злодѣй до такой степени далекъ отъ раскаянія, что не понимаетъ даже, какія у него могутъ быть обязательства по отношенію къ погибшимъ... Съ такимъ нравственнымъ закаломъ, съ такимъ позорнымъ прошлымъ этотъ бывшій атаманъ шайки политическихъ убійцъ „наблюдаетъ" теперь на берегахъ Сены дѣйствія своихъ бывшихъ единомышленниковъ и собирается служить Россіи какою то „созидательною" работою. Въ своей наглости онъ даетъ даже совѣты правительству и обществу...

„Вмѣсто этого было бы гораздо любопытнѣе услышать отъ „бывшаго революціонера" его мнѣніе о томъ, какъ слѣдовало бы поступить правительству въ случаѣ обращенія къ нему „бывшаго революціонера" съ предложеніемъ своихъ услугъ. По нашему мнѣнію, правительству оставалось бы только пригласить его на висѣлицу... Никакое должностное лицо, уважающее народное чувство и собственное достоинство, не могло бы осмѣлиться ходатайствовать передъ державною властью

въ программѣ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ“ [1]).

Нотація подѣйствовала. И въ „открытомъ письмѣ“ Союза землевольцамъ, авторы его какъ бы извиняются въ томъ, что они придаютъ большое значеніе политической свободѣ. „Да не подумаютъ,—пишутъ они,—чтобы и въ самомъ дѣлѣ политическая свобода входила въ наши особенные планы и расчеты, и для нея мы отводили столь же почетное мѣсто,

---

о смягченіи кары главѣ цареубійцъ. Услуги такихъ дѣятелей только покрываютъ стыдомъ лицо или учрежденіе, ихъ принимающіе. Да и какія дѣйствительныя услуги могъ бы оказать этотъ отверженецъ‘ Каинъ нашего времени? Онъ не годится даже для роли Дегаева“... (Русскій Вѣстникъ. 1888 г. сентябрь стр. 368—373).

Черезъ два мѣсяца послѣ этого авторъ внутренняго обозрѣнія въ Русскомъ Вѣстникѣ возвращается снова къ тойже темѣ и пишетъ:

„Парижская газета Matin разноситъ чудовищную и лишенную смысла сплетню, будто Московскія Вѣдомости приняли „съ восторгомъ“ исповѣдь раскаявшагося нигилиста, настаивая на томъ, чтобы правительство распространило брошюру Тихомирова „во всѣхъ русскихъ школахъ“ и объявило, что эта брошюра заслужила полную амнистію ея автору, а Новое Время тотчасъ-де пригласило бывшаго террориста въ свои сотрудники. Таже парижская газета отъ кого то слышала, что этотъ убійца будетъ призванъ къ дѣлу болѣе важному, чѣмъ сотрудничество въ Новомъ Времени, что рѣшено сдѣлать его редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей, во главѣ которыхъ стоялъ прежде М. Н. Катковъ и которыя ведетъ нынѣ г. Петровскій“. Конечно, газета считаетъ такой ужасъ невозможнымъ,... но, „какъ ни странно,—продолжаетъ она,—но такое упорное утвержденіе невольно приводитъ къ мысли, что все это извѣстіе не вполнѣ вымыселъ газеты Matin. Разумѣется о призваніи Льва Тихомирова государственною властью не могло быть и рѣчи. О занятіи преступникомъ, случайно не попавшимъ на висѣлицу, такого поста, какъ постъ редактора Московскихъ Вѣдомостей, и его сотрудничествѣ въ такой газетѣ, какъ Новое Время, весьма естественно никто никогда не помышлялъ. Тѣмъ не менѣе, газета Matin не выдумываетъ вздоръ и, конечно, только повторяетъ вздоръ, который слышится въ Петербургѣ“. Потомъ автора статьи снова беретъ сомнѣніе, но онъ его гонитъ отъ себя и заключаетъ статью словами: „думать что возможно что либо подобное, нѣтъ никакихъ основаній. (Русскій Вѣстникъ. 1888 г. ноябрь, стр. 348—349).

Какъ извѣстно, на дѣлѣ оказалось, что даже очень и очень возможно... То ли еще бываетъ въ „благоустроенномъ государствѣ“?...

[1]) Земля и Воля. 20 февраля. 1879 г. № 4.

какъ и для основнаго нашего требованія. Нѣтъ, мы только говоримъ, что такъ было бы лучше, что эта свобода *все таки* очень важное условіе для скорѣйшаго переворота и *болѣе или менѣе осмысленнаго рѣшенія соціальнаго вопроса*, а осмысленность въ движеніи, какъ и сами знаете, есть въ свою очередь опять таки весьма важное условіе для желаннаго исхода революціи. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что *ради осмысленности соціальной революціи* мы желали бы ее оттянуть на безконечно-длинное время. Вовсе нѣтъ, мы только говоримъ, что нужно пользоваться всѣмъ, что можно достать, нужно обращать вниманіе на все, что окажетъ услугу въ нашемъ дѣлѣ“ [1]).

Такимъ образомъ рабочіе „Союза“, хотя бы и съ оговоркою „*все таки*“, хотя бы и робко, но все же начинали признавать цѣнность такихъ вещей, какъ „политическая свобода“ и „болѣе или менѣе осмысленное рѣшеніе соціальнаго вопроса“; они рисковали даже вступать по этому поводу въ заикающуюся, почтительную, но все же полемику съ землевольцами-утопистами, слѣпое докринерство которыхъ рѣшительно не знало границъ. И несомнѣнно огромна заслуга народовольцевъ въ томъ, что, усвоивши несравненно болѣе правильный взглядъ на политическую свободу, они перестали сбивать въ этомъ отношеніи съ толку и рабочихъ. Самъ организаторъ Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ примкнулъ вскорѣ къ народовольцамъ, которые его не упрекали, по крайней мѣрѣ, за то, что „вопросъ о политической свободѣ онъ рѣшаетъ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ“.

Но далеко не вездѣ восторжествовали среди рабочихъ болѣе правильныя воззрѣнія на политическую свободу. Старое цѣпко держалось еще за свой утопизмъ.

Мы выше привели найденную властями въ Кіевѣ у Буцинскаго, сдѣлавшую огромный шагъ впередъ по пути освобожденія отъ народническихъ предразсудковъ, „программу южныхъ рабочихъ“ („добиваться политической свободы“), но этому ростку живой жизни ходу дано не было, и въ томъ же Кіевѣ въ 1880 году возникъ, по иниціативѣ Е. Н.

---

[1]) *Земля и Воля*. № 5.

Ковальской и Н. П. Щедрина „Южно-русскій рабочій союзъ“ съ самой анархо-максималистической программой... [1])

Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ пытался издавать собственный органъ Заря Рабочаго, но это изданіе было захвачено полиціей съ перваго же номера.

Принималъ активное участіе Союзъ (между прочимъ изданіемъ прокламацій) и въ происходившихъ въ Петербургѣ стачкахъ рабочихъ на фабрикѣ Шау и на Новой Бумагопрядильнѣ. Принимали въ этомъ участіе и землевольцы [2]), но смотрѣли они при этомъ на дѣло исключительно съ своей специфически-„бунтарской“ точки зрѣнія. Неизмѣримо правильнѣе взглянулъ впослѣдствіи на значеніе стачекъ рабочихъ глава народовольчества А. И. Желябовъ, формулировавшій свою по этому поводу мысль въ замѣчательно вѣрномъ для того времени изреченіи: „въ Россіи стачка есть фактъ политическій“, но сколько нибудь дѣятельнаго участія въ стачкахъ рабочихъ народовольцы 1879—1881 года не принимали [3]).

---

[1]) Объ этомъ Союзѣ существуютъ воспоминанія Е. Н. Ковальской, напечатанныя въ № 6 Былаго (заграничнаго).

[2]) См. брошюру Г. В. Плеханова „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“. Женева. 1903 г.

[3]) Участія народовольцевъ въ стачкахъ рабочихъ въ 1879 г. въ Кіевѣ (желѣзно-дорожныя мастерскія), Серпуховѣ, Ивановѣ-Вознесенскѣ, каменноугольныхъ копяхъ у ст. Шахной, Воронежѣ (желѣзно-дор. мастерскія), Гуслицахъ (подъ Москвою), Москвѣ (фабрикѣ Шрадера), Москов. уѣзда (фабрикѣ Диля),—въ 1880—Москвѣ (фабрикѣ Каверина и фабрикѣ Бровкина), снова Кіевѣ (жел.-дор. мастерскія), Ярцевѣ (фабрикѣ Хлудова), Коломенскомъ уѣздѣ (фабрикѣ Щербаковыхъ), Серпуховѣ (фабрикѣ Сѣрикова),—въ 1881 г.—около ст. Дрезна Моск. Нижег. ж.-д. (фабрика Тряпкина), и Ивановѣ-Вознесенскѣ (фабрикѣ Зубкова) (обо всѣхъ этихъ стачкахъ см. книгу С. Н. Прокоповича—„Къ рабочему вопросу въ Россіи“. СПБ. 1905 г. стр. 59—62), или вовсе не было или оно было весьма незначительнымъ. Тоже самое надо сказать и о „чернопередѣльцахъ и вообще революціонерахъ, того времени. Уже послѣ окончательнаго упадка революціоннаго движенія описываемой эпохи организаторомъ знаменитой стачкѣ на Никольской мануфактурѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ въ 1885 году явился П. А. Мосеенокъ, участвовавшій въ стачкѣ на Новой Бумагопрядильнѣ въ Петербургѣ въ 1878 году, за что онъ былъ тогда арестованъ, просидѣлъ 17 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и высланъ административно въ Канскій округъ Енисейской губ., какъ принадлежащій „къ тайному политическому обществу“. Рабочіе называли Мосеенка „студентомъ“. Такой примѣръ былъ, кажется, тогда въ рабочемъ движеніи единственнымъ.

Въ 1880 году была издана „Программа рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“. Въ общемъ эта программа еще сильно обвѣяна утопическимъ и анархо-коммунистическимъ духомъ предшествовавшей эпохи. Такъ, въ ней говорится и о томъ, что „государственное устройство должно быть основано на союзномъ договорѣ всѣхъ общинъ“, и о томъ, что „продукты общаго труда должны дѣлиться по рѣшенію между всѣми работниками, по потребностямъ каждаго“ и т. д.

Но существуютъ въ программѣ и черты, свидѣтельствующія о значительномъ въ сравненіи съ предшествовавшей эпохой прогрессѣ мысли. Программа говоритъ о „постепенномъ“ завоеваніи соціалистическаго строя, о томъ, что слѣдуетъ къ нему приближаться, „добиваясь, если не полной свободы и счастья, то во всякомъ случаѣ большей свободы и значительнаго улучшенія своей жизни“. Поэтому „всѣ мы должны добиваться такихъ порядковъ, гдѣ бы самъ народъ сталъ господиномъ страны, гдѣ бы не правительственные чиновники, а онъ самъ рѣшалъ, какой путь приведетъ его къ благоденствію и свободѣ“. Но какъ добиться осуществленія такихъ порядковъ? Вотъ для этого и нуженъ переворотъ. Однако, „напасть на враговъ съ надеждою на побѣду можетъ только вся соціально-революціонная партія, въ которую рабочая организація входитъ, какъ часть“. Партія же построена на принципахъ заговора. Она, молъ, и начнетъ дѣло.

Это одинъ изъ важнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ партіи „Народной Воли“. [1]) Кромѣ этой программы, собственно къ рабочимъ въ теченіе всего 1880 года Исполнительный Комитетъ издалъ всего одинъ листокъ (отъ 7 ноября 1880 года) съ призывомъ отомстить за казнь Квятковскаго и Прѣснякова. [2]) Вскорѣ послѣ этого возникла мысль издавать для рабочихъ отдѣльную газету. На Троицкой улицѣ была устроена типографія. Хозяиномъ помѣщенія былъ

[1]) Программа эта перепечатана въ сборникѣ „Литература партіи Народной Воли“. Парижъ, стр. 878—886.

[2]) Члены Исполнительнаго Комитета Квятковскій и Прѣсняковъ были повѣшены въ Петербургѣ 4 ноября 1880 г. Листокъ по этому поводу къ рабочимъ см. въ томъ же сборникѣ, стр. 896.

участникъ террористическихъ актовъ рабочій Тетерка, хозяйкою и вмѣстѣ съ тѣмъ наборщицею—Гесся Гельфманъ. Редакторомъ — Желябовъ. Изданію дѣятельно помогали Андрей Франжоли, Саблинъ, студентъ Борейша и нѣкто Коковскій, вскорѣ умершій отъ чахотки. Въ декабрѣ все было готово, и самъ Желябовъ написалъ для газеты передовую статью съ помѣткой, какъ это обыкновенно дѣлается въ газетныхъ передовицахъ, — „9 декабря 1880 года". [1]) Указавши, что въ Петербургѣ уже третій годъ какъ „основана тайная типографія (книгопечатня)", авторъ говоритъ: „Полюбилось вольное печатное слово русскимъ людямъ и читаютъ его наперебой; читаютъ не только ученые (интеллигенція), но и много грамотнаго рабочаго люда. Трудно часто рабочимъ понимать вольныя газеты и книжки, какъ онѣ писались по сей день, а для народа знать правду всего важнѣе. Вотъ почему мы и порѣшили выпускать Рабочую Газету". Затѣмъ авторъ приводитъ „главныя требованія", которыя незадолго передъ этимъ были опубликованы въ „программѣ рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли". Требованія эти сводятся къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) Весь русскій народъ долженъ быть хозяиномъ страны. Поэтому... всѣ государственныя и общественныя дѣла должны быть переданы въ руки выборныхъ отъ народа, избираемыхъ на срокъ. 2) Земля, фабрики и заводы должны принадлежать всему народу; всякій, по желанію, можетъ получить земельный надѣлъ по расчету или пристать къ фабричному труду. 3) Для охраны свободы и благосостоянія народа постоянное войско должно быть замѣнено народнымъ ополченіемъ". Въ заключеніе авторъ пишетъ: „Наша задача— выяснить народу, кто другъ его, и при какихъ порядкахъ народъ будетъ счастливъ и свободенъ".

Вторая статья построена полностью на народническихъ мечтаніяхъ 70-хъ годовъ. Тутъ и воспоминаніе о томъ времени, когда „правда скрывалась въ тайникахъ лѣсныхъ да степной глуши", и указаніе на то, что теперь „вышла правда открыто на свѣтъ божій и задрожали темныя силы. Стала

[1]) Указанія на авторство статей въ Народной Волѣ и Рабочей Газетѣ даны намъ нѣсколькими вполнѣ компетентными лицами.

правда напирать словомъ и дѣломъ, и очумѣли со страху притѣснители народа". Идетъ „поединокъ лучшихъ сыновъ народа съ утѣснителями народными, а народъ молчитъ, ибо не знаетъ, кто другъ, кто врагъ, не знаетъ, изъ-за чего идетъ борьба. Иной хоть понимаетъ, да робость беретъ"... Не знаетъ ничего этого народъ, а кто и знаетъ, того „робость беретъ" и, тѣмъ не менѣе, отъ какихъ то совершенно неизвѣстныхъ причинъ... „темныя тучи покрыли небосклонъ. Быть грозѣ! Бурные потоки несутъ свои воды въ общее русло: не устоять плотинѣ"... И т. д.

Статья эта принадлежитъ одному изъ и понынѣ здравствующихъ извѣстныхъ беллетристовъ-народниковъ.

Слѣдующая статья называется „Рабочее житье-бытье". Авторъ ея—Саблинъ. [1]) Въ Рабочей Газетѣ—это несомнѣнно лучшая статья. Тутъ вниманіе сосредоточено исключительно на положеніи рабочихъ: вспоминаются свѣжіе факты массовыхъ увольненій рабочихъ, забастовки въ Серпуховѣ и на Голубевскомъ заводѣ и т. д. Статья написана именно для рядового рабочаго.

Наконецъ, въ газетѣ помѣщено стихотвореніе того же Саблина: „Недоразумѣніе" („Разговоръ рабочаго съ фабрикантомъ").

Въ этомъ видѣ и вышелъ изъ „летучей типографіи Народной Воли" первый номеръ Рабочей Газеты 15 декабря 1880 г.

За нимъ послѣдовало къ нему „Приложеніе": въ немъ напечатанъ разсказъ одного извѣстнаго писателя, помѣщавшаго свои корреспонденціи „Изъ деревни" и въ Народной Волѣ. Разсказъ называется „Возьми глаза въ зубы".

27 января 1881 года вышелъ 2-й № Рабочей Газеты. Онъ состоялъ изъ передовой статьи о положеніи народа, рабочей хроники и характернаго для рабочей литературы того времени фельетона о французской революціи и ея послѣдствіяхъ для французовъ. („Теперь французы зажили на

---

[1]) Такъ передавало намъ одно свѣдующее лицо. По сообщенію Вѣстника Народной Воли эта статья и послѣдующая на ту же тему (въ № 2 Рабочей Газеты) принадлежатъ Коковскому. (См. Л. Тихомировъ: „Изъ давняго разговора" (Памяти Коковскаго). Вѣстникъ Народной Воли 1885 г., № 4, стр. 600).

славу,—голодать имъ не приходится, да что голодать! Хлѣба нашего не токмо съ мякиной, а просто чернаго не ѣдятъ, а все бѣлый да пеклеванный, про говядину и говорить нечего, не намъ чета. Потому и зажили хорошо, что грабителей да обирахъ всѣхъ прогнали!"—Этими словами и кончается фельетонъ).

Съ февраля всѣ заботы центра народовольческой организаціи были устремлены на задуманный новый террористическій актъ. Ему принесена была въ жертву и Рабочая Газета. Очевидно, за недостаткомъ силъ наборщица Гельфманъ была переселена съ Троицкой улицы на Телѣжную въ качествѣ хозяйки конспиративной квартиры. Тамъ же поселился и дѣятельный сотрудникъ Рабочей Газеты Саблинъ; туда же были устремлены и главные помыслы самого редактора газеты—Желябова. Изданіе Рабочей Газеты было пріостановлено.

О дѣятельности народовольцевъ среди рабочихъ въ литературѣ имѣются наиболѣе обстоятельныя воспоминанія шлиссельбуржца Панкратова. Изъ этихъ воспоминаній слѣдуетъ, что всѣмъ предшествовавшимъ движеніемъ рабочая масса была уже, конечно, нѣсколько затронута. Но... самъ авторъ воспоминаній говоритъ:

„Не надо забывать, что „Народной Волѣ" пришлось работать въ то время, когда рабскій духъ крѣпостничества не успѣлъ заглохнуть; когда промышленность только зарождалась; когда реформа 19 февраля висѣла пріятнымъ кошмаромъ надъ русской землей; когда на 100 человѣкъ приходилось только 10—12 человѣкъ грамотныхъ; когда легальная литература была достояніемъ немногихъ; тогда могло быть одно изъ двухъ: или стихійное движеніе—массовое, или партійное, какъ народовольческое. Первое было предупреждено 19-мъ февраля. Оставалось второе. Его и избрала „Народная Воля". Но ей недоставало массоваго движенія, создать которое въ нѣсколько лѣтъ не могла бы никакая организація". [1])

Строки эти В. С. Панкратовъ написалъ въ возраженіе на упреки, раздававшіеся по адресу „Народной Воли", будто

[1]) „Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—84 годахъ". Былое, мартъ, 1906 г., стр. 251.

бы она „слишкомъ увлекалась политическими задачами и мало обращала вниманія на рабочую массу". [1]) Дѣло, конечно, не въ упрекахъ,—упреки нелѣпы,—а дѣло въ той именно истинѣ, въ томъ фактѣ чисто-объективнаго значенія, что рабочее движеніе было въ то время чрезвычайно слабо и создать тогда „движеніе массовое", конечно, „не могла бы никакая организація".

А, между тѣмъ, относительно говоря, уже и тогда наиболѣе воспріимчивымъ къ революціонной пропагандѣ слоемъ былъ именно рабочій классъ. Въ „народѣ" и „обществѣ" воспріимчивость эта была еще слабѣе.

Другой мемуаристъ-народоволецъ, дѣйствовавшій въ то время въ Москвѣ, рисуетъ, въ сущности, ту же картину. Обрисовавши дѣятельность народовольцевъ въ 1881 году среди московскихъ рабочихъ и перечисливши личный составъ „московской рабочей группы" (15 человѣкъ, если считать тутъ же и народовольческаго московскаго „генералъ-губернатора" П. А. Теллалова, и знаменитаго Степана Халтурина. который, по словамъ автора воспоминаній, „считалъ иллюзіей надежду на возможность при данныхъ условіяхъ создать обширную и прочную организацію и предпочелъ бы сосредоточить всѣ пригодныя для этого силы на неуклонномъ продолженіи террора"), авторъ говоритъ:

„Завязавъ первыя знакомства (среди рабочихъ), пропагандисты затѣмъ уже сравнительно легко расширяли свои связи, такъ какъ каждый вновь пріобрѣтенный рабочій, въ свою очередь, по ревности неофита, спѣшилъ пріобрѣсти послѣдователей, и къ осени (1881 года, т.-е. уже черезъ полгода послѣ перваго марта. Ко времени же 1 марта, очевидно, въ Москвѣ не было и этого. В. Б.) пропаганда велась въ Москвѣ приблизительно на 30 „пунктахъ". Подъ „пунктомъ" подразумѣвался тогда опредѣленный уголокъ дѣятельности: либо мастерская или фабрика, на которой имѣлись связи, либо просто нѣсколько рабочихъ разныхъ профессій, лично знакомыхъ другъ съ другомъ и потому представлявшихъ какъ бы одинъ кружокъ, хотя бы и „неорганизованный"; совершенно новое знакомство въ такой сферѣ, въ которую ранѣе не было доступа, составлялъ

[1]) Ibid., стр. 250.

также новый „пунктъ“, а потому опредѣлить общее количество рабочихъ, состоявшихъ въ непосредственной связи съ группой, было бы очень трудно. На иномъ пунктѣ имѣлся всего одинъ человѣкъ, на другомъ было 6—8, а въ общемъ на всѣхъ этихъ тридцати пунктахъ насчитывалось приблизительно человѣкъ 100—120. По новизнѣ дѣла и это казалось уже большимъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что рабочая молодежь въ большинствѣ случаевъ относилась къ соціалистической пропагандѣ съ интересомъ и сочувствіемъ, а недовольство своимъ положеніемъ уже было тогда у рабочихъ всеобщимъ. Увѣренность въ возможности болѣе широкаго успѣха росла у пропагандистовъ вмѣстѣ съ расширеніемъ ихъ связей въ рабочемъ мірѣ и особенно усилилась съ пріѣздомъ Н. В. Калюжнаго [1]), который сообщилъ. что у него есть надежда склонить къ переходу въ „Народную Волю“ и соединенію съ группой цѣлый кружокъ его пріятелей-народниковъ, самостоятельно занимающихся пропагандой среди слесарей и желѣзнодорожниковъ. Впослѣдствіи Калюжный дѣйствительно осуществилъ это соединеніе, хотя у народниковъ распропагандированныхъ рабочихъ оказалось не особенно много“. [2])

Литературы для рабочихъ московская рабочая группа не создала никакой, хотя тутъ есть одно не выясненное, на нашъ взглядъ, обстоятельство.

Мы уже говорили, что петербургская Рабочая Газета была на второмъ номерѣ пріостановлена. Гдѣ и когда она возобновилась? Въ шебековской „Хроникѣ“ въ одномъ мѣстѣ говорится, что начавшей издаваться съ 5 декабря 1880 г. и продолжавшейся до конца 1881 г. Рабочей Газеты вышло 6 номеровъ, причемъ „печатаемы они были на Троицкой улицѣ въ сотрудничествѣ съ Гессей

---

[1]) Осужденъ по процессу 17-ти въ Петербургѣ въ 1883 г. Кончилъ жизнь самоубійствомъ на Карѣ.

[2]) Н. Волковъ: „Народовольческая пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 году“. Былое, февраль, 1909 г., стр. 172. Волковъ—псевдонимъ одного стараго, много лѣтъ проведшаго въ ссылкѣ въ Сибири, народовольца, лица вполнѣ компетентнаго и заслуживающаго полнаго довѣрія.

Гельфманъ, будущей цареубійцей“ [1]), а въ другомъ, говоря о петербургской „рабочей организаціи“, авторы „Хроники“ разсказываютъ слѣдующее: „Осенью 1880 г. организація начала функціонировать: Желябовъ прочелъ рефератъ передъ рабочими объ ирландской революціи; 10 студентовъ съ одной женщиной руководили кружками, органомъ которыхъ была Рабочая Газета.—второй и послѣдній номеръ ея появился 28 января 1881 г.“. [2])

Между тѣмъ, Волковъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ вполнѣ опредѣленно слѣдующее:

„Въ іюлѣ мѣсяцѣ Теллаловъ предупредилъ пропагандистовъ, что онъ вскорѣ уѣдетъ въ Петербургъ, и ввелъ вмѣсто себя руководителемъ Халтурина. Правительственныя репрессіи въ Петербургѣ къ этому времени настолько усилились, что изданіе народовольческой Рабочей Газеты рѣшено было перенести въ Москву. Типографію предполагалось помѣстить въ квартирѣ Калюжнаго и Смирницкой [3]) а редактированіе газеты возлагалось на рабочую группу. Вся группа въ общемъ собраніи должна была намѣчать содержаніе номера и доставлять матеріалъ, а составленіе статей и подготовка номера возлагалась на особую коммиссію изъ трехъ лицъ подъ ближайшимъ руководствомъ Халтурина. Послѣдовавшія вскорѣ пертурбаціи пріостановили, однако, выпускъ Рабочей Газеты и, сколько мнѣ помнится, въ Москвѣ не вышло ни одного номера, хотя типографія была вполнѣ налажена“. [4])

Тутъ, вѣроятно, или память измѣнила Волкову, или выпускъ № 3 Рабочей Газеты былъ осуществленъ уже послѣ его ареста, ибо, какъ это значится въ извѣщеніяхъ редакціи Былого, въ маѣ 1906 г. въ архивъ этого журнала былъ

---

[1]) Русскій переводъ „Хроники“, стр. 139. Очевидный вздоръ, такъ какъ въ концѣ 1881 года не только квартиры на Троицкой улицѣ не существовало, но и Гесси Гельманъ уже не было въ живыхъ. Это, впрочемъ, одинъ изъ многочисленныхъ перловъ „Хроники“.

[2]) Ibid., стр. 194. Итакъ, если вѣрить стр. 139 произведенія Шебека, то Рабочей Газеты было 6 номеровъ, если стр. 194, то два номера. Намъ же извѣстно, что ихъ вышло три.

[3]) Осуждена по процессу 17-ти и отравилась на Карѣ.

[4]) Волковъ, стр. 174.

присланъ, между прочимъ, № 3 Рабочей Газеты за 1881 г. [1]).

Гдѣ былъ изданъ этотъ номеръ,—въ шебековской „Хроникѣ о немъ совсѣмъ не упоминается, хотя тамъ перечисляются даже изданія гектографированныя,—мы узнать, къ сожалѣнію, не могли. Вѣрнѣе всего, что именно въ московской типографіи, о которой разсказываетъ Волковъ.

Были попытки пропаганды среди рабочихъ и организаціи ихъ и въ провинціи, но въ большинствѣ случаевъ съ не особенно большими результатами, хотя не можетъ подлежать сомнѣнію, что именно въ этой средѣ пропаганда все таки оставила наиболѣе замѣтные слѣды. Какъ мы уже говорили, попытки рабочихъ организацій возникали еще въ эпоху землевольчества, но начавшаяся вскорѣ террористическая дѣятельность народовольцевъ увлекла и многихъ рабочихъ на тотъ же путь. Г. В. Плехановъ разсказываетъ, что „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ сначала очень неодобрительно относился къ новому пріему политической борьбы. „Чистая бѣда, восклицалъ Халтуринъ, только что наладится у насъ дѣло—хлопъ! шарахнула кого-нибудь интеллигенція, и опять провалы. Хоть немного вы дали бы намъ укрѣпиться“ [2]). А потомъ, какъ мы уже говорили на основаніи разсказа г. Волкова, тотъ же Халтуринъ „считалъ иллюзіей надежду на возможность при данныхъ условіяхъ создать обширную и прочную организацію и предпочелъ бы сосредоточить всѣ пригодныя для этого силы на неуклонномъ продолженіи террора“. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, имѣлась въ основаніи, при всей невѣрности избраннаго для ея осуществленія пути, вѣрная политическая идея. Въ Кіевѣ же, напримѣръ, какъ мы уже объ этомъ упоминали, въ организаціи „Южно-Русскаго рабочаго Союза“ терроризмъ явился просто наиболѣе пригоднымъ, по мнѣнію организа-

---

[1]) Былое, 1906 г., май, стр. 292. И кромѣ того, при арестѣ именно Теллалова при немъ найдены между прочимъ нѣсколько экземпляровъ № 3 Рабочей Газеты (отъ 8 декабря 1881 г.) См. Былое 1906 г., апрѣль, стр. 311. У него же на квартирѣ при обыскѣ взято свыше 600 экземпляровъ № 3 Рабочей Газеты. (Изъ „Обзора“ за 1882 г.).

[2]) Г. Плехановъ.—Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи. (По личнымъ воспоминаніямъ) стр. 86.

торовъ этого Союза, методомъ обнаруженія ихъ „максималистическихъ“ воззрѣній на природу общества и государства.

Однимъ изъ немногихъ городовъ, гдѣ велись весьма систематическія занятія съ рабочими, былъ Ростовъ на Дону. Одинъ изъ пропагандистовъ, лично съ рабочими въ Ростовѣ занимавшійся, разсказываетъ по этому поводу слѣдующее:

„Прежде всего, съ чѣмъ я и мои товарищи по дѣлу шли къ рабочимъ т. е. какова была наша программа дѣятельности и каковъ былъ основной принципъ ея? Я зналъ, что пропаганда моя среди рабочихъ, какъ слоя, класса, имѣющаго свои опредѣленные интересы и прежде всего экономическіе, должна была опираться или, лучше сказать, исходить изъ этихъ интересовъ, какъ наиболѣе понятныхъ и близкихъ имъ, рабочимъ. Сообразно съ этимъ, я думалъ, что выполню болѣе или менѣе полно принятую на себя задачу, если: 1) выясню положеніе рабочихъ въ настоящее время вообще какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ; 2) укажу, что вездѣ и всюду, а у насъ въ особенности, политическая власть т. е. правительство вообще поддерживаетъ интересы капиталистовъ и промышленниковъ противъ интересовъ рабочихъ и народа вообще; 3) что при существованіи у насъ полнаго безправія рабочихъ (какъ, впрочемъ, и другихъ слоевъ) измѣненіе положенія рабочаго класса возможно только съ уничтоженіемъ этого безправія т. е. при борьбѣ за политическую свободу и, наконецъ, 4) ознакомлю съ программой дѣятельности партіи „Народной Воли“ т. е. выясню, что ближайшія цѣли партіи (борьба съ самодержавіемъ для осуществленія болѣе отдаленной цѣли— соціалистическаго строя) совпадаютъ съ интересами рабочаго класса и потому должны быть имъ поддерживаемы.

„Конечно, нельзя думать, что я такъ строго систематически выполнялъ свою программу, пунктъ за пунктомъ. Ни мои личныя силы, ни находившаяся въ нашемъ распоряженіи литература — легальная и нелегальная не позволяли этого сдѣлать.

Да и, впрочемъ, вѣдь, не профессорскія лекціи мы читали рабочимъ, а вели бесѣды, читали статьи, обсуждали событія. Но ведя дѣло несистематически, все же мы не теряли

изъ виду конечной цѣли. Для этого я пользовался всѣми средствами: ведя устную бесѣду, передавая рабочимъ болѣе или менѣе систематически, напр., мои знанія по рабочему вопросу, т. е. о положеніи рабочаго класса, причинахъ и средствахъ къ измѣненію этого положенія, я тутъ же попутно читалъ и обсуждалъ вмѣстѣ съ ними какую-нибудь подходящую статью изъ легальной или нелегальной литературы: Чернышевскаго, Лассаля, Флеровскаго, Бекера, Либкнехта и пр. и затѣмъ цѣлый рядъ журнальныхъ и газетныхъ корреспонденцій, выясняющихъ положеніе рабочихъ въ различныхъ районахъ Россіи или тѣ или другіе экономическіе вопросы. Я уже не говорю о подпольной литературѣ въ родѣ „Сытые и голодные“, „Хитрая механика“, „Манифестъ коммунистической партіи“ и др. Если къ этому прибавить устно передаваемые самими рабочими факты изъ заводской или фабричной жизни, относительно которыхъ тоже приходилось много говорить, то станетъ понятнымъ, что не стремленіе выработать изъ рабочихъ отдѣльныхъ развитыхъ личностей, порывающихъ потомъ всякую связь съ рабочей средой, руководило нами, а совершенно напротивъ: созданіе цѣлаго кадра сознательныхъ пропагандистовъ изъ рабочихъ для пропаганды и агитаціи среди рабочихъ же,—вотъ что было единственной цѣлью нашихъ занятій.

„Въ отношеніи стачекъ члены партіи держались такого взгляда, что не должно было искусственно взывать къ стачкѣ тамъ, гдѣ большинство, масса рабочихъ еще не сознала ея необходимости; но тамъ, гдѣ мысль о стачкѣ встрѣчалась сочувственно, рабочіе агитаторы должны были ее поддерживать и руководить ею. Пропаганда и агитація, веденная такимъ образомъ, имѣла такой успѣхъ, особенно среди нашихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, что по требованію жандармскихъ властей увольнялись и выселялись сотни рабочихъ, которые, конечно, попадая въ другія мѣстности, продолжали свое дѣло и тамъ. По крайней мѣрѣ, изъ числа всѣхъ рабочихъ, съ которыми мнѣ приходилось работать (около 12—20), за исключеніемъ 2—3, остальные до самаго ареста, будучи увольняемы изъ ростовскихъ мастерскихъ, продолжали свое дѣло, кто въ Екатеринославѣ, кто въ Новочеркаскѣ, Батумѣ, Владикавказѣ, Воронежѣ и дру-

гихъ городахъ. Изъ ихъ числа ни одинъ не ушелъ изъ рабочей среды, не сталъ чуждъ рабочимъ интересамъ; напротивъ, чѣмъ развитѣе онъ становился, тѣмъ преданнѣе и горячѣе относился къ своему дѣлу". [1])

Такіе результаты занятій съ рабочими въ Ростовѣ на Дону можно безусловно назвать значительными. Именно въ такой дѣятельности, не говоря, конечно, объ общихъ условіяхъ промышленнаго развитія Россіи, надо искать тѣхъ первоначальныхъ импульсовъ, которые создали столь благопріятную на югѣ Россіи почву для начавшейся тамъ впослѣдствіи дѣятельности среди рабочихъ соціалъ-демократовъ. Многіе изъ соціалъ-демократическихъ дѣятелей встрѣтили при своихъ посѣвахъ почву уже болѣе или менѣе приготовленную политическими идеями народовольцевъ. Эта по преимуществу культурная, хотя съ несомнѣнно революціонною закваскою, работа народовольцевъ среди ростовскихъ рабочихъ, ярко выдѣляется среди работы ихъ въ другихъ городахъ, гдѣ мысль склонялась главнымъ образомъ въ сторону „террора". Но не надо забывать, что изображенная авторомъ воспоминаній картина относится уже къ 1882—1884 годамъ т. е. къ тому времени, когда терроризму уже и вообще приходилъ конецъ. Жандармы же, по требованію которыхъ „увольнялись и высылались изъ Ростова сотни рабочихъ", конечно, только способствовали распространенію по Россіи лицъ, знакомыхъ съ методами дѣйствій ростовскихъ пропагандистовъ на Екатеринославъ, Воронежъ, Владикавказъ, Баку и другіе южные города Россіи. Это безъ сомнѣнія не могло не сказаться результатами совсѣмъ не тѣми, къ которымъ стремились власти.

О томъ, какъ обстояло дѣло пропаганды среди рабочихъ въ Кіевѣ и Казани, находятся нѣкоторыя данныя въ уже упоминавшихся нами интересныхъ „Воспоминаніяхъ Народовольца" А. Н. Баха.

Въ общемъ надо признать, что дѣло это обстояло тамъ очень слабо. Собственно къ рабочимъ въ Кіевѣ былъ изданъ всего одинъ листокъ; въ Казани студенты отгектографиро-

[1]) Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ на Дону въ 1882—84 гг. Былое (заграничное) 1904 г. № 5. стр. 16 и 19—20.

вали читанные имъ А. Н. Бахомъ лекціи о занятіяхъ въ рабочей средѣ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалась, изданная за границей, книга „Царь Голодъ". А. Н. Баху пришлось прожить тогда же довольно долго въ Ярославлѣ, бывать въ Саратовѣ и другихъ городахъ, но тамъ, судя по его разсказамъ, дѣло народовольческой пропаганды среди рабочихъ находилось едва въ зародышѣ.

Бывшій начальникъ кіевскаго жандармскаго управленія генералъ Новицкій говоритъ въ своей поданной въ высшія сферы „Запискѣ", что уже въ 1882 году въ Кіевѣ „дѣйствовалъ" среди рабочихъ въ качествѣ прямого провокатора собственною особою извѣстный Рачковскій. [1])

Въ письмѣ къ пишущему эти строки членъ именно того кіевскаго кружка, о которомъ идетъ рѣчь, А. Н. Бахъ такое утвержденіе Новицкаго совершенно опровергаетъ, и по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла видно, что и въ этомъ случаѣ Новицкій также фантазируетъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ своего произведенія, о которомъ намъ уже приходилось говорить. [2])

Но что „методъ" провокаціи уже и тогда былъ изобрѣтенъ и, конечно, Рачковскому былъ не чуждъ, это, помимо другихъ данныхъ, подтверждается и сообщеніемъ Новаго Времени о томъ, что Рачковскій началъ свою „карьеру" (официальную, ибо его „карьера" неофиціальная была разоблачена уже въ первомъ номерѣ Народной Воли) въ качествѣ „чиновника особыхъ порученій при извѣстномъ жандармскомъ полковникѣ Судейкинѣ" [3]), а Судейкину принадлежитъ по праву имя перваго по времени въ Россіи провокаціонныхъ дѣлъ мастера. Отсюда повела свою родословную и та система „дѣятельности" въ рабочей средѣ, которая получила затѣмъ названіе „Зубатовщины и „Гапоновщины".

Такими то многообразными путями шло развитіе рабочаго движенія въ Россіи. Власти сдѣлали рѣшительно все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы направить это движеніе по са-

---

[1]) См. сборники „Соціалистъ-Революціонеръ" №№ 2 и 3 (Парижъ, 1910 и 1911 года).

[2]) См. В. Богучарскій.—В. А. Карауловъ въ „Запискѣ" генерала Новицкаго. Рѣчь. 7 января 1911 г. № 6.

[3]) См. некрологъ Рачковскаго. Новое Время. 20 октября, 1910 г. № 12431.

мымъ ненормальнымъ путямъ,—вѣдь, и „Зубатовщина“ и „Гапоновщина имѣла въ свое время несомнѣнный успѣхъ,— и лишь здоровый инстинктъ самихъ рабочихъ массъ да крушеніе правительственной системы во всемъ ея цѣломъ стали выводить движеніе на болѣе правильную дорогу.

Но возвратимся къ рабочему движенію въ эпоху расцвѣта народовольчества.

Для этого сошлемся еще на офиціальный источникъ, на такъ называемое „Дѣло о преступной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ въ 1881 году“. „Дѣло“ это является сводкою тѣхъ свѣдѣній, которыми располагалъ департаментъ полиціи о пропагандѣ среди рабочихъ къ концу 1881 года. Изъ него явствуетъ, что въ рабочую организацію входили въ качествѣ ея руководителей Желябовъ, Перовская, Рысаковъ и Гриневицкій. Собранія устраивались на квартирѣ рабочаго Гаврилова и студента Подбѣльскаго. Пропагандистами были студенты Коганъ-Бернштейнъ, Подбѣльскій [1]), Энгельгардтъ (М. А.), Дубровинъ, Поповичъ, Коновкинъ и Шаталовъ. Затѣмъ отчетъ называетъ въ качествѣ членовъ организаціи 19 рабочихъ. Всѣ эти лица были вскорѣ послѣ перваго марта (главнымъ образомъ по оговору Рысакова) арестованы. „Но этимъ,—гласитъ отчетъ,—однако не былъ положенъ конецъ соціально-революціонной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ. Нѣсколько молодыхъ людей, большею частью студентовъ петербургскаго университета, продолжали ее въ теченіе всего мая и іюня на сходкахъ, собиравшихся въ пустынныхъ мѣстахъ, въ окрестностяхъ города. Главнымъ агитаторомъ являлся на нихъ Осипъ Нагорный, читавшій рабочимъ Лассаля, побудившій ихъ устроить общую кассу и разъяснявшій имъ программу рабочихъ членовъ „Народной Воли“. По наущенію Нагорнаго, 27 іюня 1881 г. рабочимъ Евсѣевымъ, при содѣйствіи рабочихъ Хохлова и Кузюмкина, убитъ агентъ петербургской сыскной полиціи Преймъ. Всѣ четыре виновника этого преступленія арестованы“. [2])

[1]) Коганъ-Бернштейнъ и Подбѣльскій—главные участники февральской „Сабуровской“ университетской исторіи 1881 г. Объ этой исторіи рѣчь ниже.

[2]) Извлеченія изъ этого отчета департамента полиціи напечатаны въ январской книжкѣ Былого за 1907 г.

Наконецъ, приведемъ изъ мемуаровъ еще одного народовольца, принимавшаго участіе въ событіи 1 марта 1881 г., такія строки. Разсказавши о своей роли въ „наблюдательномъ отрядѣ", организованномъ, по предложенію Л. А. Тихомирова, для наблюденія за выѣздами Государя, и о своихъ отношеніяхъ въ этотъ моментъ къ Желябову, Перовской и другимъ, авторъ воспоминаній А. В. Тырковъ говоритъ:

„Послѣ 1 марта Исполнительный Комитетъ выпустилъ рядъ прокламацій къ крестьянамъ, рабочимъ, обществу. Было организовано цѣлое бюро, располагавшее грудой адресовъ, по которымъ оно разсылало эти прокламаціи во всѣ концы и закоулки Россіи. Въ самомъ Петербургѣ прокламаціи расклеивались на улицахъ: въ центральныхъ кварталахъ—съ обращеніемъ къ обществу, въ рабочихъ—къ рабочимъ.

„Въ этомъ бюро работала и Перовская. Какъ-то она приходитъ и разсказываетъ о настроеніи рабочихъ, съ которыми она вела сношенія. Рабочіе ей говорили: „Что намъ теперь дѣлать? Веди насъ, куда хочешь". Перовская была, можетъ быть, и довольна ихъ обращеніемъ, но была поставлена въ большое затрудненіе. Что имъ было, въ самомъ дѣлѣ, отвѣтить" [1])?...

Да, что имъ было, въ самомъ дѣлѣ, отвѣтить?...

IV.

Дѣятельность народовольцевъ въ войскахъ.

Послѣ сферы террористической дѣятельности наибольшій успѣхъ партія „Народной Воли" имѣла безъ сомнѣнія, въ войскахъ, причемъ почти исключительно среди офицерства. Но не слѣдуетъ преувеличивать успѣховъ партіи, а слѣдовательно и существовавшей, съ точки зрѣнія прави-

---

[1]) А. В. Тырковъ: „Къ событію 1 марта 1881 года". Былое, 1906 г., май, стр. 150.

тельства, опасности и въ этой области. На основаніи всѣхъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ офиціальнаго характера, а также литературы предмета, мы подсчитали число всѣхъ привлеченныхъ по народовольческимъ дѣламъ за періодъ 1880—1883 годы офицеровъ. Ихъ оказалось 67. [1]) Изъ этого числа были привлечены только два штабъ-офицера (подполковникъ 59 Люблинскаго пѣхотнаго полка Ашенбреннеръ и майоръ 9 Лубенскаго гусарскаго полка, находившійся въ 1882 году въ продолжительномъ отпускѣ въ Петербургѣ, Тихоцкій); остальные всѣ оберъ-офицеры — почти исключительно артиллеристы, пѣхотинцы и моряки. Гвардейцевъ совсѣмъ не было, если не считать служившаго одно время въ Атаманскомъ полку полсотника Астраханскаго казачьяго войска Сенягина. (Онъ былъ арестованъ уже не въ качествѣ гвардейца и въ 1883 году, сосланъ административно въ Сибирь, гдѣ и умеръ.) Кромѣ одиночекъ, служившихъ въ разныхъ городахъ, и небольшой группы въ Гельсингфорсѣ, сколько-нибудь значительныя сосредоточенія офицеровъ-народовольцевъ находились въ Петербургѣ (съ Кронштадомъ), Одессѣ, Николаевѣ и Тифлисѣ. Самый значительный кружокъ былъ въ Тифлисѣ, гдѣ, хотя движеніемъ затронутъ былъ всего одинъ полкъ (Мингрельскій гренадерскій), но участниками кружка оказались сразу девять офицеровъ этого полка (4 штабсъ-капитана и 5 поручиковъ), которые и были всѣ при-

[1]) Изъ этихъ 67 офицеровъ 8 подверглись тягчайшимъ наказаніямъ: въ 1881 году лейтенантъ Сухановъ былъ разстрѣлянъ. Въ 1883—лейтенантъ Буцевичъ приговоренъ къ повѣшенію, замѣненному безсрочной каторгой. Въ 1884—подполковникъ Ашенбреннеръ, штабсъ-капитанъ Похитоновъ, поручикъ Рогачевъ, лейтенантъ баронъ Штромбергъ, подпоручикъ Тихановичъ и прапорщикъ Ювачевъ были приговорены къ повѣшенію. Рогачевъ и Штромбергъ повѣшены, остальнымъ казнь замѣнена безсрочной каторгой. Изъ другихъ привлеченныхъ къ дознаніямъ офицеровъ, одни были сосланы административно въ Сибирь, другіе исключены изъ службы или переведены на службу въ части, расположенныя въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ имперіи. (Въ исчисленіе это, конечно, не входятъ три офицера—инженеръ-капитанъ Люри и подпоручики Сокольскій и Игельстромъ, преданные суду въ 1886 г. въ Варшавѣ по дѣлу польской партіи „Пролетаріатъ“. Люри былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной ему 20-лѣтней каторгой; два другіе офицера—на поселеніе).

влечены къ дознанію о военно-революціонной организаціи, производившемуся генераломъ Середой. [1]) Затѣмъ важное значеніе могъ имѣть одесско-николаевскій кружокъ, состоявшій изъ офицеровъ полковъ 58 пѣхотнаго Прагскаго и 59 пѣхотнаго Люблинскаго, моряковъ перваго и второго флотскихъ экипажей, одного офицера 146 пѣхотнаго Царицынскаго полка, одного—корпуса флотскихъ штурмановъ, одного—Черноморской № 3 линейной роты и одного Донского казачьяго № 7 полка. Всего въ Одессѣ и Николаевѣ было привлечено 19 офицеровъ; изъ нихъ 1 подполковникъ (Ашенбреннеръ), 2 капитана (Зайчневскій и Маймескуловъ), 4 штабсъ-капитана, (Мицкевичъ, Талапиндовъ, Крайскій, Чижовъ) 4 поручика (Каменскій, Мураневичъ, Стратоновичъ, Телье) 1 подпоручикъ, (Успенскій), 1 прапорщикъ, (Ювачевъ) 3 лейтенанта, (Толмачевъ, Скаловскій, Янушевскій), 2 мичмана (Бубновъ, Афанасьевъ) и 1 хорунжій (Фоминъ). Въ Петербургѣ почти совершенно не было офицеровъ, служившихъ въ полкахъ, батареяхъ или другихъ частяхъ, расположенныхъ въ самой столицѣ. Центръ военно-революціонной организаціи находился, тѣмъ не менѣе, именно въ Петербургѣ. Возникла она осенью 1880 года по иниціативѣ Желябова,—этого человѣка съ энергіей воистину сверхъчеловѣческой,—который, будучи знакомъ съ Сухановымъ и барономъ Штромбергомъ, познакомилъ ихъ съ временно проживавшимъ въ Петербургѣ, служившимъ въ расположенной въ г. Вилькомирѣ, Виленской губ., 29 артиллерійской бригадѣ поручикомъ Рогачевымъ. [2])

Эти-то три офицера,—Сухановъ, Штромбергъ и Рогачевъ,—и составили главную или центральную группу военно-революціонной организаціи. [3]) Группа находилась въ обязательныхъ отношеніяхъ къ Исполнительному Комитету партіи „Народной Воли“ и должна была сноситься съ нимъ черезъ делегатовъ Комитета. Такими делегатами явились

---

[1]) Къ представленному генераломъ Середой отчету приложенъ списокъ привлеченныхъ имъ къ дознанію во всей имперіи 39 офицеровъ, въ томъ числѣ упомянутые Ашенбреннеръ, Похитоновъ и др.

[2]) Повѣшенный Н. М. Рогачевъ былъ роднымъ братомъ осужденнаго по процессу 193-хъ въ каторгу Дмитрія Рогачева, который еще въ 70-хъ годахъ познакомилъ его съ Желябовымъ.

[3]) Какъ уже сказано, всѣ трое они были казнены.

Желябовъ и Колоткевичъ [1]). Сухановъ состоялъ передъ этимъ миннымъ офицеромъ на разныхъ судахъ Балтійскаго флота и сибирской флотиліи; въ 1880 г. онъ былъ прикомандированъ къ гвардейскому экипажу для слушанія лекцій въ петербургскомъ университетѣ [2]). Штромбергъ служилъ въ Кронштадтѣ [3]). Вскорѣ въ эту группу былъ принятъ сыгравшій впослѣдствіи такую роковую роль не только для военной организаціи, но и для всей партіи „Народной Воли", тогда только что вышедшій въ отставку, артиллерійскій штабсъ-капитанъ Сергѣй Дегаевъ, сблизившій затѣмъ группу со своимъ товарищемъ по артиллерійской академіи Похитоновымъ. Начались работы группы. Были выработаны уставъ и программа, стали искать сочувствующихъ движенію офицеровъ. Образовался кружокъ среди слушателей артиллерійской академіи (эсаулъ Оренбургскаго казачьяго войска Николаевъ, штабсъ-капитанъ Кунаевъ и др.), избравшій своимъ представителемъ въ центральную группу Похитонова. Образовалось два кружка: морской и артиллерійскій въ Кронштадтѣ. Въ городѣ этомъ были моряки-революціонеры еще до распаденія общества „Земля и Воля" на „Народную Волю" и „Черный Передѣлъ". Когда это распаденіе стало совершившимся фактомъ, то нѣкоторые изъ моряковъ играли видную роль среди „чернопередѣльцевъ". Таковъ былъ, напр., А. П. Булановъ. Эти моряки еще въ 1879 году старались поддерживать связи не только съ морскимъ училищемъ, откуда они сами вышли, но и съ другими военно-учебными заведеніями и учрежденіями: Константиновскимъ военнымъ училищемъ, оберъ-фейерверкерами Охтенскаго порохового завода, военными топогра-

[1]) Эти лица назывались также „комиссарами" Исполнительнаго Комитета. См. біографію Похитонова, составленную В. Н. Фигнеръ въ „Галлереѣ Шлиссельбургскихъ узниковъ", стр. 118.

[2]) Процессъ 20 народовольцевъ, Русская Историческая Библіотека, № 11, стр. 46.

[3]) О Штромбергѣ, какъ и вообще о военно-революціонной организаціи см. статью Э. А. Серебрякова: „Революціонеры во флотѣ". Былое, 1907 г. февраль и апрѣль. См. также „Изъ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Былое, 1906 г., августъ ст. М. Ю. Ашенбреннера: „Военная организація партіи „Народной Воли". Былое, 1906 г., іюль и „Страницу изъ воспоминаній" Спандони. Былое. 1906 г. май.

фами и др. [1]). Будучи настроены по „землевольчески“, офицеры эти занимались пропагандою между нижними чинами. Насколько была успѣшна эта пропаганда, мы сказать, по неимѣнію данныхъ, не можемъ. Со словъ одного изъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ того времени, Э. А. Серебряковъ разсказываетъ, что „распропагандированныхъ“ матросовъ было тогда въ Кронштадтѣ 80—100 человѣкъ. Производилось тогда (въ 1879 г.) властями и одно дознаніе [2]). Когда возникла народовольческая военная организація, то уставъ ея строго запретилъ офицерамъ заниматься самимъ пропагандою между нижними чинами. Офицеръ обязанъ былъ оказывать на нихъ лишь культурное вліяніе и пріобрѣсти уваженіе и любовь солдатъ исполнительностью и вмѣстѣ съ тѣмъ гуманностью. Считалось, что этого достаточно для того, чтобы такой офицеръ могъ въ рѣшительный моментъ увлечь за собою солдатъ. Пропаганду же между солдатами должны были вести по указанію офицеровъ особые, назначаемые для этого партіей, рабочіе. Такъ это кое-гдѣ и практиковалось.

Вскорѣ, какъ уже сказано, въ Кронштадтѣ возникли два кружка: морской и артиллерійскій. Къ морскому принадлежали тотъ же Штромбергъ, лейтенантъ Серебряковъ, лейтенантъ Завалишинъ, еще нѣсколько лейтенантовъ и мичмановъ; къ артиллерійскому — нѣсколько артиллеристовъ чиномъ не старше штабсъ-капитана. (Л. Бубновъ, Вершининъ,

---

[1]) Эта страничка изъ исторіи освободительнаго движенія среди военныхъ для властей такъ и осталась абсолютно неизвѣстной. О существованіи кружка въ 1879—80 гг. въ Константиновскомъ военномъ училищѣ власти лишь кое-что узнали изъ „откровенныхъ показаній“ арестованнаго уже въ 1883 г. подпоручика Эліавы. Хотя нѣкоторые члены этихъ кружковъ и были впослѣдствіи привлечены по разнымъ дѣламъ, но охотниковъ дать „откровенныя показанія“ среди нихъ не нашлось ни одного.

[2]) Къ дознанію былъ привлеченъ мичманъ Вырубовъ, а вмѣстѣ съ нимъ воспитанникъ морского училища Петровъ, унтеръ-офицеръ Потихонинъ, оружейный мастеръ Вальтерсдорфъ и слесарь отставной унтеръ-офицеръ Федоровъ. Дѣло это не имѣло тогда для Вырубова и Петрова серьезныхъ послѣдствій, Вальтерсдорфъ былъ отданъ подъ негласный надзоръ полиціи, Федоровъ признанъ психически больнымъ, а Потихонинъ лишилъ себя жизни. (Изъ „Обзора“ за 1881 годъ“).

Чижовъ и др.) Представителемъ морского кружка въ центральной группѣ былъ Штромбергъ, артиллеристы избрали своимъ представителемъ подпоручика крѣпостной артиллеріи Папина [1]). Въ Петербургѣ былъ еще сборный офицерскій кружокъ, т.-е. состоящій изъ разнаго рода одиночекъ. Если не ошибаемся, представителемъ отъ этого кружка былъ избранъ въ центрльную группу казакъ астраханскаго войска, окончившій курсъ въ петербургскомъ университетѣ, одно время служившій въ атаманскомъ полку Сенягинъ [2]). Вскорѣ къ центральной же группѣ примкнулъ широкообразованный лейтенантъ флота Буцевичъ [3]).

Таковъ былъ составъ центральной группы. Онъ былъ замѣчательный по своему подбору, но устойчивостью онъ, конечно, не обладалъ. Вѣдь, въ сущности, петербуржца, офицера, находящагося постоянно на службѣ въ самомъ Петербургѣ, связаннаго, такъ сказать, органически съ расположенными въ Петербургѣ войсками, не было въ составѣ центральной группы ни одного. Сухановъ слушалъ лекціи въ университетѣ, Буцевичъ служилъ въ министерствѣ путей сообщенія, Сенягинъ былъ въ Атаманскомъ полку временнымъ гостемъ, Похитоновъ проходилъ курсъ въ артилерійской академіи, по окончаніи которой, какъ это и случилось, долженъ былъ уѣхать въ свою бригаду въ г. Кобеляки Полтавской губерніи, Рогачевъ былъ также въ Петербургѣ временно, ибо бригада, въ которой онъ служилъ, находилась въ Виленской губерніи, Штромбергъ и Папинъ были не петербуржцы, а кронштадтцы. Въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что группа была неустойчива. Она проявила большую энергію, большой организаторскій талантъ, но пустить сколько-нибудь прочные корни она едва ли была въ состояніи.

---

[1]) Старшій братъ этого Папина, какъ и братъ Рогачева, былъ сосланъ также въ каторжныя работы (по Долгушинскому дѣлу 1874 года) и долго томился въ харьковской „Централкѣ“. Подпоручикъ Папинъ былъ сосланъ административно въ Семипалатинскую область и тамъ застрѣлился.

[2]) Н. Г. Сенягинъ былъ сосланъ административно въ Енисейскую губернію и тамъ умеръ.

[3]) Буцевичъ окончилъ институтъ инженеровъ путей сообщенія и морскую академію. Служилъ въ это время въ министерствѣ путей сообщенія.

Вскорѣ послѣ 1 марта 1881 г. группа лишилась такихъ двухъ своихъ выдающихся членовъ, какъ Сухановъ и Штромбергъ. Арестованъ былъ и Дегаевъ, но его быстро освободили, такъ какъ никакихъ обвиненій, въ сущности, ему предъявить не могли [1]). Послѣ этого онъ уѣхалъ изъ Петербурга. На смѣну арестованнымъ комиссарамъ Исполнительнаго Комитета Желябову и Колоткевичу, вступили Савелій Златопольскій и А. П. Корба. Въ близкія отношенія къ группѣ стала также В. Н. Фигнеръ.

Выбытіе изъ рядовъ партіи такихъ людей, какъ Желябовъ, Перовская, Тригони, Фроленко, Исаевъ, не могло не отразиться на партіи самымъ тяжелымъ образомъ. Въ маѣ была захвачена партійная типографія, и очередной номеръ (6) Народной Воли могъ появиться только 23 октября 1881 г. (предыдущій (5) вышелъ 5 февраля 1881 г.). На пространствѣ этихъ $8^1/_2$ мѣсяцевъ, кромѣ прокламацій, вышелъ лишь одинъ только Листокъ Народной Воли. Онъ носитъ дату 22 іюля 1881 г. [2]). Средствъ было мало, организація разстроена, большинство членовъ Комитета принуждено было покинуть Петербургъ и проживать частью въ Москвѣ, частью въ провинціи.

Въ это именно время петербургскіе военно-революціонные кружки многое вынесли на своихъ плечахъ. При ихъ непосредственномъ участіи изданы были прокламаціи „Исполнительный Комитетъ—офицерамъ русской арміи“ и „Славному казачеству войска донского, уральскаго, оренбургскаго, кубанскаго, терскаго, астраханскаго, сибирскаго и иныхъ

---

[1]) Дегаевъ принималъ участіе въ устройствѣ подкопа изъ сырной лавки Кобозевыхъ на Малой Садовой, но это осталось тогда необнаруженнымъ. Въ томъ же дѣлѣ принималъ участіе и Сухановъ. Впослѣдствіи въ военно-революціонной организаціи состоялось рѣшеніе, что офицеръ, состоящій на службѣ, не можетъ принимать участія въ террористическихъ актахъ. Желающій же принять въ нихъ участіе обязанъ предварительно выйти въ отставку.

[2]) См. „Литература партіи Народной Воли“. Парижъ, стр. 331, 378 и 401. Вѣроятно, только крайней напряженностью атмосферы, въ которой находилась въ это время партія, можно объяснить и то обстоятельство, что Листокъ отъ 22 іюля помѣченъ номеромъ первымъ, хотя до этого времени уже были изданы Листки за №№ 1, 2 и 3 (1 іюня, 20 августа и 20 сентября 1880 г.). См. „Лит. парт. Нар. Воли“, стр. 225, 241 и 263.

войскъ отъ Исполнительнаго Комитета Народной Воли"; они сохраняли на своихъ квартирахъ типографскіе станки и т. п. предметы, укрывали отъ арестовъ преслѣдуемыхъ нелегальныхъ, развозили партійную литературу и служили почти единственною связью партіи съ сколько-нибудь широкими кругами „общества". Офицерскіе мундиры служили ихъ носителямъ въ значительной степени гарантіей „благонадежности", и офицеры-революціонеры пользовались широко своимъ преимуществомъ.

Идейной основой военной организаціи было созданіе такого строя, при которомъ въ Россіи могла бы свободно проявляться народная воля, т.-е. представительный образъ правленія на широко демократической основѣ и столь же широкая политическая свобода, гарантирующая и соціалистамъ возможность мирной, открытой пропаганды ихъ ученія. Это были тѣ самыя требованія, которыя послѣ 1 марта 1881 года Исполнительный Комитетъ формулировалъ въ знаменитомъ письмѣ къ императору Александру III. Въ немъ Комитетъ давалъ обѣщаніе „торжественно предъ лицомъ родной страны и всего міра" прекратить при этихъ условіяхъ всякую насильственную дѣятельность и обратиться къ „культурной работѣ на благо родного народа" [1]). Подъ этимъ же угломъ зрѣнія смотрѣли на свою дѣятельность и военные кружки. Они признавали революціонный переворотъ только какъ нѣчто, благодаря упорству и косности правительства, неизбѣжное, но готовы были всегда положить оружіе, если бы правительство вступило на дѣйствительно реформаторскій путь.

Но на это надежды, конечно, было очень мало, и въ военныхъ кружкахъ много говорилось о томъ, чтобы принудить правительство стать на такой путь силой—посредствомъ вооруженнаго возстанія. На необходимости такого возстанія особенно настаивалъ и въ него вѣрилъ Сухановъ, говоря въ апрѣлѣ 1881 года, что ужъ черезъ 12 мѣсяцевъ можно будетъ къ нему приступить. Но это, разумѣется, были однѣ мечты, къ которымъ весьма скептически относились нѣкоторые другіе, напримѣръ, Похитоновъ.

---

[1]) Былое, мартъ, 1906 г., стр. 33—37. „Литература партіи Народной Воли". стр. 903—908. См. также брошюру Ю. Гарденина: „Памяти Н. К. Михайловскаго", стр. 78—83.

„Сравнивая тогдашнее положеніе дѣлъ съ настоящимъ, въ самомъ дѣлѣ можно откровенно сознаться, что сколько-нибудь основательныхъ надеждъ на городское возстаніе тогда не могло быть. Стихійный элементъ, который сообщаетъ движенію силу и даруетъ побѣду, въ то время вполнѣ отсутствовалъ. Поэтому выступленіе революціонной организаціи съ оружіемъ въ рукахъ на улицу было бы дѣломъ искусственнымъ и неминуемо кончилось бы даже не пораженіемъ, а неудачей. И, какъ въ 1876 году при демонстраціи 6 декабря на площади Казанскаго собора, мы остались ничтожной кучкой, непонятые и неподдержанные, такъ и въ 80—81 гг. горсть смѣльчаковъ, выступившихъ на улицу съ призывомъ къ возстанію, ограничилась бы составомъ собственной организаціи и была бы раздавлена, вѣроятно, даже не войскомъ, а дворниками и родственными имъ элементами".

Такъ писалъ въ 1907 году такой высококомпетентный въ дѣлахъ „Народной Воли" человѣкъ, какъ В. Н. Фигнеръ[1]).

Къ этому можно лишь прибавить, что разсчитывать на чисто-военное пронунціаменто въ Петербургѣ не было тоже рѣшительно никакихъ основаній уже по одному тому, что, какъ мы уже отчасти говорили, члены центра военно-революціонной организаціи были почти поголовно съ расположенными въ Петербургѣ, — не говоря уже о гвардіи, этой главнѣйшей опорѣ правительства,—но и съ другими частями войскъ совершенно не связаны.

Такимъ образомъ значеніе военно-революціонной организаціи сводилось въ 1881 году, главнымъ образомъ, къ цѣлому ряду важныхъ и существенныхъ услугъ, которыя она оказывала партіи и ея Комитету. Она продлила еще на 2—3 года агонію партіи, несомнѣнно начавшуюся вслѣдъ за 1 марта 1881 года.

Но члены центра военной организаціи, несмотря на въ высшей степени тяжелыя условія для ихъ дѣятельности, были почти всѣ людьми большихъ дарованій, непреклонныхъ характеровъ и кипучей энергіи. Недаромъ же почти всѣ они

---

[1]) Біографія Н. Д. Похитонова. Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ, стр. 118.

получили свое революціонное крещеніе отъ такого великана революціи, какъ Желябовъ.

Лѣтомъ 1881 года состоявшая комиссаромъ Исполнительнаго Комитета при центральной военной группѣ А. П. Корба отправлялась въ Тифлисъ, гдѣ былъ расположенъ Мингрельскій полкъ, съ которымъ у народовольцевъ имѣлись связи. На Корбу было возложено порученіе поработать среди офицеровъ этого полка. Въ то же лѣто Буцевичъ получилъ служебную командировку въ г. Николаевъ. На него возложили также порученіе озаботиться пріобрѣтеніемъ тамъ и въ Одессѣ сторонниковъ среди мѣстнаго офицерства. Корба и Буцевичъ исполнили это порученіе съ весьма значительнымъ успѣхомъ. При содѣйствіи находившагося тогда въ Тифлисѣ поручика карсо-александровской крѣпостной артиллеріи Шепелева, А. П. Корбѣ удалось создать очень быстро среди мингрельцевъ кружокъ, въ который сразу вошло 9 офицеровъ этого полка [1]). Ничего подобнаго Петербургъ не знаетъ. Въ Николаевѣ Буцевичъ сошелся съ Ашенбреннеромъ и произвелъ какъ на него, такъ и на другихъ николаевскихъ офицеровъ очень большое впечатлѣніе.

Тамъ, а также въ Одессѣ, уже существовали военные кружки, возникшіе самостоятельно. Они были настроены нѣсколько народнически; цѣлью своею ставили довести военныя части до такого положенія, чтобы при народномъ возстаніи,—въ него вѣрили,—войска не переходили на сторону возставшихъ, а отказывались бы подавлять возстаніе, сохраняя, такъ сказать, нейтралитетъ. Противъ этого-то направленія и возсталъ самымъ рѣшительнымъ образомъ Буцевичъ, доказывая необходимость активныхъ дѣйствій, иниціативы въ возстаніи, энергическихъ мѣръ для его подготовленія. Онъ повліялъ на Ашенбреннера и другихъ очень сильно,—офицеры приняли предложенную имъ Буцевичемъ программу и обѣщали содѣйствовать всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами подготовленію возстанія.

Николаевскій кружокъ былъ тѣсно связанъ съ одесскимъ, и по отъѣздѣ Буцевича въ обоихъ этихъ городахъ началась

[1]) Алихановъ, Анисимовъ, Антоновъ, князь Вачнадзе, Держановскій, Липпоманъ, Макухинъ, Митникъ и Циціановъ.

энергичная военно-революціонная дѣятельность. Душою дѣла явился тамъ Ашенбреннеръ.

Въ Николаевъ стала вскорѣ наѣзжать проживавшая на югѣ В. Н. Фигнеръ. Она требовала отъ николаевцевъ, чтобы военный кружокъ былъ созданъ и въ Харьковѣ. Туда и отправился съ этою цѣлью штабсъ-капитанъ Прагскаго полка Талапиндовъ, но благопріятной почвы для намѣченной задачи въ Харьковѣ не нашелъ.

Доклады Корбы и Буцевича центральной военной группѣ подняли еще болѣе духъ ея членовъ, и въ 1882 году было рѣшено предпринять объѣзды съ тою же цѣлью и другихъ городовъ Россіи. Ставшій въ это время членомъ центральной группы кронштадтскій морякъ мичманъ Дружининъ имѣлъ возможность отправиться въ Кіевъ. На него возложено было порученіе организовать военный кружокъ въ этомъ городѣ, но Дружининъ возвратился „разочарованный“ въ кіевлянахъ. Почвы въ Кіевѣ, какъ и въ Харьковѣ не нашлось, и служившій въ Кіевѣ подпоручикъ 131 пѣхотнаго Тираспольскаго полка Тихановичъ, освободившій изъ кіевской тюрьмы на свой страхъ политическаго заключеннаго Василія Иванова, за это приговоренный въ 1884 году вмѣстѣ съ Ашенбреннеромъ и другими къ смертной казни и умершій затѣмъ въ Шлиссельбургѣ, былъ однимъ изъ тѣхъ одиночекъ, которыхъ существовало немало и по другимъ городамъ Россіи.

Тогда Буцевичъ вызвалъ изъ Виленской губерніи Рогачева, предложилъ ему взять двухмѣсячный отпускъ и объѣздить съ революціонно-организаторскими цѣлями среди военныхъ города—Орелъ, Смоленскъ, Витебскъ, Динабургъ, Ригу, Митаву, Либаву, Вильно и Минскъ. Рогачевъ исполнилъ это порученіе и, по его словамъ, имѣлъ значительный успѣхъ, но, по сообщенію другого члена центральной группы, подпоручика кронштадтской крѣпостной артиллеріи Папина, поѣздка Рогачева особенно важныхъ результатовъ не принесла.

Заручившись, тѣмъ не менѣе, новыми связями въ различныхъ городахъ, центральная военная группа рѣшилась на новое смѣлое дѣло. Она постановила основать областные офицерскіе кружки въ возможно большемъ количествѣ горо-

довъ, начать издавать спеціально-военный революціонный органъ и завести для этого собственную типографію. По словамъ правительственнаго Обзора за 1882 годъ, редакцію этого органа предполагалось поручить Папину [1]).

Но въ это время истинный вдохновитель всего дѣла Буцевичъ, вслѣдствіе чрезвычайной слабости силъ партіи, занялся, кромѣ приведенія въ исполненіе обширныхъ замысловъ центральной военной группы, и другими, весьма рискованными партійными дѣлами; въ началѣ іюня онъ былъ арестованъ въ Петербургѣ одновременно съ членами Исполнительнаго Комитета Грачевскимъ, Корбой и другими. Въ этотъ же день былъ арестованъ и временно проживавшій въ Петербургѣ гусарскій майоръ Тихоцкій, а вскорѣ послѣ того и подозрѣвавшійся въ сношеніяхъ съ революціонерами старшій адъютантъ штаба перваго армейскаго корпуса капитанъ Савельевъ, который черезъ нѣкоторое время былъ выпущенъ подъ денежный залогъ [2]). Этимъ были нанесены военно-революціонной организаціи весьма тяжелыя раны, такъ какъ именно черезъ Буцевича и Тихоцкаго, какъ лицъ, имѣвшихъ болѣе широкій кругъ знакомствъ, добывала она разныя нужныя ей свѣдѣнія. За два мѣсяца передъ тѣмъ въ Москвѣ были арестованы Юрій Богдановичъ (Кобозевъ), Савелій Златопольскій и др., а 18 іюня тамъ же, въ Москвѣ, была взята и типографія „Народной Воли". Все это нанесло партіи страшный ударъ, и департаментъ полиціи съ гордостью говоритъ въ своемъ Обзорѣ за 1882 годъ, что „въ продолженіе всей майской трети 1882 года совершенно прекратилась дѣятельность подпольныхъ типографій соціально-революціоннаго сообщества и не появилось ни одного листка или воззванія" [3]).

Положеніе, въ самомъ дѣлѣ, для партіи было въ это время очень трудное: изъ членовъ Исполнительнаго Комитета сохранились лишь семеро: Л. А. Тихомировъ, его жена К. Д. Сергѣева, М. Н. Оловенникова, Галина Чернявская, В. Н. Фигнеръ, А. А. Франжоли и Е. Ф. Завадская. Первые

---

[1]) Былое, августъ, 1906 г., стр. 181.

[2]) Изъ Обзора, составленнаго департаментомъ полиціи за 1882 годъ. Былое, ноябрь, 1906 г.

[3]) Ibid., стр. 261.

трое уѣхали за границу, Фигнеръ поселилась въ Харьковѣ. Туда же прибыла и Чернявская. Что касается послѣднихъ двухъ, то изъ нихъ Франжоли былъ настолько боленъ, что друзья уговорили и его отправиться также на время за границу. Онъ и уѣхалъ туда въ сопровожденіи Е. Ф. Завадской. Тамъ прожилъ онъ еще нѣкоторое время и 6 августа 1883 г. скончался въ Женевѣ. Завадская не перенесла этого удара и отравилась въ тотъ же день [1]). Потомъ уѣхала за границу и Чернявская. Такимъ образомъ единственнымъ членомъ Исполнительнаго Комитета въ Россіи оставалась В. Н. Фигнеръ [2]). И, тѣмъ не менѣе, вполнѣ ликовать департаменту полиціи было еще рано: партійныя дѣла все же могли бы еще хоть нѣсколько оправиться, но злой рокъ наслалъ на партію „Дегаевщину". Она ее и доканала.

Фигнеръ, какъ сказано, жила въ Харьковѣ, и вокругъ нея начали формироваться кое-какія новыя силы. Задумали реформировать всю организацію и построить ее, конечно, полагая въ основу прежній заговорщическій и террористическій элементъ, на такихъ началахъ: революціонные кружки въ Россіи должны составляться непремѣнно изъ лицъ одной и той же профессіи: студенческіе, военные, литературные и проч. Эти кружки сносятся только черезъ своихъ представителей, образующихъ группы высшаго порядка. Такія группы должны быть подчинены Исполнительному Комитету, единственной группѣ, которая можетъ состоять и изъ людей разныхъ профессій, но которая обязана провести и въ своей средѣ принципъ строжайшаго раздѣленія труда: террористы ни въ какомъ случаѣ не должны заниматься пропагандой или вести другія дѣла, техники должны исполнять только свои обязанности и т. д. Регуляторомъ же

---

[1]) Н. А. Морозовъ: „Андрей Франжоли". Былое, 1909 г., мартъ, стр. 289.

[2]) Описывая это время, А. П. Прибылева-Корба говоритъ: „отъ старыхъ народовольцевъ осталась В. Н. Фигнеръ, проживавшая въ Харьковѣ. Зная отчаянное положеніе партіи, непоправимость дѣла въ данный моментъ и опасность, которой подвергалась сама Вѣра Николаевна, я изъ тюрьмы умоляла ее уѣхать заграницу и тамъ образовать новый Комитетъ. Она прислала мнѣ отвѣтъ, что не покинетъ Россіи". („С. П. Дегаевъ". Былое. 1906 г., апрѣль, стр. 14).

для всей дѣятельности партіи должна быть особая Распорядительная Комиссія, идея которой возникла и отчасти, хотя въ очень слабой степени, тогда же получила свое осуществленіе еще на Липецкомъ съѣздѣ 1879 года.

Но гдѣ взять руководителей, которые могли бы осуществить новый, столь обширный, планъ организаціи?

Фигнеръ поручила явившемуся въ Харьковъ Дегаеву организовать въ Одессѣ новую центральную партійную типографію, для чего взять шрифтъ и другія ея принадлежности въ Петербургѣ, гдѣ хранились остатки одной изъ прежнихъ типографій у кронштадтскихъ моряковъ. Дегаевъ исполнилъ это порученіе, организовалъ въ Одессѣ типографію, но, прежде чѣмъ она стала функціонировать, былъ вмѣстѣ съ нею 18 декабря 1882 года арестованъ. Тутъ онъ и вступилъ въ тайныя сношенія съ Судейкинымъ, который устроилъ ему фиктивный побѣгъ изъ тюрьмы, и Дегаевъ снова появился къ ничего не подозрѣвавшей, конечно, объ его предательствѣ Фигнеръ въ Харьковъ, но уже съ совсѣмъ другими „планами“ [1])...

Дни свободы Фигнеръ, а съ нею и многихъ другихъ лицъ, между ними и членовъ военно-революціонной организаціи, которыхъ Дегаевъ, будучи самъ членомъ центральной военной группы, а теперь и Исполнительнаго Комитета, узналъ, разумѣется, наперечетъ, были сочтены.

При этомъ въ качествѣ, якобы, бѣжавшаго изъ тюрьмы въ Одессѣ, Дегаевъ прежде всего явился тамъ же къ офицеру мѣстнаго кружка штабсъ-капитану Крайскому и потребовалъ, чтобы тотъ укрылъ его въ Николаевѣ у тамошнихъ офицеровъ. Крайскій это исполнилъ. Дегаевъ видѣлся въ Николаевѣ съ Ашенбреннеромъ, освѣжилъ въ своей памяти имена и адреса офицеровъ какъ николаевскихъ, такъ и живущихъ въ другихъ городахъ, и затѣмъ уже явился въ Харьковъ къ Фигнеръ.

Между тѣмъ положеніе въ Петербургѣ центральной военной группы послѣ ареста Буцевича сильно измѣнилось: изъ ея первоначальнаго состава въ Петербургѣ находились очень немногіе: Сухановъ былъ казненъ, Штромбергъ—въ

[1]) См. мемуары А. П. Корбы: „С. П. Дегаевъ“. Былое, 1906 г., апрѣль, и статью „Дегаевщина“ тамъ же.

административной ссылкѣ въ Сибири [1]), Буцевичъ—въ заключеніи, Похитоновъ, окончившій тогда уже артиллерійскую академію—въ городѣ Кобелякахъ, Рогачевъ—при своей бригадѣ въ Вилькомірѣ, Сенягинъ—въ своемъ астраханскомъ войскѣ. Членами группы были артиллеристы Папинъ и Чижовъ, моряки Завалишинъ, Дружининъ, Серебряковъ. Съ ними былъ близокъ слушатель артиллерійской академіи штабсъ-капитанъ Кунаевъ и проживавшій въ Петербургѣ, тоже артиллеристъ, штабсъ-капитанъ Степуринъ; въ Кронштадтѣ еще существовали артиллерійскій и морской кружки. Въ Новочеркасскомъ и Каспійскомъ пѣхотныхъ полкахъ было нѣсколько молодыхъ офицеровъ, незадолго передъ тѣмъ окончившихъ курсъ военныхъ училищъ (подпоручикъ Губаревичъ-Радобыльскій, подпоручикъ Котовъ; тамъ же служилъ въ это время подпоручикъ Надсонъ—извѣстный поэтъ, вскорѣ вышедшій въ отставку). Изъ Николаева пріѣхалъ и поселился у своего брата, служившаго въ Зимнемъ дворцѣ, Ювачевъ. Этимъ, кажется, и ограничивался весь составъ петербургскаго, такъ сказать, военно-радикальнаго міра.

Тѣмъ не менѣе, здѣсь духъ былъ попрежнему бодръ, и не оставлялись планы изданія военнаго органа.

Но для осуществленія этого предпріятія не было, прежде всего, денегъ. Обратились къ Исполнительному Комитету, но тамъ денегъ тоже не было, и послѣдовалъ совѣтъ отложить предпріятіе до лучшихъ временъ. Офицеры, однако, на этомъ не успокоились.

Тѣмъ временемъ В. Н. Фигнеръ, озабоченная пріобрѣтеніемъ опытныхъ людей для руководящихъ ролей въ партіи, обратилась къ Ашенбреннеру, Похитонову и Рогачеву съ предложеніемъ выйти въ отставку и стать въ ряды руководителей партіи. Ашенбреннеру она поручила обратиться

[1]) Арестованный вскорѣ послѣ 1 марта, Штромбергъ былъ сосланъ въ Верхоленскъ, Иркутской губерніи. Послѣ разоблаченій Дегаева онъ былъ снова привезенъ въ Петербургъ, судимъ и казненъ. Объ его трагической судьбѣ и едва ли имѣющей другіе примѣры въ судебныхъ лѣтописяхъ продѣлкѣ властей, внесшихъ въ опубликованный въ газетахъ приговоръ суда Штромбергу уже послѣ его казни дѣянія, которыя ему не инкриминировались на судѣ, см. „Страницу изъ воспоминаній“ Спандони. Былое. 1906 г. май, стр. 18—19.

съ тѣмъ же предложеніемъ еще къ нѣкоторымъ николаевскимъ и одесскимъ офицерамъ, а Похитонову—къ Сенягину.

Николаевскіе и одесскіе офицеры на это не согласились, кромѣ самого Ашенбреннера, который далъ свое безусловное согласіе.

Похитоновъ также, по серьезнымъ причинамъ, предложеніе Фигнеръ отъ себя отклонилъ, но снесся съ Рогачевымъ и Сенягинымъ, которые, какъ и Ашенбреннеръ, на предложеніе Фигнеръ согласились.

Ашенбреннеръ взялъ одиннадцатимѣсячный отпускъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Пріѣздъ его туда былъ праздникомъ. Центральная группа оживилась; Ашенбреннеру данъ былъ въ помощники Степуринъ, совмѣстно съ которымъ, равно какъ и съ нѣкоторыми другими, былъ составленъ списокъ около 200 офицеровъ, проживавшихъ въ разныхъ городахъ Россіи, на которыхъ возлагались какія-нибудь упованія [1]).

Ашенбреннеру предложено было объѣхать всѣхъ этихъ офицеровъ, завязать съ кѣмъ можно постоянныя отношенія и подыскать между ними корреспондентовъ для будущаго военнаго органа, мысль о которомъ продолжала упорно занимать вниманіе членовъ группы. Часть путешествія Ашенбреннеръ долженъ былъ сдѣлать одинъ, а затѣмъ въ Харьковѣ соединиться съ долженствующимъ прибыть туда же къ опредѣленному времени Серебряковымъ и продолжать путь вдвоемъ. Ашенбреннеръ принялъ на себя это порученіе и отправился въ дорогу.

Въ Петербургѣ остался Степуринъ, вышедшій въ скоромъ времени въ отставку. Прибылъ въ Петербургъ и Сенягинъ. Но рука предателя была уже простерта и надъ остатками партіи.

Появился въ Петербургѣ Дегаевъ. Онъ освѣжилъ и здѣсь всѣ свои связи и отношенія и отправился въ Харьковъ. Тамъ спросилъ онъ очень хорошо законспирированную Фигнеръ, адресъ которой онъ уже сообщилъ Судейкину,—

---

[1]) Ашенбреннеръ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Я долженъ былъ, между прочимъ, во время объѣзда повѣрить этотъ списокъ, и оказалось, что туда попали по ошибкѣ и люди совсѣмъ не подходящіе". Былое, іюль, 1906 г., стр. 14.

не опасается ли она ареста. Фигнеръ отвѣтила, что она убѣждена въ противномъ, если только не встрѣтитъ гдѣ-нибудь Меркулова [1]). Тогда, конечно, ее арестуютъ. Дегаевъ освѣдомился, въ которомъ часу она по утрамъ выходитъ изъ дому и всегда ли по одной и той же лѣстницѣ. Ничего не подозрѣвавшая Фигнеръ отвѣтила, что ежедневно выходитъ изъ дому въ 8 часовъ утра и всегда черезъ одинъ и тотъ же ходъ. Черезъ нѣсколько дней была разыграна артистическая сцена: Фигнеръ вышла по обыкновенію въ 8 часовъ изъ дому и въ пяти шагахъ отъ своей лѣстницы столкнулась лицомъ къ лицу съ Меркуловымъ. Она поняла, что ея часъ насталъ. Черезъ нѣсколько минутъ она и была арестована на улицѣ, будучи въ полномъ убѣжденіи, что ея арестъ—дѣло рукъ Меркулова. О Дегаевѣ у Фигнеръ не было и мысли. Въ этомъ убѣжденіи она и прожила въ тюрьмѣ до апрѣля 1884 года (арестована она была 10 февраля 1883 г.), когда, при окончаніи слѣдствія по ея дѣлу, ей была предъявлена тетрадь съ собственноручно написанными подробнѣйшими изобличеніями ея и другихъ Дегаевымъ [2]). Тутъ только поняла Фигнеръ причины происшедшаго окончательнаго разгрома народовольческой организаціи. Вслѣдъ за Фигнеръ въ Кіевѣ былъ арестованъ Тихоновичъ; въ Кобелякахъ—Похитоновъ; въ Москвѣ, гдѣ онъ былъ проѣздомъ,—Рогачевъ; въ Смоленскѣ, куда онъ прибылъ во время своего объѣзда по дѣламъ военной организаціи,—Ашенбреннеръ; въ Петербургѣ—почти всѣ, принадлежавшіе къ организаціи, моряки и артиллеристы. Отправившійся было, согласно условію съ Ашенбреннеромъ, въ Харьковъ Серебряковъ тамъ его уже, конечно, не нашелъ, ибо онъ былъ уже арестованъ, и принужденъ былъ самъ вскорѣ скрыться за границу. Стали свозить офицеровъ въ Петербургъ изъ Николаева, Одессы и другихъ городовъ.

---

[1]) Меркуловъ, какъ уже было выше сказано, по процессу 20-ти былъ приговоренъ къ каторгѣ, но въ каторгу его, конечно, не отправили. Онъ хорошо зналъ въ лицо Фигнеръ. О Меркуловѣ. См. „Процессъ 20-ти народовольцевъ". Русская Историческая Библіотека, № 11, а также ст. М. Ф. Фроленко: „Изъ далекаго прошлаго". Сборникъ „О Минувшемъ", стр. 273—275.

[2]) Это произошло въ апрѣлѣ 1884 года, т.-е., значитъ, въ то время, когда Дегаевъ снова такъ же измѣнилъ правительству, какъ онъ измѣнилъ партіи.

Разгромъ произошелъ полный. Дѣлами сталъ руководить Дегаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вошла въ жизнь и невѣдомая до тѣхъ поръ созданная Судейкинымъ, система провокаціи....

Военная организація умерла. Дегаевщина не оставила въ ней камня на камнѣ. Но и безъ этой роковой причины военная организація народовольцевъ едва ли могла быть жизнеспособною. Для этого она была еще, вслѣдствіе причинъ, о которыхъ мы уже говорили, слишкомъ мало „пустившей корни", а террористическое направленіе той партіи, въ которую эта организація входила, какъ ея составная часть, обрекала ее неизбѣжно на безплодіе. Наряду съ Сухановымъ, Штромбергомъ и Буцевичемъ, Ашенбреннеръ, Похитоновъ и Рогачевъ явились создателями военной организаціи и ея безспорно самыми выдающимися силами. Теперь послѣ гибели первыхъ троихъ, именно Ашенбреннеру, Похитонову и Рогачеву, — а вмѣстѣ съ ними и Сенягину, офицеру съ университетскимъ образованіемъ и единственному члену военной организаціи, служившему хоть временно въ гвардіи и стало быть имѣвшему тамъ хоть какія нибудь связи,—было предложено народовольческимъ центромъ выйти въ отставку и принять на себя руководство общепартійными дѣлами по прежнимъ методамъ дѣятельности. Но, вѣдь, это значило страшно ослаблять военную организацію, какъ таковую и, однако, на это пошли. Накопленныя силы и здѣсь также приносились въ жертву террору, какъ тому же Молоху была принесена раньше въ жертву Рабочая Газета. Въ 1882 году террористическая дѣятельность уже свела въ могилы и казематы почти всѣ прежнія силы народовольческаго центра,—замѣстить ихъ оказывалось некѣмъ, новыхъ не народилось,—а такъ какъ дѣло хотѣли продолжать непремѣнно по прежнимъ методамъ, то пришлось разрушать собственными руками ту, относительно говоря, единственно серьезную организацію, которая была создана народовольческой партіей. Это было съ извѣстной точки зрѣнія послѣдовательно, но это же указываетъ и на несостоятельность самой точки зрѣнія. О томъ, чтобы измѣнить всю систему дѣйствій, чтобы отказаться отъ явно гибельныхъ для партіи методовъ борьбы и, чтобы, поставивши военную организацію въ самомъ

центрѣ заботъ партіи, направить движеніе по руслу „декабризма“, объ этомъ, видимо, не было и мысли. Остановились на старомъ и тѣмъ обрекли партію на окончательное и быстрое пораженіе. Дегаевщина же, какъ мы сказали выше, партію лишь „доканала“ да внесла въ освободительное движеніе элементы небывалаго разложенія.

Были ли у военной организаціи шансы для гораздо болѣе серьезнаго, нежели она достигла, развитія? Мы думаемъ, что послѣ перваго марта, истощившаго всѣ силы партіи, такихъ шансовъ уже не было, но до того времени вопросъ допускаетъ рѣшеніе и иное. Шлиссельбуржецъ С. А. Ивановъ думаетъ, что такіе шансы были. Въ доказательство онъ приводитъ начавшее уже сказываться вліяніе военной организаціи на такія, дѣйствительно, огромнаго значенія силы, какъ генералы Драгомировъ и Скобелевъ. Относительно перваго Ивановъ разсказываетъ слѣдующее: въ 1882 г. „майоромъ Тихоцкимъ велись въ Петербургѣ бесѣды на политическія темы съ генераломъ Драгомировымъ, занимавшимъ тогда постъ начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба. Разговоры эти, которые касались, между прочимъ, вопроса о задачахъ военно-революціонной организаціи, Драгомировъ заключилъ, по словамъ Тихоцкаго, слѣдующею дословною фразою:

— „ Что же, господа, если будете имѣть успѣхъ—я вашъ!“ [1]).

Э. А. Серебряковъ въ своихъ мемуарахъ пишетъ:

„Буцевичъ завелъ связи съ нѣкоторыми изъ высокопоставленныхъ лицъ. Не могу теперь вспомнить, какимъ образомъ и подъ какимъ предлогомъ онъ заручился обѣщаніемъ извѣстнаго генерала Драгомирова дать статью о русской арміи для нелегальнаго изданія“ [2]).

Нѣтъ дыма безъ огня, конечно, но строить какія-нибудь гипотезы на основаніи этихъ слишкомъ отрывочныхъ извѣстій едва ли возможно.

Тотъ же С. А. Ивановъ пишетъ слѣдующія строки, касающіяся генерала Скобелева:

---

[1]) Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній въ началѣ 80-хъ годовъ. Б ы л о е, сентябрь, 1907 г., стр. 199.

[2]) Революціонеры во флотѣ. Б ы л о е, 1907 г., апрѣль, стр. 198—199.

„Въ 1882 году Скобелевъ предпринялъ путешествіе по Европѣ. Это путешествіе, сопровождавшееся произнесеніемъ публичныхъ рѣчей по вопросамъ внѣшней политики Россіи, произвело тогда большую сенсацію какъ въ европейской прессѣ, такъ и въ дипломатическихъ сферахъ. Вскорѣ по пріѣздѣ Скобелева въ Парижъ къ П. Л. Лаврову явился спутникъ Скобелева, состоявшій при немъ въ званіи офиціальнаго или приватнаго адъютанта, и передалъ Лаврову слѣдующее отъ имени своего патрона: генералу Скобелеву крайне нужно повидаться съ Петромъ Лавровичемъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ. Но въ виду служебнаго и общественнаго положенія Скобелева, ему очень неудобно прибыть самолично къ Лаврову. Это слишкомъ афишировало бы ихъ свиданіе, укрыть которое при подобной обстановкѣ было бы очень трудно отъ многочисленныхъ глазъ, наблюдавшихъ за ними обоими. Въ виду этого онъ проситъ Лаврова назначить ему свиданіе въ укромномъ нейтральномъ мѣстѣ, гдѣ они могли бы обсудить на свободѣ все то, что имѣетъ сказать ему Скобелевъ.

„Петръ Лавровичъ, этотъ крупный философскій умъ и теоретикъ революціи, въ дѣлахъ практики и революціонной политики оказывался часто настоящимъ ребенкомъ. Онъ наотрѣзъ отказался отъ предлагавшагося ему свиданія, и такъ какъ въ ту минуту въ Парижѣ не оказалось никого изъ достаточно компетентныхъ и освѣдомленныхъ революціонеровъ (народовольцевъ), которымъ онъ могъ бы сообщить о полученномъ имъ предложеніи,—на этомъ и кончилось дѣло. Впослѣдствіи, въ 1885 г., мнѣ пришлось говорить съ Петромъ Лавровичемъ объ этомъ инцидентѣ и выразить сожалѣніе, что Лавровъ отклонилъ подобное свиданіе и не использовалъ такой благопріятный случай.

„Да, помилуйте!—воскликнулъ Лавровъ съ искреннимъ неподдѣльнымъ изумленіемъ:—ну, объ чемъ бы сталъ я говорить съ генераломъ Скобелевымъ?!...“

„ О томъ, что не произошло, можно, конечно, строить только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки. Можно, однако предполагать, не пускаясь въ область фантазіи, что не для

одного только личнаго знакомства искалъ Скобелевъ свиданія съ Лавровымъ". [1])

На Лаврова все это очень похоже, но Скобелевъ? Объ этомъ можно строить самыя разнообразныя гипотезы.

О Скобелевѣ существуетъ разсказъ, что онъ былъ въ числѣ немногихъ сановниковъ, отказавшихся вступить въ „Священную Дружину". („Я давалъ присягу ни къ какимъ тайнымъ обществамъ не принадлежать", будто бы отвѣтилъ онъ на предложеніе стать членомъ Дружины) [2]); есть извѣстіе и о томъ, что, будто бы, опираясь на свой авторитетъ „бѣлаго генерала", Скобелевъ являлся къ Лорисъ-Меликову съ предложеніемъ совершить самое рѣшительное пронунціаменто [3]) но все это относится лишь къ области еще не провѣренныхъ слуховъ.

Вѣдь, съ другой стороны, Скобелевъ былъ близокъ къ тѣмъ московскимъ кругамъ, которые ненавидѣли Лорисъ-Меликова и считали его причиною всѣхъ пережитыхъ Россіею съ февраля 1880 года по мартъ 1881 г. бѣдствій, т.-е. стояли на той же точкѣ зрѣнія, которую усвоилъ себѣ впослѣдствіи раскаявшійся г. Тихомировъ [4]) и которой придерживается вполнѣ опредѣленнымъ образомъ въ своей книгѣ и генералъ Шебеко. [5])

---

[1]) „Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній въ началѣ 80-хъ годовъ". Былое, сентябрь, 1907 г., стр. 198—199.

[2]) О „Священной Дружинѣ" мы будемъ говорить ниже много и подробно. Тогда же мы приведемъ и нѣкоторыя цитаты по этому поводу изъ книги Ю. Карцева „Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ" (1879—1886. Воспоминанія политическія и личныя. Спб. 1906 г.). Теперь же мы укажемъ лишь, что, передавая разныя легенды, создавшіяся по поводу смерти Скобелева, авторъ пишетъ: „по другой версіи Скобелевъ убитъ ординарцемъ своимъ М. по наущенію Священной Дружины". (Карцевъ стр. 96). Это совершенно невѣрно, но и, какъ легенда, чрезвычайно характерно для нашего... Востока...

[3]) П. Крапоткинъ. Записки революціонера. Петербургъ, 1906 г., стр. 400.

[4]) Политика Лорисъ-Меликова расшатала Россію такъ, „какъ и въ сотую долю не могли бы расшатать ее соединенныя усилія всѣхъ революціонеровъ и либераловъ". („Конституціоналисты въ эпоху 1881 года". Изд. 3-е, 1895 г. Стр. 53). То же и во многихъ другихъ мѣстахъ той же книги.

[5]) „Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи". Рус. переводъ. Стр. 144—145.

Авантюризмъ былъ далеко не чуждъ Скобелеву, но въ 1881—1882 гг., и мысль объ искорененіи „нигилизма", повидимому, очень его занимала.

На это существуетъ самое положительное свидѣтельство. Мы говоримъ о слѣдующей записи въ „Дневникѣ" Валуева, которая помѣчена 17 марта 1882 г., т.-е. временемъ, непосредственно слѣдовавшимъ за тою поѣздкою Скобелева въ Европу, о которой упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ Ивановъ:

„Обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ (гдѣ я вновь неожиданно выбранъ въ старшины). Рядомъ со мной сѣлъ генералъ Скобелевъ: замѣчательный съ его стороны вызовъ къ откровенному разговору. Я убѣдился изъ этого разговора, что его рѣчи и даже поѣздка въ Парижъ, Женеву и Цюрихъ — результатъ московско-игнатьевскихъ внушеній. Его увѣрили, что возбужденіемъ воинственнаго патріотизма можно парализовать и даже подавить нигилизмъ. Когда я высказалъ противное тому убѣжденіе, онъ возразилъ, что „en ce cas la situation est encore plus facheuse qu'il ne le pensait". [1])

Черезъ четыре дня Валуевъ помѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Опять политическое убійство въ Одессѣ" [2]) и въ тотъ же день (21 марта) занесъ еще такія строки: „Вчера въ англійскомъ клубѣ обѣдалъ опять рядомъ съ ген. Скобелевымъ. Продолженіе прежняго разговора... Я упомянулъ объ одесскомъ убійствѣ и спросилъ, отклонила ли бы война убійцъ отъ ихъ дѣла? „Il faudrait s'en apaiser", отвѣтилъ Скобелевъ. Я опять возразилъ, что опытъ обошелся бы слишкомъ дорого". [3])

Не исключена возможность, что именно въ этомъ направленіи мыслей Скобелева лежитъ и ключъ къ разгадкѣ его желанія повидаться съ Лавровымъ, о чемъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ С. А. Ивановъ. [4]) А разъ это такъ, то

[1]) Графъ П. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг. Сборникъ О Минувшемъ. 1909 г. Стр. 433.

[2]) 18 марта въ Одессѣ былъ убитъ военный прокуроръ генералъ Стрѣльниковъ.

[3]) О Минувшемъ. Стр. 434.

[4]) Съ этими, напечатанными нами въ Русской Мысли строками, не согласился одинъ хорошо знающій то время извѣстный писа-

о какомъ же вліяніи военно-революціонной организаціи на Скобелева можетъ быть рѣчь? Нѣтъ, для этого она, да и вся партія Народной Воли были слишкомъ слабы. Безъ проказы „Дегаевщины“ и гангрены „Судейковщины“ агонія партіи, вѣроятно, продолжилась бы еще два—три года,— въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что въ 1882 году департаменту полиціи вполнѣ ликовать было еще преждевременно,—но это все таки явилось бы не болѣе, какъ агоніей, ибо смертельный недугъ постигъ партію уже 1-го марта 1881 года и,—не взирая на рѣдкій по своимъ личнымъ

тель. Въ письмѣ ко мнѣ онъ писалъ: „я только изъ вашей статьи узналъ, что въ 1882 году Скобелевъ искалъ въ Парижѣ свиданія съ Лавровымъ. Въ половинѣ 80-хъ годовъ я, однако, слышалъ въ Петербургѣ, что онъ черезъ... (идетъ имя одного въ то время считавшагося большимъ „либераломъ“, но впослѣдствіи таковымъ вовсе неоказавшагося, генерала) пробовалъ закинуть ниточку въ революціонные круги. Это меня тогда не особенно удивило. Чтобы понять Скобелева, надо помнить, что это былъ не только человѣкъ огромнаго честолюбія, но, когда надо было, и политикъ,—политикъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда могло казаться, что онъ совершаетъ политическія безтактности. Въ послѣдніе годы онъ несомнѣнно создалъ себѣ такое credo: правительство (въ смыслѣ стараго режима) отжило свой вѣкъ, оно безсильно извнѣ, оно также безсильно и внутри. Что можетъ его низвергнуть? Конституціоналисты? Они слишкомъ слабы. Революціонеры? Они тоже не имѣютъ корней въ широкихъ массахъ. Въ Россіи есть только одна организованная сила,—это армія, и въ ея рукахъ судьбы Россіи. Но армія можетъ подняться лишь какъ масса, а на это можетъ ее подвинуть лишь такая личность, которая извѣстна всякому солдату, которая окружена славой сверхъ-героя. Но одной популярной личности мало, нуженъ лозунгъ понятный не только арміи, но и широкимъ массамъ. Такимъ лозунгомъ можетъ быть провозглашеніе войны нѣмцамъ за освобожденіе и объединеніе славянъ. Этотъ лозунгъ сдѣлаетъ войну популярною въ обществѣ. Но какъ ни слабы революціонные элементы, и ихъ, однако, игнорировать не слѣдуетъ,—по меньшей мѣрѣ, какъ отрицательная сила, они могутъ создать извѣстныя затрудненія, а это нежелательно. Въ извѣстныхъ случаяхъ Скобелевъ могъ говорить о борьбѣ съ „нигилизмомъ“, но на самомъ дѣлѣ врядъ ли онъ объ этомъ думалъ. Движущая и важнѣйшая цѣль у него была другая и она всего поглощала его“.

Сообщенія и соображенія почтеннаго автора письма весьма цѣнны, но онѣ служатъ не столько для опроверженія высказаннаго нами взгляда,—вѣдь не вліяніе же народовольцевъ подвинуло Скобелева на его планы,—сколько для общей характеристики положенія вещей въ Россіи, при которомъ оказывались возможны мечты и отечественныхъ Наполеоновъ...

качествамъ составъ народовольческаго центра,—смерть партіи стала уже съ того момента лишь вопросомъ времени.

V.

Дѣятельность народовольцевъ среди учащейся молодежи.

Кромѣ рабочихъ и офицерства, заботы партіи „Народной Воли“ были направлены на учащуюся молодежь, но заботы не особенно сильныя.

Въ документѣ, который носитъ названіе „Подготовительная работа партіи“, дѣятельность среди молодежи не занимаетъ даже самостоятельнаго мѣста, а входитъ въ рубрику *д*, подъ общимъ заглавіемъ „Интеллигенція и молодежь“.

Тому и другому программа посвящаетъ 12 строкъ, гласящихъ буквально лишь слѣдующее:

„Интеллигенція и молодежь составляютъ такія сферы, гдѣ каждое честное направленіе должно только давать о себѣ знать, чтобы имѣть сторонниковъ. Большихъ комментаріевъ къ способамъ дѣйствій въ этой средѣ не требуется. Относительно молодежи—важно поддерживать въ ея рядахъ революціонныя тенденціи, воспитывая молодое поколѣніе въ революціонномъ духѣ и давая дѣятельность, доступную для его силъ и въ то же время полезную для дѣла революціи. Такъ, учащаяся молодежь можетъ поддерживать въ своей средѣ духъ солидарности, стойкость въ борьбѣ и гражданское мужество, добиваясь расширенія студенческихъ правъ, можетъ вести пропаганду среди рабочихъ, помогать распространенію революціонныхъ изданій и т. д.“ [1])

Это и все.

Объ „интеллигенціи“, въ сущности, тутъ не говорится рѣшительно ничего, а объ учащейся молодежи говорится

---

[1]) „Подготовительная работа партіи“ перепечатана въ Календарѣ Народной Воли и сборникѣ Литература партіи Народной Воли; цитируемое мѣсто см. въ париж. изданіи сборника, стр. 876—877.

лишь, какъ объ элементѣ, который долженъ „добиваться расширенія студенческихъ правъ“ и оказывать партіи нѣкоторыя услуги.

На дѣлѣ, конечно, на молодежь обращено было со стороны партіи все же больше вниманія, чѣмъ рекомендуетъ этотъ документъ, но въ общемъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на широкіе слои студенчества народовольческіе кружки молодежи не оказывали. Не было попытокъ массовыхъ подачъ петицій, какъ это имѣло мѣсто въ медико-хирургической академіи въ 1878 г. [1]), не было и студенческихъ забастовокъ гораздо болѣе поздняго времени, хотя идея ихъ въ нѣкоторыхъ кругахъ студенчества уже была извѣстна [2]); студенческіе нелегальные журналы стали появляться только въ 1882—83 гг.; въ 1879—81 гг. ихъ совсѣмъ не было. [3])

Тѣмъ не менѣе члены партіи „Народной Воли“ находились постоянно въ общеніи не съ массою студенчества,— достигнуть этого, благодаря полной его дезорганизованности, было и невозможно, — а съ значительнымъ количествомъ „сочувствующихъ“ партіи среди студенчества элементовъ. Изъ нихъ по преимуществу набирала себѣ партія исполнителей различныхъ ея плановъ (студенты Тырковъ, Тычининъ и еще одинъ, а также курсистка Е. Н. Оловенникова составили, по предложенію Тихомірова, „наблюдательный отрядъ“ за выѣздами государя; студентъ Борейша работалъ въ типографіи Рабочей Газеты; на квартирѣ студента Кампанца собирались рабочіе и т. д.). Общеніе партіи со студенчествомъ было во всякомъ случаѣ гораздо большимъ, чѣмъ съ другими элементами „интеллигенціи“.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Желябова образовался и центральный студенческій кружокъ народовольцевъ.

---

[1]) Текстъ адреса см. Земля и Воля, № 2 (отъ 20 декабря 1878 г.).

[2]) Въ вѣдомости департамента полиціи за первую половину 1883 г. № 6 (по отдѣлу люблинскаго жандармскаго отдѣленія) говорится: „съ зданія института (новоалександрійскаго) сняты рукописныя воззванія, приглашавшія студентовъ протестовать противъ распоряженій институтскаго начальства и закрытія студенческой библіотеки непосѣщеніемъ лекцій.“

[3]) Въ 1882—83 гг. вышло 5 номеровъ журнала Студенчество. Въ 1884 г., въ Москвѣ появился одинъ номеръ журнала (литографированнаго) Союзъ—органъ московскаго студенчества.

Этотъ кружокъ ознаменовалъ свою дѣятельность устройствомъ не вызвавшей, конечно, никакого сочувствія въ обществѣ и даже, наоборотъ, особой демонстраціи на университетскомъ актѣ въ Петербургѣ 8 февраля 1881 г. По настоянію Лорисъ-Меликова многолѣтній гонитель всякаго просвѣщенія и столпъ реакціи графъ Толстой отъ должности министра народнаго просвѣщенія тогда уже былъ уволенъ (увольненіе произошло 24 апрѣля 1880 г.), и на его мѣсто былъ назначенъ „либеральный“ Сабуровъ. Его дѣятельность навлекла на него ожесточенныя нападки Каткова, либеральная же пресса съ Голосомъ во главѣ, разумѣется, поддерживала новаго министра.

Принимать рѣшительныя мѣры противъ Сабурова, такъ же какъ и противъ самого Лорисъ-Меликова, даже если на дѣло смотрѣть съ точки зрѣнія тогдашнихъ террористовъ и имѣть въ виду исключительно интересы партіи, было, разумѣется, безуміемъ. [1]) Нашлись тѣмъ не менѣе въ центральномъ студенческомъ кружкѣ горячія головы, которыя поставили вопросъ объ убійствѣ Сабурова „за его лицемѣрную политику“. [2]) Предложеніе это, къ счастію, не прошло и взамѣнъ того рѣшено было нанести Сабурову во время университетскаго акта публично оскорбленіе дѣйствіемъ. Роль эту принилъ на себя членъ центральнаго кружка студентъ университета П. П. Подбѣльскій, при чемъ въ поясненіе этого факта еще до его совершенія съ хоръ актовой залы долженъ былъ произнести рѣчь и бросить въ публику пачку прокламацій членъ того же кружка студентъ Л. М. Коганъ-Бернштейнъ. Но протесту и въ такой формѣ сочувствовали далеко не всѣ, даже связанные самыми тѣсными узами съ народовольческой организаціей студенты, какъ, наприм., А. В. Тырковъ. Онъ даже не пошелъ на актъ.

Какъ бы то ни было, но демонстрація была рѣшена, прокламація заготовлена,—въ составленіи ея принялъ участіе

---

[1]) Какъ мы говорили выше, 20 февраля 1880 г. нѣкто Млодецкій совершилъ покушеніе на жизнь Лорисъ-Меликова, но это покушеніе было его единоличнымъ дѣломъ.

[2]) Разсказъ пишущему эти строки покойнаго Л. М. Коганъ-Бернштейна.

Желябовъ [1]),—отгектографирована, и участники демонстраціи отправились въ университетъ. Тамъ Коганъ-Бернштейнъ произнесъ рѣчь и бросилъ въ публику прокламаціи, а Подбѣльскій нанесъ Сабурову оскорбленіе дѣйствіемъ.

Въ университетѣ въ это время было очень много публики. Въ числѣ ея находились Желябовъ, Фигнеръ, Сухановъ, Сенягинъ. Подбѣльскій и Коганъ-Бернштейнъ скрылись и перешли на нелегальное положеніе. [2])

Въ вышедшемъ незадолго до 1 марта № 5 Народной Воли напечатана замѣтка подъ заглавіемъ „Послѣднія событія въ университетѣ“. Мы приводимъ здѣсь эту замѣтку полностью:

„Какъ извѣстно, университетскій актъ 8 февраля ознаменовался „безпорядками“, которые продолжались и въ послѣдующіе дни. Наша пресса въ значительной степени извратила характеръ и смыслъ этихъ происшествій. Постараемся возстановить ихъ въ истинномъ свѣтѣ на основаніи нѣсколькихъ студенческихъ корреспонденцій.

„Министерство Сабурова, со своими обѣщаніями разныхъ льготъ и вольностей, откладываемыхъ, однако, на неопредѣленное время, вызывало противъ себя даже бо́льшее

---

[1]) А. В. Тырковъ: „Къ событію 1 марта 1881 г.“, Былое, 1906 г. май, стр. 156.

[2]) Судьба спаяла Подбѣльскаго и Коганъ-Бернштейна общей чрезвычайно трагической участью: вскорѣ послѣ перехода на нелегальное положеніе оба они были арестованы и въ 1882 году сосланы административно въ Якутскую область на 5 лѣтъ. Тамъ Коганъ-Бернштейнъ былъ взятъ на военную службу, служилъ въ мѣстной командѣ и по окончаніи воинской повинности возвратился въ Россію. Подбѣльскому набавили еще 2 года ссылки, такъ что срокъ его кончался въ 1889 г. Тѣмъ временемъ Коганъ-Бернштейнъ снова былъ арестованъ въ Россіи и въ началѣ 1889 г. опять прибылъ въ качествѣ административно-ссыльнаго въ Якутскъ. 22 марта того же года произошла бойня ссыльныхъ, во время которой были убиты: Мухановъ, Пикъ, Софья Гуревичъ, Шуръ и Ноткинъ. Подбѣльскій, который, въ ожиданіи скораго отъѣзда въ Россію, жилъ уже „вольнымъ“, не принималъ участія въ событіи 22 марта, прибѣжалъ лишь на громъ выстрѣловъ, хотѣлъ остановить бойню, но былъ также застрѣленъ солдатами. Раненый двумя пулями въ этой же бойнѣ Коганъ-Бернштейнъ былъ признанъ однимъ изъ ея главныхъ виновниковъ и повѣшенъ вмѣстѣ съ двумя другими осужденными на смерть по этому же дѣлу Н. В. Зотовымъ и А. Л. Гаусманомъ. Это произошло въ Якутскѣ 6 августа 1889 г.

неудовольствіе студентовъ, чѣмъ министерство гр. Толстого. Система Сабурова, постоянно рекомендующая „погодить“, „выждать“, „быть благоразумными“ и пр., начала деморализовать студентовъ, выдвигая въ ихъ средѣ на видное мѣсто разныхъ молодыхъ, стариковъ, карьеристовъ, вообще тотъ типъ, который уже окрещенъ въ студенческой средѣ кличкой „бонапартистовъ“. Эти господа, прежде совершенно не осмѣливавшіеся подымать свой голосъ, теперь, пользуясь „гоженьемъ“ и „благоразуміемъ“, возведенными въ благовидный прииципъ, зашевелились и стали открыто противодѣйствовать всякому движенію студенчества.

„Масса студенчества, разумѣется, не имѣетъ и не имѣла ничего общаго съ „бонапартистами“, но, съ другой стороны, они, какъ всякая масса, не отличаются и безусловнымъ радикализмомъ. Обѣ крайнія партіи составляютъ, какъ вездѣ, меньшинство.

„Имѣя въ виду сплоченіе, подъ непосредственнымъ попеченіемъ начальства, самыхъ безнравственныхъ элементовъ студенчества, радикальное меньшинство начало сплачиваться и съ своей стороны. Въ его средѣ образовался „центральный университетскій кружокъ“, который, въ виду невозможности фигурировать въ качествѣ легальной организаціи, рѣшился держать свой личный составъ въ секретѣ. Приближающійся актъ 8 февраля, на которомъ можно было безошибочно предположить со стороны „бонапартистовъ“ разныя овацiи начальству, заставилъ, „цент. унив. кружокъ“ принять мѣры съ своей стороны для того, чтобы овацiи не состоялись и чтобы, напротивъ, министерству было высказано недовѣріе студентовъ и ихъ неудовлетвореніе одними посулами. Форма протеста не была строго предрѣшена и должна была сообразоваться съ обстоятельствами. Человѣкъ 300 или 400 изъявили желаніе поддержать протестъ; можно было бы, конечно, набрать и болѣе значительное количество пособниковъ, если бы не необходимость конспираціи въ подготовкѣ дѣла. Тайна была соблюдена дѣйствительно очень строго, такъ что инспекція не подозрѣвала ничего о готовящемся протестѣ, хотя деп. госуд. полиціи имѣлъ о немъ, повидимому, нѣкоторыя свѣдѣнія и даже дѣлалъ въ этомъ смыслѣ запросъ ректору.

„Актъ 8 февраля, по обыкновенію, собралъ въ университетъ значительную публику. Тысячи 4 человѣкъ присутствовало въ залѣ. По прочтеніи пр. Градовскимъ университетскаго отчета раздались рукоплесканія. Но въ это время съ лѣвой стороны хоръ послышался голосъ. Приводимъ эту рѣчь цѣликомъ:

„Господа! Изъ отчета ясно: единодушныя требованія всѣхъ университетовъ оставлены безъ вниманія. Насъ выслушали для того, чтобы посмѣяться надъ нами? Вмѣстѣ съ насиліемъ насъ хотятъ подавить хитростью. Но мы понимаемъ лживую политику правительства; ему не удастся остановить движеніе русской мысли обманомъ! Мы не позволимъ издѣваться надъ собой:..... Сабуровъ найдетъ въ рядахъ интеллигенціи своего мстителя!...“

„Поднявшійся шумъ мѣшалъ разслышать слова говорившаго. Крики — „тише“, „слушай“, „молчать“, наполнявшіе залу, приводили публику въ смущеніе; неизвѣстно было, къ кому они относились — къ говорившему студенту или къ тѣмъ лицамъ, которыя мѣшали ему говорить. Въ это же время изъ толпы товарищей выдѣляется студентъ 1-го курса Подбѣльскій, подходитъ къ Сабурову и даетъ ему затрещину. Несмотря на то, что вниманіе публики было отвлечено шумомъ на хорахъ, слухъ о пощечинѣ раздается по залѣ. Подымается ужасный шумъ, раздаются крики: „вонъ наглаго лицемѣра“, „вонъ м-ца Сабурова“, „вонъ негодяевъ“. [1]) Нѣсколько человѣкъ юристовъ кидаются на хоры съ цѣлью схватить оратора. Происходитъ кое-гдѣ свалка... Ни Бернштейнъ, ни Подбѣльскій однако не были арестованы. Спокойствіе въ залѣ мало-по-малу возстановилось, и актъ продолжался. На другой день собрался совѣтъ университета; поставленъ былъ

[1]) 4,000 голосовъ, говоритъ очевидецъ-студентъ, слились въ оглушительный ревъ, въ которомъ только и можно было разслышать брань да протяжное „во-о-нъ...“ Съ правой и съ лѣвой стороны хоръ полетѣли прокламаціи, которыми центр. унив. кружокъ обличаетъ лицемѣріе Сабурова. Ректору удалось возстановить на минуту тишину; онъ пользуется этимъ, чтобы обратиться „къ благоразумнымъ студентамъ“ съ просьбой—выдать бунтовщиковъ. „Не пріучайте студентовъ къ шпіонству“, закричали протестанты. (Примѣч. автора замѣтки въ Народной Волѣ).

вопросъ: „какъ быть послѣ вчерашняго скандала?“ Судили, рядили и порѣшили, наконецъ, назначить университетскій судъ. „Надъ кѣмъ?“ былъ второй вопросъ. На это долженъ отвѣтить инспекторъ, разслѣдовавъ предварительно дѣло. Тотъ долго не задумывался, онъ указалъ на лицъ, намозолившихъ ему глаза въ періодъ царствованія его въ университетѣ. И вотъ къ суду привлекаются девять студентовъ и два вольнослушателя. 10 февраля въ судъ явились обвиняемые, за исключеніемъ Подбѣльскаго и Бернштейна. Роль прокурора выполнялъ тотъ же инспекторъ; одинъ изъ помощниковъ его былъ и судебнымъ приставомъ и свидѣтелемъ, другіе помощники были свидѣтелями; нѣкоторые студенты являлись добровольно давать показанія и уличать подсудимыхъ. Пункты обвиненія извѣстны изъ легальныхъ газетъ. Изъ добровольныхъ свидѣтелей студентовъ естественникъ Кутеновъ и юристъ Латкинъ обнаружили качества, вполнѣ достойныя волонтеровъ III отдѣленія. Первый расписывалъ примѣты и способы нахожденія (фамиліи не зналъ) одного протестанта, не привлеченнаго къ суду; второй уличалъ троихъ подсудимыхъ въ „безпорядкахъ“ 8 февраля. Судъ всячески старался замять дѣло, т.-е. взвалить вину на постороннихъ университету лицъ и ограничить число протестовавшихъ 10—15 человѣкъ, но тутъ были принесены листы, на которыхъ подписалось до 500 человѣкъ, сочувствующихъ идеѣ протеста, но считающихъ форму протеста безтактной, въ томъ числѣ 82 человѣка, сочувствующихъ и формѣ протеста. Судъ и совѣтъ растерялись. Обнаружить дѣло въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ—неудобно; профессора порѣшили запрятать эти листы въ портфель, благо ни одна газета не печатаетъ заявленій и подписей тѣхъ студентовъ“. [1])

Замѣтка эта составлена несомнѣнно тенденціозно, но и изъ нея видно, что масса студенчества формѣ протеста не сочувствовала. Даже изъ 500 протестантовъ, подписавшихъ заявленіе, только 82 объявили себя солидарными и съ формой протеста.

Бывшій въ то время студентомъ петербургскаго университета А. А. Корниловъ разсказываетъ, что среди студен-

[1]) Народная Воля, № 5 (отъ 24 февраля 1881 г.).

товъ сочувствовавшихъ Сабуровской исторіи было очень мало. [1])

Въ отвѣтъ на просьбу редакціи Былое дать какія-либо разъясненія по поводу этой исторіи А. П. Прибылева-Корба писала: „Сущность дѣла съ министромъ Сабуровымъ состоитъ въ томъ, что группа народовольцевъ, которая вела сношенія отъимени партіи съуниверситетомъ, находила настроеніе петербургскаго студенчества слишкомъ пассивнымъ. Желая возбудить въ немъ революціонный духъ, эти лица предложили студентамъ университета протестовать противъ новыхъ правилъ, вводимыхъ Сабуровымъ. Организуя нападеніе на послѣдняго, Исполнительный Комитетъ имѣлъ въ виду пріучить студентовъ къ активной борьбѣ противъ университетскаго режима, который воплощалъ въ себѣ всю премудрость политики Д. А. Толстого".

Редакція Былого помѣстила эти строки А. П. Корбы въ числѣ другихъ дополненій къ вышеупомянутымъ воспоминаніямъ А. В. Тыркова, носящихъ названіе „Къ событію 1 марта 1881 года". [2]) Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ о настроеніи студенчества въ 1881 году А. А. Тырковъ разсказываетъ слѣдующее:

„Враждебныя чувства правыхъ и лѣвыхъ (студентовъ) поддерживались усиліями правыхъ. Они образовали свой тайный кружокъ съ цѣлью наблюдать за лѣвыми. Фактъ 1 марта еще болѣе обострилъ отношенія. Консерваторы вели себя вызывающе, часто нахально. Одинъ изъ нихъ возбудилъ подозрѣніе, что онъ не только слѣдитъ и дѣлится своими впечатлѣніями съ единомышленниками, но идетъ дальше и сносится съ жандармами. Общее настроеніе было такое возбужденное, что кому-то пришла мысль убить этого студента, какъ шпіона. Раньше чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, былъ составленъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ студентовъ, на которомъ предстояло рѣшить вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ его убивать. Къ счастью для университета, нашлись голоса противъ убійства, и вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно. Сообщаю объ этомъ фактѣ, какъ прини-

[1]) А. А. Корниловъ. „Общественное движеніе при Александрѣ II". Историческіе очерки. Москва, 1909 г. стр. 258.

[2]) Былое. 1906 г. Май, стр. 158.

мавшій участіе въ обсужденіи вопроса. Центральный университетскій кружокъ, — долженъ прибавить, — къ этому послѣднему дѣлу никакого отношенія не имѣлъ". [1])

Въ смыслѣ какихъ-либо нелегальныхъ изданій, кромѣ гектографированной прокламаціи, распространенной въ университетѣ во время Сабуровской исторіи, центральный университетскій кружокъ проявилъ себя, кажется, еще только двумя печатными листками: первый изъ нихъ озаглавленъ: „Отъ центральнаго кружка спб. университета—къ студентамъ", былъ отпечатанъ въ типографіи Народной Воли и датированъ 15 ноября 1881 года. Въ немъ рисуется очень тяжелая картина общественнаго состоянія того времени и на этомъ основаніи центральный университетскій кружокъ призывалъ студенчество понять, что „недостатки университетскаго быта, неустройство студенческой жизни вообще являются неизбѣжнымъ результатомъ болѣе глубокихъ причинъ, чѣмъ воля и усмотрѣніе университетскаго начальства или даже министерства народнаго просвѣщенія" и что поэтому „пора дать своимъ силамъ болѣе полезное примѣненіе, чѣмъ это было до сихъ поръ". „Прямое и непосредственное участіе въ борьбѣ за свободу и права народа— такова должна быть наша задача".

Далѣе листокъ говоритъ: „Организація студентовъ каждаго учебнаго заведенія и объединеніе всѣхъ студентовъ вообще являются дѣломъ первостепенной важности. Начало такой организаціи уже положено нами. Приглашаемъ, товарищи, и васъ объединиться, сплотиться въ опредѣленныя группы". [2])

Ниоткуда не видно, чтобы такія же группы возникли и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга и тѣмъ болѣе не было никакого ихъ объединенія въ единую организацію. Не существуетъ объ этомъ никакихъ мемуаровъ, нѣтъ слѣдовъ подобныхъ организацій въ нелегальныхъ изданіяхъ, нѣтъ на нихъ указаній также ни въ секретныхъ правительственныхъ „Обзорахъ", ни въ шебековской „Хроникѣ". Гектографированный журналъ Студенчество началъ выходить почти черезъ годъ послѣ

[1]) Ibid, стр. 151.

[2]) Литература партіи „Народной Воли", стр. 920—921.

этой прокламаціи.[1]) Союзъ московской молодежи основался только въ 1883 году, кіевскіе и одесскіе студенческіе кружки не только со столичными, но и между собою были совершенно не связаны.

Другой листокъ центральнаго кружка студентовъ петербургскаго университета отпечатанъ 18 января 1882 года безъ обозначенія типографіи. Въ немъ говорится, что „непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали“ кружку „заявить себя и напомнить тѣ безобразія, объектомъ которыхъ было русское студенчество въ прошломъ году“. Затѣмъ кружокъ переходитъ къ изложенію исторіи въ харьковскомъ университетѣ изъ-за столкновенія трехъ харьковскихъ студентовъ съ извѣстнымъ сотрудникомъ Московскихъ Вѣдомостей (нынѣ покойнымъ), раньше привлекавшимся по процессу 193-хъ, Говорухой-Отрокомъ.

Эта прокламація центральнаго кружка студентовъ петербургскаго университета, призывая студенчество къ объединенію и накопленію силъ, высказывается рѣшительно противъ студенческихъ волненій, „минутныхъ увлеченій“, которымъ авторы листка рекомендуютъ „не поддаваться“.

Это обстоятельство приводитъ насъ къ вопросу о роли народовольческихъ студенческихъ кружковъ, вообще, въ волненіяхъ учащейся молодежи въ первой половинѣ 80-хъ годовъ. Существуютъ указанія, что народовольческіе кружки принимали въ такихъ волненіяхъ руководящее участіе. Едва ли это такъ. Сохранившіеся документы заставляютъ придти къ другому заключенію.

Мы уже цитировали тотъ § „подготовительной работы“ партіи „Народной Воли“, который рекомендуетъ молодежи „добиваться расширенія студенческихъ правъ“, но отнюдь не возлагаетъ на студенчество въ цѣломъ роли сколько-нибудь самостоятельнаго борца за обще-политическое освобожденіе Россіи. На дѣлѣ вышло не такъ. Въ народовольческой литературѣ свѣдѣній о студенческихъ волненіяхъ и отношеніи къ нимъ партіи имѣется чрезвычайно мало: послѣ 1 марта 1881 г. въ №№ 6, 7, 8, 9, 10 и 11—12 „На-

[1]) Въ этомъ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, очень любопытные отрывки изъ докладовъ сенатора Половцева и Мордвинова по ревизіи Кіевской и Воронежской губерній.

родной Воли" просто-таки ни слова, въ Приложеніи къ Листку „Народной Воли" развиваются такіе взгляды на молодежь, которые идутъ въ разрѣзъ съ указаніями „подготовительной работы партіи". Авторъ „Хроники внутренней жизни" пишетъ: „Все русское студенчество за немногими исключеніями охватило въ нынѣшнемъ академическомъ году [1]) страстное, небывалыхъ размѣровъ движеніе. Оно началось въ Казани въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года и кончилось въ варшавскомъ университетѣ въ апрѣлѣ нынѣшняго. [2]) Мелкія чисто студенческія причины, вродѣ лишенія стипендіи одного изъ студентовъ, вызвавъ волненіе въ одномъ-двухъ кружкахъ, взволновали постепенно всю лучшую часть студенчества, переносили движеніе отъ мелкихъ причинъ первоначальнаго броженія на широкую почву общественнаго недовольства существующей системой отношеній правительства къ интеллигенціи и дѣлали молодежь представительницей общественнаго протеста. Такъ давалъ себя чувствовать внутренній, сердечный смыслъ броженія. Такой протестъ, какъ протестъ петербургскаго студенчества противъ холопства кучки карьеристовъ-товарищей передъ благодѣтелемъ Поляковымъ, былъ протестомъ возмущеннаго чувства всѣхъ лучшихъ и чистыхъ элементовъ русскаго общества. Безпорядочность и неорганизованность движенія затемнила этотъ смыслъ". [3])

Такимъ образомъ центральная организація „Народной Воли" не только не говоритъ ни слова о своемъ руководящемъ участіи, но признаетъ движеніе неорганизованнымъ, прямо указываетъ на самопроизвольность его зарожденія и смотритъ на молодежь, какъ,—о чемъ раньше не было и рѣчи,—на „представительницу общественнаго протеста".

Противорѣча указаніямъ „подготовительной работы партіи", статья эта въ то же время отвѣчаетъ настроенію студентовъ-народовольцевъ, центральный университетскій кружокъ которыхъ (въ Петербургѣ) рекомендовалъ студенче-

---

[1]) Т.-е. въ 1882—1883 г.

[2]) Въ Казани студентъ Воронцовъ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ ректору Фирсову. Въ Варшавѣ студентъ Жуковичъ нанесъ такое же оскорбленіе попечителю учебнаго округа Апухтину.

[3]) „Приложеніе къ Листку Народной Воли". 1883 г.

ству сохранять свои силы для другихъ болѣе важныхъ дѣлъ.

Въ томъ же 1882 году, когда студенческія волненія въ Кіевѣ приняли отчасти оттѣнокъ движенія не спеціально академическаго, а политическаго, то „Кіевская Организація“ „Народной Воли“ привѣтствовала это явленіе.

Совершенно на ту же точку зрѣнія сталъ въ своей, датированной 1-мъ октября 1884 года, прокламаціи обще-студенческій союзъ во время студенческихъ безпорядковъ этого года въ Москвѣ. Онъ „напоминалъ“ студентамъ, что „протестъ со стороны студенчества только тогда можетъ быть плодотворенъ, когда онъ приметъ характеръ оппозиціи всему русскому политическому строю“. [1])

Послѣ разгрома Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ и военно-революціонной организаціи руководящая роль въ движеніи какъ-то сама собою перешла къ студенчеству.

Въ вышецитированномъ Приложеніи къ Листку „Народной Воли“ за 1883 г. вслѣдъ за фразой, на которой мы остановили цитату, авторъ „Хроники внутренней жизни“ ставитъ затѣмъ вопросъ о созданіи такой студенческой организаціи, которая могла бы служить общимъ цѣлямъ революціоннаго движенія.

Въ февралѣ 1884 года и образовался „центральный кружокъ“ уже не студенчества одного петербургскаго университета, а „Союза молодежи партіи Народной Воли“. Онъ заявилъ себя воззваніемъ „Къ юношеству“, въ которомъ говорилось:

„Не пора ли намъ оставить мелкую борьбу съ врагомъ на почвѣ кастовыхъ, студенческихъ интересовъ и готовиться къ борьбѣ серьезной и великой? Революціонная интеллигенція—единственная сила, могущая придти на помощь нашему обездоленному народу, и нашъ долгъ—пополнить ея ряды новыми дѣятелями, самоотверженно, неуклонно стремящимися къ осуществленію своихъ идеаловъ“. [2])

---

[1]) Прокламація эта приведена въ статьѣ Льва Тихомирова „Какъ живется въ Россіи“. Вѣстникъ Народной Воли, № 4. Женева, 1885 г., стр. 181.

[2]) Литература партіи „Народной Воли“. Парижское изд., стр. 957.

И воззваніе рекомендуетъ юношеству цѣлую программу объединенія.

Но это было уже время послѣдней попытки партіи „Народной Воли“ стать на ноги: предполагался съѣздъ революціонеровъ въ Кіевѣ и изданіе тамъ же органа „юго-западной группы партіи „Народной Воли“—Соціалистъ; но это не состоялось, такъ какъ участники предполагавшагося органа были вскорѣ арестованы вмѣстѣ съ ихъ типографіей. [1]) Въ это же время прибылъ изъ-за границы выдающійся дѣятель революціоннаго движенія Г. А. Лопатинъ, съ цѣлью возстановить всю народовольческую организацію и образовать новый Исполнительный Комитетъ, съ которымъ и начать рядъ наступательныхъ дѣйствій на правительство. Выпускомъ № 10 Народной Воли, въ которомъ фигурировали еще заявленія Исполнительнаго Комитета, а вслѣдъ затѣмъ арестомъ Лопатина и многихъ другихъ лицъ закончилась послѣдняя попытка возстановленія народовольческой организаціи. Тогда же прекратилъ свое существованіе и Союзъ молодежи партіи „Народной Воли“.

Послѣ этого, хотя и былъ еще выпущенъ (въ октябрѣ 1885 года) № 11—12 Народной Воли, но уже безъ всякихъ слѣдовъ существованія Исполнительнаго Комитета.

Движеніе еще едва-едва теплилось почти исключительно въ средѣ студенчества. И раньше, конечно, кромѣ Петербурга, Москвы и Кіева, были студенческіе кружки и въ другихъ университетскихъ городахъ, но уже въ 1882—83 годахъ, какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. Н. Бахъ, студенческіе кружки въ Харьковѣ, Казани и Ярославлѣ были чрезвычайно слабы, и на еще недавно активныхъ студентахъ лежала печать разочарованія. [2])

Въ 1887 г. произошло извѣстное событіе перваго марта этого года, участники котораго были почти поголовно изъ среды учащейся молодежи. Всѣ пятеро казненныхъ (Гене-

[1]) Шебалинъ, Карауловъ и др. Обвинительный актъ по этому дѣлу напечатанъ въ № 5 Вѣстника Народной Воли за 1886 г., стр. 47—122.

[2]) См. „Воспоминанія народовольца“. Былое. 1907 г. январь.

раловъ, Осипановъ, Шевыревъ, Ульяновъ и Андреюшкинъ) были студентами петербургскаго университета. Двое заключенныхъ въ Шлиссельбургъ (Лукашевичъ и Новорусскій) были: первый — также студентомъ петербургскаго университета, второй — уже окончившимъ курсъ духовной академіи, но не взирая на то, по его собственнымъ словамъ, совсѣмъ юношей, безъ выработанныхъ политическихъ убѣжденій. [1])

Никакой другой организаціи не было.

Въ составленной В. Н. Фигнеръ біографіи І. Д. Лукашевича находятся такія строки:

„Въ это время партія „Народной Воли“ настолько потеряла свои главныя силы, что, по свидѣтельству Іосифа Дементьевича (Лукашевича), революціонной молодежи университета не къ чему было пристать, и организація, задуманная Шевыревымъ въ 1886—87 годахъ, должна была начинать дѣло совершенно самостоятельно, на собственный рискъ и страхъ“. [2])

Попытка 1890 г. умершей въ Шлиссельбургѣ Софьи Гинсбургъ была дѣломъ тѣсно кружковымъ, внѣ связи съ какой бы то ни было организаціей. [3])

Въ 90-хъ годахъ и молодежь пошла по другому, уже ненародовольческому, пути.

VI.

Связи народовольцевъ съ обществомъ.

Какъ ни незначительны были связи народовольцевъ съ учащейся молодежью, но связей съ другими элементами общества (быть можетъ, за исключеніемъ офицерства, о чемъ мы говорили выше) у нихъ было еще меньше.

---

[1]) См. мемуары самого Новорусскаго: „Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ“. Былое, 1906 г., апрѣль.

[2]) „Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ“, стр. 134.

[3]) Обвинительный актъ по дѣлу Гинсбургъ напечатанъ въ № 4 Соціалъ-Демократа, 1892 г. Нѣкоторыя подробности дѣла въ № 7 Былого (заграничнаго), 1908 г.

Съ міромъ ученыхъ у народовольческой организаціи связей сколько-нибудь солидныхъ совсѣмъ не было.[1]) Среди міра судебнаго знакомства были лишь единичныя; среди дѣятелей земскаго и городского самоуправленія—тоже.[2]) О вліяніи на правительство при посредствѣ организованныхъ общественныхъ учрежденій, вродѣ, напр., Вольнаго Экономическаго Общества, въ которомъ и тогда уже происходили интересныя засѣданія, не было и рѣчи. Не использовали народовольцы даже такого выдающагося событія, хотя оно и совпало съ расцвѣтомъ ихъ дѣятельности, какъ торжество открытія памятника Пушкину въ 1880 году въ Москвѣ, когда Ѳ. М. Достоевскій произносилъ свою знаменитую рѣчь, а И. С. Тургеневъ демонстративно отвернулся отъ желавшаго съ нимъ чокнуться Каткова. О созданіи союзовъ съ политическими задачами,—врачей, инженеровъ

---

[1]) 1 февраля 1879 г., т.-е. еще до возникновенія Народной Воли, „петербургская вольная типографія“ (землевольческая) отпечатала чрезвычайно любопытный „Докладъ комиссіи с.-петербургскаго университета по поводу записки ординарнаго профессора А. С. Фамицына“ (о студенческихъ волненіяхъ). Издатели снабдили докладъ своимъ предисловіемъ. Интересно отмѣтить впечатлѣніе, произведенное этимъ фактомъ на правительство. Въ передачѣ землевольцамъ доклада былъ заподозрѣнъ А. С. Фамицынъ (тогда уже дѣйствительный статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ,—нынѣ академикъ), который и былъ посаженъ въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Въ литературѣ народовольцевъ примѣровъ, подобныхъ изданію „Доклада комиссіи петербургскаго университета“, не имѣется.

[2]) А. Н. Бахъ разсказываетъ о такомъ фактѣ: будучи въ 1883 году членомъ народовольческаго центра и проживая нелегально въ Ярославлѣ, онъ совершенно случайно познакомился съ мѣстнымъ предсѣдателемъ губернской земской управы. „Велико было изумленіе моихъ пріятелей,—пишетъ онъ,—когда они видѣли нелегальнаго „дядю“ (т. е. Баха), спокойно прогуливавшагося по бульвару съ такою губернскою шишкою, какъ предсѣдатель губернской земской управы“. („Воспоминанія народовольца“. Былое. 1907 г. стр. 140). Знакомство человѣка партійнаго центра съ предсѣдателемъ губернской земской управы вызывало уже „великое изумленіе“ среди другихъ народовольцевъ. Правда, разсказы Баха относятся уже къ эпохѣ упадка народовольческой партіи, но и въ зенитѣ ея успѣховъ относительно связей партіи съ земцами дѣло обстояло не лучше. Ниже мы посвятимъ особую главу земскому движенію разсматриваемой эпохи,—тогда къ отмѣчаемому нами здѣсь явленію мы еще возвратимся.

педагоговъ и лицъ другихъ интеллигентныхъ профессій, никто и не мечталъ. Все это пришло четверть вѣка спустя, а тогда дѣло и не могло обстоять иначе, потому что и то, что было создано народовольческой организаціей при страшномъ недостаткѣ у нея въ людяхъ и средствахъ, было создано лишь благодаря необыкновенной энергіи членовъ ея центра.

Въ литературныхъ кругахъ связей у народовольцевъ было нѣсколько больше, чѣмъ среди остального общества: Михайловскій, Шелгуновъ, Кривенко, Протопоповъ Глѣбъ Успенскій, Станюковичъ, Гольцевъ, Эртель, Минскій, Барыкова и нѣкоторые другіе писатели были знакомы съ отдѣльными народовольцами и готовы были оказывать имъ услуги. Михайловскій и Кривенко даже сотрудничали въ Народной Волѣ [1]), одинъ извѣстный беллетристъ-народникъ далъ статью для Рабочей Газеты, но все это были лишь единицы. [2])

---

[1]) Н. К. Михайловскій помѣстилъ подъ псевдонимомъ Гроньяра въ №№ 2 и 3 Народной Воли „Политическія письма соціалиста“, въ „Листкѣ Народной Воли“ № 2 (безъ подписи)—статью „Къ характеристикѣ Лорисъ-Меликова“, въ № 3—„Еще о лисьемъ хвостѣ“, въ № 10 Народной Воли—статью „Закрытіе Отечественныхъ Записокъ“. Онъ принималъ участіе также въ редактированіи „Письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III“. С. Н. Кривенко помѣстилъ въ № 1 Народной Воли статью „Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 16 іюля“ (извѣстный маковскій циркуляръ относительно слуховъ въ народѣ о передѣлѣ земли) и въ „Листкѣ“ № 1 (отъ 20 іюля 1883 г.)—статью „Новая эра“. Его перу принадлежитъ также изданная народовольцами въ 1883 году брошюра „Въ ожиданіи коронаціи“.

[2]) Съ самыми крупными литературными величинами Россіи—Достоевскимъ, Тургеневымъ, Львомъ Толстымъ у народовольцевъ даже и простого знакомства не было. Тургеневъ былъ хорошо знакомъ съ П. Л. Лавровымъ и Г. А. Лопатинымъ, но оба они во время жизни знаменитаго писателя къ народовольчеству не принадлежали. О попыткѣ народовольца С. А. Иванова завязать сношенія съ Львомъ Толстымъ имѣется слѣдующій интересный разсказъ А. С. Пругавина: „Въ числѣ восторженныхъ поклонницъ Льва Николаевича была одна глубокая старушка, Анастасія Васильевна Дмоховская, мать того Дмоховскаго, который въ 1874 году былъ осужденъ по дѣлу Долгушина за антиправительственную пропаганду въ каторжныя работы и умеръ въ иркутской тюрьмѣ. Старушка обожала Толстого, чуть

По всѣмъ этимъ причинамъ и предпріятія народовольцевъ обставлены были такъ, что находились каждую минуту на краю гибели и лишь, повторяемъ, личными качествами вождей организаціи да поразительной бездарностью властей даже въ сферѣ ихъ главнѣйшей „спеціальности", въ дѣлѣ „искорененія крамолы", объясняется возможность столь упорной и—относительно говоря—столь продолжительной борьбы, которую вели народовольцы съ правительствомъ.

Силъ было мало, да и тѣ, которыя были, почти всѣ уходили на терроръ, что вело несомнѣнно лишь къ дальнѣйшему ослабленію партіи.

Это ясно сознавалъ самъ глава партіи—Желябовъ, но остановиться уже было психологически невозможно.

не молилась на него, была счастлива, когда ей удавалось повидать его, поговорить съ нимъ.

„Все, что выходило изъ-подъ пера Льва Николаевича, она жадно и тщательно собирала и усиленно распространяла среди своихъ знакомыхъ. А знакомство у нея было большое и весьма разнообразное.

„Между прочимъ, у нея было не мало знакомыхъ изъ радикальныхъ и революціонныхъ кружковъ того времени. Изъ этой категоріи ея знакомыхъ я особенно хорошо помню Сергѣя Андреевича Иванова, жившаго въ то время въ Москвѣ „на нелегальномъ положеніи". Послѣ разгрома „Народной Воли", въ началѣ 80-хъ годовъ и ареста главныхъ участниковъ этой организаціи, С. А. Ивановъ являлся въ то время однимъ изъ видныхъ представителей „народовольческаго" направленія.

„Узнавъ отъ Дмоховской, что Толстой интересуется революціоннымъ движеніемъ и сочувственно относится къ положенію политическихъ ссыльныхъ, С. А. Ивановъ началъ просить Анастасію Васильевну устроить ему свиданіе съ Толстымъ.

„Старушка съ энтузіазмомъ взялась за исполненіе этой просьбы, и дѣйствительно вскорѣ же ей удалось получить согласіе Льва Николаевича. Назначенъ былъ вечеръ, когда Толстой и С. А. Ивановъ должны были придти къ Дмоховской, жившей тогда вмѣстѣ со своей дочерью Аделаидой, въ меблированныхъ комнатахъ, на Арбатѣ, близъ Арбатскихъ воротъ.

„Присутствуя при этомъ свиданіи, я былъ свидѣтелемъ глубоко интереснаго разговора Толстого,—какъ всегда, конечно, отрицавшаго всякое насиліе,—съ убѣжденнымъ революціонеромъ, который глубоко вѣрилъ въ необходимость и цѣлесообразность самыхъ крайнихъ средствъ борьбы".

„Мы погибнемъ,—будутъ другіе“ [1]) ободрялъ Желябовъ окружающихъ, но временами у него вырывались слова, показывавшія, что въ душѣ онъ смотрѣлъ на дѣло гораздо мрачнѣе.

„Мы проживаемъ капиталъ“, съ грустью говорилъ Желябовъ о партіи тогда близкому ему Тихомирову. [2])

То же настроеніе замѣчала въ немъ и М. Н. Оловенникова.

„Въ Исполнительномъ Комитетѣ по вопросу о террорѣ сначала разногласій не было,—пишетъ она,—но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что изъ-за террора страдаютъ всѣ остальныя отрасли дѣятельности. Но на практикѣ иначе оказывалось невозможнымъ. На терроръ шло столько силъ потому, что иначе его вовсе не было бы. Больше другихъ на необходимости расширить другія стороны дѣятельности настаивалъ Михайловъ и отчасти Желябовъ, который, впрочемъ, лучше другихъ видѣлъ невозможность осуществить это на дѣлѣ. Тихомировъ, какъ всегда, шелъ за сильнѣйшими. В. терроръ всегда ставила на первый планъ, Перовская — тоже, Якимова — тоже; о другихъ и говорить нечего.

„Толстой внимательно выслушивалъ своего оппонента и спокойно доказывалъ полнѣйшую безполезность подобнаго рода „актовъ“ для достиженія общаго счастія. Между прочимъ, онъ сказалъ своему случайному собесѣднику:

— Если бы въ вашемъ распоряженіи былъ такой аппаратъ, на электрическую кнопку котораго стоило бы только нажать, чтобы тотчасъ же совершить „актъ“ противъ любого изъ намѣченныхъ вами лицъ, то и тогда подобная дѣятельность оказалась бы совершенно безплодной и безполезной и не приблизила бы людей ни къ счастью, ни къ свободѣ...

Они разстались, разумѣется, не убѣдивши другъ друга. Вскорѣ послѣ этого С. А. Ивановъ былъ арестованъ, а затѣмъ, послѣ суда, заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ которой и просидѣлъ около двадцати лѣтъ, до самой амнистіи.

Когда въ дни свободъ судьба снова столкнула меня съ нимъ, онъ вспоминалъ о вечерѣ, проведенномъ въ обществѣ Толстого, какъ объ одномъ изъ самыхъ яркихъ моментовъ своей жизни на волѣ...“ (Рѣчь 24 сентября, 1909 г. № 262).

[1]) А. И. Желябовъ (біографія). Лондонъ. 1882 г. стр. 37.

[2]) Л. Тихомировъ. „Начала и концы“ (либералы и террористы). Москва, 1890 г., стр. 46.

„Передъ 1 марта засѣданія Комитета носили характеръ лихорадочный: чувствовалась страшная напряженность, нѣкоторая усталость и развинченность. Все вниманіе поглощалось предстоявшимъ покушеніемъ да еще военными и ихъ участіемъ въ ближайшемъ предпріятіи (освобожденіе Нечаева, отъ котораго намъ, особенно Желябову, не хотѣлось отказаться, несмотря на письмо Нечаева, умолявшаго не заботиться о немъ, въ силу готовившагося покушенія.[1])

---

[1]) По этому поводу необходимы нѣкоторыя объясненія: приговоренный въ 1873 году къ 20 годамъ каторжныхъ работъ, извѣстный С. Г. Нечаевъ. (Его процессъ см. № 10 Правительственнаго Вѣстника за 1873 годъ. Перепечатанъ также въ 1 томѣ сборниковъ Богучарскаго „Государственныя преступленія въ Россіи"), въ каторжныя работы отправленъ не былъ, а заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ и умеръ въ 1882 году. Находясь столь продолжительное время въ равелинѣ, Нечаевъ успѣлъ „распропагандировать" цѣлый рядъ солдатъ крѣпостной роты, но это ему не помогло, ибо „съ волей" у него связей никакихъ не было. Въ концѣ 1880 г. въ тотъ же равелинъ былъ заключенъ Степанъ Ширяевъ, съ которымъ Нечаевъ черезъ солдатъ быстро вступилъ въ сношенія. У Ширяева были еще свѣжія связи съ Исполнительнымъ Комитетомъ и солдаты стали переносить отъ него „на волю" письма къ „Тигрову" (Тихомирову) и обратно. Возникъ планъ освобожденія заключенныхъ при помощи солдатъ, а также нѣсколькихъ членовъ офицерской военно-революціонной организаціи. Этимъ планомъ особенно увлекся Желябовъ, вступившій въ сношенія съ солдатами, лично осмотрѣвшій равелинъ и нашедшій, что, при хорошей помощи извнѣ, побѣгъ вполнѣ возможенъ. Но на очереди стояло покушеніе, которое должно было весьма затрудниться побѣгомъ заключенныхъ изъ такого тайника, какъ Алексѣевскій равелинъ. Это произвело бы въ средѣ правительства цѣлую паницу и заставило бы его стоять еще болѣе на стражѣ противъ всякихъ неожиданностей. Соображенія этого рода были высказаны Исполнительнымъ Комитетомъ Нечаеву и Ширяеву, и оба они просили въ виду такихъ обстоятельствъ, рѣшительно отказаться отъ мысли объ устройствѣ побѣга. Переписка, тѣмъ не менѣе, продолжалась. Нечаевъ упрекалъ Комитетъ въ „буржуазной добросовѣстности", въ неумѣніи „показывать товаръ лицомъ, ослѣпить блескомъ своей славы". Съ своей стороны онъ предлагалъ самое крайнее проведеніе принципа: цѣль оправдываетъ средства, и съ этой точки зрѣнія строилъ самые необузданные планы. Такъ онъ рекомендовалъ народовольцамъ издать отъ имени носителя верховной власти манифестъ къ народу, въ которомъ говорилось бы, что по совѣту семьи, „а также князей, графовъ и всего дворянскаго сословія", признано необходимымъ — „возвратить крестьянъ помѣщи-

На этихъ послѣднихъ общихъ засѣданіяхъ до 1 марта (я пріѣхала изъ Москвы какъ разъ послѣ ареста Михайлова,— можетъ быть, онъ былъ арестованъ, когда я была уже въ Петербургѣ, — только я не успѣла съ нимъ повидаться[1])) нашъ отчетъ съ Теллаловымъ о московской группѣ, единственной серьезной поддержкѣ въ случаѣ провала стариковъ, возбудилъ даже преувеличенныя надежды, но въ общемъ былъ выслушанъ вяло. Только Желябовъ послѣ засѣданія хотѣлъ узнать всѣ подробности и особенно характеристики лицъ, могущихъ быть кандидатами въ члены Комитета. Онъ чувствовалъ, что большинство выбудетъ изъ строя и, говоря со мною, признавалъ, какъ и раньше, пагубную сторону террора, затягивающаго помимо ихъ воли людей. Я хорошо помню этотъ разговоръ, потому что онъ продолжался и на второй день. Что будетъ послѣ покушенія — удачнаго или неудачнаго? Ни на какія серьезныя перемѣны въ политическомъ строѣ Желябовъ не разсчитывалъ. Максимумъ, чего онъ, да и другіе ждали, это, что намъ будетъ легче продолжать свою дѣятельность: укрѣпить организацію и раскинуть ея сѣти во

камъ, увеличить срокъ солдатской службы, разорить всѣ старообрядческія молельни и т. д. И это было еще не самое крайнее проявленіе „творчества“ Нечаева. Желябовъ и другіе члены Комитета рѣшительно отвергли такого рода шарлатанство, и тутъ то Нечаевъ и упрекалъ ихъ въ „буржуазной добросовѣстности“. Упрекая Комитетъ, Нечаевъ, тѣмъ не менѣе, очень хвалилъ его энергію и былъ особенно высокаго мнѣнія о Желябовѣ. Говоря въ одномъ изъ своихъ писемъ о необходимости учредить революціонную диктатуру въ средѣ самой организаціи, онъ указывалъ на Желябова, какъ на человѣка способнаго къ этой роли. Въ свою очередь Желябовъ, относясь безусловно отрицательно къ рекомендуемымъ Нечаевымъ пріемамъ революціонной борьбы, восторгался его энергіей и разставался съ большою неохотою съ мыслью объ устройствѣ ему изъ равелина побѣга. (Все это разсказано подробно въ статьѣ „Къ біографіи С. Г. Нечаева“, напечатанной въ № 1 Вѣстника Народной Воли). Черезъ нѣкоторое время посредникъ въ сношеніяхъ заключенныхъ съ Комитетомъ оберъ-фейерверкеръ Охтенскаго порохового завода Филипповъ (къ нему солдаты носили письма) и около 20 солдатъ Петропавловской крѣпости были арестованы, судимы и осуждены. Обвинительный актъ по этому дѣлу напечатанъ въ томъ же № 1 Вѣстника Народной Воли въ 1883 году.

[1]) А. Д. Михайловъ былъ арестованъ 28 ноября 1880 года.

всѣхъ сферахъ общества. Но и это при условіи, что уцѣлѣетъ хоть часть людей, способныхъ и привыкшихъ вести дѣла общей организаціи. Поэтому-то онъ и придавалъ такое значеніе Москвѣ, думая, что тамъ кроется та ячейка, изъ которой выработается новый Комитетъ въ случаѣ погибели стараго. Что касается остальныхъ, то мало кто заботился о будущемъ; всѣ способности казались поглощенными однимъ: удачнымъ выполненіемъ покушенія. Впрочемъ, на одномъ изъ собраній помню Суханова, развивавшаго свои планы бомбандированія Петербурга кронштадскимъ флотомъ. Онъ, казалось сильно вѣрилъ въ осуществленіе своихъ плановъ и на чье-то скептическое замѣчаніе отвѣчалъ: „Дайте только годикъ-другой,—увидите". Почему-то меня поразила въ этотъ разъ фигура Исаева. Это былъ человѣкъ очень неглупый и на котораго раньше возлагались большія надежды. Теперь оказалось, что онъ ни о чемъ не могъ говорить, кромѣ динамита. Отъ его наклонности теоретизировать не осталось и слѣда, и онъ даже не жаловался, какъ Желябовъ, на невозможность „почитать книжку". Вообще я уѣхала изъ Петербурга въ тяжеломъ настроеніи. Фраза Желябова—„помни, если твоя Москва не выручитъ, будетъ плохо!"—показывала ясно, насколько положеніе шатко". [1])

А въ Москвѣ положеніе было для партіи еще болѣе удручающимъ, чѣмъ въ Петербургѣ... [2])

По вопросу о связяхъ съ „либералами", т.-е., въ сущности, съ обществомъ, Оловенникова пишетъ:

---

[1]) Большая часть этихъ „показаній" М. Н. Оловенниковой, — такъ названы они были потому, что являлись отвѣтами на предложенные Оловенниковой для предполагавшейся къ изданію въ Парижѣ исторіи Народной Воли вопросы, — были помѣщены въ іюньской книжкѣ Былого за 1907 г. („Къ исторіи партіи Народной Воли"). Мы цитируемъ ихъ по болѣе полному подлиннику, снабженному, по просьбѣ редакціи Былого, примѣчаніями другого члена Исполнительнаго Комитета, Н. А. Морозова.

[2]) Членъ московской группы, о которой дѣлали Теллаловъ и Оловенникова свой докладъ, извѣстный докторъ С. В. Мартыновъ писалъ намъ: „были ли какія нибудь связи съ обществомъ у московскихъ членовъ Исполнительнаго Комитета, я не знаю. Склоненъ думать, что не было или, если и были, то ничтожныя".

„Отъ либераловъ никогда не ждали самостоятельныхъ дѣйствій, придавали имъ значеніе постольку, поскольку они являлись пособниками сочувствующими. Всегда думали на нихъ воздѣйствовать (подчеркнуто въ подлинникѣ), а не входить съ ними въ тѣ или иныя соглашенія. Единственные переговоры, имѣвшіе характеръ взаимныхъ уступокъ (съ нашей стороны фиктивныхъ), происходили за границею уже въ 1882 г.". [1])

Въ Россіи никакихъ соглашеній съ „либералами" у народовольцевъ не было.

За границей переговоры велись въ 1882 году. Оловенникова пишетъ, что „уступки" народовольцевъ „либераламъ" были во время этихъ переговоровъ „фиктивныя", но она такъ и умерла, не зная, какъ не узналъ объ этомъ до самой своей смерти и самъ, ставившій „условія" пріѣхавшему въ Парижъ депутату „либераловъ", П. Л. Лавровъ, что въ 1882 году они вели переговоры не съ „либералами", а— увы! — съ надѣвшей ихъ личину „Священной Дружиной"...

Объ этомъ у насъ подробно будетъ рѣчь ниже, а теперь возвратимся къ петербургскимъ событіямъ весны 1881 г. и участію въ нихъ различныхъ элементовъ „общества".

Уже помилованный и прожившій много лѣтъ въ Россіи лойяльнѣйшимъ человѣкомъ, Левъ Тихомировъ, едва ли отдавая себѣ ясный отчетъ въ выводахъ, которые слѣдуютъ изъ его словъ, говоритъ:

„Въ 1881 году въ Петербургѣ положеніе было смутно до послѣдней степени. Событіе 1 марта и послѣдовавшія открытія минъ на Малой Садовой, на Каналѣ, динамитной мастерской на Телѣжной улицѣ, неуловимость тайныхъ типографій, разсѣивавшихъ прокламаціи,—все это достаточно показывало, что полиція Лорисъ-Меликова ничего не знала и не вѣдала. (Почему же полиція только Лорисъ-Меликова? А полиція петербургскаго генералъ-губернатора Гурко предотвратила взрывъ Зимняго дворца, московскаго Долгорукова — покушеніе на взрывъ царскаго поѣзда, одесскаго Тотлебена — закладку дважды минъ въ

[1]) Былое. 1907 г. іюнь и вышеназванная рукопись.

Одессѣ и т. д.? А всѣ эти лица, кажется, „либералами“ не были. — В. Б.). Естественно являлся вопросъ: что же остается ей неизвѣстнаго, какія еще опасности угрожаютъ Государю? Никто бы не могъ отвѣтить съ увѣренностью, въ какой мѣрѣ обезпечена личная безопасность Монарха и преданныхъ ему лицъ правительства? Едва ли Государь всегда могъ съ увѣренностью сказать себѣ, что знаетъ: кто ему другъ и кто врагъ? За все столѣтіе ни одинъ Государь не получалъ наслѣдства власти въ такомъ безпорядочномъ состояніи“. [1])

Что же, въ самомъ дѣлѣ, „еще оставалось полиціи неизвѣстнаго“? Какой обширный и столь страшно развѣтвленный существовалъ еще въ непроницаемой тайнѣ заговоръ? Не имѣло ли правительство дѣла съ организаціей характера карбонарскаго, нити которой, переплетаясь, терялись и въ дворцахъ, и въ хижинахъ?

Обратимся къ фактамъ.

Какъ извѣстно, метательные снаряды, употребленные 1 марта, были изготовлены въ ночь съ 28 февраля на 1 марта въ квартирѣ на Вознесенскомъ проспектѣ, въ которой жили по нелегальнымъ паспортамъ Исаевъ и Вѣра Фигнеръ. Утромъ 1 марта два снаряда отнесла изъ этой квартиры на квартиру Саблина и Гельфманъ (на Телѣжной) Перовская; другіе два вскорѣ отнесъ туда же Кибальчичъ. Изъ квартиры на Телѣжной отправила Перовская съ метательными снарядами Рысакова, Т. Михайлова, Гриневицкаго и Емельянова, отправившись вслѣдъ за ними и сама. Кромѣ конспиративныхъ квартиръ на Телѣжной (обнаруженной уже 3 марта) и Вознесенскомъ проспектѣ, да квартиры на Подольской улицѣ, гдѣ жили нелегально Грачевскій и Ивановская и гдѣ помѣщалась типографія Народной Воли, никакихъ другихъ помѣщеній для собраній даже членовъ Исполнительнаго Комитета въ этотъ моментъ во всемъ Петербургѣ у народовольческой организаціи не было. Эти три (а послѣ 3 марта только двѣ) квартиры и являлись центрами заговора, его главнѣйшими очагами.

---

[1]) Л. Тихомировъ: „Конституціоналисты въ эпоху 1881 года“, 3-е просмотрѣнное изданіе. М., 1895 г., стр. 89—90.

Невѣроятная вещь, но въ то именно время, когда вся полиція была поставлена на ноги въ поискахъ за заговорщиками, когда въ самомъ дворцѣ и въ высшихъ сферахъ, казалось, „никто не могъ отвѣтить съ увѣренностью, въ какой мѣрѣ обезпечена личная безопасность монарха и преданныхъ ему лицъ правительства", въ то именно время,— 1-го же марта 1881 г.,—всѣ находившіеся въ Петербургѣ члены Исполнительнаго Комитета (а они находились въ Петербургѣ почти всѣ) собираются на совѣщаніе,—гдѣ?— да за неимѣніемъ другой квартиры въ квартирѣ Исаева и Фигнеръ на Вознесенскомъ проспектѣ, т.-е. въ той самой квартирѣ, гдѣ наканунѣ всю ночь изготовлялись бомбы и собираться въ которой было поэтому, очевидно, крайне рискованно.

Но что было дѣлать, если другой подходящей квартиры не было!...

Вотъ съ какими силами имѣло тогда дѣло самодержавное правительство.

Да, это было такъ. Мы имѣемъ тому несомнѣннѣйшія свидѣтельства непосредственныхъ участниковъ событій того времени.

Редакція журнала Былое обращалась по этому поводу за справками къ А. П. Корбѣ-Прибылевой, В. Н. Фигнеръ, М. Ф. Фроленко и другимъ лицамъ, и вотъ на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, картина получается такая:

Въ 4 ч. дня 1 марта въ квартиру Исаева и Фигнеръ собрались Тихомировъ, Грачевскій, Перовская, Богдановичъ-Кобозевъ, Корба, Фроленко, Лангансъ, Сухановъ [1]), Златопольскій и Лебедева. Предстояло опубликовать извѣщеніе о событіи перваго марта. Тихомировъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и тамъ написалъ прокламацію. Это и былъ тотъ, помѣченный 1-мъ марта, небольшой листокъ, который явился первой прокламаціей Исполнительнаго Комитета о совершившемся событіи [2]). Онъ былъ одобренъ собравшимися, немедленно отправленъ въ типографію на Подольскую, от-

[1]) Это былъ единственный „легальный" человѣкъ среди собравшихся членовъ Исполнительнаго Комитета.

[2]) См. „Литература партіи Народной Воли", стр. 897—898.

печатанъ въ ту же ночь и уже 2 марта распространенъ по Петербургу. [1])

Въ слѣдующіе дни засѣданія Исполнительнаго Комитета продолжали происходить въ той же квартирѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ.

Это было, однако, уже слишкомъ рискованно, и надо было подумать о томъ, чтобы обзавестись хотя бы одной еще квартирой для засѣданій Комитета.

Савелій Златопольскій и А. П. Корба взяли на себя заботы по пріисканію такой квартиры.

„Второго или третьяго марта,—пишетъ А. П. Корба,—мы (т.-е. она и Златопольскій) начали искать квартиру для собраній Исполнительнаго Комитета. Подходящая квартира

---

[1]) На этой прокламаціи съ особою силою сказалась „иронія судьбы". Прокламація написана была, какъ уже отмѣчено, Л. А. Тихомировымъ. Въ ней было, между прочимъ, сказано, что Исполнительный Комитетъ неоднократно предостерегалъ Александра II и „увѣщевалъ его возвратить Россіи ея естественныя права". Далѣе находится такая фраза: „обращаемся къ вновь воцарившемуся Александру III съ напоминаніемъ, что историческая справедливость существуетъ и для него, какъ и для всѣхъ". Уже 6 марта, приведя въ Московскихъ Вѣдомостяхъ выдержки изъ этой прокламаціи и набравши курсивомъ фразу „возвратить Россіи ея естественныя права", Катковъ писалъ: „Подумайте: какому безумцу изъ русскихъ людей могло бы прійти въ голову, что Императоръ Александръ II захватилъ какія-то у Россіи естественныя права, которыми она до него пользовалась, и не возвращалъ ихъ? Вы поймете, что отъ имени какого бы то ни было безумнаго дѣла русскаго происхожденія могло бы сказаться что нибудь еще хуже и лживѣе, но никакъ не то, что Александръ II не возвращалъ Россіи естественныхъ правъ? Поставьте вмѣсто „Россіи" другое собственное имя (т.-е. „Польша: В. Б.) и вы получите смыслъ опредѣленный и ясный, и будете знать, съ кѣмъ считаться. -Затѣмъ вы поймете смыслъ дальнѣйшихъ словъ, напоминающихъ русскому царю „объ исторической справедливости". Всѣ эти обмолвки невольно легли подъ перо вожаковъ дѣла, гораздо болѣе серьезныхъ, чѣмъ недоучка Желябовъ". И Катковъ говоритъ далѣе самымъ опредѣленнымъ образомъ, что „вожаки" эти—поляки, дѣйствующіе по извѣстной программѣ Мѣрославскаго 1863 г. Какъ удивился бы теперь Катковъ, если бы узналъ, что авторъ именно этой прокламаціи нынѣ редактируетъ тѣ самыя Московскія Вѣдомости, въ которыхъ онъ, Катковъ, столь пламенно доказывалъ, что прокламація о событіи 1 марта есть дѣло рукъ поляковъ!...

на Коломнѣ скоро была найдена, и тотчасъ Златопольскій и я поселились въ ней. Она помѣщалась въ верхнемъ этажѣ двухэтажнаго дома и имѣла ходъ съ улицы. Златопольскій выдавалъ себя за книгопродавца изъ Кіева, а меня за свою супругу. Мебель была куплена въ дешевомъ магазинѣ, и вскорѣ послѣ того квартира начала функціонировать" [1]).

Какъ мы уже раньше говорили, Исполнительный Комитетъ издалъ въ эти дни о событіи перваго марта рядъ прокламацій и въ томъ числѣ знаменитое письмо къ Александру III.

Для обсужденія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ изданіемъ этихъ прокламацій, а также разныхъ другихъ дѣлъ, члены Исполнительнаго Комитета продолжали собираться ежедневно. Собранія эти происходили либо въ квартирѣ Златопольскаго и Корбы, либо попрежнему у Исаева и Фигнеръ. Тутъ и возникла мысль о письмѣ къ Императору. Мысль была одобрена, и осуществленіе ея было поручено Тихомирову, который и привелъ ее въ исполненіе [2]). Въ квартирѣ Корбы произошло первое чтеніе „Письма". Оно было одобрено, но, прежде чѣмъ его отправить въ типографію, постановлено было дать его на просмотръ Н. К. Михайловскому. Одно, хорошо знающее событія того времени, лицо писало редакціи Былого, что Михайловскому „должно быть въ значительной мѣрѣ приписано авторство этого замѣчательнаго историческаго документа". [3]) А. П. Корба говоритъ, напротивъ, что Михайловскій сдѣлалъ въ „Письмѣ" „лишь одну или двѣ стилистическія поправки, которыя охотно были приняты Комитетомъ при второмъ чтеніи „Письма". [4]) В. Н. Фигнеръ, въ отвѣтъ на просьбу

[1]) А. П. Корба-Прибылева: „Нѣкоторыя данныя о „письмѣ Исполнительнаго Комитета къ Александру III". Былое, 1906 г., іюнь, стр. 236.

[2]) По нѣкоторымъ извѣстіямъ въ составленіи этого „Письма" принималъ участіе также Лангансъ. Умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. См. „Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій" (Былое, мартъ, 1906 г., стр. 39), о Лангансѣ см. „Процессъ 20 народовольцевъ", статьи М. Ф. Фроленко—„Милость" (Былое, 1906 г., февраль) и С. Ф. Русовой—„Мартынъ Лангансъ" (Былое, 1906 г., май).

[3]) См. В. Я. Б.: „Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій", Былое, 1906 г., мартъ, стр. 39.

[4]) „Нѣкоторыя данныя", стр. 236.

редакціи Былого сообщить, что ей извѣстно по этому поводу, писала, что объ участіи Михайловскаго въ составленіи письма ей не было извѣстно, но прибавляла:

„Если Тихомировъ или кто-нибудь другой приносилъ черновикъ Н. К. Михайловскому,—въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Это былъ бы актъ, тѣмъ болѣе возможный, что Н. К. принималъ участіе въ редакціи газеты Народная Воля на правахъ полноправнаго члена, хотя ни въ какихъ обязательныхъ (подчеркнуто въ подлинникѣ) отношеніяхъ къ нашей организаціи не состоялъ". [1])

Одинъ изъ друзей Н. К. Михайловскаго разсказывалъ пишущему эти строки, что объ участіи Михайловскаго въ редактированіи „Письма" онъ слышалъ отъ него самого.

Какъ бы то ни было, но при несомнѣнномъ участіи Михайловскаго „Письмо" было составлено, затѣмъ отпечатано и распространено, по свѣдѣніямъ шебековской „Хроники", въ 13,000 экземплярахъ. [2])

„Одинъ экземпляръ „Письма", — разсказываетъ А. П. Корба, —былъ особенно тщательно отпечатанъ на веленевой бумагѣ и вложенъ въ конвертъ, на которомъ значились титулъ и имя Александра III. Письмо это было опущено въ почтовый ящикъ на Казанской, у Думы". [3])

Вотъ какъ происходили дѣла, вызвавшія то положеніе въ мартѣ 1881 г. въ Петербургѣ, которое по словамъ раскаявшагося г. Тихомирова, „было смутно до послѣдней степени".

Слѣдуетъ имѣть въ виду еще, что уже 1 апрѣля былъ арестованъ Исаевъ, вслѣдствіе чего В. Н. Фигнеръ пришлось скрыться. Квартира и на Вознесенскомъ проспектѣ функціонировать перестала.

2 мая захвачена была и типографія на Подольской.

Казалось, разгромъ народовольческаго центра произошелъ полный. И тѣмъ не менѣе правительство не было въ

---

[1]) „Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій", стр. 140. Окончательное утвержденіе текста „письма" произошло на квартирѣ А. П. Корбы. В. Н. Фигнеръ на этомъ засѣданіи не присутствовала. (Нѣкоторыя данныя", стр. 235).

[2]) „Хроника", стр. 204.

[3]) „Нѣкоторыя данныя", стр. 236.

состояніи справиться и съ тѣмъ, что осталось, еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но это характерно уже не для силъ партіи, а для того „приказнаго строя“, на защиту котораго грудью стало тогда правительство.

Но что же дѣлалось въ мартѣ-апрѣлѣ 1881 г. въ другихъ сферахъ, подлежащихъ хоть какому-нибудь воздѣйствію народовольцевъ? Какія движенія произошли тогда, какъ результатъ народовольческаго воздѣйствія или даже безъ него, самостоятельно?

На эти вопросы отвѣтъ одинъ: нигдѣ и никакихъ. Ни среди рабочихъ, ни среди учащейся молодежи, ни среди войскъ, ни среди общества никакихъ, рѣшительно никакихъ, не только „выступленій“, но даже чего-нибудь похожаго на политическое движеніе въ это время не происходило.

А литературные круги? Печать? Легальная печать? Тамъ что дѣлалось?

О поведеніи нѣкоторыхъ газетъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующая, помѣщенная еще до 1 марта въ Народной Волѣ, замѣтка:

„Редакціи легальныхъ газетъ мы покорнѣйше просимъ принять къ свѣдѣнію, что мы высылаемъ имъ Народную Волю вовсе не для передачи въ полицію. Мы прекратимъ высылку тѣмъ изъ нихъ, которыя позволятъ себѣ сдѣлать это, такъ какъ не желаемъ лишній разъ краснѣть за имя русскаго“ [1]).

Что касается прогрессивной части легальной печати, то объ ея содѣйствіи къ наступленію въ это время иныхъ политическихъ отношеній мы имѣемъ воспоминанія Н. Р., озаглавленныя „Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ“. На нихъ мы теперь нѣсколько и остановимся.

Надо замѣтить, что Н. В. Шелгуновъ былъ въ то время соредакторомъ Дѣла (другимъ редакторомъ былъ К. М. Станюковичъ), въ которомъ помѣщали свои статьи и „радикалы“ независимо отъ ихъ фракціонныхъ различій.

Такъ, въ Дѣлѣ была помѣщена, съ одной стороны, вполнѣ народническая статья Н. С. Русанова „Экономика и политика“, а съ другой—чисто народовольческая И. Кольцова (тогдашній псевдонимъ Л. А. Тихомирова)—„Къ во-

[1]) Народная Воля. № 2 (1 октября 1879 года).

просу объ экономикѣ и политикѣ". Шелгуновъ имѣлъ знакомства среди революціонеровъ и оказывалъ имъ различныя услуги.

1 марта авторъ воспоминаній о Шелгуновѣ Н. Р. случайно гулялъ вмѣстѣ съ нимъ по Невскому, благодаря чему оба они были почти очевидцами происшедшаго событія, вѣсть о которомъ, конечно, съ быстротою молніи облетѣла весь Петербургъ, а затѣмъ пошла и во всѣ концы міра.

„Въ шесть часовъ вечера (1 марта), — разсказываетъ Н. Р.,—я былъ у Шелгунова, гдѣ собралось нѣсколько близкихъ друзей его изъ литераторовъ и кое-кто изъ революціонеровъ. Шелгуновъ былъ сдержанъ, но, очевидно, внутренно доволенъ, если и не высказывалъ этого, по врожденному чувству такта. Но онъ былъ гораздо болѣе озабоченъ, чѣмъ его друзья, по большей части младшіе его по возрасту. Онъ задавался уже вопросомъ: что же дальше, что дѣлать, что предпринять, на что разсчитывать? Большинство литературной братіи отдавалось, напротивъ, чувству радости и строило самые радужные планы. Старикъ Плещеевъ и соредакторъ Николая Васильевича по Дѣлу Станюковичъ особенно врѣзались мнѣ своимъ оптимизмомъ въ память. Странное дѣло: революціонеры представляли на этомъ собраніи единственно серьезный критическій элементъ и напирали на то, что нельзя же только ликовать, нужно и поразобрать промежъ себя работу для возможнаго давленія на правительство въ печати, покамѣстъ не ушло время. Кстати сказать, что даже такой на рѣдкость умный человѣкъ, какимъ былъ Михайловскій, еще нѣсколько дней спустя утверждалъ, что „на этотъ разъ къ намъ идетъ революція". И ему вторилъ своими картинными выраженіями Глѣбъ Успенскій. Николай Васильевичъ Шелгуновъ въ своемъ нѣсколько скептическомъ, но дѣйственномъ отношеніи къ событіямъ былъ согласенъ скорѣе съ революціонерами, чѣмъ съ записными литераторами, лишь „сочувствовавшими" движенію" [1]).

[1]) „Событіе перваго марта и Н. В. Шелгуновъ". Былое. 1908 г. мартъ, стр. 44—46. Эта же статья съ небольшими измѣненіями была раньше напечатана въ № 1 журнала Съ родины и на родину подъ заглавіемъ „Изъ воспоминаній о Н. В. Шелгуновѣ. Женева. 1893. стр. 40—47.

Г. Н. Р. разсказываетъ далѣе о томъ, какъ революціонеры написали и помѣстили въ наиболѣе прогрессивныхъ органахъ легальной печати того времени по поводу событія 1-го марта статьи, но, какъ категорически удостовѣрилъ нынѣ редакторъ выходившей въ 1881 году въ Петербургѣ газеты Страна, это невѣрно, ибо передовую статью за которую Страна понесла кару, написалъ онъ самъ [1]). Что же касается до газеты Порядокъ, [2]) то намъ совершенно даже достовѣрно извѣстно, что передовая статья въ ней о событіи 1-го марта принадлежитъ перу одного изъ самыхъ извѣстныхъ либеральныхъ писателей изъ судебныхъ дѣятелей [3]), писавшаго ее внѣ какого бы то ни было воздѣйствія со стороны того кружка, который собрался перваго марта на совѣщаніе у Шелгунова [4]).

[1]) См. Письмо въ редакцію Л. П. Полонскаго въ № 12419 Новаго Времени (8 октября 1910 года) и въ октябрской книжкѣ Русской Мысли за 1910 г.

[2]) Эта газета была основана М. М. Стасюлевичемъ во времена Лорисъ-Меликовской „диктатуры сердца". Какъ разсказываетъ одинъ изъ ближайшихъ участниковъ этой газеты А. Ѳ. Кони Стасюлевичъ хлопоталъ о разрѣшеніи издавать газету Правовой Порядокъ, но первая часть этого названія „подверглась цензурному усѣкновенію". („Памяти М. М. Стасюлевича". Русскія Вѣдомости. 27 января 1911 г. № 21).

[3]) Догадка г. Розанова (Новое Время 2 октября 1910 г. Фельетонъ „Въ русскихъ потемкахъ"), о томъ, что „Богучарскій намекаетъ здѣсь на К. К. Арсеньева", неправильна.

[4]) Существуетъ въ литературѣ другой разсказъ объ одномъ собраніи писателей послѣ 1-го марта. Это разсказъ, со словъ К. М. Станюковича, О. С. Любатовичъ. Когда Станюковичъ (уже въ 1885 году, за сношенія съ Тихомировымъ) былъ сосланъ въ Томскъ, то,—пишетъ О. С. Любатовичъ,—„тамъ, въ долгіе, зимніе вечера онъ разсказывалъ намъ иногда въ комическомъ видѣ, что дѣлали нѣкоторые литераторы послѣ 1 марта. Передъ совершеніемъ этого акта они были предупреждены, что надняхъ произойдетъ нѣчто, и готовились къ предстоящему политическому событію. Всѣ прогрессивнаго направленія газеты и журналы условились единодушно стать на защиту свободы. Многіе, въ томъ числѣ Станюковичъ, написали заранѣе составленныя воззванія и, собравшись въ редакціи одного большого журнала, ждали событій. Событіе совершилось, и у литераторовъ опустились руки. Не видя возстанія, которое почему то ожидали эти близорукіе политики, они не рѣшились сами, какъ представители общественнаго мнѣнія, заявить мирнымъ словомъ тѣ требованія, о которыхъ только что мечтали и для проведенія которыхъ декре-

Вотъ что писала тогда Страна:

Указавши, что путь репрессій не помогъ, что, невзирая на него, „явились Соловьевъ, взрывъ подъ желѣзной дорогой близъ Москвы, взрывъ подъ Зимнемъ дворцомъ въ Петербургѣ и, наконецъ, Государь, любимый народомъ, изувѣченъ злодѣями и истекъ кровью“,—авторъ статьи продолжаетъ такъ: „Куда же итти? Тотъ путь безнадежный, безплодный; онъ запертъ, загроможденъ массою обманувшихся третьеотдѣленскихъ расчетовъ, неудачею князя Василія Долгорукова, неуспѣхомъ графа Петра Шувалова, безпомощнымъ терроромъ генерала Мезенцева. Въ ту сторону нѣтъ выхода.

„Посмотримъ въ другую. Моментъ нынѣ крайне неблагопріятный, чтобы говорить о ней. Иные совѣты могутъ показаться даже просто неприличными, когда произносятся въ такую минуту, какъ нынѣшняя. Какъ намъ просить о довѣріи къ русскому обществу, объ уступкѣ ему нѣкоторыхъ правъ Государя, вступающаго на престолъ въ виду окровавленнаго тѣла любимаго Имъ и всѣмъ народомъ Родителя Его?

„Но есть такіе моменты въ жизни народовъ, когда слѣдуетъ побороть чувство. Единственное чувство въ настоящее время,—мы признаемъ это,—является въ томъ, что

тами въ проектѣ ими даже были намѣчены члены временнаго правительства. Вышло такъ, что всѣ сразу заговорили о томъ, что преступно губить лучшіе журналы и газеты, что это будетъ мальчишествомъ, а не выраженіемъ общественнаго мнѣнія и порѣшили выразить свой протестъ молчаніемъ. Такъ и промолчали они этотъ актъ русской исторіи“. („Далекое и Недавнее“. Былое. 1906 г. іюнь, стр. 128). Мы думаемъ, что о „декретахъ“, „временномъ правительствѣ“ и пр. К. М. Станюковичъ, будучи въ Томскѣ черезъ 4 года послѣ событія 1 марта, просто шутилъ. Рисуя это собраніе литераторовъ, по словамъ самой О. С. Любатовичъ, „иногда въ комическомъ видѣ“, онъ могъ и увлекаться... „Временное правительство“,—послѣ 1 марта это такой же миѳъ, какъ и „временное правительство“ послѣ событій 9 января 1905 года въ Петербургѣ. Да и какія же именно прогрессивныя газеты выразили тогда „свой протестъ молчаніемъ“. Газетъ, поступившихъ такъ, не было совсѣмъ. Наиболѣе прогрессивныя Порядокъ и Страна написали статьи, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить въ текстѣ; но ни А. П. Полонскій, ни авторъ статьи въ Порядкѣ въ собраніи, о которомъ шла рѣчь, безъ сомнѣнія не участвовали.

затруднительно передъ страшнымъ злодѣйствомъ, передъ возмущающею душу угрозою дѣлать какія-либо уступки. Но истинная политика есть расчетъ, а не чувство. Чувство побуждало бы каждаго порядочнаго человѣка, когда бы онъ видѣлъ убійственный снарядъ, направленный въ Царя, встать между смертью и человѣкомъ, носившимъ царскій вѣнецъ.

Но того же добросовѣстнаго гражданина, готоваго поступить такъ для спасенія Царя, теперь, когда надо думать о будущемъ,—расчетъ, хладнокровное сознаніе реальныхъ отношеній побуждаетъ дать совѣтъ, свободный отъ чувствъ негодованія и мести.

„Чрезвычайныя обстоятельства оправдываютъ искреннее слово, хотя бы оно и казалось выходящимъ изъ намѣченныхъ граней. Нѣтъ иного выхода, какъ уменьшить отвѣтственность Главы государства, а тѣмъ самымъ и опасность, лично ему угрожающую отъ злодѣевъ-фанатиковъ. Почему же всякая отвѣтственность за то, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія и за разочарованія нравственныя, за крутыя ошибочныя мѣры реакціи, за ссылку въ Восточную Сибирь, за все неприглядное, однимъ словомъ, должна ложиться лично на одного Вождя русскаго народа? Развѣ Онъ лично пожелалъ всѣхъ этихъ мѣръ, развѣ Его собственною мыслью было приведеніе ихъ въ исполненіе? Неумѣлые прежніе совѣтники, внушители реакціи, здравствуютъ, а Царь нашъ, Царь-Освободитель погибъ!

„Нѣтъ, пусть впредь исполнители, которые зовутся исполнителями только на словахъ, сами несутъ отвѣтственность на себѣ. Надо устроить въ правильномъ общественно-государственномъ порядкѣ громоотводы для личности Главы государства. Надо, чтобы основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли, а потому и лежали на ихъ отвѣтственности.

„А личность русскаго Царя пусть будетъ служить впредь только свѣтлымъ, сочувственнымъ символомъ нашего національнаго единства, могущества и дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи. Ему нужны помощники не безгласные и не безотвѣтственные. А Его да хранитъ Богъ на пользу страны“. [1])

[1]) Страна, 3 марта, 1881 г., № 27.

Такъ писала въ „энергичной передовицѣ“ Страна, „лѣвѣйшая“ изъ газетъ того времени.

Мысль Страны подхватилъ на другой день Голосъ. Онъ писалъ, что газета „высказала мысль, которая въ эти дни у всѣхъ на умѣ, которая сама просится на языкъ“ [1]).

А вотъ что писала въ статьѣ отъ 3 марта газета Порядокъ:

„Земля Ваша, Государь, вѣками хранила въ себѣ и разумъ, и силы для государственнаго порядка и уклада. Она поддерживала своею любовью Вашихъ предковъ, она имъ вѣщала и съ ними думала въ годины тяжелыхъ бѣдствій. Спросите ее—въ лицѣ излюбленныхъ людей. Что они скажутъ, мы не можемъ съ точностью опредѣлить, но вѣрно то, что въ одномъ чувствѣ, святомъ и глубокомъ, они тѣсно сольются съ Вами, Государь,—въ чувствѣ горячей любви къ Россіи. А это чувство—залогъ всего хорошаго для будущаго. Вы—въ расцвѣтѣ силъ, передъ вами давно уже раскрыта книга государственнаго управленія,—раскройте же душу народа вашего и дайте выйти на свѣтъ желаніямъ, давно живущимъ въ ней. Они всѣ имѣютъ цѣлью успокоеніе и развитіе Россіи,—и между ними главное—желаніе мирной славы Вашему царствованію“ [2]).

Едва появились статьи въ Странѣ и Голосѣ, какъ публика прочла такія строки:

„Принимая въ соображеніе, что въ передовой статьѣ № 27 газета Страна, ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства, будто бы оправдывающія выходъ „изъ намѣченныхъ граней“, а газета Голосъ во второй передовой статьѣ № 63, приводя и развивая высказанныя газетою Страна мысли, дозволила себѣ крайне неумѣстныя разсужденія, могущія имѣть вредное вліяніе, министръ внутреннихъ дѣлъ (это знаменитый-то Лорисъ-Меликовъ!), на основаніи ст. 50 и пр., и пр., опредѣлилъ: объявить газетѣ Страна второе, а газетѣ Голосъ первое предостереженіе въ лицѣ издателей ихъ статскихъ совѣтниковъ Леонида Полонскаго и Андрея Краевскаго“. [3])

---

[1]) Голосъ, 4 марта, 1881 г., № 63.

[2]) Порядокъ, 3 марта, № 61.

[3]) Правительственный Вѣстникъ, 1881 г., № 49.

Затѣмъ кары посыпались даже на такія газеты, какъ С.-Петербургскія Вѣдомости, Молва и пр.. [1])

Левъ Тихомировъ считаетъ печать того времени разнузданной и объясняетъ это тѣмъ, что „либералъ“ Лорисъ-Меликовъ „фактически далъ ей волю говорить, что̀ угодно, только убѣждая не злоупотреблять этимъ слишкомъ“. [2])

Это, по мнѣнію г. Тихомирова, очевидно, и называется „злоупотреблять слишкомъ“.

Впрочемъ, мы дальше встрѣтимся, когда будемъ цитировать произведенія г. Тихомирова его „московскаго“ періода, еще и не съ такими перлами.

Послѣ этого пресса замолкла окончательно. Не раздавалось болѣе и самыхъ скромныхъ пожеланій реформы государственнаго строя.

Между тѣмъ приближалось время суда надъ Желябовымъ и Рысаковымъ.

Перовская была еще на свободѣ и жила мыслью объ освобожденіи Желябова.

„Послѣ 1 марта я видался часто съ Перовской,—разсказываетъ въ своихъ чрезвычайно интересныхъ воспоминаніяхъ А. В. Тырковъ.—27 февраля былъ арестованъ Желябовъ, лично близкій ей человѣкъ. Сама она, какъ говорили, была больна всѣ эти дни и съ трудомъ ходила. Она пережила цѣлый рядъ крупныхъ потрясеній и личныхъ, и общественныхъ, но оставалась все той же тихой, сдержанной и спокойной на видъ, глубоко храня въ себѣ свои чувства. Кажется, 3 марта мы шли съ ней по Невскому. Мальчишки-газетчики шныряли и выкрикивали какое то новое правительственное сообщеніе о событіяхъ дня: „новая телеграмма о злодѣйскомъ покушеніи“ и т. д. Около нихъ собиралась толпа и раскупала листки. Мы тоже купили себѣ телеграмму. Въ ней сообщалось, что недавно арестованный Андрей Желябовъ заявилъ, что онъ организаторъ дѣла 1 марта. До сихъ поръ можно было еще надѣяться,

---

[1]) Объ этихъ карахъ см. въ книгѣ В. Я. Богучарскаго: „Изъ прошлаго русскаго общества“. Спб. 1904 г., стр. 385—386 и ст. того же автора „Цензурныя взысканія“ въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза.

[2]) „Конституціоналисты въ эпоху 1881 г.“, стр. 56.

что Желябовъ не будетъ привлеченъ къ суду по этому дѣлу. Хотя правительство и знало, что онъ играетъ крупную роль въ дѣлахъ партіи, но для обвиненія по дѣлу 1 марта у него не могло еще быть уликъ противъ Желябова. Изъ телеграммы было ясно, что участь Желябова рѣшена. [1]) Даже въ этотъ моментъ, полный страшной для нея неожиданности, Перовская не измѣнила себѣ. Она только задумчиво опустила голову, замедлила шагъ и замолчала. Она шла, не выпуская изъ нерѣшительно опущенной руки телеграммы, съ которой она какъ будто не хотѣла разстаться. Я тоже молчалъ, боясь заговорить, зная, что она любитъ Желябова. Она первая нарушила молчаніе. На мое замѣчаніе: „зачѣмъ онъ сдѣлалъ это?“ она отвѣтила: „вѣрно, такъ нужно было“. [2]) Не знаю, въ тотъ ли день или раньше у нея явилась мысль спасти Желябова. [3]) Намѣреніе, разумѣется, несбыточное, но въ Перовской говорила страсть и, какъ человѣкъ, не привыкшій опускать руки, она хотѣла испробовать всѣ средства. Она искала лазейки въ окружной судъ, гдѣ должно было происходить засѣданіе суда. Мы искали свободной квартиры около III отдѣленія на Пантелеймоновской. Тутъ она имѣла въ виду устроить наблюдательный пунктъ и, вѣроятно, при выѣздѣ Желябова изъ

---

[1]) Правительственное сообщеніе, о которомъ идетъ рѣчь, гласило: „одинъ изъ главныхъ организаторовъ послѣдняго преступнаго посягательства на драгоцѣнную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, арестованный 27 февраля вечеромъ, призналъ свое руководящее участіе въ преступленіи и изобличается въ томъ же показаніемъ задержаннаго на мѣстѣ катастрофы виновника ея, мѣщанина Рысакова, бросившаго подъ Императорскую карету, при проѣздѣ Его Величества по набережной Екатерининскаго канала, первый метательный снарядъ“ (сообщеніе отъ 3 марта). Хотя фамилія Желябова въ сообщеніи еще не называлась, но для Перовской и Тыркова, конечно, было совершенно ясно, о комъ именно идетъ рѣчь.

[2]) Подавая свое заявленіе властямъ съ требованіемъ о привлеченіи его къ дѣлу 1 марта, Желябовъ еще не зналъ объ оговорѣ Рысакова и такимъ образомъ шелъ навстрѣчу смерти (онъ такъ и говорилъ въ своемъ заявленіи о „двухъ висѣлицахъ“) по собственной иниціативѣ. Заявленіе Желябова напечатано полностью въ мартовской книжкѣ Былого за 1906 г., стр. 61.

[3]) Мысль эта, какъ сейчасъ увидимъ, занимала Перовскую уже со дня 1 марта.

воротъ зданія III отдѣленія надѣялась организованнымъ нападеніемъ освободить его. Не помню, что она еще придумывала. Нигдѣ ничего не устраивалось. Отговаривать ее было совершенно безполезно, — она все равно стала бы дѣлать по своему.

Въ этихъ поискахъ и суетѣ она хоть немного забывалась. Поэтому я безпрекословно исполнялъ всѣ ея порученія, ходилъ съ ней всюду, куда она меня вела. Тогда говорили: „Соня потеряла голову". Она дѣйствительно потеряла всякое благоразуміе. Ее уговаривали уѣхать изъ Петербурга, скрыться куда-нибудь на время. Она никого не хотѣла слушать. Она вилась, какъ вьется птица надъ головой коршуна, который отнялъ у нея птенца, пока сама не попалась къ нему въ когти. [1])

Мы сказали, что мысль объ освобожденіи Желябова поглощала Перовскую съ самаго перваго марта. На это существуетъ такое указаніе.

„Въ день 1 марта 1881 г.,—говорится въ официальномъ дознаніи „о распространеніи преступной пропаганды среди военныхъ", — изъ числа членовъ кронштадтскаго кружка въ квартирѣ Суханова, въ Петербургѣ, находились Завалишинъ и Штромбергъ, при бытности коихъ къ Суханову приходила Перовская и со слезами говорила, что партія должна употребить всѣ средства для освобожденія Желябова". [2])

Но совершить подобное дѣло, конечно, не было никакой возможности, если бы даже на него употребить рѣшительно всѣ силы партіи.

Перовская этого не могла не понимать, что, конечно, причиняло ей самыя глубокія душевныя терзанія.

„Зачѣмъ Желябовъ сдѣлалъ это" т.-е. зачѣмъ заявилъ онъ, что былъ организаторомъ дѣла перваго марта. „Вѣрно, такъ нужно было", отвѣтила Тыркову Перовская. Потомъ для нея стало ясно и то, для чего именно Желябову это было „нужно".

---

[1]) А. В. Тырковъ: „Къ событію 1 марта 1881 г.". Былое 1906 г., май, стр. 148—149.

[2]) „Изъ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Былое, 1906 г., августъ, стр. 176.

Послѣ перваго марта Перовская зашла къ другому автору воспоминаній о ней (женщинѣ), у котораго былъ знакомый одинъ „важный генералъ". Зашла она съ цѣлью узнать что нибудь о процессѣ цареубійцъ. „Вопросъ,— говоритъ авторъ воспоминаній,—касался ея очень близко. Человѣкъ, котораго она любила, находился въ числѣ обвиняемыхъ. Хотя страшно скомпрометированный, онъ случайно не принималъ участія въ дѣлѣ 1-го марта (онъ былъ арестованъ 27 февраля), и она надѣялась. Я сказала, что охотно пойду къ своему генералу". Такъ и было сдѣлано. Авторъ воспоминаній видѣлся съ „генераломъ" и узналъ отъ него, что „участь Желябова, какъ и прочихъ подсудимыхъ, была безповоротно рѣшена".

Пришла Перовская. „Безъ всякихъ предисловій я передала ей, что знала. Я не видѣла ея лица, потому что смотрѣла въ землю. Когда я подняла глаза, то увидѣла, что она дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Потомъ она схватила меня за руки, стала нагибать голову ниже и ниже и упала ничкомъ, уткнувшись лицомъ въ мои колѣни. Такъ оставалась она нѣсколько минутъ. Она не плакала, а вся дрожала. Потомъ она поднялась и сѣла, стараясь оправиться, но снова судорожнымъ движеніемъ схватила меня за руки и стала сжимать ихъ до боли.—Генералъ удивился, зачѣмъ Желябовъ объявилъ себя организаторомъ покушенія. Когда я передала объ этомъ Перовской, она отвѣтила мнѣ слѣдующими точными словами:

— Иначе нельзя было. Процессъ противъ одного Рысакова вышелъ бы слишкомъ блѣднымъ.

Генералъ сообщилъ мнѣ многія подробности относительно гордаго и благороднаго поведенія Желябова.

Когда я разсказала объ этомъ Перовской, то замѣтила, что глаза ея загорѣлись и краска вернулась было на ея щеки. Очевидно, это доставляло ей большое удовольствіе".

Авторъ воспоминаній просилъ Перовскую уѣхать хоть на короткое время изъ Петербурга, но она объ этомъ и слышать не хотѣла. [1])

---

[1]) Воспоминанія о Перовской. Календарь Народной Воли. 1883 г., стр. 77—79.

„Числа 8—9 марта (1881 г.) я снова увидѣлся съ Софьей Львовной,—разсказываетъ шлиссельбурженъ С. А. Ивановъ, тогда еще только готовившійся вступить въ народовольческую организацію.—За это время (т.-е. за нѣсколько дней, истекшихъ послѣ 1 марта) она сильно измѣнилась, какъ-то осунулась, поблѣднѣла, похудѣла. Порой среди разговора она вдругъ задумывалась, какъ бы уносясь куда-то мыслью далеко, но потомъ, встряхнувшись, оживлялась, проявляла лихорадочную торопливость и энергію. Нѣсколько разъ я собирался заговорить съ нею о необходимости ея отъѣзда изъ Петербурга, но все не рѣшался. Какъ-то чувствовалось, что это будетъ безполезнымъ разговоромъ, который разстроитъ ее".

Тутъ Ивановъ сообщилъ Перовской о поступившемъ предложеніи со стороны одного лица взять на себя исполненіе весьма крупнаго террористическаго акта, совершить который, по особымъ обстоятельствамъ, ему представлялась возможность. Перовская оживилась, долго разспрашивала Иванова обо всѣхъ деталяхъ дѣла, выразила желаніе непремѣнно познакомиться самой съ этимъ лицомъ, но на другой или третій день послѣ того была арестована.

„У меня была въ Петербургѣ,—продолжаетъ С. А. Ивановъ,—одна знакомая г-жа Б., знавшая въ свою очередь—и, кажется, уже издавна—Перовскую, которая пользовалась изрѣдка ея квартирою для ночлега. У нея Перовская и ночевала нѣсколько разъ передъ самымъ арестомъ. Уже послѣ 1 марта г-жа Б. разсказывала мнѣ, какъ настойчиво уговаривала она Софью Львовну выѣхать изъ Петербурга послѣ 1 марта, указывая на страшную опасность для нея и даже безуміе оставаться въ Петербургѣ. Но всѣ уговоры и убѣжденія были безполезны. Софья Львовна нетерпѣливо отмахивалась руками, говоря, что именно теперь она ни за что и ни подъ какимъ видомъ не покинетъ Петербургъ. Неумолимая судьба постепенно приближалась къ ней, и она, чувствуя это, не хотѣла сдѣлать ничего, чтобы предупредить ударъ, который неизбѣжно долженъ былъ на нее обрушиться. Проводивъ уже на гибель близкихъ ей людей, она какъ будто не хотѣла пережить ихъ". [1])

[1]) С. А. Ивановъ: „Изъ воспоминаній о 1881 годѣ". Былое 1906 г., апр., стр. 238—240.

И съ страшной драмой въ душѣ Перовская была арестована...

3 апрѣля Желябовъ, Перовская, Кибальчичъ, Михайловъ и Рысаковъ были повѣшены.

Исполнительный Комитетъ выпустилъ по поводу этой казни прокламацію, въ которой обѣщалъ продолжать борьбу. [1])

Противъ казни виновниковъ событія 1 марта подняли голоса лишь два человѣка: замѣчательный русскій философъ и великій писатель русской земли,—оба по собственной иниціативѣ, внѣ какого бы то ни было вліянія народовольцевъ.

Въ прочитанной въ кредитномъ обществѣ 28 марта, т.-е. когда уже начался процессъ цареубійцъ, лекціи В. С. Соловьевъ говорилъ слушателямъ:

„Настоящая минута представляетъ небывалый дотолѣ случай для государственной власти оправдать на дѣлѣ свои притязанія и на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вѣроятно, будутъ осуждены убійцы царя на смерть. Царь можетъ простить ихъ и, если онъ дѣйствительно чувствуетъ свою связь съ народомъ, долженъ простить. Народъ русскій не признаетъ двухъ правдъ. Если онъ признаетъ правду Божію за правду, то другой для него нѣтъ, а правда говоритъ „не убій“.

„Если можно допускать смерть, какъ уклоненіе отъ недостижимаго идеала, убійство для самообороны, для защиты, то убійство холодное, надъ безоружнымъ претитъ душѣ народа. Вотъ великая минута самоосужденія и самооправданія. Пусть и царь-самодержецъ Россіи заявитъ на дѣлѣ, что онъ прежде всего христіанинъ, а какъ вождь христіанскаго народа онъ долженъ, онъ обязанъ быть христіаниномъ. Не отъ насъ зависитъ рѣшеніе этого дѣла, не мы призваны судить. Всякій осуждается и оправдывается собственными своими рѣшеніями, но если государственная власть отрицается отъ христіанскаго начала и вступаетъ на кровавый путь, мы выйдемъ, отстранимся, отречемся отъ нея“. [2])

---

[1]) Эта прокламація воспроизведена въ № 8 Б ы л о г о (заграничнаго).

[2]) П. Щ. „Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ“. Б ы л о е 1906 г., мартъ, стр. 59.

Черезъ нѣсколько дней виновники событія 1 марта были казнены, а Соловьеву запрещено чтеніе публичныхъ лекцій.

Великій писатель русской земли тогда только переживалъ тотъ душевный кризисъ, который съ такою изумительною силою изображенъ имъ въ его „Исповѣди“. И вотъ—событіе 1 марта, за нимъ предстоявшая казнь его виновниковъ, а затѣмъ и вѣроятность новой кровавой борьбы. По своимъ нравственнымъ принципамъ Толстой не можетъ стать въ этой борьбѣ ни на ту ни на другую сторону, но онъ не можетъ и остаться равнодушнымъ свидѣтелемъ происходящихъ событій. Онъ пишетъ императору Александру III письмо, въ которомъ убѣждаетъ его не только не казнить цареубійцъ, но отпустить ихъ совсѣмъ на волю, дать имъ денегъ для выѣзда за границу и объявить въ манифестѣ народу, что, такъ какъ онъ царь христіанскій, а Христосъ заповѣдовалъ любить и враговъ своихъ, то, онъ, царь, и поступаетъ съ цареубійцами и убійцами своего отца такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, платя имъ добромъ за зло. Толстой убѣждалъ царя, что именно такой актъ положитъ конецъ борьбѣ, произведетъ цѣлую революцію въ пользу братской любви въ сердцахъ милліоновъ людей. „Не знаю, какъ другіе, писалъ Толстой,—но я, плохой вѣрноподданный, былъ бы вашимъ рабомъ, вашей собакой... Да что я говорю „не знаю, какъ другіе“. Знаю, какимъ потокомъ разлились бы по Россіи добро и любовь отъ этихъ Вашихъ словъ“....[1]) Извѣстно, что письмо по назначенію дошло, но отвѣта, конечно, не послѣдовало, цареубійцы были казнены, и Толстой пошелъ своимъ особымъ путемъ...

Этимъ и исчерпываются всѣ попытки людей общества обратить въ то время правительство на иной путь. А земства? Что представляли ихъ ходатайства, о „дерзости“ которыхъ такъ много распространяется въ своей брошюрѣ „Конституціоналисты въ эпоху 1881 года“, бывшій видный членъ Исполнительнаго Комитета, редакторъ Народной Воли Левъ Александровичъ Тихомировъ?

Остановимся и на этомъ вопросѣ.

---

[1]) См. томъ III біографіи Толстого, составленной П. И. Бирюковымъ, стр. 371—374.

Въ 1883 году въ Берлинѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ „Мнѣнія земскихъ собраній о нашемъ современномъ положеніи". Авторъ ея—извѣстный знатокъ вопроса В. Ю. Скалонъ. Статья подъ этимъ заглавіемъ должна была появиться въ Русской Мысли, но ее вырѣзала цензура, послѣ чего она и была издана брошюрою въ Берлинѣ.

По поводу этой брошюры написана передовая статья въ № 2 Листка Народной Воли (15 октября 1883 г.); этой брошюрой пользуется для своихъ обличеній „конституціоналистовъ" г. Тихомировъ, на нее ссылаются нерѣдко и всѣ серьезные изслѣдователи даннаго вопроса. Словомъ, это—первоисточникъ.

Какъ ни старался, однако, г. Тихомировъ доказать, что въ это время, благодаря преступному либерализму Лорисъ-Меликова, „въ странѣ смѣло дѣйствовала конституціонная агитація" [1]), но и самъ онъ могъ, на основаніи брошюры Скалона, сослаться со всѣми натяжками лишь на 4 губернскихъ, одно уѣздное и два дворянскихъ собранія, въ которыхъ раздались рѣчи, хотя бы съ самыми отдаленными намеками на конституцію.

Въ новгородскомъ чрезвычайномъ земскомъ собраніи гласный Нечаевъ предлагалъ „умолять государя выслушать свободный голосъ Русской земли черезъ посредство ея истинныхъ представителей". [2])

„Только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ представителей,—говорилъ въ таврическомъ губернскомъ земскомъ собраніи извѣстный земецъ г. Винбергъ,—въ состояніи указать средства спасенія Россіи отъ бѣдствій, грозящихъ расшатать ея крѣпкій организмъ".

Собраніе не послѣдовало за г. Винбергомъ, и самъ онъ послѣ того былъ вскорѣ высланъ изъ Таврической губерніи.

Въ самарскомъ дворянскомъ собраніи,—и это особенно возмущаетъ г. Тихомирова,—дворянинъ Нудатовъ сказалъ:

„Я уже старъ и на склонѣ дней моихъ,—я люблю мою родину и желаю ей счастья и славы. Никто не заподозритъ и не скажетъ, что я революціонеръ. Но ради блага отече-

[1]) „Конституціоналисты", стр. 89.

[2]) „Мнѣнія земскихъ собраній", стр. 41.

ства, ради счастья дѣтей нашихъ говорю вамъ, что смута, вотъ уже два года терзающая русскую землю, можетъ быть устранена только общими усиліями всѣхъ свободно избранныхъ представителей народа. Только они могутъ обсудить мѣры, которыя дали бы миръ и спокойствіе нашей несчастной родинѣ".

Собраніе постановило „подать адресъ съ ходатайствомъ о созывѣ избранныхъ представителей народа". [1])

Тверское губернское земское собраніе выразилось такъ: „Когда бѣда поражала отечество, въ непосредственномъ единеніи земскихъ людей и верховной власти русскій царь и народъ всегда пріобрѣтали могучую, неодолимую силу".

Подчеркивая слова въ непосредственномъ единеніи [2]), г. Тихомировъ зачислилъ на этомъ основаніи и тверской адресъ въ число крамольныхъ".

Однако не говоря уже о малочисленности даже такихъ заявленій, но вѣдь при всемъ желаніи и въ нихъ можно усмотрѣть, какъ максимумъ, идею лишь законосовѣщательной Государственной Думы, въ качествѣ постоянно дѣйствующаго учрежденія; въ сущности же тутъ было высказано не болѣе какъ пожеланіе земскаго собора, долженствующаго быть созваннымъ верховной властью и по выслушаніи его мнѣнія ею же распущеннымъ на неопредѣленное время.

Объ ограниченіи самодержавія, разумѣется, ни въ одномъ адресѣ нѣтъ и помину,—такой идеи въ нихъ нельзя усмотрѣть ни въ какой микроскопъ.

Но развѣ въ этомъ вина земцевъ? Совсѣмъ нѣтъ. Вина ихъ, по мнѣнію г. Тихомирова, въ томъ, какъ смѣли они говорить что бы то ни было, за исключеніемъ: слушаемъ-съ и рады стараться!

Это невѣроятно, но это такъ. Говоря о черниговскомъ адресѣ г. Тихомировъ пишетъ:

„Особенно замѣчательно по своей дерзости черниговское заявленіе, посланное въ отвѣтъ на манифестъ 29 апрѣля. А заявленіе это, которое цитируетъ самъ же г. Тихомировъ, гласило слѣдующее: „Вѣруя безусловно въ

[1]) Ibid.

[2]) „Конституціоналисты", стр. 85.

силу и истину Самодержавной власти, мы полагаемъ, что истина эта сдѣлается осязательнѣе и очевиднѣе для всего отечества нашего, когда Ты, Государь, войдешь въ непосредственное общеніе съ землей черезъ излюбленныхъ людей ея". [1])

Вотъ эти-то строки и квалифицируются г. Тихомировымъ какъ „замѣчательныя по свой дерзости".

Можно спросить, кто изъ членовъ нынѣшнихъ правѣйшихъ политическихъ партій, — Пуришкевичъ, Валяй-Марковъ и самъ докторъ Дубровинъ,—не подписался бы подъ этими строками?

Созывъ земскаго собора, — непосредственное общеніе государя съ землей, — для того, чтобы „сила и истина самодержавной власти", въ которую составители адреса „вѣруютъ безусловно", сдѣлались „для всего отечества еще осязательнѣе и очевиднѣе",—такова „дерзость" высшаго порядка, которою, по мнѣнію г. Тихомирова, былъ ознаменованъ со стороны „конституціоналистовъ" смутный 1881 годъ.

А выводъ ясенъ: чѣмъ болѣе старается г. Тихомировъ сгустить краски на положеніи вещей того времени, дабы оправдать власть въ ея безумной политикѣ, тѣмъ ярче выступаетъ та истина, что никакихъ оправданій за эту политику для власти нѣтъ и быть не можетъ...

Проживалъ въ то время въ Миланѣ Г. И. Филипсонъ, написавшій 3 марта 1881 года Александру III слѣдующее письмо:

„Всемилостивѣйшій Государь! Въ первые часы царствованія Ваше Императорское Величество изволили сказать, что Вы вступаете на престолъ въ тяжелое время. Не однимъ умомъ, а патріотическимъ чувствомъ понимаю въ полномъ объемѣ Ваше слово, и осмѣлюсь прибавить, что тяжелое настоящее грозитъ бѣдственною будущностью нашему отечеству. Блаженный памяти Родитель Вашъ освободилъ рабовъ, далъ всѣмъ своимъ подданнымъ одинаковыя гражданскія права, далъ судъ правый, скорый, милостивый, которому могутъ позавидовать народы, считающіе себя въ головѣ цивилизаціи. Но сѣятель добрый посѣялъ при днев

---

[1]) „Конституціоналисты", стр. 103—104.

номъ свѣтѣ пшеницу, а діаволъ во мракѣ ночи посѣялъ плевелы.

„Всемилостивѣйшій Государь! Этотъ злой сѣятель есть бездушная бюрократія и своекорыстная администрація, которыя стали стѣной между Монархомъ и Его подданными. Въ послѣдніе годы Россія какъ бы не имѣла единаго, Богомъ призваннаго самодержца и стонала подъ игомъ безчисленнаго множества мелкихъ всемогущихъ тирановъ. Законъ замѣнился произволомъ, судъ—прихотью или своекорыстіемъ администраціи. 23 милліона рабовъ стали свободными по зову Царя, а сто милліоновъ свободныхъ гражданъ стали рабами всесильной администраціи даже до произвольнаго измѣненія прямого смысла законовъ и Высочайшихъ повелѣній. Это родило по всей Россіи общее недовольство и особенно фанатизировало молодежь, которая не умѣетъ терпѣть и надѣяться. Вѣра самого народа въ правосудіе и защиту Царя стала колебаться. Блаженной памяти Родитель Вашъ это сознавалъ и, говорятъ, намѣревался созвать Земскій Соборъ всѣхъ сословій. Говорятъ, всѣ Ваши вѣрноподданные крѣпко уповаютъ, что Вы одушевлены самыми благими и либеральными намѣреніями для благоденствія Вашей земли. Но, всемилостивѣйшій Государь, не вливаютъ новое вино въ старые мѣха. Какихъ бы лично достойныхъ людей Вы ни призвали въ Ваши ближайшіе сотрудники, среда бюракратіи болѣе или менѣе втянетъ ихъ въ свой омутъ. Зло не уменьшится, виновники его спрячутся за своею ничтожностью, а отвѣтственность падетъ на Васъ, какъ она пала на Вашего Родителя. Не гнусные и презрѣнные нигилисты свели его безвременно въ могилу, а графы и имъ подобные фабриканты нигилизма.

„Всемилостивѣйшій Государь! Спасите Россію отъ гибельныхъ послѣдствій этого тяжкаго времени и имѣйте довѣріе къ Вашей Россіи. Созовите немедленно Земскій Соборъ и предоставьте ему свободу составить проектъ государственнаго уложенія, необходимыхъ реформъ администраціи. Опасности нѣтъ, а вы совершите, по своему собственному начинанію, гражданскій подвигъ, за который Васъ наградитъ Богъ, исторія и любовь подданныхъ. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, чистыя и искреннія слова одного изъ

Вашихъ вѣрноподданныхъ, старика, которому лично ничего не нужно, но который выше всего ставитъ честь, славу и благоденствіе Ваше и своего отечества". [1])

Этотъ голосъ остался совершенно одинокимъ.

Существовалъ, наконецъ, и еще одинъ способъ воздѣйствія на правительство со стороны „либеральныхъ" элементовъ общества: это—подача правительству такъ называемыхъ „записокъ". Воспользовались „либералы" и имъ.

Одна изъ такихъ „Записокъ" была представлена еще въ мартѣ 1880 года черезъ кн. Л. С. Голицына (вскорѣ послѣ того сдѣлавшагося единомышленникомъ Каткова) графу Лорисъ-Меликову. Она носила названіе „Записки о внутреннемъ состояніи Россіи весною 1880 г.", была составлена С. А. Муромцевымъ, А. И. Чупровымъ иВ. Ю. Скалономъ и подписана „20-ю именитыми жителями Москвы". (Именно объ этой „Запискѣ" говоритъ въ своемъ „Послѣднемъ заявленіи русскихъ либераловъ" Джоржъ Кенанъ). Какое впечатлѣніе произвела на Лорисъ-Меликова эта „записка" въ литературѣ предмета указаній не имѣется, но съ окончаніемъ „диктатуры сердца", когда новое правительство прямо заявило самымъ умѣренно-либеральнымъ кругамъ общества „lasciate ogni speranza" (Катковъ привѣтствовалъ манифестъ 29 апрѣля 1881 года знаменитой фразой: „правительство идетъ, встаньте, господа!"), „Записка", разумѣется, была сочтена совершенно крамольною; попытка ее напечатать въ 1881 году уже въ качествѣ „историческаго документа для характеристики прошедшей исторической эпохи" [2]) не удалось, такъ какъ по требованію цензуры „Записку" пришлось изъ журнала вырѣзать. Она появилась затѣмъ въ Берлинѣ въ видѣ особой брошюры подъ заглавіемъ „Въ первые дни министерства гр. М. Т. Лорисъ-Меликова" (Berlin, B. Behr's Buchhandlung, 1881) и лишь въ 1910 году т. е. почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ того увидѣла свѣтъ и въ Россіи!... [3])

---

[1]) Русскій Архивъ. 1910 г. ноябрь стр. 521—522.

[2]) Именно такъ охарактеризована она въ редакціонномъ къ ней предисловіи въ апрѣльской книжкѣ Вѣстника Европы за 1881 г.

[3]) См. Сергѣй Муромцевъ. Статьи и рѣчи. Выпускъ V, стр. 11—38.

Что же это за ужасная „Записка"? Да въ ней говорится,—и это самое страшное мѣсто „Записки",—что „вывести нашу страну изъ того заколдованнаго круга, въ который она попала, не можетъ ничто, кромѣ призыва въ особое самостоятельное собраніе представителей земства къ участію въ государственной жизни и дѣятельности, съ прочнымъ обезпеченіемъ правъ личности на свободу мысли, слова и убѣжденія". [1])

Вотъ каковъ былъ языкъ ученыхъ либеральныхъ государствовѣдовъ, къ которому прибѣгли они въ своей „Запискѣ". Что собственно значитъ „призывъ въ особое самостоятельное собраніе представителей земства къ участію въ государственной жизни и дѣятельности!" Какъ понимать въ данномъ случаѣ выраженіе „самостоятельное собраніе",—изъ какого учебника государственнаго права выраженіе это взято? Значитъ ли это собраніе законодательное или законосовѣщательное? Отвѣта нѣтъ. Такова была привычка русскихъ либераловъ прибѣгать, поистинѣ, къ „эзоповскому языку" даже тамъ, гдѣ онъ былъ уже совершенно неумѣстенъ.

Далѣе авторы говорятъ о необходимости „прочнаго обезпеченія правъ личности на свободу мысли, слова и убѣжденія".

Еще Бѣлинскій въ эпоху своего ультра-примирительнаго отношенія къ „гнусной рассейской дѣйствительности" писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ защиту этой самой „дѣйствительности", что „правительство позволяетъ намъ совершенно свободно мыслить, но только не позволяетъ высказывать наши мысли вслухъ". Это Бѣлинскій писалъ тогда безъ малѣйшей ироніи. Прошло послѣ того болѣе 40 лѣтъ, и московскіе ученые признали, что одной „свободы мысли" (про себя) недостаточно, что не мѣшало бы обезпечить за гражданами Россіи и право на „свободу слова" (право мыслить вслухъ), но что подъ такою свободою подразумѣвается,—означаетъ ли она свободу слова устнаго и печатнаго, а также свободу обращаться съ такимъ словомъ

---

[1]) Ibid, стр. 37.

непосредственно къ коллективностямъ т. е. свободу собраній,—обо всемъ этомъ „Записка“ опять таки благоразумно умалчиваетъ... Между тѣмъ въ обращеніи къ Лорисъ-Меликову, человѣку политически крайне необразованному, нуженъ былъ, разумѣется, не языкъ эзоповскій, а языкъ ясный и точный,—мало того,—языкъ популярный, даже языкъ ad usum delphini.

Нечего и говорить, что слово „конституція“ у составителей записки „конституціоналистовъ“ блистаетъ полнымъ отсутствіемъ.

Но зато не избѣгла и эта „Записка“ излюбленнаго метода нашихъ либераловъ 70-хъ годовъ бранить въ своихъ обращеніяхъ къ правительству боровшуюся съ нимъ „крамолу“.

„Невозможность высказываться открыто,—говорятъ авторы „Записки“,—заставляетъ людей таить мысли про себя, лелѣять ихъ втихомолку и равнодушно встрѣчать всякую, хотя бы незаконную форму ихъ осуществленія. Такимъ образомъ создается весьма важное условіе для распространенія крамолы,—извѣстное послабленіе со стороны людей, которые при иныхъ обстоятельствахъ отвернулись бы отъ нея съ негодованіемъ“. [1])

Не помогъ „именитымъ московскимъ гражданамъ“ и ихъ столь далекій отъ элементарнаго гражданскаго мужества языкъ, и случилось то, что, благодаря именно такимъ свойствамъ нашихъ либераловъ, и должно было случиться: правительство не только не вняло ихъ почтительному голосу, но стало дѣлать очень мало различія между ними и тою самою „крамолою“, отъ которой, еслибы,... о, еслибы... „особое самостоятельное собраніе представителей земства“ и „свобода мысли, слова и убѣжденія“ они „отвернулись бы съ негодованіемъ“...

Кромѣ этой „Записки“ были и другія.

Въ „Конституціи Лорисъ-Меликова“ приводится текстъ цѣлыхъ двухъ (вотъ сколько! Какъ это умолчалъ про подобные ужасы г. Тихомировъ! И это не считая Записки маркиза Велепольскаго!) такихъ Записокъ поданныхъ Б. Н. Чичеринымъ и А. Д. Градовскимъ.

[1]) Ibid. стр. 17.

Издатели „Конституціи“, т.-е. извѣстный докторъ Бѣлоголовый и одинъ, нынѣ здравствующій, русскій ученый, справедливо смѣются надъ этими Записками. Да и какъ относиться къ нимъ иначе, если Чичеринъ ничего другого не нашелъ сказать, кромѣ того, что „противъ организованной революціи (!!) должна стоять крѣпкая правительственная власть; организаціи можно противопоставить только организацію“, а Градовскій „счелъ переживаемую Россіей минуту самымъ подходящимъ моментомъ для назначенія какой-то слѣдственной комиссіи о причинахъ вызвавшихъ къ жизни нигилистическое движеніе. Только этимъ путемъ, думалъ онъ, можно положить конецъ тѣмъ нареканіямъ и гоненіямъ, какимъ незаслуженно подвергается интеллигенція, заподозрѣнная въ тайномъ сочувствіи мятежникамъ“.[1])

Вотъ какъ далеко пошли тогда въ давленіи на правительство наши „либералы“...

Тотъ же Б. Н. Чичеринъ, произнесъ въ качествѣ „представителя города Москвы“ на обѣдѣ съѣхавшихся на коронацію Александра III городскихъ головъ въ высшей степени „крамольную“ рѣчь, въ которой взывалъ къ объединенію общественныхъ силъ... Для чего? А вотъ для чего: „Россіи въ настоящее время, — говорилъ Чичеринъ, — приходится вести борьбу уже не съ внѣшними врагами, а съ собственными своими сынами, посягающими на мирное и правильное ея развитіе. Всѣ мы алчемъ и жаждемъ законнаго порядка, а есть ли возможность утвердиться законному порядку среди тѣхъ ужасныхъ преступленій, которыя заставили содрогнуться всю русскую землю? Тутъ приходится усиливать полицейскій надзоръ, облекать власти чрезвычайными полномочіями, пріостанавливать законныя гарантіи свободы. Все остальное должно быть отложено до болѣе благопріятнаго времени, когда намъ удастся осилить удручающее насъ зло Съумѣемъ ли мы это сдѣлать?“ На этотъ полный тревоги вопросъ Чичеринъ отвѣчалъ такъ: „Всѣмъ вамъ, мм. гг., извѣстно, что это зло само по себѣ не такъ страшно, какъ оно кажется по своимъ послѣдствіямъ. Та партія, которая

---

[1]) „Конституція Лорисъ-Меликова“. Петерб. изданіе, стр. 34—45.

производитъ всю эту смуту, весьма немногочисленна. Она вербуется изъ недоучившейся молодежи, сбитой съ толку и развращенной нелѣпыми ученіями. Что же ей даетъ силу? Единственно, что она дисциплинирована, между тѣмъ какъ все остальное разрознено и разобщено. Одно правительство, очевидно, не въ состояніи справиться съ этою задачею. Оно можетъ дѣйствовать только внѣшними средствами, а внѣшнія средства безсильны противъ внутренней болѣзни. Тутъ необходимо воздѣйствіе самого организма; нужно содѣйствіе общества". Вотъ для этого то и нужно общественное объединеніе. Но, вѣдь идея всякаго общественнаго объединенія есть сама по себѣ идея крамольная. Это напрашивающееся само собою возраженіе Чичеринъ разбиваетъ такъ: „Мы не становимся въ оппозиціонное отношеніе къ правительству,—мы не требуемъ себѣ правъ. Мы спокойно ожидаемъ, когда сама власть признаетъ необходимымъ наше содѣйствіе. Но когда этотъ зовъ послѣдуетъ,—онъ не долженъ застигнуть насъ врасплохъ: мы должны быть готовы. И мы можемъ быть увѣрены, мм. гг., что пора этого зова не слишкомъ отдаленная". [1])

Не сказка, а доподлинная историческая быль: министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Толстой страшно разсвирипѣлъ на Чичерина за эту рѣчь („Пора зова",—съ цѣлью совмѣстной съ правительствомъ борьбы городскихъ головъ съ крамолой,—„не слишкомъ отдаленная", какова дерзость!). Катковъ разразился дикою статьею въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, газетамъ запрещено было особымъ циркуляромъ упоминать о Чичеринской рѣчи, и она была отпечатана съ крайне безсодержательнымъ къ ней предисловіемъ г. Р. Р. лишь въ Берлинѣ...

Таковы историческіе факты.

Но если правительство даже въ людяхъ типа Чичерина видѣло лишь супостатовъ, то какія же и съ какихъ самыхъ „умѣренныхъ" точекъ зрѣнія могутъ существовать историческія оправданія его дѣйствій?..

---

[1]) Рѣчь Б. Н. Чичерина. Эпизодъ изъ исторіи коронаціи въ Москвѣ. Съ предисловіемъ Р. Р. Берлинъ. 1883 г. стр. 17—23.

Были ли, наконецъ, у народовольцевъ какія либо прочныя связи въ высшихъ слояхъ общества и были ли у нихъ свои агенты въ розыскныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ? На первый вопросъ надо отвѣтить совершенно отрицательно [1]), а что касается второго, то у народовольцевъ былъ, правда, всего одинъ, но очень для нихъ цѣнный „свой человѣкъ“. Человѣкъ этотъ, осужденный въ 1882 году по „процессу 20-ти“ Николай Васильевичъ Клѣточниковъ. Вотъ что говорится по этому поводу въ обвинительномъ актѣ по „процессу 20-ти“:

„28 января 1881 года въ квартирѣ обвиняемаго Колоткевича, проживавшаго по подложному паспорту на имя Петрова, былъ задержанъ явившійся туда младшій помощникъ дѣлопроизводителя Департамента Государственной Полиціи, прежде служившій въ нынѣ упраздненномъ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, коллежскій регистраторъ Николай Васильевъ Клѣточниковъ, который первоначально объяснилъ свой приходъ къ Колоткевичу простою случайностью и не призналъ своего участія въ преступной дѣятельности названнаго обвиняемаго и его единомышленниковъ.

„По заключеніи Клѣточникова подъ стражу, онъ представилъ подробныя объясненія по поводу своихъ сношеній съ членами „соціально-революціонной партіи“. Изъ этихъ

---

[1]) Народовольцы не издали никакихъ правительственныхъ документовъ, опубликованіе которыхъ могло бы произвести въ средѣ властей сильную сенсацію. Черезъ служившаго въ III Отдѣленіи, а затѣмъ въ департаментѣ полиціи чиновника Клѣточникова,—о немъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь,—народовольцы знали многое, касавшееся собственно розысковъ по политическимъ дѣламъ, но другихъ свѣдѣній въ ихъ рукахъ почти не было. Въ этомъ отношеніи ихъ предшественники-народники, не взирая на свое отрицаніе „политики“, были обставлены гораздо богаче. Частью въ своихъ тайныхъ типографіяхъ, частью заграницею они издали такія чрезвычайно любопытныя вещи, какъ „Два засѣданія Комитета Министровъ“, „Записка министра юстиціи графа Палена по поводу измѣненія подсудности дѣлъ о преступленіяхъ противъ должностныхъ лицъ“ 1878 г. печ. въ „вольной русской типографіи“ (въ Петербургѣ), знаменитую по своей смѣхотворности, цитированную нами въ I главѣ этой книги „Записку“ того же Палена „Успѣхи революціонной пропаганды въ Россіи“ и т. д. Ничего подобнаго въ народовольческой литературѣ не имѣется.

объясненій оказывается, что Клѣточниковъ, пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 1878 года для пріисканія себѣ мѣста по государственной службѣ, случайно встрѣтился у одного изъ своихъ знакомыхъ съ Александромъ Михайловымъ, извѣстнымъ ему тогда подъ именемъ Петра Ивановича и послѣ нѣсколькихъ свиданій чрезвычайно съ нимъ сблизился.

„Сначала Михайловъ въ разговорахъ своихъ съ обвиняемымъ высказывалъ лишь общія сужденія о бѣдственномъ положеніи народа, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что онъ соціалистъ и вмѣстѣ съ другими стремится подготовить народъ къ государственному и соціальному перевороту, что прежняя дѣятельность въ этомъ направленіи была неудачна, такъ какъ революціонеры дѣйствовали безъ единства, безъ правильной организаціи и безъ охраны отъ шпіоновъ и что въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ, Клѣточниковъ, какъ еще не навлекшій на себя никакого подозрѣнія со стороны правительства, можетъ оказать большія услуги партіи. При этомъ Михайловъ обѣщалъ пристроить обвиняемаго на хорошее мѣсто и щедро снабжать его деньгами, а также дать ему возможность въ случаѣ какой либо опасности скрыться заграницу. Убѣждая такимъ образомъ его, Клѣточникова, служить революціонному дѣлу, Михайловъ предложилъ ему поселиться въ домѣ Яковлева, на углу Невскаго и Надеждинской, гдѣ, по словамъ Михайлова, проживали агенты III Отдѣленія, и сойтись съ ними для цѣлей „партіи“. Обвиняемый согласился на предложеніе Михайлова, „раздѣляя со всѣмъ обществомъ нелюбовь къ шпіонамъ и вѣря всѣмъ обѣщаніямъ Петра Ивановича, который, кромѣ того, на это время успѣлъ привязать его къ себѣ“. Въ упомянутомъ домѣ Яковлева обвиняемый нанялъ квартиру у жившей тамъ же Анны Кутузовой, которую сталъ посѣщать довольно часто, причемъ своимъ тихимъ поведеніемъ, щедростью и проигрываньемъ въ карты успѣлъ такъ расположить ее въ свою пользу, что она рекомендовала его бывшему чиновнику особыхъ порученій III Отдѣленія, впослѣдствіи завѣдывавшему 3-ею экспедиціею этого учрежденія г. Кириллову, который въ январѣ 1879 года принялъ Клѣточникова въ секретные агенты съ жалованьѣ-

емъ по 30 руб. въ мѣсяцъ. Въ мартѣ того же года Кирилловъ перевелъ его для письменныхъ занятій въ такъ называемое „агентурное отдѣленіе“ при 3-й экспедиціи III Отдѣленія, гдѣ онъ скоро получилъ штатную должность помощника дѣлопроизводителя, а затѣмъ, съ упраздненіемъ III Отдѣленія, перешелъ въ Департаментъ Государственной Полиціи на ту же должность, которую и занималъ до самаго своего ареста. Такое служебное положеніе Клѣточникова, свойство его занятій и особенное довѣріе его непосредственнаго начальства открыли ему свободный доступъ къ наиболѣе секретнымъ дѣламъ и распоряженіямъ по отношенію къ обнаруженію и преслѣдованіямъ государственныхъ преступленій и лицъ, въ нихъ обвиняемыхъ. Такъ, онъ составлялъ или переписывалъ секретныя записки о результатахъ агентурныхъ наблюденій, шифровалъ и дешифрировалъ секретныя телеграммы, велъ переписку о лицахъ, содержащихся въ С.-Петербургской крѣпости, и проч. Поэтому обвиняемый былъ посвященъ во всѣ политическіе розыски, производившіеся не только въ С.-Петербургѣ, но и вообще во всей Имперіи. Всѣ полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія онъ своевременно передавалъ Михайлову, сообщалъ ему, за кѣмъ именно учреждено секретное наблюденіе, предупреждалъ заранѣе о предположенныхъ обыскахъ, объявлялъ имена всѣхъ агентовъ и вообще открывалъ Михайлову всѣ секретныя данныя, сосредоточенныя въ 3-й экспедиціи III Отдѣленія. Не переставая въ теченіе всего этого 2-хъ лѣтняго періода времени (1879 и 1880 г.) находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революціонными дѣятелями, которые за его услуги платили ему деньги, хотя неакуратно и въ небольшомъ количествѣ, онъ, Клѣточниковъ, первоначально имѣлъ дѣло только съ Михайловымъ; когда же послѣдній долженъ былъ на нѣкоторое время уѣхать изъ Петербурга, то познакомилъ обвиняемаго съ Арончикомъ, которому Клѣточниковъ и продолжалъ доставлять свѣдѣнія. Впослѣдствіи же онъ познакомился и вступилъ въ сношеніе съ Квятковскимъ, Баранниковымъ, Колоткевичемъ и еще однимъ до настоящаго времени (1882 г.) неразысканнымъ лицомъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, носившимъ при сношеніи съ обвиняемымъ чужія фамиліи, онъ со-

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

общалъ нужныя имъ свѣдѣнія, по мѣрѣ того, какъ таковыя дѣлались ему извѣстными или требовались отъ него революціонерами, съ которыми онъ сходился въ разныхъ трактирахъ и гостинницахъ, а также посѣщалъ ихъ квартиры; Михайловъ же и самъ бывалъ у обвиняемаго. Зная, что всѣ поименованныя лица принадлежатъ къ революціонной партіи, онъ узналъ о преступной дѣятельности каждаго изъ нихъ лишь изъ свѣдѣній, которыя сдѣлались извѣстными ему по службѣ, въ особенности же изъ разоблаченій Гольденберга. Пользуясь его услугами, революціонеры не были, однако, съ нимъ откровенны и, видимо ему не довѣряя, не открывали ему тайны своихъ предпріятій, такъ что только изъ общаго содержанія разговоровъ съ ними обвиняемый могъ заключить о принадлежности ихъ къ террористической фракціи и прямомъ участіи въ ея дѣйствіяхъ. Между прочимъ онъ, Клѣточниковъ, зналъ въ общихъ чертахъ о ходѣ работъ по печатанію и изданію Народной Воли. Отъ Баранникова онъ слышалъ о количествѣ динамита, которымъ располагало преступное сообщество и которое въ концѣ 1880 г., по словамъ Баранникова, не было такъ велико, какъ обозначали его въ своихъ, сообщенныхъ ему Клѣточниковымъ, показаніяхъ лица, привлеченныя къ дознаніямъ, а составляла не болѣе 5—6 пудовъ. Послѣ ареста Михайлова обвиняемый продолжалъ вести сношенія съ Баранниковымъ, хотя, съ передачею розыскной части по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ въ столицѣ въ вѣдѣніе С.Петербургскаго Градоначальника, онъ уже не могъ доставлять прежнихъ важныхъ свѣдѣній и сносившіяся съ нимъ лица стали говорить о необходимости провести своего человѣка или подкупить кого либо въ новомъ розыскномъ вѣдомствѣ.

„29 января 1881 года т. е. на другой день послѣ ареста Клѣточникова въ квартиру его было доставлено по городской почтѣ письмо отъ 28 января, въ которомъ Клѣточниковъ приглашался къ 5 часамъ пополудни на Невскій проспектъ для свиданія съ анонимнымъ авторомъ письма. По сличеніи почерка этого письма съ почеркомъ казненнаго государственнаго преступника Желябова, знакомство и сношенія съ которымъ Клѣточниковымъ отрицаются,

экспертъ пришелъ къ заключенію, что упомянутое письмо написано Желябовымъ". [1])

Клѣточниковъ былъ приговоренъ къ смертной казни, замѣненной ему безсрочными каторжными работами. Его заключили затѣмъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости и онъ тамъ кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Послѣ ареста Клѣточникова народовольцы были очень озабочены пріисканіемъ другого лица, которое исполняло бы подобную функцію, но осуществить этого имъ не удалось. [2])

Такимъ образомъ Клѣточниковъ былъ въ эпоху народовольчества явленіемъ совершенно единичнымъ. Другихъ связей ни въ мірѣ полицейскомъ, ни, тѣмъ болѣе, въ сферахъ болѣе высокихъ у народовольцевъ совершенно не было.

VII.

Антиеврейское движеніе начала 80-хъ годовъ и народовольцы.

Это едва вѣроятная страница въ исторіи русскаго революціоннаго движенія вообще и народовольчества въ частности, но... „слова изъ пѣсни не выбросишь"...

Начало 80-хъ годовъ ознаменовалось на югѣ и западѣ Россіи чрезвычайно интенсивнымъ антиеврейскимъ движеніемъ. Возникло оно вскорѣ послѣ событія 1-го марта 1881 года. Уже въ апрѣлѣ того же года погромы разразились въ Елисаветоградѣ, Голтѣ, Знаменкѣ, Кіевѣ, Кишеневѣ, Васильковѣ, Жмеринкѣ, Фастовѣ; въ маѣ—въ Николаевѣ, Одессѣ, Смѣлѣ, Лозовой, Ромнахъ, Волочискѣ; въ іюнѣ—въ Переяславѣ; въ іюлѣ—въ Нѣжинѣ, Лубнахъ; въ ноябрѣ—опять въ Одессѣ; въ декабрѣ—въ Варшавѣ. Въ 1882 году—

---

[1]) Былое 1906 г. Январь стр. 271—274.

[2]) См. „Исповѣдь" г-жи О-й въ сборникѣ Наша Страна и статью А. П. Прибылевой-Корбы: „С. П. Дегаевъ" въ апрѣльской книжкѣ Былого за 1906 годъ.

въ Балтѣ, Дубоссарахъ, Летичевѣ, Межибужьѣ, Березновяткѣ, Пирятинѣ и т. д. и т. д. Погромы продолжались и въ 1883 году (въ Ростовѣ, Екатеринославѣ), словомъ, это было движеніе чрезвычайно распространившееся и длительное.

Сказать, что къ организаціи этого движенія уже и тогда „руку приложили“ сами власти, у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Ни одно изъ революціонныхъ изданій той эпохи въ этомъ властей и не обвиняло, ни одного обвиненія въ этомъ смыслѣ, изошедшаго и изъ среды евреевъ того времени, намъ также неизвѣстно. Совершенно то же самое говорится и въ обширномъ изслѣдованіи вопроса о погромахъ „Die Judenpogrome in Russland. Herausgegeben im Auftrage der zionistischen Hilsfonds in London von der Erforschung der Pogrome eingesetzen Kommission. Köln. 1909. Judischer Verlag“. Авторъ статьи въ названномъ изслѣдованіи о погромахъ въ 80-хъ годахъ. („Prototyp des Pogroms in den achtziger Jahren“) допускаетъ „возможность“ этого но,—говоритъ онъ,—„Nun diese Möglichkeit ist gewiss nicht von der Hand zu weisen, aber es ist nicht eine einzige Tatsache bekannt, welche die Möglichkeit zur Gewissheit machen würde“. [1])

Несомнѣнно, тѣмъ не менѣе, что въ правленіе Игнатьева въ правительственныхъ сферахъ, хотя и принимались для подавленія антиеврейскаго движенія репрессивныя мѣры, но духъ антисемитизма былъ все же очень замѣтенъ: самъ Игнатьевъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ заявить явившейся къ нему тогда еврейской депутаціи, что „западныя границы вполнѣ открыты для евреевъ“, а знаменитый военный прокуроръ Стрѣльниковъ, будучи обвинителемъ по дѣлу кіевскихъ погромщиковъ, болѣе защищалъ, чѣмъ обвинялъ подсудимыхъ. [2]) И лишь тогда, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ Толстой, онъ публич-

---

[1]) Die Judenpogrome. S. 24.—Съ редакторомъ этого изслѣдованія, считающимся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ даннаго вопроса, намъ пришлось въ Берлинѣ бесѣдовать лично, и онъ сказалъ намъ и на словахъ тоже самое: ни одного факта, который бы доказывалъ участіе властей въ погромахъ 80-хъ годовъ, ему неизвѣстно.

[2]) См. „внутреннее обозрѣніе“ въ № 1 Вѣстника Народной Воли, стр. 59.

но заявилъ, что „смотритъ съ душевнымъ прискорбіемъ на эти возмутительныя насилія“ и обѣщалъ положить предѣлъ „этой мерзости“. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе: репрессіи усилились еще болѣе, суду было предано свыше 5000 погромщиковъ.

Толстой, конечно, дѣлалъ это не изъ сочувствія къ жертвамъ еврейскихъ погромовъ, а потому, что онъ боялся распространенія движенія на „пановъ“ и властей. Въ этомъ взглядѣ Толстого на антиеврейское движеніе находилось нѣчто родственное и со взглядомъ на то же явленіе многихъ русскихъ революціонеровъ 80-хъ годовъ, но съ тою, разумѣется, разницею, что то, чего Толстой б о я л с я, на то революціонеры н а д ѣ я л и с ь...

О. С. Любатовичъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, „когда возникли еврейскіе безпорядки, то революціонеры считали это симптомомъ назрѣвающаго революціоннаго чувства“. [1])

Если мы обратимся къ революціонной печати начала 80-хъ годовъ, то мы не только не найдемъ въ ней протестовъ противъ еврейскихъ погромовъ,—но, и въ Народной Волѣ, и въ Черномъ Передѣлѣ, встрѣтимъ не мало строкъ, возлагающихъ всю вину за погромы на самихъ же евреевъ. Наряду съ тѣмъ тамъ высказывались надежды, что погромы одними евреями не ограничатся.

Надежды эти были такъ велики, что дошли до изданія народовольцами прокламаціи на малороссійскомъ языкѣ (и лишь съ заголовкомъ на русскомъ: „Исполнительный Комитетъ—Украинскому народу. Объявленіе“) можно сказать безъ всякаго преувеличенія чисто погромнаго характера.

Въ прокламаціи этой говорилось:

„Люди добрі, честний народъ Украінский.

„Тяжко стало людямъ жити на Украіні, та чімъ далі все тяжче стае. Нихто нігде правди не находить. Бьють васъ скажені врядникі, ідять васъ поідомъ пани, граблять жиди—Іуди непотрібні.

---

[1]) „Далекое и Недавнее“. Б ы л о е. 1906 г., іюнь, стр. 146.

„Одъ жидівъ гірше всего терплять люде на Украіні.—Хто забравъ у своі рукі землі, ліса, та корчми?—Жиди.—У кого мужикъ, часомъ крізь слезы просить доступитьця до свого лану, до своеі царапи?—У жидівъ.—Куді ні глянешъ, до чего ні приступишъ—жиди усюди. Жидъ чоловіка лае, вінъ его обманює, пъе его кровъ.—Нема у селі житія отъ жида".

„Стогне сіромаха мужикъ, кляне часомъ той часъ та годину, коли породила его на світъ рідна мати, а панамъ за жидами, та.....зъ начальниками—байдуже"! и т. д.

Подпись опять по русски: „Исполнительный Комитетъ Народной Воли. 30 августа 1881 года". [1])

Приведя нѣкоторые отрывки изъ этой самой прокламаціи М. П. Драгомановъ писалъ:

„Намъ передавали, что прокламація эта была встрѣчена сильнымъ неудовольствіемъ во многихъ революціонныхъ кружкахъ и потому распространеніе ея было пріостановлено, но—она все таки выражаетъ образъ мыслей извѣстнаго количества лицъ. Судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами въ прошломъ и нынѣшнемъ (1882) году, видно, что таки значительная часть революціонныхъ кружковъ въ Россіи относилась симпатично къ разгромамъ евреевъ и возлагала на нихъ большія надежды, какъ на начало близкаго и широкаго революціоннаго движенія. Насколько эти надежды разсѣялись теперь, послѣ, того какъ въ прошлую весну антиеврейское движеніе не оправдало ожиданій, мы не беремся судить. Во всякомъ случаѣ при существованіи еще во многихъ русскихъ революціонныхъ кружкахъ вѣры въ формулу: „народъ не пропагандируется, а агитируется на почвѣ его требованій", совершенно естественно, что извѣстная часть русскихъ революціонеровъ должна была подумать о томъ,

[1]) Цитируемъ по имѣющемуся у насъ печатному подлиннику этой прокламаціи. Выдержки изъ этой же прокламаціи были помѣщены въ № 41 Вольнаго Слова за 1882 г. См. также II томъ сочиненій Драгоманова, стр. 529. Невѣроятный самъ по себѣ фактъ изданія такой прокламаціи революціонерами становится еще болѣе изумительнымъ, если правда,—а въ этомъ увѣряло насъ достовѣрное лице,—что текстъ прокламаціи былъ одобренъ членомъ Исполнительнаго Комитета—по національности евреемъ! (намъ называли кѣмъ именно).

чтобы воспользоваться противоеврейскимъ движеніемъ для своихъ цѣлей и прежде всего стать „на почву“ этого самого движенія“. [1])

Мы не думаемъ, чтобы прокламація эта сыграла какую нибудь серьезную роль въ самомъ антиеврейскомъ движеніи, хотя, разумѣется, это нисколько не снимаетъ моральной отвѣтственности за содержаніе прокламаціи съ ея авторовъ. Не думаемъ мы этого, потому, во первыхъ, что вообще въ то время прокламаціи печатались всего въ двухъ тысячахъ экземпляровъ, а во вторыхъ свѣдѣніе Драгоманова о томъ, что „прокламація эта была встрѣчена сильнымъ неудовольствіемъ во многихъ революціонныхъ кружкахъ и потому распространеніе ея было пріостановлено“—совершенно вѣрно. Намъ доподлинно извѣстенъ такой, напр., фактъ: эти прокламаціи были доставлены для распространенія къ жившей тогда въ Одессѣ В. Н. Фигнеръ, но, ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, она ихъ уничтожила.

Но прежде чѣмъ говорить болѣе подробно объ отношеніи народовольцевъ къ антиеврейскому движенію, остановимся на отношеніи къ этому же явленію и автора выше приведенныхъ строкъ о погромной прокламаціи М. П. Драгоманова.

Онъ писалъ о томъ, что евреи въ массѣ своей составляютъ элементъ Украйнѣ безусловно чуждый, указывалъ на еврейскій погромъ 1871 года въ Одессѣ, говорилъ, что „даже намъ, человѣку весьма далекому отъ оффиціальной и отъ деревенской жизни, извѣстенъ, напр., цѣлый рядъ составленныхъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ приговоровъ сельскихъ обществъ въ Кіевской губерніи о выселеніи изъ нихъ евреевъ“, обвинялъ ихъ въ стремленіи панствовать. „Но независимо отъ явныхъ претензій на панство, которыя могутъ позволять себѣ, особенно въ Россіи, только богатые евреи,—продолжалъ Драгомановъ,—всѣ евреи считаютъ себя сословіемъ высшимъ надъ мужиками—украинцами. Между прочимъ и это обстоятельство слѣдуетъ помнить при обсужденіи того, что крестьяне и христіанскій пролетаріатъ въ городахъ на Украйнѣ во

---

[1]) Сочиненія Драгоманова. Т. II, стр. 529.

время послѣднихъ погромовъ не щадили и бѣдныхъ евреевъ, даже ремесленниковъ. Это, конечно, крайне печально, и друзьямъ демоса слѣдовало заранѣе и слѣдуетъ теперь всячески стараться, что бы такихъ явленій не было,—но нельзя же быть одностороннимъ, слѣдуетъ спросить себя, чѣмъ же бѣдные евреи и даже ремесленники на Украйнѣ проявили когда нибудь свою несолидарность съ евреями-капиталистами и свою солидарность съ украинскими крестьянами и мѣщанами, и не слѣдовало ли бы проповѣдь о солидарности пролетаріата обратить прежде всего къ пролетаріямъ - евреямъ или, по крайней мѣрѣ, не къ однимъ только украинцамъ?". [1])

Въ другомъ своемъ сочиненіи Драгомановъ рекомендуетъ для украинцевъ „простую и удобонятную программу", предлагая излагать ее такъ:

„Власти московскія роздали украинскія земли своимъ слугамъ украинскимъ и чужимъ, закрѣпостили крестьянъ, ввели всякія подати и рекрутчину, уничтожили почти всѣ школы, а въ оставшихся запретили учить на нашемъ языкѣ, завели намъ казенныхъ невыборныхъ поповъ, пустили къ намъ вновь еврейскихъ арендаторовъ, шинкарей и ростовщиковъ, которыхъ было выгнали казаки,—а еще отдали на кормъ этимъ евреямъ только нашу землю, запретивъ имъ жить въ землѣ московской". [2])

Но на ряду съ подобными строками Драгомановъ высказывалъ по этому же вопросу и имѣвшіе впослѣдствіи большое практическое значеніе взгляды.

Въ статьѣ „Еврейскій вопросъ въ славянскомъ кружкѣ въ Лондонѣ" онъ писалъ:

„На дняхъ въ славянскомъ (соціалистическомъ) кружкѣ въ Лондонѣ былъ митингъ, на которомъ г. Крапоткинъ читалъ рефератъ объ антиеврейскомъ движеніи въ Россіи. Рефератъ, какъ видно по отчету, напечатанному во Freiheit, настаивалъ на соціально-экономическихъ причинахъ этого движенія, и съ этой стороны докладъ, при большей публич-

---

[1]) „Еврейскій вопросъ на Украйнѣ". Сочиненія Драгоманова, т. II, стр. 533 и 539—540.

[2]) „Историческая Польша и великорусская демократія". Женева, 1881 г., стр. 365.

ности, могъ бы быть чрезвычайно полезенъ для англичанъ, которымъ теперь извѣстная партія представляетъ антиеврейское движеніе въ Россіи съ ложной точки зрѣнія, какъ движеніе религіозно-національное. Послѣ реферата предложены были резолюціи, изъ которыхъ вторая, по поводу того обстоятельства, что теперь въ Россіи бѣдные христіане раззоряли имущество такихъ же бѣдняковъ-евреевъ, приглашаетъ пролетаріатъ всѣхъ расъ соединиться между собою. Приглашенію этому нельзя, конечно, не сочувствовать, но, при положеніи евреевъ въ Россіи, такихъ слишкомъ общихъ приглашеній очень недостаточно. Теперь необходимо поставить вопросъ объ единеніи пролетаріевъ-евреевъ и христіанъ какъ можно болѣе конкретно и детально. Въ особенности необходимо поставить передъ пролетаріатомъ еврейскимъ вопросъ о необходимости для него разрыва съ капиталистическимъ элементомъ между ихъ соплеменниками и единенія съ эксплуатируемымъ этимъ послѣднимъ бѣднымъ людомъ христіанскимъ. Подобная постановка вопроса и соотвѣтствующая ей пропаганда требуетъ большого умѣнья и обстоятельнаго знанія еврейской жизни, что можно ожидать только отъ еврейскихъ уроженцевъ... Нужна дѣятельная пропаганда этой мысли среди пролетаріевъ еврейской націи, нужно прежде всего образованіе спеціальнаго корпуса пропагандистовъ для этой націи". [1])

Такимъ образомъ Драгомановъ выразилъ въ 1882 году ту самую мысль, которая много лѣтъ спустя была осуществлена съ большимъ успѣхомъ еврейскимъ „Бундомъ".

Правда, такая же мысль была брошена еще въ 1880 году „группою соціалистовъ-евреевъ", но она тогда не встрѣтила въ революціонныхъ кружкахъ сочувствія. Драгомановъ же и тогда привѣтствовалъ ее. [2])

Теперь возвратимся къ народовольцамъ.

Въ газетѣ Народная Воля не только нѣтъ рѣшительно ни одной замѣтки, въ которой высказано было бы порицаніе погромамъ, но, какъ мы уже сказали, въ ней возла-

---

[1]) Вольное слово, 1882 г. № 28 и сочиненія Драгоманова т. II, стр. 541—542.

[2]) Сочиненія Драгоманова, т. II, стр. 321—328.

гается систематически отвѣтственность за погромы на самихъ евреевъ. Кромѣ этого мотива во всѣхъ замѣткахъ звучатъ еще двѣ струны: негодованіе на правительство, усмиряющее погромы военною силою и упованіе на то, что погромы съ евреевъ перейдутъ и на другіе элементы русской жизни. Иногда все это принимаетъ въ писаніяхъ народовольцевъ изумительный характеръ. Такъ, нарисовавши картину погромовъ въ Екатеринославѣ и другихъ городахъ и возмущаясь дѣйствіями правительства, пускающаго въ ходъ для усмиренія бушующихъ военную силу, („Въ Екатеринославѣ войска стрѣляли въ народъ и оставили на мѣстѣ десятки убитыхъ и раненыхъ, въ Екатеринославѣ пролилась народная кровь. Фактъ возмутительный по своей жестокости и несправедливости и столь же нелогичный, какъ и все прочее, что дѣлается правительствомъ, желающимъ показать, что оно сильно и, главное, умно"), авторъ статьи „По поводу еврейскихъ безпорядковъ", заканчиваетъ ее со ссылками на Тэна и Маркса такими словами:

„Напомнимъ читателямъ, что и великая французская революція начиналась съ избіенія евреевъ (Тэнъ). Это какой то печальный фатумъ, котораго, повидимому, не избѣжишь. Евреи, какъ это прекрасно объяснилъ когда то К. Марксъ, будучи народомъ исторически несчастнымъ и долго гонимымъ, сдѣлались народомъ въ высшей степени нервнымъ и воспріимчивымъ. Они воспроизводятъ въ себѣ, какъ зеркало,—и даже не въ обыкновенномъ, а въ удлиненномъ видѣ,—всѣ пороки окружающей среды, всѣ язвы извѣстнаго общественнаго строя, такъ что, когда начинаются антиеврейскія движенія, то можно быть увѣреннымъ, что въ нихъ таится протестъ противъ цѣлаго порядка и начинается движеніе гораздо болѣе глубокое". [1])

Описывая самый погромъ въ Екатеринославѣ, тотъ же авторъ пишетъ:

„Наличныхъ военныхъ силъ оказалось тогда мало въ Екатеринославѣ: 200 человѣкъ солдатъ ничего не могли сдѣлать съ огромною толпою, которая разсыпалась на небольшія кучки и, будучи оттѣснена съ одного мѣста, уходила въ другое и тамъ приступала къ разрушенію.

[1]) Приложеніе къ Листку Народной Воли № 1.

Погромъ продолжался до 3 часовъ ночи. Не подѣйствовали и первые выстрѣлы. Начальство потребовало подкрѣпленій изъ другихъ городовъ и стало собирать солдатъ; но появленіе новыхъ отрядовъ не производило ожидаемаго впечатлѣнія. Слишкомъ велико было въ массѣ сознаніе своей правоты, правоты того дѣла, за которое она стояла. Рано утромъ 21-го опять раздались въ разныхъ концахъ города зловѣщіе призывные крики, призывающіе къ продолженію мщенія, а къ 9 часамъ, несмотря на всѣ принятыя мѣры, опять собрался народъ и приступилъ къ погрому. Народъ вѣрилъ, что за такое дѣло нельзя убивать, что если не офицеры, то солдаты откажутся стрѣлять въ людей, никого не убившихъ, ничего не грабившихъ (!) и истреблявшихъ только неправедно нажитое имущество своихъ притѣснителей. Къ сожалѣнію, вѣра эта оказалась преждевременной“.[1])

А вотъ корреспонденція Народной Воли „Изъ деревни“:

„Авторъ пріѣхалъ въ деревню. Туда дошли слухи о погромѣ въ Елизаветоградѣ. Потомъ погромъ въ Кіевѣ. Настроеніе обострилось.

„День за днемъ шли все усиливающіеся толки о кіевскомъ и другихъ погромахъ. Обсужденіе фактовъ стало складываться въ цѣлую систему. Вырабатывалась необходимая аргументація, осмысливалась цѣль движенія, средства, какими оно располагало, а также выяснялась его связь со всею совокупностію жизненныхъ явленій. „И що воно, що усякий народъ мае свою основу. Поляки, нѣмці, грекі маютъ свою землю и столицю. Тильки жиди скризь мішаются; за ними ні купишь, ні продашь нічого. Цілый день робишь, а бувае що и хліба немае, винъ же тильке ходи, а гроши у его е. А все начальство, якъ бите воно, хиба бъ вони такъ расплодились; скрозь іхъ натыкано. Хай йдутъ, у Египетъ, вытклія вони родомъ“. Толки все усиливались, я внимательно къ нимъ прислушивался и пришелъ къ положительному убѣжденію, что антиеврейское движеніе въ деревняхъ носитъ на себѣ слѣды сознательнаго отно-

[1]) Ibid.

шенія къ жизни, отпечатокъ идейности.... Желая вызвать у русскихъ властей рѣшительныя мѣры въ огражденіе ихъ безопасности, евреи усиленно толковали о продѣлкахъ соціалистовъ, приписывая имъ въ этомъ дѣлѣ роль подстрекателей; говорили о томъ, что движеніе не ограничится избіеніемъ евреевъ, что поговариваютъ и о богачахъ изъ русскихъ; съ своею судьбою они связывали судьбу русскихъ кулаковъ и помѣщиковъ. Ихъ старанія достигли извѣстныхъ результатовъ". Ждали погрома и въ деревнѣ, гдѣ жилъ авторъ. Среди евреевъ царила паника. „Лично у меня,—разсказываетъ авторъ,—конечно, не было охоты итти на евреевъ войною, но я переживалъ мысли и чувства народа, и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ еще часъ—и разразится погромъ; я считалъ минуты. Впервые явилась у меня тогда мысль, какъ медленно растетъ народное возбужденіе. Казалось все было готово: и ярмарочный день, и принесенная вѣсть о ближайшемъ событіи и, наконецъ, видъ паники, раздражающій нервы, а народъ все что то еще ждалъ. — Чего это убираются?, спрашиваю я одну группу мужиковъ.—„Та спадиваються, що сегодня наідуть", съ спокойной увѣренностью отвѣчали они мнѣ. Съ самаго утра около волости масса народу. Становой уговариваетъ народъ не слушаться злоумышленниковъ... Къ 11 часамъ ночи все утихло. Я не спалъ уже другую ночь. Я ждалъ, а ночь шла все тихо и спокойно. Воображеніе рисовало мнѣ богатыря, закованнаго въ цѣпи..." Утромъ появились въ селѣ пѣхотинцы и драгуны. Хотя они скоро ушли, но видъ ихъ произвелъ на народъ отрезвляющее дѣйствіе. „Чувствовалось, что гроза отсрочена. Ждать мнѣ не приходилось, и я съ большимъ сожалѣніемъ покинулъ село". [1])

И эта статья въ изданіяхъ народовольцевъ вовсе не представляетъ чего нибудь исключительнаго. Напротивъ, она еще далеко не выражаетъ полностью отношенія многихъ народовольцевъ къ погромамъ. Во „внутреннемъ обозрѣніи" № 6 Народной Воли помѣщены, напр., такія прямо невѣроятныя строки:

„По поводу еврейскихъ погромовъ многіе интересовались ролью, которую мы, соціалисты-революціонеры, оста-

[1]) Листокъ Народной Воли. № 1. (22 іюля 1881 года).

вляемъ за собою при подобныхъ народныхъ расправахъ. Во имя гуманности тяжело отвѣчать на это, но отвѣтъ самъ по себѣ ясенъ. Помните у Тэна одну сцену изъ фраицузской революціи? Къ трупу женщины, только что задушенной разъяренной толпой, бросается одинъ изъ убійцъ, распарываетъ ей грудь, вырываетъ сердце и въ иступленіи впивается въ него зубами. Потрясающія сцены. Но неужели Робеспьеръ, Дантонъ, С. Жюстъ и Демуленъ, въ виду крайностей разъяреннаго притѣсненіями народа, должны были отказаться отъ своей роли и своей обязанности въ исторіи Фраиціи?

„Проявленіе революціоннаго движенія зависитъ отъ міросозерцанія извѣстнаго класса или извѣстнаго общества, но результаты его обусловливаются степенью его сознательности, причемъ направляющей силой является передовая, болѣе энергичная и болѣе сознательная роволюціонная группа. Во Франціи, во время революціи, такой группой долго были якобинцы; въ Россіи является Исполнительный Комитетъ. Относиться не только отрицательно, но даже индиферентно къ чисто-народному движенію мы не вправѣ; мы обязаны выражать общую формулу всѣхъ силъ, справедливо недовольныхъ и активно протестующихъ, и сознательно направлять эти силы, удерживая при этомъ ихъ исходный пунктъ“. [1])

И—last not least! — къ этимъ словамъ слѣдуетъ такое примѣчаніе: „Авторъ здѣсь повторяетъ только взглядъ, высказанный Исполнительнымъ Комитетомъ въ прокламаціи къ Украинскому народу отъ 30 августа 1881 года“. [2])

А прокламація эта и есть именно та (на малороссійскомъ языкѣ), выдержки изъ которой мы привели выше. „Взглядъ“ въ ней выраженный, опредѣляется и здѣсь, какъ „взглядъ, высказанный Исполнительнымъ Комитетомъ“...

---

[1]) Народная Воля. № 6. Отъ 23 октября 1881 года. (Внутреннее обозрѣніе).

[2]) Ibid. Въ томъ же (6-мъ) № Народной Воли помѣщенъ списокъ изданій, выпущенныхъ „по порученію Исполнительнаго Комитета“. Въ спискѣ этомъ значится и прокламація „Украинскому народу“.

Не будемъ больше приводить по поводу антиеврейскаго движенія цитатъ изъ народовольческихъ изданій, — мы легко могли бы такія цитаты значительно умножить, но это значило бы лишь повторяться; скажемъ только тутъ же, что отъ „народовольцевъ“ не отставали въ этомъ отношеніи и „черноперед'льцы“. Это былъ, очевидно, взглядъ широко распространенный во всей революціонной средѣ того времени безъ различія фракцій.

Въ „Черномъ Передѣлѣ было помѣщено такое „Письмо съ Юга“ г. Прокопенко:

„Основой народнаго протеста противъ евреевъ,—писалъ авторъ „Письма“,—является нещадная эксплоатація народныхъ массъ послѣдними. „Когда панъ надъ тобою властвуетъ, это не такъ обидно, а то жидъ“,—говорятъ крестьяне. Вообще противъ пановъ нѣтъ такого сильнаго личнаго озлобленія, какъ противъ евреевъ, хотя, понятно, и первыхъ крестьянинъ далеко не жалуетъ. „Намъ бы только съ жидами справиться, а тамъ и за пановъ примемся“, говоритъ онъ. Народъ, какъ мнѣ кажется, держится извѣстной градаціи по отношенію къ своимъ врагамъ. На первомъ планѣ является у него кулакъ-иновѣрецъ, далѣе кулакъ-православный, но изъ чуждой народу среды—баринъ и, наконецъ, уже слѣдуютъ г.г. Разуваевъ и Колупаевъ т.-е. свой же братъ кулакъ. По мѣрѣ того какъ доходили до нашихъ мѣстъ различные слухи объ еврейскихъ разгромахъ въ другихъ мѣстностяхъ, народное возбужденіе возростало и возростало. По временамъ мнѣ казалось, что вотъ-вотъ начнется и у насъ погромъ. Но его не было. Почему же? „Нема крайняго“, говорили мнѣ мужики по поводу этого, т. е. нѣтъ такого человѣка, который подалъ бы иниціативу движенія. При этомъ они обыкновенно печаловались, что ихъ забыли, что никто изъ постороннихъ „соціалистовъ“ не пріѣзжаетъ, чтобы „начать“. Этотъ слухъ о соціалистахъ, какъ иниціаторахъ разгрома, благодаря исключительно усиленной агитаціи самихъ евреевъ, крайне упорно держится въ народѣ. И такъ, „нема крайняго“. Я этимъ ни мало не желаю утверждать, что народъ такъ таки и не способенъ выдвинуть изъ своей среды иниціаторовъ, такъ какъ мнѣ извѣстны, напр., факты, что

наиболѣе энергичные изъ крестьянъ сосѣднихъ деревень, узнавши о разгромѣ въ Кіевѣ, отправились туда съ цѣлью разузнать, какъ все это дѣлается. Я лично былъ въ одной изъ такихъ деревень, и на мой вопросъ, почему у нихъ не бьютъ жидовъ, мнѣ отвѣтили; „а вотъ придетъ изъ Кіева Павло, тогда начнемъ“. Новизна подобнаго движенія для крестьянъ, отсутствіе среди нихъ организаціи, которая и не могла такъ скоро создаться,—достаточно объясняютъ этотъ недостатокъ инициативы. Отношенія крестьянъ къ войскамъ, присылаемымъ для усмиренія, весьма враждебны. Почти вездѣ слышишь, что солдаты подкуплены жидами и что поэтому церемониться съ ними не стоитъ“.Въ концѣ своего „письма“ авторъ его, какъ и народовольцы, считаетъ „еврейскій разгромъ прелюдіей къ болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движенію“. [1])

Таково было отношеніе многихъ революціонеровъ, людей безъ сомнѣнія гуманныхъ и идейныхъ, къ тому чудовищному безобразію русской жизни, которое называется „погромами“. Чѣмъ же можно и должно объяснить подобное ослѣпленіе? Исключительно тѣмъ трагическимъ положеніемъ, въ сѣтяхъ котораго билась тогда мысль русскихъ революціонеровъ. Такъ хотѣлось вѣрить въ себя, какъ въ „авангардъ“ исходящей изъ самого народа революціи, а революціи этой не было и слѣда. Произошло единственное тогда движеніе, изошедшее изъ народныхъ массъ, — это было движеніе антиеврейское, — и въ него повѣрили, за него ухватились, ибо въ немъ усмотрѣли, — такъ вѣрится въ то, во что хочется вѣрить, — „прелюдію къ болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движенію“... Утопающій хватается за соломинку....

---

[1]) Черный Передѣлъ. Сентябрь 1881 года. № 4.

VIII.

Народовольчество и другія политическія группировки въ Россіи. Дѣятельность народовольцевъ заграницею. Матеріальныя средства народовольцевъ.

Какъ мы уже говорили выше, существовавшее во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ тайное общество „Земля и Воля“ распалось въ 1879 г. на двѣ группы—„Народную Волю“ и „Черный Передѣлъ“. Послѣдняя оказалась очень мало жизнеспособною. Она хотѣла также издавать въ Россіи свою газету (Черный Передѣлъ), но типографія ея, благодаря проникновенію въ среду чернопередѣльцевъ „агента полиціи“ рабочаго Жаркова (онъ былъ вскорѣ послѣ того разоблаченъ и убитъ 5 февраля 1880 года), была обнаружена при наборѣ перваго же номера (22 января 1880 года) и находившіяся въ типографіи лица (Тесленко-Приходько, Крылова и др.) арестованы. Изданіе газеты было перенесено послѣ этого заграницу, гдѣ и были отпечатаны №№ 1, 2 и 4 Чернаго передѣла. (Третій номеръ былъ отпечатанъ въ Россіи, на четвертомъ—изданіе газеты прекратилось). Главные „чернопередѣльцы“—Г. В. Плехановъ, П. Б. Аксельродъ и В. И. Засуличъ, разорвавши затѣмъ совершенно со всѣми формами народничества, основали первую соціалъ-демократическую группу „Освобожденіе Труда“, имѣвшую очень большое вліяніе на дальнѣйшія судьбы революціоннаго движенія въ Россіи. Другіе чернопередѣльцы съ Я. В. Стефановичемъ во главѣ присоединились въ ноябрѣ 1881 года къ народовольцамъ.[1])

[1]) Въ рѣчи на судѣ (по процессу 17-ти въ 1883 году) Стефановичъ говорилъ: „я не вѣрю въ возможность русской народной революціи въ настоящемъ значеніи этого слова. Только молодость, не знающая всей реальности крестьянской жизни, представляетъ русскаго мужика легко воспламеняющимся матеріаломъ, подобно парижскому пролетарію. Только умышленное намѣреніе запугать правительство можетъ прибѣгать къ призраку народной революціи, какъ это дѣлали крѣпостники въ моментъ освобожденія крестьянъ. Нѣтъ, Россіи не грозитъ крестьян-

Присоединеніе группы черноперед'ѣльцевъ къ „Народной Волѣ“, явившееся результатомъ переговоровъ Исполнительнаго Комитета съ этой группой, и было до 1884 года единственнымъ актомъ въ области отношеній народовольцевъ къ другимъ революціоннымъ группамъ. Это объясняется, конечно, и слабостью силъ самихъ народовольцевъ, и еще большей слабостью „другихъ революціонныхъ группъ“. Среди нихъ, кромѣ черноперед'ѣльцевъ, существовало еще принимавшее чисто „якобинскую“ программу, такъ называемое „Общество Народнаго Освобожденія“ (его литературнымъ выразителемъ являлся заграничный журналъ П. Н. Ткачева Набатъ), но эта группа была до такой степени слабой,—самое существованіе ея, какъ „Общества“, было почти фикціей,—что она не имѣла въ Россіи никакого значенія[1]). Но народовольцы не имѣли никакихъ отношеній и къ оппозиціонной группѣ „Земскій Союзъ“,—о ней у насъ будетъ рѣчь ниже,—и въ этомъ фактѣ съ особою ясностью сказалась вся слабость освободительнаго движенія того времени.

Въ 1884 году въ эпоху уже полнаго упадка силъ народовольцевъ ими была сдѣлана попытка войти въ организаціонное соглашеніе съ польской партіей Пролетаріатъ. То была партія, возникшая въ 1882—83 годахъ въ Польшѣ

ская революція, хотя бы всей интелигенціи было предоставлено свободно двинуться въ народъ и безпрепятственно тамъ пропагандировать“ (Рѣчи подсудимыхъ по процессу 17-ти, вышедшія въ гектографированномъ изданіи въ Петербургѣ въ 1883 г. Рѣчь Стефановича, стр. 4).

[1]) Одна прокламація „Общества Народнаго Освобожденія“ воспроизведена въ № 3 Былого (заграничнаго, стр. 173—175).—На первой страницѣ Набата за 1878 годъ находятся такія строки: „по соглашенію редакціи журнала Набатъ съ однимъ изъ агентовъ Общества Народнаго Освобожденія въ журналѣ, начиная съ настоящаго мѣсяца, будутъ печататься заявленія, манифесты, прокламаціи, циркуляры и всевозможныя распоряженія Общества Народнаго Освобожденія, безъ всякаго измѣненія, не подвергаясь никакой редакціи“. Вслѣдъ затѣмъ напечатано и „Распоряженіе“ Общества гласящее: „исключаются изъ членовъ (курсивъ подлинника) Общества Народнаго Освобожденія за неисполненіе своихъ обязанностей, за неповиновеніе и за распространеніе ложныхъ слуховъ, вредящихъ организаціи Общества, члены: К. и В.“.

трудами главнымъ образомъ Людвига Варынскаго (умеръ въ Шлиссельбургѣ въ 1889 году). Ея Центральнымъ Комитетомъ, главою котораго послѣ ареста Варынскаго сталъ Станиславъ Куницкій (повѣшенъ вмѣстѣ съ польскими рабочими Оссовскимъ и Петрусинскимъ и русскимъ мировымъ судьею Бардовскимъ въ Варшавѣ 16 января 1886 года), и былъ заключенъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ особый договоръ, опубликованный въ заграничномъ органѣ „Пролетаріата“ Walka Klass и № 10 Народной Воли. Арестъ осенью 1884 года Германа Лопатина и другихъ въ Петербургѣ и разгромъ партіи „Пролетаріатъ“ въ Польшѣ сдѣлали изъ этого договора одинъ лишь литературный памятникъ.

Крайне слабы были и связи народовольцевъ заграницею, хотя общественное мнѣніе и печать всего міра,—въ особенности во Франціи,—удѣляли много вниманія борьбѣ „нигилистовъ“ съ русскимъ правительствомъ. Французское общество относилось тогда къ этой борьбѣ съ несомнѣнной симпатіей. Яркимъ проявленіемъ такого отношенія было „дѣло Гартмана“. Напавши на его слѣды вскорѣ послѣ взрыва въ Москвѣ 19 ноября 1879 года и узнавши, что онъ находится въ Парижѣ, русское правительство возбудило вопросъ передъ правительствомъ французскимъ объ его, Гартмана, выдачѣ. Гартманъ былъ арестованъ въ Парижѣ и началось изслѣдованіе дѣла. Исполнительный Комитетъ напечаталъ во французскихъ газетахъ особое воззваніе („Къ французскому народу“), которое произвело сильное впечатлѣніе. Откликнулся Викторъ Гюго, произошли сочувственныя „нигилистамъ“ демонстраціи и въ выдачѣ Гартмана русскому правительству было отказано.

Послѣ этого Гартманъ явился до извѣстной степени оффиціальнымъ представителемъ партіи Народной Воли заграницею. Будучи рекомендованъ Исполнительнымъ Комитетомъ Рошфору и Марксу[1]), онъ помѣстилъ въ New-York Herald (отъ 30 іюня 1881 г.) описаніе покушенія подъ Москвою, сотрудничалъ въ 1880—82 годахъ въ рошфоровской газетѣ Intransigeant, вступилъ въ тѣсныя сноше-

[1]) Эти рекомендательныя письма воспроизведены въ № 1 Былого (заграничнаго).

нія съ Марксомъ и Энгельсомъ[1]), мечталъ даже издавать вмѣстѣ съ Марксомъ газету Нигилистъ[2]), но, какъ это видно изъ письма А. И. Желябова къ М. П. Драгоманому, народовольческій Комитетъ считалъ все это слишкомъ недостаточнымъ и въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, Желябова думалъ объ иной гораздо болѣе прочной постановкѣ той отрасли дѣла, которая въ народовольческой программѣ значится въ рубрикѣ „Европа". Но на такую постановку въ распоряженіи Исполнительнаго Комитета рѣшительно не было силъ.

Вотъ относящіяся сюда строки изъ письма Желябова къ Драгоманову отъ 12 мая 1880 года:

„Къ сожалѣнію, недосугъ, а также расходы на неотложныя дѣла, мѣшали поѣздкамъ нашимъсъ цѣлями организаціонными и въ частности для защиты своей программы. Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснять и путемъ печати. Выходитъ въ результатѣ, что коментаторами ея вообще, а заграницей въ частности чуть ли не исключительно являются лица, отрицающія ее вполнѣ или въ значительной мѣрѣ... Вы, конечно, согласитесь склонять въ нашу пользу общественное мнѣніе Европы, о чемъ подробно сообщитъ податель письма".[3])

„Склонять общественное мнѣніе Европы" въ пользу народовольцевъ Драгомановъ согласился только въ очень опредѣленныхъ предѣлахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ изданная имъ послѣ 1-го марта и возбудившая противъ Драгоманова большое неудовольствіе эмигрантовъ брошюра „Le tyrannicide"; что же касается вообще до защиты народовольческой программы, то согласиться на это Драгомановъ, разумѣется, не могъ, такъ какъ самъ относился ко многимъ ея частямъ весьма отрицательно и съ нею полемизировалъ.[4])

---

[1]) См. ст. Э. Бернштейна „Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры". Минувшіе Годы. 1908 г. Ноябрь, стр. 21—22.

[2]) Эти свѣдѣнія находятся въ одномъ изъ писемъ Гартмана, переданныхъ редакціи петербургскаго журнала Былое.

[3]) Письмо Желябова къ Драгоманову. Былое. 1906 г., мартъ отр. 71.

[4]) См. ст. Драгоманова „Народная Воля о централизаціи революціонной борьбы въ Россіи" сначала въ №№ 37 и 38 Вольнаго Слова, потомъ отдѣльнымъ изданіемъ и затѣмъ въ полномъ собраніи сочиненій Драгоманова.

Въ томъ же письмѣ Желябовъ писалъ:

„Не согласитесь ли вы быть хранителемъ нашего архива? Матеріалъ тамъ весьма цѣнный для исторіи современнаго движенія, а между тѣмъ онъ проваливается чуть не періодически".

За такое порученіе Драгомановъ взялся бы, конечно, весьма охотно, но и это приведено въ исполненіе не было, благодаря чему архивъ, о которомъ писалъ Желябовъ, исчезъ безслѣдно...

Кромѣ Гартмана, за границей проживалъ еще короткое время Н. А. Морозовъ, помѣщавшій относящіяся къ народовольческой борьбѣ замѣтки въ органѣ Бланки Ni Dieu, ni Maître. Имъ же была напечатана тогда брошюра „Террористическая борьба", въ которой террору отводилось огромное значеніе, но Желябовъ въ своей рѣчи на судѣ высказался по отношенію къ этой брошюрѣ совершенно отрицательно. Конечно, къ брошюрѣ, но не къ ея автору, который въ вопросахъ политическихъ былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ народовольцевъ и этою стороною своихъ воззрѣній примыкалъ именно къ тому теченію въ Исполнительномъ Комитетѣ, къ которому примыкалъ и Желябовъ и рѣзко расходился съ теченіемъ другимъ,—якобинско-народническимъ,—теченіемъ „Тихомировскимъ".

Проживалъ, наконецъ, за границей и г. Герасимъ Романенко, написавшій подъ псевдонимомъ Тарновскаго (псевдонимъ этотъ въ литературѣ уже давно раскрытъ) брошюру „Терроризмъ и рутина", ставшій потомъ ненадолго въ Россіи самъ членомъ народовольческаго центра, но затѣмъ, черезъ много лѣтъ, уже извѣстный въ качествѣ сторонника „идей" кишиневскаго Крушевана...

Послѣ перваго марта въ числѣ другихъ прокламацій Исполнительный Комитетъ издалъ и прокламацію „Къ европейскому обществу".

Этимъ и ограничилась дѣятельность народовольцевъ по пункту программы: Европа.

Дѣловыхъ сношеній съ П. Л. Лавровымъ у Исполнительнаго Комитета до того времени, когда былъ поставленъ заграницею Вѣстникъ Народной Воли,—а это произошло уже въ 1883—86 годахъ, въ эпоху упадка народоволь-

чества (объ этомъ журналѣ мы будемъ говорить въ главѣ „Литература партіи Народной Воли"),—не было.

Но Лавровъ вмѣстѣ съ В. И. Засуличъ, къ народовольцамъ не примкнувшей, организовали заграничный отдѣлъ „Краснаго Креста Народной Воли", за что Лавровъ былъ высланъ изъ Парижа. Этотъ отдѣлъ просуществовалъ до 1884 года и затѣмъ былъ закрытъ.[1])

Такимъ образомъ въ періодѣ наибольшей своей извѣстности, т.-е. въ 1879—1881 годахъ, ни въ смыслѣ постановки за границей собственнаго литературнаго дѣла, ни въ смыслѣ установленія прочныхъ связей съ старыми эмигрантами, ни, наконецъ, въ смыслѣ созданія заграницею архива народовольцами ничего сдѣлано не было. При томъ слишкомъ ограниченномъ количествѣ возможностей, которыми располагалъ народовольческій центръ, это, конечно, едва ли и могло быть иначе.

Теперь остановимся нѣсколько на матеріальныхъ средствахъ, которыми располагала народовольческая организація въ періодъ наибольшаго напряженія ея силъ.

Въ книжкѣ „Пролетарская борьба въ Россіи" авторъ ея, г. Мартовъ, писатель серьезный, повторяетъ, тѣмъ не менѣе, распространенныя басни о громадныхъ средствахъ, которыми будто бы располагали террористы.

„Чтобы постоянно мѣнять паспорта,—пишетъ г. Мартовъ,—чтобы всегда имѣть надежныя убѣжища для укрывательства отъ полиціи и квартиры для сходокъ, чтобы отводить полиціи глаза, одѣваясь богато и ведя образъ жизни буржуа,—для всего этого нужны были громадныя денежныя средства, которыя и тратились партіей Народной Воли. Но для тѣхъ, кто велъ пропаганду въ рабочихъ кружкахъ, подобныя затраты были недоступны, и они оказывались гораздо менѣе огражденными отъ набѣговъ полиціи. А въ то же время террористы могли вести строго замкнутую жизнь (sic!), не вступая въ сношенія съ лицами, не посвященными въ дѣло; члены же рабочихъ организацій и пропагандисты по самому характеру своего дѣла должны были сообщаться съ такими людьми, съ массой, чтобы въ ней вербовать своихъ приверженцевъ.

[1]) См. Народная Воля № 10.

Поэтому въ то время какъ заговорщики-террористы, несмотря на полицейскую травлю, успѣвали все-таки приводить въ исполненіе свои планы, прочіе революціонеры, посвящающіе себя дѣлу пропаганды и агитаціи, на каждомъ шагу встрѣчали непреодолимыя препятствія, падали жертвою шпіоновъ и подстрекателей, арестовывались и высылались сотнями. Все это сильно тормозило рабочее дѣло и, что всего хуже, отвлекало отъ него наиболѣе энергичныхъ борцовъ." [1])

Во всемъ этомъ вѣрнаго только то, что терроръ, несомнѣнно, отвлекалъ отъ рабочаго дѣла наиболѣе пригодныхъ для этого людей. Примѣръ организатора „Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ" Степана Халтурина, рабочихъ Андрея Прѣснякова, Якова Тихонова, Макара Тетерки и другихъ—тому яркое свидѣтельство. Но во всемъ остальномъ г. Мартовъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ предметомъ, о которомъ онъ пишетъ. Мы видѣли, какую „строго замкнутую жизнь" вели такіе „заговорщики-террористы", какъ Желябовъ, Перовская, Фигнеръ и другіе; мы говорили о томъ, кто явился создателемъ и редакторомъ Рабочей Газеты (тотъ же „террористъ-заговорщикъ" Желябовъ), кто были хозяевами типографіи этой газеты („террористы-заговорщики" Тетерка и Гельфманъ) [2]), кто больше всѣхъ общался съ рабочими (тотъ же Желябовъ, та же Перовская, та же Фигнеръ [3]) и ихъ друзья вродѣ Ко-

---

[1]) Л. Мартовъ. „Пролетарская борьба въ Россіи". 2-е изданіе, стр. 58—59.

[2]) Можно уже къ разсказанному прибавить и такія подробности изъ біографіи Геси Гельфманъ: „хозяйкой конспиративной квартиры Геся дѣлается первый разъ въ концѣ 1879 года. Затѣмъ нѣкоторое время на ея рукахъ была общая квартира рабочаго кружка, потомъ динамитная мастерская. Потомъ зимой 1880—81 г. Геся снова переходитъ къ рабочему дѣлу въ качествѣ типографской хозяйки Рабочей Газеты. Эта квартира, однако, подъ вліяніемъ обострившихся обстоятельствъ, скоро преобразовывается въ мастерскую взрывчатыхъ веществъ. Въ февралѣ 1881 г. квартиру эту пришлось и вовсе покинуть; мастерская была перенесена на Телѣжную улицу, куда Геся и перебирается". (Геся Мировна Гельфманъ.—Календарь Народной Воли, стр. 27).

[3]) В. Н. Фигнеръ признала свое участіе во всѣхъ террористическихъ актахъ 1879—1882 года и въ то же время, какъ гласитъ обви-

ковскаго и другихъ); мы видѣли, въ какихъ „надежныхъ квартирахъ“ приходилось центру террористовъ собираться почти in corpore для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ (за неимѣніемъ другой, они засѣдали въ той самой квартирѣ, гдѣ изготовлялись и метательные снаряды)... Мы видѣли все это, и потому слова г. Мартова едва ли и нуждаются въ дальнѣйшихъ опроверженіяхъ.

Но мы все же хотимъ подвергнуть болѣе детальному разсмотрѣнію вопросъ о „громадныхъ денежныхъ средствахъ“ террористовъ.

Въ какомъ положеніи находились финансы Исполнительнаго Комитета?

Все говоритъ за то, что въ очень и очень тяжеломъ.

Г. Тихомировъ киваетъ на „либераловъ“, будто бы щедро финансировавшихъ народовольцевъ, но, не заподозривая г. Тихомирова въ томъ, что онъ сознательно говоритъ неправду, надо же имѣть въ виду ту несомнѣнно болѣзненную въ немъ черту, которая сказывается въ его систематическомъ преувеличеніи „преступности“ либераловъ.

Обратимся къ печатавшимся въ Народной Волѣ и ея Листкахъ отчетамъ о пожертвованіяхъ. Мы подсчитали ихъ, и вотъ какіе получаются результаты:

Въ первомъ номерѣ Народной Воли напечатанъ отчетъ на сумму—835 р. Во второмъ—417 р. Въ третьемъ—1,233 р. 72 к. Въ Листкѣ № 1—4,865 р. 10 к. Въ Листкѣ № 2—1,033 р. Въ Листкѣ № 3 отчета напечатано не было. Въ №№ 3 и 4 Народной Воли—тоже, но къ нимъ существовали приложенія, которыя разыскать не удалось, и потому въ сборникъ „Литература партіи Народной Воли“ они не вошли. Слѣдующій Листокъ вышелъ уже послѣ 1-го марта, а насъ теперь занимаетъ главнымъ образомъ вопросъ о средствахъ Исполнительнаго Комитета во время наибольшаго напряженія „заговорщиками - террористами“ ихъ силъ. Итакъ, изъ цифръ, которыми мы располагаемъ, явствуетъ, что съ 4 октября 1879 г. (день выхода перваго номера Народной Воли) по 20 августа 1880 г.

нительный актъ по ея дѣлу, „принимала дѣятельное участіе въ пропагандѣ среди рабочихъ“. (См. выдержки изъ обвинительнаго акта по дѣлу Фигнеръ въ майской кн. Былого за 1906 г., стр. 9).

(день выхода № 2 Листка — послѣдняго, въ которомъ имѣется отчетъ) въ кассу партіи Народной Воли поступило около семи съ половиной тысячъ рублей. Такъ какъ двухъ Листковъ не достаетъ, то удвоимъ эту сумму. Тогда мы получимъ пятнадцать тысячъ рублей.

Если принять во вниманіе, что народовольческій центръ состоялъ почти поголовно изъ нелегальныхъ людей, которые, за массою лежавшей на нихъ революціонной работы, физически не были въ состояніи зарабатывать себѣ средства къ существованію и должны были поэтому жить на средства партіи, то, считая таковыхъ членовъ 20 человѣкъ и полагая каждому на самое нищенское существованіе по 40 р. въ мѣсяцъ, получаемъ уже нужную для одного этого сумму въ 9,600 р. въ годъ.

А изданіе газеты? А все остальное?

Такъ гдѣ ужъ тутъ было „отводить глаза полиціи, одѣваясь богато и ведя образъ жизни буржуа“, о чемъ баснословитъ г. Мартовъ!!

Въ отчетахъ, напечатанныхъ въ Народной Волѣ и ея Листкахъ эпохи уже послѣ первомартовской, находятся извѣщенія о разныхъ крупныхъ поступленіяхъ. Подсчитывая ихъ, можно получить значительную сумму, какъ это и дѣлаетъ въ своей „Исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“ Тунъ, но мы за нимъ въ этихъ подсчетахъ не послѣдуемъ. [1])

[1]) А. Тунъ: „Исторія революціоннаго движенія въ Россіи“. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями Л. Э. Шишко. Петербургъ, стр. 278. Кстати о книгѣ Туна. Мы вовсе ею не пользовались, такъ какъ не считаемъ ее работою, критически провѣренною. Вотъ одинъ изъ образчиковъ того, какъ „on écrit l'histoire“ въ этой книгѣ: „5 февраля (1883 г.) въ одной изъ петербургскихъ бань нѣкій студентъ покушался на самоубійство; какъ на причину его, онъ указалъ, что хотѣлъ избѣжать наказанія Исполнительнаго Комитета, такъ какъ у него не хватило смѣлости, согласно уговору, убить царя при посѣщеніи имъ учебнаго заведенія. Въ тотъ же день застрѣлился управляющій бань, бывшій раньше управляющимъ того дома на Малой Садовой, откуда Богдановичъ велъ свою мину. Этотъ случай повелъ къ открытію конспиративной квартиры и къ аресту нѣсколькихъ лицъ. Въ тотъ же богатый событіями день случился загадочный пожаръ подъ актовой залой въ университетѣ. Вскорѣ тайная полиція донесла на двухъ террористовъ, которые были арестованы въ Вирбалленѣ. (Что это за „Вирбалленъ“? Virballen значитъ по-нѣмецки В е р ж-

Къ тѣмъ же выводамъ о крайней скудости у народовольцевъ матеріальныхъ средствъ можно прійти и помимо сдѣланныхъ нами подсчетовъ, ибо и вообще всѣ розсказни о „громадныхъ денежныхъ средствахъ“ народовольцевъ совершенно не вяжутся съ фактами.

Факты же говорятъ вотъ что:

Какъ мы уже упоминали, при возникновеніи Исполнительнаго Комитета, по показанію Гольденберга, въ его кассѣ было 2,500 р.[1]) Н. А. Морозовъ говоритъ, что не было и этого.

До возникновенія Народной Воли революціонеровъ широко финансировалъ казненный Д. А. Лизогубъ, но послѣ его казни всѣ старанія Александра Михайлова и Зунделевича получить, согласно волѣ и желанію Лизогуба, его имущество (черезъ управляющаго имѣніями Лизогуба Дрыго) въ пользу партіи, успѣхомъ не увѣнчались.[2])

Въ 1880 году во время закладки минъ подъ Каменный мостъ въ Петербургѣ взрывъ должны были произвести Желябовъ и Тетерка, но послѣдній, по его собственному показанію, опоздалъ прибыть на мѣсто „по неимѣнію часовъ.[3]) (Вотъ какъ „богато одѣвались“ „заговорщики-террористы“ и вотъ какой „образъ жизни буржуа“ они вели!).

Незадолго до перваго марта нужда въ деньгахъ заставила Желябова прибѣгнуть даже къ Рысакову съ просьбою

болово. В. Б.). У нихъ нашли компрометирующія вещи и шифрованныя письма, ключъ къ которымъ былъ найденъ у арестованной въ Харьковѣ Филипповой и въ которомъ рѣчь шла о покушеніи на царя во время коронаціи. Это повело къ многочисленнымъ арестамъ. Затѣмъ въ Петербургѣ была открыта мастерская, въ которой фабриковались шляпы со вложенными въ нихъ бомбами. Наконецъ, полиція выслѣдила конспиративную квартиру, восемь обитателей которой оказали вооруженное сопротивленіе и въ которой было до 4 пудовъ динамита“. (Тунъ стр. 246). Вписывая въ свою „Исторію“ всѣ эти сплошныя измышленія, Тунъ ссылается на № 53 Общаго Дѣла. Редакторы русскаго перевода книги Туна помѣстили всѣ такія фантазіи безъ малѣйшей оговорки.

[1]) „Процессъ 16 террористовъ“, стр. 135.

[2]) Ibid., стр. 68—71.

[3]) „Процессъ 20 народовольцевъ“, стр. 28.

раздобыть ихъ сколько-нибудь, и Рысаковъ взялъ въ конторѣ свое жалованье за три мѣсяца впередъ, изъ которыхъ и далъ Желябову 50 рублей.[1])

Въ передовой статьѣ Народной Воли отъ 1 января 1880 года (значитъ уже послѣ московскаго покушенія 19 ноября 1879 г.) находятся такія строки:

„Затѣвается новый журналъ; люди съ убѣжденіями якобы, съ состояніемъ, не нарадуются; говорятъ о всеобщемъ сочувствіи, а между тѣмъ изъ-за нищенскаго недостатка средствъ проваливаются шрифты, проваливаются люди, подвергается опасности все учрежденіе. Въ Москвѣ въ дѣлѣ 19 ноября недостатокъ средствъ заставляетъ закладывать домъ (изъ котораго велся подкопъ), что сопряжено съ его осмотромъ, а стало быть, съ возможностью провала, и это изъ-за нѣсколькихъ сотъ рублей. (Домъ былъ заложенъ за 600 рублей.) Существуютъ тысячи ссыльныхъ, погибающихъ отъ нищеты, и на помощь имъ находятся лишь гроши, самая несчастная милостыня; изъ-за недостка 5—6 рублей задерживаются побѣги; за отсутствіемъ вольнаго человѣка, который бы далъ адресъ, свезъ письмо или паспортъ, люди по цѣлымъ годамъ сидятъ въ тундрахъ". [2])

Описывая положеніе вещей лѣтомъ 1881 года, т.-е. уже послѣ открытія полиціей квартиры Исаева и Фигнеръ, ареста народовольческой типографіи и проч., о. С. Любатовичъ разсказываетъ, что изъ членовъ Исполнительнаго Комитета находились тогда въ Петербургѣ только она, Тихомировъ и Татьяна Лебедева.

„Я не могу забыть трагической фигуры Лебедевой,—пишетъ Любатовичъ.—Безпріютная и одинокая, бродила она по Петербургу лѣтомъ 1881 года... Она была оторвана отъ всѣхъ и, преслѣдуемая полиціей, ходила какъ приговоренная къ смерти, пока почти добровольно не отдалась властямъ, отправившись на вокзалъ, безсильная спастись отъ преслѣдовавшей ее полиціи. Искать пріютъ у людей легальныхъ и съ положеніемъ въ то время страшнаго общаго

[1]) „Дѣло 1 марта", стр. 48.

[2]) Народная Воля № 3 (1 января 1880 г.).

перепуга было нельзя; у молодежи, всегда готовой на жертву, пристанище было опасное и для нея и для нихъ". [1])

Біографъ Кибальчича, изображая его чрезвычайную разсѣянность, пишетъ между прочимъ такія строки: „другой разъ онъ очень разгнѣвалъ свою хозяйку, истративши всѣ имѣвшіяся деньги—два рубля—при полной невозможности достать ихъ гдѣ бы то ни было на покупку какихъ то банокъ для своихъ опытовъ". [2])

Въ „Воспоминаніяхъ о Перовской" сообщается такой фактъ. Дѣло было до перваго марта. Перовская зашла къ одному чиновнику, который собиралъ среди своихъ товарищей въ пользу партіи деньги, но на этотъ разъ деньги собраны не были. „У меня,—разсказываетъ авторъ воспоминаній,—было въ карманѣ сто рублей, данные мнѣ для передачи одной особѣ, которая должна была на дняхъ пріѣхать въ Петербургъ. Я предложила ихъ Перовской, не сомнѣваясь, что при такомъ состояніи (Перовская была больна) да еще въ такую пору,—было около 11 часовъ ночи,—никто не явится за деньгами безъ самой крайней нужды. Но Перовская не приняла этого предложенія, говоря, что не увѣрена въ возможности отдать мнѣ деньги въ такой короткій срокъ". [3])

Мы уже говорили въ свое время, что когда въ 1882 г. военно-революціонная организація постановила издавать спеціально для войскъ раволюціонный органъ и, нуждаясь для осуществленія этого предпріятія въ типографіи, обратилась за денежной помощью къ Исполнительному Комитету, то послѣдній, сознавая всю огромную важность этого дѣла, принужденъ былъ тѣмъ не менѣе, по недостатку средствъ, отклонить предложеніе центральнаго кружка военно-революціонной организаціи „до лучшихъ временъ".

Таковы факты,—а число ихъ можно было бы еще и еще увеличить,—предъ лицомъ которыхъ всѣ басни о „громадныхъ денежныхъ средствахъ" народовольцевъ должны со-

---

[1]) „Далекое и недавнее". Былое, 1906 г., іюнь, стр. 142.

[2]) Николай Ивановичъ Кибальчичъ. Женева. 1899. (переиздано съ изданія 1882 года), стр. 11.

[3]) Календарь Народной Воли. 1883 г., стр. 75.

вершенно исчезнуть. Нѣтъ, денежныя средства ихъ были столь же малы, какъ и численныя силы партіи, какъ и ея связи И здѣсь, какъ и тамъ, все дѣло заключалось лишь въ необыкновенныхъ личныхъ качествахъ людей народовольческаго центра и ни въ чемъ болѣе. Эти качества замѣняли имъ и силы, и средства, и связи...

И вотъ, слабая численно, безъ средствъ и безъ связей, буквально горсточка людей вступила въ борьбу съ абсолютизмомъ. Она была побѣждена,—иначе этого и быть не могло; но правительство,—что выиграло оно отъ этой побѣды, чему научилось?

Ничего и ничему. И что бы ни говорилъ въ настоящее время г. Тихомировъ, но истина-то вѣдь, оказалась на сторонѣ тѣхъ писанныхъ имъ и нынѣ, конечно, имъ же проклинаемыхъ строкъ, которыя гласили, что если правительство не станетъ на путь реформъ, то „количество недовольныхъ въ странѣ будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться, довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбѣжности все прочнѣе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершитъ этотъ процессъ разрушенія стараго порядка“. [1])

Правительство на путь реформъ стать не пожелало, и строки „Письма“ оказались пророческими.

Конечно, на это потребовалось времени гораздо больше, чѣмъ думали составители „Письма“, но по существу дѣло отъ этого, разумѣется, не измѣняется.

Пророчество сбылось черезъ четверть вѣка. Въ 1881 же году положеніе было такое: съ одной стороны стояла горсть революціонеровъ, съ другой—вооруженное всѣми средствами борьбы, располагавшее милліонной арміей и цѣлымъ государственнымъ механизмомъ правительство.

Мы видѣли, что дѣлала одна сторона. Теперь посмотримъ на дѣятельность другой.

---

[1]) Изъ „Письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III“: Былое, 1906 г., мартъ, стр. 34.

IX.

Власть имущіе и ихъ настроенія.

Народовольчество появилось на русской исторической аренѣ въ 1879 году.

Что же представляла собою въ это время русская власть, каковы были ея основа, ея содержаніе, ея могущество, ея настроеніе?

Можно рѣшительно утверждать, что въ то время историческая власть по существу своему, по количеству находившихся въ ея распоряженіи возможностей вести страну по пути благосостоянія и прогресса въ качествѣ движущей и ничѣмъ нестѣсняемой силы Россіи была необыкновенно мощна. Могло ли это и быть иначе, когда вся многомилліонная масса крестьянства свято вѣрила въ необходимость сохраненія для нея въ незыблемомъ видѣ воплощеннаго въ живую личность принципа неограниченной монархіи,—помимо причинъ общеисторическихъ, вѣдь, тогда не прошло еще и 20 лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ „по манію“ того самаго царя, который царствовалъ и въ 1879 году,—когда, хотя и по другимъ причинамъ, но тѣмъ же монархическимъ чувствомъ было проникнуто подавляющее большинство и дворянства, и духовенства, и мѣщанства, и купечества, и арміи, и флота, и администраціи, когда рабочее движеніе было лишь въ зародышѣ, а революціонная интеллигенція, всего за какой-нибудь годъ-другой до появленія народовольчества, была насквозь пропитана духомъ аполитизма и, противопоставляя „соціализмъ“ „политикѣ“, мечтала лишь о томъ, чтобы, миновавши капиталистическую стадію развитія Россіи, перепрыгнуть сразу въ соціалистическое царствіе небесное.

Казалось бы, что для прочности историческихъ устоевъ власти, равно какъ и для непрерывнаго движенія впередъ по пути реформъ сверху, лучшихъ условій и придумать было нельзя. Реформы же были настоятельны, ибо вызывались онѣ все болѣе и болѣе выроставшими изъ самой логики хозяйственнаго и соціально-политическаго развитія Россіи потребностями. Но этого-то правительство рѣши-

тельно и не понимало, и не признавало. Въ то же время правительство было не только реакціонно, но и до такой изумительной степени лишено всякаго чутья дѣйствительности, что считало себя самымъ серьезнымъ образомъ живущимъ на какомъ-то кратерѣ вулкана. Ему казалось, что революціонерами Россія кишмя-кишитъ, но миражъ этотъ происходилъ оттого, что само же оно зачисляло „въ революціонеры“ или, какъ выражались на архаическомъ языкѣ, въ „крамольники“, и всякаго инакомыслящаго, и всякаго участника какой-нибудь несчастной студенческой исторіи. Со всѣми расправа была коротка.

Какое жъ адское коварство
Задумалъ ты осуществить:
Разрушить думалъ государство
Или инспектора побить?

Все равно,—и тогда, когда Некрасовъ писалъ эти строки, и черезъ много лѣтъ послѣ того,—и тотъ, кто думалъ „разрушить государство“, и тотъ, кто замышлялъ „инспектора побить“ былъ одинаково „крамольникъ“ „нигилистъ“ и подлежалъ посему всевозможнымъ ранамъ и скорпіонамъ.

Правительство доходило до всенароднаго объявленія, что,—читатели видѣли это въ приведенномъ выше правительственномъ сообщеніи по поводу убійства генерала Мезенцева,—что власть, не будетъ больше слѣдовать въ борьбѣ съ революціонерами „путемъ, указаннымъ въ законѣ“, путемъ, по которому, если она раньше и слѣдовала, то, какъ опять-таки говорило само правительство въ томъ же „сообщеніи“, исключительно, вслѣдствіе своего „особаго долготерпѣнія“, оно высокомѣрно третировало „крамольниковъ“ въ офиціальныхъ документахъ, какъ „недоучившихся мальчишекъ“, но въ то же время, правительство, не имѣя на то ни малѣйшихъ о б ъ е к т и в н ы х ъ основаній, с у б ъ е к т и в н о этихъ „мальчишекъ“ чрезвычайно боялось, причемъ боялось не какого-либо акта, направленнаго на личность того или иного сановника, а боялось революціонеровъ-мальчишекъ именно, какъ с и л ы, способной вызвать въ странѣ огромныя потрясенія и потому уподобляло свое собственное положеніе буквально положенію осажденной непріятелемъ крѣпости.

Это невѣроятно, но это историческій фактъ.

Въ главѣ „Крамола“ составленной С. Татищевымъ біографіи Императора Александра II (біографія эта составлена на основаніи значительнаго количества очень немногимъ доступныхъ матеріаловъ) читаемъ такія строки:

„Уѣзжая весною 1879 года въ Крымъ, Александръ II поручилъ Особому Совѣщанію изъ министровъ военнаго, финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющаго II Отдѣленіемъ и шефа жандармовъ подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ Валуева изслѣдовать и выяснить причины быстраго распространенія въ средѣ молодого поколѣнія разрушительныхъ ученій и, изыскавъ дѣйствительныя, практическія мѣры, положить предѣлъ ихъ растлѣвающему вліянію.

„Совѣщаніе это, хотя и не признало положенія дѣлъ безъисходнымъ (!!), но, сознавая его затруднительность, не скрывало и опасности, которою оно грозитъ государству“ [1]).

Положеніе вещей въ Россіи въ 1879 году, „грозящее государству“, положеніе чуть не „безъисходное“,— вотъ, мнѣніе объ этомъ предметѣ господъ министровъ того времени!..

Это ли еще не предѣлъ, это ли еще не Геркулесовы Столбы... чего?.. ну, хотя бы политической дальнозоркости и прозорливости!..

Но, вотъ, разразилась катастрофа 1 марта 1881 года.

Характеризуя состояніе правительства и общества вслѣдъ за катастрофой, г. Тихомировъ писалъ въ своей, направленной противъ русскихъ конституціоналистовъ, брошюрѣ, что въ то время „въ Петербургѣ положеніе было смутно до послѣдней степени“ и что „ни одинъ Государь не получалъ наслѣдства власти въ такомъ безпорядочномъ состояніи“. Причина тому, разумѣется, политика Лорисъ-Меликова, которую „нельзя назвать иначе, какъ рядомъ гибельныхъ ошибокъ, въ одинъ годъ расшатавшихъ Россію, какъ и въ сотую долю не могли бы ее расшатать соединенныя усилія всѣхъ революціонеровъ и либераловъ“.[2])

---

[1]) С. Татищевъ. — Александръ II. Русскій біографическій словарь, т. I, стр. 868.

[2]) „Конституціоналисты въ эпоху 1881 года“, стр. 53.

Катковъ шелъ въ этомъ направленіи еще далѣе своего наслѣдника.

„Обманъ революціоннаго движенія, — писалъ онъ въ 1881 году,—идетъ не снизу, не изнутри страны. Онъ свилъ себѣ гнѣздо въ преддверіяхъ власти и идетъ изъ бюрократическихъ сферъ“.[1])

Въ чемъ же было дѣло? Какія страшныя ковы ковались тогда на погибель Россіи въ самыхъ „преддверіяхъ власти“?

Для яснаго пониманія всего послѣдующаго намъ совершенно необходимо коснуться въ самыхъ общихъ чертахъ этихъ „ковъ“, другими словами, трехъ существовавшихъ тогда въ „бюрократическихъ сферахъ“ проектовъ русской „конституціи“.

На первомъ планѣ стояла „конституція“ Лорисъ-Меликова, которая, какъ теперь всѣмъ извѣстно, состояла въ учрежденіи въ Петербургѣ „временныхъ подготовительныхъ комиссій“ съ участіемъ въ нихъ приглашаемыхъ депутатовъ отъ земствъ и нѣсколькихъ крупныхъ городовъ; затѣмъ выработанныя „подготовительными комиссіями“ предположенія подлежали обсужденію „общей комиссіи“, составленной слѣдующимъ образомъ: часть ея должна была назначаться по высочайшему повелѣнію изъ лицъ, которыя уже работали въ комиссіяхъ подготовительныхъ, другая— избираться земскими собраніями и третья опять-таки назначаться изъ лицъ, проживающихъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ земскія учрежденія не введены. Затѣмъ работы „общей комиссіи“ должны были поступать въ Государственный Совѣтъ, который оставался въ прежнемъ, нетронутомъ никакой реформой, видѣ.

Вотъ и вся „конституція“, весь коварный замыселъ Лорисъ-Меликова. Дѣйствительной конституціи тутъ не было ни одного грана, и, кромѣ законосовѣщательнаго учрежденія въ три этажа, проектъ Лорисъ-Меликова абсолютно ничего другого въ себѣ не содержалъ.

Кромѣ графа Лорисъ-Меликова, существовалъ еще другой „конституціоналистъ“—тогда уже предсѣдатель комитета министровъ графъ Валуевъ. Онъ скептически относился къ

[1]) Московскія Вѣдомости, 1881 г., № 104.

проекту „конституціи“ Лорисъ-Меликова,— „Michel'я I“,— ибо у него имѣлся свой, записку о которомъ онъ составилъ еще въ 1863 году. По его проекту выборные отъ земствъ составляютъ не особую комиссію, а входятъ въ составъ Государственнаго Совѣта, участвуя въ немъ, однако, не въ качествѣ полноправныхъ членовъ, а лишь при обсужденіи нѣкоторыхъ, поручаемыхъ Государственному Совѣту, дѣлъ. На такихъ же основаніяхъ избираются и представители нѣсколькихъ наиболѣе крупныхъ городовъ.

Существовалъ, наконецъ, третій проектъ „конституціи“. Авторъ его—генералъ-адмиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ сводился къ слѣдующему: 1) къ расширенію права дворянскихъ и земскихъ собраній, а также городскихъ думъ входить къ правительству съ ходатайствами о своихъ нуждахъ, 2) къ предоставленію дворянству права выбирать депутатовъ для дачи поясненій по ходатайствамъ дворянства, 3) къ предоставленію департаментамъ Государственнаго Совѣта права приглашать на свои засѣданія свѣдущихъ постороннихъ лицъ и 4) къ созыву „по мѣрѣ надобности“ „совѣщательнаго собранія изъ экспертовъ или гласныхъ, особо избираемыхъ для сего губернскими земскими собраніями и городскими думами наиболѣе значительныхъ городовъ“. [1]) Этотъ проектъ былъ составленъ также еще въ 1866 году.

Проекты Валуева и великаго князя Константина Николаевича обсуждались въ особыхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ, иногда подъ предсѣдательствомъ императора Александра II, нѣсколько разъ въ теченіе 1880 года, но были тамъ „провалены“. Это произошло слѣдующимъ образомъ.

Еще въ 1879 году Валуевъ заговорилъ съ государемъ о своемъ проектѣ 1863 года. Государь попросилъ его до-

[1]) Подробности обо всемъ этомъ читатели найдутъ въ правительственномъ изданіи „Предположенія высшаго правительства о привлеченіи избранныхъ отъ населенія лицъ къ законосовѣщательной дѣятельности“, въ перепечаткѣ этихъ же „Предположеній“ въ ноябрьской книжкѣ Вѣстника Права за 1905 годъ и въ историческомъ комментаріи къ нимъ тамъ же г. Берьманскаго. См. также „Конституцію графа Лорисъ-Меликова“, изданную сначала въ Лондонѣ, а затѣмъ перепечатанную въ Россіи.

ставить ему этотъ проектъ, что 17 декабря того же года Валуевымъ было исполнено. Къ проекту онъ приложилъ и объяснительную записку.

7 января 1880 г. государь приказалъ Валуеву быть 9-го у него. „Зачѣмъ?—спрашиваетъ Валуевъ въ своемъ дневникѣ.—Не моя ли записка 1863 года получаетъ ходъ?“

Черезъ нѣсколько дней онъ вноситъ въ дневникъ такую запись: „9 января. Государь прочиталъ мнѣ исчезнувшую съ 1866 года записку великаго князя генералъ-адмирала (Константина Николаевича) приблизительно по тому же предмету. Его предположенія уже, и явно, что узость ихъ, въ глазахъ государя, составляетъ достоинство. Разрѣшено переговорить съ кн. Урусовымъ. [1]) Государь отозвался, что соберетъ насъ послѣ совѣщанія, конечно, при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, [2]) шефѣ жандармовъ [3]) и пр. Присутствовавшій Цесаревичъ явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію status quo и всякій „конституціонализмъ“ считаетъ гибельнымъ. Явно тоже, что онъ весьма невѣрно освѣдомленъ о настроеніи имперіи, считая конституціонныя стремленія исключительно столичными бреднями (подчеркнуто въ подлинникѣ), и притомъ не имѣлъ яснаго понятія о моихъ предположеніяхъ и не зналъ, что я еще въ прошломъ году высказалъ во всеподданнѣйшей запискѣ, que le mot „constitution“ ne devait même pas être prononcé“.

22 января состоялось совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ императора Александра II. О немъ Валуевъ занесъ въ свой дневникъ такія любопытныя строки:

„Вчера совѣщаніе у Государя. Для лучшаго охраненія тайны всѣ введены первыми коридорными дверями въ библіотеку. Налицо были: два великихъ князя (т.-е. наслѣдникъ и авторъ проекта Константинъ Николаевичъ), кн. Урусовъ, Дрентельнъ, Маковъ и я. Великій князь генералъ-адмиралъ (Константинъ Николаевичъ) прочиталъ свою записку, дополняя изустно разными оговорками, и потомъ высказался вообще въ пользу

[1]) Статсъ-секретарь.
[2]) Маковъ.
[3]) Дрентельнъ.

дѣла; но то и другое въ обычномъ тонѣ. Была рѣчь и о безсословности, и о реформахъ, и пр., и пр. Кн. Урусовъ, Дрентельнъ и Маковъ въ краткихъ выраженіяхъ обнаружили несочувствіе. Подробнаго обсужденія не было, потому что Государь съ самаго начала сказалъ, что онъ только ставитъ вопросъ и предоставляетъ его обсудить предварительно между нами. Я высказался въ свою очередь преимущественно съ точки зрѣнія необходимости, въ виду нынѣшняго положенія дѣлъ, положить предѣлъ пассивности добронамѣреннаго большинства, а самому правительству дать возможность высказываться и вести рѣчь противъ ежедневно и вездѣ проповѣдуемыхъ революціонныхъ началъ. (Изъ этого характернаго „ежедневно и вездѣ“ можно составить себѣ представленіе, что именно разумѣлъ и Валуевъ подъ „революціонными началами“. *В. Б.*). Цесаревичъ сказалъ, что ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что призванные представители сословій будутъ неудобные крикуны, адвокаты и т. п. Оппозиція Цесаревича имѣла видимое вліяніе на кн. Урусова и Макова. На этомъ совѣщаніе прекратилось. Положено вновь быть у Государя въ будущій вторникъ въ 11 часовъ, а между тѣмъ намъ собраться у великаго кн. генералъ-адмирала завтра, 23. Возвратясь домой, я тотчасъ написалъ Макову и кн. Урусову, что считаю дѣло проиграннымъ, во-первыхъ, потому, что между нами нѣтъ необходимаго единодушія, во-вторыхъ, потому, что оно попало въ руки генералъ-адмирала. Мнѣ выгоднѣе для будущаго отступить, чѣмъ быть отбитому“. [1])

[1]) Дневникъ Валуева. Былое, 1906 г. декабрь, стр. 269. Въ дальнѣйшемъ въ числѣ другихъ матеріаловъ мы будемъ широко пользоваться дневникомъ Валуева. Сдѣланныя подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, записи Валуева являются для ознакомленія съ дѣлами того времени источникомъ первостепенной важности. Большія извлеченія изъ дневника Валуева напечатаны въ статьяхъ П. Е. Щеголева „Изъ конституціонныхъ вѣяній 1879—1881 гг.“ (Былое, 1906 г., декабрь), „Послѣ перваго марта 1881 г.“ (Былое, 1907 г., мартъ) и „Гр. П. А. Валуевъ о положеніи Россіи въ 1882 году“. (Минувшіе Годы, 1908 г., октябрь), а также въ статьѣ „Гр. П. А. Валуевъ въ 1881—1884 годахъ“. Историческій сборникъ О Минувшемъ. Спб. 1909 г. Полностью дневникъ Валуева за 1880 годъ напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1907 г., январь, февраль и мартъ.

23 января состоялось назначенное засѣданіе въ Мраморномъ дворцѣ. Тутъ Валуевъ заявилъ генералъ-адмиралу, что, „въ виду отсутствія необходимаго въ такихъ дѣлахъ единодушія“, онъ, Валуевъ, считаетъ „свои предположенія неосуществимыми въ настоящее время и потому отъ дальнѣйшаго настоянія или даже обсужденія ихъ отказывается“. Въ то же время онъ подвергъ критикѣ проектъ Константина Николаевича. „Положено возвратиться ко всему послѣзавтра, въ присутствіи цесаревича, который сегодня быть не могъ“.

25-го опять въ Мраморномъ дворцѣ состоялось совѣщаніе съ участіемъ цесаревича, о которомъ Валуевъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

„Засѣданіе у великаго князя привело, но не безъ труда, къ простому отрицательному заключенію. Онъ усиленно пытался провести свою мысль и чуть-чуть не эскамотировалъ на то согласіе Цесаревича, на этотъ разъ присутствовавшаго, и промолчаніе другихъ членовъ совѣщанія. Но я уперся и не далъ совершиться его tour de prestidigitation. Онъ мнѣ вообще невыносимъ. Кн. Урусовъ, Маковъ и Дрентельнъ были въ обычныхъ роляхъ. Подробностей не отмѣчаю.“ [1])

Мы видѣли, что на первомъ же совѣщаніи цесаревичъ высказалъ взглядъ, что „ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что призванные представители будутъ неудобные крикуны, адвокаты и т. п.“.

Немедленно послѣ этого совѣщанія Константинъ Николаевичъ составилъ записку, въ которую помѣстилъ между прочимъ такія любопытныя строки:

„Переходя къ другимъ замѣчаніямъ, заявленнымъ въ особомъ совѣщаніи, и оставаясь по существу предмета при прежнихъ моихъ убѣжденіяхъ, я не могу тѣмъ не менѣе не признать, что опасеніе насчетъ возможности выбора въ гласные адвокатовъ имѣетъ дѣйствительныя основанія. Посему, вполнѣ присоединяясь къ основной мысли сдѣланнаго въ этомъ отношеніи заявленія, я призналъ необходимымъ дополнить первоначальный мой проектъ правиломъ о томъ, что въ гласные не могутъ быть избираемы при-

[1]) Ibid., стр. 270.

сяжные повѣренные, ихъ помощники и ходатаи по судебнымъ дѣламъ". [1])

Но все было тщетно. Генералъ-адмиралъ не далъ ходу проекту валуевскому, Валуевъ „уперся" и „провалилъ" проектъ „генералъ-адмиральскій".

Послѣ всего этого у государя во дворцѣ собрались 30 января еще разъ на совѣщаніе тѣ же лица, и на этотъ разъ министръ двора графъ Адлербергъ. Объ этомъ засѣданіи Валуевъ записалъ въ дневникъ всего нѣсколько строкъ:

„Вчера, — писалъ онъ 31 января, — похоронена вновь — надолго ли, не угадываю — мысль 1863 года. На совѣщаніи у Государя ей прочитаны краткія отходныя съ тѣми же оттѣнками, которые обнаружились при предшедшихъ совѣщаніяхъ". [2])

И замѣчательное дѣло! „Проваливая" проектъ Константина Николаевича, который въ сущности ничѣмъ не отличался отъ его собственнаго, мало того, какъ бы гордясь этимъ, Валуевъ въ то же время разсыпаетъ въ своемъ дневникѣ записи вродѣ слѣдующихъ:

„Меня гнететъ сознаніе, что безъ неожиданнаго и притомъ неизбѣжнаго критическаго событія, безъ потрясенія болѣе сильнаго, безъ нужды болѣе крайней, чѣмъ нынѣшнія потрясенія и нужды, — выхода нѣтъ". [3])

„Быть можетъ, для перехода къ другому порядку мыслей и дѣлъ намъ нужно, чтобы подъ нами почва еще болѣе заколебалась". [4])

5 февраля того же года произошелъ организованный Исполнительнымъ Комитетомъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Прямымъ виновникомъ взрыва былъ рабочій Халтуринъ при непосредственномъ содѣйствіи Желябова. [5])

Никто изъ виновниковъ взрыва разысканъ послѣ 5 февраля въ теченіе 1880 года не былъ.

---

[1]) Былое, 1906 г., декабрь, стр. 272.

[2]) Ibid., стр. 270.

[3]) Вѣстникъ Европы, январь, 1907 г., стр. 243.

[4]) Былое. 1906 г., декабрь, стр. 269.

[5]) См. „Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ"—въ „Календарѣ Народной Воли" 1883 года.

12 февраля былъ опубликованъ указъ объ учрежденіи Верховной Распорядительной Комиссіи съ цѣлью „положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ“. Во главѣ Комиссіи былъ поставленъ Лорисъ-Меликовъ.

Началась знаменитая „диктатура сердца“.

12 февраля Лорисъ-Меликовъ издалъ свое воззваніе къ жителямъ столицы, въ которомъ говорилъ: „На поддержку общества смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни“.

Затѣмъ важнѣйшими фактами дѣятельности диктатора явилась отставка всѣмъ ненавистнаго министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого и упраздненіе 3-го отдѣленія. Оно было упразднено одновременно съ закрытіемъ и Верховной Комиссіи. Вмѣсто него возникъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ „департаментъ государственной полиціи“. Должность шефа жандармовъ отнынѣ должна быть совмѣщаема въ одномъ лицѣ съ должностью министра внутреннихъ дѣлъ. Имъ и назначенъ былъ Лорисъ-Меликовъ.

Террористическихъ актовъ послѣ 5 февраля, за исключеніемъ произведеннаго по собственной иниціативѣ Млодецкимъ (о немъ мы уже говорили) покушенія на жизнь Лорисъ-Меликова 20 февраля да покушенія нѣкоего Поликарпова на жизнь агента полиціи Забрамскаго 4 марта въ Кіевѣ,[1]) никакихъ во всей Россіи не было. Приготовленія къ нимъ были обнаружены лишь болѣе чѣмъ черезъ годъ.[2]) Суды по политическимъ дѣламъ дѣйствовали тѣмъ не менѣе по всей Россіи, постановляя чрезвычайно суровые приговоры. Кромѣ процесса Млодецкаго, окончившагося казнью, политическія дѣла происходили попрежнему въ воен-

[1]) О покушеніи на Забрамскаго см. обвинительный актъ по дѣлу М. Р. Попова и др., а также составленную С. Сватиковымъ біографію М. Р. Попова въ „Галлереѣ шлиссельбургскихъ узниковъ“, стр. 165.

[2]) Приготовленія къ покушенію на цареубійство въ Одессѣ (Саблинъ, Перовская, Исаевъ и др.) и закладка мины подъ Каменнымъ мостомъ въ Петербургѣ (Желябовъ, Баранниковъ, Тетерка и др.). Объ этомъ мы говорили выше.

ныхъ судахъ въ Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ.

21 февраля въ Кіевѣ происходилъ процессъ Лозинскаго и двадцатилѣтняго Розовскаго, выведенныхъ впослѣдствіи подъ ихъ собственными именами въ романѣ Л. Н. Толстого „Воскресеніе". Розовскій обвинялся въ храненіи революціонныхъ листковъ да въ томъ, что у него ночевалъ кто-то изъ нелегальныхъ. За это Розовскій былъ приговоренъ къ казни. Генералъ-губернаторъ Чертковъ утвердилъ приговоръ, и 5 марта Розовскій былъ повѣшенъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ повѣшенъ и обвинявшійся въ распространеніи прокламацій Лозинскій.

Въ іюлѣ тамъ же, въ Кіевѣ, происходилъ процессъ 21 подсудимаго — Попова, Иванова и др. Поповъ и Ивановъ были приговорены къ повѣшенію, которое имъ замѣнили безсрочной каторгой. Всего въ каторгу по этому дѣлу пошло 18 человѣкъ.

Въ Петербургѣ въ концѣ мая имѣлъ мѣсто процессъ Сабурова (Оболешина), Адріана Михайлова, доктора Веймара и др. Всего 11 подсудимыхъ. Оболешинъ и Михайловъ были приговорены къ смертной казни, замѣненной имъ безсрочной каторгой. Въ каторгу приговорены: Трощанскій, Бердниковъ, Калѣнкина и др. Въ числѣ ихъ докторъ О. Э. Веймаръ, человѣкъ во взводимыхъ на него преступленіяхъ совершенно неповинный, осужденъ, невзирая на данныя объ его невинности, представленныя властямъ тогда же Г. А. Лопатинымъ. [1])

Въ концѣ октября въ Петербургѣ состоялся процессъ 16-ти.

Приговорены были къ смертной казни 5 человѣкъ, большая часть остальныхъ — къ каторгѣ.

Изъ числа осужденныхъ 4 ноября были повѣшены Квятковскій и Прѣсняковъ.

И т. д., и т. д.

Все это, конечно, могло мало способствовать „умиротворенію" умовъ среди революціонеровъ.

Такъ прошелъ 1880 годъ.

---

[1]) См. Г. А. Лопатинъ: „Къ исторіи осужденія д-ра О. Э. Веймара". Былое, 1907 г., мартъ, стр. 121.

Наступилъ 1881 г. Снова сталъ вопросъ о какой-либо „уступкѣ“ „умѣреннымъ“ слоямъ общества.

28 января Лорисъ-Меликовымъ представлена была всеподданнѣйшая записка объ образованіи комиссій „предварительныхъ“ и „общей“ для составленія законопроектовъ въ опредѣленныхъ заранѣе предѣлахъ. Объ этихъ проектахъ мы уже говорили, — здѣсь же, для большей ясности дѣла, приведемъ относящіяся къ этому времени выписки изъ не разъ уже цитированнаго нами дневника Валуева.

3 февраля Валуевъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

„Третьяго дня заѣзжалъ ко мнѣ Michel I-r (Лорисъ-Меликовъ). Особенно любезенъ. Должно быть, что-нибудь значитъ. И точно, оказывается, что Государю угодно, чтобы я участвовалъ въ совѣщаніи, которое должно состояться у Его Величества относительно представленной гр. Лорисъ-Меликовымъ записки. Ближній бояринъ (опять-таки Лорисъ-Меликовъ) мнѣ ее вчера прислалъ. Монументъ посредственности, умственной и нравственной. При наивно-циничномъ самовосхваленіи, при грубомъ кажденіи Государю и грубомъ изложеніи разной лжи—прежняя мысль о какихъ-то редакціонныхъ комиссіяхъ изъ призывныхъ экспертовъ“. [1])

4 февраля состоялось совѣщаніе у государя, о которомъ на другой день Валуевъ записалъ:

„Вчера совѣщаніе у Государя.—Цесаревичъ, генералъ-адмиралъ, гр. Адлербергъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, кн. Урусовъ, Абаза, [2]) Набоковъ [3]) и я. Читалась самимъ Лорисъ-Меликовымъ его записка. Затѣмъ обсуждалась.—Нельзя было вчера ставить себѣ вопросъ: qui donc trompe-t-on ici? Отвѣтъ давался заранѣе. Нельзя было также не замѣтить, до какой степени decipi placet.

„Дѣло кончилось всеобщимъ одобреніемъ предложеній министра внутреннихъ дѣлъ, съ обычными неопредѣленными оговорками насчетъ „предосторожностей“, „деталей“ и пр., порученіемъ разсмотрѣть эти детали и установить эти предосторожности въ совѣщаніи изъ тѣхъ же лицъ

[1]) Дневникъ Валуева“ Былое, 1906 г., декабрь, стр. 276.

[2]) Министръ финансовъ.

[3]) Министръ юстиціи.

кромѣ Государя, а затѣмъ къ облобызанію руки Его Величества графомъ-умиротворителемъ".

9 февраля: „Вчера и третьяго дня пріѣзжалъ гр. Лорисъ-Меликовъ. Весьма трудно разобрать, насколько въ его рѣчахъ незнанія или неправды. Былъ кн. Мирскій, приготовляющійся воеводствовать въ Харьковѣ. Изъ его рѣчей видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ ожидалъ другого исхода своимъ предположеніямъ, т.-е. полагалъ пріурочить эффектъ къ 19 февраля".

Въ тотъ же день вечеромъ было новое совѣщаніе, о которомъ Валуевъ записалъ:

„Вечеромъ вчера указанное Высочайшею волею совѣщаніе у Цесаревича. Прежніе—Сольскій. Нельзя найти достаточно сильныхъ выраженій, чтобы охарактеризовать... генералъ-адмирала передъ ближнимъ бояриномъ... Въ остальномъ совѣщаніе было жалко, но безобидно. Всякое разумное сужденіе было невозможно. Рамки, понятія, формулы—все условно. Истины—ни на алтынъ. Пониманіе ограниченное. Сольскій, при своемъ умѣ, прежде всего канцеляристъ. Дѣло на заднемъ планѣ. Князь Урусовъ думаетъ только о томъ, какъ бы уторговать или отторговать. Набоковъ блѣденъ, но разсудителенъ въ общемъ итогѣ. Гр. Адлербергъ блѣднѣе всякой блѣдности. Для него совѣщаніе вродѣ барщины, подлежащей отсидѣнію. Онъ и отсидѣлъ. И мы правительство!". [1])

14 февраля было послѣднее засѣданіе—тоже у цесаревича. 16 журналъ совѣщанія былъ подписанъ и 17 представленъ государю, который возвратилъ его съ надписью: „Исполнить".

„Въ тотъ же день,—какъ писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 6 марта уже новому императору Лорисъ-Меликовъ,—въ Бозѣ почившій Государь Императоръ повелѣть соизволилъ министру внутреннихъ дѣлъ изготовить въ видѣ правительственнаго сообщенія для напечатанія въ Правительственномъ Вѣстникѣ оповѣщеніе во всеобщее свѣдѣніе о принятомъ всемилостивѣйшемъ рѣшеніи". [2])

[1]) Былое, 1906 г., декабрь, стр. 276—277.

[2]) Всеподданнѣйшій докладъ этотъ напечатанъ въ „Конституціи" Лорисъ-Меликова. Петерб. изданіе, стр. 54—61.

Этотъ проектъ оповѣщенія былъ составленъ, и 1 марта, какъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Валуевъ, государь поручилъ ему для разсмотрѣнія этого оповѣщенія созвать совѣтъ министровъ на 4-ое марта.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Лорисъ-Меликовскія комиссіи были уже на порогѣ своего осуществленія въ жизни. Разумѣется, „конституціей“ въ нихъ и не пахло, но все же и такая реформа могла свидѣтельствовать о томъ, что правительство, по крайней мѣрѣ, сдвигается съ мертвой точки реакціи.

Г. Тихомировъ держится на этотъ счетъ особаго мнѣнія и по поводу проектированной реформы пишетъ такія строки:

„Не трудно понять (!), что дѣйствительно дальнѣйшіе шаги неизбѣжно и быстро должны были послѣдовать по созваніи этихъ выборныхъ. Они явились бы поголовно (!!!) изъ того слоя политикановъ, который велъ въ это время земскую агитацію. (Въ сколькихъ же земствахъ „агитація“ эта имѣла хоть какой-нибудь успѣхъ? Кого же прислали бы въ качествѣ выборныхъ земства орловское, псковское, симбирское, пензенское воронежское, тамбовское, ярославское, калужское, олонецкое и многія другія—даже петербургское и московское,—объ „агитаціи“ въ которыхъ и слыхомъ не было слыхать? А представители „наиболѣе значительныхъ городовъ“—они кого бы прислали, какихъ „агитаторовъ“,—не забудемъ,—просто въ качествѣ экспертовъ въ комиссіи для обсужденія нѣкоторыхъ законодательныхъ предположеній правительства? В. Б.) Они выставили бы себя представителями „воли народа“ (почему бы ужъ прямо не „Народной Воли“? В. Б.) и, имѣя графа Лорисъ-Меликова около государя, стали бы фактически выше государственнаго совѣта, завоевывая себѣ значеніе настоящаго парламента. Мы, очевидно (?!), готовились войти въ такую полосу внутренней смуты, исходъ которой при данныхъ условіяхъ трудно было даже предсказать“. [1])

Вотъ отъ какихъ ужасовъ спасла правительство та политика, на которую оно, отбросивши проекты всякихъ

[1]) Конституціоналисты стр. 73.

„созывовъ“, вступило послѣ 1 марта и которой неукоснительно держалось въ теченіе всѣхъ послѣдовавшихъ двадцати лѣтъ!.. А между тѣмъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ правительство представляло собою несомнѣнно ту единственную силу въ странѣ, которая могла бы легко и свободно направить государство на путь планомѣрныхъ реформъ.

Но этому-то и были враждебны всѣмъ своимъ существомъ лица, являвшіяся фактическою властью въ Россіи, и они пустили въ ходъ рѣшительно всѣ средства, чтобы парализовать и тѣ скромнѣйшія начинанія реформъ, которыя были проектированы Лорисъ-Меликовымъ, и направить страну на путь еще болѣе беззастѣнчивой реакціи, чѣмъ это даже было въ концѣ царствованія Александра II.

6 марта Лорисъ-Меликовъ представилъ Александру III свой вышеупомянутый всеподданнѣйшій докладъ; новый императоръ поручилъ Лорисъ-Меликову созвать для обсужденія этого доклада особое подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ совѣщаніе.

Въ январской книжкѣ журнала Былое за 1906 годъ былъ напечатанъ отчетъ объ этомъ засѣданіи. [1])

Изъ него, равно какъ изъ дневника Валуева, точно извѣстно, что̀ именно на засѣданіи 8 марта происходило. За осуществленіе проекта Лорисъ-Меликова высказался, кромѣ самого Лорисъ-Меликова, въ сущности, одинъ только Милютинъ и въ слабой степени Сольскій, Абаза, Валуевъ и великій князь Константинъ Николаевичъ. Остальные были противъ. [2])

[1]) Въ Былом̀ъ это засѣданіе неправильно названо „засѣданіемъ Государственнаго Совѣта“. Это было засѣданіе не Государственнаго Совѣта, а особаго совѣщанія. Въ остальномъ свѣдѣнія журнала совершенно вѣрны, ибо напечатанный отчетъ представляетъ собою доподлинную запись о ходѣ засѣданія 8 марта 1881 года, сдѣланную тогда же однимъ изъ участниковъ этого засѣданія. Оно происходило подъ предсѣдательствомъ императора Александра III и въ немъ принимали участіе: великіе князья Константинъ Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ и Владиміръ Александровичъ, принцъ Ольденбургскій, гр. Валуевъ, кн. Урусовъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, гр. Милютинъ, Абаза, Набоковъ, гр. Адлербергъ, кн. Ливенъ, гр. Барановъ, Сабуровъ, Сольскій, Посьетъ, Маковъ, Побѣдоносцевъ, гр. Строгановъ и Перетцъ.

[2]) Въ вышедшей въ 1882 году въ Берлинѣ книжкѣ „Черный передѣлъ реформъ Александра II“ свѣдѣнія о засѣданіи 8 марта 1881 г. весьма не точны.

Это совѣщаніе такъ важно, что отчетъ о немъ мы приведемъ здѣсь полностью въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ записанъ однимъ изъ его участниковъ.

„Когда всѣ заняли мѣста, Его Величество Императоръ Александръ III, не безъ нѣкотораго смущенія, сказалъ:

„Господа! Я собралъ Васъ сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тяжелое время, для обсужденія одного вопроса, въ высшей степени важнаго. Графъ Лорисъ-Меликовъ, озабочиваясь возможно всестороннимъ разсмотрѣніемъ предположеній, которыя будутъ выработаны послѣ окончанія сенаторскихъ ревизій, а также для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, докладывалъ покойному Государю, о необходимости созвать представителей отъ земствъ и городовъ. Мысль эта въ общихъ чертахъ была одобрена покойнымъ моимъ отцомъ, который приказалъ обсудить ее подробно въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, при участіи моемъ, великаго князя Константина Николаевича и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Журналъ совѣщанія, которое въ сущности согласилось съ проектомъ, былъ представленъ Его Величеству и имъ одобренъ. Покойный Государь сдѣлалъ, однако, нѣкоторыя замѣтки относительно частностей. Намъ предстоитъ обсудить эти замѣтки. Но прошу Васъ быть вполнѣ откровенными и говорить мнѣ Ваше мнѣніе относительно всего дѣла, нисколько не стѣсняясь. Предваряю Васъ, что вопросъ не слѣдуетъ считать предрѣшеннымъ, такъ какъ покойный батюшка хотѣлъ, прежде окончательнаго утвержденія проекта, созвать для окончательнаго его разсмотрѣнія Совѣтъ Министровъ".

Слово было представлено членамъ засѣданія. За проектъ Лорисъ-Меликова высказывались Сольскій, Абаза, гр. Валуевъ, гр. Милютинъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ и нѣкоторые другіе. Гр. Валуевъ не преминулъ сообщить, что онъ еще въ 1866 году входилъ съ подобнымъ же представленіемъ къ императору Александру II, но тогда оно было отложено. Рѣчи говорившихъ за проектъ Лорисъ-Меликова были вялы и слабы: въ нихъ не чувствовалось увѣренности лицъ, твердо убѣжденныхъ. Исключеніемъ была лишь рѣчь гр. Милютина.

Графъ Милютинъ сказалъ: „Предлагаемая мѣра Вашему Императорскому Величеству, по моему мнѣнію, совершенно необходима, и необходима именно теперь. Въ началѣ каждаго царствованія новый монархъ, для пользы дѣла, долженъ заявить народу свои намѣренія и виды относительно будущаго. По части внѣшней политики взгляды Вашего Величества нашли себѣ прекрасное выраженіе въ циркулярной депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Какъ видно изъ извѣстій, приходящихъ съ разныхъ концовъ Европы, депеша эта произвела повсюду наилучшее впечатлѣніе. Но она касается собственно международныхъ нашихъ

отношеній, изъ нея не видно, какой внутренней политики будетъ держаться императоръ Александръ III. Между тѣмъ вопросъ этотъ естественно озабочиваетъ всю Россію. Безотлагательное разрѣшеніе его представляется мнѣ въ высшей степени необходимымъ. Покойный Государь, по вступленіи на престолъ, предпринялъ цѣлый рядъ великихъ дѣлъ. Начатыя имъ преобразованія должны были обновить весь строй нашего отечества. Къ несчастью, выстрѣлъ Каракозова остановилъ исполненіе многихъ благихъ предначертаній великодушнаго монарха. Кромѣ святого дѣла освобожденія крестьянъ, которому покойный государь былъ преданъ всей душой, всѣ остальныя преобразованія исполнялись вяло, съ недовѣріемъ къ пользѣ ихъ, причемъ нерѣдко принимались даже мѣры, несогласныя съ основною мыслью изданныхъ новыхъ законовъ. Понятно, что при такомъ образѣ дѣйствій, нельзя было ожидать добрыхъ плодовъ отъ наилучшихъ даже предначертаній. И, дѣйствительно, въ Россіи все затормозилось, почти замерло, повсюду стало развиваться глухое недовольство...

„Въ самое послѣднее только время общество ожило, всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной императора Александра Николаевича, возникли предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ въ общество, и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникла и за границу“...

Здѣсь графа Милютина прервалъ Александръ III:

„Да, но императоръ Вильгельмъ, до котораго дошли слухи о томъ, будто бы батюшка хочетъ дать Россіи конституцію, умолялъ его въ собственноручномъ письмѣ — не дѣлать этого; на случай же, если бы дѣло зашло такъ далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе безъ народнаго представительства, императоръ германскій совѣтовалъ устроить его какъ можно скромнѣе, давъ представительству поменьше вліянія и сохранивъ власть за правительствомъ“.

Графъ Милютинъ продолжаетъ:

„Ваше Величество, не о конституціи идетъ рѣчь. Нѣтъ ея и тѣни. Предлагается устроить на правильномъ основаніи то, что въ сущности было и прежде. Когда разсматривались проекты крестьянскихъ положеній и другихъ важнѣйшихъ законовъ, всякій разъ съ соизволенія покойнаго государя приглашаемы были для предварительнаго обсужденія этихъ проектовъ люди практическіе, которые знаютъ дѣйствительную жизнь, потому что живутъ не въ столицѣ, а въ уѣздахъ и деревняхъ, гдѣ многіе вопросы представляются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели въ нашей средѣ.

„Теперь предстоятъ важные законодательные труды по окончаніи сенаторскихъ ревизій. Естественно, что для успѣха дѣла

необходимо сообразить ихъ всесторонне, т.-е. не съ канцелярской только, или бюрократической, точки зрѣнія. Въ виду этого, Ваше Величество, я позволяю себѣ горячо поддерживать предложеніе графа Лорисъ-Меликова".

Гораздо ярче и опредѣленнѣе были рѣчи противъ проекта Лорисъ-Меликова.

Графъ Строгановъ сказалъ: „Ваше Величество, предлагаемая мѣра, по моему мнѣнію, не только не своевременная при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, требующихъ особой энергіи со стороны правительства, но и вредная.

„Мѣра эта вредна потому, что съ принятіемъ ея власть перейдетъ изъ рукъ самодержавнаго монарха, который теперь безусловно необходимъ, въ руки разныхъ шалопаевъ, думающихъ не о пользѣ общей, а только о своей личной выгодѣ. Въ послѣднее время и безъ предлагаемой новой мѣры власть значительно ослабла, въ журналахъ пишутъ Богъ знаетъ что и проповѣдуютъ невозможныя доктрины. Дошло до того, что, какъ я слышалъ, самъ министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ призвать къ себѣ журналистовъ, чтобы потребовать отъ нихъ нѣкоторой умѣренности. Но, Государь, подобная мѣра не будетъ уже возможна тогда, когда Вы вступите на путь Вамъ предлагаемый; путь этотъ ведетъ прямо къ конституціи, которой я не желаю ни для Васъ, ни для Россіи".

Александръ III: „Я тоже опасаюсь, что это первый шагъ къ конституціи".

Маковъ: „Ваше Императорское Величество, предложенія графа Лорисъ-Меликова мнѣ были вовсе неизвѣстны; я ознакомился съ ними въ первый разъ въ настоящемъ засѣданіи и потому не могъ еще сообразить ихъ, какъ бы слѣдовало. Насколько я могъ постичь изъ записки, прочитанной министромъ внутреннихъ дѣлъ, основная ея мысль — ограниченіе самодержавія. Доложу откровенно, что я, съ моей стороны, всѣми силами моей души и моего разумѣнія, рѣшительно отвергаю эту мысль. Осуществленіе ея привело бы Россію къ погибели. Таковъ мой взглядъ на этотъ вопросъ вообще. Но кромѣ того, по долгу совѣсти я считаю себя обязаннымъ высказать, что не въ такія минуты, какъ тѣ, которыя, къ несчастью, переживаемъ мы, — возможно заниматься проектами объ ослабленіи власти и объ измѣненіи формы правленія, благодѣтельной для отечества. Въ смутное нынѣшнее время, по глубокому убѣжденію моему, нужно думать только о томъ, чтобы укрѣпить власть и искоренить крамолу. Воля Вашего Императорскаго Величества, безъ сомнѣнія, священна. Если Вамъ, Государь, благоугодно будетъ утвердить, одобренныя въ Бозѣ почившимъ императоромъ, предложенія графа Лорисъ-Меликова, то всѣ мы должны преклониться, и всѣ возраженія должны смолкнуть. Тѣмъ не менѣе, я считаю священною обязанностью обратить

всемилостивѣйшее вниманіе Вашего Величества на то, что при обнародованіи постановленія по этому предмету нужно принять совершенно иную форму, нежели та, которая предлагается графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Нельзя говорить о важной этой мѣрѣ такъ, какъ будто-бы она исходитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Подобный правительственный актъ можетъ исходить исключительно отъ Васъ, по завѣту покойнаго Государя и силою собственной державной воли Вашего Императорскаго Величества, а не по мысли и представленію министра внутреннихъ дѣлъ. О немъ въ публикаціи не должно быть и рѣчи".

Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ (блѣдный, какъ полотно, нервно волнуется).

„Ваше Величество, по долгу присяги и совѣсти, я обязанъ высказать Вамъ все, что у меня на душѣ. Я нахожусь не только въ смущеніи но и въ отчаяніи. Какъ въ прежнія времена передъ гибелью Польши говорили: „Finis Poloniae!", такъ теперь едвали не приходится сказать и намъ: „Finis Russiae!" При соображеніи проекта, предлагаемаго на уваженіе Ваше, сжимается сердце! Въ этомъ проектѣ слышится фальшь, скажу болѣе: онъ дышетъ фальшью. Намъ говорятъ, что для лучшей разработки законодательныхъ проектовъ нужно приглашать людей, знающихъ народную жизнь, нужно выслушивать экспертовъ. Противъ этого я ничего не сказалъ-бы, если бы хотѣли сдѣлать это только. Эксперты вызывались и въ прежнія времена, но не такъ, какъ предлагается теперь. Нѣтъ! въ Россіи хотятъ ввести конституцію, и если не сразу, то по крайней мѣрѣ сдѣлать къ ней первый шагъ... А что такое конституція? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Западная Европа. Конституціи тамъ существующія, есть орудія всякой неправды, источникъ всякихъ интригъ. Примѣровъ этому множество, и даже въ настоящее именно время мы видимъ во Франціи, охватившую все государство борьбу, имѣющую цѣлью не дѣйствительное благо народа и усовершенствованіе законовъ, а измѣненіе порядка выбора для доставленія торжества честолюбцу Гамбеттѣ, помышляющему сдѣлаться диктаторомъ государства. Вотъ къ чему можетъ вести конституція! Намъ говорятъ, что нужно справляться съ мнѣніемъ страны черезъ посредство ея представителей. Но развѣ тѣ люди, которые явятся сюда для соображенія законодательныхъ проектовъ, будутъ дѣйствительными выразителями мнѣнія народнаго? Я увѣряю, что нѣтъ. Они будутъ выражать только личные свои взгляды"...

Здѣсь прервалъ его Александръ III:

„Я думаю то же. Въ Даніи мнѣ не разъ говорили министры, что депутаты, засѣдающіе въ палатѣ, не могутъ считаться выразителями дѣйствительныхъ народныхъ потребностей"...

„И эту фальшь, — продолжалъ Побѣдоносцевъ, — по иноземному образцу, для насъ непригодному, хотятъ, къ нашему не-

счастью, къ нашей погибели, ввести и у насъ... Россія была сильна благодаря самодержавію, благодаря неограниченному взаимному довѣрію и тѣсной связи между народомъ и его царемъ. Такая связь русскаго царя съ его народомъ есть неоцѣнимое благо. Народъ нашъ есть хранитель всѣхъ нашихъ доблестей и добрыхъ нашихъ качествъ, многому можно у него поучиться. Такъ называемые представители земства только разобщаютъ царя съ народомъ. Между тѣмъ, правительство должно радѣть о народѣ, оно должно познать дѣйствительныя его нужды, должно помогать ему справляться съ безисходною часто нуждою. Вотъ цѣль, къ достиженію которой нужно стремиться, вотъ истинныя задачи новаго царствованія. А вмѣсто того предлагаютъ устроить у насъ говорильню, въ родѣ французскихъ „états généraux". Мы и безъ того страдаемъ отъ говорилень, которыя, подъ вліяніемъ негодныхъ, ничего не стоющихъ журналовъ, разжигаютъ только народныя страсти. Благодаря пустымъ болтунамъ, что сталось съ высокими предначертаніями покойнаго незабвеннаго Государя, пріявшаго подъ конецъ своего царствованія мученическій вѣнецъ? Къ чему привела великая святая мысль освобожденія крестьянъ?... Къ тому, что дана имъ свобода, но не устроена надъ ними надлежащая власть, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться къ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, жидовъ и всякихъ ростовщиковъ, затѣмъ открыты были земскія и городскія учрежденія, говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкось о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнью говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимаютъ лица, не живущія съ своими семействами, предающіеся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту. Потомъ открылись новыя судебныя учрежденія,—новыя говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными. Дали, наконецъ, свободу печати, этой самой ужасной говорильнѣ, которая во всѣ концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысячъ верстъ, разноситъ хулу и порицаніе на власть, посѣваетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ беззаконіямъ. И когда, Государь, предлагаютъ учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? Теперь, когда прошло лишь нѣсколько дней послѣ совершенія самаго ужасающаго злодѣянія,

никогда не бывавшаго на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежитъ въ Петропавловскомъ соборѣ непогребенный прахъ благодушнаго русскаго царя, который среди бѣлаго дня растерзанъ русскими же людьми. Я не буду говорить о винѣ злодѣевъ, совершившихъ это ужасающее, безпримѣрное въ исторіи преступленіе. Но и всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго, должны каяться въ томъ, что такъ легко смотрѣли на совершавшееся вокругъ насъ, всѣ мы виноваты въ томъ, что несмотря на постоянно повторявшіяся покушенія на жизнь общаго нашего благодѣтеля, мы въ бездѣятельности и апатіи не съумѣли охранить праведника! На насъ всѣхъ лежитъ клеймо несмываемаго позора, павшаго на русскую землю. Всѣ мы должны каяться!"...

Александръ III: „Сущая правда, всѣ мы виноваты, я первый обвиняю себя.

„Государь,—закончилъ Побѣдоносцевъ,—въ такое ужасное время надобно думать не объ учрежденіи новой говорильни, въ которой произносились бы новыя растлѣвающія рѣчи, а о дѣлѣ... Нужно дѣйствовать!"...

Въ заключеніе графъ Лорисъ-Меликовъ сказалъ: „Необходимо, чтобы на сторонѣ правительства были всѣ благомыслящіе люди. Предлагаемая теперь мѣра можетъ много этому способствовать. Въ настоящую минуту она вполнѣ удовлетворитъ и успокоитъ общество, но если мы будемъ медлить, то упустимъ время,—черезъ три мѣсяца, нынѣшнія, въ сущности, весьма скромныя предположенія наши окажутся, по всей вѣроятности уже запоздалыми". [1])

И такъ самая „лѣвая" часть совѣщанія въ лицѣ графа Милютина прямо утверждала, что „не о конституціи рѣчь,—нѣтъ ея и тѣни", что дѣло именно идетъ лишь о скромнѣйшей реформѣ и, тѣмъ не менѣе, объ этомъ проектѣ, вмѣстѣ съ проектами Валуева и Константина Николаевича Катковъ писалъ, какъ о „революціонныхъ" и притомъ „свившихъ себѣ гнѣздо въ преддверіяхъ власти"...

Воистину, этотъ человѣкъ былъ „спасителемъ Россіи"... отъ мирнаго и спокойнаго ея развитія...

Хотя Александръ III и вставлялъ три раза сочувственныя съ своей стороны замѣчанія къ рѣчамъ гр. Строганова и Побѣдоносцева, такъ что въ мнѣніяхъ, настроеніяхъ и симпатіяхъ его никто не сомнѣвался, но формальнаго рѣшенія на засѣданіи 8 марта принято не было, и

[1]) Было. 1906 г. январь, стр. 189—194.

вопросъ оставался висящимъ въ воздухѣ вплоть до 29 апрѣля 1881 г.

Въ это-то время и имѣла мѣсто сложная сѣть политическихъ интригъ, имѣвшихъ цѣлью удалить „либераловъ“ Лорисъ-Меликова, Милютина и другихъ и замѣнить ихъ, по современной терминологіи, людьми „истинно-русскими.“

Вдохновителямъ ультра-реакціонной политики, Побѣдоносцеву, Каткову, гр. Строганову и другимъ, необходимо было закрѣпить за собою уже взятыя позиціи.

И они дѣйствовали.

Въ брошюрѣ „Конституція Лорисъ-Меликова“ находятся такія строки:

„Реакціонная партія, разумѣется, не дремала и старалась всячески набросить тѣнь на тѣхъ, кто, подобно великому князю Константину Николаевичу, извѣстны были преданностью реформамъ. Всѣмъ памятны еще тѣ едва скрываемыя обвиненія въ государственной измѣнѣ и даже въ тайномъ покровительствѣ цареубійцамъ, которыми Катковъ осыпалъ бывшаго предсѣдателя Государственнаго Совѣта и брата покойнаго императора. Онъ дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что напередъ былъ увѣренъ въ безнаказанности, такъ какъ зналъ по опыту, что Константинъ Николаевичъ никогда не унизится до требованія репрессивныхъ мѣръ противъ печати, въ интересахъ самозащиты. Такимъ образомъ низкія инсинуаціи противъ главы высшаго правительственнаго учрежденія имѣли задачею подкопъ подъ либеральную партію, которой, впрочемъ, Константинъ Николаевичъ никогда не былъ руководителемъ, хотя заслуги его въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ всегда находили и доселѣ находятъ въ ея рядахъ справедливую оцѣнку“. [1])

Пользовались, разумѣется, и малѣйшимъ случаемъ для сгущенія красокъ на переживавшемся моментѣ, не останавливаясь ни передъ какимъ извращеніемъ фактовъ.

Въ москвѣ два студента университета (Заянчковскій и гр. Уваровъ) стали собирать деньги на вѣнокъ императору Александру II. Кто-то изъ студентовъ изорвалъ подписной листъ. Между студентами произошло столкновеніе.

---

[1]) Конституція Лорисъ-Меликова стр. 62—64.

„Явившійся на сходку проректоръ Муромцевъ—читаемъ мы въ той же книгѣ,—былъ освистанъ, что не помѣшало ему употребить всѣ старанія, чтобы затушить начавшіеся безпорядки и настоять на посылкѣ вѣнка. Поведеніе его представлено было въ превратномъ видѣ и послужило поводомъ къ его отставкѣ. Вина и въ этомъ падаетъ всецѣло на Побѣдоносцева и его московскихъ корреспондентовъ. Въ сдѣланномъ Побѣдоносцевымъ докладѣ значилось: „вотъ уже готовые результаты сходокъ, введенныхъ министромъ Сабуровымъ и Д. А. Милютинымъ". На этомъ докладѣ Александръ III написалъ: „если это дѣйствительно было такъ, то это непростительное безобразіе и оставить это дѣло такъ невозможно" [1]).

Черезъ полтора мѣсяца побѣда осталась окончательно за Побѣдоносцевымъ, Катковымъ и гр. Строгановымъ.

„Посылаю тебѣ, любезный Владиміръ,—писалъ 27 апрѣля 1881 г. императоръ Александръ III великому князю Владиміру Александровичу,—мною одобренный проектъ манифеста; я желаю, чтобы онъ вышелъ въ 29 день пріѣзда моего въ столицу. Я долго объ этомъ думалъ. Министры все обѣщаютъ мнѣ своими мѣрами замѣнить манифестъ, но такъ какъ я не могу добиться никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій отъ нихъ, а между тѣмъ шатаніе умовъ продолжается, и

---

[1]) Ibid., стр. 52—53. Въ связи съ этимъ становятся особенно характерными, напечатанныя въ Рѣчи, письма уже тогда протягивавшаго руку къ портфелю министерства народнаго просвѣщенія (онъ его, какъ извѣстно, и получилъ 16 марта 1882 года) Делянова къ Побѣдоносцеву. Вотъ отрывокъ изъ письма, датированнаго 13 марта 1881 года: „Не можетъ иначе быть въ министерствѣ народнаго развращенія и растленія юношества. Большая и лучшая часть нашей молодежи поставлена подъ развращающія вліянія, которыя нынѣ, какъ уже власть имѣющія, вторглись въ заправляющіе. Да и можно ли было утверждать проректоромъ м-вца Муромцева! Кто же не знаетъ какого онъ духа? Не знаетъ этого только mente captus. Въ противность нашему общему мнѣнію, допущены сходки... Сегодня въ опекунскомъ совѣтѣ разсказывали о томъ, что вы говорили въ извѣстномъ мѣстѣ. Благодарю Бога, что нашелся человѣкъ, который возсталъ противъ шарлатанства, насъ гнетущаго и къ погибели ведущаго. Душевно преданный И. Деляновъ (Рѣчь, 17 мая 1909 г., № 133).

Какъ же послѣ этого было не назначить Делянова министромъ народнаго просвѣщенія. Не каменный же былъ Побѣдоносцевъ!..

многіе ждутъ чего-то необыкновеннаго, то я рѣшился обратиться къ Константину Петровичу Побѣдоносцеву и поручить ему составить мнѣ проектъ манифеста, въ которомъ бы выяснено было ясно, какое направленіе желаю я дать дѣламъ, и что никогда не допущу ограниченія самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной Россіи; кажется, манифестъ составленъ очень хорошо; онъ былъ вполнѣ одобренъ графомъ Строгановымъ, который также нашелъ своевременность подобнаго акта. Сегодня я лично прочелъ манифестъ А. В. Адлербергу, который вполнѣ одобрилъ его. Итакъ, дай Богъ, въ добрый часъ". [1])

Но въ промежуткѣ между засѣданіемъ 8 марта и манифестомъ 29 апрѣля все же протекло свыше $1^1/_2$ мѣсяца, во время которыхъ, помимо другихъ, „воздѣйствій", были пущены въ ходъ и средства уже совершенно необыкновенныя.

Да, это фактъ: для борьбы съ „крамолою", силы и средства которой, какъ видѣли читатели, были болѣе, чѣмъ скромны, оказалось недостаточною вся полицейско-жандармско-прокурорская власть въ Россіи и понадобилось не только предписаніе Святѣйшаго Синода о возглашеніи во всѣхъ церквахъ новой эктеньи—„О еже помянути грѣховъ и беззаконій нашихъ и потребити отъ насъ всѣ неистовыя крамолы супостатовъ, Господу помолимся", [2])

[1]) „Конституція Лорисъ-Меликова". Петербургское изданіе стр. 62.

[2]) Возглашеніе эктеніи объ искорененіи неистовыя крамолы не было, впрочемъ, новостью. Тотчасъ же послѣ казни и ссылки декабристовъ въ 1826 г. Святѣйшій Синодъ издалъ особую брошюру, которая называлась „Послѣдованіе благодарственнаго молебнаго пѣнія ко Господу Богу, даровавшему свою помощь благочестивѣйшему Государю нашему Императору Николаю Павловичу на ниспроверженіе крамолы, угрожавшія междоусобіемъ и бѣдствіями государству Всероссійскому", а во всѣхъ церквахъ было отслужено молебствіе, на которомъ возглашалась такая эктенья: „Еще молимся о еже пріяти Господу Спасителю нашему исповѣданіе и благодареніе насъ недостойныхъ рабовъ своихъ, яко отъ неистовствующія крамолы, злоумышлявшія на испроверженіе вѣры православной и престола и на разореніе царства Россійскаго, явилъ есть намъ заступленіе и спасеніе свое". См. „Записки барона В. И. Штейнгеля" (декабриста), помѣщенныя въ книгѣ „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка". Статьи и матеріалы. Составили В. И. Семевскій, В. Я. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. С.-Петербургъ, 1905 г., стр. 467.

но и созданіе особой „общественной“ рати-силы великой. Мы говоримъ объ организаціи среди петербургскихъ сановниковъ и „высшаго общества“ особаго антиреволюціоннаго тайнаго общества, къ изображенію физіономіи и дѣятельности котораго мы теперь и перейдемъ.

X.

Антиреволюціонное тайное общество „мужественныхъ добровольцевъ“. „Священная Дружина“ и „Народная Воля“.

Въ обвинительной рѣчи по дѣлу 1 марта 1881 года исполнявшій обязанности прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената (впослѣдствіи министръ юстиціи) Н. В. Муравьевъ, имѣя въ виду несомнѣнно сказывавшееся у подсудимаго Желябова желаніе преувеличить силы „Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли“, говорилъ:

„Главное руководство по этому дѣлу, — утверждаетъ Желябовъ, — принадлежало не ему, а „Исполнительному Комитету“, этому вездѣсущему, но невидимому таинственному соединенію, которое держитъ въ рукахъ пружины заговора, которое двигаетъ людьми, какъ маріонетками, посылаетъ ихъ на смерть, переставляетъ ихъ; однимъ словомъ, это душа всего дѣла. Но я позволю себѣ высказать другое мнѣніе и, рискуя подвергнуться недовѣрію и глумленію со стороны подсудимыхъ, позволю просто усомниться въ существованіи „Исполнительнаго Комитета“. Я знаю, что существуетъ не одинъ Желябовъ, а нѣсколько Желябовыхъ, можетъ быть, десятки Желябовыхъ, но я думаю, что данныя судебнаго слѣдствія даютъ мнѣ право отрицать соединеніе этихъ Желябовыхъ въ нѣчто органическое, правильно устроенное іерархическое распредѣленіе, въ нѣчто соединяющееся въ учрежденіе. Я думаю, что „Исполнительный Комитетъ“— это вожаки заговора, между собою согласившіеся и его исполняющіе“. [1])

---

[1]) „Судъ надъ цареубійцами“ (судебный отчетъ). С.-Петербургъ, 1881 г., стр. 168—169.

Такъ полагалъ Муравьевъ, но не такъ взглянули на дѣло многія „особы“ въ сферахъ придворныхъ и сановныхъ. Искренно или нѣтъ,—какъ увидимъ дальше, ни о какой искренности у нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ такихъ „особъ“ не можетъ быть и рѣчи, ибо въ начатой ими „борьбѣ съ крамолою“ они руководствовались совершенно особыми соображеніями,—но многія лица не только не считали заявленія Желябова относительно Исполнительнаго Комитета преувеличеніемъ, а шли въ этомъ направленіи и гораздо дальше его. Предъ ними были уже извѣстные и тогда изъ судебныхъ отчетовъ и другихъ данныхъ, происшедшіе съ ноября 1879 по апрѣль 1881 г., т.-е. на протяженіи всего 18 мѣсяцевъ, такіе факты, какъ приготовленія къ покушенію на взрывъ царскаго поѣзда подъ Одессою, покушенія на взрывы подъ Александровскомъ и подъ Москвою, взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ и, наконецъ, событіе 1 марта, распадавшееся въ свою очередь на употребленіе въ дѣйствіе метательныхъ снарядовъ на Екатерининскомъ каналѣ и подкопъ въ центрѣ Петербурга на Малой Садовой улицѣ изъ сырной лавки Кобозева. Не говоря уже о цѣломъ рядѣ террористическихъ и иныхъ актовъ, имѣвшихъ мѣсто или незадолго до того (напр., покушеніе Соловьева 2 апрѣля 1879 г.) или въ теченіе того же промежутка времени (напр., изданіе въ самомъ Петербургѣ революціоннаго журнала Народная Воля, многихъ прокламацій и пр.), но, если ограничиться даже только шестью вышеперечисленными террористическими актами и принять во вниманіе, что „Исполнительный Комитетъ“ опубликовывалъ всякій разъ во всеобщее свѣдѣніе о покушеніяхъ на цареубійство, какъ о дѣлахъ рукъ своихъ, то не было ничего мудренаго въ томъ, что кой у кого рождались и такія сомнѣнія: да полно: возможно ли, чтобы всѣ эти акты могли быть совершены какою-то горстью лицъ „нелегальныхъ“, поименно извѣстныхъ полиціи и тщательно ею разыскиваемыхъ,—людей безъ связей, безъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ? Не правильнѣе ли предположить, что „десятки Желябовыхъ“ являются,—сознательно или безсознательно,—лишь исполнителями воли какихъ-то другихъ невѣдомыхъ людей, быть можетъ, таинственной организаціи ихъ? Если

же полиція ничего объ этомъ не знаетъ, то это объясняется исключительно ея никуданегодностью. Отсюда вытекала мысль о необходимости противопоставить революціонной организаціи другую, основанную на тѣхъ же конспиративныхъ принципахъ, создать тайное общество, богатое, могучее, вліятельное, съ задачами добровольной охраны („Добровольная Охрана") новаго государя отъ возможныхъ покушеній на его жизнь и проникновенія,—во что бы то ни стало,—въ тайны „Исполнительнаго Комитета" для полнаго его разоблаченія. Полиціи, жандармамъ и прокурорамъ такая задача, очевидно, не по плечу, — такъ за нее должны взяться группы „мужественныхъ добровольцевъ"[1]). Желябовы и Перовскіе называютъ себя только „агентами" Исполнительнаго Комитета,— весьма возможно, что это и такъ,—но кто же его дѣйствительные члены? Это необходимо выяснить...

Такія, высказывавшіяся въ дворцахъ и салонахъ, мысли были, какъ нельзя болѣе, по сердцу тѣмъ, кто хотѣлъ, какою бы то ни было цѣною самой реакціонной политики правительства преувеличить серьезность „положенія вещей", провозгласить чуть что не „отечество въ опасности", пустить въ общество самые нелѣпые слухи. А тутъ мысль о „добровольной охранѣ". Какъ же было за нее не схватиться? Охрана, однако, охраною,—задача эта очень важная, но надо дать ходъ и другой мысли „мужественныхъ добровольцевъ". Надо создать тайное общество для разоблаченія „Исполнительнаго Комитета" и искорененія всякаго духа крамолы.

Вѣдь это тоже священная обязанность истинно русскихъ людей, но для выполненія ея необходимо существованіе „священной" же организаціи.

И антиреволюціонное тайное общество возникло сначала какъ „Добровольная Охрана", а затѣмъ и какъ „Священная Дружина. [2])

---

[1]) Въ „Хроникѣ" генерала Шебеки, какъ увидимъ ниже, кружки эти такъ и названы „группами мужественныхъ добровольцевъ".

[2]) Любопытно, что первая антиреволюціонная организація, возникшая въ 1905 году, называлась также „С в я щ е н н ы й Союзъ Народной Самоохраны". „Уставъ" ея былъ отпечатанъ въ томъ же 1905 г. въ

Началась погоня въ своемъ родѣ за „синей птицей“ того времени — Исполнительнымъ Комитетомъ.

6 мая 1881 года графъ Валуевъ занесъ въ свой дневникъ такія строки:

„Противъ крамольниковъ образуется,—не знаю, по чьей иниціативѣ, — дружина, именуемая святою и предназначающая себя для охраны государя и общественнаго порядка и набираемая, à la carbonari, небольшими группами изъ пяти членовъ, изъ которыхъ только одинъ старшій братъ, знаетъ дальнѣйшее связующее звено. На проѣздѣ государя, съ желѣзной дороги и обратно, члены дружины были распредѣлены по улицамъ на пути слѣдованія“.

Къ этому мѣсту Валуевъ сдѣлалъ позже слѣдующую любопытную приписку:

„Первоначальная идея св. дружины была при данныхъ обстоятельствахъ правильная. Члены дружины принимали на себя, такъ сказать, роль „спеціальныхъ констаблей“, но негласно, потому что цѣль заключалась въ отпорѣ тайнымъ покушеніямъ, а не явнымъ нарушеніямъ общественнаго порядка. На первыхъ порахъ къ дружинѣ примкнули многіе офицеры, такъ понимавшіе цѣль учрежденія. Но вскорѣ, подъ вліяніемъ неумѣлыхъ, легкомысленныхъ и тщеславныхъ вожаковъ дѣла графа Воронцова, графа Шувалова и пр.,—она приняла другой характеръ. Священная дружина обратилась въ соперника государственной полиціи и приняла типъ бывшаго III отдѣленія по части разныхъ доносовъ и сплетней. Отъ нея отшатнулись порядочные элементы и вмѣсто ихъ къ ней примкнули элементы неприглядные и недобросовѣстные. Произошло нѣчто въ родѣ столкновенія между в. к. М. П. и гр. Шуваловымъ, адъютантомъ великаго князя Владиміра. В. к. лично просила Шувалова перестать быть адъютантомъ или перестать подвергаться нареканіямъ въ шпіонствѣ. Шуваловъ вышелъ въ отставку, а черезъ два мѣсяца вновь поступилъ на службу и былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Но это не помѣшало свя-

Петербургѣ въ типографіи кн. В. П. Мещерскаго. Затѣмъ организація эта была закрыта, уставъ уничтоженъ (мы читали его собственными глазами), и на ея мѣстѣ возникъ „Союзъ Русскаго Народа“.

щенной дружинѣ утратить всякій кредитъ въ глазахъ людей съ толкомъ, хотя, повидимому, она продолжаетъ дѣйствовать съ личною для дѣйствующихъ лицъ выгодою". [1])

Уже отсюда мы видимъ, что „первоначально" составившееся тайное общество имѣло своею цѣлью лишь охрану личности государя („добровольная охрана"), а потомъ оно же стало задаваться и другими цѣлями. Такъ это и было, и названіе „Св. Дружины" общество получило уже тогда, когда оно „расширило" свои функціи и вступило въ активную борьбу съ Исполнительнымъ Комитетомъ „Народной Воли". Но тогда же въ средѣ самого общества обнаружились различныя политическія теченія, о которыхъ у насъ рѣчь будетъ ниже.

По поводу этого же общества въ неоднократно цитированной уже нами брошюрѣ г. Льва Тихомирова находится нѣсколько небезъинтересныхъ строкъ.

Рисуя весьма мрачными красками положеніе Россіи въ эпоху Лорисъ-Меликова и одобряя всѣ принятыя затѣмъ правительствомъ мѣры для „возстановленія порядка", г. Тихомировъ считаетъ „необходимымъ припомнить и еще одно обстоятельство, относящееся къ началу царствованія Александра III".

Обстоятельство это такое:

„Полиція, еще до графа Лорисъ-Меликова заявившая себя крайне неудовлетворительно, была при немъ окончательно скомпрометирована въ общественномъ мнѣніи. Патріотическое чувство, глубоко пораженное злодѣйствомъ 1 марта, возбудило мысль общественной (курсивъ г. Тихомирова) охраны государя императора. Государь, въ виду общаго разочарованія въ полиціи, не счелъ нужнымъ пресѣкать это выраженіе заботливости преданныхъ ему вѣрноподданныхъ, хотя, понятно, что въ принципѣ всякія частныя общества съ такими цѣлями составляютъ формальное нарушеніе правильнаго теченія государственной жизни. Но въ мартѣ 1881 года нельзя было быть слишкомъ требовательнымъ въ отношеніи формальнаго порядка". [2])

---

[1]) „Послѣ перваго марта 1881 года", Былое, 1907 г., мартъ, стр. 302.

[2]) „Конституціоналисты", стр. 99.

Значитъ, максимальный упрекъ, который можно было сдѣлать лицамъ, принявшимъ на себя указанную г. Тихомировымъ миссію,—это нарушеніе ими „формальнаго порядка“, но и такое нарушеніе, какъ утверждаетъ г. Тихомировъ, вполнѣ простительно, такъ какъ вызывалось условіями переживаемаго момента.

Посмотримъ такъ ли это т.-е. взглянемъ поближе на то, чѣмъ въ дѣйствительности была, упоминаемая г. Тихомировымъ, „общественная охрана“ и какими цѣлями она задавалась?

Совершенно опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы даютъ намъ въ своей „Хроникѣ“ дѣятели департамента полиціи съ генераломъ Шебеко во главѣ.

Изображая положеніе вещей въ 1881 году, составители „Хроники“ пишутъ:

„Доведенная до отчаянія ужаснымъ преступленіемъ группа мужественныхъ добровольцевъ рѣшила организовать съ оружіемъ въ рукахъ тайный крестовый походъ противъ враговъ порядка; цѣлью этого похода было вырѣзать анархистовъ—родъ тайныхъ судилищъ въ средніе вѣка. Другой кружокъ добровольцевъ, со спеціальнымъ намѣреніемъ помочь суду и полиціи въ ихъ розыскахъ и сыскной дѣятельности какъ въ Россіи, такъ и за границей, дѣйствительно, соорганизовался; въ его составъ вошли лица, занимающія самыя высокія положенія въ столицѣ; эта ассоціація носила имя „дружины“ и функціонировала до осени 1882 г.“. [1])

Такимъ образомъ, дѣло состояло, очевидно, не въ одномъ лишь нарушеніи „формальнаго порядка“...

Чтобы пролить свѣтъ на дѣйствія „добровольцевъ“, среди которыхъ одну изъ самыхъ видныхъ ролей игралъ К. П. Побѣдоносцевъ, мы обратимся прежде всего къ опубликованнымъ четыре года тому назадъ письмамъ знаменитаго оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

Мы говоримъ о напечатанныхъ въ майской книжкѣ Русскаго Архива за 1907 годъ 12 письмахъ К. П. Побѣдоносцева къ Е. Ѳ. Тютчевой, изъ которыхъ первое датировано 1-мъ марта, а послѣднее 1-мъ мая 1881 года.

[1]) „Хроника соціалистическаго движенія“, стр. 18.

Письма эти представляютъ собою въ высшей степени важные историческіе документы и, помѣщая ихъ, редакція Русскаго Архива имѣла полное основаніе дать имъ общій заголовокъ „Первыя недѣли царствованія Александра III".

Къ письмамъ Побѣдоносцева редакція сдѣлала такое примѣчаніе: „По кончинѣ Екатерины Ѳедоровны Тютчевой письма эти были возвращены К. П. Побѣдоносцеву. 3 марта 1906 года онъ позволилъ намъ списать ихъ для помѣщенія въ Русскомъ Архивѣ, когда писавшаго въ живыхъ не будетъ". [1])

По смерти Побѣдоносцева на этомъ основаніи письма эти и были опубликованы названнымъ журналомъ.

Корреспонденткѣ Побѣдоносцева Е. Ѳ. Тютчевой, скончавшейся въ мартѣ 1882 года, князь В. П. Мещерскій посвятилъ тогда же такія прочувствованныя строки:

„Сегодня узналъ о кончинѣ одной изъ ярко-свѣтлыхъ личностей въ средѣ нашего высшаго общества. Личность эта—третья дочь покойнаго поэта Ѳ. И. Тютчева, дѣвица Екатерина Ѳедоровна Тютчева. Она жила въ Москвѣ. Петербургъ ей какъ будто претилъ своей атмосферой, зараженной неправдой. Личность ея была замѣчательная личность. Второй такой, подходящей даже близко къ ней, я не помню. Отъ нея благоухало правдою, своеобразность ея священнаго огня въ соединеніи съ большимъ и острымъ умомъ и большою начитанностью представляла какое-то чарующее явленіе". [2])

Вотъ этой-то особѣ и писалъ Побѣдоносцевъ изъ Петербурга въ Москву, начиная съ 1 марта и по 1 мая т.-е. до того времени, когда, составленный имъ въ глубокой тайнѣ отъ другихъ министровъ, манифестъ 29 апрѣля былъ опубликованъ.

Въ письмѣ отъ 1 марта Побѣдоносцевъ писалъ:

„Сегодня вечеромъ въ 12 часу ночи бѣдный Сынъ и наслѣдникъ съ рыданіемъ обнялъ меня. О, какъ мнѣ жаль его! Ахъ, и себя жаль, милая Екатерина Ѳедоровна. Что теперь будетъ? Спаси васъ, Господи!".

Въ письмѣ отъ 3 марта:

---

[1]) Русскій Архивъ, 1907 г., май, стр. 89.

[2]) Дневникъ кн. В. П. Мещерскаго за 1882 г., Спб. 1883 г. стр. 87.

„Боже, какъ мнѣ жаль его, новаго Государя! Жаль, какъ бѣднаго, больного ошеломленнаго ребенка. Боюсь, что воли не будетъ у него. Кто же поведетъ его?[1]) Покуда все тотъ же фокусникъ Л.-Меликовъ. Теперь по всѣмъ признакамъ онъ его опутываетъ, ибо у него ключи въ рукахъ, и онъ хранитель безопасности".

Эту роль „хранителя безопасности" надо было изъ рукъ Лорисъ-Меликова вырвать, и уже въ томъ же письмѣ Побѣдоносцевъ сообщаетъ Тютчевой, что „сегодня" онъ написалъ Государю о Барановѣ, (который черезъ нѣсколько дней и былъ назначенъ петербургскимъ градоначальникомъ), но что онъ „не надѣется, чтобы Государь выразилъ свое объ этомъ рѣшеніе". „Вы видите положеніе, что тутъ дѣлать? Душа моя преисполнена подозрѣній и опасеній".

Того же 3 марта Побѣдоносцевъ отправилъ Тютчевой второе письмо, въ которомъ писалъ:

„Я не могу освободиться отъ трепета и опасеній всякаго рода. Новому царю опасность грозитъ отовсюду. „Бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ лжебратіи". Сохрани его, Господи. Сохрани, Господи, вѣчную сироту свою, несчастную Россію".

Въ письмѣ отъ 6 марта:

„Изъ церкви я прошелъ къ Сергѣю и Павлу (великимъ князьямъ), которые только что пріѣхали (изъ Рима) разбитые, смущенные, исполненные тревоги. Они обрадовались мнѣ. Сергѣй горячо передавалъ мнѣ свой ужасъ отъ всего того, что дѣлалъ и куда велъ въ послѣднее время Лорисъ-Меликовъ,—5 марта предполагалось уже издать указъ о представительствѣ!—и свое опасеніе, что будетъ и на что рѣшится Государь. Потомъ пріѣхалъ старикъ гр. Строгановъ. Онъ въ волненіи. Но сегодня нетерпѣніе взяло меня, и я написалъ Государю большое письмо. Мой планъ, между

---

[1]) „Кто же поведетъ его?" Эти слова превосходно выражаютъ психологію сторонниковъ „неограниченной" монархіи. Едва ли можно найти лучшую, чѣмъ эти слова, иллюстрацію къ извѣстному двухстишію Шамиссо:

Und der König absolut,
Wenn er unsern Willen thut!...

прочимъ, объявить Петербургъ на военномъ положеніи, перемѣнить людей и затѣмъ оставить Петербургъ, это проклятое мѣсто, покуда очистится, уѣхать въ Москву, если нельзя еще дальше. Совѣсть моя не терпитъ молчать. Кого онъ спрашиваетъ, съ кѣмъ совѣтуется?"...

11 марта Побѣдоносцевъ сообщилъ Тютчевой о знаменитомъ засѣданіи „особаго совѣщанія" 8 марта. Онъ не считалъ еще тогда свою игру вполнѣ выигранной.

Настроеніе огромнаго большинства на этомъ засѣданіи, а также самого Императора Александра III было вполнѣ опредѣленное, но формальнаго рѣшенія, однако, принято не было: говорили даже объ учрежденіи новой комиссіи для пересмотра вопроса, говорили, что „дѣло это слишкомъ сложное и важное, чтобы рѣшать его теперь", и т. д.

Сообщая поэтому Тютчевой о засѣданіи 8 марта, Побѣдоносцевъ пишетъ письмо еще тономъ неполнаго побѣдителя.

„Въ то же утро послѣ засѣданія, — прибавляетъ онъ,— Государь принималъ Баранова и назначилъ его петербургскимъ градоначальникомъ. Барановъ въ восторгѣ отъ этого свиданія. Онъ теперь кипитъ день и ночь въ работѣ. Л.-Меликовъ въ ярости. Боюсь, что онъ теперь задумываетъ?"

Лорисъ-Меликовъ „задумывалъ", какъ извѣстно, очень мало, зато Побѣдоносцевъ задумалъ вотъ что:

„Вчера я сидѣлъ по обыкновенію дома, — писалъ онъ Тютчевой 15 марта.[1])—Барановъ явился, едва держась на ногахъ. Со дня назначенія онъ еще не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью. Ночью происходитъ у него главная работа. Ну, завтра,—сказалъ онъ,—будетъ страшный день. Какъ Богъ вынесетъ! Готовится покушеніе на Государя и на принца прусскаго въ четырехъ мѣстахъ по дорогѣ; въ одномъ мѣстѣ на Невскомъ соберутся люди, переодѣтые извозчиками, съ тѣмъ, чтобы открыть перекрестные выстрѣлы. У него въ рукахъ уже весь планъ предположенныхъ дѣйствій. Вчера кронъ-принцъ получилъ изъ Берлина шифрованную телеграмму объ этомъ и прислалъ ее Баранову. Но Барановъ имѣлъ уже свой планъ

[1]) День похоронъ Александра II.

въ рукахъ. „Что отъ человѣка зависитъ,—сказалъ онъ,—все сдѣлано, но кто знаетъ, что еще есть? Вы не спали бы ночь, если бы я разсказалъ вамъ все, что обнаружено въ эти дни, что сдѣлано ими и приготовлено. Теперь изъ 48 человѣкъ, которые должны дѣйствовать, 19 у меня въ рукахъ. Сейчасъ ѣду дѣлать аресты. Въ эту ночь, что еще открою, неизвѣстно.“ Представьте положеніе бѣднаго Государя, который непремѣнно долженъ былъ ѣхать сегодня въ крѣпость, зная, что на каждомъ шагу его можетъ ждать смерть. „О себѣ я не безпокоюсь, говорилъ онъ Баранову, но тревожусь только за императрицу и дѣтей“. Передъ Зимнимъ Дворцомъ, противъ Салтыкова подъѣзда, роютъ, по распоряженію Баранова, канаву; при этомъ успѣли перерѣзать 17 проволокъ отъ мины“.

Нужно ли говорить читателю, что эти сообщенія Побѣдоносцева—сплошная выдумка отъ начала до конца? Въ секретной хроникѣ генерала Шебеко по поводу разсказываемыхъ Побѣдоносцевымъ якобы событій нѣтъ ни одного слова. Нѣтъ о томъ ни одного звука и въ ежегодныхъ „Обзорахъ“ департамента полиціи, хотя въ нихъ перечисляется рѣшительно все, относящееся къ революціонному движенію, до какой-нибудь гимназической гектографированной прокламаціи включительно. [1]) Нѣтъ объ этомъ ни намека ни въ одномъ политическомъ процессѣ, ни въ нелегальной литературѣ русской или заграничной, ни въ одномъ изъ многочисленныхъ опубликованныхъ мемуаровъ революціонеровъ того времени. Никогда ничего подобнаго никому не инкриминировалось, да и не могло инкриминироваться, ибо для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ силами и средствами революціонеровъ того времени, это звучало бы крайнимъ абсурдомъ. Мы знаемъ уже изъ предыдущаго, какими силами располагали въ дѣйствительности народовольцы, какъ ютился ихъ центръ въ мартовскіе дни 1881 года, за неимѣніемъ другихъ помѣщеній, въ самыхъ ненадежныхъ квартирахъ, мы знаемъ все это, и по-

[1]) Извлеченія изъ этихъ „Обзоровъ“ были помѣщены въ 1906 и 1907 годахъ въ Быломъ. Полностью нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ изданіяхъ Русской Исторической Библіотеки.

тому самъ собою рождается вопросъ: кто же и зачѣмъ такъ лгалъ? Побѣдоносцевъ или Барановъ?

Барановъ былъ лгунъ и авантюристъ отъявленный. Будучи, вульгарно выражаясь, отколоченъ во время своего губернаторства въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣкіимъ Владиміровымъ, Барановъ,—какъ объ этомъ со всѣми данными въ рукахъ печатно разсказалъ В. Г. Короленко,—измыслилъ яко бы фактъ покушенія на его жизнь этимъ самымъ Владиміровымъ, [1]) но всетаки такъ лгать Барановъ, очевидно, Побѣдоносцеву бы не рѣшился. Вѣдь, по словамъ Побѣдоносцева, Барановъ сообщилъ ему, какъ уже о совершившихся фактахъ, о 17 перерѣзанныхъ проволокахъ отъ мины подъ Зимній Дворецъ, о 19 уже находящихся въ его рукахъ лицахъ изъ тѣхъ 48, которыя будто бы назначены были для совершенія 15 марта покушеній на жизнь императора Александра III и кронъ-принца прусскаго, и т. п. небылицахъ. Такъ лгать Барановъ не могъ и потому, что Побѣдоносцевъ, котораго онъ былъ непосредственнымъ ставленникомъ на постъ градоначальника, имѣлъ полную возможность уличить его во лжи, узнавши истину отъ самаго императора. Выходитъ же такъ, что Барановъ доложилъ обо всемъ этомъ, какъ о фактахъ, и Государю.

На основаніи такихъ соображеній можно рѣшительно утверждать, что львиная доля лжи, и лжи сознательной, принадлежала тутъ не Баранову, а Побѣдоносцеву.

Барановъ, дѣйствительно, окапывалъ въ поискахъ за минами дворцы,—онъ дѣлалъ еще и не то,—но, разумѣется, совершенно безрезультатно.

„Хаотическій ходъ дѣла продолжается, и изъ драмы порою переходитъ въ комедію,—писалъ 23 марта 1881 г. въ своемъ дневникѣ Валуевъ.—Окапываются дворцы, запрещаютъ ходить по панелямъ".

„Горизонтъ болѣе и болѣе хмурится,—писалъ онъ же 24 марта,—кавалерійскій кордонъ кругомъ города и заставы. Безуміе!"

И вотъ, въ то время, когда Барановъ продѣлывалъ все это „безуміе", Побѣдоносцевъ шагъ за шагомъ велъ „свою

[1]) В. Г. Короленко: „Покушеніе" на генерала Баранова въ 1890 году". Минувшіе Годы, 1908 г., августъ, стр. 159—170.

линію", ибо, какъ обмолвился онъ правдою въ первомъ же изъ цитированныхъ нами его писемъ къ Тютчевой, ему было „и себя жаль".

Зачѣмъ Побѣдоносцевъ выдумалъ столько несуществовавшихъ „фактовъ", зачѣмъ пустилъ онъ въ обращеніе такую массу сознательной лжи?

Расчетъ ясенъ: необходимо было во что бы то ни стало сгустить атмосферу до чрезвычайной степени и тѣмъ доказать необходимость самой репрессивной политики правительства. Расчетъ былъ построенъ на томъ, что получавшая въ мартѣ постоянно письма „изъ абсолютно достовѣрнаго источника",—да какъ же было и не считать такимъ источникомъ находившагося въ тѣсномъ общеніи съ самимъ Государемъ Побѣдоносцева,—Екатерина Тютчева должна была разгласить въ высшихъ кругахъ московскаго общества о столь сенсаціонныхъ „фактахъ" и тѣмъ, разумѣется, еще болѣе подготовить почву для сознанія, въ виду столь явной опасности, необходимости прогнать Лорисъ-Меликова, Милютина Абазу и другихъ „либераловъ"—по характерному выраженію Побѣдоносцева, „перемѣнить людей",—а вмѣстѣ съ тѣмъ, начать для борьбы съ столь могущественною „крамолою" организацію „кружковъ мужественныхъ добровольцевъ".

Побѣдоносцевъ выигралъ игру, и вечеромъ же 29 апрѣля, въ день изданія написаннаго имъ знаменитаго манифеста, писалъ Тютчевой:

„По Петербургу пущенъ слухъ, что будетъ какое-то единое министерство, управляющее Россіей по большинству голосовъ, и Лорисъ первый министръ. Но у Государя чутье вѣрное. Ему не понравилось, что говорили (на засѣданіи 8 марта) Лорисъ, Абаза и Милютинъ, о чемъ онъ написалъ мнѣ на другой день послѣ засѣданія, которое произвело на него самое грустное впечатлѣніе".

Все относящееся къ манифесту 29 апрѣля совершалось въ такой тайнѣ, что даже Валуевъ еще 27 апрѣля ничего объ этомъ не зналъ. Этимъ днемъ у него въ дневникѣ датированы такія слова: „Вообще на здѣшней сценѣ все спутано. Туманныя картины. Точнѣе—dissolving views".

2 мая онъ записалъ: „Dessous de cartes слѣдующій: Побѣдоносцевъ выписалъ себѣ на помощь изъ Москвы Каткова. Манифестъ написанъ ими. Заодно съ ними градоначальникъ Барановъ и Островскій, который очень доволенъ манифестомъ".

Но возвратимся къ мартовскимъ днямъ.

Тотчасъ же послѣ событія перваго марта въ Новомъ Времени, Петербургской Газетѣ и другихъ газетахъ того времени было напечатано слѣдующее извѣстіе о будто бы имѣвшемъ мѣсто въ концѣ февраля покушеніи на жизнь Александра II, посредствомъ присылки изъ-за границы взрывчатаго вещества въ формѣ пилюль.

„Пилюли были посланы по почтѣ изъ Парижа, прямо на имя Государя. На нихъ находился этикетъ съ надписью доктора „Juste", и онѣ были завернуты въ обертку съ обыкновенными рекламами о произведенныхъ ими излѣченіяхъ и о способѣ принимать ихъ; особенно рекомендовались эти пилюли противъ одышки и ревматизма. Пилюли прибыли по адресу, не возбудивъ никакихъ подозрѣній, и Государь, всегда очень интересовавшійся всякими средствами, передалъ ихъ Боткину. Вернувшись домой, Боткинъ снялъ обертку и нашелъ, что пилюли завязаны ниточкой, два кончика которой немного торчали: онъ дернулъ за одинъ кончикъ, и раздался мелкій трескъ, какъ отъ обыкновенной хлопушки. Боткинъ подумалъ, что это просто шутка, и такъ какъ получилъ пилюли изъ рукъ самого Государя, то не могъ подозрѣвать въ нихъ ничего опаснаго и отложилъ ихъ въ сторону. Только испугъ Государя, когда на вопросъ о пилюляхъ Боткинъ передалъ ему о взрывѣ, заставилъ обратить серьезное вниманіе на пилюли; онѣ были переданы графу Лорисъ-Меликову, и по тщательномъ химическомъ изслѣдованіи, оказалось, что затѣвалось новое покушеніе, задуманное съ дьявольскою хитростью. Пилюли содержали такое большое количество динамита, что взрыва его было достаточно, чтобы убить двухъ-трехъ, стоящихъ поблизости, человѣкъ. Боткинъ, открывавшій пилюли, обязанъ спасеніемъ жизни только счастливой случайности; должно быть механизмъ, приводившійся въ движеніе торчащими кончиками ниточекъ и производившій взрывъ какъ-

нибудь отсырѣлъ или попортился, такъ что не могъ оказать требуемаго дѣйствія".

И этотъ „фактъ" принадлежитъ, видимо, къ области тѣхъ же измышленій, которыми такъ богаты письма Побѣдоносцева къ Тютчевой. Ни при разбирательствѣ дѣла 1 марта, ни въ книгѣ Шебеко, ни въ мемуарной литературѣ революціонеровъ, словомъ, нигдѣ и никогда о немъ не упоминается.

Изъ какихъ же сферъ онъ изошелъ?

2 марта князь Мещерскій, описывая свое посѣщеніе въ этотъ день Зимняго Дворца, написалъ въ своемъ дневникѣ такія строки: „слышалъ тутъ также разсказъ о какихъ-то разрывныхъ пилюляхъ, будто бы полученныхъ почившимъ государемъ за нѣсколько дней назадъ и переданныхъ государемъ для разсмотрѣнія не открытыми".

Вотъ, значитъ, гдѣ и когда былъ сфабрикованъ этотъ слухъ, которому опроверженія такъ и не послѣдовало.

Между тѣмъ, въ газетныхъ сообщеніяхъ, какъ мы видѣли, о событіи этомъ разсказывается довольно подробно, называются имена доктора Juste'a, Лорисъ-Меликова, Боткина, словомъ, сообщенія эти носятъ видимость достовѣрности.

Что могло это означать?

Мы ниже увидимъ, какъ стремилась уличить впослѣдствіи „Священная Дружина" лейбъ-медика Боткина въ томъ, что онъ состоитъ членомъ... Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли...

Перваго мая 1881 года Побѣдоносцевъ писалъ Тютчевой:

„Государь прислалъ мнѣ прочесть письмо, имъ полученное. Оно такъ энергично написано (прислано безъ имени изъ Сѣдлецкой губерніи), что я выписываю вамъ начало (конечно, только для васъ). По всѣмъ признакамъ писано духовнымъ лицомъ.

„Ты возвѣстилъ Россіи, что пойдешь по пути дѣда твоего и отца твоего; но послѣ того вдругъ смутился и сталъ въ нерѣшительности. Есть и отъ чего! Послѣ смерти отца твоего со всѣхъ сторонъ шлются на выставку людской молвы разные хвалебные пѣсни и гимны, строятся часовни,

церкви, человѣколюбивыя заведенія и другія общества въ память великихъ дѣлъ и любви къ отцу твоему, а каѳедра Исаакіевскаго собора, не задумавшись въ своемъ самообольщенномъ ослѣпленіи, представляетъ на картинѣ отца твоего мученикомъ, святымъ, душа котораго несена ангелами въ рай. О, государь мой, призываю во свидѣтели истину Божію, сколько лжи, сколько лицемѣрія, сколько коварства во всѣхъ этихъ похвалахъ дѣламъ и правленію отца твоего! Злые, подлые люди хотятъ, чтобы и твое правленіе было слабо, чтобы рука твоя была для нихъ такъ же милостива, добра, снисходительна, какъ и отца твоего, и подучаютъ простодушныхъ людей трубить о великихъ будто бы дѣлахъ, совершонныхъ въ правленіе отца твоего; а сами втихомолку, подъ звуки сладкой пѣсенки, усыпляютъ правительство твое, подготовляютъ для всѣхъ орудія смерти. Посуди самъ, сравни: эти великія дѣла и вдругъ не неожиданная, не случайная смерть, а ужъ давно твоимъ отцомъ со страхомъ ожидаемая. Какимъ образомъ корень зла, корень яда уже давно и всѣми замѣченъ, а отецъ твой, имѣвшій всяческую власть, не только не вырвалъ этого корня, но далъ и себя и другихъ отравить имъ? Отецъ твой и не мученикъ, и не святой, потому что пострадалъ не за церковь, не за крестъ, не за христіанскую вѣру, не за правое дѣло, а за то единственно, что распустилъ народъ, и этотъ распущенный народъ убилъ его. Это безначаліе, эта распущенность, это хищеніе казны, это страшное обѣднѣніе народа отъ пьянства, безнаказанность грабежей, воровства, разврата — вотъ внутренность, вотъ сердце великихъ дѣлъ, совершенныхъ отцомъ твоимъ". [1])

Такъ писалъ прямо Александру III нѣкій сѣдлецкій анонимъ, и Государь письмо это получилъ, прислалъ прочесть его Побѣдоносцеву, а тотъ „энергичное" начало письма сообщилъ къ свѣдѣнію Тютчевой („конечно, только для васъ"...).

Но какъ, однако, похоже это письмо и на вышеприведенную рѣчь Побѣдоносцева въ „Особомъ совѣщаніи"

---

[1]) Русскій Архивъ, 1907 г., май, стр. 101—102.

8 марта, гдѣ онъ также говорилъ и о безначаліи, и о народномъ пьянствѣ, и т. д., и на написанный Побѣдоносцевымъ же манифестъ 29 апрѣля, гдѣ уже прямо говорится о необходимости, на-ряду съ „искорененіемъ крамолы“, и искорененія „хищеній“!!

Какъ поразительно совпали мысли и даже самыя выраженія Побѣдоносцева съ мыслями и выраженіями сѣдлецкаго анонима!

Между тѣмъ, о томъ, что происходило на засѣданіи 8 марта, тогда изъ простыхъ смертныхъ еще никто ничего не зналъ, а манифестъ 29 апрѣля во время написанія письма къ Государю сѣдлецкимъ анонимомъ еще не появлялся...

Этотъ фактъ не мѣшаетъ сопоставить съ слѣдующимъ.

Мы уже говорили вскользь о письмѣ Л. Н. Толстого къ Александру III, въ которомъ великій писатель русской земли умолялъ новаго императора помиловать цареубійцъ. Письмо это Толстой не имѣлъ возможности отправить непосредственно Государю и потому передалъ письмо Н. Н. Страхову съ просьбою вручить его (при особомъ письмѣ) Побѣдоносцеву для передачи по назначенію. Прочтя письмо, Побѣдоносцевъ отказался исполнить просьбу Толстого. Тогда Страховъ передалъ письмо профессору Бестужеву-Рюмину, который вручилъ его великому князю Сергѣю Александровичу. „Льву Николаевичу извѣстно, — говоритъ его біографъ, — что письмо было передано царю, но о дальнѣйшей судьбѣ его онъ ничего не знаетъ“.

Уже 15 іюня 1881 года, т.-е. черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ казни цареубійцъ, Побѣдоносцевъ написалъ Толстому письмо слѣдующаго содержанія:

„Не взыщите, достопочтеннѣйшій графъ Левъ Николаевичъ, во-первыхъ, за то, что я оставилъ до сего времени безъ отвѣта письмо ваше, врученное мнѣ Н. Н. Страховымъ. Это произошло не изъ неучтивости или равнодушія, а отъ невозможности опознаться въ той суетѣ и путаницѣ мыслей и заботъ, которая одолѣла и не перестаетъ еще одолѣвать меня послѣ 1 марта.

„Во-вторыхъ, не взыщите за то, что я уклонился отъ исполненія вашего порученія. Въ такомъ важномъ дѣлѣ все должно дѣлаться по вѣрѣ. А прочитавъ письмо ваше, я

убѣдился, что ваша вѣра одна, а моя и церковная другая, и что нашъ Христосъ — не вашъ Христосъ. Своего я знаю мужемъ силы и истины, исцѣляющимъ разслабленныхъ, а въ вашемъ показались мнѣ черты разслабленнаго, который самъ требуетъ исцѣленія. Вотъ почему я по своей вѣрѣ и не могъ исполнить ваше порученіе. Душевно уважающій и преданный вамъ К. Побѣдоносцевъ". [1])

Такъ дѣйствовалъ вездѣ и во всемъ Побѣдоносцевъ „по вѣрѣ своей"...

Но если столь трудно было имѣвшему большія связи Толстому доставить письмо по назначенію, то анонимное письмо изъ Сѣдлецкой губерніи, по свидѣтельству Побѣдоносцева, попало въ руки императора безъ всякихъ затрудненій...

There are more things in heaven and earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy...

Но что, впрочемъ, значитъ сѣдлецкій анонимъ, когда въ то же время произошло и такое событіе!

Въ русскія дѣла, повидимому, ни съ того, ни съ сего, вмѣшивается будущій сподвижникъ генерала Буланже, парижскій префектъ Андріе и присылаетъ изъ Парижа русскому правительству слѣдующее поученіе:

„Государь,—писалъ Андріе,—долженъ издать манифестъ, въ которомъ будетъ объявлено, что онъ желаетъ дать народу гарантіи благосостоянія и спокойствія не только строгимъ сохраненіемъ существующихъ законовъ, но также реформами и постепенно расширяемой свободой подобно тому, какъ это дѣлалъ его усопшій родитель. Но передъ убійствами и угрозами нигилистовъ всѣ его намѣренія останавливаются. Никакое правительство не должно уступать передъ насиліемъ. Онъ тоже не уступитъ. Пока заговорщики не будутъ стерты съ лица земли русской и не будутъ отсѣчены отъ ея тѣла, какъ члены, пораженные гангреной, всѣ

---

[1]) Письмо К. П. Побѣдоносцева къ Л. Н. Толстому напечатано съ подлинника въ книгѣ П. И. Бирюкова „Біографія Л. Н. Толстого", Томъ II. Изд. „Посредника". Глава XVII (Событіе 1 марта 1881 г.). стр. 373—374.

законы отмѣняются и начинается преслѣдованіе безъ пощады. Есть раны, которыя требуютъ раскаленнаго желѣза, и нигилизмъ изъ числа такихъ ранъ. Для страшной болѣзни нужны страшныя лѣкарства. Террористовъ слѣдуетъ укрощать, какъ укрощаютъ дикихъ звѣрей. Иначе правительство падетъ, потому что въ Россіи уже сильна соціальная революція. Слѣдуетъ прибѣгнуть также и къ силѣ денегъ. Купленный продастъ и сообщниковъ. У насъ, во Франціи, сумма тайныхъ расходовъ очень велика". [1])

Что это еще могло обозначать? Почему вмѣшался французскій полицейскій? Откуда сіе?

Дѣло, можетъ быть, станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ числѣ заграничныхъ „дѣятелей" основавшейся въ то время „Священной Дружины", какъ это было опубликовано въ французскихъ газетахъ, состоялъ нѣкто m-r Bint, начавшій въ Парижѣ свою „карьеру" при Андріе...

О г. Bint'ѣ въ газетѣ Matin были помѣщены такія строки:

M. Bint est le plus ancien fonctionnaire de cette fameuse police secrète. En 1881, après l'assassinat d'Alexandre II, les hauts personnages de l'empire, décidèrent, pour prevenir le renouvellement des semblables attentats, de se constituer en une „Sainte Ligue" (c'est le nom que prit cette assossiation) et de réunir des fonds pour organiser la surveillance des terroristes refugiés dans les autres pays de l'Europe. Il fut decidé que le siège de cette police serait établit à Paris. Le procureur de Saint-Synode M. Pobedonostzeff fut nommé tresorier de cette organisation. C'est M. Bint qu'on chargea de constituer la nouvelle police secrète, se grouper autour de lui le personnel neccessaire et d'en prendre la direction". [2])

---

[1]) „Конституція Лорисъ-Меликова". Петерб. изд., стр. 49—51. Документы для этого изданія были переданы доктору Бѣлоголовому самимъ Лорисъ-Меликовымъ.

[2]) Matin, 13 Juillet. 1909. № 9268. Переводъ: „Г. Бинъ—одинъ изъ самыхъ старыхъ служащихъ знаменитой (русской) тайной полиціи. Еще въ 1881 году, послѣ убійства Александра II, высшія особы имперіи рѣшили для предотвращенія новыхъ подобныхъ покушеній, съорга-

Это была та самая организація „мужественныхъ добровольцевъ“, о которой повѣтствуетъ въ своей, предназначавшейся для особо избранныхъ „Хроникѣ“ полицейскій генералъ Шебеко.

Парижскій префектъ, сверхъ всего прочаго, говорилъ о большой силѣ „соціальной революціи“ въ Россіи и о неизбѣжности, если противъ „нигилистовъ“ не будутъ приняты безпощадныя мѣры, „паденія правительства“. Это было опять-таки именно то, что и нужно было Побѣдоносцеву и другимъ истинно подпольныхъ дѣлъ мастерамъ.

Но кто же такіе „нигилисты“ и кто стоялъ во главѣ ихъ могущественнаго заговора?

Обратимся еще разъ къ письмамъ Побѣдоносцева къ Тютчевой.

Уже 3 марта Побѣдоносцевъ писалъ своей московской пріятельницѣ:

„Вчера одинъ изъ простыхъ людей прибѣжалъ ко мнѣ со словами: „Ради Бога, скажите Государю, что прежде всего надо выслать отсюда Константина и княгиню Юрьевскую. [1]) Я писалъ ему сегодня, писалъ, что ему необходимо заявить какъ можно скорѣе свою личную твердую волю, что народъ кричитъ о Мраморномъ Дворцѣ, писалъ, что надо думать о безопасности. Онъ пишетъ въ отвѣтъ простое слово, въ которомъ видна душа простая и добрая: „Отъ всей души благодарю васъ за ваше душевное письмо. Молюсь и на одного Бога надѣюсь. Онъ не оставитъ насъ и нашу дорогую Россію“. Но воли не видно. Константинъ на выходахъ смотритъ звѣремъ“. [2])

Вотъ, значитъ, кто были вожди „нигилизма“...

низоваться въ „Священную Лигу“ (такое названіе приняла организація) и объединить средства для наблюденія за эмигрировавшими въ различныя государства Европы террористами. Было рѣшено, что центромъ пребыванія этой полиціи будетъ Парижъ. Прокуроръ Святѣйшаго Синода г. Побѣдоносцевъ былъ назначенъ казначеемъ этой организаціи. Г-ну Бину было поручено организовать новую тайную полицію, сгруппировать вокругъ нея необходимый персоналъ и принять на себя въ этомъ отношеніи руководительство“.

[1]) Кн. Е. М. Юрьевская, урожденная княжна Долгорукая, была, какъ извѣстно, морганатической супругой императора Александра II.

[2]) Русскій Архивъ, 1907 г., май, стр. 89—90.

Откуда Побѣдоносцевъ взялъ эту дикую клевету на великаго князя Константина Николаевича?

Клевета эта происхожденія давняго и ведетъ свое начало отъ шестидесятыхъ годовъ, отъ эпохи „дѣятельности“ предсѣдателя слѣдственной комиссіи по Каракозовскому дѣлу, приснопамятнаго графа М. Н. Муравьева-Виленскаго, ненавидѣвшаго, подобно многимъ другимъ членамъ „дворянской партіи“, Константина Николаевича за его энергичную работу въ пользу освобожденія крестьянъ. [1])

Тогда была сочинена такая сказка:

Въ русскихъ законахъ о престолонаслѣдіи говорится, что престолъ наслѣдуетъ старшій сынъ императора. Александръ Николаевичъ родился въ то время (1818 г.), когда Николай Павловичъ не только не былъ императоромъ, но и не считался наслѣдникомъ престола. Старшимъ же сыномъ императора Николая Павловича былъ Константинъ Николаевичъ (род. въ 1827 г.), который на этомъ основаніи будто бы и предъявлялъ свои права на тронъ.

Созданъ былъ миѳъ и о существованіи особой въ этомъ смыслѣ „партіи великаго князя Константина“.

Муравьевъ если не былъ самъ авторомъ этихъ миѳовъ, то, во всякомъ случаѣ, проникся ими вполнѣ, какъ реальностями, и велъ слѣдствіе по дѣлу о покушеніи Каракозова на жизнь Александра II 4 апрѣля 1866 года такъ, чтобы припутать къ нему Константина Николаевича.

Объ этомъ существуетъ прямое свидѣтельство лица, Муравьевымъ тогда допрашивавшагося.

Лицо это—извѣстный въ свое время писатель Леонидъ Петровичъ Блюммеръ, эмигрировавшій въ шестидесятыхъ годахъ за границу, издававшій тамъ журналы Вѣсть, Европеецъ и Свободное Слово, а затѣмъ вернув-

[1]) Въ письмѣ отъ 1 января 1860 года Тургеневъ писалъ Герцену: „также просятъ тебя очень щадить вел. кн. Константина Николаевича въ твоемъ журналѣ (Колоколѣ), потому что, между прочимъ, онъ, говорятъ, ратоборствуетъ, какъ левъ, въ дѣлѣ эмансипаціи противъ дворянской партіи“. (Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену стр. 132). Роль же Муравьева, котораго „дворянская партія“ всегда противопоставляла Ростовцеву, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ хорошо извѣстна. Этотъ прославленный спаситель русскаго дѣла былъ злѣйшій крѣпостникъ.

шійся въ Россію, добровольно отдавшійся въ руки правительства, осужденный и сосланный въ Сибирь. [1])

Уже по возвращеніи изъ Сибири Блюммеръ напечаталъ въ издававшейся въ Саратовѣ газетѣ Волга свои воспоминанія, подъ заглавіемъ: „На допросѣ у Муравьева".

Мы приведемъ изъ воспоминаній Блюммера слѣдующія строки, замѣтивъ при этомъ, что самъ онъ относился въ это время къ Муравьеву безъ малѣйшаго злобнаго чувства:

— „Пріѣхавъ по требованію правительства въ Россію на судъ и кару, положившись только на великодушіе Государя,—началъ Муравьевъ,—вы дѣломъ доказали свое отрѣшеніе отъ прежнихъ своихъ заблужденій. Государь не оставитъ безъ вниманія вашей вѣры въ него. Но вы можете заслужить его милость. У васъ есть на это случай.

— Я искренно готовъ на это,—отвѣчалъ я.

— Знаете ли вы про страшное преступленіе, которое было адски задумано противъ него, и, къ счастью Россіи, не удалось.

— Слышалъ.

— Такъ скажите откровенно все, что знаете. Вы пять лѣтъ жили за границей, были членомъ революціонной партіи, многихъ видѣли. Говорите же все, не стѣсняясь свѣдѣніями о лицахъ, какъ бы высоко они ни стояли (курсивъ подлинника). Не бойтесь мести этихъ лицъ: вашимъ защитникомъ буду я, будетъ Государь. Теперь всякій порядочный человѣкъ долженъ употребить послѣднія свои усилія, чтобы избавить Россію отъ повторенія подлой попытки.

— Прежде всего отвѣчу по совѣсти,—сказалъ я,—что ничего, буквально ничего, не знаю по этому дѣлу.

— Не можетъ быть!—энергично возразилъ Муравьевъ.

— Смѣю подтвердить сказанное мною.

---

[1]) О дѣлѣ Блюммера въ газетахъ того времени было помѣщено всего нѣсколько строкъ. Онѣ воспроизведены въ книгѣ В. Я. Богучарскаго „Изъ прошлаго русскаго общества", стр. 392—395. О заграничныхъ журналахъ Блюммера см. въ книгѣ Богучарскаго „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ", стр. 193—196.

— Почему же васъ причисляютъ къ партіи Вк—ина? [1])

— Если такая партія существуетъ, въ чемъ я сомнѣваюсь, то именно къ ней я не принадлежалъ и никто изъ ея сторонниковъ мнѣ не извѣстенъ.

— Развѣ вы не знаете, что онъ считаетъ себя обойденнымъ и имѣющимъ свои права?

— Не слыхалъ.

— Будто?

— Во всякомъ случаѣ я ничего не знаю.

— Не боитесь ли?—недовольно спросилъ Муравьевъ.

— По совѣсти,—нѣтъ". [2])

Вотъ съ этой-то муравьевской злостной сказкой въ рукахъ и оперировалъ въ 1881 г. его достойный преемникъ по баснословію и интригамъ, Побѣдоносцевъ. [3])

Привели ли усилія Побѣдоносцева и въ этомъ отношеніи къ цѣли?

21 апрѣля 1881 года гр. Валуевъ занесъ въ свой дневникъ такія строки:

„Великій князь Константинъ Николаевичъ мнѣ прямо высказалъ, что ему „приказано уѣхать", но для избѣжанія

---

[1]) Сокращеніе по цензурнымъ условіямъ того времени: „партіи великаго князя Константина.. В. Б.

[2]) Волга, 1 января 1884 г., № 1.

[3]) Въ письмѣ къ намъ Л. Ф. Пантелѣевъ сообщалъ, что у арестованнаго и сосланнаго въ 60-хъ годахъ въ каторжныя работы офицера Кувязева на допросахъ спрашивали, предупреждая, что это „неоффиціально": „что онъ думаетъ о великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ?".

О дѣлѣ Кувязева было опубликовано лишь слѣдующее сообщеніе: „По Высочайше утвержденному заключенію генералъ-аудиторіата военнаго министерства: 12-й артиллерійской бригады, облегченной № 2 батареи подпоручикъ Кувязевъ, за умышленное распространеніе возмутительнаго воззванія, имѣвшаго цѣлью возбудить къ бунту противъ Верховной Власти, храненіе у себя другого воззванія и разныхъ запрещенныхъ противъ правительства сочиненій, лишается чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и ссылается въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ". (Сенатскія Вѣдомости. 18 октября 1866 года. № 83. Воспроизведено также въ первомъ томѣ сборниковъ Богучарскаго „Государственныя преступленія въ Россіи", стр. 275).

скандала позволено пока дождаться закрытія сессіи Государственнаго Совѣта. [1])

16 іюля: „Великій князь Константинъ Николаевичъ уволенъ отъ начальства надъ морскимъ вѣдомствомъ и предсѣдательства въ Государственномъ Совѣтѣ и другихъ учрежденіяхъ... Fait accompli“... [2])

Такимъ образомъ Побѣдоносцевъ и здѣсь оказался побѣдоноснымъ...

Прибавимъ къ этому еще и такой фактъ:

Въ текущемъ году въ газетѣ Рѣчь были помѣщены воспоминанія нѣкоего г. Вогуля, называющіяся „Кое-что о „Священной Дружинѣ“. (О себѣ авторъ говоритъ, что „въ смутную эпоху 1881 года“ ему „пришлось быть въ близкомъ служебномъ соприкосновеніи съ высшей столичной администраціей“). Упомянувши, что „политическій сыскъ сдѣлался въ то время какимъ-то аристократическимъ спортомъ и въ ряды „Дружины“ спѣшили вступать представители высшаго петербургскаго общества всѣхъ ранговъ и возрастовъ“, г. Вогуль разсказываетъ между прочимъ о слѣдующемъ:

„Въ Лондонѣ нашелся нѣкто М., сумѣвшій убѣдить заправилъ „Священной Дружины“, что въ его рукахъ находится обширная переписка съ русскими эмигрантами и особенно съ находящимися за границей морскими офицерами, сильно компрометирующая одно очень высокопоставленное лицо, о которомъ въ то время ходили всевозможные, большею частью вздорные и нелѣпые, разсказы. Весь этотъ матеріалъ М. предлагалъ пріобрѣсти отъ него за очень крупную сумму.

„Это предложеніе юркаго англичанина показалось заправиламъ „Дружины“ такимъ крупнымъ козыремъ, буде онъ окажется въ ихъ рукахъ, что тотчасъ же въ Лондонъ былъ снаряженъ нѣкто П. для предварительныхъ переговоровъ съ М. и для сопровожденія его въ Петербургъ съ его драгоцѣннымъ багажемъ. П. былъ снабженъ крупной суммой на всякіе предвидѣнные и непредвидѣнные расходы и все-

[1]) „Послѣ перваго марта 1881 г.“, стр. 296.

[2]) „Гр. П. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг.“, Сборникъ „О Минувшемъ“, стр. 424.

возможными открытыми листами съ предложеніемъ оказывать ему содѣйствіе, какъ властями внутри имперіи, такъ и нашими дипломатическими представителями за границей. На ст. Вержболово былъ приготовленъ особый вагонъ, въ которомъ загадочный путешественникъ, съ своимъ не менѣе загадочнымъ багажемъ, долженъ былъ, подъ усиленной охраной „дружинниковъ“, прибыть въ Петербургъ, гдѣ для него, за счетъ той же организаціи, были приготовлены роскошные аппартаменты. О благополучномъ слѣдованіи таинственнаго путешественника въ Петербургъ летѣли телеграммы чуть ли не со всѣхъ желѣзнодорожныхъ станцій. Наконецъ, М. въ покояхъ Европейской гостиницы, подъ бдительнымъ окомъ расположившихся въ сосѣднихъ номерахъ П. и его „сотрудниковъ“. Скажемъ, кстати, что П., во время пребыванія въ Лондонѣ, поиздержавшись въ дорогѣ и пользуясь имѣвшимися у него „открытыми листами“, перехватилъ въ нашемъ посольствѣ до десяти тысячъ рублей.

М., отлично понимавшій, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, держалъ себя очень надменно и началъ переговоры съ изнывшими отъ нетерпѣнія главарями „Священной Дружины“ только послѣ нѣкотораго отдыха и нѣсколькихъ дополнительныхъ требованій къ своимъ первоначальнымъ условіямъ о продажѣ документовъ, словомъ, продѣлалъ все, что полагается знающему себѣ цѣну человѣку.

„Переговоры имѣли очень длительный характеръ, и документы, какъ у трудной роженицы, появлялись на свѣтъ Божій, съ затяжными потугами. Сначала были показаны письма, дѣйствительно, принадлежавшія „крамольникамъ“, но уже изловленнымъ средствами государственной полиціи, а затѣмъ, какъ плодъ „кесареваго сѣченія“, было предъявлено нѣсколько писемъ къ находившимся за границей морскимъ офицерамъ, за подписью инкриминируемой высокой особы. И что же оказалось? Письма были характера чисто-отеческаго наставленія нашимъ молодымъ морякамъ, командированнымъ за границу или для „усовершенствованія въ наукахъ“, или для наблюденія за сооруженіемъ нашихъ судовъ, строившихся на иностранныхъ верфяхъ.

„Аристократическая полиція“ растерялась и обратилась

къ государственной. По справкамъ, наведеннымъ у „Цѣпного моста“, оказалось, что драгоцѣнный матеріалъ М. не что иное, какъ „политическая макулатура“, уже давно сданная въ архивъ.

М., вкусивъ во всемъ объемѣ россійское гостепріимство и обильно снабженный и „задаточными“, и „отступными“ деньгами, околпачивъ высокопочтенныхъ добровольцевъ сыска, благополучно убрался во-свояси, оставивъ на память о себѣ длинный и сложный счетъ Европейской гостиницы, оплаченный затѣмъ кассой „дружины“. [1])

Совершенно ясно, что рѣчь идетъ и здѣсь все о томъ же главномъ начальникѣ „морского вѣдомства“ великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ...

Кн. Юрьевская уѣхала за границу.

Мы уже говорили выше (въ главѣ о „терроризмѣ“), что въ 1882 году въ Базелѣ вышла книжка „Alexandre II, Détails inédits sur sa vie intime et sa mort“ par Victor Laferté.

Говоря о ней, г. Тихомировъ называетъ ее „очень партійною“ и „посвященною апологіи того кружка, который всецѣло обступилъ императора Александра II при гр. Лорисъ-Меликовѣ“, но тутъ же прибавляетъ, что „свѣдѣнія автора идутъ изъ самыхъ компетентныхъ источниковъ“.[2])

Объ этомъ же произведеніи Laferté Лорисъ-Меликовъ писалъ въ письмѣ отъ 8 мая 1882 г., что „вся книга составлена со словъ княгини N.“, и характеризовалъ ее, какъ „правдивую, но изложенную въ высшей степени неумѣло и тенденціозно“. [3])

Наконецъ, гр. Валуевъ прямо называетъ произведеніе Лафертэ „книгой княгини Юрьевской“. [4]).

Всякій, знакомый съ этой книгой, знаетъ, что, будучи въ извѣстной степени „либеральною“, она наполнена въ то же время проклятіями по адресу революціонеровъ.

---

[1]) Рѣчь, 10 августа 1911 г., № 98.

[2]) „Конституціоналисты въ эпоху 1881 г.“, стр. 68.

[3]) Изъ писемъ Лорисъ-Меликова, доставленныхъ редакціи Освобожденія кн. Гр. Волконскимъ. Освобожденіе, 1904 г., № 25.

[4]) „Гр. П. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг.“. Сборникъ „О Минувшемъ“, стр. 448.

Это не помѣшало разумѣется, Побѣдоносцеву и К° усматривать очагъ революціи именно въ наиболѣе „высокихъ сферахъ“.

Вспомните уже цитированное нами выше мѣсто изъ письма Побѣдоносцева къ Тютчевой: „Новому царю опасность грозитъ отовсюду“. „Бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ лжебратіи“.

Скромный инокъ святѣйшаго синода любилъ говорить текстами...

Само собою разумѣется, что и по отношенію къ княгинѣ Е. М. Долгорукой-Юрьевской слова Побѣдоносцева въ письмѣ къ Александру III были такою же клеветою, какъ и по отношенію къ великому князю Константину Николаевичу. Едва ли кн. Юрьевская даже подозрѣвала о касавшихся ея строкахъ въ письмѣ Побѣдоносцева къ Александру III,— иначе это чѣмъ-нибудь сказалось бы въ книгѣ Лафертэ. Она была очень невысокаго мнѣнія о Побѣдоносцевѣ, находилась на сторонѣ скромныхъ лорисъ-меликовскихъ преобразованій,— мы это сейчасъ увидимъ,—и мечтала объ одномъ: когда преобразованія эти станутъ совершившимся фактомъ и такимъ образомъ „la Russie, parvenu au point culminant des réformes administratives, n'eût plus en rien à envier aux Etats les plus franchement constitutionnels [1]), Александръ II отречется отъ престола, передавши его своему старшему сыну, и уѣдетъ съ княгиней Юрьевской изъ Россіи куда-нибудь въ Каиръ доживать дни свои частнымъ человѣкомъ. [2])

Но если кн. Юрьевская имѣла, видимо, столь слабое представленіе о существѣ реформы Лорисъ-Меликова, что готова была квалифицировать ее какъ такую, послѣ которой „Россіи не въ чемъ будетъ болѣе завидовать самымъ свободнымъ конституціоннымъ государствамъ“, то все же несомнѣнно, что она находилась на сторонѣ лорисъ-мели-

[1]) Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort, p. 58.

[2]) „Le rêve qu'elle (кн. Юрьевская) caressait dans sa pensée, c'était de le (Александра II) voir installé avec elle au Caire, mais ce beau rêve ne pouvait être réalisé que par suite de l'abdication du pouvoir suprême, et son époux reconnaissait qu'un tel acte eût été prématuré“. И кн. Юрьевская „aspirait avec ardeur à l'instant où son époux abdiquerait“. (Ibid., p. 59).

ковскихъ проектовъ, и этого уже было достаточно, чтобы „по вѣрѣ своей“ Побѣдоносцевъ взвелъ и на Юрьевскую самую безсмысленную клевету. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но мы уже цитировали по этому поводу письма къ Тютчевой самого Побѣдоносцева, и предъ лицомъ такихъ документовъ непреложной исторической достовѣрности всякія сомнѣнія должны исчезнуть.

Противъ начинаній Лорисъ-Меликова Побѣдоносцевъ боролся всѣми силами еще въ концѣ царствованія Александра II, но тогда ему не удалось развернуть свои „таланты“ во всей той полнотѣ, въ какой онъ это сдѣлалъ въ гораздо болѣе для того благопріятную эпоху Александра III. [1])

Вотъ что читаемъ мы объ этомъ въ томъ же произведеніи Лафертэ, которое. какъ мы уже говорили, графъ Валуевъ называетъ „книгой княгини Юрьевской“. Читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь довольно длинную выписку на французскомъ языкѣ т.-е. словами самого автора цитируемой книги:

„Disons quelques mots de M-r Pobedonostzeff, ministre des cultes en Russie. Ce personnage, imbu de bigoterie, a le caractère tracassier, l'humeur bilieuse, la santé chétive; c'est un des hommes qui se sont montrés les adversaires avoués du progrès et des réformes introduites en Russie, sous le règne d' Alexandre II.

„Aucune fonction importante ne lui avait été confiée par feu l'empereur, jusqu'à l'époque où, lors de l'éloignement du compte Tolstoï du Ministère de l'instruction publique, il fût résolu de séparer de ce ministère l'administration des affaires du culte de l'Etat. A cette époque seulement M-r Pobedonostzeff fut nommé procureur-général du Saint-Synode russe; et par cette nomination, devint le chef laïque de l'administration orthodoxe.

---

[1]) По поводу напечатанныхъ въ Русской Мысли этихъ и слѣдующихъ за ними строкъ нашей работы одинъ извѣстный русскій литераторъ писалъ намъ: „Въ концѣ 1881 года я былъ въ Ниццѣ, познакомился тамъ съ Лорисъ-Меликовымъ и бывалъ у него нѣсколько разъ. Онъ въ то время, кажется, не считалъ, что его карьера совсѣмъ закончилась. Разъ онъ говорилъ мнѣ: „на свою бѣду я уговорилъ покойнаго государя сдѣлать Побѣдоносцева оберъ-прокуроромъ синода. Государь долго не соглашался, онъ его не любилъ, считалъ ханжей“.

„En lui confiant un poste en rapport avec ses idées, ses goûts et ses aptitudes (M-r Pobedonostzeff est issu de la classe des prêtres), Alexandre II pensa, que dans l'accomplissement de ses nouvelles fonctions, ce personnage trouverait des aliments propres à calmer sa fougue intempestive en matières religieuses, et qu'il cesserait de prendre souci de diverses questions qui n'étaient point de son ressort.

„ Cet espoir du feu souverain fût déçu: après sa nomination M-r Pobedonostzeff devint membre du conseil des ministres; ce fut alors que, loin de travailler à établir la concorde générale pour favoriser les réformes du pays, il s'en montra le plus ardent adversaire, ses actes et ses tendances n'ayant pour but que de contrecarrer les grandes idées libérales du comte Loris-Mélikoff, dont il combattait, sans relâche et secrètement, les opinions élevées et civilisatrices.

„Peu de temps avant la mort d'Alexandre II, il circula, dans le public, le bruit que l'on travaillait en haut lieu à l'élaboration d'une constitution russe, devant être proclamée dans un bref delai. Quelqu'un usa alors de tous moyens, tels que lettres placées sous les yeux du monarque, afin de l'initier aux prétendues idées qui dominaient dans les provinces de l'empire; avec l'intention de lui prouver que la proclamation d'un manifeste impérial, octroyant à la Russie le régime constitutionnel, deviendrait l'étincelle électrique qui amènerait la révolution dans l'empire, pour le précipiter vers la ruine. En outre, on disait qu'il fallait fermer les écoles de village et laisser le paysan russe à son état primitif d'ignorance, afin que les lumières de la civilisation ne pussent parvenir jusqu'à lui, ces lumières étant propre à créer les nihilistes“ [1])

---

[1]) Alexandre II p. 148—151. Переводъ: „Скажемъ нѣсколько словъ о министрѣ духовныхъ дѣлъ въ Россіи г. Побѣдоносцевѣ. Это субъектъ, пропитанный ханженствомъ, характера мучительнаго, настроенія желчнаго, здоровья слабаго, одинъ изъ тѣхъ людей, которые проявили себя, какъ признанные противники прогресса и реформъ, проведенныхъ въ Россіи въ царствованіе Александра II. Покойнымъ императоромъ Побѣдоносцеву не была довѣрена ни одна важная должность до эпохи, когда, съ увольненіемъ графа Толстого отъ поста министра народнаго просвѣщенія, было рѣшено выдѣлить изъ этого министерства управленіе дѣлами государственной церкви. Въ это только время г.

Такъ дѣйствовалъ въ концѣ царствованія Александра II „quelqu'un“ (не сѣдлецкій ли анонимъ?), а когда это не удалось, то Побѣдоносцевъ и написалъ то вышецитированное нами письмо къ новому императору, въ которомъ указывалъ, что „прежде всего надо выслать Константина и княгиню Юрьевскую“.

Вотъ противъ такой-то могущественной „крамолы“ съ ея занимающими столь высокое положеніе лидерами и рѣшено было организовать „кружки мужественныхъ добровольцевъ“.

Лозунгъ къ этому далъ тотъ же Побѣдоносцевъ въ заключительныхъ словахъ его рѣчи на засѣданіи особаго совѣщанія 8 марта.

Побѣдоносцевъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ русскаго Святѣйшаго Синода, и, вслѣдствіе этого назначенія, сталъ свѣтскимъ главою управленія дѣлами православной религіи. Довѣряя Побѣдоносцеву этотъ, столь отвѣчающій его идеямъ, его вкусамъ и его склонностямъ, постъ (г. Побѣдоносцевъ самъ происходитъ изъ духовенства), Александръ II думалъ, что, исполняя свои новыя функціи, этотъ субъектъ найдетъ подходящую пищу для удовлетворенія своего безудержнаго рвенія въ области религіозныхъ дѣлъ и перестанетъ заботиться о различныхъ вопросахъ, не относящихся къ его вѣдомству. Эта надежда покойнаго государя оказалась неосуществившейся: послѣ своего назначенія Побѣдоносцевъ сдѣлался членомъ комитета министровъ, и тутъ то, далекій отъ того, чтобы придти къ соглашенію съ другими въ благожелательномъ отношеніи къ реформамъ, онъ явился ихъ самымъ горячимъ противникомъ. Его дѣйствія и стремленія имѣли одну лишь цѣль,—противодѣйствовать великимъ либеральнымъ идеямъ и возвышенно-культурнымъ взглядамъ графа Лорисъ-Меликова, съ которыми онъ и боролся тайнымъ образомъ безостановочно. Незадолго до смерти Александра II въ публикѣ распространился слухъ, что въ „высокомъ мѣстѣ“ заняты выработкою русской конституціи, которая и будетъ обнародована въ ближайшемъ будущемъ. Нѣкто пустилъ въ ходъ тогда всѣ средства,—какъ напримѣръ, подбрасываніе монарху писемъ, съ цѣлью ввести его въ курсъ идей, которыя якобы господствовали въ провинціяхъ имперіи: въ такихъ письмахъ имѣлось въ виду доказать, что опубликованіе манифеста, октроирующаго Россіи конституцію, будетъ электрической искрой, которая зажжетъ революцію и обратитъ имперію въ развалины. Кромѣ того, въ нихъ говорилось о необходимости закрыть народныя школы и оставить русскаго крестьянина въ состояніи первобытнаго невѣжества, дабы до крестьянина не могъ доходить свѣтъ цивилизаціи, такъ какъ этотъ свѣтъ ведетъ къ созданію нигилистовъ“.

Заявивши, что „всѣ мы виноваты въ томъ, что въ бездѣятельности и апатіи нашей не сумѣли охранить жизнь праведника", Побѣдоносцевъ закончилъ рѣчь такими словами:

„Государь, въ такое ужасное время надобно думать не объ учрежденіи новой говорильни, въ которой произносились бы новыя растлевающія рѣчи, а о дѣлѣ. Нужно дѣйствовать!.."

Лозунгъ былъ услышанъ.

4 апрѣля Валуевъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

„Гр. Воронцовъ выступилъ въ новой роли охраннаго „maire du palais" въ Гатчинѣ. Ему подчинены по части охраны Высочайшихъ особъ всѣ власти".

Въ это же время происходили, подъ предсѣдательствомъ градоначальника Баранова, засѣданія знаменитаго „Совѣта 25-ти", или такъ называвшагося тогда въ обществѣ „бараньяго парламента". Эти „двадцать пять" были выборными отъ домовладѣльцевъ и квартирантовъ г. Петербурга, но избраніе происходило съ тою отъ обычныхъ выборовъ разницею, что всѣмъ выборщикамъ предписано было сидѣть дома (выборы должны были быть начаты и окончены въ одинъ день) и ждать у себя представителей городской думы и полиціи для врученія имъ избирательныхъ бюллетеней. Первымъ по числу полученныхъ голосовъ попалъ въ „бараній парламентъ", бывшій петербургскій оберъ-полицеймейстеръ генералъ Треповъ, вторымъ—гр. Воронцовъ-Дашковъ. Мы, конечно, не будемъ останавливаться здѣсь на „дѣятельности" нашего истинно-самобытнаго „парламента", имѣвшаго своею задачею помогать Баранову въ осуществленіи его „предначертаній", ибо описаніе того, что тамъ происходило, достойно лишь таланта Щедрина, но отмѣтимъ, что призывъ Побѣдоносцева къ тому, чтобы „дѣйствовать", нашелъ себѣ въ „парламентѣ", разумѣется, самый горячій откликъ. [1])

---

[1]) Впрочемъ въ вышедшихъ въ 1906 году мемуарахъ г. Карцева читаемъ, такія строки: „при градоначальникѣ Н. М. Барановѣ засѣдало особое совѣщаніе, которое въ населеніи называли „парламентомъ при полиціи". Съ однимъ изъ членовъ этого совѣщанія Д. Ф. Кобеко мнѣ довелось встрѣтиться въ кабинетѣ директора государственнаго

„Къ числу первыхъ мѣръ, принятыхъ новымъ градоначальникомъ,—писалъ въ своемъ дневникѣ кн. Мещерскій,—принадлежитъ проектъ образованія артели дворниковъ. Создается для введенія этого особая комиссія. Независимо отъ сего образована другая комиссія, подъ предсѣдательствомъ гр. Воронцова-Дашкова, для устройства особой почетной тѣлохранительной стражи для государя". [1])

Такимъ образомъ maire du palais", въ Гатчинѣ, гр. Воронцовъ-Дашковъ сталъ главою организаціи, принявшей названіе „Добровольная Охрана". [2])

Задача этой организаціи состояло въ охранѣ личности государя; лишь впослѣдствіи, принявши названіе „Священной Дружины", она занялась и другими дѣлами, о которыхъ у насъ рѣчь будетъ ниже; но названія „Добровольная Охрана", „Священная Дружина", а иногда и „Св. Лига", употреблялись нерѣдко одно вмѣсто другого.

Такъ Валуевъ писалъ 19 сентября:

„Revers de medaille современныхъ фразъ о вѣрноподданническихъ восторгахъ. Въ Москвѣ на пути Высочайшихъ выѣздовъ или проѣздовъ ближайшій „народъ" былъ составленъ изъ избранныхъ „Св. Дружиною" шести тысячъ временныхъ охранителей". [3])

архива бар. Стуарта. Кобеко доказывалъ, что Барановское совѣщаніе принесло пользу, хотя бы ту,—пояснялъ онъ,—что оно служило помѣхой фантастическимъ проектамъ. Если бы не совѣщаніе, наши не по разуму усердные охранители ввели бы такія мѣропріятія, что обывателямъ осталось бы только разбѣжаться". (Ю. Карцевъ. Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ. 1879—1886 г. Воспоминанія политическія и личныя. Изъ журнала Море. Спб. 1906 г. гл. IV. стр. 47). Такимъ образомъ существуетъ мнѣніе, что даже знаменитое „совѣщаніе" еще „служило помѣхою" ретивости Баранова!..

[1]) Кн. В. П. Мещерскій: Дневникъ за 1881 г.", стр. 237—238.

[2]) Помощникомъ и замѣстителемъ гр. Воронцова-Дашкова въ случаѣ его отсутствія былъ назначенъ генералъ Черевинъ. Третьимъ высшимъ лицомъ въ этомъ же дѣлѣ былъ Командующій Императорскою Главною Квартирою генералъ Рихтеръ. Это былъ первый „тріумвиратъ", противъ котораго, какъ противъ черезъ чуръ „либеральнаго", повелъ затѣмъ свои мины „тріумвиратъ" второй: Побѣдоносцевъ, Толстой и Катковъ.

[3]) Гр. В. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг. Сборникъ „О Минувшемъ", стр. 444.

Эти охранители состояли, главнымъ образомъ, изъ старообрядцевъ, которымъ за это обѣщана была та свобода ихъ вѣроисповѣданія, которой они не могутъ добиться и до настоящаго времени.

Въ средѣ „мужественныхъ добровольцевъ“ были разныя „теченія“, и было бы несправедливо возлагать на нихъ на всѣхъ, въ томъ числѣ и на упоминаемыхъ въ настоящей статьѣ лицъ, отвѣтственность за всѣ дѣянія „Охраны“ и „Дружины“; но не подлежитъ сомнѣнію, что среди нихъ было и то „террористическое“ теченіе, о которомъ упоминается даже и въ книгѣ генерала Шебеко, прямо напечатавшаго, что цѣлью одного изъ кружковъ „мужественныхъ добровольцевъ“—было „вырѣзать анархистовъ“.

Легко, однако, сказать—„вырѣзать анархистовъ“, но кого же именно? Въ Россіи ихъ не найдешь, оставалось поискать за границей. Въ качествѣ эмигранта за границей издавна дѣйствовалъ кн. П. А. Крапоткинъ (хотя къ народовольчеству онъ никакого отношенія не имѣлъ), а изъ иностранцевъ наиболѣе вреднымъ лицомъ, писавшимъ въ своемъ Intransigeant о русскомъ правительствѣ всякіе „пасквили“, былъ Анри Рошфоръ.

Помѣщаемъ два письма къ П. А. Лаврову извѣстнаго доктора Н. А. Бѣлоголоваго. [1])

„Дорогой Петръ Лавровичъ! Сейчасъ получилъ письмо изъ Висбадена и спѣшу передать вамъ его сущность. „Св. дружина“ наняла какого-то искуснаго дуэлиста и бреттера, чтобы оскорбить Рошфора и затѣмъ убить его на дуэли. Такимъ же образомъ предполагается поступить и съ Крапоткинымъ. Ежели сойдутъ эти два устраненія благополучно, то пойдутъ и дальше. Во всѣхъ предпріятіяхъ Дружины принимаютъ живѣйшее участіе Д. (вызвался давать Дружинѣ по 15 тысячъ руб. ежемѣсячно) и оба Ш. [2]). Вы видите, дѣло такъ серьезно, что слѣдуетъ немедленно преду-

---

[1]) Помѣщаемъ письма съ подлинниковъ. Письма эти переданы въ наше распоряженіе лицами, имѣющими на то всѣ юридическія и моральныя права.

[2]) Въ подлинникѣ полныя фамиліи.

предить и Рошфора, и Крапоткина, но непремѣнно слѣдовало бы сдѣлать такъ, чтобы Рошфоръ не разболталъ въ газетѣ подробности о дружинѣ, потому что тогда легко будетъ доискаться, откуда идутъ эти свѣдѣнія, а погубить С. было бы жестоко. Кромѣ того, желательно было бы такъ подвести махинацію, чтобы поймать убійцъ во-время и доказать солидарность ихъ съ... Мы оба (т.-е. Бѣлоголовый и его жена) находимся еще до такой степени подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, что я ни о чемъ другомъ не распространяюсь".

Лавровъ отнесся нѣсколько недовѣрчиво къ этому сообщенію, о чемъ и увѣдомилъ Бѣлоголоваго. Вслѣдствіе этого Бѣлоголовый написалъ ему еще такое письмо:

„Я къ „Дружинѣ" потому отношусь серьезно, что таково отношеніе къ ней С. [1]), а онъ стоитъ у самаго источника

[1]) С.,—какъ любезно сообщилъ въ письмѣ къ пишущему эти строки соредакторъ Бѣлоголоваго по Общему Дѣлу А. Х. Христофоровъ,— М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. Въ Общемъ Дѣлѣ помѣщались извѣстія о Св. Дружинѣ на основаніи сообщеній Салтыкова. Тамъ же, (Общее Дѣло, № 46), было напечатано вырѣзанное изъ Отечественныхъ Записокъ одно изъ „Писемъ къ тетенькѣ" Салтыкова („Общество проломанныхъ головъ". Объ этомъ говоритъ, между прочимъ, вскользь въ своихъ воспоминаніяхъ Н. К. Михайловскій. См. Революціонную Россію № 54. Перепечатаны также въ сентябрской книжкѣ Былого за 1907 годъ. Въ этомъ „письмѣ" покойный сатирикъ вывелъ именно дѣятелей „Дружины", (Иниціаторомъ общества является Ноздревъ, „составившій проектъ обращенія за содѣйствіемъ къ обществу, изъ глубины котораго на его вопросъ, что дѣлать, послышалось одно-единственное слово „жарь"! Ноздревъ остался, однако, этимъ недоволенъ, такъ какъ слово „жарь" имѣетъ въ себѣ нѣчто принудительное, почти революціонное. Оно декретируетъ цѣлую систему и притомъ устами такихъ людей, которые „ѣли изъ одного корыта съ поросятами". Притомъ сегодня они кричатъ „жарь", а завтра, пожалуй, станутъ кричать „довольно жарить". Поэтому Ноздревъ рѣшилъ поступить иначе.) Avis—біографамъ Салтыкова. Объ участіи Бѣлоголоваго въ Общемъ Дѣлѣ см. ст. А. Х. Христофорова Общее Дѣло, помѣщенную въ первой книжкѣ Освобожденія. Штутгартъ, 1903 года, стр. 24—50.

Литераторъ, выписку изъ письма котораго къ намъ (съ отзывомъ Лорисъ-Меликова о Побѣдоносцевѣ) мы приводили выше, писалъ намъ между прочимъ и такія строки (онъ былъ хорошо знакомъ съ Щедринымъ): „Однажды Щедринъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее: гр. Игнатьевъ нѣсколько разъ выражалъ желаніе, чтобы я его посѣтилъ.

подробныхъ свѣдѣній о ней. Онъ пишетъ намъ часто и въ каждомъ письмѣ говоритъ о „Дружинѣ“ и видимо, желалъ бы, чтобы свѣдѣнія о ней были бы сообщены въ западныя газеты. Я думаю, что напечатать о ней въ общихъ чертахъ, безъ подробностей (о Д., Ш. и т. д.), было бы безопасно и не навело бы на слѣдъ источника потому, что, во-первыхъ, темные намеки о существованіи „Дружины“ встрѣчаются въ одномъ № Порядка [1]) и, вовторыхъ, мнѣ пишутъ изъ Женевы, что тамъ получено сообщеніе съ юга Россіи, извѣщающее объ организаціи „Дружины“.

Я не хотѣлъ, но все таки одинъ разъ пошелъ къ нему и былъ принятъ чрезвычайно любезно. Игнатьевъ говорилъ, что графинѣ „будетъ весьма пріятно со мною познакомиться“, увѣрялъ, что высоко цѣнитъ мою литературную дѣятельность, все читаетъ, что я пишу, и „письмо къ тетенькѣ“ находитъ прекраснымъ, но все же, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ его вырѣзать. Государь тоже читалъ это „письмо“ и одобрилъ принятую мѣру.—Вскорѣ послѣ того,—продолжаетъ литераторъ,—я встрѣтилъ на Невскомъ своего знакомаго Н. Н. Страхова, служившаго тогда въ публичной библіотекѣ. Я былъ въ тотъ моментъ чѣмъ то особенно раздраженъ противъ цензуры, что и высказалъ Страхову.—„Да помилуйте, NN,—говоритъ мнѣ на это Страховъ,—теперь обо всемъ можно писать, все высказывать. Вы на это скажете, что вотъ, молъ, вырѣзали статью Щедрина,—я ее читалъ,—такъ, вѣдь, это же совершенно невозможная вещь!“... „О Священной Дружинѣ Щедринъ могъ получать нѣкоторыя свѣдѣнія у В. В. Лихачева, умѣвшаго лавировать въ разныхъ сферахъ, а вѣрнѣе отъ П. П. Косоговскаго, бывшаго въ 70-хъ годахъ управляющимъ III Отдѣленіемъ, а потомъ, помнится, Одесскимъ градоначальникомъ. Онъ пописывалъ стихи, но, кажется, въ печати они не появлялись. Съ нимъ Щедринъ былъ хорошо знакомъ“.

Замѣчательно, что Щедринъ, очень освѣдомленный о дѣлахъ Священной Дружины, о чемъ онъ и писалъ часто Бѣлоголовому, видимо, совершенно не дѣлился свѣдѣніями по этому поводу съ своими сотоварищами по Отечественнымъ Запискамъ. Въ воспоминаніяхъ Михайловскаго говорится о Священной Дружинѣ лишь въ качествѣ слуха, подтвержденнаго ему, Михайловскому, однимъ цензоромъ во время разговора съ нимъ по поводу вырѣзанной изъ Отечественныхъ Записокъ статьи Щедрина. (См. Былое, сентябрь 1907 г.). Причемъ тутъ цензоръ, когда обо всемъ этомъ весьма подробно Михайловскій могъ, казалось бы, знать отъ Щедрина! Но этого видимо, не было.

[1]) Пересмотрѣвши всѣ номера Порядка, мы, къ сожалѣнію, не могли опредѣлить, гдѣ именно имѣются тамъ „темные намеки“ на существованіе Дружины. Ужъ слишкомъ, должно быть, „темные“...

Стало быть, глухой слухъ о ней бродитъ уже въ обществѣ и сообщеніе въ западныхъ газетахъ вовсе не указало бы на источникъ, особенно, если сдѣлать, какъ я уже сказалъ, безъ оглашенія подробностей".

О тѣхъ же замыслахъ Дружины свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ и извѣстный Леруа Болье: „лучшее средство бороться съ заговорщиками, — говорили ему высокопоставленныя лица въ Петербургѣ (они же „les promoteurs de droujina"), —это стать на ихъ же почву и дѣйствовать ихъ же оружіемъ. „D'autres vont plus loin, non contents de vouloir emprunter aux revolutionnaires leur organisation secrète, ils rêvent d'imiter leurs procédés d'exécution sommaire, et de prévenir leurs attentats par des attentas analogues". [1])

Ю. Карцевъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ: „Дружинники не находили себѣ дѣятельности и не знали съ чего начать. Нѣкоторые предлагали ѣхать въ Парижъ— вызвать на дуэль или убить Рошфора". [2])

Въ своихъ „Запискахъ революціонера" П. А. Крапоткинъ пишетъ:

„Когда Александръ III вступилъ на престолъ, то для охраны его была основана тайная лига. Офицеровъ различныхъ чиновъ соблазняли тройнымъ жалованьемъ поступать въ эту лигу и исполнять въ ней добровольную роль шпіоновъ, слѣдящихъ за разными классами общества. Бывали, конечно, комическіе эпизоды. Два офицера, напримѣръ, не зная, что они оба принадлежатъ къ одной и той же лигѣ, вовлекали другъ друга въ вагонѣ въ революціонную бесѣду, затѣмъ арестовывали другъ друга и къ обоюдному разочарованію убѣждались, что напрасно потеряли время".

„Еще болѣе тайная организація—священная лига—основалась въ то же время, чтобы бороться съ революціонерами всякими средствами, — между прочимъ убійствомъ тѣхъ эмигрантовъ, которые считались вождями недавнихъ заговоровъ. Я былъ въ числѣ намѣченныхъ лицъ. N. рѣзко выговаривалъ офицеровъ, членовъ лиги, за трусость и вы-

[1]) L'empire des Tzars et les russes. Par Anatole Leroy-Beaulieu. Tome II. Paris, 1882, pp. 161—162.

[2]) Карцевъ, стр. 61.

ражалъ сожалѣніе, что нѣтъ никого, который взялся бы убить такихъ эмигрантовъ. Тогда одинъ офицеръ, который былъ камеръ-пажемъ въ то время, какъ я находился въ корпусѣ, былъ выбранъ лигой, чтобы привести этотъ планъ въ исполненіе.

...„Что касается смертнаго приговора, который мнѣ вынесла священная лига, то предупрежденіе о немъ я получилъ изъ Россіи отъ одного очень высокопоставленнаго лица. Мнѣ стало извѣстно даже имя той дамы, которую послали изъ Петербурга въ Женеву, гдѣ она должна была стать душою заговора. Поэтому я ограничился тѣмъ, что сообщилъ фактъ и имена женевскому корреспонденту Times'a съ просьбою огласить ихъ, если что-нибудь случится со мной. Въ этомъ смыслѣ помѣстилъ я также замѣтку въ Revolté. Послѣ этого я больше не думалъ о приговорѣ. Жена моя, однако, не такъ легко отнеслась къ дѣлу, точно такъ, какъ и добрая крестьянка, madame Сансо, у которой мы занимали въ Тононѣ квартиру со столомъ. Она узнала о заговорѣ другимъ путемъ (черезъ свою сестру, служившую бонной въ семьѣ русскаго агента) и окружила меня трогательною заботливостью.

... „Когда Игнатьевъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ, по совѣту бывшаго парижскаго префекта Андріе, напалъ на новый планъ. Онъ послалъ рой своихъ агентовъ въ Швейцарію, гдѣ одинъ изъ нихъ сталъ издавать газету, стоявшую за нѣкоторое расширеніе земскаго самоуправленія. Главная же задача заключалась въ борьбѣ съ революціонерами и въ группировкѣ вокругъ него всѣхъ эмигрантовъ, отрицательно относившихся къ террору. То было, конечно, средство посѣять раздоръ. Затѣмъ, когда почти всѣхъ членовъ Исполнительнаго Комитета арестовали въ Россіи, и только два или три изъ нихъ бѣжали въ Парижъ, Игнатьевъ послалъ агента, чтобы предложить имъ перемиріе. Онъ обѣщалъ, что больше казней по поводу заговоровъ, составленныхъ въ царствованіе Александра II, не будетъ, даже если бѣжавшіе попадутъ въ руки правительства; что Чернышевскаго выпустятъ изъ Вилюйска и что назначатъ комиссію для пересмотра положенія всѣхъ сосланныхъ административнымъ путемъ въ Сибирь. Съ другой стороны,

Игнатьевъ требовалъ, чтобы Исполнительный Комитетъ не дѣлалъ покушеній, покуда не состоится коронація. Быть можетъ, упоминались реформы, которыя Александръ III собирался сдѣлать въ пользу крестьянъ. Договоръ былъ заключенъ въ Парижѣ". [1])

Въ вышедшихъ послѣ 1 марта 1881 года Листкѣ Народной Воли № 1 (22 іюля 1881 года), Народной Волѣ № 6 (23 октября 1881 года) и Народной Волѣ № 7 (23 декабря 1881 г.) — о „Священной Дружинѣ (она же Лига) ничего не упоминается.

Очевидно, о существованіи ея народовольцамъ не было извѣстно. Лишь въ Народной Волѣ № 8—9 (отъ 5 февраля 1882 г.) содержится замѣтка подъ заглавіемъ „Лига добровольцевъ-шпіоновъ"; въ замѣткѣ этой сообщается, что „мысль объ этомъ учрежденіи зародилась во время лѣтняго путешествія Александра III... Временная затѣя такъ понравилась В., что превратилась въ постоянное учрежденіе — „Лигу", которая поставила своею цѣлью борьбу съ крамолою и искорененіе всѣхъ недостаточно легальныхъ проявленій русской жизни. Въ центрѣ новаго тайнаго общества стоятъ В., А—й, Воронцовъ-Дашковъ, Игнатьевъ, Побѣдоносцевъ, Демидовъ-Санъ-Донато, Шуваловъ, банкиръ Гинцбургъ, Бобринскій и бывшій начальникъ департамента шпіоновъ Шульцъ. Въ Москвѣ—Катковъ и Аксаковъ. Контингентъ агентовъ вербуется изъ гвардейскихъ офицеровъ, золотой молодежи, отличающихся приказчиковъ и пр. Приглашенія за подписью Воронцова-Дашкова разсылаются въ большомъ количествѣ и очень многихъ ставятъ въ безвыходное положеніе. Дѣятельность Лиги пока ни въ чемъ не проявляется, кромѣ дворцовыхъ интригъ". [2])

---

[1]) П. А. Крапоткинъ: „Записки революціонера". Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей автора. Лондонъ, 1902 г., стр. 412, 413, 416, 421 и 422. О переговорахъ въ Парижѣ Крапоткинъ зналъ, повидимому, лишь изъ вторыхъ рукъ и потому сообщаетъ о нихъ неточныя свѣдѣнія. Объ этомъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

[2]) Народная Воля, № 8—9. И въ этомъ случаѣ, говоря о томъ, что лига возникла послѣ „лѣтняго путешествія" Александра II и пр., народовольцы обнаружили свою слабую о ней освѣдомленность, но въ общемъ замѣтка близка къ истинѣ.

Въ самомъ началѣ настоящей главы мы уже приводили выписку изъ дневника гр. Валуева о „Священной Дружинѣ". Теперь, дабы разсѣять всякія сомнѣнія о томъ, кто же именно стоялъ во главѣ этого учрежденія, приведемъ изъ дневника того же Валуева еще такую запись, помѣченную 8-мъ ноября 1881 года.

„Былъ у великаго князя по случаю его именинъ. Какъ всегда—любезенъ. Изъ разговора съ нимъ могъ замѣтить, что trio, по его выраженію, Игнатьева, [1]) Островскаго [2]) и Побѣдоносцева не пользуется его расположеніемъ, что онъ не поклонникъ „Священной Дружины". [3])

Итакъ, если бы мы и не имѣли другихъ свѣдѣній по занимающему насъ въ данную минуту вопросу, то уже изъ этой записи въ дневникѣ Валуева ясно совершенно, что Побѣдоносцевъ входилъ въ число того „trio", которое послѣ отставки Лорисъ-Меликова, Милютина и другихъ стало вершителемъ всѣхъ дѣлъ на Руси и стояло въ то же время во главѣ „Священной Дружины".

„Дружинники" рѣшили организоваться,—первое собраніе происходило въ домѣ одного ультра-высокопоставленнаго лица,—„по образцу Исполнительнаго Комитета", а такъ какъ о дѣйствительной организаціи этого комитета, кромѣ сказокъ, дружинники абсолютно ничего не знали, то вспомнили про знаменитые нечаевскія „пятерки" и рѣшили остановиться на системѣ этихъ „пятерокъ". [4]) Члены „Дружины" обязаны были называться „братьями", но каждый изъ „братьевъ" долженъ былъ знать только организатора „пятерки", которому присвоивалось названіе „старшаго брата", и никого болѣе. Все должно было быть покрыто

[1]) Игнатьевъ былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Островскій—министръ государственныхъ имуществъ.

[3]) Графъ В. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг. Историческій Сборникъ, О Минувшемъ, 1909 г., стр. 430.

[4]) Дабы иной читатель не подумалъ, что мы фантазируемъ, сошлемся хотя бы на такую запись въ дневникѣ Валуева, относящуюся къ тому времени (7 декабря 1882 г.), когда „Дружинѣ" приходилъ конецъ: „Вчера былъ здѣшній вице-губернаторъ Волковъ. По его словамъ, „Свящ. Дружина" распущена или распускается. Онъ самъ отпущенъ и его „пятерка" упразднена". (Графъ В. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг. Сборникъ, „О Минувшемъ", стр. 449).

непроницаемой тайной, и въ донесеніяхъ членовъ „пятерокъ“ своимъ „старшимъ братьямъ“ каждый братъ долженъ былъ фигурировать подъ назначеннымъ ему псевдонимомъ или номеромъ. [1]) Организація задалась цѣлью покрыть своею сѣтью всю Россію, и „донесенія“ должны были стекаться отовсюду къ единому абсолютно законспирированному центру. При пріемѣ членовъ принималась особая присяга. [2])

„Дружина“ явилась великолѣпнымъ учрежденіемъ, въ которомъ ловкимъ людямъ представлялась полная возможность „make money“, а еще болѣе устроить свое благополучіе на служебномъ поприщѣ. Многіе удивились бы, если бы узнали, что нѣкоторые изъ нынѣшнихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ получили первоначальный импульсъ по дорожкѣ къ власти „донесеніями“ своимъ „старшимъ братьямъ“ объ „общественномъ настроеніи“ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они тогда жили совсѣмъ небольшими сошками, и т. п. „заслугами“ передъ „Дружиною“, членами которой они состояли.....

---

[1]) Наиболѣе законспирированные дружинники имѣли двойные номера. Такъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ носилъ №№ 6 и 106, гр. Шуваловъ—8—108, кн. Щербатовъ—18—228 bis, Дурново—21—221, гр. Левашовъ—10—7 и т. д.

[2]) Текста этой присяги въ нашихъ документахъ, къ сожалѣнію, не имѣется, но что таковая при пріемѣ „братьевъ“ приносилась, объ этомъ намъ извѣстно изъ нѣсколькихъ источниковъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: членомъ „Дружины“ состоялъ предсѣдатель богатой золотопромышленной компаніи, нѣкто Базилевскій. Въ этой компаніи служилъ въ Сибири одинъ извѣстный русскій писатель, пріѣзжавшій время отъ времени по дѣламъ компаніи въ Петербургъ. „Пріѣхавши въ Петербургъ въ 1881 году, — сообщаетъ мнѣ въ письмѣ упомянутый писатель,—я узналъ отъ самого Базилевскаго, что онъ состоитъ членомъ „Дружины“, къ которой принадлежалъ гр. Шуваловъ, кн. Санъ-Донато и др. Базилевскій не былъ активнымъ членомъ „Дружины“, съ него, какъ и со многихъ другихъ богатыхъ людей, просто брали деньги, и на этомъ его дѣятельность ограничивалась. Принадлежность къ „Дружинѣ“ не мѣшала Базилевскому быть со мной въ очень хорошихъ отношеніяхъ (авторъ письма былъ раньше политическимъ ссыльнымъ). Онъ далъ мнѣ даже прочесть довольно длинный текстъ присяги, которую приносили члены „Дружины“ при вступленіи. (На практикѣ, очевидно, тайны „Дружины“ не такъ-то строго соблюдались ея членами). Содержаніе этого текста улетучилось теперь изъ моей памяти, помню лишь, что къ ней былъ приложенъ адресъ (для сбора пожертвованій) недавно умершаго биржевого маклера Холма“.

Недурную иллюстрацію къ тому, какъ устраивала Дружина свои „агентуры“, даетъ въ вышецитированныхъ воспоминаніяхъ о „Священной Дружинѣ“ г. Вогуль. Разсказавши о поѣздкѣ нѣкоего П. въ Лондонъ для пріобрѣтенія у М. уличающихъ въ „крамолѣ“ великаго князя Константина Николаевича („очень высокопоставленной особы“) документовъ и смѣхотворномъ концѣ этого „предпріятія“ дружинниковъ, г. Вогуль продолжаетъ свой разсказъ такъ:

„Несмотря на неудачу съ аферой М., фортуна не отвернулась отъ П., и вскорѣ онъ получилъ очень высокій постъ въ этой загадочной организаціи. Говорили, что П. состоитъ главнымъ инспекторомъ Петербурга, съ подчиненіемъ ему политическаго сыска во всемъ сѣверномъ районѣ. На одной изъ фешенебельныхъ улицъ, прилегающихъ къ Невскому, онъ занималъ роскошную квартиру: въ обширной передней посѣтителей встрѣчали свирѣпые на видъ и съ ногъ до головы вооруженные кавказцы; въ дальнѣйшихъ аппартаментахъ виднѣлись лакеи въ черныхъ и мундирныхъ фракахъ, они же служили у стола, чисто, по-барски сервированнаго, словомъ, вся обстановка квартиры и жизни П. ясно доказывали и умѣніе его жить, и его средства, не уступавшія нашимъ уральскимъ поссесіонерамъ. Роскошная дача на островахъ, собственный выѣздъ въ нѣсколько перемѣнъ кровныхъ рысаковъ, приватная квартира швырявшей русскія деньги француженки, свирѣпые черкесы,—все оплачивалось, казалось тогда, неистощимой кассой ассоціаціи добровольныхъ политическихъ сыщиковъ.

„Прошло очень недолгое время, яркая звѣзда „Священной Дружины“ начала меркнуть, и не замедлилъ наступить неизбѣжный развалъ этого мертворожденнаго предпріятія. Высокіе покровители и доброхотные радѣтели святотатственно присвоившей себѣ наименованіе организаціи убѣдились, наконецъ, во всей несостоятельности созданнаго и поддерживаемаго ими сообщества, и послѣднее было вынуждено ликвидировать свои дѣла.

„Погасла и звѣзда П. Уже въ концѣ 1883 года П. ютился въ двухъ крошечныхъ меблированныхъ комнатахъ, сдаваемыхъ „пожилой нѣмкой“‘ въ домѣ одного изъ захудалыхъ переулковъ Владимірскаго проспекта. О свирѣпыхъ черке-

сахъ и ливрейныхъ лакеяхъ, конечно, не было и помина, и посѣщавшіе П. въ полуденное время угощались сосисками, или иной снѣдью, взятой въ ближайшей „мясной и зеленной“ и тутъ же приготовленными на „Примусѣ“.

„Какъ воспоминаніе о привольномъ недавнемъ житьѣ, на болѣе чѣмъ скромномъ письменномъ столѣ П. красовался цѣнный кубокъ, съ надписью: „Дорогому начальнику (имя рекъ) отъ благодарныхъ агентовъ „Священной Дружины“.[1])

Г. Вогуль полагаетъ, что Дружина пала потому, что сами ея учредители „убѣдились, наконецъ, во всей несостоятельности созданнаго и поддерживаемаго ими сообщества“,— въ этомъ г. Вогуль ошибается,—мы ниже увидимъ, какъ было дѣло въ дѣйствительности, но его разсказъ о П. весьма для Дружины характеренъ. Только далеко не всѣ агенты Дружины возвратились послѣ паденія организаціи „мужественныхъ добровольцевъ“ въ „первобытное состояніе“ и стали питаться изготовленными на „Примусѣ“ сосисками. Нѣтъ, были и такіе, что съумѣли использовать свои связи по Дружинѣ съ сильными міра сего гораздо болѣе прочно, чѣмъ П., и продвинуться затѣмъ высоко-высоко по ступенькамъ іерархической лѣстницѣ...

Сыскной зудъ разростался все болѣе и болѣе.

Желающихъ „поработать“ и „послужить отечеству“, оказалось вскорѣ такъ много и „сообщенія“ представлялись такими различными путями, что центръ „Дружины“ издалъ слѣдующій (гектографированный) циркуляръ своимъ „братьямъ“: „Въ видахъ осмотрительности и увеличивающагося числа сообщеній, братья „Священной Дружины“ симъ извѣщаются, что въ С. П. С. будутъ передаваемы только тѣ сообщенія и заявленія, которыя будутъ адресованы на имя Ф. К. Холма, Спб., Невскій проспектъ, д. № 7, или на имя Алексѣя Егоровича Войны, С.-Петербургъ, Галерная, д. № 38“.[2])

Мы уже упоминали вскользь, что дружинники организовались не только въ Россіи, но и заграницей. По этому поводу въ воспоминаніяхъ жившаго въ 1881 году въ Парижѣ Карцева находятся такія любопытныя строки:

---

[1]) Рѣчь. 10 апрѣля 1911 г. № 98.

[2]) Цитируемъ по подлиннику.

„Въ описываемое время посланникомъ въ Парижѣ былъ Николай Алексѣевичъ Орловъ. Первымъ секретаремъ посольства былъ графъ М. Н. Муравьевъ, внукъ виленскаго диктатора, будущій министръ иностранныхъ дѣлъ. Событія 1 марта произвели въ русской парижской колоніи страшный переполохъ. Многіе полетѣли сломя голову, въ Петербургъ, сами не зная зачѣмъ. Дядя А. Н. (Карцевъ) съ разными оговорками и подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что графъ Муравьевъ по вопросу, что предпринять противъ крамолы сносился съ высокопоставленными корреспондентами, и послѣдніе ему отвѣчали. Въ чемъ состоялъ отвѣтъ, мнѣ, однако, не сказали. Въ день отъѣзда гр. Муравьевъ обратился ко мнѣ съ просьбой взять письмо и передать немедленно по пріѣздѣ (въ Петербургъ) графу Шувалову. „Это наши фамильныя бумаги“, пояснилъ онъ, передавая мнѣ пакетъ. Порученіе я исполнилъ въ точности: прямо съ вокзала, не одѣвшись и не умывшись, поѣхалъ на Фонтанку и вручилъ письмо. Этотъ графъ Шуваловъ былъ извѣстный Боби, который подстерегъ какія то письма, какъ утверждаютъ, Бисмарка, былъ за это лишенъ адъютанства при великомъ князѣ Владимірѣ Александровичѣ, сдѣланъ флигель-адъютантомъ и въ заключеніе попалъ въ немилость“. [1])

Такимъ образомъ и здѣсь на сценѣ тотъ же гр. Шуваловъ, съ которымъ читатели уже встрѣчались и будутъ встрѣчаться еще много разъ на протяженіи этой книги.

Продолжимъ, однако, еще нѣсколько разсказъ г. Карцева:

„Нѣсколько дней спустя я завтракалъ у пріятеля матери Н. Д. Игнатьева и супруги его Александры Александровны, урожденной Бороздиной. За столомъ насъ было пять человѣкъ,—хозяева, сынъ Ал. Ал. отъ перваго брата, Саша Гагенмейеръ, мой товарищъ по лицею и нѣкто г. Кашменскій. Говорили про злобу дня, про нигилизмъ, про участіе общества въ борьбѣ съ крамолой. Я выразилъ мысль, что внесеніе шпіонства въ частную жизнь несовмѣстимо съ элементарной порядочностью, довѣріемъ дружбы, правилами

[1]) Ю. Карцевъ—Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ. 1879—1886 г. Воспоминанія политическія и личныя, стр. 60.

застольной бесѣды. Саша меня поддерживалъ. Н. Д. Игнатьевъ добродушно улыбался. Больше всѣхъ горячился Кешменскій; онъ выдумывалъ для нигилистовъ средневѣковыя, небывалыя казни...

„Черезъ нѣсколько лѣтъ уже послѣ смерти Н. Д. Игнатьева я узналъ отъ Александры Александровны, что мужъ ея былъ однимъ изъ 12 заправилъ Священной Дружины. Н. Д. Игнатьевъ былъ сверстникъ и товарищъ по Кавалергардскому полку П. А. Черевина и вмѣстѣ съ Величковскимъ, Джономъ Грейгомъ и нѣкоторыми другими составлялъ ближайшую къ нему coterie. Всѣ они были членами Яхтъ-Клуба, но для болѣе интимныхъ бесѣдъ собирались въ отдѣльномъ кабинетѣ у Смурова. Тотчасъ послѣ 1 марта, во время паники, по разсказамъ А. А., на Н. Д. Игнатьева было возложено весьма секретное щекотливое порученіе... Затѣмъ Н. Д. былъ назначенъ предсѣдателемъ Коронаціонной Комиссіи, но простудился, осматривая подвалы и скончался за годъ до коронаціи". [1])

Но въ чемъ же проявлялась главнымъ образомъ дѣятельность „мужественныхъ добровольцевъ".

Намѣреніе „вырѣзать анархистовъ", о которомъ свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ генералъ Шебеко, было достояніемъ не всей „Дружины", а лишь нѣкоторыхъ изъ наиболѣе „мужественныхъ добровольцевъ", и замыслы по отношенію къ Крапоткину и Рошфору въ исполненіе приведены не были. Устройство маскарадовъ изъ „народа", о чемъ засвидѣтельствовалъ въ своемъ дневникѣ графъ Валуевъ, требовало много силъ и средствъ, но само по себѣ было занятіемъ довольно скучнымъ, дружинникамъ же хотѣлось чего-нибудь болѣе яркаго; и вотъ, рядомъ съ официальными учрежденіями по „искорененію крамолы", создались другія, начавшія широко практиковать, употребляя современный терминъ своеобразную „пинкертоновщину". Возникли „агентуры", „попечительства", „бюро", „кружки" какъ для уловленія „крамольниковъ", такъ и для освѣдомленія центра „Дружины" о состояніи умовъ въ столицахъ и провинціи. Представители золотой молодежи принимали на себя обязанности филеровъ и развѣдчиковъ,—имъ давалъ въ этомъ

[1]) Ibid. стр. 61.

дѣлѣ авторитетныя указанія членъ центра „Дружины“ бывшій дѣятель III отдѣленія Шульцъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ находился съ вожаками Дружины въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и предписалъ политической полиціи слушаться во всемъ указаній членовъ „Дружины“, которые во всякое время дня и ночи имѣли право требовать отъ полиціи производства у указанныхъ ими лицъ обысковъ и даже ихъ арестовъ. На такомъ пути, какъ это мы увидимъ въ свое время, когда у насъ будетъ рѣчь о борьбѣ, предпринятой противъ дружинниковъ Толстымъ, происходили весьма любопытныя вещи.

Но въ „дѣятельности“ своей дружинники встрѣтили соперниковъ въ лицѣ „профессіоналистовъ“ въ этой области и, въ частности, имѣвшаго „свои виды“, извѣстнаго въ свое время Судейкина.

Исполняя въ точности предписанія дружинниковъ (Судейкинъ тоже называлъ ихъ „лигистами“), Судейкинъ дѣлалъ это со скрежетомъ зубовнымъ, такъ какъ предписываемые „лигистами“ аресты нерѣдко противорѣчили его собственнымъ „планамъ“ по части все того же, конечно, „искорененія крамолы“, а черезъ то мѣшали и достиженію „степеней извѣстныхъ“. [1])

---

[1]) О Судейкинѣ мы говорили уже не разъ. Не мѣшаетъ, однако, для характеристики его привести еще, опубликованный въ свое время въ Вольномъ Словѣ, слѣдующій циркуляръ этого выдающагося „дѣятеля“ изображаемой эпохи:

„При полицейскомъ вѣдомствѣ рядомъ съ „разслѣдовательною агентурою“ устраивается особое отдѣленіе, завѣдывающее активнымъ воздѣйствіемъ (курсивъ подлинника) на революціонную среду. Цѣль этого новаго учрежденія слѣдующая:

„1.—Возбуждать помощью особыхъ активныхъ агентовъ ссоры и распри между различными революціонными группами.

„2.—Распространять ложные слухи, удручающіе и терроризирующіе революціонную среду.

„3.—Передавать черезъ тѣхъ же агентовъ, а иногда помощью приглашеній въ полицію или кратковременныхъ арестовъ, обвиненія наиболѣе опасныхъ революціонеровъ въ шпіонствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ дискредитировать революціонныя прокламаціи и разные органы печати, придавая имъ значеніе агентурной провокаціонной работы“. (Вольное Слово. 15 іюля 1881 г. № 41).

Какъ же Судейкину было не негодовать на конкуррентовъ!...

Существуетъ любопытная исповѣдь г-жи О—й подъ заглавіемъ: „Нераскрытое дѣло“. Въ ней О—я разсказываетъ, какъ рѣшившись убить Судейкина, она согласилась на сдѣланное ей предложеніе стать въ число его агентовъ и какъ Судейкинъ, смотря уже на нее, какъ на свою „сотрудницу“, не стѣсняясь, отзывался ей о „лигистахъ“ самымъ нелестнымъ для нихъ образомъ.

— Это такое учрежденіе, съ которымъ нужно бороться не меньше, чѣмъ съ террористами,—со злобою говорилъ о „лигистахъ“ своей собесѣдницѣ Судейкинъ.—Больше даже! Революціонеры — это люди (курсивъ подлинника), люди идеи, а это скопище... Банда! Но эта банда подъ покровительствомъ! Мнѣ мѣшаютъ невозможно. Дѣлаютъ доносы, требуютъ арестовъ, когда это не нужно. Средствъ расходуется масса. Жандармское управленіе тратитъ много, но мы тратимъ на дѣло (курсивъ подлинника), и наши расходы ничто въ сравненіи съ ихъ расходами. Тамъ милліоны выбрасываются и все понапрасну—нажива какимъ-то...“ [1])

Когда былъ арестованъ членъ Исполнительнаго Комитета Савелій Златопольскій, О—я спросила у Судейкина: кто это арестованъ?

Отвѣтивши на вопросъ, Судейкинъ сопроводилъ свой отвѣтъ такимъ комментаріемъ:

— Это не я, а лигисты и поусердствовала московская полиція. Я бы еще не арестовалъ этого субъекта, онъ мнѣ былъ нуженъ на волѣ. Эти проклятые добровольцы всегда мнѣ мѣшаютъ [2]).

Судейкинъ, какъ увидимъ дальше, принялъ участіе въ поведенной уже во время министерства Толстого противъ „Священной Дружины“ кампаніи, въ результатѣ которой „Дружина“ была закрыта по личному распоряженію императора Александра III. Но теперь намъ важно отмѣтить тотъ фактъ, что „Дружина“ и жандармская полиція не сотрудничали, а конкурировали.

Вотъ еще доказательства этому.

---

[1]) О—я „Нераскрытое дѣло“. Историческій Сборникъ „Наша Страна“. Спб., 1907 г., стр. 308.

[2]) Ibid., стр. 316.

Въ уже цитированномъ нами разсказѣ г. Вогуля находятся и такія строки:

„Для уловленія крамольниковъ на югѣ Россіи „Священной Дружиной“ была организована особая инспекція, резиденціей которой избранъ Кіевъ. Во главѣ инспекціи южнаго района былъ поставленъ нѣкто В. Кіевлянинъ по рожденію, сынъ крупнаго мѣстнаго домовладѣльца, В. окончилъ курсъ Нѣжинскаго юридическаго лицея и нѣкоторое время исправлялъ должность судебнаго слѣдователя въ одной изъ южнорусскихъ губерній. Скомпрометированный по одному дѣлу, В. вынужденъ былъ покинуть службу въ судебномъ вѣдомствѣ, въ то время свято хранившемъ завѣты Царя-Законодателя, и предложилъ свои услуги тогдашнему департаменту государственной полиціи. Учрежденіе у „Цѣпного моста“ сразу оцѣнило предложеніе В., какъ свободно владѣвшаго иностранными языками и также свободно распоряжавшагося своею растяжимою совѣстью. В. былъ назначенъ агентомъ политическаго сыска за границей, гдѣ и оперировалъ, главнымъ образомъ, во Франціи и Швейцаріи. Оперировалъ В. очень успѣшно и, благодаря его корреспонденціямъ, въ аппартаментахъ у „Цѣпного моста“ перебывало немало россіянъ, какъ впослѣдствіи оказывалось, благодушно развязывавшихъ свои языки въ гостепріимныхъ тавернахъ, излюбленныхъ отечественными эмигрантами. Излавливаемыхъ В. „болтуновъ“ департаментъ государственной полиціи усчитывалъ не по количеству, а по качеству, благодаря чему В. въ концѣ концовъ оказался не у дѣлъ.

„Съ возникновеніемъ „Священной Дружины“ В. снова появляется на поприщѣ политическаго сыска. Его „прошлое“, уснащенное чисто героическими вымыслами его, правду сказать, недюжинной фантазіи, сразу завоевало ему видное положеніе среди близорукихъ руководителей дружины, и В. оказался во главѣ добровольческой политической полиціи, охранявшей устой государственности на югѣ. Взбаломошный и задорный по натурѣ, В. первымъ дѣломъ обратилъ свое вниманіе на учащуюся въ Кіевѣ молодежь, и большую часть имѣвшихся въ его распоряженіи денежныхъ средствъ онъ употребилъ для операцій исключительно въ этой средѣ.

„По иниціативѣ В., въ Кіевѣ былъ открытъ ресторанъ, куда всячески заманивалось студенчество и другіе кіевляне, коротавшіе свои вечера, а иной разъ и утренники въ процвѣтавшихъ тогда въ Кіевѣ рестораціяхъ и пивныхъ. Весь штатъ администраціи вновь открытаго ресторана состоялъ изъ агентовъ дружины, руководимой В. Главной приманкой для посѣтителей тенденціознаго кабачка былъ не только широкій, но прямо-таки навязываемый кредитъ".

Такая дѣятельность В.,—разсказываетъ далѣе г. Вогуль,— не понравилась начальнику кіевскаго жандармскаго управленія Новицкому, и онъ „сумѣлъ освѣдомить кого слѣдуетъ о сути гостепріимнаго питейнаго убѣжища". Тогда публика такъ широко использовала открытый ей „кредитъ", что даже богатая касса В. скоро опустѣла.

Дальнѣйшая судьба этого В. такая:

„Съ оскудѣніемъ центральной кассы „Священной Дружинѣ" пришлось ликвидировать и кіевское предпріятіе. В. снова оказался не у дѣлъ. Кончилъ онъ очень печально. Зудъ всякаго рода сыска былъ присущъ его исковерканной жизнью натурѣ, и онъ затѣялъ въ министерствѣ финансовъ дѣло о покражѣ изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ штамповъ и другихъ приспособленій, помощью которыхъ находятся въ обращеніи на нѣсколько милліоновъ кредитныхъ билетовъ сторублеваго достоинства. На свои розыски В. сумѣлъ выманить у казны разновременно довольно крупныя суммы, но дѣло кончилось тѣмъ, что заинтересованное вѣдомство сообщило о дѣятельности В. сыскной полиціи, которая не замедлила обнаружить явный шантажъ. Дѣло В., благодаря его связямъ, было окончено въ административномъ порядкѣ, и онъ былъ высланъ изъ Петербурга и поселился въ своемъ имѣніи въ кіевской губерніи. Здѣсь В., уличенный въ поджогѣ завѣдомо застрахованной усадьбы и лишенный покровительства отрекшихся отъ него сановниковъ, былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ и скончался отъ прогрессивнаго паралича" [1]).

Касается личности В. въ своей „Запискѣ" и генералъ Новицкій, называя В. его полной фамиліей. Это—Воронович, жившій въ Кіевѣ подъ фамиліей Савченко. Гене-

[1]) Рѣчь. 10 января 1911 г. № 98.

ралъ Новицкій, между прочимъ, пишетъ: „Одинъ изъ членовъ Дружины, дѣйствовавшей въ Кіевѣ, предлагалъ мнѣ оставить службу и принять отъ Дружины порученіе на веденіе дѣла отъ Дружины на 8 южныхъ губерній за 25 тысячъ рублей содержанія въ годъ и съ полученіемъ отъ Дружины 100 тысячъ на устройство агентуры на югѣ, отъ чего я, конечно, отказался, и по этому предмету о Вороновичѣ-Савченко есть переписка въ департаментѣ полиціи по моимъ собщеніямъ“ [1]).

О себѣ Новицкій, конечно, „прилгнулъ—нельзя безъ этого“, но относительно Вороновича его сообщеніе совпадаетъ съ разсказомъ. г. Вогуля. Новицкій считалъ Дружину учрежденіемъ, „дѣйствовавшимъ безъ всякой правительственной санкціи, истратившимъ милліоны поддавшихся довѣрчивыхъ людей своими капитальными пожертвованіями, наносившимъ безусловный вредъ правительственнымъ полицейскимъ мѣропріятіямъ, черезъ что таковая Дружина и была закрыта распоряженіемъ правительства“ [2]).

Существуетъ еще объ отношеніяхъ между Дружиной и полиціей слѣдующій интересный разсказъ Ю. Карцева:

„Покойный Розенкампфъ, служившій въ конной гвардіи, съ которымъ я встрѣтился въ Болгаріи, разсказывалъ мнѣ, что онъ ѣздилъ съ бумагами Дружины и къ его удивленію и огорченію, бумаги эти у него вдругъ исчезли. „Какъ это могло случиться“,—спросилъ я у Кантакузена, бывшаго тогда военнымъ министромъ въ Болгаріи, а раньше начальникомъ корпуса жандармовъ.—„Очень просто, когда такой баринъ снаряжался въ путь, къ нему подсаживался агентъ полиціи, давалъ ему что нибудь понюхать и отбиралъ у него бумаги“.—Вотъ тоже могло быть и со мною, когда я везъ письма графа Муравьева къ графу Шувалову“ [3]).

Вскорѣ „Дружина“ обрѣла себѣ дѣятельнаго „сотрудника“ въ лицѣ покойнаго Корнилія Александровича Бороздина. Онъ не былъ даже и членомъ „Дружины“, а состоялъ лишь ея „агентомъ“, но онъ явился въ этой организаціи ея

---

[1]) Сборникъ Соціалистъ-Революціонеръ. № 3, стр. 46.

[2]) Ibid, стр. 45.

[3]) Ю. Карцевъ. Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ. 1879—1886 г. Воспоминанія политическія и личныя, стр. 62.

„литературной силой“, ея „теоретикомъ“. Сначала донесенія Бороздина „Дружинѣ“ ничѣмъ не отличались отъ самыхъ обыкновенныхъ доносовъ политическаго характера. Они были весьма подробны, но, разумѣется, и весьма фантастичны. Такъ, 29 мая 1882 г. Бороздинъ составилъ донесеніе „о квартирѣ Карпова, Кульчицкомъ и другихъ“. Для ознакомленія съ характеромъ дѣятельности „Дружины“ донесеніе это можетъ имѣть свое значеніе, и потому приведемъ изъ него одну-двѣ цитаты:

„Карповъ Георгій Андреевичъ, корнетъ Веймарскаго гусарскаго полка, служитъ на товарной станціи николаевской жел. дороги въ 4 отдѣлѣ отъ правленія новоторжской жел. дор., живетъ по Коломенской ул., въ домѣ № 15, кв. № 34, при немъ жена Федосья Петровна. Не подлежитъ сомнѣнію, что означенная квартира Карпова есть одна изъ конспиративныхъ квартиръ соціально-революціонной партіи; ежедневно ее посѣщаютъ до 20 человѣкъ студентовъ, постоянно совѣщаются, приносятъ и выносятъ свертки бумагъ, которые въ условленныхъ пунктахъ (въ Александровскомъ скверѣ, въ Петровскомъ паркѣ, близъ памятника Екатерины) передаются другимъ лицамъ. При передачѣ эти господа въ постоянной тревогѣ, оглядываются раньше чѣмъ подойти къ лицу ожидающему, долгое время ходятъ по дорожкамъ сквера и, только убѣдившись, что никто не слѣдитъ за ними, передаютъ свертки“.

Дальше идетъ перечисленіе всѣхъ жильцовъ дома, приложена ихъ „вѣдомость“, съ отмѣтками, примѣчаніями и пр.

Еще болѣе „обстоятельное“ донесеніе послалъ Бороздинъ „Дружинѣ“ о состояніи умовъ въ Петербургѣ.

„Положеніе въ высшей степени натянутое,—писалъ Бороздинъ.—Въ обществѣ открыто говорятъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ начнется рядъ террористическихъ дѣйствій, направленныхъ къ разрушенію существующаго порядка. Цареубійство ставится, конечно, на первомъ планѣ.

„Свѣдѣнія эти идутъ преимущественно изъ-за границы, и на-дняхъ пріѣхалъ въ Петербургъ корреспондентъ американской газеты, New-York Herald, Жанъ де-Вестине, ко, тораго прислалъ сюда редакторъ, извѣстный Бенетъ, съ тѣмъ чтобы не пропустить ни одного момента готовящейся драмы.

„Если поэтому въ Америкѣ съ такою положительностью предугадываютъ событія, то, надо полагать, тамъ имѣются несомнѣнныя свѣдѣнія о готовящемся проявленіи террора въ Россіи.

„И когда присмотришься ко всему совершающемуся у насъ, невольно приходишь къ тому убѣжденію, что что-то готовится неблагополучное.

„Въ Стрѣльнѣ и Сергіевской пустынѣ бродитъ шайка нигилистовъ, очень подозрительная: это большею частью хохлы изъ партіи Драгоманова. Наблюденіе за этой группой производится и ведетъ лишь къ заключенію, что эти личности затѣваютъ что-то. Они всѣ между собою видятся и ведутъ переговоры.

„Въ Мозикѣ, на Гатчинской линіи живетъ одинъ изъ верховниковъ соціалистовъ, профессоръ Тархановъ, и около него идетъ дѣятельное подпольное движеніе. Наблюденіе надъ этимъ гнѣздомъ самое плохое, такъ какъ агенты, тамъ живущіе, давно узнаны, и имъ нельзя уже ничего добиться.

„Въ редакціи газеты Улей, издающейся на деньги бывшаго интенданта рущукскаго отряда Г. Мокшеева, собрался кружокъ темныхъ личностей, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный н...й Зарудный. За мошенничество лишенный правъ и сосланный въ Самарскую губернію, онъ былъ помилованъ вслѣдствіе энергичнаго ходатайства за него гр. Лорисъ-Меликова и тотчасъ же по полученіи гражданства въ Петербургѣ занялся изданіемъ газеты подъ фирмою редактора Эвальда, самаго ничтожнаго нѣмчика, мелкаго гешефтъ-махера, занимавшагося до того выборкою изъ нѣмецкихъ газетъ для редакціи С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Зарудный деньги нашелъ у здѣшнихъ мелкихъ евреевъ, представителемъ которыхъ явился полицейскій сыщикъ Бинъ". [1])

„Говорятъ даже, зять Трепова, гр. Народъ помогъ матеріально Зарудному. Про газету эту составлено такое мнѣніе,

---

[1]) Не о m-r ли „Bint", начавшемъ тогда же играть въ парижскомъ отдѣленіи „Священной Дружины" видную роль, идетъ здѣсь рѣчь?.. Или это только совпаденіе именъ двухъ разныхъ „полицейскихъ сыщиковъ"?...

что она сама по себѣ ничтожна, такъ какъ перепечатываетъ лишь статьи изъ другихъ газетъ; но если это съ перваго раза кажется вѣрнымъ, то съ другой стороны, когда всмотришься въ газету, то яснымъ становится, что тутъ дѣло состоитъ не въ самостоятельныхъ оригинальныхъ статьяхъ, а лишь въ подборѣ ихъ изъ другихъ газетъ въ такомъ направленіи, которое болѣе всего нравится либеральствующей части общества. Лозунгъ редакціи поэтому—конституція, и к-нія Мокшеевъ, Зарудный, Ярмонкинъ и т. д. открыто толкуютъ о неизбѣжности возвращенія гр. Лорисъ-Меликова на постъ перваго министра съ его программою. Для достиженія же этихъ идеаловъ составъ редакціи не остановится ни передъ какими подпольными дѣйствіями. Число подписчиковъ въ теченіе 7 или 8 мѣсяцевъ дошло до 3,000.

„Но если такая мелкая газета, какъ Улей, стремится мутить общественный смыслъ, то такія двѣ газеты какъ Порядокъ и Московскій Телеграфъ, издающіяся—первая на деньги еврея Полякова, а вторая на деньги б. Гинцбурга—идутъ съ опредѣленными цѣлями, какъ органы еврейско-польскіе. Въ особенности серьезно ведется въ этомъ направленіи Порядокъ. Стасюлевичъ, Спасовичъ, Коршъ (ополяченные), Пыпинъ, Кавелинъ, а въ связи съ ними стоящіе крупные чины изъ польской партіи—Ленскій, Деспотъ-Зеновичъ, Оленскій и другіе—составъ подобный органа дѣлаетъ его подозрительно-вреднымъ. Порядокъ цитируетъ за границей Набатъ, а въ Порядкѣ съ изысканною вѣжливостью и осторожностью пропагандируется ученіе Набата. Всѣ названные заправители этой газеты крайне опытные, осторожные іезуиты, чтобы самимъ лично выступать непосредственными дѣятелями агитаціоннаго движенія; они всегда будутъ какъ бы въ сторонѣ, а подъ рукой ихъ стоитъ легіонъ еврейчиковъ и полячковъ, готовыхъ въ огонь и въ воду по ихъ указанію.

„Внушаетъ сильное подозрѣніе складъ сыровъ Верещагина на Гороховой, въ д. 53. Тутъ торговля на второмъ планѣ, а потому нельзя не принимать въ соображеніе, что въ подобномъ мѣстѣ, какъ Гороховая, подкопъ—дѣло разсчитанное. Впрочемъ, тутъ идетъ наблюденіе“.

Такое усердіе Бороздина не могло, конечно, не обратить на него вниманія центра „Дружины“, и вотъ Бороздинъ принимается за другое дѣло: онъ пишетъ „Дружинѣ“ цѣлую докладную записку о революціонномъ движеніи въ Россіи. [1]) Правда, онъ и въ ней обнаруживаетъ очень плохое знакомство съ предметомъ, поминутно путаетъ фамиліи революціонеровъ, даты событій и пр., но для дѣятелей „Священной Дружины“ и это былъ цѣлый кладъ. Бороздинъ начинаетъ встрѣчаться съ кн. А. П. Щербатовымъ, гр. П. П. Шуваловымъ, и, наконецъ, съ самимъ гр. И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ, тогда уже министромъ двора, главою „Священной Дружины“, носившимъ среди „братьевъ“, кромѣ №№ 6 и 106, еще и псевдонимъ „Набольшаго“.

Дружинники не вѣрятъ полиціи, они ищутъ „настоящихъ“ членовъ Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“, подозрѣваютъ въ качествѣ таковыхъ лейбъ-медика Боткина, профессора Манасеина, Д. В. Стасова, московскаго доктора Бокова и другихъ, но, видя, что всѣ ихъ поиски не приводятъ къ цѣли, рѣшаются, принявши обличье будто бы возникшей въ Россіи организаціи конституціоналистовъ, носящей названіе „Земская Лига“, попытаться отъ имени ея вступить въ переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ и такимъ образомъ проникнуть въ его нѣдра. Для этого они нашли нѣкоего доктора Нивинскаго (нашли не черезъ Бороздина, а черезъ другое лицо,—Бороздинъ игралъ роль во вторыхъ переговорахъ, ведшихся черезъ Н. Я. Николадзе), на котораго и возложили порученіе отправиться въ Парижъ и вступить тамъ въ сношенія отъ имени „Земской Лиги“ съ П. Л. Лавровымъ.

Объ этихъ переговорахъ, какъ и о переговорахъ, ведшихся тѣми же „мужественными добровольцами“ черезъ Н. Я. Николадзе, мы будемъ ниже говорить подробно, а теперь остановимся еще нѣсколько на характерѣ дѣятельности „Дружины“ въ самомъ Петербургѣ.

Въ своихъ мемуарахъ С. А. Ивановъ разсказываетъ такой эпизодъ:

---

[1]) Записка эта напечатана въ октябрьской книжкѣ Былого за 1907 г., стр. 123—167.

„Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ въ 1882 году М. Ю. Ашенбреннеръ получилъ нежданно-негаданно черезъ вторыя-третьи руки предложеніе отъ совершенно незнакомыхъ людей доставить ему мѣсто петербургскаго полицеймейстера съ прекраснымъ, конечно, окладомъ, причемъ это предложеніе облекалось въ такія формы, будто полицейская служба Ашенбреннера можетъ содѣйствовать какимъ-то благимъ замысламъ. Для дальнѣйшихъ переговоровъ его приглашали посѣтить квартиру одной княгини, фамилію которой я сейчасъ не помню. Изумленный и встревоженный такимъ страннымъ и подозрительнымъ предложеніемъ, Ашенбреннеръ попросилъ одну знакомую, имѣвшую большое знакомство въ Петербургѣ, разузнать о личности этой княгини. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ ея квартирѣ собирается очень темное и подозрительное общество, въ которомъ фигурируетъ очень разнообразная публика: офицеры, полицейскіе, жандармы, даже студенты и курсистки. Наводившую эти справки знакомую Ашенбреннера прямо предупреждали, что вся эта компанія находится въ связи съ Судейкинымъ и его присными. Получивъ такія свѣдѣнія, Ашенбреннеръ, разумѣется, не пошелъ на этотъ зовъ. Вскорѣ онъ получилъ новое приглашеніе отъ литератора С., лично ему совершенно незнакомаго, посѣтить его для переговоровъ о дѣлѣ, чуть ли не о томъ же самомъ, т.-е. о мѣстѣ полицеймейстера. На совѣщаніи петербургскаго военнаго центральнаго кружка, до свѣдѣнія котораго Ашебреннеръ довелъ объ этихъ зазываніяхъ, было рѣшено, что подъ именемъ Ашенбреннера къ С. отправится другой офицеръ, чтобы произвести рекогносцировку и по возможности выяснить истинную подкладку этихъ подозрительныхъ предложеній. Но какъ только этотъ офицеръ, явившись къ С., отрекомендовался ему подполковникомъ Ашенберенномъ, С. заявилъ: „Вы вовсе не Ашенбреннеръ, я васъ знаю, вы такой-то“ (послѣдній тоже не былъ знакомъ съ С.). Этимъ разговоръ ихъ и кончился, но въ результатѣ все же выяснилось, что С. и другія подозрительныя личности имѣли надлежащія, точныя свѣдѣнія, до знакомства съ наружностью включительно, объ офицерахъ и не только петербургскихъ, но и пріѣзжихъ изъ провин-

ціи съ приблизительной характеристикой ихъ политическаго направленія, безъ чего имъ трудно было бы останавливать свой выборъ на томъ или на другомъ лицѣ. Изъ какихъ источниковъ могли они получать подобныя свѣдѣнія, можно говорить только предположительно. Но естественно мысль останавливается на томъ, что источникомъ этимъ являлись полицейско-сыскныя сферы". [1])

Безъ сомнѣнія, сыскныя. Но какія именно? Для насъ совершенно ясно, что Ашенбреннеръ столкнулся въ этомъ случаѣ не съ „судейкинцами", значеніе которыхъ очень преувеличиваютъ, а именно съ „дружинниками". И ясно намъ это вотъ почему.

Въ своихъ воспоминаніяхъ самъ Ашенбреннеръ разсказываетъ, какъ допрашивавшій его генералъ Середа задалъ ему вопросъ „совершенно непонятный":

— А въ Одессѣ вы не были знакомы съ генераломъ Ширинкинымъ?

Я ему отвѣчалъ, что въ первый разъ слышу эту фамилію. Онъ всталъ и откланялся со словами: „будьте откровеннѣе, будьте откровеннѣе!"

Затѣмъ Ашенбреннера допрашивали извѣстные Добржинскій и Богдановичъ. Тутъ же присутствовалъ Судейкинъ.

— Скажите, г-нъ Ашенбреннеръ, зачѣмъ вы были такого-то числа во дворцѣ?

Я, дѣйствительно, заходилъ раза два въ Аничковъ дворецъ, гдѣ жилъ у отца морякъ Ювачевъ изъ морской академіи.

Ну,—подумалъ я,—значитъ, Ювачевъ попался. Отвѣтъ на вопросъ я далъ удивительный.

— Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга мнѣ хотѣлось побывать въ Эрмитажѣ. Тамъ мнѣ сказали, что безъ билета изъ дворцовой конторы посѣтители не допускаются, я и отправился во дворецъ...

Мое объясненіе Добржинскій прервалъ веселымъ и громкимъ смѣхомъ.

---

[1]) С. А. Ивановъ: „Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній въ Россіи въ началѣ 80-хъ годовъ". Былое, 1906 г., сентябрь, стр. 202.

— Ха-ха-ха! Какая ложь! Какая ложь!

А Богдановичъ замѣтилъ:

— Но дворцовая контора вовсе не во дворцѣ.

— Я этого не зналъ,—отвѣтилъ я.

Богдановичъ вышелъ, а Добржинскій, заложивъ руки въ карманы, сталъ прохаживаться. Потомъ они съ Судейкинымъ подошли ко мнѣ, и Добржинскій спросилъ меня:

— Можетъ быть, вы искали во дворцѣ генерала Ширинкина?

— Я совершенно не знаю генерала Ширинкина. Меня почему-то второй разъ спрашиваютъ о Ширинкинѣ.

— Ширинкинъ можетъ дать очень хорошее мѣсто! Можетъ быть, вы хотѣли просить его о мѣстѣ.

— Нѣтъ, ничего подобнаго!—отвѣчалъ я". [1])

Необходимо добавить къ этому, что показанія Ашенбреннера доставлялись для прочтенія непосредственно Александру III.

„На первомъ допросѣ,—пишетъ въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же воспоминаній Ашенбреннеръ,—меня опрашивали прокуроръ Богдановичъ, впослѣдствіи губернаторъ (уфимскій), и ротмистръ Лютовъ; послѣдній былъ въ полной парадной формѣ и просилъ меня писать поразборчивѣе, потому что мое показаніе онъ сейчасъ же отвезетъ Государю". [2])

Наконецъ, надо принять во вниманіе и еще одно обстоятельство: Въ 1883 году въ заграничномъ журналѣ Общее Дѣло, однимъ изъ активнѣйшихъ участниковъ и даже редакторовъ котораго состоялъ, какъ мы уже говорили, докторъ Бѣлоголовый, былъ напечатанъ весьма характерный правительственный документъ. Документъ этотъ—составленная въ департаментѣ полиціи записка, носящая названіе. „О противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ". [3]) Любопытный во многихъ отношеніяхъ документъ этотъ явно имѣетъ въ виду скомпрометировать „Священную Дружину" ея связями... съ революціонерами. [4])

---

[1]) Былое іюль 1906 г., стр. 16 и 18.

[2]) Ibid., стр. 116.

[3]) Объ этомъ документѣ мы еще будемъ говорить подробнѣе.

[4]) Общее Дѣло 1883 г., іюль, № 54.

Мы уже видѣли, какъ относился Судейкинъ къ „Дружинѣ“. Съ тою же злобою относились къ ней и другія полицейскія власти, видѣвшія въ организаціи высокопоставленныхъ орханниковъ своего конкурента, только отбивающаго у „порядочныхъ людей“ хлѣбъ.

Во главѣ „Дружины“ стоялъ гр. Воронцовъ-Дашковъ (Набольшій). Настойчивые разспросы у Ашенбреннера о Ширинкинѣ станутъ понятны послѣ того, какъ читатель узнаетъ, что Ширинкинъ былъ однимъ изъ центральныхъ членовъ „Дружины“. [1])

Очевидно, Судейкинъ, провѣдавши о тѣхъ заигрываніяхъ съ Ашенбреннеромъ темныхъ личностей, о которыхъ разсказываетъ Ивановъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о посѣщеніи Ашенбреннеромъ Аничкова дворца, связалъ эти два факта въ нѣчто единое. Отсюда и указанія допрашивавшихъ Ашенбреннера лицъ на то, что „Ширинкинъ можетъ давать хорошія мѣста“. Вѣдь темныя личности предлагали Ашенбреннеру именно „хорошее мѣсто“ (полицеймейстера) да еще и „съ благими цѣлями“. Ясно, стало быть, что это были именно дружинники, а Середа, Судейкинъ и К⁰ хотѣли воспользоваться этимъ фактомъ для того, чтобы „скомпрометировать“ Ширинкина, а черезъ него и всю „Дружину“ ея связями съ революціонерами...

Не мѣшаетъ упомянуть, что „литераторъ С.“, игравшій въ этомъ дѣлѣ столь темную роль,—когда-то большой либералъ и даже гораздо больше того,—нынѣ, какъ водится, состоитъ членомъ одной изъ „патріотическихъ“ организацій...

Такъ жила „Дружина“ до осени 1882 года, занимаясь устройствомъ, гдѣ нужно, маскарадовъ изъ „народа“ да всякаго рода сыскомъ, а миѳическихъ членовъ Исполнительнаго Комитета открыть все не удавалось. Между тѣмъ вліяніе министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого все болѣе упрочивалось, а это было вліяніе человѣка, недовольнаго игнатьевскими „колебаніями“ (ему и то, что происхо-

[1]) Ширинкинъ носилъ въ „Дружинѣ“ №№ 30 и 59. Онъ остался и послѣ того, какъ „Дружина“ была по высочайшему повелѣнію распущена, начальникомъ дворцовой полиціи и охраны. Когда гр. Воронцовъ-Дашковъ сдѣлался намѣстникомъ на Кавказѣ, Ширинкинъ переѣхалъ туда же на должность начальника всей кавказской полиціи.

дило, все еще казалось „колебаніями“), озлобленнаго всеобщей къ нему ненавистью, пріобрѣтенною имъ за время его продолжительной дѣятельности въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, ненавистью, сказавшеюся въ цѣломъ рядѣ ея проявленій („христосовались этой новостью“, писали въ газетахъ, когда отставка Толстого стала совершившимся фактомъ; когда отставленный Толстой пожелалъ баллотироваться въ почетные мировые судьи, то былъ забаллотированъ и т. д.), поддерживаемаго изъ Москвы всею мощью,—тоже дружинника,—но готоваго всегда промѣнять „хорошее“ на „лучшее“, М. Н. Каткова.

Приближалась и коронація, откладывать которую еще и еще становилось уже прямо невозможнымъ.

Въ это-то время и рѣшила „Дружина“ начать непосредственные переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ, оборотившись въ „Земскую Лигу“. [1]) Подходящій посредникъ, какъ мы уже упоминали, былъ найденъ въ лицѣ нѣ-

[1]) Надо замѣтить, что мысль о „переговорахъ“ съ революціонерами была и въ самой правительственной средѣ еще въ 1881 году, но именно въ то время, когда во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ близкій къ Дружинѣ графъ Игнатьевъ. Когда этотъ постъ занялъ гр. Толстой, то не только ни о чемъ подобномъ уже и не думали, но Толстому, путемъ интригъ, о которыхъ у насъ рѣчь будетъ ниже, удалось упразднить и самую Дружину. Осенью 1881 года была арестована О. С. Любатовичъ, и ее прокуроръ Добржинскій, а затѣмъ и директоръ департамента полиціи Плеве спрашивали, на какихъ условіяхъ Исполнительный Комитетъ отказался бы отъ террора и предлагали ей освободить ее изъ тюрьмы, дабы она могла переговорить объ этомъ съ народовольцами. Не отклоняя категорически предложенія, Любатовичъ указала своимъ собесѣдникамъ на арестованнаго почти одновременно съ нею Герасима Романенко, которому удобнѣе взяться за это дѣло и просила дать ей съ Романенко свиданіе безъ свидѣтелей. Свиданіе было дано, но послѣ этого вышло вотъ что: „не знаю,—разсказываетъ Любатовичъ,—моя ли то вина, что я не успѣла объяснить суть моихъ разговоровъ съ Добржинскимъ и Плеве или Романенко, какъ человѣкъ, въ дѣятельности еще не очень опытный, слишкомъ рѣзко поставилъ большія требованія или сталъ играть на угрозахъ, но переговоры сейчасъ же порвались и почему, я не знаю. Добржинскій отвѣчалъ мнѣ уклончиво“. (О. Любатовичъ. Далекое и недавнее. Былое. 1906 г., іюль, стр. 152—153). Все это было, повторяемъ, въ министерство Игнатьева, близкаго съ дружинниками. Цѣль же, съ которую хотѣла вести такіе переговоры Дружина, будетъ видна изъ послѣдующаго.

коего доктора Нивинскаго, котораго, какъ это читатели увидятъ изъ приводимаго нами ниже документа, дружинники самого считали первоначально за подосланнаго къ нимъ Исполнительнымъ Комитетомъ революціонера, но потомъ увѣрились въ его благонадежности и возложили на него секретное порученіе.

Въ печати, если не ошибаемся, фамилія доктора Нивинскаго была упомянута въ первый разъ въ книгѣ на польскомъ языкѣ г. Склявуса „KróloЬóysi“ (цареубійцы),—но какъ это уже было отмѣчено въ редакціонномъ примѣчаніи къ помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ журнала Былое статьѣ Н. Я. Николадзе „Освобожденіе Чернышевскаго“,—книга г. Склявуса столь глубоко невѣжественна (въ ней говорится, между прочимъ, что „нигилисты“ поставили гр. Воронцову-Дашкову однимъ изъ условій принятія его предложеній освобожденіе... Добролюбова! стр. 357), что на нее не стоило бы ссылаться, если бы,—говорила редакція Былого,—„мы не слышали объ упоминаемой въ ней фамиліи Нивинскаго, какъ лица, являвшагося посредникомъ между гр. Воронцовымъ-Дашковымъ и нѣкоторыми русскими эмигрантами, и изъ другихъ болѣе солидныхъ источниковъ“. [1])

Опубликованіе фамиліи Нивинскаго въ русской печати послужило поводомъ къ тому, что В. К. Дебагорій-Мокріевичъ припомнилъ эту же фамилію, носимую „докторомъ“, котораго онъ самъ, по рекомендаціи Драгоманова, отвезъ въ Парижъ и познакомилъ съ Лавровымъ. И Дебагорій-Мокріевичъ прислалъ въ Былое статью „Къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“. Статья эта была напечатана въ апрѣльской книжкѣ Былого за 1907 г. Въ ней Дебагорій-Мокріевичъ вспоминаетъ, какъ, вызванный изъ Парижа въ Женеву телеграммой отъ Драгоманова „по очень важному дѣлу“, онъ пріѣхалъ туда и познакомился съ докторомъ Нивинскимъ, который, назвавши себя посланцемъ организаціи, во главѣ которой стоялъ графъ Шуваловъ, сказалъ, что желаетъ имѣть доступъ къ „Исполнительному Комитету“

[1]) Пишущій эти строки слышалъ фамилію Нивинскаго, какъ „посредника“, отъ П. Л. Лаврова и М. Н. Оловенниковой.

для вступленія въ нѣкое соглашеніе. (Дебагорій-Мокріевичъ пишетъ, что организацію, членомъ которой рекомендовался Нивинскій, онъ называлъ „Добровольной Охраной“; но тутъ, надо полагать Дебагорію-Мокріевичу измѣняетъ память: такого термина нѣтъ въ оставшихся послѣ переговоровъ бумагахъ Лаврова, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь ниже; нѣтъ его и въ документахъ по этому поводу „Дружины“. Тамъ и здѣсь употребляется названіе „Земская Лига“). Нивинскій сказалъ, кромѣ того, Мокріевичу, что организація, къ которой онъ принадлежитъ, имѣетъ своею цѣлью добиться введенія въ Россіи конституціоннаго режима и вотъ объ этомъ и нужно переговорить съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Не имѣя туда путей, организація остановилась, какъ на посредникахъ между собою и Комитетомъ, на Драгомановѣ, Лавровѣ и Мокріевичѣ; но они,— пишетъ Мокріевичъ,—„ошибались относительно меня: прямыхъ сношеній съ „Исполнительнымъ Комитетомъ„ у меня не было. Поэтому вмѣсто себя я предложилъ ввести въ переговоры Марину Никаноровну (Марію Николаевну Оловенникову), а для этого нужно было мнѣ обратно ѣхать въ Парижъ. Переговоривъ обо всемъ съ Драгомановымъ, мы такъ и рѣшили сдѣлать; въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ докторъ (Нивинскій) и я отправились въ Парижъ“. [1])

Въ Парижѣ Мокріевичъ свелъ „доктора“ съ Лавровымъ и Оловенниковой и самъ присутствовалъ на первомъ совѣщаніи, на которомъ „докторъ“ много говорилъ о реформаторскихъ стремленіяхъ ихъ организаціи; затѣмъ онъ уѣхалъ въ тотъ же день изъ Парижа, и чѣмъ переговоры кончились, въ точности не знаетъ.

Минуя здѣсь вызванную статьею Мокріевича, также напечатанную въ Быломъ, статью извѣстнаго польскаго писателя Л. Василевскаго-Плохоцкаго „Еще къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ съ „Добровольной охраной“, [2]) мы перейдемъ теперь къ тѣмъ матеріаламъ по этому же вопросу, которые близкія къ Лаврову лица доставили редакціи Былого изъ архива покой-

[1]) Былое, 1907 г., апрѣль, стр. 56.

[2]) Былое, 1907 г., августъ, стр. 125—127.

наго Петра Лавровича и которые были вслѣдъ затѣмъ въ Быломъ напечатаны. Это—очень важные въ историческомъ отношеніи матеріалы. Они написаны всѣ рукою самого Лаврова и напечатаны въ Быломъ съ подлинниковъ. [1]) Напечатанное въ Быломъ мы дополнимъ здѣсь и нѣкоторыми новыми данными.

Мы уже говорили, что первое совѣщаніе Нивинскаго съ Лавровымъ и Оловенниковой происходило въ присутствіи Дебагорія-Мокріевича. Затѣмъ Мокріевичъ уѣхалъ изъ Парижа, а Лавровъ и Оловенникова продолжали вести переговоры. Нивинскій требовалъ, чтобы Исполнительный Комитетъ гарантировалъ безопасность на предстоящей коронаціи и издалъ въ этомъ смыслѣ прокламацію, а взамѣнъ онъ обѣщалъ отъ имени „Земской Лиги“ исхлопотать освобожденіе Чернышевскаго, подготовить болѣе или менѣе полную амнистію политическимъ преступникамъ, болѣе или менѣе полную свободу печатп и созывъ Земскаго Собора.

Лавровъ долженъ былъ изложить пункты соглашенія на бумагѣ и заготовить проектъ упомянутой прокламаціи.

То и другое Лавровъ исполнилъ, и въ его бумагахъ сохранились нижеслѣдующіе, писанные его рукою, по этому поводу черновики:

I.

„Немногіе члены Исполнительнаго Комитета, находящіеся заграницей и съ которыми я успѣлъ снестись, передали мнѣ слѣдующее:

„Есть пункты, относительно которыхъ они могутъ говорить за всѣхъ своихъ товарищей, и другіе, по которымъ имъ необходимо снестись съ Россіею. Они довѣряютъ мнѣ начать переговоры на тѣхъ основаніяхъ, относительно которыхъ они безусловно увѣрены въ согласіи своихъ товарищей. Именно:

„1. Они требуютъ прежде всего какого-нибудь ручательства, что переговоры идутъ съ людьми, дѣйствительно, серьезными, а не выдающими себя за имѣющихъ право вести подобные переговоры.

[1]) „Документы и матеріалы къ исторіи переговоровъ Исполнительнаго Комитета съ Священной Дружиной“. Былое, 1907 г., сентябрь, стр. 208—214.

„2. За основаніе переговоровъ должно быть принято письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III отъ 10 марта 1881 г. и въ предѣлахъ условій этого письма они могутъ ручаться за согласіе ихъ товарищей еще и въ настоящее время.

„3. Если разъ лица, съ которыми начаты переговоры, могутъ считаться компетентными во всемъ, касающемся ихъ, то надо, чтобы нѣкоторыя предварительныя дѣйствія со стороны правительства ручались за искренность его въ этомъ случаѣ.

„4. Они могутъ поручиться, что.

„a) если по предыдущимъ тремъ пунктамъ произойдетъ удовлетворительное соглашеніе, то до коронаціоннаго манифеста Александръ III будетъ огражденъ отъ всѣхъ попытокъ, организованныхъ или организуемыхъ Комитетомъ;

„b) если Исполнительный Комитетъ увидитъ изъ ряда дѣйствій правительства, что оно серьезно приступило къ исполненію условій соглашенія, то, насколько эта увѣренность будетъ длиться, Исполнительный Комитетъ не предприметъ ничего противъ Александра III.

„И если русскимъ соціалистамъ будетъ обезпечено право мирно распространять свои идеи, то онъ рѣшительно откажется отъ всякой террористической дѣятельности.

„Въ виду развитія со времени 10 марта взглядовъ, которые прежде не имѣлись въ виду, лица, съ которыми—(неразборчиво), сочли нужнымъ сказать въ поясненіе сказаннаго въ письмѣ къ Александру III отъ 10 марта о выборахъ въ народное собраніе, что ихъ товарищи понимаютъ это собраніе, какъ созывъ представителей всѣхъ классовъ общества съ преобладаніемъ настоящаго рабочаго элемента и съ необходимымъ участіемъ представителей интеллигентныхъ группъ (университетовъ, прессы и т. д.) для устройства новаго государственнаго порядка и для экономическихъ преобразованій, которыя обезпечили бы благосостояніе рабочаго класса".

II.

Прелиминарныя условія.

„I. Земская лига обязуется прежде всего (доказать) выяснить свою силу (подчеркнуто въ подлинникѣ) и (полную благонадежность своихъ намѣреній) свои цѣли, для этого:

„a. Земская лига выхлопочетъ амнистію Чернышевскаго или

„b. облегченіе участи политическихъ каторжныхъ (въ Сибири).

„c. Сверхъ того земская лига дастъ возможность обстоятельнаго (подчеркнуто въ подлинникѣ) ознакомленія со своими средствами и цѣлями (наиболѣе желательно посредствомъ принятія въ составъ своихъ членовъ) какому-либо лицу, которое бы пользовалось довѣріемъ земской лиги и Исполнительнаго Комитета. Лицо это выбирается по соглашенію обѣихъ сторонъ. Если это лицо находится въ ссылкѣ, то должно быть предварительно амнистировано.

„Исполнительный Комитетъ не требуетъ отъ этого лица сообщенія какихъ-либо секретовъ земской лиги и довольствуется общимъ (подчеркнуто въ подлинникѣ) его удостовѣреніемъ въ томъ, что силы и цѣли Земской Лиги позволяютъ Исполнительному Комитету вступать съ нею въ соглашеніе.

„II. Немедленно по полученіи означеннаго ручательства Исполнительный Комитетъ обязуется опубликовать прокламацію, къ сему прилагаемую, и пунктуально соблюсти данныя въ ней обѣщанія.

„III. Земская лига должна сообщить теперь же, въ какіе приблизительно сроки она считаетъ возможнымъ (при пассивномъ содѣйствіи Исполнительнаго Комитета) подготовить:

„a) болѣе или менѣе полную амнистію;

„b) доставить русской прессѣ и русскому обществу возможность (свободно) подготовиться къ земскому собору путемъ (болѣе или менѣе) достаточнаго обсужденія русскихъ общественныхъ вопросовъ;

„c) подготовить, наконецъ, созывъ самого земскаго собора, который (какъ кондиція sine qua non) долженъ быть непремѣнно всенароднымъ (подчеркнуто въ подлинникѣ), долженъ быть избранъ при вполнѣ свободной агитаціи и долженъ имѣть права учредительнаго собранія.

„IV. Въ случаѣ, если бы земская лига въ означенные ею самой приблизительные сроки оказалась безсильной

исполнить принятыя на себя обязательства, Исполнительный Комитетъ тѣмъ самымъ освобождается отъ всякихъ обязательствъ къ самой лигѣ". [1])

Далѣе идетъ проектъ прокламаціи, въ которой повторяется, что если правительство стало бы на путь реформъ, то „Исполнительный Комитетъ съ радостью отказался бы отъ прежнихъ пріемовъ" и обѣщается воздержаніе отъ покушенія на жизнь императора Александра III до коронаціоннаго манифеста. [2])

Въ проектѣ договора, составленнаго Нивинскимъ, фигурируетъ почему-то уже терминъ не „земская лига", а „партія либеральныхъ земцевъ" и гласитъ онъ слѣдующее: [3])

„Партія либеральныхъ земцевъ" обратилась черезъ своего уполномоченнаго Н. къ Л., желая черезъ послѣдняго вступить въ переговоры съ Исп. Ком. партіи Нар. В. на слѣдующихъ основаніяхъ:

„1. Партія либ. зем. признаетъ, что ея непосредственныя цѣли, вообще говоря, совпадаютъ съ ближайшими цѣлями партіи Нар. В., какъ онѣ высказаны въ условіяхъ, поставленныхъ Исполнительнымъ Комитетомъ Александру III въ письмѣ 10 марта 1881 г., условіяхъ, при исполненіи которыхъ Исполнит. Ком. отказывается впредь отъ насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному народнымъ собраніемъ.

„2. Именно: партія либ. земцевъ имѣетъ цѣлью замѣну самодержавнаго произвола въ Россіи правовымъ государственнымъ порядкомъ; полагаетъ, что орудіемъ для этого долженъ быть созывъ учредительнаго собранія изъ представителей всѣхъ группъ русскаго народа съ преобладаніемъ

---

[1]) Все это текстуально воспроизведено въ вышеназванной статьѣ, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ Былого за 1907 г., стр. 208—210. Сверхъ этихъ пунктовъ съ Нивинскимъ шла рѣчь о томъ, что „Земская Лига" обязуется положить въ банкъ крупную денежную сумму, какъ залогъ серьезности ея намѣреній, въ случаѣ неисполненія каковыхъ сумма эта можетъ быть Исполнительнымъ Комитетомъ конфискована.

[2]) Ibid., стр. 210—212.

[3]) Этотъ документъ, какъ и всѣ за нимъ слѣдующіе, напечатаные нами впервые въ Русской Мысли и до того времени никогда не видавшіе свѣта, мы приводимъ здѣсь дословно.

рабочаго элемента и съ непремѣннымъ участіемъ представителей интеллигентныхъ группъ (прессы, университетовъ и т. п.); полагаетъ, наконецъ, что цѣлесообразный созывъ подобнаго собранія возможенъ лишь при подготовленіи его въ продолженіе нѣкотораго времени свободною агитаціей въ прессѣ и общественныхъ собраніяхъ.

„3. На этомъ основаніи партія либеральныхъ земцевъ предлагаетъ партіи Нар. Воли слѣдующій договоръ для достиженія этихъ цѣлей, поставленныхъ, какъ ближайшія цѣли, самимъ Исп. Комитетомъ въ письмѣ отъ 10 марта 1881 г., причемъ договоръ нисколько не ограничиваетъ дѣятельности обоихъ партій, не входящей въ область этого договора.

„4. Партія Н. В. пріостановитъ въ т е ч е н і е года (подчеркнуто въ подлинникѣ) со дня заключенія договора всякія террористическія дѣйствія противъ Алекеандра III и лицъ его управленія, что не распространяется на мѣры, которыя могли бы быть приняты для освобожденія членовъ партіи Н. В., находящихся въ ссылкѣ, въ тюрьмахъ, на каторгѣ и т. п.

„5. Въ этотъ промежутокъ времени партія либеральныхъ земцевъ попытается своими средствами достичь упомянутыхъ цѣлей, т.-е. созванія учредительнаго собранія при обозначенныхъ условіяхъ.

„6. Въ этотъ промежутокъ времени партія либеральныхъ земцевъ обязуется оказывать свое содѣйствіе всѣмъ предпріятіямъ партіи Народной Воли, не входящимъ въ сферу пункта 4.

„7. Партія либеральныхъ земцевъ обязуется, если будетъ имѣть преобладаніе въ учредительномъ собраніи, имѣющемъ быть созваннымъ, провести въ немъ мѣры, обезпечивающія соціалистамъ свободу мирной пропаганды ихъ идей.

„7. [1]) Партія либеральныхъ земцевъ, понимая, что пріостановка на годъ той дѣятельности партіи Народной Воли, которая наиболѣе привлекаетъ къ ней приверженцевъ и сочувствующихъ, можетъ нанести ей матеріальный ущербъ, и желая выразить свою готовность содѣйствовать цѣлямъ партіи Народной Воли, насколько онѣ не суть дѣйствія

[1]) Цифра 7 здѣсь снова повторяется, очевидно, по ошибкѣ.

террористическія, предоставляетъ въ распоряженіе партіи Народной Воли въ продолженіе года, на который распространяется договоръ, сумму минимумъ 40,000 по 10,000 рублей въ мѣсяцъ.

„8. Для того, чтобы Исполнительный Комитетъ былъ увѣренъ, что имѣетъ дѣло съ серьезною группою, партія либеральныхъ земцевъ предложитъ ему списокъ 10 лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, уму и честности которыхъ Исполнительный Комитетъ имѣлъ бы основаніе довѣрять, даже не имѣя съ ними прежде сношеній. Партія либеральныхъ земцевъ познакомитъ это лицо съ своими силами и средствами дѣйствій. Договоръ будетъ заключенъ лишь въ томъ случаѣ, если это лицо поручится честнымъ словомъ Исполнительному Комитету, что партія либеральныхъ земцевъ дѣйствительно стремится къ цѣлямъ, обозначеннымъ въ § 2 и дѣйствительно имѣетъ возможность достигнуть этихъ цѣлей своими средствами.

„9. Въ теченіе года, на который заключенъ договоръ, партія либеральныхъ земцевъ, по мѣрѣ своихъ силъ, обязуется провести:

„а) облегченіе участи политическихъ каторжанъ и ссыльныхъ;

„б) подготовленіе болѣе или менѣе полной амнистіи;

„в) облегченіе для легальной русской прессы обсужденія основаній дѣятельности будущаго учредительнаго собранія и для цѣлесообразнаго его созыва;

„г) удаленіе изъ управленія особенно вредныхъ личностей;

„N. B.—Въ окончательномъ договорѣ будутъ установлены приблизительно сроки, въ которые партія либеральныхъ земцевъ надѣется доставить (списокъ) предварительныхъ мѣръ для цѣли, обозначенной въ пунктѣ 2.

„10 Если въ теченіе года партія либеральныхъ земцевъ не достигнетъ цѣлей, обозначенныхъ въ пунктѣ 2, то договоръ прекращаетъ свое дѣйствіе, причемъ Исполнительный Комитетъ обязывается не опубликовывать ничего изъ дѣятельности партіи либеральныхъ земцевъ, относительно которой онъ могъ узнать въ продолженіе своихъ сношеній съ ними.

„11. Въ случаѣ неисполненія условій по пунктамъ 6 и 9, назначается совѣщаніе уполномоченныхъ обѣихъ партій, и разрывъ договора произойдетъ лишь при невозможности ихъ соглашенія.

„12. Расходы, необходимые для скорѣйшаго заключенія договора, партія либеральныхъ земцевъ принимаетъ на себя".

Проектъ „договора", какъ видитъ читатель, составленъ весьма обстоятельно...

Все это происходило въ августѣ 1882 года. Одно изъ писемъ Нивинскаго къ Лаврову обозначено такъ: Hotel Richmond, 4/16 августа.

Письмо это гласитъ:

„Многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Меня крайне безпокоитъ ваше молчаніе. Не желая стѣснять васъ посѣщеніемъ безъ вашего на то разрѣшенія, беру смѣлость письменно просить васъ успокоить меня такимъ путемъ, какой найдете для себя удобнымъ. Скука меня одолѣваетъ. Хоть бы барыня приказала сопутствовать ей въ какія-либо увеселенія. Окажите мнѣ въ этомъ протекцію. По первому призыву явлюсь въ указанный часъ и пунктъ къ Ея услугамъ". [1])

Примите увѣреніе въ высокомъ уваженіи и преданности

Э. Нивинскій".

Въ слѣдующемъ письмѣ Нивинскій писалъ:

„Многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Оба ваши письма я получилъ; весьма благодаренъ и съ моей стороны постараюсь исполнить всѣ ваши порученія. Я забылъ вамъ сообщить, что передатчикомъ свѣдѣній изъ государственной полиціи революціонной партіи считается какой-то Николай Ивановичъ, на слѣды котораго будто бы напали. Я не могъ объ этомъ сообщить въ Петербургъ, потому что никого теперь не имѣю знакомаго въ партіи, которая немало теряетъ за неимѣніемъ сношеній со мной. Затѣмъ, быть можетъ, до свиданія.

Весь вашъ Э. Нивинскій".

---

[1]) Такъ почтительно отзывается Нивинскій (онъ пишетъ даже „Ея" съ большой буквы), вѣроятно, о ведшей вмѣстѣ съ Лавровымъ съ нимъ переговоры М. Н. Оловенниковой.

Наконецъ, еще такое письмо:

„Многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Завтра уѣзжаю въ Питеръ, и черезъ двѣ недѣли пріѣду опять. Во всякомъ случаѣ, когда бы я ни понадобился (подчеркнуто въ подлинникѣ), потрудитесь дать мнѣ на мой счетъ депешу слѣдующаго содержанія: Votre commande prète. Подпись — Charrière. Адресъ мой: Petersbourg, 11, Znamenskaya, Docteur Nivinsky. Съ высокимъ уваженіемъ и преданностью.

Э. Нивинскій".

Нивинскій предъявилъ сверхъ того Лаврову полученную имъ изъ Петербурга бумагу, объясняющую его внезапный туда отъѣздъ. Бумага эта гласила слѣдующее:

„Съ полученіемъ сего, просятъ васъ объяснить тѣмъ личностямъ, съ которыми вы находитесь въ переговорахъ, что главное управленіе земской лиги, которая вѣдаетъ и тою отраслью, къ которой вы принадлежите, потребовало васъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій и что вы вернетесь черезъ двѣ недѣли съ болѣе подробными инструкціями".

Подписи бумага не имѣетъ никакой. Датирована 14 августа 1882 г.

Нивинскій уѣхалъ, а Лавровъ обратился къ находившемуся тогда въ Парижѣ одному извѣстному русскому ученому, — говоримъ на основаніи разсказа пишущему эти строки самого и понынѣ здравствующаго этого ученаго,— принять на себя роль того довѣреннаго съ одной стороны Исполнительнаго Комитета, а съ другой—Земской Лиги, о которомъ велись переговоры съ Нивинскимъ. Ученый отнесся весьма недовѣрчиво къ самому существованію „Земской Лиги", такъ какъ, по его связямъ въ земскомъ мірѣ, подобное явленіе не могло бы быть ему неизвѣстнымъ,— и потому предложеніе Лаврова онъ отклонилъ. Тогда Лавровъ сказалъ: „ну, если вы отказываетесь, мы обратимся къ Л. Н. Толстому".

Нивинскому подъ условнымъ псевдонимомъ „Charrière" Лавровъ отправилъ въ Петербургъ на французскомъ языкѣ записку, черновикъ которой сохранился въ его бумагахъ. Записка эта гласила:

„Monsieur le docteur!

„Votre commande éprouve malheureusement des retards inattendus. Les conditions d'exécution restent les mêmes et j'espère que Vous serez content de l'appareil. Mais il y a un arrêt de travail qui peut durer quelques jours, comme il peut durer plus d'un mois. Dès que le travail sera de nouveau en train, je me farai un plaisir de vous le faire savoir.

„Agréez, Monsieur le docteur, l'expression de ma toute considération.

Charrière". [1]).

Но что же все это обозначало въ дѣйствительности? Съ кѣмъ вели переговоры Лавровъ и Оловенникова? Что это была за „Земская Лига", отъ имени которой дѣйствовалъ докторъ Эдуардъ Ипполитовичъ Нивинскій?

На всѣ эти вопросы читатель получитъ весьма опредѣленные отвѣты изъ нижепомѣщаемаго, опубликованнаго нами впервые въ январской книжкѣ Русской Мысли за 1911 годъ, ультра-секретнаго документа „Священной Дружины". Это донесеніе центру „Дружины" того „брата", который послалъ Нивинскаго въ Парижъ, убѣдивши его въ существованіи организаціи, называющейся „Земская Лига". Донесеніе изобилуетъ, по обыкновенію, совершенно фантастическими свѣдѣніями о дѣятельности „Народной Воли",—но теперь не въ этомъ, конечно, его главнѣйшій интересъ. Онъ заключается въ томъ, что донесеніе даетъ намъ ключъ къ познанію разнообразныхъ махинацій „Священной Дружины" и, въ частности, заключаетъ отвѣты на вышепоставленные вопросы касательно переговоровъ съ народовольцами доктора Нивинскаго, истинная роль котораго во всей этой исторіи все еще остается не вполнѣ ясной. Затѣмъ такіе же переговоры (съ Тихомировымъ) повела та же Дружина черезъ Н. Я. Николадзе, но объ этомъ мы бу-

---

[1]) Переводъ: „Г. докторъ! Исполненіе вашего заказа, къ несчастью, неожиданно замедлилось. Условія исполненія остаются тѣ же, и я надѣюсь, что вы будете довольны приборомъ. Но существуетъ задержка, которая можетъ продолжаться и нѣсколько дней, и болѣе мѣсяца. Какъ только дѣло снова наладится, сочту удовольствіемъ васъ объ этомъ увѣдомить. Примите, г. докторъ, увѣреніе въ полномъ уваженіи. Шарьеръ.

демъ говорить ниже, а теперь приведемъ дословно содержаніе упомянутаго донесенія. Вотъ его буквальный текстъ:

„Докторъ Э.[1]) былъ мнѣ указанъ братомъ № 8,[2]) какъ личность, могущая по связямъ своимъ съ народовольческой партіей быть мнѣ полезенъ.

„Хотя докторъ Э. не согласился бы служить агентомъ, но готовъ помогать либеральной конституціонной партіи въ Россіи въ борьбѣ противъ террористовъ.

„Въ сущности, докторъ Э. подозрѣвался, какъ личность, подосланная Исполнительнымъ Комитетомъ народовольческой партіи для разузнанія силъ и дѣйствій Священной Дружины.

„При ближайшемъ ознакомленіи съ докторомъ Э. я усмотрѣлъ, что онъ склоненъ вѣрить въ существованіе земской либеральной лиги въ Россіи и полагалъ, что братья 6,[3]) 8 и я принадлежимъ къ этому союзу, стремящемуся къ водворенію въ правленіи выборнаго начала, но именно въ этихъ видахъ борющемуся съ терроромъ. Я укрѣпилъ доктора Э. въ этомъ мнѣніи, придавши ему всякаго рода вымышленныя подробности. Послѣ долгихъ разговоровъ съ докторомъ Э. я пришелъ къ убѣжденію, что онъ желалъ бы быть агентомъ для личныхъ своихъ выгодъ, но, что, во-первыхъ, по старымъ своимъ связямъ съ революціонной партіей, а во-вторыхъ, вслѣдствіе нѣкоторой оставшейся у него совѣстливости, онъ могъ согласиться быть агентомъ лишь партіи либеральной, и такимъ образомъ въ собственныхъ глазахъ своихъ извинить свою агентурную дѣятельность. Кромѣ того, такой пріемъ ставитъ его въ безукоризненное положеніе по отношенію къ народовольцамъ. Дѣло въ томъ, что докторъ Э. явится не агентомъ-измѣнникомъ своимъ старымъ единомышленникамъ, а посредникомъ между двумя либеральными антиправительственными партіями.

---

[1]) Т.-е. докторъ Эдуардъ Нивинскій.

[2]) Какъ уже сказано выше, № 8 носилъ въ дружинѣ графъ П. П. Шуваловъ.

[3]) Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.

„Черезъ нѣсколько дней, въ серединѣ мая, докторъ Э. сообщилъ мнѣ, что Исполнительный Комитетъ отнесся къ польскому эмигранту Врублевскому (бывшій генералъ парижской коммуны) съ просьбой доставить въ Петербургъ нѣсколько человѣкъ, такъ называемыхъ, жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ польской революціи 1863 г. По мнѣнію народовольцевъ, такого рода личности, пріѣхавши подъ фальшивыми паспортами въ Россію, могли бы быть полезны для террористическихъ дѣйствій, не навлекая подозрѣнія и притомъ обладая въ злодѣйствѣ не малымъ опытомъ. Доктору Э. предложили поѣхать за границу для переговоровъ по этому поводу въ Варшавѣ съ Нагурнымъ (служитъ въ банкѣ польскомъ), въ Краковѣ съ ксендзомъ Заіончикомъ и въ Женевѣ съ докторомъ Мильковскимъ. Такъ какъ всѣ названныя личности, принадлежа къ польской раволюціонной парт:и, могутъ своимъ вліяніемъ или помочь эмигранту Врублевскому, или воспротивиться вмѣшательству польской партіи въ дѣла русскихъ террористовъ, то доктору Э. было предложено убѣдить ихъ въ сочувствіи народовольческой партіи и подвинуть ихъ къ дѣятельной помощи и содѣйствію. [1]) Изложивъ все выше сказанное, докторъ Э. предложилъ мнѣ черезъ его посредство войти въ переговоры со старѣйшинами народовольческой партіи, указавъ на слѣдующее: соціализмъ и соціалистическія теоріи вовсе не составляютъ цѣль борьбы народовольцевъ, земскій соборъ и при этомъ свобода прессы удовлетворила бы ихъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ соціалистическая пропаганда приняла бы характеръ мирнаго ученія и т. д. При такой обстановкѣ дѣла между земской либеральной лигой и народовольцами существуетъ только различіе въ средствахъ и орудіяхъ, а не въ цѣляхъ. Земская либеральная лига дѣйствуетъ, вліяя на высшія придворныя и правительственныя сферы, народовольцы — терроромъ. Между тѣмъ орудіе народовольцевъ, т.-е. терроръ,

[1]) Нужно ли говорить, что всѣ эти сообщенія о „жандармахъ-вѣшателяхъ", „кинжальщикахъ" и пр. составляютъ плодъ чистѣйшаго вымысла. Надо полагать, что Нивинскій выдумывалъ все это для приданія въ глазахъ своего собесѣдника большей важности собственной особѣ. Онъ, видимо, преслѣдовалъ чисто личныя цѣли.

тяжело отзывается на главаряхъ народовольцевъ; проливать кровь, притомъ не достигая данной цѣли, вообще, тягостно. И что ежели бы имъ представилось бы иное средство, то, конечно, они съ радостью воспользовались бы земской либеральной лигой.

„Я совершенно согласился съ мнѣніемъ доктора Э., возразивъ, что практическіе пріемы по соглашенію состояли бы въ слѣдующемъ: 1) Исполнительный Комитетъ высылаетъ намъ депутатовъ для дальнѣйшихъ переговоровъ. 2) Исполнительный Комитетъ печатаетъ въ Народной Волѣ манифестъ о прекращеніи террора. 3) Типографія и редакціонныя силы „Народной Воли“ поступаютъ подъ нашу охрану и совмѣстное управленіе съ Исполнительнымъ Комитетомъ.

„Съ другой стороны мы предлагаемъ Исполнительному Комитету какія угодно условія въ видѣ гарантіи, причемъ предупреждаемъ, что земская лига могла бы исходатайствовать амнистію указаннымъ Исполнительнымъ Комитетомъ эмигрантамъ, кромѣ цареубійцъ и участниковъ оныхъ (Гартманъ, Крапоткинъ и другіе).

„Наружная филировка за границей обнаружила [1]), что докторъ Э. изъ Женевы пріѣхалъ въ Парижъ съ извѣстнымъ эмигрантомъ Дебагоріемъ-Мокріевичемъ и что въ Парижѣ, въ квартирѣ Лаврова, онъ видѣлся съ разными лицами.

„На случай, если бы наружная филировка за границей была открыта докторомъ Э., то и это обстоятельство не могло бы имѣть дурного вліянія на дѣло, по тому что, ведя переговоры съ Э. въ Петербургѣ, я будто бы въ порывѣ откровенности сообщилъ ему, что помимо насъ существуетъ еще „Священная Дружина“, цѣль которой заключается въ слѣдующемъ: 1) въ сыскѣ всѣхъ эмигрантовъ и 2) въ убійствѣ всѣхъ приверженцевъ террора и укрывателей цареубійцъ и что мы, „Земская Лига“ удерживаемъ еще „Священную Дружину“ отъ этого, но что если терроръ не остановится, то мы ни за что не отвѣчаемъ.

---

[1]) Дружина послала наблюдать и за Нивинскимъ филеровъ.

„Я просилъ доктора Э. предупредить объ этомъ Исполнительный Комитетъ и эмигрантовъ.

„Докторъ Э. возвратился. Онъ еще въ бытность свою въ Парижѣ переписывался со мной. Итогъ моихъ сношеній съ докторомъ Э. можно выразить въ слѣдующихъ пунктахъ:

„Письма, привезенныя докторомъ Э. отъ эмигранта Лаврова свидѣтельствуютъ: 1) что совѣщанія происходили и что къ этимъ совѣщаніямъ вызывались различныя лица; 2) на этихъ совѣщаніяхъ составлены прелиминарныя условія; 3) что эти совѣщанія должны повториться въ первыхъ числахъ сентября.

„Представляя при семъ условіе, составленное на этомъ совѣщаніи, а равно и черновой манифестъ, долженствующій послѣ соглашенія появиться въ Народной Волѣ, присовокупляю, что возразилъ доктору Э., что выборъ личности, указанной въ § 1, т.-е. посредника, довѣреннаго какъ нашего, такъ и Исполнительнаго Комитета, крайне труденъ и что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ указать его главарямъ народовольчества.

„Докторъ Э. мнѣ сказалъ, что на совѣщаніи у Лаврова прежде всего предлагалъ посредникомъ лейбъ-медика Боткина, но оказалось, что въ настоящее время онъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, утратилъ довѣріе народовольцевъ. Затѣмъ докторомъ Э. на совѣщаніи были предложены слѣдующія лица: присяжный повѣренный Стасовъ (по словамъ доктора Э., одинъ изъ серьезныхъ главарей всего движенія), московскій докторъ Боковъ (повидимому, наивліятельнѣйшая личность московскаго отдѣла Исполнительнаго Комитета), Помпей Васильевичъ Пассекъ (проживаетъ въ Петербургѣ) и редакторъ „Дѣла“ Шелгуновъ; что члены совѣщанія, видимо, склонны на Стасова и Бокова, не считая остальныхъ достаточно посвященными въ дѣла народовольческой партіи. Когда же я спросилъ доктора Э., почему, во-первыхъ, они сами не указываютъ на такого посредника, а во-вторыхъ, почему на совѣщаніяхъ онъ не назвалъ профессора Манасеина, то докторъ Э. отвѣтилъ мнѣ на первое, что Исполнительный Комитетъ уклоняется самъ назвать такого посредника, потому что этимъ

слишкомъ явно былъ бы указанъ одинъ изъ членовъ Исполнительнаго Комитета, хотя при этомъ ясно, что, соглашаясь на какое-нибудь лицо и входя съ нимъ въ сношенія, Исполнительный Комитетъ всетаки отчасти себя обнаруживаетъ. На второе,—докторъ Э. не указалъ на профессора Манасеина, такъ какъ профессоръ Манасеинъ занимаетъ весьма второстепенное положеніе въ народовольческой партіи Затѣмъ относительно денежной гарантіи, указанной въ условіи, я замѣтилъ доктору Э., что земская лига не затруднилась бы, конечно, внести и подобную гарантію, но что практическое исполненіе меня затрудняетъ. Такъ, напримѣръ, кому внести—частному лицу или учрежденію банковому? И въ случаѣ неисполненія нами условій—кто и по какому чеку получитъ эти деньги.

„Относительно манифеста я замѣтилъ доктору Э., что земская либеральная лига преисполнена уваженія къ монархическому началу и къ личности Государя Императора и потому редакція этого манифеста насъ не удовлетворяетъ, и лига не можетъ согласиться на напечатаніе его даже въ подпольномъ изданіи. Докторъ Э. возразилъ, что тамъ приготовлены редакціонныя измѣненія и только измѣненный нами манифестъ по соглашенію съ Исполнительнымъ Комитетомъ, будетъ напечатанъ. Я замѣтилъ доктору Э., что въ приведенныхъ имъ условіяхъ ничего не сказано о передачѣ подъ нашу охрану и совмѣстное съ Исполнительнымъ Комитетомъ веденіе редакціи Народной Воли. Докторъ Э. сказалъ, что въ принципѣ это рѣшено, а дальнѣйшія подробности могутъ быть установлены при окончательномъ соглашеніи.

„Вышеизложенный агентурный пріемъ представляется, конечно, весьма труднымъ, но полезные результаты его, мнѣ кажется, очевидны. Слѣдуетъ его вести съ большой осторожностью и, буде возможно, переговоры и сношенія затягивать; вѣроятно, что, если сношенія продолжатся, мы откроемъ что-либо существенное, но еще важнѣе, это—та нерѣшительность и раздвоеніе, которыя могутъ быть водворены въ самыхъ нѣдрахъ народовольческой партіи.

„Если же вообще этотъ пріемъ окажется неудобнымъ, то всегда можно отговориться тѣмъ, что я лично превысилъ данныя мнѣ полномочія.

„Прошу снабдить меня дальнѣйшими приказаніями".

Послѣ этого документа уже не можетъ оставаться сомнѣній, что̀ это была за „Земская Лига", которая вела переговоры съ Лавровымъ и Оловенниковой и какія именно цѣли она при этомъ преслѣдовала, но для полноты картины приведемъ еще слѣдующія, имѣющіяся у насъ по этому предмету данныя:

1) 7 сентября 1882 года въ Священной Дружинѣ было разсмотрѣно и утверждено особое „Положеніе о Земской Лигѣ".

2) 11 сентября отъ „петербургскаго попечительства" поступило въ правленіе Дружины такое донесеніе:

„Докторъ Э., съ надлежащаго разрѣшенія, командированъ за границу попечительствомъ будто бы отъ земской либеральной лиги для переговороръ съ крамольниками Исполнительнаго Комитета".

3) „Смыслъ дѣла съ докторомъ Э.—писалъ тотъ самый „братъ", длинное донесеніе котораго мы привели выше,— заключается въ томъ, что черезъ эти переговоры можно выяснить мало-по-малу всѣ личности, которыя считаютъ себя въ правѣ вести отъ имени „Народной Воли" переговоры".

Такъ напрягали свои силы многіе сановники въ государствѣ для борьбы съ въ то время уже почти совершенно несуществовавшей народовольческой партіей, такъ изощрялись они, чтобы уличить въ принадлежности къ народовольчеству лейбъ-медика Боткина, профессора Манасеина и другихъ столь ужасныхъ крамольниковъ, но съ другой стороны Лавровъ и Оловенникова такъ и умерли, не узнавши истины о „земской либеральной лигѣ", съ которой они вели переговоры. [1])

Отмѣтимъ еще такой фактъ:

---

[1]) „Единственные переговоры съ либералами,—писала М. Н. Оловенникова,—имѣвшіе характеръ взаимныхъ уступокъ (съ нашей стороны фиктивныхъ) происходили за границей въ 1882 году" („ Къ исторіи партіи Народной Воли". Значительною частью напечатано въ іюльской книжкѣ Былого за 1907 г. Мы цитируемъ по болѣе полной рукописи).

Лавровъ выразилъ Нивинскому пожеланіе, чтобы былъ освобожденъ находившійся тогда въ ссылкѣ въ Вологодской губерніи, Г. А. Лопатинъ. Узнавши, что Лопатинъ сосланъ не по суду, а административно, Нивинскій отвѣтилъ, что для нихъ это такіе пустяки, о которыхъ и разговаривать не стоитъ и что „при помощи своихъ связей" они, конечно, это легко устроятъ. Но ничего подобнаго, разумѣется, не устроили они и въ этомъ случаѣ. Лопатинъ же „самочинно" бѣжалъ изъ Вологды. [1])

Чтобы покончить съ „первыми переговорами", скажемъ еще, что Нивинскій снова появился въ Парижѣ, но не черезъ двѣ недѣли, какъ обѣщалъ, а въ октябрѣ того же 1882 г.

По прибытіи въ Парижъ онъ послалъ Лаврову такую, датированную 23-мъ октября 1882 г., записку:

„Многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Не писалъ вамъ и не телеграфировалъ, потому что положительно невозможно (подчеркнуто въ подлинникѣ). Много, очень много есть новаго и крайне интереснаго. Напишите, когда могу быть у васъ. Преданный всей душой *Н.*"

На свиданіи, которое, очевидно, вскорѣ послѣ этого состоялось, Нивинскій, видимо, сообщилъ Лаврову о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находилась „земская лига" вслѣдствіе мѣръ, принимавшихся все усиливавшимся Толстымъ, а затѣмъ, вѣроятно, письменно (этого письма въ бумагахъ Лаврова, къ сожалѣнію, не сохранилось) и о замѣткахъ, которыя появились тогда касательно переговоровъ въ женевской газетѣ Правда. [2])

---

[1]) Съ Лопатинымъ еще лѣтомъ 1882 года видѣлся въ Вологдѣ пріѣзжавшій туда ревизовать провинціальныя отдѣленія государственнаго банка бывшій полковникъ, а въ то время крупный банковскій чиновникъ Б—въ и показывалъ ему программу (вѣрнѣе, desiderata) „Земскаго Союза", но это былъ настоящій, а не фиктивный дѣятель „Союза", и Священная Дружина" была въ этомъ совершенно не причемъ.

[2]) Объ этой газетѣ Правда мы будемъ еще имѣть случай говорить ниже. Здѣсь же скажемъ лишь, что Драгомановъ категорически называлъ ее „террористическо-анархическимъ органомъ, издававшимся въ Женевѣ агентомъ Судейкина г. Климовымъ." (Драгомановъ. Сочиненія, т. II. стр. 820). Вотъ въ этой то газетѣ появились двѣ такія замѣтки: „Намъ пишутъ: нами получено письмо, оглашать ко-

На это Лавровъ отвѣчалъ Нивинскому такимъ (сохранившимся въ двухъ черновыхъ варіантахъ) письмомъ:

„Любезный Эдуардъ Ипполитовичъ!

торое мы должны воздержаться по обстоятельствамъ, независящимъ отъ редакціи. На этотъ разъ мы находимъ возможнымъ привести только нѣкоторыя изъ него выдержки: рѣшено во что бы то ни стало заманить молодежь на конституціонную почву. (Курсивъ подлинника). У насъ имѣются положительныя доказательства этого заговора, задуманнаго господиномъ NN совмѣстно съ русскимъ правительствомъ". Далѣе идетъ цѣлый рядъ точекъ. Такъ какъ Правда считала конституцію дѣломъ для „соціальной революціи" пагубнымъ, то она дальше писала: „необходимо выяснить, кто заинтересованъ (кур. подл.) въ распространеніи этой смуты". Если въ Россіи будетъ конституція, то „соціальная революція потеряетъ надолго всякую почву въ общественномъ мнѣніи", поэтому „рука, подсыпающая эту отраву, должна быть признана рукою Іуды Предателя". (Правда. 1 октября 1882 г. № 5). Въ слѣдующемъ № Правда помѣстила такую якобы корреспонденцію изъ Ростова на Дону: „что касается свѣдѣній о Вольномъ Словѣ (о немъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. В. Б.), то прошу васъ не искать облегчающихъ вину обстоятельствъ въ томъ, что NN и компанія имѣютъ дѣло не просто съ полиціей, а съ частнымъ обществомъ и къ тому же конституціоннымъ. Нечего обращать вниманія на то, что полиція не прочь подсунуть шпильку шпіонствующему обществу. Понятно, что полиціанты-спеціалисты стараются подвести полиціантовъ-любителей". Слѣдуетъ такая сноска: „Загадочность этихъ выраженій редакція выяснитъ позднѣе. Теперь мы должны пока молчать. Ред." (И „позднѣе" эта „загадочность" редакціею выяснена не была, но теперь она будетъ ясна читателямъ изъ дальнѣйшаго текста нашей работы. В. Б.) Продолжаемъ цитату: „Всякому жрать хочется. Нечего намъ обращать вниманія на ихъ внутреннія дрязги. Суть та, что всѣ они за одно противъ экономическаго и политическаго освобожденія. Конституціонныя пожеланія всѣхъ этихъ дружинъ также вполнѣ естественны. Они вполнѣ понимаютъ, что всякая даже самая дрянная конституція утвердитъ..... на десятки лѣтъ и кромѣ того неминуемо поведетъ къ обуржуазенію общества. Намъ доподлинно извѣстно, что они всячески стараются осуществить свою мысль и даже выставили своего человѣка, бывшаго жандарма Шувалова, кандидатомъ на мѣсто Толстого. Шуваловъ же, пожуировавъ у англійскихъ лордовъ, съума сошелъ на англійской конституціи и мечтаетъ облагодѣтельствовать ею Россію. Хотя жандармъ Шуваловъ и не въ милости, но за него, повидимому, интригуетъ цѣлая камарилья, въ томъ числѣ и его племянникъ". Слѣдуетъ примѣчаніе: „полагаемъ бывшій начальникъ Священной Дружины" (т. е. Павелъ Шуваловъ).—Правда. 10 октября, № 6.

„Очень жалѣю, что наши переговоры, изъ-за которыхъ вы мнѣ доставили удовольствіе знакомства съ вами, не привели ни къ какому результату. Но вы могли замѣтить, что я и мои друзья съ самаго начала относились къ нимъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, а извѣстія, привезенныя вами изъ Петербурга, подтверждаютъ, что изъ нашихъ переговоровъ едва ли и могло что-либо выйти. Лица, съ которыми вы видѣлись въ Петербургѣ, можетъ быть въ отдѣльности и прекрасные и весьма дѣльные люди, но можно ли ожидать отъ нихъ, какъ группы, (курсивъ подлинника) чего-нибудь рѣшительнаго и послѣдовательнаго, если они пугаются всякаго вздора, написаннаго въ какой-то ничтожной газетѣ? Эта газета здѣсь не обратила на себя вовсе вниманія, ходятъ слухи, что ея источникъ весьма подозрителенъ; ни я, ни мои друзья не придаемъ ей никакого значенія, и свѣдѣній отъ насъ она никогда не получала и получить не можетъ. Я долженъ сознаться, что едва мелькомъ видѣлъ кое-какіе номера ея. Само собою разумѣется, что друзья мои не имѣютъ никакого основанія искать содѣйствія группы, въ переговоры съ которой они вошли вовсе не по своей иниціативѣ и которая съ первыхъ же шаговъ выказала столь мало стойкости. Что касается до меня лично, то, конечно, я имѣю столь же мало поводовъ, какъ и мои друзья, ожидать тутъ чего-либо серьезнаго, но я поставилъ себѣ правиломъ выслушивать мнѣнія и предложенія, съ какой бы стороны они ни приходили, предоставляя себѣ затѣмъ поступать согласно обстоятельствамъ. [1]) А потому, если бы кто-либо изъ вашихъ петербургскихъ знакомыхъ, гр. Ш. или кн. Щ. пожелали вступить въ личныя сношенія со мною, то я не только не отказался бы, но съ такимъ же удовольствіемъ повидался съ ними для простого обмѣна мыслей или для болѣе дѣлового разго-

---

[1]) Это очень хорошее правило, но Лавровъ, должно быть, забылъ въ ту минуту свой же собственный отвѣтъ генералу Скобелеву на предложеніе послѣдняго повидаться и сказанныя имъ же самимъ выразившему сожалѣніе по поводу такого отвѣта, С. А. Иванову слова: „да, помилуйте, ну, о чемъ бы я сталъ говорить съ генераломъ Скобелевымъ"! (См. выше, въ главѣ „дѣятельность народовольцевъ въ войскахъ").

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

вора, съ какимъ познакомился съ вами по такому же поводу.

„Примите увѣреніе въ всегдашней готовности къ услугамъ

П. Л.“.

Лавровъ продолжалъ, повидимому, надѣяться на возобновленіе переговоровъ и набросалъ слѣдующій проектъ соглашенія все съ той же „земской лигой“:

„Уполномоченный Исполнительнаго Комитета русской соціалъ-революціонной партіи, выслушавъ предложенія, обращенныя со стороны уполномоченнаго земской лиги, предлагаетъ слѣдующія основанія для соглашенія:

„I. Для ручательства въ своемъ дѣйствительномъ вліяніи лига вызоветъ:

Освобожденіе Чернышевскаго и возвращеніе его въ Петербургъ или въ крайнемъ случаѣ въ одинъ изъ университетскихъ городовъ Европейской Россіи.

Амнистію безъ всякихъ условій и всякихъ съ ихъ стороны прошеній Кравчинскому, Вѣрѣ Засуличъ и Мокріевичу.

Арестъ этихъ лицъ въ Россіи, или преслѣдованіе, или отдача кого-либо изъ этихъ лицъ подъ надзоръ полиціи ведетъ за собою немедленное прекращеніе всякихъ соглашеній.

II. Извѣстіе объ этомъ освобожденіи и амнистіи должно быть напечатано въ русскихъ газетахъ вслѣдъ за объявленіемъ этихъ распоряженій соотвѣтствующимъ лицомъ.

III. Исполнительный Комитетъ издаетъ немедленно слѣдующую прокламацію. [1])

IV. Въ продолженіе первыхъ пяти мѣсяцевъ перемирія должно быть облегчено положеніе политическихъ заключенныхъ и ссыльныхъ, въ особенности же лицъ, находящихся на Карѣ, которыя должны быть переведены въ Красноярскъ или другіе удобные города.

Въ слѣдующіе пять мѣсяцевъ, если не ранѣе, должны быть удалены наиболѣе ненавистныя личности (Толстой, Судейкинъ и т. д.), а пресса должна быть поставлена въ

---

[1]) Прокламація не приложена. Вѣроятно, подразумѣвается ея прежній текстъ. На этомъ мѣстѣ въ черновикѣ стоитъ NB.

возможность свободно обсуждать созывъ законодательнаго народнаго собранія.

Ранѣе конца послѣднихъ пяти мѣсяцевъ созывъ этого собранія долженъ совершиться при условіяхъ, которыя сдѣлали бы этотъ созывъ серьезнымъ".

Этому проекту уже не пришлось фигурировать ни въ какихъ переговорахъ. Но дѣло съ переговорами, однако, еще не кончилось. Только поведены они были уже не черезъ Лаврова, а черезъ Тихомирова.

Въ переговорахъ этихъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явился Николай Яковлевичъ Николадзе.

Покойный Н. К. Михайловскій оставилъ небольшой отрывокъ изъ своихъ мемуаровъ, который начинается такими словами:

„Первое, что мнѣ вспоминается, это одна необыкновенно грустная исторія, которую стыдно разсказывать, а грѣхъ утаить".

И Михайловскій разсказалъ, какъ къ нему явился N. (Н. Я. Николадзе) съ слѣдующимъ сообщеніемъ: „онъ хлопоталъ о газетѣ, которую собирался издавать, и, не знаю какимъ образомъ, добрался съ этою цѣлью до Воронцова-Дашкова. Тотъ сказалъ ему, что это можно устроить, можно устроить и гораздо большее. Государь настроенъ наилучшимъ, наиблагосклоннѣйшимъ образомъ; онъ готовъ дать Россіи конституцію, но надо, чтобы прежде прекратились дѣйствія террористовъ, потому что не можетъ же правительство выступить на либеральный путь подъ угрозою. „Вотъ,—сказалъ онъ (Воронцовъ-Дашковъ),—примите на себя трудъ переговоровъ съ революціонерами, и, если коронація пройдетъ благополучно, можете разсчитывать не только на газету, но и на многое другое. Если хотите,—прибавилъ онъ,—я вамъ устрою свиданіе съ государемъ, и онъ самъ вамъ скажетъ это".

„N., у котораго было мало связей въ революціонной партіи, предложилъ мнѣ дѣйствовать вмѣстѣ. Я зналъ, что партія была въ это время въ упадкѣ,—кто арестованъ, кто казненъ, и только Вѣра Фигнеръ была изъ крупныхъ дѣятелей на свободѣ, скрываясь въ Харьковѣ. Ожидать чего-нибудь на коронаціи и безъ того нельзя было, но прави-

тельство этого не знало, а у страха глаза велики. Поэтому согласиться на предложеніе было лестно. Но я всетаки рѣшился сначала посовѣтоваться съ К. (С. Н. Кривенко), съ которымъ былъ тогда очень близокъ, а N. не особенно довѣрялъ. Съ К. происходили въ это время тоже какія-то заигрыванія, [1]) и мы рѣшили, что принять предложеніе слѣдуетъ, но держать ухо востро".

Михайловскій поѣхалъ въ Харьковъ, разыскалъ тамъ Вѣру Фигнеръ, и они рѣшили потребовать отъ правительства „въ видѣ задатка и въ удостовѣреніе добрыхъ намѣреній правительства исполненія къ 19 февраля двухъ пунктовъ: освобожденія Чернышевскаго и разслѣдованія безчинствъ, произведенныхъ незадолго передъ тѣмъ на Карѣ. Это были болѣе чѣмъ скромныя требованія, но вѣдь все дѣло наше было, собственно говоря, безнадежно, много запрашивать не приходилось, при томъ же это былъ задатокъ". [2])

„N. уѣхалъ за границу. Онъ вернулся съ очень стран-

---

[1]) Уже послѣ напечатанія этихъ строкъ въ Русской Мысли я просилъ письменно С. Е. Усову объяснить мнѣ значеніе выраженія Михайловскаго „съ Кривенко происходили въ это время тоже какія то заигрыванія". Въ отвѣтъ С. Е. Усова любезно писала мнѣ: „Самостоятельныхъ сношеній у С. Н. Кривенко съ „Священной Дружиной никакихъ и никогда (здѣсь и далѣе подчеркнуто въ подлинникѣ) не было. Это я знаю навѣрно и никакихъ подходовъ съ ея стороны непосредственно къ нему не было. Что подразумѣвалъ Михайловскій подъ „заигрываніемъ" для меня остается тайной и мнѣ кажется, что поэтому на раскрытіи смысла этихъ словъ не слѣдуетъ останавливаться, чтобы не впасть въ заблужденіе".

[2]) По моей просьбѣ В. Н. Фигнеръ сообщила мнѣ, что къ шедшему черезъ Н. Я. Николадзе предложенію она въ разговорѣ съ Н. К. Михайловскимъ отнеслась отрицательно и не пожелала, чтобы кто бы то ни было изъ находившихся въ Россіи народовольцевъ въ эти сношенія вступилъ. Михайловскій находилъ, что въ сношенія вступить слѣдуетъ. Было рѣшено поэтому указать Николадзе лишь на находившихся заграницею Тихомирова и Оловенникову, предупредить объ этомъ которыхъ и послала В. Н. Фигнеръ въ Парижъ Н. М. Салову.

Повидимому, и П. Л. Лавровъ о переговорахъ черезъ Николадзе ничего не зналъ. По крайней мѣрѣ, разсказывая впослѣдствіи Г. А. Лопатину со всѣми подробностями о переговорахъ черезъ Нивинскаго, Лавровъ ничего не говорилъ ему о переговорахъ черезъ Николадзе.

нымъ результатомъ,—никого не нашелъ, а невдолгѣ и вовсе переселился изъ Петербурга на югъ". [1])

Вотъ и все существенное, что разсказываетъ по этому поводу Михайловскій, называя описанную имъ „исторію"—„чрезвычайно грустной".

Почему онъ такъ ее называетъ? Изъ мемуаровъ Михайловскаго названіе исторіи „чрезвычайно грустной" и, тѣмъ болѣе, такой, о которой „стыдно разсказывать", какъ будто не вытекаетъ: просто произошла какая-то неудача, N. за границей „никого не нашелъ", тѣмъ вся „исторія" и кончилась. Въ чемъ же дѣло? Михайловскій, очевидно, хотѣлъ сказать, что досадная сама по себѣ безрезультатность „исторіи", къ которой онъ и С. Н. Кривенко хотя и съ намѣреніемъ „держать ухо востро", но все же отнеслись серьезно, осложнилась затѣмъ еще и сознаніемъ „стыдности" роли, которую они сыграли, унизившись до нѣкотораго содѣйствія высшему правительству въ его будто бы благихъ цѣляхъ.

Не слишкомъ ли уже большимъ ригористомъ является Михайловскій въ этихъ строкахъ? Пожалуй нѣтъ, ибо, хотя Михайловскій такъ и умеръ не узнавши, въ чемъ же въ дѣйствительности состояла описываемая имъ „исторія", но онъ чувствовалъ, что въ ней таится что-то очень неладное. [2])

Объ „исторіи" этой, закулиснымъ дѣльцемъ которой явился уже извѣстный намъ Корнилій Александровичъ Бороздинъ, мы имѣемъ теперь гораздо болѣе подробный, чѣмъ у Михайловскаго, разсказъ Н. Я. Николадзе „Освобожденіе Чернышевскаго", [3]) а также опубликованную по этому поводу „Записку" К. А. Бороздина [4])—о нихъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь,—но читатель войдетъ сразу въ курсъ дѣла, если мы приведемъ здѣсь слѣдующее, опубликован-

[1]) Революціонная Россія. № 54. Перепечатано также въ сентябрской книжкѣ Былого за 1907 г. стр. 212—214.

[2]) С. Е. Усова въ томъ же письмѣ писала мнѣ: „я могу съ увѣренностью сказать, что С. Н. Кривенко, такъ же какъ и Михайловскій, до конца жизни не узналъ всей истины объ этой исторіи".

[3]) Былое. 1906 г. Сентябрь. стр. 242—281.

[4]) Священная Дружина" и „Народная Воля". Былое, 1907 г., октябрь, стр. 123—167.

ное нами впервые въ Русской Мысли, коротенькое посланьице того же К. А. Бороздина къ одной изъ центральнѣйшихъ фигуръ „Священной Дружины"—князю Александру Петровичу Щербатову:

„Глубокоуважаемый князь Александръ Петровичъ! Два мѣсяца тому назадъ, обдумывая съ вами способы проникнуть во внутрь всѣхъ сокровеній народовольцевъ, мы остановились на личности Х. (Н. Я. Николадзе), какъ на такомъ агентѣ, пріобрѣтеніе котораго много принесетъ пользы для дѣла. Мнѣ знакомъ Х. съ давнихъ временъ, вся его карьера, какъ революціонера, мнѣ извѣстна, талантъ его ни для кого не тайна и въ довершеніе всего свѣдѣнія, уже собранныя вами о немъ, привели къ заключенію, что и въ Н. В. (Народной Волѣ) онъ занимаетъ серьезное положеніе. Вслѣдствіе всего этого вы поручили мнѣ стараться привлечь Х. къ нашей работѣ.

„Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ занимался я этимъ почти исключительно, и, наконецъ, мнѣ удалось привлечь Х. къ полному согласію съ нами, но не иначе, какъ при условіяхъ, извѣстныхъ вамъ".

Вотъ, значитъ, въ чемъ состояла основная цѣль одной изъ „договаривающихся" сторонъ, о которой, конечно, не имѣлъ понятія и самъ посредникъ между ними, Н. Я. Николадзе, а тѣмъ болѣе Н. К. Михайловскій и С. Н. Кривенко: „проникнуть во внутрь всѣхъ сокровеній народовольцевъ".

Мы уже упоминали, что Бороздинъ членомъ Священной Дружины не состоялъ, онъ былъ лишь ея агентомъ, но агентомъ чрезвычайно дѣятельнымъ.

Можно безъ преувеличенія сказать, что всѣ свѣдѣнія, которыми располагала Дружина о неблагонадежности, напр., нашей литературы,—и соотвѣтственно которымъ, невзирая на всю, какъ мы уже видѣли, нелѣпость такихъ свѣдѣній, по отношенію къ литературѣ принимались весьма суровыя мѣры, были доставлены Дружинѣ почти исключительно Бороздинымъ. Хотя Бороздинъ соприкасался съ литературными кругами лишь на ихъ периферіяхъ но, faute de mieux, для Дружины и это уже былъ цѣлый кладъ; когда же Бороздинъ столкнулся со своимъ давнишнимъ знакомымъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ хлопотать о разрѣшеніи изда-

вать газету, Н. Я. Николадзе, онъ ухватился „за случай“ обѣими руками и сообщилъ объ этомъ князю Щербатову, отъ котораго и получилъ порученіе постараться привлечь столь извѣстнаго публициста „къ дѣлу“.

Излагая дебаты, происшедшіе въ центрѣ Священной Дружины по вопросу о посылкѣ Николадзе за границу для переговоровъ съ народовольцами, Бороздинъ пишетъ:

„Я долженъ оговориться, что всѣ эти дебаты кружка были для меня въ то время тайной и я узналъ о нихъ уже впослѣдствіи“.

Это вполнѣ вяжется съ тѣмъ, что извѣстно о положеніи Бороздина въ Дружинѣ, какъ ея агента, а не члена; правда, въ другихъ мѣстахъ своей „Записки“ Бороздинъ употребляетъ выраженіе „нашъ кружокъ“ и тѣмъ рисуетъ свою роль въ нѣсколько иномъ видѣ, но это уже „для пущей важности“.

Разсказавши о томъ, какъ познакомилъ онъ Н. Я. Николадзе съ гр. И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ, Бороздинъ пишетъ далѣе такія строки:

„Конечно, въ ряду лицъ, заботящихся объ охранѣ священной особы государя, онъ (гр. Воронцовъ-Дашковъ), какъ ближайшій другъ царя, былъ передовымъ, и вотъ почему, поставивъ съ нимъ въ непосредственныя отношенія Х. (Николадзе), и послѣ того, какъ послѣдній дѣйствительно сумѣлъ произвести на него серьезное впечатлѣніе, я надѣялся, что онъ одинъ будетъ руководить этимъ дѣломъ безъ всякаго посторонняго участія; но я упустилъ изъ виду, что Наибольшій (гр. Воронцовъ-Дашковъ) былъ предсѣдателемъ нашего кружка и, по принципу этого учрежденія, не могъ устранить совѣщательнаго участія главнѣйшихъ его членовъ.

„Не менѣе того, дня черезъ два Наибольшій видѣлся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстымъ и говорилъ о газетѣ Х.; тотъ вполнѣ одобрилъ мысль этого мѣропріятія и обѣщалъ разрѣшить изданіе газеты. Х. я, конечно, это сообщилъ, что придало ему еще больше увѣренности въ поддержкѣ Наибольшаго, и онъ просилъ меня лишь поскорѣе устроить вторичное съ нимъ свиданіе для того, чтобы,

не теряя ни минуты, тотчасъ же приступить къ дѣлу и ѣхать за границу.

„Въ кружкѣ высказалось нѣсколько мнѣній, касающихся какъ до существа, такъ и до формы дѣла.

„Первое мнѣніе было кн. Щ. (князя Щербатова). Онъ находилъ, что въ планѣ Х. самымъ главнымъ является пунктъ 4 [1]), а именно, что называя всѣхъ лицъ, съ которыми войдетъ еще въ сношенія, тѣмъ самымъ и раскроетъ составъ организаціи подпольной, на которую правительство будетъ имѣть возможность наложить въ свое время руку, не компрометируя Х., вслѣдствіе чего кн. Щ. считалъ необходимымъ не замедливать вторичнаго свиданія Х. (съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ) и разрѣшить ему начало дѣйствій.

„Другое мнѣніе принадлежало гр. Ш. (гр. П. П. Шувалову). Онъ находилъ, что ставить себя Наbольшему исключительно на мелкую почву полицейскую, о которой говоритъ кн. Щ., значило бы ронять свое достоинство. Х. требуетъ отвѣта ему на пункты, изложенные въ его планѣ. Отвѣчать ему на нихъ—значило бы вести съ нимъ переговоры, становиться въ извѣстныя къ нему обязательства, уполномочивать его на какіе-то переговоры съ главарями народовольческой партіи,—все это немыслимо, такъ какъ правительству стать въ договаривающееся положеніе съ какой-то партіей, по меньшей мѣрѣ, неприлично, а потому дѣло это лучше всего прекратить или поставить его на иную почву, а именно, если то возможно, категорически предложить Х. быть агентомъ кружка, конечно, не скупясь

---

[1]) По словамъ Бороздина, гр. Воронцову-Дашкову былъ переданъ Николадзе „мемуаръ", пунктъ 4 котораго гласилъ слѣдующее: „поѣздки эти(за границу) онъ (Николадзе) сдѣлаетъ на свой счетъ и признаетъ лишь необходимымъ невидимое сопровожденіе его г. Б. (Бороздинымъ), который будетъ всегда у него подъ рукой и отъ него не будетъ тайны въ дѣйствіяхъ и свиданіяхъ Х., имена всѣхъ лицъ будутъ ему также открыты и все это должно сообщаться имъ Нбаольшему, а отъ послѣдняго требуется содержаніе этого въ величайшей тайнѣ, непроницаемой ни для какого учрежденія политической полиціи". Въ свое время мы ознакомили Н. Я. Николадзе съ содержаніемъ „Записки" К. А. Бороздина. Относительно вышецитированнаго мѣста Н. Я. Николадзе сдѣлалъ такое примѣчаніе: „это невѣрно. Именъ я обѣщалъ не открывать никому". (Курсивъ Николадзе).

въ значительномъ вознагражденіи и не останавливаясь въ разрѣшеніи ему газеты.

„Третье мнѣніе принадлежало сенатору Ш. (Шульцъ). Какъ бывшій управляющій III отдѣленіемъ, онъ, по имѣющимся у него даннымъ прежняго времени, имѣлъ о Х. свое собственное составленное понятіе. Онъ видѣлъ въ немъ человѣка, дѣйствительно бывшаго въ постоянной оппозиціи правительству, но въ то же время не настолько глубоко стоящаго въ народовольческой средѣ, чтобы для него не существовало никакой ея тайны. Конечно, онъ можетъ подойти легче, чѣмъ другой, къ главарямъ организаціи, онъ имѣетъ большую цѣнность, изъявляя свою искреннюю готовность дѣйствовать въ этомъ направленіи, но покуда врядъ ли онъ располагаетъ такими свѣдѣніями, которыя имѣли бы серьезное значеніе. Видя во всѣхъ объясненіяхъ и планахъ Х. предложеніе имъ своихъ услугъ, сенаторъ III. полагалъ полезнымъ воспользоваться ими и установить притомъ такія отношенія между нимъ и Набольшимъ, чтобы послѣдній былъ совершенно выгороженъ отъ какихъ-либо обязательствъ по отношенію къ Х. Для выполненія въ точности всего, упоминаемаго имъ въ пунктѣ 4 своего плана, въ особенности будетъ важна поѣздка его за границу, а тамъ за дѣйствіями его должно быть установлено особенно внимательное наблюденіе“.

Бороздинъ далѣе разсказываетъ, какъ, по предложенію сенатора Ш., онъ, Бороздинъ, составилъ текстъ новой „редакціи плана дѣйствій“ (вполнѣ одобренной затѣмъ Николадзе, что послѣдній, однако, въ одномъ изъ примѣчаній къ „Запискѣ“ Бороздина безусловно отрицаетъ), въ которой уже не ставилось со стороны Николадзе никакихъ условій, выражалась лишь увѣренность, что „Государь не преминетъ при первой же возможности даровать заблудшимся сынамъ отечества возможность возвратиться изъ ссылки и эмиграціи къ своимъ семьямъ“, и потому Николадзе, „не считая возможнымъ ни просить, ни передавать никакихъ обѣщаній“, предлагаетъ свои услуги, чтобы:

1. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ переговорами своими склонить народовольческую партію къ прекращенію своей дѣятельности и упраздненію своей организаціи. Дѣло борьбы

съ крамолою тогда значительно упростится и государственной полиціи останется лишь преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей, не стоящихъ въ связи съ организаціей.

2. Для свиданія съ главарями народовольческой партіи онъ (Николадзе) предприметъ поѣздки за границу и внутри имперіи, причемъ за границей онъ полагаетъ удобнымъ образовать одинъ или два съѣзда, на которые вышлются уполномоченные изъ Россіи и тутъ будутъ постановлены рѣшенія въ смыслѣ желательномъ Х.".

Мемуаръ этотъ, по словамъ Бороздина, былъ немедленно переданъ гр. Воронцову-Дашкову, и 15 октября 1882 года состоялось второе свиданіе послѣдняго съ Николадзе, при которомъ находился и Бороздинъ.

„Во время этого свиданія,—пишетъ Бороздинъ,—Х. повторилъ о своей готовности дѣйствовать согласно изложенному имъ плану и объ увѣренности въ успѣхѣ", а гр. Воронцовъ-Дашковъ сказалъ: „Вы не забывайте только одного: что всѣ наши свиданія и переговоры должны остаться тайной, я съ вами незнакомъ и вамъ ничего не обѣщаю".

Послѣ этого Н. Я. Николадзе уѣхалъ за границу для свиданія съ Л. А. Тихомировымъ.

Такъ разсказываетъ К. А. Бороздинъ.

Теперь намъ надо обратиться къ разсказу о томъ же Н. Я. Николадзе.

Какъ уже сказано, Николадзе пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о разрѣшеніи издавать газету, но на этомъ пути онъ встрѣтилъ, конечно, очень большія препятствія. Къ нему сталъ захаживать его знакомый К. А. Бороздинъ, съ которымъ Николадзе велъ бесѣды о газетѣ (Бороздинъ самъ писалъ въ газетахъ), политикѣ правительства, „крамолѣ" и проч.

Однажды, придя къ Николадзе, Бороздинъ сталъ держать передъ нимъ такую рѣчь:

„Сначала я интересовался вами, какъ журналистомъ, которому мнѣ выгодно помочь пріобрѣсть газету, чтобы тѣмъ и самому пристроиться. Но съ того момента, какъ вы коснулись вопроса о крамолѣ, ваша газета отодвинулась у меня на задній планъ. Мнѣ показалось, что возможно извлечь изъ вашихъ идей большую пользу для Россіи. Вы могли

бы подвинуть обѣ стороны: правительство на уступки и реформы, а молодежь—на отреченіе отъ террористическаго образа дѣйствія, если васъ сдѣлать посредникомъ между правительствомъ и революціонной партіей. Чтобы выяснить себѣ, насколько правительство склонно стать на такой путь, мнѣ необходимо было переговорить съ кѣмъ-либо изъ лицъ, стоящихъ у самаго трона. Вы знаете, съ какими тузами мнѣ пришлось дружиться на Кавказѣ. Во время моей службы при кн. А. И. Барятинскомъ я близко сошелся съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, состоявшимъ тогда адъютантикомъ при князѣ-намѣстникѣ, а теперь занимающимъ постъ министра императорскаго двора. Не смотря на разницу нашихъ положеній, связь эта до сихъ поръ не порвалась. Выслушавъ васъ, я бросился къ графу, къ которому имѣю болѣе свободный входъ, чѣмъ любой товарищъ министра. Я неоднократно слышалъ изъ его устъ, какъ скорбитъ душа Государя при мыслѣ о крамолѣ и о вынуждаемыхъ ею репрессивныхъ мѣрахъ. Нѣтъ такой жертвы, которую бы онъ не былъ готовъ принесть, лишь бы достигнуть умиротворенія и только затѣмъ, чтобы не быть принужденнымъ казнить и ссылать этой массы юношей, которыхъ ему жаль, какъ человѣку, какъ отцу. Къ несчастью, никто изъ его окружающихъ въ этомъ помочь ему не можетъ, потому что никто изъ нихъ не въ силахъ найти дорогу къ уму и сердцу молодежи, заговорить съ нею понятнымъ для нея языкомъ. Возьмитесь за эту святую роль, отдайтесь всей душой этому благородному дѣлу, и тысячи, десятки тысячъ семействъ благословятъ вашу память за возвратъ имъ потерянныхъ дѣтей, за избавленіе ихъ отъ опасности крамолы. Этимъ путемъ вы приблизите осуществленіе тѣхъ самыхъ преобразованій, для проведенія которыхъ въ общественное и правительственное сознаніе вы принимаетесь за изданіе газеты. Наконецъ, не трудно сообразить и то, насколько тѣмъ самымъ облегчена будетъ для васъ какъ возможность полученія права издавать газету, такъ и самая дѣятельность ваша въ ней". [1])

---

[1]) Н. Я. Николадзе: „Освобожденіе Чернышевскаго". Былое, 1906 г., сентябрь, стр. 248—249.

Тутъ и обратился Николадзе къ Михайловскому, совмѣстно съ которымъ, а также съ Кривенко и рѣшено было начать предлагаемое Бороздинымъ дѣло.

„Программа, которую я долженъ былъ проводить (при свиданіи съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ),—разсказываетъ Николадзе,—заключалась въ приглашеніи правительства стать на путь соціальныхъ, вѣрнѣе, экономическихъ улучшеній народнаго быта, съ значительнымъ въ этомъ смыслѣ расширеніемъ сферы воздѣйствія печати и земскаго или общественнаго самоуправленія". [1])

Свиданіе съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ состоялось. „Бороздинъ ввелъ меня въ кабинетъ, представилъ графу и тотчасъ же, по его приказанію, покинулъ насъ. Въ дальнѣйшую комнату дверь была отперта, но занавѣшена тяжелою гардиною, которая по временамъ колыхалась. Бороздинъ позже увѣрялъ меня, что тамъ сидѣлъ..."

Николадзе развилъ Воронцову ту „программу", которая заключалась „въ приглашеніи правительства стать на путь экономическихъ улучшеній народнаго быта". Этимъ путемъ, говорилъ Николадзе, создалось и упрочилось бы „единодушіе между стремленіями власти, народа и интеллигенціи". Затѣмъ, если бы правительство вступило также на путь „священнаго права помилованія" и „предоставило обществу свободу высказыванія своихъ убѣжденій въ печати и собраніяхъ, въ законномъ ограниченныхъ предѣлахъ", то „тогда вся творческая работа правительства могла бы оказаться застрахованною отъ неожиданностей, могла бы развиваться спокойно".

На все это гр. Воронцовъ-Дашковъ не далъ никакого отвѣта, но „особенно интересовался узнать, насколько дѣйствительно имѣется основаній предполагать, что подобными мѣрами можно обезоружить революціонеровъ". Свое рѣшеніе гр. Воронцовъ-Дашковъ обѣщалъ сообщить Николадзе при слѣдующемъ свиданіи, которое черезъ нѣкоторое время и состоялось.

„Во время этого второго свиданія—разсказываетъ Николадзе,—я услышалъ отъ гр. Воронцова-Дашкова, что осуществленіе правительствомъ высказанныхъ мною предполо-

[1]) Ibid. стр. 256

женій было бы возможно, если бы существовала увѣренность, что этимъ путемъ положенъ будетъ конецъ террористическимъ явленіямъ и вообще нелегальной дѣятельности революціонной партіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Воронцовъ-Дашковъ заявилъ мнѣ, что раньше, чѣмъ правительство окончательно станетъ на этотъ путь и приметъ рѣшеніе держаться такой политики, ему необходимо получить точныя свѣдѣнія о минимальныхъ стремленіяхъ революціонной партіи, узнать изъ достовѣрнаго источника, насколько и въ какихъ случаяхъ можно быть увѣреннымъ, что она откажется отъ своей подпольной дѣятельности и вернется къ легальной· Не предпринимая покамѣстъ ничего, не принимая на себя никакихъ обязательствъ и не обѣщая ни малѣйшаго измѣненія своихъ дѣйствій, правительство для своихъ соображеній желало бы уяснить эти вопросы. Поэтому гр. Воронцовъ-Дашковъ просилъ меня обстоятельно переговорить съ кѣмъ-либо изъ руководителей партіи, выяснить осторожно ея виды и стремленія, не компрометируя правительства и не подвергаясь опасности принять единоличное мнѣніе того или другого заговорщика за настроеніе и программу всей партіи. По возвращеніи же моемъ въ Петербургъ и по представленіи уясненныхъ стремленій революціонной партіи правительство приметъ свое окончательное рѣшеніе. Гр. Воронцовъ-Дашковъ неоднократно прибавлялъ къ этому, что по личному его мнѣнію, если дѣйствительно амнистія, свобода печати и расширеніе сферы земскаго самоуправленія могутъ побудить революціонеровъ отказаться отъ террористическихъ выходокъ, вполнѣ возможно разсчитывать, что правительство охотно согласится принять эти мѣры, если только до коронаціи не произойдетъ никакихъ новыхъ преступленій. Спеціально относительно этого послѣдняго обстоятельства гр. Воронцовъ-Дашковъ просилъ меня употребить всевозможныя средства убѣжденія, чтобы отговорить революціонеровъ отъ попытокъ подобнаго рода. Подумайте только, тутъ вѣдь будутъ представители державъ всего свѣта, и Россіи никогда не смыть позора ихъ оскорбленія". [1])

---

[1]) Ibid, стр. 265—266.

Прежде чѣмъ уѣхать за границу для переговоровъ съ террористами, Николадзе видѣлся еще разъ съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ, и тутъ Бороздинъ подстроилъ дѣло такъ, что Николадзе самъ просилъ взять его, Бороздина, съ собою за границу, но въ самые переговоры отнюдь не вводить.

Послѣ этого Николадзе уѣхалъ въ Женеву.

„Съ Н. К. Михайловскимъ мы условились такъ, что С. Н. Кривенко дастъ мнѣ рекомендательное письмо къ Л. А. Тихомирову въ Женеву и его адресъ. Письмо же съ дѣйствительными указаніями партіи, какъ меня принять и что мнѣ отвѣчать, будетъ-де послано ему особо, конспиративными путями".

Въ Женевѣ Николадзе нашелъ Тихомирова.

„По уговору моему съ Н. К. Михайловскимъ, г. Тихомировъ долженъ былъ сказать, что спишется и свидится съ вліятельнѣйшими главарями своей партіи, созоветъ ихъ съѣздъ (для пущей важности мы ему дали названіе „конгресса"), выяснитъ себѣ его настроеніе, заручится его полномочіемъ и затѣмъ сообщитъ мнѣ минимумъ тѣхъ требованій, удовлетвореніе которыхъ правительствомъ обязывало бы революціонную партію отречься отъ системы террора. На этомъ мы и разстались съ г. Тихомировымъ. Я уѣхалъ въ Парижъ ждать тамъ его пріѣзда, который долженъ былъ состояться недѣли черезъ двѣ-три".

„Около половины декабря 1882 г. Л. А. Тихомировъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Парижъ. Какъ и было заявлено мнѣ въ Петербургѣ Н. К. Михайловскимъ, онъ привезъ мнѣ отъ имени конгресса русской соціально-революціонной партіи [1]) заявленіе, что если правительство дозволитъ въ русскомъ обществѣ мирную пропаганду соціальныхъ воззрѣній, хотя бы въ той скромной мѣрѣ и въ тѣхъ узкихъ границахъ, въ какихъ это дозволительно въ современной Германіи, и если, кромѣ того, оно даруетъ амнистію и нѣкоторое облегченіе общественной дѣятельности (въ печати, земствѣ и т. п.), то революціонная партія обяжется прекратить революціонную дѣятельность и упразднить себя, какъ партію противоправительственную. Если же, сверхъ

[1]) Такого конгресса или чего-нибудь ему подобнаго не было.

того, правительство пожелаетъ взять въ свои руки осуществленіе соціальныхъ реформъ, улучшающихъ аграрный и экономическій бытъ народа, то названная партія отъ всей души искренно пойдетъ за правительствомъ и всѣми своими средствами, всею энергіею своихъ членовъ постарается содѣйствовать наилучшему выполненію такого рода правительственныхъ задачъ". [1])

„Что же касается до обязательства не производить никакого покушенія до и во время коронаціи, то оно обусловливается двумя требованіями: 1) чтобы Государь послалъ довѣренное лицо для разслѣдованія вопіющихъ несправедливостей, причиненныхъ на Карѣ политическимъ ссыльнымъ; 2) чтобы освобожденъ и возвращенъ былъ на родину Н. Г. Чернышевскій".

„Собственноручную записку Л. А. Тихомирова, резюмировавшую эти предложенія и обязательства, я лично передалъ гр. Воронцову-Дашкову по возвращеніи въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1882 г."

Бороздинъ говоритъ, что результатомъ переговоровъ Н. Я. Николадзе съ народовольцами явился слѣдующій „меморандумъ".

„Н. отъ группы своихъ политическихъ друзей и единомышленниковъ предлагаетъ Исполнительному Комитету испробовать путь мирнаго осуществленія необходимыхъ для Россіи соціальныхъ реформъ, утверждая, что при дѣйствительныхъ намѣреніяхъ правительства это совершенно возможно и задерживается только террористическою дѣятельностью революціонеровъ, вынуждающихъ правительство къ суровымъ мѣрамъ.

Въ удостовѣреніе такой оцѣнки настроенія правительства Н. заявляетъ, что его политическіе друзья и единомышленники, подъ условіемъ отсутствія террористическихъ фактовъ, имъ мѣшающихъ, надѣются достигнуть при предстоящей коронаціи государя слѣдующихъ мѣропріятій со стороны правительства:

1) Полной и всеобщей, безъ всякихъ исключеній, амнистіи всѣмъ государственнымъ преступникамъ прошлаго и настоящаго царствованія.

[1]) Ibid., стр. 270.

2) Свободы печати, обществъ и собраній.

3) Расширенія земскаго самоуправленія.

Исходя изъ такой оцѣнки настроенія правительства, Н. полагаетъ, что для блага Россіи Исполнительный Комитетъ и вся народовольческая партія должны измѣнить свою программу въ томъ смыслѣ, чтобы отказаться отъ стремленія къ ограниченію самодержавія и напротивъ присоединить свои усилія къ усиліямъ самодержавной власти, взявшейся за проведеніе необходимыхъ для народа реформъ.

Въ отвѣтъ на такое предложеніе Н., уполномоченный для переговоровъ отъ Исполнительнаго Комитета, на основаніи инструкціи этого послѣдняго заявляетъ:

1) Не видя возможности судить о дѣйствительной политической силѣ друзей г. Н., Исполнительный Комитетъ полагаетъ прежде всего необходимымъ, чтобы они доказали чѣмъ-нибудь эту силу. Для такой цѣли Исполнительный Комитетъ предлагаетъ г. Н. въ видѣ опыта, добиться до 20 февраля 1883 года помилованія Н. Г. Чернышевскаго, назначенія строгаго и безпристрастнаго разслѣдованія высшимъ правительствомъ причинъ карскихъ волненій съ отмѣною безчеловѣчныхъ притѣсненій, введенныхъ тамъ циркуляромъ гр. Лорисъ-Меликова, не только не вытекающимъ изъ закона, но прямо противоположнымъ, и [1]) внести одинъ милліонъ рублей въ руки какого-нибудь благонадежнаго лица за границей (по обоюдному выбору), съ тѣмъ, чтобы эти деньги были немедленно возвращены г. Н. по осуществленіи мѣропріятій, имъ указанныхъ (свобода печати, полная амнистія, свобода обществъ и собраній, расширеніе земскаго самоуправленія); въ противномъ случаѣ деньги поступаютъ въ окончательное распоряженіе Исполнительнаго Комитета. Для того же, чтобы доставить возможность г. Н. и его друзьямъ удачно выполнить этотъ опытъ, Исполнительный Комитетъ обязывается до 20 февраля 1883 года не

[1]) По предложенію г. Н. уполномоченный Исполнительнаго Комитета согласился замѣнить здѣсь слово „и“ словомъ „или“ съ тѣмъ однако, что такое измѣненіе должно подвергнуться обсужденію Исполнительнаго Комитета, который о своемъ окончательномъ рѣшеніи увѣдомитъ г. Н. (Примѣчаніе подлинника).

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета Мин. Фин.

производить никакихъ насильственныхъ покушеній на особу Государя. [1])

2) Убѣдившись изъ этого опыта въ дѣйствительной силѣ друзей г. Н. и его друзей, Исполнительный Комитетъ обяжется не производить впредь до коронаціи и во время коронаціи никакихъ покушеній на особу Государя; что же касается до разныхъ агентовъ власти, то Исполнительный Комитетъ не можетъ дать по отношенію къ нимъ такого обязательства, такъ какъ не желаетъ отказаться отъ самозащиты. [2])

3) Само собою разумѣется, что въ теченіе этого временнаго воздержанія Исполнительнаго Комитета отъ вооруженнаго нападенія на правительство Исполнительный Комитетъ и партія „Народной Воли“ не отказывается ни отъ своей пропагандистской, ни отъ организаціонной дѣятельности.

4) Что касается измѣненія программы партіи „Народной Воли“, о которомъ говоритъ г. Н., то оно немыслимо въ настоящій моментъ, такъ какъ отношеніе партіи къ правительству обусловливается прежде всего отношеніемъ правительства къ Россіи. Въ этомъ отношеніи Исполнительный Комитетъ теперь можетъ высказать г. Н. и его друзьямъ свое credo [3]), а именно:

---

[1]) Это обязательство Исполнительнаго Комитета по предложенію г. Н. измѣняется въ томъ же слыслѣ, какъ оно измѣняется въ слѣдующемъ 2 §, конечно, если измѣненіе § 2 будетъ принято Исполнительнымъ Комитетомъ. (Примѣчаніе подлинника).

[2]) По соглашенію Н. съ уполномоченнымъ Исполнительнаго Комитета этотъ § долженъ быть редактированъ такъ: „убѣдившись изъ этого опыта въ дѣйствительной силѣ г. Н. и его друзей, Исполнительный Комитетъ обяжется не производить впредь до коронаціи и во время коронаціи никакихъ вооруженныхъ нападеній на правительство, т.-е. на особу государя и государственныхъ дѣятелей, какъ-то министровъ, генералъ-губернаторовъ и т. д. Но Исполнительный Комитетъ не отказывается отъ самозащиты, хотя бы въ формѣ террористическихъ актовъ, противъ агентовъ власти, подвергающихъ своею инквизиціонною дѣятельностью опасности ту или другую группу организаціи, какъ то было въ случаѣ съ генераломъ Стрѣльниковымъ. Это измѣненіе вступаетъ въ силу только по утвержденіи его Исполнительнымъ Комитетомъ, о чемъ г. Н. получитъ увѣдомленіе“. (Примѣчаніе подлинника).

[3]) Всѣ курсивы въ подлинникѣ.

„При искреннемъ соблюденіи правительствомъ свободы слова, печати, обществъ и собраній, т.-е. при возможности свободнаго развитія народа, собственно террористическія дѣйствія противъ правительственныхъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе противъ особы государя теряютъ всякій смыслъ и дѣлаются въ глазахъ Исполнительнаго Комитета вполнѣ абсурдными. Но Исполнительный Комитетъ и народовольческая партія считаютъ необходимымъ совершеніе соціальныхъ реформъ, осуществленіе которыхъ требуетъ не только свободы слова и т. д., но и энергическаго содѣйствія власти. Поэтому Исполнительный Комитетъ и народовольческая партія не могутъ отказаться отъ стремленія совершить въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ государственный переворотъ, если правительство станетъ подавлять развитіе народной жизни. — По мнѣнію партіи, Россія нуждается въ правительствѣ, активно содѣйствующемъ совершенію соціальныхъ реформъ. Поэтому отреченіе партіи отъ борьбы съ самодержавіемъ возможно единственно въ томъ случаѣ, если самодержавіе оказывается способнымъ къ этой великой исторической роли. Признавая для осуществленія соціальной реформы необходимость революціоннной диктатуры, народовольческая партія логически не можетъ не подчиниться самодержавному царю, высказавшему рѣшимость и способность самодержавнымъ путемъ осуществить рядъ необходимыхъ соціальныхъ реформъ". [1])

Съ Н. Я. Николадзе ѣздилъ за границу и Бороздинъ, который, хотя самъ никого изъ народовольцевъ тамъ не видѣлъ, но о всякаго рода дѣйствительныхъ, а еще болѣе фантастическихъ свѣдѣніяхъ, касающихся переговоровъ Николадзе съ эмигрантами, неукоснительно сообщалъ Священной Дружинѣ.

Вотъ образчикъ такихъ донесеній Бороздина:

„Переговоры велись нѣсколько дней и въ нихъ принимали участіе, кромѣ Ивана Григорьевича [2]) и Х. [3]) Лавровъ

[1]) Записка К. А. Бороздина. Былое, 1907 г., октябрь, стр. 158—160. Къ этому мѣсту „Записки" Н. Я. Николадзе сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Не знаю, откуда взялся этотъ протоколъ и какъ онъ очутился у Бороздина. Я такого не помню".

[2]) Заграничная кличка въ то время Л. А. Тихомирова.

[3]) Т.-е. Н. Я. Николадзе.

(проживающій въ Парижѣ 328, rue St. Jacques), Л. К. Бухъ и Петръ Андреевичъ—делегатъ Центральнаго Комитета.[1]) Послѣдній не подавалъ никакого мнѣнія и былъ лишь слушателемъ, На этихъ совѣщаніяхъ былъ бы и князь Кропоткинъ, если бы его не задержала болѣзнь брата его жены Ананьева и онъ не былъ бы затѣмъ арестованъ въ Ліонѣ. Онъ направился въ Парижъ и былъ оповѣщенъ о пріѣздѣ сюда Ив. Гр. и Х. Кравчинскій, тоже приглашенный, отвѣчалъ, что выѣхать во Францію онъ не можетъ, такъ какъ полиція тамошняя его задержитъ, и потому онъ будетъ ожидать Х. въ Вервье, въ Бельгіи. Былъ бы, конечно и Ткачевъ, но, за двѣ недѣли до того помѣшавшійся, онъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ maison de Santé Парижа".[2])

Какая же картина вырисовывается изъ всѣхъ, относящихся ко „вторымъ переговорамъ", документовъ?

Въ Россіи, какъ пишетъ въ своихъ по поводу этихъ переговоровъ воспоминаніяхъ Н. К. Михайловскій, изъ крупныхъ дѣятелей была на свободѣ одна лишь Вѣра Фигнеръ. На свиданіи съ нею Михайловскаго въ Харьковѣ и было рѣшено потребовать отъ правительства „въ видѣ задатка" исполненія двухъ требованій: „освобожденія Чернышевскаго и разслѣдованія безчинствъ, произведенныхъ незадолго передъ тѣмъ на Карѣ".

„Это были болѣе чѣмъ скромныя требованія,—прибавляетъ Михайловскій,—но, вѣдь, все дѣло наше было, собственно говоря, безнадежно, много запрашивать не приходилось, при томъ же это былъ задатокъ".

С. Н. Кривенко даетъ Н. Я. Николадзе письмо къ Л. А. Тихомирову, который и ведетъ переговоры единолич-

---

[1]) Учрежденія, носившаго названіе „Центральный Комитетъ", у народовольцевъ никогда не существовало.

[2]) Николадзе по этому пункту на доставленной нами ему „Запискѣ" Бороздина сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Неправда, никто рѣшительно не принималъ участія въ этихъ переговорахъ, кромѣ Тихомирова. Онъ, Тихомировъ, и свелъ меня къ Лаврову, но вовсе не для разговоровъ объ этомъ предметѣ, а такъ просто познакомиться. Ни Лаврову, ни Л. К. Буху я объ этихъ переговорахъ ничего не говорилъ". Это вполнѣ совпадаетъ и съ нашими свѣдѣніями о томъ, что Лавровъ о ведшихся черезъ Николадзе переговорахъ, повидимому, ничего не зналъ.

но, ибо партіи уже почти не существуетъ, и въ результатѣ Николадзе передаетъ гр. Воронцову-Дашкову „собственноручную записку“ Тихомирова.

Размѣры „крамолы“ вырисовываются чрезвычайно скромными („все дѣло наше было, собственно говоря, безнадежнымъ“), и трудно сказать, что вышло бы изъ всей этой затѣи съ „переговорами“, если бы въ дѣлѣ не оказалось еще одного весьма важнаго фактора, спутавшаго всю игру Священной Дружины и работавшаго надъ зачисленіемъ ея самой по вѣдомству „крамолы“. „Факторъ“ этотъ—графъ Д. А. Толстой и его политическая полиція.

Для пониманія всего послѣдующаго возвратимся еще разъ къ воспоминаніямъ Н. Я. Николадзе.

По возвращеніи Николадзе изъ-за границы въ Петербургъ одинъ его пріятель сообщилъ ему, что „глухая борьба при дворѣ между графами Д. А. Толстымъ и И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ кончилась полнымъ разгромомъ послѣдняго. Его „Золотая Дружина“ распущена и ему запрещено вмѣшиваться въ политику. Знай-де себѣ только дѣла по управленію дворомъ“.

„Какъ только я представился гр. Воронцову-Дашкову, онъ встрѣтилъ меня заявленіемъ, что надежды и расчеты его разрушились: положеніе дѣлъ въ Петербургѣ измѣнилось настолько, что ему наврядъ ли теперь удастся хоть что-нибудь сдѣлать въ смыслѣ прежнихъ предположеній. Онъ просилъ меня немедленно же увѣдомить объ этомъ г. Тихомирова и сообщить ему, что онъ и его товарищи, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, вольны считать себя свободными отъ всякаго уговора и поступать по своему усмотрѣнію. Письмо съ этимъ категорическимъ „оставь надежду“ я въ тотъ же день отправилъ по почтѣ Л. А. Тихомирову по данному имъ мнѣ конспиративному адресу. Не знаю, дошло ли оно до него, или было по пути перехвачено полиціею. Для дальнѣйшихъ же переговоровъ относительно исполненія данныхъ мнѣ обѣщаній гр. Воронцовъ-Дашковъ просилъ меня свидѣться съ флигель-адъютантомъ гр. П. П. Шуваловымъ.

„При первомъ же свиданіи моемъ съ гр. Шуваловымъ этотъ послѣдній объяснилъ мнѣ, что въ настоящее время

шансы гр. Воронцова-Дашкова значительно пали. Настроеніе при дворѣ со времени моего отъѣзда внезапно перемѣнилось. Вліяніе гр. Д. А. Толстого упрочилось, и „Дружина", на которую опирался гр. Воронцовъ-Дашковъ, упраздняется. Надѣяться поэтому на измѣненіе правительственной программы и на осуществленіе прежнихъ предположеній уже не слѣдуетъ".

„Гр. Шуваловъ не скрывалъ отъ меня своего разочарованія относительно революціонной партіи. Онъ находилъ, что она упустила рѣдчайшій случай водворить въ Россіи парламентарное правительство. Для этого надо было, по его мнѣнію, не сходить съ точки зрѣнія письма Исполнительнаго Комитета къ Александру III по поводу 1 марта. Общія мѣста и туманныя требованія этого письма надлежало предъявить въ болѣе конкретной, дѣловой формѣ параграфовъ конституціи. Переходя къ предъявленнымъ требованіямъ—„ce sont des misères"—онъ заявилъ мнѣ, что гр. Воронцовъ-Дашковъ уже добился повелѣнія государя отправить на Кару флигель-адъютанта барона Нольде. Для освобожденія же Чернышевскаго требуется подача всеподданнѣйшаго прошенія его дѣтьми и обожданіе коронаціоннаго манифеста". [1])

Послѣ этого Николадзе еще нѣсколько разъ видѣлся съ гр. Шуваловымъ, причемъ, по разсказу Николадзе, Шуваловъ предлагалъ доставить ему возможность видѣться съ Государемъ. Во время этого свиданія Николадзе долженъ былъ сказать, что революціонная партія пуститъ снова въ ходъ терроръ и пр., словомъ, попробовать дѣйствовать угрозами. [2])

Николадзе отъ такого предложенія Шувалова отказался, и они больше не встрѣчались.

Такъ кончилась миссія Николадзе. [3])

---

[1]) Былое, 1906 г., сентябрь, стр. 271—272.

[2]) Ibid., стр. 279.

[3]) Приведемъ еще слѣдующее небезъинтересное донесеніе, которое послалъ въ это время Бороздинъ Священной Дружинѣ: „31 числа, около 10 ч. вечера, получено было письмо отъ Николадзе. Онъ писалъ, что наканунѣ вечеромъ, т.-е. 30 числа (надо полагать, послѣ 10 часовъ, такъ какъ онъ былъ у меня до 10 часовъ) ему сказало довѣренное лицо (получившее свѣдѣніе отъ другого) такія подробности и точности

Но что же, однако, произошло, въ самомъ дѣлѣ? Отчего это вдругъ пала такая почтенная организація, какъ „Священная Дружина“?

По этому поводу тотъ же Бороздинъ могъ написать лишь такія строки:

По возвращенію изъ-за границы, „я былъ у Набольшаго, далъ ему подробный отчетъ обо всемъ происходившемъ за границей, о важномъ въ высшей степени результатѣ переговоровъ Х. и просилъ его наставленія о томъ, что мнѣ дѣлать. На это получилъ отвѣтъ, что онъ увѣдомитъ

о поѣздкѣ его за границу и о цѣляхъ ея, что нѣтъ никакого сомнѣнія, все это не составляетъ секрета между В. (Воронцовымъ-Дашковымъ), имъ и мною. Говорилось, что онъ, Николадзе, является агентомъ правительственнымъ, черезъ котораго правительство желаетъ проникнуть въ подпольную среду и Николадзе за раскрытіе всѣхъ лицъ долженъ получить 100 или 200 тысячъ. Объяснивъ все это, Николадзе бранитъ меня страшнымъ образомъ въ письмѣ, поручаетъ мнѣ сказать, кому нужно, что въ дырявыхъ сундукахъ правительства не найдется тѣхъ милліоновъ, которыми можно было бы его купить. Въ заключеніе онъ говоритъ мнѣ, что наши всѣ сношенія перерваны.

„Въ отвѣтъ на это письмо я написалъ ему слѣдующее:

„Если письмо ваше не есть маневръ хитренькаго и малодушнаго человѣчка, желающаго отдѣлаться двусмысленною бравадою отъ труднаго и серьезнаго дѣла, которое ему не подъ силу, то во всякомъ случаѣ оно есть бредъ крайне разстроеннаго человѣка“.

„Онъ, N., знаетъ, что дѣло наше извѣстно только тремъ лицамъ—В., мнѣ и ему. Если перваго нельзя заподозрить въ какой-нибудь измѣнѣ, то остаюсь, слѣдовательно, я, на котораго можетъ падать подозрѣніе. Но онъ, полагаю, считаетъ меня немножко поумнѣе, чтобы выдумать сказку о 200,000 и ею передъ кѣмъ-то хвастаться; поэтому ясно видя, что онъ пишетъ подъ впечатлѣніемъ досады и гнѣва, не разобравъ, въ чемъ дѣло, и пишетъ ерунду,—вмѣсто всего этого слѣдовало ему пріѣхать ко мнѣ тотчасъ же и разсказать мнѣ все дѣло обстоятельно. Я его ожидаю, а покуда возвращаю ему его глубокомысленное письмо для того, чтобы онъ его предалъ сожженію и считалъ бы какъ бы не существовавшимъ.

„Письмо мое послано было около 11 часовъ, и Николадзе не было уже дома. На другой день я послалъ къ нему другое письмо, приглашая его къ себѣ утромъ, но посланному моему онъ сказалъ, что онъ боленъ и сегодня, т.-е. 1 числа, не можетъ быть у меня.

„2 числа, въ 7 часовъ вечера, мы сошлись у Палкина, и онъ объяснилъ мнѣ слѣдующее:

„30 числа декабря между 12 и 6 часами дня, къ Софьѣ Ермолаевнѣ Усовой, живущей на углу Забалканскаго пр. и Обводнаго канала, д.

меня о томъ, продолжать ли мнѣ это дѣло или прекратить его. Х. я не объяснилъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, онъ самъ былъ у Нáбольшаго, шла опять бесѣда, а какъ изъ нея онъ не вынесъ того заключенія, которое въ правѣ былъ ожидать, то это привело его въ крайнее недоумѣніе. О разрѣшеніи газеты не было ни малѣйшаго намека. Онъ понялъ, что что-то совершилось на верхахъ, да и самые факты стали говорить о рѣзкой перемѣнѣ тамъ направленія. Сталъ объяснять онъ это немилостью къ Нáбольшему, и я его въ этомъ не разувѣрялъ. До всѣхъ личностей,

---

№ 139, кв. 8, пришелъ знакомый ей господинъ, котораго она не видала уже два года; онъ чиновникъ и занимаетъ общественное положеніе; сообщилъ онъ ей слѣдующее:

„Онъ читалъ докладъ, въ которомъ говорится о поѣздкѣ какого-то Х. за границу, въ Швейцарію и Парижъ. Тамъ онъ видѣлся съ какимъ-то Иваномъ Григорьевичемъ, Бухомъ и Лавровымъ; Х. говорилъ съ ними отъ имени банкировъ, капиталистовъ и другихъ частныхъ лицъ, предлагая посредничество къ примиренію террористовъ съ правительствомъ. (Подробности самыя точныя доклада, посланнаго изъ Парижа на имя В.). Чиновникъ объяснилъ, что такъ какъ вездѣ только говорилась буква Х., то онъ не могъ догадаться, кто это, но изъ того, что Х. названъ кавказцемъ и публицистомъ, онъ пришелъ къ предположенію, что это долженъ быть Николадзе. Задавшись этимъ предположеніемъ, онъ навелъ справку, гдѣ слѣдовало, и узналъ, что дѣйствительно Николадзе находится въ сношеніяхъ съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, съ вѣдома котораго онъ ведетъ переговоры съ цѣлью проникнуть въ революціонную среду и выдать всѣхъ лицъ правительству, за что и долженъ получить 100 или 200 тысячъ. Чиновникъ этотъ, видя изъ всего этого ясно, что Николадзе обманывалъ Ивана Григорьевича, Буха и другихъ увѣреніемъ, что онъ дѣйствуетъ отъ капиталистовъ и частныхъ лицъ, и есть не что иное, какъ агентъ правительственный, а потому онъ предостерегаетъ Усову, чтобы, по письму Ивана Григорьевича, Гольцевъ и Фигнеръ не дались въ обманъ.

„Усова отказалась назвать чиновника, который къ ней приходилъ. При разсказѣ ея находился Кривенко и его жена“.

По этому поводу С. Е. Усова писала намъ, что въ донесеніи Бороздина обо всемъ, будто бы происшедшемъ на ея квартирѣ, кромѣ ея, С. Е. Усовой, адреса, нѣтъ ни одного слова правды. Все оно отъ начала до конца измышлено. Мы тѣмъ не менѣе, оставляемъ это „донесеніе“ и въ отдѣльномъ изданіи нашей работы, ибо послѣ словъ г-жи Усовой становится особо яснымъ, до какой степени была пропитана насквозь ложью организація „мужественныхъ добровольцевъ“.

съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ по принятой имъ на себя миссіи, вскорѣ коснулась рука. Вѣра Николаевна Фигнеръ была арестована съ цѣлой группой лицъ; Шелгуновъ и Михайловскій высланы въ Выборгъ; Отечественнымъ Запискамъ сдѣлано второе предостереженіе съ поименованіемъ автора статьи о Гамбеттѣ и Луи Бланѣ, самого Х.; Салтыкову предложено было выѣхать въ Вятку за „Пискаря“, но его оставили лишь по причинѣ болѣзни. [1]) Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ разрѣшеніе изданія „Обзора“ (такъ должна была называться газета Николадзе) сдѣлалось немыслимо.

„Кому подробно извѣстны обстоятельства, вызвавшія такое внезапное закрытіе кружка, тотъ со временемъ, конечно, разскажетъ ихъ“.

Бороздину, очевидно, „обстоятельства“ эти извѣстны не были. Попробуемъ же возстановить ихъ, по мѣрѣ возможности, мы сами.

„Внутренняя политика Россіи“ находилась въ такомъ положеніи:

Еще въ маѣ 1882 года Побѣдоносцевъ, Катковъ и Островскій, — бывшіе за годъ передъ тѣмъ сами членами „Дружины“, но теперь относившіеся къ этому учрежденію, какъ къ черезчуръ „либеральному“, устранили съ поста министра внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатьева, — за „земскій соборъ“, какъ отмѣтилъ объ этомъ событіи въ своемъ дневникѣ гр. Валуевъ,—и вручили министерскій портфель гр. Толстому. [2])

---

[1]) Къ этому мѣсту „Записки“ Бороздина Н. Я. Николадзе сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Нужно ли повторять, что ни съ В. Н. Фигнеръ, ни съ Н. В. Шелгуновымъ, ни съ М. Е. Салтыковымъ я никогда не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ по принятой мною на себя миссіи“.

[2]) Вотъ что записалъ подъ датою 30 мая 1882 года въ своемъ дневникѣ гр. Валуевъ: „Гр. Игнатьевъ пересталъ,—слышу,—быть министромъ внутреннихъ дѣлъ. Почему? Какъ? Пока не знаю, а великая княгиня знаетъ меньше меня.

„Вечеромъ были Мосоловъ и Маковъ. Причина ухода гр. Игнатьева—земскій соборъ. Онъ самъ говоритъ, что его смѣстили Катковъ, Побѣдоносцевъ и Островскій. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ гр. Толстой“. (О Минувшемъ, стр. 438).

Принявшись ревностно за „искорененіе крамолы“,—вѣдь это было въ то время у нашихъ государственныхъ людей главнѣйшее ристалище, на которомъ они могли брать призы,—гр. Толстой усмотрѣлъ проявленіе того же духа „крамолы“ и въ организаціи дружинниковъ, которой покровительствовалъ гр. Игнатьевъ. Ее рѣшилъ стереть если не съ лица земли,—это было ему не подъ силу,—то хоть со ступеней трона гр. Толстой, хотя онъ самъ былъ ставленникомъ бывшихъ дружинниковъ. Дружинники видѣли опасность и сами не оставались передъ Толстымъ въ долгу, доходя въ этомъ отношеніи тоже въ своемъ родѣ до виртуозности. Вотъ какой случай изъ того времени разсказывалъ намъ одинъ извѣстный общественный дѣятель N N. Будучи высланъ изъ N-ской губерніи въ другую, онъ написалъ своей женѣ письмо, въ которомъ отзывался неуважительно о нѣкоторыхъ ультравысокопоставленныхъ лицахъ. Письмо было доставлено по назначенію, но по дорогѣ перлюстровано, скопировано и доложено Толстому, который въ свою очередь доложилъ его Государю. Обо всемъ этомъ узнала Священнная Дружина, и вотъ къ женѣ г. NN является ея знакомый, знатный членъ Дружины, и предлагаетъ ей такую комбинацію: пусть N N напишетъ ей другое точно такое же письмо (первое должно быть уничтожено), но выпуститъ въ немъ „неуважительные отзывы“, и когда это будетъ сдѣлано, „мы произведемъ у васъ обыскъ, найдемъ письмо и, представивши его въ подлинникѣ, докажемъ, что Толстой въ своей якобы „копіи“ взвелъ на NN напраслину... Этимъ способомъ мы Толстого сильно скромпрометируемъ“... N N и его супруга на „планъ“ этотъ, конечно, не согласились.....

Новый министръ былъ человѣкъ умный, съ большимъ честолюбіемъ, но, разумѣется, не безъ слабостей, главнѣйшей изъ которыхъ являлся его постоянный страхъ за собственную, столь драгоцѣнную для отечества, жизнь, и онъ вездѣ бредилъ „крамолою“. Существованіе дружинниковъ мѣшало такой концентраціи полицейской власти, при которой гр. Толстой могъ бы спать наиболѣе спокойно, его товарищъ генералъ Оржевскій былъ такого же мнѣнія, и потому они рѣшили повести борьбу на два фронта: противъ

революціонеровъ и противъ дружинниковъ. Первую сконцентрировалъ въ своихъ рукахъ Оржевскій, вторую—самъ Толстой. Этимъ Толстой думалъ убить сразу нѣсколько зайцевъ. [1])

Толстой неоднократно говорилъ на докладахъ, что Дружина мѣшаетъ дѣятельности сыскныхъ органовъ, и старался всѣми силами набросить на дружинниковъ тѣнь, обвиняя ихъ, между прочимъ, въ „мужикофильствѣ“, тогда какъ въ Россіи самодержавіе должно имѣть своею опорою исключительно дворянство, [2]) но этого оказывалось мало и пришлось прибѣгнуть для низверженія врага и къ другимъ средствамъ.

Переговоры, которые вела Дружина съ народовольцами черезъ Нивинскаго и Николадзе, не могли, конечно, укрыться отъ агентовъ полиціи Толстого, зорко слѣдившихъ за „крамольниками“. [3])

---

[1]) Въ дневникѣ Валуева подъ датою 10 сентября (1882 г.) находятся такія любопытныя строки: „Вчера видѣлъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Дурново. (Рѣчь идетъ объ Иванѣ Николаевичѣ Дурново. В. Б.). Онъ говоритъ, что гр. Толстой боится за себя и что ген. Оржевскій на этой стрункѣ играетъ. Когда Дурново сказалъ гр. Толстому, что онъ напрасно предоставилъ всю полицію въ распоряженіе Оржевскаго, гр. Толстой отвѣчалъ: „Пусть на немъ лежитъ отвѣтственность и пусть въ него стрѣляютъ, а не въ меня“. (О Минувшемъ, стр. 443).

[2]) Подъ датою 22 октября 1882 г. гр. Валуевъ записалъ: „На-дняхъ у меня былъ гр. Толстой. Разговоръ продолжительный и дружелюбный. Безъ помина о старомъ. Онъ корректенъ на аграрной почвѣ и сообщилъ, что при своемъ назначеніи онъ сказалъ государю, что онъ не признаетъ „крестьянской Руси“, и прибавилъ, говоря о дворянствѣ: ваши предки создали Россію, но они нашими руками ее создали“. Государь покраснѣлъ и отвѣчалъ, что онъ этого не забываетъ“ (О Минувшемъ, стр. 446.)

[3]) По возвращеніи изъ-за границы, разсказываетъ Николадзе, „въ Петербургѣ я засталъ большія перемѣны. Прежде всего я узналъ, что Н. К. Михайловскій высланъ въ Выборгъ вмѣстѣ съ Н. В. Шелгуновымъ. Понятно, я не могъ поѣхать къ нему: это значило бы обратить на него спеціальное вниманіе гр. Д. А. Толстого, агенты котораго несомнѣнно должны были въ то время по пятамъ слѣдить за моими разъѣздами“. (Былое, сентябрь, 1906 г., стр. 271.)

Узнало правительство очень скоро и о харьковской поѣздкѣ Михайловскаго къ Вѣрѣ Фигнеръ,—хотя Михайловскій поѣздку эту прекрасно законспирировалъ, — ибо съ конца декабря 1882 года началась уже предательская дѣятельность знавшаго объ этой поѣздкѣ Дегаева. [1])

Но еще и до „Дегаевщины“ агенты правительства не могли не знать, что дѣло идетъ о переговорахъ съ террористами, что иниціатива этого предпріятія исходитъ отъ ненавистныхъ имъ „лигистовъ“ (припомнимъ злобные отзывы о „лигистахъ“ Судейкина въ разговорѣ съ г-жей О—й), и это былъ прекрасный случай „подставить имъ ножку“. Они, молъ, находятся въ сношеніи съ террористами.

Припомнимъ также, что почти одновременно съ В. Н. Фигнеръ былъ арестованъ М. Ю. Ашенбреннеръ, къ которому такъ упорно приставали на допросахъ (на нихъ присутствовалъ тотъ же Судейкинъ) съ вопросами объ его отношеніяхъ (въ дѣйствительности никогда не существовавшихъ) къ дружиннику генералу Ширинкину.

Припомнимъ и вышеприведенный разсказъ объ отношеніи полиціи къ Дружинѣ г. Карцева.

Дружинники вели тѣмъ временемъ свою „линію“: князь А. Г. Щербатовъ обдумывалъ вмѣстѣ съ Бороздинымъ планъ о томъ, какъ „проникнуть во всѣ сокровенности народовольцевъ“; гр. Шуваловъ составлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ же кн. Щербатовымъ „Положеніе о земской Лигѣ“, и отъ имени ея посылалъ за границу доктора Нивинскаго; бывшій управляющій III отдѣленіемъ собственной его императорскаго ве-

---

[1]) Покойный А. А. Спандони разсказываетъ съ свой „Страницѣ изъ воспоминаній“ о такомъ бывшемъ съ нимъ фактѣ; сидя въ началѣ 1883 года въ одесской тюрьмѣ, онъ въ февралѣ или мартѣ того же года, но уже послѣ ареста Фигнеръ, попросилъ жандармскаго полковника Катанскаго разрѣшить ему имѣть въ камерѣ сочиненія Михайловскаго. Катанскій на это отвѣтилъ: „Знаю, Михайловскій—тотъ самый, который пріѣзжалъ въ октябрѣ въ Харьковъ къ Фигнеръ“. (Былое, 1906 г., май, стр. 23). Вотъ какъ широко это было извѣстно въ жандармскихъ кругахъ. Изъ такихъ словъ Катанскаго Спандони тогда же понялъ, что это извѣстно жандармамъ отъ арестованнаго 18 декабря 1882 года Дегаева, ибо, — пишетъ онъ, — „о пріѣздѣ Михайловскаго къ Фигнеръ около 15 октября 1882 года изъ находившихся въ Россіи знали лишь три человѣка: Вѣра Николаевна, я и Дегаевъ“. (Ibid).

личества канцеляріи, дружинникъ сенаторъ Шульцъ ломалъ голову, какъ бы хорошенько использовать заграничную поѣзкду Николадзе, „за дѣйствіями котораго должно быть установлено особенно внимательное наблюденіе“, — и все это почти буквально въ пустое мѣсто, въ созданный разгоряченнымъ и напуганнымъ воображеніемъ власть имущихъ призракъ,—какъ вдругъ налетѣлъ шквалъ и увлекъ на дно, казалось бы, столь хорошо оснащенный корабль самихъ дружинниковъ.

25 ноября 1882 года гр. Валуевъ пишетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія строки:

„Невѣроятное сбывается. Вчера напечатанъ въ Новомъ Времени пригласительный циркуляръ такъ называемой Священной Дружины съ присовокупленіемъ язвительныхъ комментаріевъ газеты, называющей авторовъ циркуляра, „шутниками, бездѣльниками“. Слухъ о томъ, будто Дружина намѣрена сама себя опубликовать, давно ходилъ по городу, но о способѣ оглашенія ея существованія не высказывались. Тотъ сумбуръ признаній, разсужденій, намековъ, приманокъ и обѣщаній, который заключается въ напечатанномъ вчера циркулярѣ, конечно, не могъ быть предназначенъ для печати. Но фактъ разсылки циркуляра, по изложеннымъ въ немъ указаніямъ, несомнѣненъ. Какъ могли безмозглые авторы не предусмотрѣть, что этотъ документъ будетъ распубликованъ какою-нибудь газетою, какъ это теперь сдѣлало Новое Время“.

29 ноября: „Въ городѣ стараются съ извѣстной стороны выдавать напечатанный въ Новомъ Времени документъ за мистификацію, и нѣкоторые тому вѣрятъ (напримѣръ, Грейгъ и Тимашевъ). Но подлинность очевидна. Дурново (товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ) сообщилъ мнѣ, что документъ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ, paroli Священной Дружины департаменту полиціи.

„Генералъ Оржевскій и г. Плеве разослали нѣчто въ этомъ родѣ, между прочимъ, студентамъ для привлеченія агентовъ. Священная Дружина прибавила статью о пожертвованіяхъ, намеки на реформы и прочее. Государь призывалъ въ пятницу по этому поводу гр. Толстого. Произошелъ пере-

полохъ въ Священной Дружинѣ, и гр. Левашевъ говорилъ Дурново вчера, что ее хотятъ упразднить".

7 декабря Валуевъ заноситъ въ дневникъ уже цитированныя нами строки о томъ, что вице-губернатору Волкову приказано распустить его „пятерку", а 17 декабря онъ писалъ:

„Былъ у гр. Шувалова. По его словамъ, его брату, гр. Павлу, поручено государемъ озаботиться полнымъ расформированіемъ Священной Дружины. Передъ кризисомъ образовался уродливый trinôme, котораго три главы были: гр. Павелъ Шуваловъ по „охранѣ", гр. Воронцовъ—по „Дружинѣ" и генералъ Оржевскій—по полиціи. Этотъ тріумвиратъ долженъ былъ при разномысліяхъ испрашивать Высочайшія разрѣшенія. Этого достаточно для оцѣнки сообразительности вожаковъ „Дружины", которые дали поводъ или мысль къ утвержденію тріумвирата". [1])

Такимъ образомъ весь сыръ-боръ загорѣлся и сказался смертельными для Дружины послѣдствіями изъ за статьи въ Новомъ Времени. Вотъ ужъ подлинно-то синица море зажгла! Событіе это происходитъ среди извѣстныхъ уже намъ обстоятельствъ, то-есть именно тогда (въ концѣ ноября и декабрѣ 1882 г.), когда замираютъ послѣднія ноты въ парижскихъ сношеніяхъ Лаврова съ Нивинскимъ; когда возвратившійся изъ Парижа Николадзе передаетъ гр. Воронцову-Дашкову „собственноручную записку" Тихомирова съ изложеніемъ якобы выработанныхъ „конгрессомъ" революціонной партіи условій мира съ правительствомъ, а гр. Воронцовъ-Дашковъ проситъ немедленно увѣдомить Тихомирова, что обстоятельства измѣнились, вслѣдствіе чего обѣ стороны свободны поступать „по своему усмотрѣнію"; когда гр. Шуваловъ предлагаетъ Николадзе пригрозить высшей власти возрожденіемъ террора и берется устроить ему для этого надлежащее свиданіе, а гр. Валуевъ записываетъ въ дневникѣ о произведенномъ статьею „переполохѣ" въ станѣ дружинниковъ.

Что же это за статья, имѣвшая такое значеніе?

---

[1]) Графъ П. А. Валуевъ въ 1881 — 1884 годахъ. Сборникъ О Минувшемъ, стр. 447—451.

Вотъ дословно эта статья, носящая названіе „Политическое шутовство или не мытьемъ, такъ катаньемъ“.

„Просимъ сначала читателя прочитать слѣдующій документъ, полученный нами и оттиснутый при помощи гектографа: „Террористическіе акты, начиная съ выстрѣла Каракозова и кончая такимъ, какъ катастрофа 1 марта, совершонная наканунѣ призыва общества къ самоуправленію, и убійство Стрѣльникова, произведенное на другой день послѣ помилованія девяти важнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ, систематически препятствовали правительству приводить въ исполненіе задуманныя или желательныя реформы и, вообще, привели Россію отъ періода реформы 60 годовъ къ настоящей внутренней политикѣ. Вслѣдствіе этого борьба съ терроромъ, какъ причиной такого ненормальнаго положенія, становится обязанностью всѣхъ желающихъ блага своей родинѣ. На этомъ основаніи Общество, образовавшееся для борьбы съ терроромъ и насчитывающее въ своей средѣ значительное число членовъ, предлагаетъ вамъ примкнуть къ дѣятельности этого Общества, которое имѣетъ слѣдующія основанія: 1) Борьба должна вестись легальнымъ путемъ, то-есть Общество посредствомъ своихъ членовъ будетъ разрушать замыслы террористовъ, не прибѣгая къ насилію надъ личностью, и такимъ образомъ Общество устраняетъ, съ одной стороны, напрасную гибель честной молодежи, съ другой—надѣется расчистить путь для возрожденія идейной борьбы за благо отечества, тормозомъ для которой является тотъ же терроръ. 2) Члены Общества подраздѣляются на двѣ категоріи: дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Первые посвящаются во всѣ безъ исключенія дѣла Общества, члены же сотрудники въ первый періодъ своей дѣятельности посвящаются только въ дѣла, въ которыхъ они должны принимать непосредственное участіе, и знаютъ только одного дѣйствительнаго члена. Время перехода изъ членовъ-сотрудниковъ въ дѣйствительные члены не опредѣляется и находится въ зависимости отъ степени принесенной сотрудникомъ пользы и заслуженнаго довѣрія Общества. Но и до перехода въ дѣйствительные члены сотрудникъ можетъ проводить черезъ

дѣйствительнаго члена свои взгляды вообще, которые и будутъ приниматься Обществомъ въ соображеніе. 3) Общество сохраняетъ имена членовъ и сотрудниковъ въ абсолютной тайнѣ, гарантируя такимъ образомъ ихъ полную безопасность. 4) Всѣ члены и сотрудники пользуются правомъ свободнаго выхода изъ Общества, но обязываются сохраненіемъ въ тайнѣ всего извѣстнаго имъ о дѣйствіяхъ Общества, которое въ свою очередь, при соблюденіи вышедшимъ членомъ этихъ условій, не имѣетъ права обнаруживать его имени. 5) Сношенія членовъ межъ собой и сотрудниковъ происходятъ въ различныхъ, каждый разъ условленныхъ мѣстахъ для того, чтобы сношенія эти не были обнаружены. 6) На обязанности Общества лежитъ предоставленіе своимъ членамъ и сотрудникамъ легальныхъ занятій, обезпечивающихъ имъ средства къ жизни, или Общество выдаетъ изъ общей кассы денежныя субсидіи, если членъ въ нихъ нуждается. 7) Общество гарантируетъ свободу каждому изъ лицъ, которое, принимая ранѣе участіе даже въ террористическихъ актахъ, обяжется честнымъ словомъ не принимать дальнѣйшаго участія въ революціонной дѣятельности. Общество гарантируетъ свободу этого лица, смотря по его желанію, двумя способами: или полученіемъ полной амнистіи, которой Общество надѣется достигать черезъ посредство своихъ связей, или безусловнымъ доставленіемъ какъ матеріальныхъ, такъ и другихъ средствъ для отъѣзда за границу. Размѣръ настоящаго обращенія не позволяетъ изложить подробно всѣ мотивы, послужившіе основаніемъ организаціи нашего Общества, и всѣ способы борьбы, но въ случаѣ изъявленія вашего согласія принять участіе въ этомъ вы будете болѣе посвящены уполномоченнымъ на это членомъ отъ Общества. Настоящее обращеніе Общество проситъ сохранить въ тайнѣ. За отвѣтомъ Обществомъ будетъ прислано, но прилагается письменный адресъ, по которому вы можете отвѣчать. Пожертвованія въ пользу Общества, адресованныя на имя „Маіора“, принимаются въ редакціяхъ газетъ „Минута“, „Свѣтъ“ и „Новое Время“. За симъ другою рукою и обыкновенными чернилами написано слѣдующее: адресъ: Главный почтамтъ, Н. И. Кіедусу. До востребованія. Общество при-

носитъ многоуважаемой редакціи искреннюю блогодарность за выраженное ею согласіе принимать пожертвованія въ пользу Общества. Рядомъ съ послѣдними строками вытѣснена голубыми чернилами печать съ гербомъ и голубемъ, держащимъ во рту миртовую вѣтку. По ободку печати буквы, вверху: П. Ц. Н., а внизу: О. Б. П. Т. Какъ вамъ это нравится?

„Существуетъ якобы какое-то тайное Общество, обладающее связями и капиталами и рѣшившееся дѣйствовать противъ террористовъ легальными способами, для чего и набираетъ членовъ при помощи циркуляровъ. Можно подумать, что всякій другой способъ противодѣйствія террористической пропагандѣ, независимый отъ статута этого Общества, способъ законный, нелегаленъ, ибо только это Общество рѣшилось дѣйствовать, съ одной стороны, легально, съ другой — тайно. Еслибъ такое Общество дѣйствительно существовало, то это, во-первыхъ, было бы государствомъ въ государствѣ и, какъ таковое, могло бы мѣшать дѣйствовать органамъ полиціи, явной и тайной; во-вторыхъ, такое Общество признавало бы, что правительство такъ безсильно, что принуждено терпѣть какое-то тайное Общество, дѣйствующее притомъ такъ глупо, что дѣлаетъ изъ своей задачи секретъ полишинеля и явно компрометируетъ правительство; оказалось бы, что русская администрація и русская полиція, тайная и явная, если и существуютъ, то единственно для того, чтобы не отстать отъ западной Европы, гдѣ также существуютъ эти учрежденія, а вовсе не для того, чтобы противодѣйствовать всякому беззаконію и всякому тайному Обществу, стремящемуся захватить въ свои руки или всю власть или часть власти; оказалось бы, что русское Общество въ такой мѣрѣ терроризовано, съ одной стороны, и въ такой мѣрѣ настроено противъ правительства, съ другой стороны, что требуется подкупъ, требуются всевозможныя привилегіи и льготы, субсидіи и амнистіи, чтобы привлечь гражданъ на сторону закона и порядка. Это было бы такъ печально, что могло бы привести въ отчаяніе. Къ счастію, приведенный выше документъ, направленный въ значительной степени противъ насъ, съ цѣлью заподозрить въ глазахъ Общества, взять не мытьемъ,

такъ катаньемъ, не открытой политикой, такъ тайными подкопами, клеветою, которая распространялась бы тайно и притомъ въ формѣ придуманной довольно не глупо; къ счастію, говоримъ, документъ этотъ, очевидно, есть не что иное, какъ политическое шутовство, затѣянное явными или тайными бездѣльниками. Намъ говорили, что по городу распространено значительное количество такихъ „прокламацій", что ихъ получили многіе студенты и курсистки и съ недоумѣніемъ передавали ихъ своему начальству, которое съ своей стороны посмотрѣло на эти документы съ недоумѣніемъ же. Форма этихъ „прокламацій", ихъ серьезный тонъ дѣйствительно могли вводить въ заблужденіе, въ особенности при бѣгломъ просмотрѣ и при воспоминаніи о томъ слухѣ, который больше года тому назадъ попалъ изъ иностранныхъ газетъ въ русскія и который передавалъ о томъ, что якобы въ Петербургѣ организуется тайное Общество съ цѣлью дѣйствовать противъ террористовъ ихъ же способами.

„При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ „прокламацій" не всегда во всемъ согласныхъ межъ собой, — такъ намъ говорили, что въ нѣкоторыхъ стоятъ газеты „Русь", и „Московскія Вѣдомости" рядомъ съ „Новымъ Временемъ",—онѣ, разумѣется, ничѣмъ инымъ не могутъ показаться, какъ политическимъ шутовствомъ и легкой интригой, разсчитанной на то, что врядъ ли кто рѣшится разоблачить это шутовство въ обществѣ, столь склонномъ къ легковѣрію. Ужъ одинъ фактъ полученія этого документа какимъ-нибудь лицомъ будетъ указывать на благонамѣренность этого лица— у насъ такъ боятся если не быть благонамѣреннымъ, то слыть — или на склонность его получать субсидіи и льготы. Ужъ коли тайное Общество да съ связями и капиталами, то у него есть и тайная полиція, а имѣя оную, оно не будетъ разсылать своихъ приглашеній зря, а сначала разузнаетъ, каково „политическое", такъ сказать, состояніе лица, насколько оно готово поддаться на приманки, какъ не всякій скажетъ, что онъ получилъ прокламацію центральнаго революціоннаго комитета, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ сочувствіи къ революціи, такъ не всякій скажетъ, что онъ получилъ прокламацію отъ комитета, такъ сказать,

контръ-революціоннаго, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ благонамѣренности. Какъ это ни странно, такое явленіе существуетъ и, разумѣется, не безъ причинъ. Наше политическое воспитаніе идетъ такими скачками и отступленіями, что невозможно разсчитывать на вполнѣ твердые принципы и вполнѣ твердыя партіи. Естественно поэтому, что шутовство, политическій шантажъ, ловко придуманный, найдетъ себѣ всегда довѣрчивыхъ людей и можетъ разсчитывать на успѣхъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока этотъ шантажъ не будетъ изобличенъ. Вотъ побудительныя причины, которыя заставили насъ заняться этимъ произведеніемъ. Оно, во всякомъ случаѣ, нѣчто новое, совершенно отличное по формѣ отъ прежнихъ прокламацій, но имѣющее тѣ же въ сущности цѣли. Прежде въ прокламаціяхъ печатали списки лицъ, „приговоренныхъ къ смерти“ центральнымъ комитетомъ, теперь печатаютъ списки лицъ, якобы участвующихъ въ тайномъ Обществѣ, дѣятельность котораго направлена къ тому, чтобы подкупомъ, субсидіями и разными другими соблазнами набирать благонамѣренныхъ людей, ибо-де иначе не соберешь ихъ, такъ Общество расшатано революціей! Вѣдь не многіе обратились бы по адресу: „Главный почтамтъ, Н. И. Кіедусу. До востребованія“, какъ значится въ прокламаціи и не дождавшись никакого отвѣта, подумали бы про себя, конечно, что это надувательство и ловушка. Кстати, этотъ адресъ выдаетъ шутниковъ чисто съ шутовской стороны. Что это за Н. И. Кіедусъ? Нѣмецъ что ли какой, шведъ или чухонецъ? Попробуйте прочесть съ конца эту фамилію, включая и буквы (Н. И.), указывающія, якобы, имя и отчество г. Кіедуса, и получится очень русская фамилія: Судейкинъ; г. Судейкинъ, какъ извѣстно, состоитъ начальникомъ сыскной полиціи и, конечно, не такъ наивенъ, чтобы скрываться подъ такимъ школьническимъ псевдонимомъ. Если онъ маіоръ,— мы не знаемъ его чина,—то и слово „маіоръ“, стоящее въ прокламаціи, тоже объясняется. Однако, довольно комментаріевъ. Документъ, разъ опубликованный, теряетъ рѣшительно всякое значеніе. Что касается лично насъ, то мы скажемъ одно этимъ бездѣльникамъ-шантажистамъ. Мы вѣримъ глубоко, что русское общество растетъ, что растетъ въ немъ

и русская партія, и тотъ просвѣщенный и твердый патріотизмъ, который видитъ спасеніе не въ революціи и не въ пассивномъ самомнѣніи, а въ энергической общественной и государственной работѣ въ пользу народа.

„Только этой русской партіи мы служили и служимъ, и никогда не ощущали ни малѣйшаго поползновенія входить съ кѣмъ бы то ни было въ тайныя сношенія. Мы дѣйствуемъ открыто въ пользу того, что считаемъ полезнымъ для родины нашей, какъ открыто противодѣйствуемъ тому, что считаемъ вреднымъ для нея; мы можемъ ошибиться, можемъ говорить громче или тише, но всегда искренно, вездѣ то, что думаемъ сами; мы привыкли къ безчестному отношенію къ намъ противниковъ нашихъ, и не политическому шутовству или шантажу выбить насъ изъ нашей скромной политической и литературной колеи". [1])

Вотъ какой храбрости вдругъ набрался г. Суворинъ! „Бездѣльники", „шантажисты", „шуты",—и это по адресу кого же? По адресу Священной Дружины, во главѣ которой,—г. Суворинъ это, конечно, отлично зналъ,—стояли не только нѣкоторые могущественные сановники, но и лица повыше ихъ... Вѣдь изъ того же дневника Валуева ясно видно, что всѣ такъ и поняли суворинскую статью, какъ направленную противъ Дружины...

Откуда же такая храбрость у столь нехрабраго г. Суворина, кто были авторы попавшаго въ его газету „циркуляра" и, вообще, что обозначала вся эта исторія? [2])

---

[1]) Новое Время, 24 ноября 1882 г., № 2422.

[2]) Въ журналѣ Вольное Слово была напечатана тогда же слѣдующая замѣтка: „Уже мѣсяца съ полтора назадъ нѣмецкія газеты сообщали о появленіи въ Петербургѣ прокламацій „Общества борьбы противъ терроризма",—въ которыхъ между прочимъ предлагались даже бывшимъ революціонерамъ амнистіи и пособія на выѣздъ за границу. На дняхъ иностранныя газеты огорошили публику сообщеніемъ, что прокламація эта напечатана въ Новомъ Времени по приказанію гр. Толстого, недовольнаго будто бы новою консервативною крамолою... Сколько тутъ правды — разобраться трудно, но несомнѣнно, что ни одна газета, кромѣ Нов. Вр., не напечатала ни слова о семъ скандалѣ,—значитъ запрещеніе было сдѣлано и новая крамола должна существовать. Остается темнымъ, кто ея основатель? Нов. Вр. съ негодованіемъ порицаетъ новую крамолу и разоблачаетъ въ имени майора „Н. И. Кіедуса" анаграмму Судейкина. Трудно предположить,

Полиціей вѣдалъ въ это время Оржевскій, во главѣ департамента полиціи стоялъ Плеве. Жандармерія, какъ мы видѣли, ненавидѣла „лигистовъ“, какъ своихъ конкурентовъ, которые ей только „мѣшаютъ“ (слова Судейкина г-жѣ О—вой), и газета г. Суворина въ своихъ комментаріяхъ „циркуляра“ отмѣчаетъ, прежде всего, что, если такое тайное общество существуетъ, то оно „могло бы мѣшать дѣйствовать органамъ полиціи явной и тайной“, т.-е. проводитъ именно ту мысль, которую развивалъ въ своихъ докладахъ передъ высшей властью и графъ Толстой.

Затѣмъ мысль эта выражена еще опредѣленнѣе: существованіе такого Общества,— пишетъ Новое Время,— явилось бы доказательствомъ, что „правительство такъ безсильно, что принуждено терпѣть какое-то тайное Общество“. Чего-нибудь болѣе отвѣчавшаго настроенію Толстого, чѣмъ эти слова, трудно было и придумать.

Далѣе гр. Валуевъ пишетъ, что „генералъ Оржевскій и Плеве разослали нѣчто въ этомъ родѣ, между прочимъ, студентамъ“. И газета г. Суворина сообщаетъ, что циркуляръ получили „многіе студенты и курсистки“.

Все это и многое другое можетъ отвѣтить на вопросъ объ источникахъ храбрости г. Суворина: вѣдь судьбы журналистики находились въ рукахъ Толстого и, оказывая ему столь существенную услугу, можно было смѣло разсчиты-

---

чтобы знаменитый жандармъ былъ ужъ такъ простъ или игривъ, чтобы, основавъ новую крамолу, далъ свой адресъ въ такомъ курьезномъ видѣ. Очевидно, кто-нибудь, захвативъ прокламацію новой крамолы, перегектографировалъ ее, прибавилъ адресы газетъ и Н. И. Кіедуса. Но зачѣмъ? Чтобы пошутить надъ г. Судейкинымъ и его крамолой? Или чтобы подорвать ее? Но кто это и зачѣмъ? Мудрый Эдипъ, разрѣши! Вѣнскія газеты ставятъ въ какую-то связь съ этой исторіей гр. Павла Шувалова. Но вѣнскія газеты страшно врутъ, говоря о русскихъ дѣлахъ“. (Вольное Слово 23 декабря 1882 г., № 51).

Это было напечатано въ послѣднемъ номерѣ журнала Вольное Слово, издававшагося подъ редакціей нѣкоего Мальшинскаго (съ 1 января 1883 г. ея редакторомъ сталъ М. П. Драгомановъ). О Вольномъ Словѣ мы будемъ еще говорить ниже подробно, а теперь обратимъ только вниманіе на его стремленіе выгородить изъ этой „исторіи“ графа Павла Шувалова. О статьѣ Новаго Времени были сообщенія съ коментаріями во многихъ европейскихъ газетахъ: Pester Lloyd, Neue Freie Presse, Times и др.

вать не на кару за „продерзости“, а на благосклонное одобреніе могущественнымъ министромъ.

Но что значитъ адресъ для пожертвованій на имя „Маіора“ и для переписки на имя „Н. И. Кіедуса“? Вѣдь газета Суворина совершенно права, говоря, что такія указанія слишкомъ прозрачны и что майоръ Судейкинъ,—онъ имѣлъ тогда именно чинъ майора,—былъ вовсе „не такъ наивенъ, чтобы скрываться подъ такимъ школьнымъ псевдонимомъ“.

Анализъ и этого обстоятельства приводитъ къ любопытнымъ заключеніямъ.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется одинъ подлинный циркуляръ Священной Дружины и мы свѣряли его съ напечатаннымъ въ Новомъ Времени. Они тождественны слово въ слово, но безъ разбора циркуляры Дружины, разумѣется, не разсылались и о пожертвованіяхъ на имя „Маіора“ въ нихъ нѣтъ и помину. Это придѣлано. Кѣмъ?

Далѣе самъ авторъ нововременской статьи говоритъ, что на имѣющемся въ Новомъ Времени гектографированномъ изданіи „циркуляра“ [1]) послѣ адреса на имя „Маіора“ для пожертвованій (повторяемъ, придѣланнаго)—другою рукою и обыкновенными чернилами написано слѣдующее: „Адресъ: главный почтамтъ, Н. И. Кіедусу. До востребованія“.

Итакъ, циркуляромъ „Дружины“, дѣйствовавшей и какъ О. Б. П. Т. (Общество Борьбы Противъ Террора) кто-то воспользовался для своихъ цѣлей.

Кто? Не трудно догадаться, что къ этому дѣлу „руку приложили“ тѣ, въ чьей груди уже давно клокотала злоба противъ „лигистовъ“ какъ противъ своихъ конкуррентовъ.

Съ этимъ заключеніемъ съ перваго взгляда не вяжется помѣщенный въ 1883 году въ заграничномъ журналѣ Вѣстникъ Народной Воли разсказъ о томъ, что циркуляръ этотъ разослала изъ шалости одна группа молодыхъ людей и, такимъ образомъ, на основаніи этого разсказа можно подумать, что агенты Толстого были здѣсь не причемъ, но это только съ перваго взгляда.

---

[1]) Подлинный циркуляръ Дружины былъ отпечатанъ на почтовой бумагѣ большого формата.

Гектографированный циркуляръ Дружины былъ, дѣйствительно, тогда кружкомъ молодежи во главѣ съ нынѣ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ г. Ш. разосланъ, но, какъ разсказывалъ пишущему эти строки самъ г. Ш., а равно и принимавшій въ этомъ также непосредственное участіе нынѣ извѣстный судебный дѣятель г. А., разсылка сопровождалась такими обстоятельствами.

Кружку удалось добыть подлинный циркуляръ Дружины съ печатью О. Б. П. Т. Не зная толкомъ, что это за циркуляръ и приписавши его Судейкину, кружокъ рѣшилъ воспроизвести текстъ циркуляря путемъ гектографа и приставить адресъ „Кіедуса“. Сказано—сдѣлано. Но какъ быть съ печатью? Г. А. взялся устранить и это затрудненіе, для чего и обратился къ умѣвшему рѣзать печати своему знакомому Владиміру Дегаеву. „Володя“ же, какъ и его впослѣдствіи знаменитый братъ Сергѣй, находился уже и тогда „съ благими цѣлями“ въ сношеніяхъ съ Судейкинымъ. [1])

---

[1]) О сношеніяхъ Владиміра Дегаева съ Судейкинымъ см. статью А. П. Прибылевой-Корбы „Сергѣй Петровичъ Дегаевъ“. Былое. 1906 г. апрѣль. А. П. Корба рисуетъ эти сношенія въ очень мягкихъ для Вл. Дегаева тонахъ. Но, вѣдь, данный случай былъ именно одинъ изъ такихъ, сообщить о которыхъ Судейкину при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находился къ нему Вл. Дегаевъ, было весьма возможно, не компрометируя себя особенно ни передъ тою, ни передъ другою стороною, ибо дѣло съ внѣшней стороны представлялось совсѣмъ пустячнымъ. О. С. Любатовичъ въ своихъ мемуарахъ мнѣнія о Вл. Дегаевѣ гораздо худшаго, чѣмъ А. П. Корба и считаетъ его виновнымъ въ прямой передачѣ Судейкину свѣдѣній изъ революціоннаго міра. Сергѣй Дегаевъ завелъ (черезъ „Володю“) также знакомство съ Судейкинымъ еще съ весны 1882 года. Мѣстомъ паденія Сергѣя была безъ сомнѣнія одесская тюрьма уже въ декабрѣ 1882 года,—до того времени, никакихъ данныхъ объ его предательствѣ не существуетъ,—но въ такомъ „невинномъ“ дѣлѣ, какъ въ борьбѣ съ дружинниками, и Сергѣй при знакомствѣ съ Судейкинымъ уже и тогда могъ принять участіе. Тотъ или другой изъ Дегаевыхъ, но очень вѣроятно, что именно одинъ изъ нихъ,—Судейкина о шалости молодежи въ извѣстность поставилъ. „Зачѣмъ щадите вы Вл. Дегаева,—писалъ мнѣ по поводу моего предположенія, что это сдѣлалъ именно Сергѣй (въ Рус. Мысли), одинъ изъ самыхъ крупныхъ народовольцевъ того времени,—нравственно онъ такой же, какъ и Сергѣй“. Принимая во вниманіе, что, какъ положительно сообщилъ мнѣ г. А., печать для воспроизведенія циркуляра, по его, г-на А., просьбѣ, вырѣзалъ Вл. Дегаевъ, принимая

Разъ же Судейкинъ узналъ отъ одного изъ братьевъ Дегаевыхъ о предполагаемой шалости молодежи, онъ за нее схватился, какъ за превосходное средство скомпрометировать „лигистовъ".

Расчетъ враговъ „лигистовъ" оказался совершенно вѣренъ. Хотя Судейкинъ и зналъ лицъ, умножившихъ на гектографѣ и разославшихъ циркуляръ Дружины, но никто изъ нихъ ни въ малѣйшей степени потревоженъ не былъ. Хотя газета Суворина и изругала не только придворныхъ князей и графовъ, но и лицъ много выше ихъ стоявшихъ „бездѣльниками", „шантажистами", „шутами" и проч., но никакой кары со стороны графа Толстого Новому Времени за это, разумѣется, не послѣдовало. Кружокъ молодежи просто хотѣлъ пошалить; г. Суворинъ дѣйствовалъ разумѣется, съ опредѣленными намѣреніями. Въ Дружинѣ произошелъ, дѣйствительно, очень большой „переполохъ",—у насъ имѣются свѣдѣнія, что объ этомъ инцидентѣ въ центральныхъ учрежденіяхъ Дружины велось цѣлое слѣдствіе,—суворинская бомба попала прямо въ цѣль, и корабль Дружины пошелъ ко дну.

Послѣ опубликованія циркуляра Дружины Толстому уже не трудно было представить Государю, къ какимъ, молъ, пріемамъ прибѣгаютъ дружинники, какъ компрометируютъ они полицію, ибо легкомысленные люди принимаютъ этотъ циркуляръ, какъ за исходящій дѣйствительно отъ Н. И. Кіедуса, т. е. Судейкина,—а ни онъ, ни Плеве, ни Оржевскій тутъ, конечно, не при чемъ, что дѣло получило страшно скандальную огласку и что, слѣдовательно, Дружину надо упразднить совершенно.

Черезъ нѣсколько дней всѣ члены Дружины получили слѣдующее циркулярное письмо: [1])

„Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Брокъ прочелъ

во вниманіе существовавшее уже тогда знакомство обоихъ братьевъ Дегаевыхъ съ Судейкинымъ, принимая во вниманіе всѣ дальнѣйшія по этому дѣлу обстоятельства, сообщеніе однимъ изъ Дегаевыхъ Судейкину о затѣѣ кружка молодежи по своей вѣроятности приближается уже къ несомнѣнности.

[1]) Опубликованъ нами впервые въ мартовской книжкѣ Русской Мысли за 1911 годъ.

мнѣ письмо г. министа внутреннихъ дѣлъ на имя Воронцова-Дашкова, въ которомъ графъ Толстой, по приказанію Государя Императора передаетъ монаршее благоволеніе всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя вошли въ составъ общества, имѣвшаго цѣлью охрану Особы Его Величества и борьбу съ крамолою.

„При этомъ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, дальнѣйшая дѣятельность означеннаго общества по Высочайшему Государя Императора повеленію прекращется.

„Сообщается о семъ кому слѣдуетъ.

Флигель-адъютантъ гр. Пав. Шуваловъ".

Изъ этого документа уже совершенно ясно слѣдуетъ что функціи „охраны Особы Его Величества" и „борьбы съ крамолой" исполняло одно и то же общество т. е., что „Добровольная Охрана" и „Священная Дружина" составляли не два отдѣльныхъ, а единое учрежденіе.

Вышеприведенная статья Новаго Времени явилась въ русской легальной прессѣ единственною, въ которой явственно говорилось о Священной Дружинѣ. Другіе органы печати столь „щекотливой темы" и касаться, разумѣется, не могли. Да и статью Новаго Времени особымъ циркуляромъ главнаго управленія по дѣламъ печати въ самый день ея появленія воспроизводить и коментировать было воспрещено. [1]) Это было, конечно, въ порядкѣ вещей: на кого слѣдуетъ надлежащее впечатлѣніе статьей Новаго Времени было произведено, а остальнымъ смертнымъ,—зачѣмъ имъ знать столь сокровенныя вещи, зачѣмъ ненужные толки, зачѣмъ вредный соблазнъ?... И пресса молчала. Намекнулъ въ январьской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ за 1883 годъ на всю эту исторію съ циркуляромъ Дружины одинъ только нашъ

[1]) Циркуляръ этотъ гласилъ: „не помѣщать никакихъ свѣдѣній и разсужденій о существующемъ будто бы тайномъ обществѣ, поставившемъ себѣ задачею дѣйствовать противъ террористовъ. (См. списокъ секретныхъ циркуляровъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати за 1881 и 1882 года въ „Хроникѣ внутренней жизни", помѣщенной въ Приложеніи къ Листку Народной Воли №1. Перепечатанъ въ сборникѣ „Литература партіи Народной Воли", стр. 615). Прелестно это „будто бы"...

знаменитый сатирикъ. По поводу именно этого циркуляра, въ которомъ Дружина говорила о своихъ „связяхъ“, Щедринъ писалъ въ „Современной Идилліи“, что послѣ того, какъ Глумовъ и К⁰, совершивши уйму преступленій, пришли на постоялый дворъ, то тамъ они нашли ожидавшій ихъ пакетъ. „Вскрыли и не вѣрили глазамъ своимъ... отъ Клуба Взволнованныхъ Лоботрясовъ! Освѣдомившись о нашихъ усиліяхъ вступить на стезю благонамѣренности, клубъ по собственному почину записалъ насъ всѣхъ шестерыхъ въ число своихъ членовъ съ обложеніемъ соотвѣтствующею данью... А именно купецъ Парамоновъ обязуется вносить ежегодно по 25 тысячъ, Степушкина—по 10 тысячъ, а всѣ прочіе по 10 рублей. Причемъ давалось намъ знать: а) что всѣ содѣянныя нами преступленія прощаются намъ навсегда и б) что взносы могутъ быть производимы и фальшивыми кредитками, такъ какъ лоботрясы, имѣя прочныя связи во всѣхъ слояхъ общества, берутся сбывать ихъ за настоящія.—Глумовъ!,—воскликнулъ я въ восторгѣ,—смотри! Лоботрясы простили насъ! А мы то унывали... маловѣры!“... Это было не въ бровь, а въ глазъ... [1])

Такъ закончила свои дни, по крайней мѣрѣ, какъ цѣлое сообщество, пресловутая организація „мужественныхъ добровольцевъ“.

Лейбъ-полицейскій историографъ генералъ Шебеко въ своей „Хроникѣ“, разумѣется, ни о какихъ, связанныхъ съ паденіемъ Священной Дружины, обстоятельствахъ ничего не разсказываетъ и, отмѣтивши лишь, что „кружокъ добровольцевъ“ просуществовалъ „до осени 1882 года“, комментируетъ это сообщеніе въ слѣдующихъ немногихъ, но полныхъ сознанія собственнаго достоинства словахъ: „въ эту

---

[1]) По этому поводу В. Л. Бурцевъ писалъ намъ слѣдующее: „я былъ (въ 1882 году) студентомъ петербургскаго университета, когда прокломаціи, о которыхъ вы пишете въ мартовской книжкѣ Русской Мысли, были разбросаны. Одинъ мой товарищъ пошелъ въ концѣ ноября къ Щедрину и сказалъ: „Михаилъ Евграфовичъ! Посмотрите, что они съ нами дѣлаютъ. Отзовитесь!“ Щедринъ, безнадежно махнувъ рукой, сказалъ, что цензура ничего не дастъ напечатать по этому поводу. Но онъ все таки просилъ оставить у него этотъ листокъ, и мы мѣсяца черезъ полтора прочитали въ „Современной Идилліи“ отвѣтъ на листокъ“.

эпоху спокойствіе было возстановлено, (а усиленныя и чрезвычайныя охраны длятся съ того времени непрерывно до нашихъ дней. В. Б.), довѣріе къ правительству возобновилось, тѣ, кто раньше поддерживалъ косвенно живучесть революціоннаго движенія, сторонники псевдолиберальныхъ идей и псевдо-прогресса, сдѣлавшіе изъ послѣдняго культъ неоспариваемаго фетиша, не были больше у дѣлъ и къ голосамъ ихъ не прислушивались". [1])

Наступилъ періодъ вполнѣ „твердой" политики...

---

[1]) Хроника. Русскій переводъ. стр. 189. Очень любопытно, что даже въ такомъ изданіи, какъ шебековская Хроника, о личномъ составѣ организаціи „мужественныхъ добровольцевъ", ихъ faits et gestes ничего не говорится, да и о самомъ существованіи организаціи упоминается лишь глухо, какъ о чемъ-то такомъ, что составляетъ своеобразную „государственную тайну". Между тѣмъ книга Шебеки предназначалась вовсе не для простыхъ смертныхъ. Она была издана, хотя и въ Петербургѣ (въ 1890 году), но на французскомъ языкѣ и всего въ ста экземплярахъ (tiré à 100 exemplaires). Полное ея названіе такое: Chronique du mouvement socialiste en Russie 1878—1887. Redigée sous la direction de l'Adjoint du Ministre de l'intérieur le lieutenant-général Schébéco. XI + 761 ps. Imprimerie officielle du Ministère de l'intérieur à St. Petersbourg, 1890. Книга разсылалась ея издателями лишь особо высокопоставленнымъ лицамъ при надписи: „Confidentiel et exclusivement personel" и, тѣмъ не менѣе, даже и при всемъ этомъ издатели книги сочли необходимымъ набросить на дѣятельность „мужественныхъ добровольцевъ" стыдливый флеръ... Въ 1907 г. шебековская „Хроника" вышла и въ русскомъ переводѣ въ Москвѣ (въ изданіи В. М. Саблина). Въ „Хроникѣ" говорится между прочимъ, что съ 1 іюня 1881 года, въ противовѣсъ всякимъ, распространяемымъ соціалистическою литературою, относительно революціоннаго движенія въ Россіи небылицамъ, такимъ высоко безпристрастнымъ и въ высшей степени компетентнымъ въ исторической наукѣ учрежденіемъ, какъ департаментъ полиціи, предпринято изданіе ежегодныхъ „Обзоровъ" этого движенія. Такіе „Обзоры", разумѣется, секретные и, разумѣется, издававшіеся лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, „составятъ современемъ,—говорятъ авторы „Хроники",—твердую и истинную основу для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи". Значитъ и генералъ Шебеко признавалъ, что должно же когда-нибудь наступить такое время,—когда именно?,—можетъ быть черезъ сто, можетъ быть черезъ двѣсти лѣтъ, но все-таки такое время будетъ,—когда потребуется знаніе „исторіи революціоннаго движенія въ Россіи". Вотъ тогда департаментъ полиціи и предъявитъ, молъ, міру свои историческіе труды... Событія, однако, пошли нѣсколько не такъ, какъ

XI.

Заграничная газета „Вольное Слово“.—„Земскій Союзъ“ и Союзъ псевдо-земскій.—Политическое общество „Вольный Союзъ“. — Провокаторская газета „Правда“. — Еще разъ „мужественные добровольцы“.

Нашъ, конечно, требующій еще многихъ дополненій, очеркъ исторіи борьбы „мужественныхъ добровольцевъ“ съ „крамолою“ былъ бы крайне не полонъ, если бы мы не попытались раскрыть еще одну страничку изъ ихъ дѣятельности,—страничку, на которой не останавливалъ до сихъ поръ своего вниманія ни одинъ изъ историковъ нашей общественности; эта страничка открывается 1881, проходитъ черезъ весь 1882 и захватываетъ даже часть 1883 года, т.-е. продолжается еще и тогда, когда организація „мужественныхъ добровольцевъ“ уже формально перестала существовать.

Мы говоримъ объ извѣстной въ свое время заграничной газетѣ, во главѣ которой стоялъ нѣкоторое время покойный М. П. Драгомановъ,—Вольное Слово. Газета эта,—цѣлый рядъ соображеній, на нашъ взглядъ неопровержи-

---

предполагалъ почтенный генералъ, вслѣдствіе чего не только труды департаментскихъ историковъ увидѣли свѣтъ скорѣе, нежели онъ думалъ, но и,—horribile dictu!,—непоколебимое убѣжденіе генерала въ томъ, что труды эти „составятъ твердую и истинную основу для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“ оказалось, выражаясь казеннымъ слогомъ, „лишеннымъ всякаго основанія“... Мы имѣли счастливую возможность ознакомиться какъ съ французскимъ подлинникомъ труда генерала Шебеки, такъ и со всѣми упоминаемыми въ ней „Обзорами“ департамента полиціи (нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны въ Петербургѣ въ 1906 и 1907 годахъ въ изданіяхъ Русской Исторической Библіотеки) и въ настоящей работѣ источниками этими, конечно, пользовались, но лишь послѣ тщательной критической ихъ провѣрки, въ чемъ они въ высшей степени нуждаются. Почти полное умолчаніе въ „Хроникѣ“ о дружинникахъ, игравшихъ такую крупную роль въ исторіи „крамолы“ 1881 и 1882 года, тому яркое свидѣтельство...

мыхъ, привелъ насъ къ твердому въ томъ убѣжденію,— была тоже дѣтищемъ „мужественныхъ добровольцевъ“.

Самъ Драгомановъ писалъ по поводу Вольнаго Слова такія строки:

„Въ концѣ 1882 года (просимъ читателя обратить вниманіе на эту дату, ибо именно въ это время и происходили всѣ изложенные нами выше переговоры, а затѣмъ и паденіе Дружины. В. Б.) мнѣ было предложено спеціальнымъ делегатомъ „Земскаго Союза“ принять на себя редакцію Вольнаго Слова. Я согласился и старался сдѣлать изъ газеты, первоначально основанной съ цѣлью дать возможность разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи высказывать свободно свои мнѣнія,—прямо органъ агитаціи въ пользу политической свободы съ земскимъ самоуправленіемъ“. [1])

М. П. Драгомановъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, разумѣется, безукоризненный, но, вѣдь, онъ самъ пишетъ, что принялъ Вольное Слово уже какъ наслѣдіе. Отъ кого? Вѣдь весь и вопросъ въ лицахъ, первоначально основавшихъ газету. Кто они?

Газета была основана въ 1881 г. подъ редакціею нѣкоего Аркадія Павловича Мальшинскаго, извѣстнаго тѣмъ, что еще въ 1879 г. онъ составилъ для шефа жандармовъ Дрентельна секретную книгу по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи [2]), разоблаченнаго эмигрантами, возвратившагося послѣ редактированія Вольнаго Слова, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Россію, сотрудничавшаго въ извѣстномъ своимъ „охранительнымъ“ направленіемъ Русскомъ Вѣстникѣ и умершаго 24 іюня 1899 года въ ка-

[1]) М. П. Драгомановъ: „Автобіографія“. Былое, 1906 г., іюнь стр. 206.

[2]) „Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи“. Напечатанъ по распоряженію III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Отъ шебековской Хроники книга Мальшинскаго отличается тѣмъ, что составлена не по подлиннымъ дѣламъ III отдѣленія,—настолько Дрентельнъ, очевидно, Мальшинскому не довѣрялъ,—а по нелегальной литературѣ. Книгу эту мы читали. Отъ другихъ произведеній этого рода она по точкѣ зрѣнія, на которой стоитъ ея авторъ, мало чѣмъ различается.

чествѣ редактора издававшейся въ Петербургѣ, ультра-реакціонной газеты Народъ.

Въ Новомъ Времени тогда же былъ помѣщенъ слѣдующій некрологъ Мальшинскаго:

„24 іюня, вечеромъ, скончался въ Саблинѣ, на дачѣ, издатель газеты Народъ Аркадій Павловичъ Мальшинскій. Покойный окончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета, затѣмъ занимался въ Гейдельбергѣ, изучая политическую экономію. Литературная его дѣятельность была посвящена вопросамъ политико-экономическимъ, демографическимъ и статистическимъ. Онъ велъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1887—1898 г.г. отдѣлъ „Внутренняго Обозрѣнія“. Историческія изслѣдованія также не были чужды покойному. Онъ работалъ въ архивахъ и напечаталъ нѣсколько статей въ Историческомъ Вѣстникѣ и Русскомъ Вѣстникѣ. Арк. Павл. сотрудничалъ въ Порядкѣ Стасюлевича и Берегѣ Цитовича [1]).

[1]) Можетъ быть не всѣ наши читатели знаютъ, что такое Берегъ Цитовича. Въ концѣ 70-хъ годовъ въ Одессѣ проживалъ профессоръ Цитовичъ, прославившійся въ высшей степени „охранительными“ брошюрами: „Отвѣтъ на письма къ ученымъ людямъ“ (Н. К. Михайловскаго), „Что дѣлали въ романѣ „Что дѣлать“, „Реальная критика“ и др. Онъ говорилъ о „безпардонной игрѣ животности“ у дѣятелей 60-хъ и 70-хъ годовъ, объ ихъ нравахъ, „превзошедшихъ нравы лакейской и дѣвичьей“ и т. д. Такая ультра-благонамѣренность не могла, конечно, не обратить на Цитовича вниманія властей, и въ 1880 году ему было поручено организовать въ Петербургѣ „частное изданіе“ въ родѣ современной Россіи. Ближайшимъ сотрудникомъ Цитовича въ газетѣ сдѣлался Дьяковъ - Незлобинъ, ограбившій въ 70-хъ годахъ почту, скрывшійся послѣ этого заграницу, примкнувшій тамъ къ политическимъ эмигрантамъ, но оттуда же начавшій писать разсказы изъ жизни „нигилистовъ“ подъ названіемъ „Кружокъ“ и помѣщать ихъ въ катковскомъ Русскомъ Вѣстникѣ. Потомъ онъ явился въ Россію и, конечно, былъ „прощенъ“. Вотъ эти то два лица и стали вести гатету Берегъ, которая, вызвавши въ обществѣ лишь насмѣшки, прекратилась въ концѣ того же 80 года. Незлобинъ нашелъ себѣ послѣ этого, разумѣется, самый радушный пріютъ на страницахъ Новаго Времени, гдѣ сталъ писать фельетоны подъ псевдонимомъ Житель. Тамъ же онъ написалъ и интересный разсказъ подъ заглавіемъ „Какъ утопили Берегъ“. (Новое Время. 1881 г. № 1753). Въ 11-мъ „Письмѣ къ тетенькѣ“ Щедринъ писалъ о Берегѣ такъ: „Я разомъ проглотилъ два номера и скажу вамъ: двойственное чувство овладѣло мною по прочтеніи. Съ одной стороны въ душѣ—

Одной изъ главныхъ его работъ было изслѣдованіе революціоннаго движенія въ Россіи. Въ 1896 г. Арк. Пав. сталъ выпускать собственную газету Народъ, перешедшую теперь къ его дѣтямъ. Скончался онъ на 59 году". [1])

Газета г. Суворина, разумѣется, благоразумно умолчала не только о Вольномъ Словѣ, но и о томъ, гдѣ именно была напечатана „одна изъ главнѣйшихъ работъ" Мальшинскаго—„изслѣдованіе революціоннаго движенія въ Россіи", а это и есть тотъ, напечатанный, „по распоряженію III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи"—„Обзоръ соціально-революціоннаго движенія въ Россіи", о которомъ мы уже упомянули выше. [2])

Покойный эмигрантъ Элпидинъ въ своемъ „Библіографическомъ каталогѣ" говоритъ о Вольномъ Словѣ такъ:

музыка, а съ другой—какъ будто больше чѣмъ слѣдуетъ въ ретирадѣ замечтался. И надо откровенно сознаться, послѣднее изъ этихъ чувствъ, преобладаетъ... Вижу подписано: „редакторъ-издатель Ноздревъ", но искусно пущенный подъ рукою слухъ сдѣлалъ извѣстнымъ, что главный воротило въ газетѣ публицистъ Искаріотъ. Не тотъ, впрочемъ, Искаріотъ, который удавился, а приблизительно". (Сочиненія М. Е. Салтыкова Изд. 1892 г., стр. 507 и 510). Вотъ въ этомъ то „частномъ изданіи" и подвизался Мальшинскій. Что касается его будто бы сотрудничества въ Порядкѣ Стасюлевича, то по этому поводу Л. З. Слонимскій писалъ намъ такія строки: „Имя Мальшинскаго мнѣ совершенно неизвѣстно и я абсолютно не помню, помѣщались ли когда нибудь его статьи въ Порядкѣ. Случайнымъ сотрудникомъ онъ могъ быть, такъ какъ въ газетѣ приходится часто печатать корреспонденціи, статьи и замѣтки разныхъ незнакомцевъ, относительно которыхъ редакція не имѣетъ никакихъ свѣдѣній,—если содержаніе статей само по себѣ не даетъ повода къ какимъ либо сомнѣніямъ". Отсюда видно, что о „сотрудничествѣ" Мальшинскаго въ Порядкѣ, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи, но распространять о себѣ и такія свѣдѣнія для Мальшинскаго имѣло, конечно, свое значеніе. Вѣдь, Порядокъ издавался еще до того времени, когда Мальшинскій уѣхалъ заграницу мистифицировать Драгоманова своимъ „либерализмомъ" и принадлежностью къ „Земскому Союзу".

[1]) Новое Время. 1899 г. № 8378.

[2]) Этимъ „Обзоромъ" Мальшинскаго, какъ и „Хроникой" Шебеко, пользовался при составленіи біографіи Александра II С. Татищевъ напечатанной въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ" а потомъ и въ отдѣльномъ изданіи. См. списокъ источниковъ, которыми Татищевъ пользовался, въ I томѣ Словаря на стр. 892 подъ №№ 106 и 107.

„Въ журналѣ было два редактора,—одинъ пріѣзжій изъ Петербурга, другой эмигрантъ, приватъ-доцентъ кіевскаго университета Мих. Драгомановъ".—Этотъ „пріѣзжій", какъ слѣдуетъ далѣе изъ разсказа Элпидина, и былъ Мальшинскій, котораго онъ называетъ прямо по имени. [1])

Вольное Слово, видимо, было обставлено прилично въ матеріальномъ отношеніи, отличалось значительнымъ разнобразіемъ получавшихся изъ Россіи свѣдѣній и ставило одною изъ своихъ главныхъ задачъ, на-ряду съ борьбою за политическую свободу и борьбу съ терроромъ. Сотрудниками газеты были, съ одной стороны, такіе безусловно преданные дѣлу свободы и демократіи люди, какъ самъ М. П. Драгомановъ, а съ другой стороны не безъизвѣстный „спеціалистъ по славянскимъ дѣламъ", нынѣшній сотрудникъ Новаго Времени г. Веселитскій-Божидаровичъ. [2])

Вскорѣ въ издававшемся въ тоже время заграницею журналѣ Общее Дѣло (подъ редакціею Н. А. Бѣлоголоваго, В. А. Зайцева и А. Х. Христофорова) стали появляться прямыя обвиненія противъ Мальшинскаго, какъ противъ полицейскаго агента. „Мальшинскій — сообщаетъ въ письмѣ къ пишущему эти строки и понынѣ здравствующій А. Х. Христофоровъ, — долго отмалчивался и, наконецъ, заявилъ, что онъ дѣйствительно написалъ для правительства „Записку о состояніи умовъ въ Россіи", но съ благими цѣлями, полицейскимъ же агентомъ онъ вовсе не является".

Въ томъ же письмѣ А. Х. Христофоровъ писалъ намъ, что, „явившись въ 1881 году заграницу и основавши тамъ газету, Мальшинскій выдавалъ себя за члена „Земскаго Союза", органомъ котораго и являлась будто бы газета Вольное Слово".

Что же это за „Земскій Союзъ", о которомъ идетъ рѣчь, и былъ ли имъ посылаемъ заграницу Мальшинскій?

Для уясненія этого обстоятельства намъ нужно нѣсколько отступить отъ нашей прямой темы и сдѣлать экскурсію

---

[1]) Библіографическій каталогъ. Профили редакторовъ и сотрудниковъ. Женева. 1906 г., стр. 14—15.

[2]) См. Бурцевъ—„За сто лѣтъ" стр. 110, а также вышеназванный „Каталогъ" Элпидина, стр. 14—15.

въ область столь мало обслѣдованнаго въ нашей литературѣ вопроса о земскомъ движеніи въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. [1])

Въ настоящей работѣ намъ уже не разъ приходилось касаться секретнаго правительственнаго документа, носящаго курьезное названіе „О противоправительственныхъ сообществахъ, не столь вредныхъ". Въ документѣ этомъ находится по обыкновенію не мало и „вздора чистаго", но есть въ немъ и крупица правды, за выясненіемъ которой мы и обращались къ нѣсколькимъ извѣстнымъ земскимъ дѣятелямъ того времени.

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, считаемъ нужнымъ привести полностью вышеупомянутую „Записку о противоправительственныхъ обществахъ не столь вредныхъ", ибо лишь изъ сопоставленія ея съ другими данными станутъ болѣе ясны нѣкоторые изъ интересующихъ насъ фактовъ.

Документъ этотъ гласитъ слѣдующее:

> Независимо отъ соціально-демократическаго (народническаго) [2]) предпріятія, извѣстнаго подъ наименованіемъ „Земельной Лиги", предметомъ настоящаго дознанія является противоправительственное сообщество „Земскаго Союза", существованіе коего извѣстно полиціи съ 1878 года. Хотя означенное сообщество не имѣло до сихъ поръ прямого соприкасательства къ народовольческой (террористической) партіей и вслѣдствіе сего отнесено, согласно секретному распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 января 1882 года, къ категоріи сообществъ, не столь вредныхъ, однако, въ разсужденіи общественнаго и служебнаго положенія многихъ лицъ, несомнѣнно, къ оному принадлежащихъ, а также въ виду сомнительности кажущейся благонадежности и неуловимости многихъ пріемовъ, употребляемыхъ названнымъ сообществомъ, невозможно не признать оное безусловно опаснымъ явленіемъ нашей общественной жизни.

---

[1]) На почти полное отсутствіе документовъ, матеріаловъ и мемуаровъ, относящихся къ земскому движенію 70-хъ и 80-хъ годовъ, жалуются всѣ занимавшіеся этимъ вопросомъ писатели. См. книгу А. А. Корнилова: „Общественное движеніе при Александрѣ II". Москва, 1909 г., стр. 241, также біографическій очеркъ „Викторъ Александровичъ Гольцевъ" Ч. Вѣтринскаго въ сборникѣ „Памяти В. А. Гольцева". М., 1910 г., стр. 35, и книгу И. П. Бѣлоконскаго: „Земское движеніе и конституція". М., 1910 г., стр. 9.

[2]) Да не подумаетъ читатель, что взятое въ скобки слово „народнической" принадлежитъ намъ; нѣтъ, мы воспроизводимъ „записку" текстуально,—во всей ея дѣвственной непорочности.

Изъ прилагаемыхъ при семъ показаній и документовъ, а также изъ содержанія перехваченнаго письма, адресованнаго отъ неизвѣстнаго лица въ Кларанъ (Швейцарія), на имя г-жи Помелко, представляется возможнымъ установить слѣдующія, едва ли подлежащія сомнѣнію, обстоятельства:

Въ концѣ 70-хъ годовъ нѣсколько человѣкъ „земскихъ дѣятелей" различныхъ губерній задумали установить нѣкоторую солидарность между дѣятельностью отдѣльныхъ земствъ, съ каковою цѣлью они учредили небольшіе съѣзды наиболѣе выдающихся земцевъ, встрѣчавшихся каждую осень въ Москвѣ, Кіевѣ или Харьковѣ.

Кіевскій съѣздъ, состоявшійся въ концѣ декабря 1878 года, на которомъ, въ качествѣ делегатовъ отъ Южно-Русскихъ соціально-революціонныхъ партій, были приглашены нѣкоторые изъ наиболѣе закоснѣлыхъ украинофиловъ,—обратилъ на себя вниманіе мѣстнаго Жандармскаго Управленія, вслѣдствіе не вполнѣ осторожныхъ распоряженій коего дальнѣйшіе съѣзды были обставлены всевозможными мѣрами предосторожности. На земскихъ съѣздахъ преимущественно подвергали обсужденію наиболѣе цѣлесообразныя мѣры для достиженія возможно широкой земской автономіи. Насколько намъ извѣстно, на съѣздѣ 1880 года, участвовало нѣсколько членовъ такъ называемой „Либеральной Лиги", благодаря вліянію коихъ земцы включили въ свою программу слѣдующій пунктъ: „необходимость добиться центральнаго народнаго представительства, при непремѣнномъ условіи: одной Палаты и всеобщаго голосованія". Послѣ 1 марта 1881 года, освѣдомившись, что „Либеральная Лига" не отказываетъ сообществу „Народной Воли" въ нѣкоторой поддержкѣ (денежными взносами и укрывательствомъ), земцы собрались въ Харьковѣ въ числѣ до 30 человѣкъ и рѣшились совершенно отдѣлиться отъ „Лиги" и дѣйствовать самостоятельно. Вмѣстѣ съ тѣмъ была выработана программа, представляющая изъ себя довольно объемистое сочиненіе, отлитографированное въ весьма незначительномъ числѣ экземпляровъ и получившее названіе „Программы Земскаго Союза 1881 года".

Содержаніе этой программы сводится къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Отрицаніе террора „правительственнаго" и революціоннаго.

2) Упраздненіе подушной подати и уравненіе налоговъ, податей и повинностей.

3) Децентрализація Государственнаго Управленія по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ.

4) Центральное народное представительство „въ смыслѣ полноправнаго законодательнаго органа", ограничивающаго и прямо упраздняющаго Самодержавную Его Императорскаго Величества власть.

Хотя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ подлинная программа „Земскаго Союза“ испещрена увѣреніями въ вѣрно-подданническихъ чувствахъ преданности Престолу и Отечеству, а также постоянными указаніями на благоразуміе и охранительное настроеніе огромнаго большинства русскаго народа, однако слѣдуетъ признать, что означенныя увѣренія и указанія до такой степени не вяжутся съ вышеизложенною программою, что таковыя должны, по совѣсти, быть признаны если не обманчивыми, то, по малой мѣрѣ, натянутыми. Къ тому же, съѣздомъ 1881 года рѣшено эту программу проводить всѣми мѣрами: 1) вліяніемъ на правительственныхъ лицъ; 2) устною пропагандою въ интеллигентной средѣ и 3) воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе путемъ печати. Непремѣннымъ условіемъ такого рода пропаганды признана абсолютная осторожность.

Вліяніе на правительственныхъ лицъ въ означенномъ направленіи приняло на себя небольшое число пропагандистовъ, принадлежащихъ къ такъ называемому высшему обществу и имѣющихъ, по своему положенію, возможность исподволь проводить идею федеративнаго конституціонализма въ высшихъ и даже въ придворныхъ сферахъ. Эта группа составляетъ, по номенклатурѣ изслѣдуемаго общества, крайнюю его правую сторону; она имѣетъ въ виду доказать преданность конституціоналистовъ монархическому принципу и даже готовность ограждать личность монарха отъ преступныхъ покушеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта группа имѣетъ соприкасательство съ С.-Петербургскимъ Обществомъ Добровольной Охраны. Извѣстно, что съ января мѣсяца 1882 года названное общество вступило въ соглашеніе съ такъ называемою Священною Дружиною; въ силу сего соглашенія общество Добровольной Охраны обязалось лично ограждать Священную Особу Государя Императора отъ преступныхъ покушеній, не принимая участія въ преслѣдованіи какихъ бы то ни было политическихъ убѣжденій. Послѣдняя оговорка не представляетъ діаметральнаго противорѣчія съ вышеизложенной программой Земскаго Союза.

Устная пропаганда въ „интеллигентной“ средѣ не представляется возможною членамъ союза въ виду ихъ ультралегальнаго положенія, вслѣдствіе чего она возложена на извѣстное число посредниковъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ свободнымъ профессіямъ. Имѣются указанія, что для огражденія этихъ посредниковъ отъ правительственнаго преслѣдованія выработанъ „особый пріемъ“. Пріемъ этотъ основывается на соприкасательствѣ одной изъ группъ „Союза“ къ Добровольной Охранѣ, дающемъ возможность представить дѣятельность посредниковъ въ видѣ агентурной „провокаторской“ работы, обезпечивающей ихъ вполнѣ отъ подозрѣнія полиціи.

Воздѣйствіе на общественное мнѣніе путемъ печати представляло наиболѣе серьезныя затрудненія. Печатаніе отдѣльныхъ

статей въ различныхъ газетахъ изображало мнѣніе „союза“ въ отрывочномъ видѣ. Соглашеніе съ одною изъ существующихъ газетъ или основаніе новой легальной газеты не обѣщали лучшихъ результатовъ, такъ какъ съ увольненіемъ гр. Лорисъ-Меликова „даже междустрочная пропаганда сдѣлалась невозможною“. При таковыхъ условіяхъ было рѣшено издавать русскую газету за границею, причемъ признано необходимымъ: 1) маскировать всякое соотношеніе между означенною газетою и союзомъ, искусственно приписавъ газетѣ значеніе революціоннаго органа или, въ крайнемъ случаѣ, полицейскаго предпріятія, 2) учредить нелегальную перевозку газеты черезъ границу. Для приведенія этого плана въ исполненіе было избрано 3 уполномоченныхъ отъ Земскаго Союза, имена коихъ предположительно указаны въ приложеніи. На первыхъ же порахъ обнаружилось, что означенное предпріятіе представляетъ нѣкоторые шансы на успѣхъ въ томъ только случаѣ, если къ дѣлу будутъ привлечены опытныя революціонныя силы, искусившіяся въ конспиративной работѣ.

Для этого пришлось обратиться къ содѣйствію одного изъ вышеупомянутыхъ посредниковъ. Нѣкто Крапивинъ (псевдонимъ) отправился въ Парижъ и вступилъ по сему предмету въ переговоры съ извѣстнымъ эмигрантомъ Петромъ Лавровымъ. Съ первыхъ же словъ оказалось невозможнымъ разсчитывать на его содѣйствіе, ввиду явнаго его сочувствія террористической фракціи. Послѣ сего Крапивинъ отправился въ Женеву, гдѣ удалось завязать сношенія съ проживающимъ тамъ эмигрантомъ, бывшимъ проф. Кіевскаго Университета Драгомановымъ, украинофиломъ, умѣреннымъ революціонеромъ и по свидѣтельству (имя шифромъ) „человѣкомъ не только обширнаго ума и образованія, но вполнѣ цивилизованнымъ и до тонкости совѣстливымъ“.

Результатомъ этихъ сношеній было рѣшеніе, принятое съ обѣихъ сторонъ, издавать подъ негласнымъ руководствомъ Драгоманова еженедѣльную газету Вольное Слово, программа коей представляется компромиссомъ между программою Земскаго Союза и политическими убѣжденіями Драгоманова. При семъ достойно вниманія, что газета стала издаваться до окончательнаго заключенія компромисса, и лишь только удалось установить соглашеніе по слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) противодѣйствіе террору и пропаганда въ пользу чистоты политическихъ нравовъ, 2) замѣна губерній областями и 3) исключеніе изъ передовыхъ статей „Вольнаго Слова“ соціалистическихъ доктринъ. Соглашеніе по прочимъ пунктамъ состоялось не раньше декабря 1881 года.

Въ настоящее время, въ виду строгихъ мѣръ, принимаемыхъ на границахъ, „Земскій Союзъ“ находитъ затруднительнымъ дальнѣйшій ввозъ заграничной газеты и распространеніе оной въ Россіи. Затрудненіе это усугубляется еще тѣмъ, что, по мнѣнію

нѣкоторыхъ членовъ союза, въ число перевозчиковъ „втерся шпіонъ Государственной Полиціи". Въ виду этого земцы намѣреваются воспользоваться отношеніями, завязанными съ революціонною партіею, для перенесенія своей публицистической дѣятельности изъ-за границы въ Россію, въ видѣ нелегальной газеты, издающейся кружкомъ, солидарнымъ съ союзомъ по убѣжденіямъ, но организованнымъ на такихъ началахъ, которыя, въ случаѣ неудачи, вполнѣ предохранили бы организацію союза и личный составъ онаго отъ разоблаченій.

Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшее производство секретнаго дознанія пополнитъ имѣющіяся нынѣ, не вполнѣ достаточныя, свѣдѣнія о значеніи и цѣляхъ сообщества Земскаго Союза и дастъ возможность составить точный и подробный списокъ лицъ, имѣющихъ къ оному прямое или косвенное соприкасательство. Необходимо при семъ высказать, что, хотя означенное сообщество представляется, на первый взглядъ, принадлежащимъ къ категоріи не столь вредныхъ, но въ разсужденіи близости и постоянныхъ отношеній онаго къ обществу Добровольной Охраны,— пользующемуся, по всѣмъ видимостямъ, особымъ довѣріемъ Монарха,—оно достойно бдительнѣйшаго наблюденія со стороны Государственной полиціи. Предположеніе о потворствѣ или укрывательствѣ въ пользу Земскаго Союза со стороны Добровольной Охраны представляется, конечно, весьма невѣроятнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть о томъ: 1) что высокое положеніе нѣкоторыхъ изъ членовъ сей Охраны мѣшаетъ привлеченію ихъ къ дознанію, конечно, не въ видѣ обвиняемыхъ, но лишь въ качествѣ свидѣтелей; и 2) что сопричисленіе Земскаго Союза, согласно секретному распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 15 января 1882 года, къ категоріи противоправительственныхъ обществъ, не столь вредныхъ, и подчиненіе дальнѣйшихъ разслѣдованій по сему предмету особымъ правиламъ, изложеннымъ въ означенномъ секретномъ распоряженіи, лишаетъ настоящее дознаніе содѣйствія исполнительныхъ полицейскихъ органовъ, безъ помощи коихъ едва-ли окажется возможнымъ освѣтить съ надлежащею ясностью всѣ отношенія и развѣтвленія разслѣдуемаго общества. [1])

[1]) „Записка" эта была напечатана въ іюльскомъ № (54) заграничнаго журнала Общее Дѣло за 1883 годъ и перепечатана въ апрѣльской книжкѣ петерб. журнала Былое за 1906 г. При ней было нѣсколько „приложеній", изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующія извлеченія. Приложеніе лит. Б.: „Программа Земскаго Союза 1881 г., литографированная или гектографированная на 67 страницахъ, находилась въ рукахъ трехъ секретныхъ сообщителей, никакихъ отношеній другъ съ другомъ не имѣющихъ и показанія коихъ по сему предмету сходятся до подробностей. Фактическая сторона ея сводится къ слѣд. пунктамъ: 1) отрицаніе террора правительственнаго и революці-

Къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ частей этой „Записки“ мы перейдемъ ниже. Теперь же намъ надо обратиться къ тому, что происходило въ то время не среди лицъ, самозванно величавшихъ себя „земцами“,—въ организаціяхъ, о которыхъ говоритъ „Записка“, дѣйствительныхъ земскихъ дѣятелей совершенно не было,—а къ доподлинному движенію въ доподлинной земской средѣ. Мы уже сказали выше, что за выясненіемъ вопроса о земскихъ нелегальныхъ организаціяхъ и вообще земскомъ движеніи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ мы обращались къ нѣсколькимъ извѣстнымъ земскимъ дѣятелямъ и получили отъ нихъ рядъ весьма важныхъ по этому предмету свѣдѣній.

Среди такихъ дѣятелей особенно важныя, цѣнныя и обстоятельныя свѣдѣнія далъ въ письмѣ къ намъ по интере-

---

оннаго. 2) Упраздненіе подушной подати и выкупныхъ платежей. 3) Децентрализація государственнаго управленія по всесословнымъ общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ. 4) Центральное народное представительство не въ смыслѣ совѣщательнаго, но полноправнаго законодательнаго органа. Земскій Соборъ, состоящій изъ двухъ палатъ, засѣдающихъ вмѣстѣ лишь въ качествѣ учредительнаго собранія. Верхняя палата отъ областныхъ земствъ, снабженныхъ „обязательнымъ полномочіемъ“, нижняя—изъ депутатовъ отъ особыхъ избирательныхъ съѣздовъ. Приложеніе лит. В.: „Благодаря счастливой случайности, представилась возможность познакомиться съ нѣкоторыми выдержками изъ программы Земскаго Союза 1881 г., дающими понятіе о мнимовѣрноподданическомъ слогѣ сего сочиненія, скрывающемъ замыслы, если не прямо революціонные, то во всякомъ случаѣ въ высшей степени неблагонамѣренные. А именно: согласно показаніямъ двухъ изъ упомянутыхъ въ приложеніи Б. секретныхъ сообщителей, предисловіе и заключеніе подлинной программы Земскаго Союза заключаетъ въ себѣ мѣста, почти слово въ слово сходящіяся съ частною запискою (имя шифромъ), поданною на Высочайшее имя 23 мая 1881 года и переданною на заключеніе г. министра вн. дѣлъ. Выписки изъ упомянутой записки приводятся здѣсь, конечно, не съ тѣмъ, чтобы бросить какую-либо тѣнь на вѣрноподданическія чувства автора записки, пользующагося личнымъ довѣріемъ Государя Императора, но лишь съ цѣлью ознакомиться съ литературнымъ произведеніемъ, въ которомъ (по показанію 2-хъ свидѣтелей) дословно повторяются цѣлыя разсужденія, встрѣчающіяся въ программѣ Земскаго Союза и тѣмъ самымъ освѣтить замыслы противозаконнаго общества, подлежащаго настоящему секретному дознанію, тѣмъ болѣе, что подлинная программа сего сообщества не подлежала разсмотрѣнію Департамента Государственной полиціи“.

сующему насъ вопросу извѣстный общественный дѣятель И. И. Петрункевичъ Изъ этого письма мы и приведемъ здѣсь слѣдующія выдержки.

На вопросъ: „когда и гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ организовался „Земскій Союзъ“, И. И. Петрункевичъ отвѣчалъ:

„Если не ошибаюсь, идея (подчеркнуто въ подлинникѣ) Земскаго Союза возникла впервые въ 1878 году среди земцевъ Черниговской губерніи послѣ войны за освобожденіе славянъ, когда правительство, давши Болгаріи конституцію, у себя все болѣе и болѣе уклонялось въ сторону реакціи и ничѣмъ не ограниченнаго произвола, угнетенія и кровавой расправы, послѣдовавшей послѣ нѣсколькихъ покушеній на должностныхъ лицъ и убійства генерала Мезенцева. Правительственный гнетъ, распространившись и на земскія учрежденія, вызвалъ въ земской средѣ глухое броженіе, а въ отдѣльныхъ лицахъ и убѣжденіе въ необходимости борьбы за элементарныя человѣческія и гражданскія права, такъ какъ правительство вело Россію въ политическій тупикъ, изъ котораго не было выхода. Въ земскихъ учрежденіяхъ того времени сосредоточились наиболѣе живые и дѣятельные элементы какъ среди гласныхъ, такъ и того общественнаго слоя, который впослѣдствіи получилъ названіе „третьяго элемента“, и земскія учрежденія были тогда единственной почвой, гдѣ можно было сдѣлать попытку организаціи общественныхъ силъ съ политическими цѣлями; поэтому и названіе „Земскій Союзъ“ какъ бы естественно вытекало изъ существа положенія. Тѣмъ не менѣе Земскій Союзъ получилъ свое реальное бытіе, если не ошибаюсь, только въ Москвѣ въ 1881 году; подготовка же его началась въ октябрѣ 1878 года, когда нѣсколько черниговскихъ земствъ и кіевскихъ старо-украинофиловъ [1]) рѣшили воспользоваться празднованіемъ въ Харь-

[1]) Къ этимъ словамъ И. И Петрункевича извѣстный общественный дѣятель А. А. Русовъ въ письмѣ къ намъ дѣлаетъ поправку въ томъ смыслѣ, что это были „не старо-“, а „младо-украйнофилы“. „Нѣкоторые изъ нихъ и въ слѣдующіе годы (1881—82) вели полемику съ Костомаровымъ въ Трудѣ и Зарѣ относительно основныхъ пунктовъ украйнофильской программы“.

ковѣ юбилея малороссійскаго писателя Квитки съ цѣлью завязать сношенія съ земцами южныхъ губерній, а также съ разными общественными дѣятелями, которые съѣдутся на юбилей, и поставить вопросъ о борьбѣ за политическую свободу и конституцію. Эта задача была поставлена на юбилейномъ банкетѣ и встрѣтила горячее сочувствіе довольно разнобразнаго общества, состоявшаго изъ профессоровъ университета, земцевъ, учителей среднихъ учебныхъ заведеній, врачей и другихъ общественныхъ дѣятелей, но вопросъ объ организаціи Союза тутъ не поднимался; было лишь условлено, что нѣкоторыя земскія собранія выступятъ съ заявленіями и адресами, послѣдствіемъ чего и было появленіе извѣстныхъ „земскихъ адресовъ“: харьковскаго, черниговскаго, тверского, таврическаго и другихъ, впрочемъ, немногихъ. По времени первымъ выступило харьковское земство въ лицѣ Е. С. Гордѣенко, такъ какъ его засѣданіе открылось раньше другихъ. Выступленіе земствъ признавалось необходимымъ въ виду того, что полное бездѣйствіе общества признавалось одной изъ причинъ существованія террора, какъ краснаго, такъ и бѣлаго. Для того, чтобы расширить сферу общественнаго воздѣйствія на правительство, было рѣшено привлечь къ дѣлу другія земства, а также обратиться къ содѣйствію журналистики въ лицѣ наиболѣе популярныхъ журналовъ и газетъ. Въ этихъ видахъ черниговскій земецъ А. Ф. Линдфорсъ, нынѣ уже умершій и забытый, но заслуживающій благодарной памяти потомства, и я ѣздили въ декабрѣ 1878 года въ Петербургъ, Москву и Тверь. Результатомъ этой поѣздки было соглашеніе устроить въ первыхъ числахъ апрѣля 1879 года съѣздъ земцевъ разныхъ губерній, что взяли на себя покойный В. А. Гольцевъ и нѣкоторые тверскіе земцы Сколько помню, этотъ первый (подчеркнуто въ подлинникѣ) земскій съѣздъ состоялся 1 или 2 апрѣля въ квартирѣ московскаго судебнаго дѣятеля кн. Кропоткина на углу Дурновскаго и Кречетниковскаго переулка. На немъ присутствовали Бакунинъ Р—въ, К—скій, Гольцевъ, М. И. П—чъ, Линдфорсъ и многіе другіе, всего отъ 30—40 человѣкъ. Переговоры съ писателями и журналистами въ Петербургѣ не были столь удачные, такъ какъ издатель Молвы

Полетика, изъявившій согласіе примкнуть къ намъ, впослѣдствіи уклонился, а Н. К. Михайловскій считалъ въ то время конституціонныя учрежденія неспособными разрѣшить земельную нужду крестьянъ и выгодными только для буржуазныхъ классовъ, что онъ и заявилъ мнѣ въ довольно энергическихъ выраженіяхъ. [1])

[1]) Совершенно также разсказываетъ объ отвѣтѣ Михайловскаго И. И. Петрункевичъ и въ сборникѣ „Памяти Гольцева“:—„Наша бесѣда съ Николаемъ Константиновичемъ,—пишетъ И. И. Петрункевичъ,—происходила не за тремя замками, а въ Европейской гостинницѣ, въ обществѣ нѣсколькихъ лицъ, одинаково заинтересованныхъ предметомъ, велась вполнѣ свободно и для меня представляла величайшій интересъ, такъ какъ затрагивала коренные интересы страны. Николай Константиновичъ не раздѣлялъ нашихъ надеждъ, вѣрилъ въ нашу личную искренность, но не вѣрилъ въ успѣхъ дѣла и не могъ сочувствовать ему, потому что теперь, говорилъ онъ, народу нужна не конституція, а земля, тѣмъ болѣе не конституція, добытая дворянствомъ и, слѣдовательно, съ дворянскими интересами на первомъ мѣстѣ, а дворянскіе интересы всегда противоположны крестьянскимъ; обезпеченный землею народъ, въ свое время самъ создастъ политическія формы, отвѣчающія его дѣйствительнымъ интересамъ, и во всякомъ случаѣ такія формы, въ которыхъ привилегіямъ не будетъ мѣста... Онъ горячо настаивалъ, что политической реформой воспользуются только привилегированные классы и притомъ во вредъ народной массѣ“. (Памяти Виктора Александровича Гольцева. Сборникъ подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Москва. 1910 г., стр. 107—108). Здѣсь Михайловскій впалъ несомнѣнно въ полное противорѣчіе съ самимъ собою, ибо въ написанномъ имъ въ апрѣлѣ 1878 года нелегальномъ Летучемъ Листкѣ (онъ перепечатанъ въ сборникѣ Базилевскаго „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ“,—здѣсь мы цитируемъ его по печатному подлиннику) Михайловскій, перечисливши рядъ фактовъ, ознаменовавшихъ собою 1878 годъ, писалъ: „таковы факты. Разрозненные, безпорядочные, они должны быть возведены въ принципъ. Принципъ этотъ называется Конституція, Земскій Соборъ (въ подлинномъ Листкѣ эти три слова набраны шрифтомъ вчетверо крупнѣе, чѣмъ остальной текстъ). Историческаго движенія задержать нельзя. Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки (тотъ же крупный шрифтъ). Если этого не будетъ достигнуто въ формахъ представительнаго правленія съ выборными отъ русской земли, въ странѣ долженъ возникнуть тайный комитетъ общественной безопасности“. И, вотъ, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія Листка къ автору его обратились наиболѣе крупные представители того именно движенія, которое ставило своею

„Какъ извѣстно, 2 апрѣля послѣдовало покушеніе Соловьева, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ усиленіе реакціи и принятіе мѣръ противъ массы совершенно лойальныхъ лицъ. Представленіе мною проекта адреса въ черниговское губернское земское собраніе имѣло мѣсто въ январѣ, но до апрѣля противъ меня не предпринималось никакихъ мѣръ; послѣ же соловьевскаго покушенія, не смотря на то, что я былъ мировымъ судьей и предсѣдателемъ борзенскаго мирового съѣзда, я былъ арестованъ и сосланъ. Одновременно съ этимъ пострадало не мало украинофиловъ въ Кіевѣ, изъ коихъ нѣкоторые были преподавателями въ

цѣлью „передачу общественныхъ дѣлъ въ общественныя руки“ и достиженіе „представительнаго правленія съ выборными отъ земли русской“, съ предложеніемъ совмѣстныхъ дѣйствій для завоеванія „конституціи“ и „Земскаго Собора“ Михайловскій далъ отвѣтъ отрицательный, мотивируя его старымъ-престарымъ народническимъ предразсудкомъ о томъ, что, „политической реформой воспользуются только привилегированные классы во вредъ народу“... Между тѣмъ тотъ же Михайловскій уже послѣ свиданія съ земцами писалъ въ № 3 Народной Воли (подъ псевдонимомъ Гроньяра) и такія строки: „Союзъ съ либералами тоже не страшенъ, если вы (т.-е. революціонеры) вступите въ него честно и безъ лицемѣрія объявите имъ свой святой девизъ: „земля и воля“. Въ практической борьбѣ безумно не пользоваться выгодами союзовъ, хотя бы случайныхъ и временныхъ и признаюся вамъ: я думаю, что многіе либералы гораздо къ вамъ ближе, чѣмъ вамъ кажется“. Какъ же забылъ все это Михайловскій именно при тѣхъ переговорахъ съ земцами, которые могли бы имѣть значеніе въ „практической борьбѣ“!... Пишущему эти строки совершенно достовѣрно извѣстно, что мыслью о „союзѣ съ либералами“ былъ самымъ серьезнымъ образомъ озабоченъ Желябовъ, но такъ какъ и для тѣхъ дѣлъ, которыя онъ взвалилъ на свои плечи, едва хватало 24 часовъ въ сутки, то Желябову въ этой области не только ничего не удалось осуществить, но даже и предпринять къ къ тому первые шаги. Отъ отсутствія же союза или какого бы то нибыло соглашенія между народовольцами и земцами-конституціоналистами освободительное движеніе того времени, конечно, много проиграло. На противорѣчіяхъ, политическихъ воззрѣніяхъ Михайловскаго мы останавливаться здѣзь болѣе не будемъ,—мы сдѣлаемъ это въ другомъ мѣстѣ,—но отмѣтимъ лишь къ слову въ качествѣ курьеза и такой фактъ: петербургская нелегальная газета того времени Начало полемизировала съ написаннымъ Михайловскимъ вышецитированнымъ Летучимъ Листкомъ, какъ съ произведеніемъ, вышедшимъ изъ рядовъ... „конституціоналистовъ“!... (См. сборникъ Базилевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, стр. 67).

кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Съ этого момента свидѣтелемъ развитія Союза я не былъ и полагаю... (идутъ указанія на лицъ, черезъ которыхъ эти свѣдѣнія можно получить, такъ какъ лица эти были членами Союза). Я не разсказываю исторію черниговскаго адреса, потому что она довольно полно разсказана у Кенана и у Льва Тихомирова („Конституціоналисты"), но лишь замѣчу, что въ обоихъ разсказахъ краски нѣсколько сгущены и исторіи преданъ какой-то героическій характеръ, котораго въ дѣйствительности не было. Такъ, жандармы вовсе не входили въ залъ засѣданія, а скрывались и слушали происходившее изъ кабинета предсѣдателя Неплюева и столовой, находившихся рядомъ съ заломъ". [1])

На вопросъ: этотъ ли „Земскій Союзъ", или какая-нибудь другая земская организація вела переговоры въ 1878 году въ Кіевѣ съ революціонерами и кто со стороны земцевъ въ этихъ переговорахъ участвовалъ?—въ письмѣ къ намъ И. И. Петрункевича находится такой отвѣтъ:

„Уже изъ предыдущаго вы можете видѣть, что вести переговоры въ 1878 году съ кѣмъ бы то ни было „Земскій Союзъ" не могъ, потому что его въ это время не существовало. Какъ я уже сказалъ, на харьковскомъ юбилейномъ съѣздѣ происходили совѣщанія, и тогда уже была выражена мысль, что всякій терроръ,—красный и бѣлый,—одинаково опасны для гражданской свободы и установленія правопорядка и что терроръ можетъ быть остановленъ только вмѣшательствомъ общества, которое выступитъ въ защиту права и свободы. Для того, чтобы такая мысль могла быть осуществлена, А. Ф. Линдфорсъ и я полагали необходимымъ вступить въ непосредственныя сношенія съ террористами, съ цѣлью убѣдить ихъ дать намъ, т.-е. обществу, возможность дѣйствовать, такъ какъ террористическіе акты не допускали никакихъ выступленій, запугивали общество и озлобляли правительство.

[1]) Текстъ черниговскаго адреса (а также тверского) былъ напечатанъ тогда же въ Прибавленіи къ № 4 Земли и Воли (8 марта 1879 года). Это Прибавленіе въ сборникъ Базилевскаго „Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ" не вошло, потому что въ распоряженіи составителя сборника его тогда еще не было. Теперь оно у насъ имѣется.

„Сдѣлать такое совѣщаніе было нелегко, такъ какъ мы не знали никого изъ террористовъ, но случай намъ помогъ, и съ помощью одного лица, нынѣ уже умершаго, было устроено совѣщаніе 3 декабря 1878 года, подъ условіемъ, что намъ не будетъ названа ни одна фамилія участвующихъ въ совѣщаніи. Такимъ образомъ, въ совѣщаніи, кромѣ меня и Линдфорса, изъ земцевъ никого не было, и дѣйствовали мы не по порученію кого-либо, а совершенно самостоятельно, убѣждая лишь нашихъ собесѣдниковъ выждать и представить обществу возможность начать легальную борьбу". [1])

---

[1]) О кіевскомъ совѣщаніи, о которомъ разсказываетъ И. И. Петрункевичъ въ „Воспоминаніяхъ" В. К. Дебагорія-Мокріевича находятся такія строки:

„Осенью или зимою 1878 года (точно не помню времени) пріѣхали два земскихъ дѣятеля для переговоровъ съ кіевскими либералами и украинофилами относительно совмѣстнаго образа дѣйствія для завоеванія конституціонной реформы. Въ переговорахъ этихъ изъ революціонеровъ принимали участіе Осинскій, Ковалевская (отравилась въ карійской каторгѣ въ 1889 году) и еще нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ я здѣсь не буду приводить. Помню (такъ какъ и я присутствовалъ тамъ), собраніе было открыто рѣчью земца. Онъ развилъ мысль, что конституціонная реформа необходима для Россіи и будетъ полезна для всѣхъ русскихъ группъ, а въ томъ числѣ и для соціалистовъ, такъ какъ дастъ больше простора для дѣятельности. Затѣмъ, какъ выводъ изъ этого, предлагалъ соединиться всѣмъ группамъ для добытія конституціи. По его мнѣнію, нужно было испробовать первоначально всѣ легальные пути подачи петицій, мирныя демонстраціи и т. п. Чтобы вовлечь въ движеніе больше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати. Брошюры конституціоннаго характера, которыя нельзя было бы печатать по цензурнымъ условіямъ внутри Россіи, земецъ находилъ нужнымъ издавать за границей и оттуда доставлять контрабаднымъ путемъ.

„Все это были мысли, съ которыми наши террористы, вѣроятно, согласились бы, если бы не оказалось одного пункта разногласій. По мнѣнію земца, однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи было пріостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, запугивавшей извѣстную часть нашего общества, а равнымъ образомъ и правительство. Съ этимъ требованіемъ террористы не согласились, переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ.

„Что касается меня лично,—съ эпическою объективностью заканчиваетъ свой разсказъ объ этомъ эпизодѣ Дебагорій-Мокріевичъ,—то я присутствовалъ на этомъ собраніи и не соглашался ни съ тѣми, ни

На вопросъ: существовала ли болѣе лѣвая, чѣмъ „Союзъ“, организація, носившая названіе „Земская Лига“, и правда-ли,— какъ объ этомъ гласитъ правительственная „Записка,“— будто земцы, узнавъ, что „Лига“ находится въ сношеніяхъ съ террористами, отдѣлились отъ нея и составили самостоятельную организацію, И. И. Петрункевичъ отвѣчалъ:

„Такъ называемая „Лига“ никогда не существовала, какъ организованное общество. Объ ея организаціи были разговоры, но она не была осуществлена вслѣдствіе ареста въ апрѣлѣ 1879 года многихъ лицъ изъ числа ея организаторовъ. Поэтому „Союзъ“ не могъ отдѣлиться отъ „Лиги“, ибо первый существовалъ въ то время, когда мысль о „Лигѣ“ была оставлена, Не могъ „Союзъ“ отдѣлиться отъ „Лиги“ и въ виду ея связи съ террористами, ибо такой „Лиги“ не было, а было лишь одно (подчеркнуто въ подлинникѣ) совѣщаніе двухъ лицъ, принадлежащихъ къ числу земцевъ, всегда пользовавшихся полнымъ довѣріемъ послѣднихъ“. [1])

Къ этому пункту И. И. Петрункевичъ сдѣлалъ еще такое важное примѣчаніе:

„Я хочу обратить ваше вниманіе на то, что говоря о „Лигѣ“, я имѣю въ виду кіевскую 1879 года. Термины того времени не отличались строгой точностью и московскій союзъ 80-хъ годовъ называли иногда Лигою“.

Послѣднее обстоятельство, очевидно, стало извѣстно дружинникамъ, которые и воспользовались имъ при по-

---

съ другими. Какъ допотопному звѣрю, все окружающее казалось мнѣ и дикимъ и непонятнымъ. Я слушалъ земца и не понималъ его; слушалъ террористовъ и не соглашался съ ними. По-моему надо было достать побольше оружія и поднимать народный бунтъ“. („Воспоминанія“. Штутгартдъ, стр. 300—301).

Въ прошломъ году намъ пришлось лично бесѣдовать въ Софіи съ В. К. Дебагоріемъ-Мокріевичемъ о многомъ, а въ томъ числѣ и о кіевскихъ переговорахъ 1878 г. съ земцами. Теперь можно назвать и остальныхъ участниковъ переговоровъ со стороны революціонеровъ. Кромѣ Мокріевича, Осинскаго и Ковалевской, то были Софья Лешернъ фонъ Герцфельдъ и Волошенко.

[1]) Уже изъ этого видно, какъ далека отъ истины правительственная „Записка“, а между тѣмъ, основываясь именно на ней, такъ изощряется въ изобличеніяхъ „земцевъ“ въ своихъ „Конституціоналистахъ 1881 года“ г. Тихомировъ.

сылкѣ Нивинскаго въ Парижъ отъ имени будто бы „Земской Лиги".

На вопросъ о личности графа П. П. Шувалова, о томъ, не встрѣчался ли съ нимъ кто-либо изъ членовъ „Земскаго Союза" и въ какихъ отношеніяхъ былъ этотъ союзъ къ Вольному Слову,—И. И. Петрункевичъ сообщилъ, что лично онъ съ Шуваловымъ встрѣтился въ Петербургѣ въ 1882 г. въ квартирѣ своей жены (съ нею Шуваловъ былъ знакомъ салоннымъ образомъ), когда ему разрѣшено было пріѣхать на короткое время въ Петербургъ навѣстить больного сына. Шуваловъ немедленно заговорилъ съ И. И. Петрункевичемъ о необходимости водворенія въ Россіи конституціи и вечеромъ того же дня прислалъ ему цѣлый конституціонный проектъ, съ раздѣленіемъ Россіи на избирательные округа и съ двупалатной системой представительства. Къ „Земскому Союзу" Шуваловъ, конечно, не принадлежалъ, принадлежность же его къ „Священной Дружинѣ" не подлежитъ сомнѣнію. Будучи въ 1881—82 годахъ въ ссылкѣ, И. И. Петрункевичъ не имѣлъ никакого отношенія къ Вольному Слову, но отъ покойнаго В. А. Гольцова слышалъ, что этотъ органъ поддерживался матеріально черезъ послѣдняго.

Другой извѣстный земецъ, принимавшій участіе въ „Земскомъ Союзѣ", въ письмѣ къ намъ прямо говоритъ, что для поддержки Вольнаго Слова В. А. Гольцевъ получалъ средства непосредственно отъ гр. Шувалова, съ которымъ онъ былъ лично знакомъ.[1])

Третій также крупный земецъ и также принимавшій участіе въ „Земскомъ Союзѣ", въ личной по этому поводу бесѣдѣ съ нами говорилъ: „я не знаю, получалъ ли Гольцевъ для Вольнаго Слова деньги отъ Шувалова или нѣтъ, но знаю, что „Земскій Союзъ" поддерживать эту газету не могъ. Въ сущности, и самый „Союзъ" существо-

[1]) Нельзя не пожалѣть, что ни одинъ изъ авторовъ помѣщенныхъ въ сборникѣ „Памяти В. А. Гольцева" статей не разсказалъ ничего о знакомствѣ Гольцева съ Шуваловымъ. Неужели это обстоятельство изъ друзей покойнаго никому не извѣстно? Между тѣмъ оно имѣетъ очень важное значеніе для освѣщенія исторіи „противоправительственныхъ сообществъ не столь вредныхъ". И такой искренній человѣкъ, какъ Гольцевъ, былъ, видимо, введенъ Шуваловымъ въ заблужденіе.

ватъ больше по названію, чѣмъ въ дѣйствительности. Организованнаго не было ничего, кассы тоже. Гольцевъ собралъ что то 70—80 рублей,—это, кажется, и все, что имѣлось въ его распоряженіи въ качествѣ „союзной“ суммы“.

Четвертый членъ „Земскаго Союза“, извѣстный ученый тоже сообщалъ намъ въ личной бесѣдѣ, что о „Земскомъ Союзѣ“, какъ объ организованномъ обществѣ, говорить можно лишь съ большими натяжками. Были земцы-конституціоналисты, являлись они и извѣстнымъ ферментомъ въ земской средѣ, но организаціи, строго говоря, не существовало. Это былъ тотъ самый ученый, къ которому П. Л. Лавровъ обращался въ Парижѣ съ предложеніемъ стать посредникомъ между „Исполнительнымъ Комитетомъ“ и „Земской Лигой“, но который именно потому, что зналъ земскую среду и зналъ, что никакой въ ней „Земской Лиги“ не существуетъ, предложеніе Лаврова отклонилъ.

Такой крупный общественный дѣятель и сотрудникъ газеты того времени З е м с т в о, какъ профессоръ Ф. Ф. Эрисманъ, по его собственнымъ словамъ, не только не принималъ въ „Земскомъ Союзѣ“ никакого участія, но почти ничего не зналъ о самомъ его существованіи.

Наконецъ, извѣстный земскій дѣятель Н. Н. Нечаевъ отзывался г. Вѣтринскому о земскомъ движеніи начала 80-хъ годовъ такъ: „и земскіе съѣзды, и Земскій Союзъ того времени не представляли въ дѣйствительности сколько-нибудь правильной, прочной и широкой организаціи и дѣятельности; скорѣе это были собранія просто добрыхъ знакомыхъ, единомышленниковъ по важнымъ вопросамъ“.[1])

Такимъ образомъ отзывы всѣхъ наиболѣе крупныхъ земскихъ дѣятелей того времени о „Земскомъ Союзѣ“ начала 80-хъ годовъ сводятся, въ сущности, къ одному и тому же: о р г а н и з о в а н н о й дѣятельности земцевъ въ цѣляхъ борьбы за конституцію не было.

Необходимо, однако, отмѣтить, что всѣ приведенные отзывы относятся по преимуществу къ „сѣверянамъ“, земцамъ губерній сѣверныхъ группировавшихся около Москвы. Было сверхъ того конституціонное движеніе и въ губерніяхъ южныхъ, движеніе въ нѣкоторыхъ отноше-

[1]) Сборникъ „Памяти В. А. Гольцева“, стр. 40.

ніяхъ лучше организованное и съ гораздо болѣе отчетливо выраженнымъ характеромъ. Мы уже цитировали изъ письма И. И. Петрункевича тѣ строки, въ которыхъ говорится, какъ онъ и А. Ф. Линдфорсъ старались организовать широкое общественное давленіе на правительство въ конституціонномъ направленіи, воспользовались для этого съѣздомъ общественныхъ дѣятелей во время юбилея Квитки въ Харьковѣ, ѣздили въ различныя мѣста, чтобы завязать въ другихъ губерніяхъ связи съ земцами и литераторами, вступили въ переговоры въ Кіевѣ съ революціонерами и т. д. Все это было дѣломъ частной иниціативы И. И. Петрункевича и А. Ф. Линдфорса,—ихъ самой несомнѣнной общественной заслугой,—но въ томъ же Черниговскомъ земствѣ, гдѣ дѣйствовали Петрункевичъ и Линдфорсъ, былъ и цѣлый рядъ другихъ земцевъ, безусловно конституціонно настроенныхъ, собиравшихся на небольшіе съѣзды мѣстныхъ земскихъ дѣятелей и работавшихъ надъ внесеніемъ въ общество политическаго правосознанія. То были Карпинскій, Милорадовичъ, Савичъ, Константиновичъ, Макаровъ, Тарновскій, Ге, Тризна, В. М. Хижняковъ и другіе „лѣвые“ черниговскаго губернскаго земства того времени. Въ этомъ имъ помогало и то обстоятельство, что конституціонная почва на югѣ Россіи была вспахана гораздо лучше, чѣмъ на сѣверѣ дѣятельностью украинскаго общества „Громада“, которое еще ждетъ своего историка и съ которымъ нѣкоторые земцы черниговской губерніи были въ близкихъ отношеніяхъ.

Объ украинскихъ кружкахъ и „Громадѣ“ такіе безусловно компетентные въ этомъ лица какъ А. А. Русовъ и Ф. К. Волковъ писали слѣдующія строки:

„Старѣйшій изъ этихъ кружковъ, такъ называемая „Старая Громада“ былъ продолженіемъ украинскихъ традицій 40-хъ и начала 60-хъ годовъ, въ половинѣ которыхъ онъ и сложился изъ обломковъ бывшей редакціи Основы и студенческой „громады“ Кіевскаго университета, извѣстной въ свое время учрежденіемъ первыхъ въ Россіи воскресныхъ школъ. Состоя изъ людей, главнымъ образомъ, университетской и вообще учено-литературной среды, кружокъ этотъ былъ далекъ отъ какой бы то ни было революціон-

ной дѣятельности, но отдавался вполнѣ дѣятельности конституціонно-освободительной на почвѣ украинскихъ интересовъ. Въ научной сферѣ, кромѣ работы педагогическо-профессорской и учительской, кружокъ этотъ, оставилъ по себѣ слѣды въ видѣ массы ученыхъ трудовъ, историческихъ, экономическихъ и этнографическихъ, въ образованіи Юго-Западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ организаціи III Археологическаго съѣзда, въ основаніи Общества Нестора-Лѣтописца, въ изданіи цѣлаго ряда изслѣдованій и научныхъ сборниковъ въ родѣ монументальнаго изданія украинскихъ историческихъ пѣсенъ подъ редакціей Антоновича и Драгоманова и т. д.".[1]) Все это повлекло за собою, разумѣется, появленіе на сценѣ ряда доносчиковъ и клеветниковъ а затѣмъ и „обыкновенную исторію": закрытіе юго-западнаго отдѣла Географическаго Общества, высылку изъ Украины многихъ лицъ и извѣстное Высочайшее повелѣніе 1876 года относительно малороссійскаго языка. Тогда то украинское движеніе и вышло изъ предѣловъ легальности основаніемъ въ Женевѣ изданія Громады, задавшагося цѣлью пропаганды конституціонализма и федерализма.

Вотъ съ этой то организаціей и вступили въ сношенія нѣкоторые черниговскіе земцы.

„Эти земцы,— писалъ намъ уже послѣ напечатанія нашихъ статей въ Русской Мысли А. А. Русовъ,— были и тогда по нынѣшней терминологіи „кадетами", относились къ украйнофильству не враждебно, а сочувственно, знали всѣ украинскія дѣла, читали Громаду и др. изданія Драгоманова, но считали, что это (т. е. украйнофильство) не очередное дѣло. Въ украинской партіи они видѣли, однако, болѣе близкихъ союзниковъ, чѣмъ въ „нигилистахъ", какъ тогда называли революціонеровъ-бакунистовъ".

Описавши затѣмъ юбилей Квитки въ Харьковѣ и попытку соглашеній съ революціонерами въ Кіевѣ, А. А. Русовъ писалъ:

„Новыхъ организацій послѣ кіевскаго совѣщанія не воз-

---

[1]) См. примѣчанія А. А. Русова и Ф. К. Волкова къ „Своду указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ". Былое. 1907 г. іюнь стр. 153—154.

никло, старая „Громада“ осталась, какъ и была, черниговскіе земцы съорганизовались лишь въ своемъ губернскомъ собраніи, хотя сношенія съ Тверью были. О московскихъ дѣлахъ я ничего не знаю“.

Такимъ образомъ, хотя конституціонное движеніе было въ Украйнѣ несомнѣнно интенсивнѣе, чѣмъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, но и тамъ собственно земской организаціи, которая охватила бы нѣсколько южныхъ земствъ, выработала бы общую программу и повела бы борьбу за конституцію—такой организаціи на югѣ, какъ и на сѣверѣ, не возникало.

Однако, съ другой стороны, полицейская „Записка о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ“ категорически говоритъ, на основаніи донесеній трехъ „секретныхъ сообщителей“ о существованіи какой то конституціонной программы какого то „Земскаго Союза“,— очевидно, не того, о которомъ у насъ была рѣчь по свидѣтельствамъ цѣлаго ряда его участниковъ, — о томъ, что въ этой „программѣ“,—литографированной или гектографированной составители „Записки“ не знаютъ, ибо сами они ея не видѣли,—было 67 страницъ, о томъ, что нѣкоторыя мѣста этой программы „Земскаго Союза“ совпадаютъ почти слово въ слово съ частной запиской, „поданной на Высочайшее имя 22 мая 1881 года, переданной затѣмъ на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ“ (т. е. значитъ, графа Игнатьева, находившагося въ очень тѣсныхъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ изъ „мужественныхъ добровольцевъ“) и о томъ, что авторомъ этой частной записки было лицо, „пользующееся личнымъ довѣріемъ Государя Императора“· Этотъ же „Земскій Союзъ“ полицейская „Записка“ обвиняетъ въ томъ, что онъ послалъ заграницу нѣкоего Крапивина („Записка“ оговариваетъ, что это псевдонимъ) для изданія тамъ газеты, что этотъ Крапивинъ обратился сначала къ Лаврову съ предложеніемъ издавать вмѣстѣ газету, но, получивши отъ него отказъ, обратился съ тѣмъ же къ Драгоманову, который предложеніе принялъ, въ результатѣ чего и явилась газета Вольное Слово.

Что все это обозначетъ?

Конечно, „Записка“ составлена крайне невѣжественно и полна путаницы. Она приписываетъ всѣ вышеперечисленныя дѣянія тѣмъ же земскимъ дѣятелямъ, которые вели въ 1878 году въ Кіевѣ переговоры съ революціонерами, тогда какъ въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, разсказываетъ и о другихъ небылицахъ въ родѣ того что никогда не существовавшая „Либеральная Лига“ оказывала поддержку „Народной Волѣ“, благодаря чему „земцы“ будто бы отдѣлились отъ „Лиги“ и составили особое общество и т. д., но все же въ „Запискѣ“ находится несомнѣнно и нѣкоторая доля правды, выяснить которую вполнѣ мы, по неимѣнію еще точныхъ данныхъ, къ сожалѣнію, не въ состояніи. Мы не видѣли программы („въ 67 страницъ“) якобы „Земскаго Союза“, мы не знаемъ и обстоятельствъ, при которыхъ была подана на Высочайшее имя 23 мая 1881 года „частная записка“ нѣкіимъ лицемъ, „пользующимся личнымъ довѣріемъ Государя Императора“ и этотъ недостатокъ не можетъ, конечно, не отражаться на полнотѣ нашего дальнѣйшаго анализа событій, по кое-что мы все же можемъ сказать и по этому поводу.

Вспомнимъ, что послѣ первой же случайной встрѣчи съ И. И. Петрункевичемъ флигель-адъютантъ графъ Павелъ Павловичъ Шуваловъ прислалъ ему „конституціонный проектъ съ раздѣленіемъ Россіи на избирательные округа и двупалатной системой представительства“. Вспомнимъ, что этотъ же графъ Шуваловъ вмѣстѣ съ министромъ двора графомъ И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ стояли во главѣ „Священной Дружины“, организаціи, какъ гласило секретное извѣщеніе за подписью Шувалова же всѣмъ дружинникамъ по поводу ея закрытія, имѣвшей цѣлью „охрану Особы Его Величества и борьбу съ крамолою“. Вспомнивши это, уже не трудно догадаться, кто было подавшее записку лицо, „пользующееся личнымъ довѣріемъ Государя Императора“, а такъ же какое „сообщество“ величало себя и „Земскимъ Союзомъ“, не имѣя на это названіе, разумѣется, никакого права, такъ же какъ черезъ годъ послѣ того, при посылкѣ Нивинскаго для переговоровъ съ Лавровымъ и другими объ условіяхъ благополучія коронаціи, оно начало величать себя „Земской Лигой“...

Своеобразна въ этомъ и роль министра внутреннихъ дѣлъ графа Игнатьева. Онъ безспорно зналъ про всѣ дѣйствія и ходы Дружины, не могъ не знать, конечно, и того, кто именно составляли якобы „Земскій Союзъ", зналъ и всетаки, по должности министра внутреннихъ дѣлъ, поручалъ съ невиннымъ видомъ департаменту полиціи разслѣдовать дѣло объ этомъ „сообществѣ не столь вредномъ" и принималъ докладъ департамента со всякимъ по этому поводу вздоромъ, въ душѣ, вѣроятно, самъ смѣясь надъ пресловутой „Запиской" департамента и ея недалекими составителями...

Департаментскій документъ гласитъ, что авторомъ поданной въ высокія сферы „Записки" было лице, имя котораго даже и въ самомъ документѣ написано лишь шифромъ. Такъ то, молъ, вѣрнѣе будетъ! Но... было ли это лице дѣйствительнымъ авторомъ „Записки"? Не пришлось ли ему и тутъ обратиться къ болѣе обыкновеннымъ смертнымъ?

Мы уже цитировали изъ книги г. Карцова о томъ, какъ на завтракѣ у Н. Д. Игнатьева (на котораго, какъ разсказываетъ г. Карцовъ, „тотчасъ послѣ перваго марта было возложено весьма секретное порученіе"... далѣе въ книгѣ слѣдуетъ многозначительное многоточіе... и который, по словамъ г. Карцова, былъ однимъ изъ заправилъ Св. Дружины?..) и супруги его, урожденной Бороздиной (какія бываютъ совпаденія!), онъ, Карцовъ, познакомился съ нѣкіимъ г. Кашменскимъ, по всему происходившему, видимо, дружинникомъ и какъ этотъ г. Кашменскій „выдумывалъ для нигилистовъ средне-вѣковыя, небывалыя казни". Затѣмъ въ этой же книгѣ мы вдругъ встрѣчаемъ и такое мѣсто:

„Что монархизмъ дружинниковъ былъ весьма покладистъ,—это доказываетъ слѣдующій фактъ, довольно характерный: по просьбѣ „господъ", г. Кашменскій писалъ проектъ конституціи, а другой дѣятель, Воля Бокъ, отвозилъ его въ Гатчину". [1])

Еще бы не характерно!

Вверху „господа", именъ которыхъ и г. Карцовъ не называетъ, а по неособенной ихъ, очевидно, „письмѣнности", нужную имъ „конституцію" пишетъ только что „придумы-

---

[1]) Семь лѣтъ на Ближнемъ Востокѣ, стр. 61.

вавшій для нигилистовъ средневѣковыя казни“ нѣкій г. Кашменскій. Онъ и написалъ, а „Воля Бокъ“ отвезъ „конституцію“ въ Гатчину... [1])

А еще говорятъ, что Щедринъ, живописуя нравы современниковъ впадалъ въ преувеличенія...

Графъ Игнатьевъ поручилъ департаменту полиціи разслѣдовать „крамолу“ всякихъ Кашменскихъ, составившихъ, молъ, „противозаконное общество Земскаго Союза“, а департаментъ полиціи и „радъ стараться“.... Отсюда и знаменитая департаментская „Записка“, изъ которой оказалось, что это Кашменскіе, — беремъ это имя, какъ нарицательное, — вели въ Кіевѣ переговоры съ революціонерами и затѣмъ составили „Земскій Союзъ“...

Кашменскіе, однако, Кашменскими, а употребляя выраженіе г. Карцова,—„господа“—господами.

Нѣтъ сомнѣнія, что „господа“ послали за границу поставить тамъ газету нѣкоего субъекта, которому департаментская „Записка“ даетъ псевдонимъ Крапивина. Этотъ Крапивинъ, по словамъ „Записки“, обратился за содѣйствіемъ сначала къ Лаврову, но получилъ отказъ.

Намъ извѣстно самымъ положительнымъ образомъ, что такой фактъ дѣйствительно былъ, что нѣкій субъектъ обращался въ 1881 году къ П. Л. Лаврову съ предложеніемъ поставить газету и „вести ее въ какомъ угодно направленіи, съ однимъ лишь условіемъ—бороться и съ революціоннымъ терроромъ“ и что Лавровъ въ своемъ содѣйствіи такому предпріятію отказалъ.

Посланный субъектъ не скрывалъ передъ Лавровымъ своей настоящей фамиліи. Это былъ Аркадій Павловичъ Мальшинскій, о которомъ мы уже достаточно говорили выше...

---

[1]) Любопытна и такая подробность: Псевдо—Земскому Союзу надо было, повидимому, употребить въ своей программѣ выраженіе „императивный мандатъ“. Но такъ какъ извѣстно, что „mauvais ton хорошо еще если значитъ только мошенникъ, а можетъ быть и что нибудь похуже“, то „Коли“, „Воли“ или, какъ тамъ звали составителей „конституціи“, при переводѣ изъ какой нибудь французской книги предпочли употребить, какъ значится въ департаментской „Запискѣ“, выраженіе „обязательныя полномочія“...

Такимъ образомъ Крапивинъ и Мальшинскій—одно и то же лицо....

Получивши отказъ отъ Лаврова, Крапивинъ-Мальшинскій обратился за тѣмъ же къ Драгоманову, при дѣятельномъ сотрудничествѣ котораго и сталъ вскорѣ издавать газету.

Такъ возникло Вольное Слово... органъ того „Земскаго Союза и Самоуправленія“, о которомъ повѣствуетъ департаментская „Записка“ со словъ цѣлыхъ трехъ „секретныхъ сообщителей“....

Далѣе изъ цѣлаго ряда вопросовъ, обращенныхъ къ разнымъ лицамъ, намъ выяснились еще слѣдующія обстоятельства: 1) что съ гр. Шуваловымъ былъ знакомъ также и самъ редакторъ Вольнаго Слова М. П. Драгомановъ; 2) что о личности перваго редактора Вольнаго Слова Аркадія Мальшинскаго, выдавшаго себя за границей, по свидѣтельству А. Х. Христофорова, за члена „Земскаго Союза“, никто изъ дѣйствительныхъ членовъ этого „Союза“, къ которымъ мы обращались съ вопросами, не имѣлъ никакого понятія, [1]) и 3) что до своей поѣздки за границу Мальшинскій приходилъ въ дѣловыя соприкосновенія съ нѣсколькими „высокопоставленными“ лицами, благодаря чему его, какъ литератора и „спеціалиста“ по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи (мы уже упоминали, что Мальшинскимъ былъ написанъ въ 1879 году „Обзоръ“ этого движенія), и могли избрать эти лица на роль редактора поставленной ими заграничной газеты.

Мальшинскій и издавалъ ее въ теченіе 1881 и 1882 года, т. е. до того времени, когда дальнѣйшее пребываніе его у газетнаго кормила, вслѣдствіе систематическихъ обвиненій со стороны Общаго Дѣла въ томъ, что Мальшинскій является полицейскимъ агентомъ, стало неудобно, и когда Дружина задумала вести „переговоры“ съ революціонерами.

Теперь остановимся нѣсколько подробнѣе на самомъ Вольномъ Словѣ, а также на изданной этой газетою программѣ „Вольный Союзъ“ и нѣкоторыхъ данныхъ, ко-

[1]) А. А. Русовъ въ письмѣ къ намъ говоритъ то же самое: „Про Мальшинскаго я никогда ничего не слыхалъ и никакого представленія о немъ не имѣлъ“.

торыя сообщаетъ о земскомъ движеніи въ Россіи редактировавшій Вольное Слово съ января 1883 г. М. П. Драгомановъ.

Уже въ 1889 году въ № 1 газеты Свободная Россія (въ статьѣ „Либерализмъ и земство“) [1]) М. П. Драгомановъ писалъ такія строки: „Кіевская попытка 1887 г. (съ переговорами) интересна только, какъ опытъ извѣстной земской группы вступить въ прямыя сношенія съ революціонерами (какъ мы видѣли выше, эта попытка не исходила вовсе изъ „земской группы“, а явилась продуктомъ частной иниціативы И. И. Петрункевича и А. Ф. Линдфорса. *В. Б.*), а также какъ шагъ, который повелъ за собою опытъ извѣстной организаціи разныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Не добившись соглашенія съ соціалистами-террористами, Кіевская Лига (мы видѣли, что „Лига“ тогда не организовалась и о ней были „только разговоры“. *В. Б.*) рѣшила всетаки вести агитацію по земствамъ разныхъ губерній, а также оказывать помощь публикованію разныхъ недовольствъ существующимъ политическимъ порядкомъ и для этого отправила нѣсколько рукописей для напечатанія въ Галиціи. Изъ этихъ рукописей скоро напечатана была и выпущена въ свѣтъ брошюра „Мартовское движеніе студентовъ кіевскаго университета въ 1878 году“ (тогда было исключено 170 студентовъ, изъ которыхъ многіе были высланы въ дальнія губерніи, причемъ произошли уличныя демонстраціи, противъ которыхъ въ Москвѣ выступали знаменитые мясники). Другія же двѣ брошюры „Русская молодежь, правительство и общество“ съ приложеніемъ „протеста харьковскаго университета“ (противъ избіенія студентовъ казаками), „Докладъ совѣта петербургскаго университета (объ отношеніи полиціи къ студентамъ) и самая интересная въ политическомъ отношеніи брошюра „Ближайшія задачи земства, съ приложеніемъ отвѣта черниговскаго губернскаго земства, на правительственное обращеніе“, не увидѣли свѣта, потому что галицкая администрація, которая тогда только что начала у себя борьбу съ украин-

[1]) Въ томъ же 1889 году эта статья вышла въ Женевѣ подъ заглавіемъ: „Либерализмъ и земство въ Россіи“ въ видѣ отдѣльной брошюры.

скимъ и польскимъ соціалистическимъ движеніемъ, арестовала лицъ, которымъ было поручено печатаніе и захватила самыя брошюры, хотя онѣ ничѣмъ не трогали ни Австріи, ни Галиціи. Это было вовсе не непредвидимое и необходимое препятствіе. Но оно было причиною, почему статья „Ближайшія задачи земства“ напечатана была только въ 1883 году въ 56 № Вольнаго Слова, когда,—только!—намъ былъ доставленъ единственный спасенный экземпляръ („Земскій голосъ изъ недавняго времени“). Самое замѣчательное мѣсто въ этой статьѣ—критика отвѣтовъ харьковскаго и полтавскаго земствъ на правительственное обращеніе 1878 г. и программа. Выписавъ обѣщаніе упомянутыхъ отвѣтовъ „вырвать съ корнемъ пропаганду“ и проч., авторъ говоритъ: „мы думаемъ, что полтавское и харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душить идеи и истреблять людей, ими живущихъ?“ Программу же земства авторъ излагаетъ такъ: „Въ настоящую минуту земства должны написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантіи личности и созывъ Учредительнаго Собранія“.

Къ этому мѣсту М. П. Драгомановъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Этотъ терминъ „Учредительное Собраніе“, болѣе абстрактно-радикальный, чѣмъ практическій по данному времени, вошелъ потомъ въ программу „Народной Воли“. Авторъ статьи „Ближайшія задачи земства“ самъ такъ радикаленъ, что настаиваетъ именно на Учредительномъ Собраніи, предлагая земству отвергнуть всякую конституцію, данную сверху“, какъ „конституціонную комедію“.

Намъ теперь достовѣрно извѣстно, что брошюра эта принадлежитъ перу земскаго дѣятеля.[1])

Важно отмѣтить, что именно здѣсь раздалось въ первый разъ слово „Учредительное Собраніе“. Даже, въ написанномъ въ 1878 г. Н. К. Михайловскимъ, революціонномъ „Летучемъ Листкѣ“ выставляется требованіе не „Учредитель-

---

[1]) Она была написана, какъ намъ извѣстно, въ февралѣ 1879 г., на югѣ Россіи и слѣдовательно до возниковенія Народной Воли.

наго Собранія", а „Земскаго Собора", и лишь народовольцы осенью 1879 года рѣшительно поставили вопросъ объ „Учредительномъ Собраніи". [1])

Но возвратимся къ разсказу М. П. Драгоманова. [2])

„Послѣ неудачнаго опыта Кіевской Лиги,—продолжаетъ онъ—только въ августѣ 1881 года „Земскій Союзъ" приступилъ къ изданію своего органа „Вольное Слово" въ Женевѣ (отсюда ясно, что Драгомановъ считалъ организацію, которая предприняла изданіе „своего органа „Вольное Слово" тóю же самою, которая вела переговоры въ Кіевѣ съ революціонерами. Въ дѣйствительности же члены „Кіевской Лиги" никакого понятія ни о Мальшинскомъ, ни о представляемомъ имъ „Земскомъ Союзѣ не имѣли. Такъ глубоко заблуждался Драгомановъ. *В. Б.*) Первоначальная редакція этой газеты (т.-е. редакція Мальшинскаго. *В. Б.*) стояла на пути Кіевской Лиги, а именно рядомъ съ пропагандой идей земскаго самоуправленія она имѣла въ виду помогать опубликованію идей всѣхъ оппозиціонныхъ направленій въ Россіи, кромѣ террористическаго. Изъ другихъ направленій въ русскомъ соціалистическомъ движеніи даже довольно широко было представлено въ Вольномъ Словѣ 1881—82 гг., наприм., соціалъ-демократическое (рѣчь идетъ, очевидно, о статьяхъ П. Б. Аксельрода, ибо изъ соціалъ-демократовъ въ Вольномъ Словѣ сотрудничалъ одинъ только онъ. *В. Б.*), заграничные публицисты котораго издавали незадолго передъ тѣмъ „органъ соціалистовъ-федералистовъ" Черный Передѣлъ. Но съ теченіемъ времени обнаружилась невозможность согласія между земскимъ самоуправленіемъ и чернопередѣльческой соціалъ-демократіей, которая все больше и больше принимала антилиберальный и централи-

[1]) Въ этомъ отношеніи, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ, чрезвычайно интересно письмо, написанное въ 1880 г. М. П. Драгоманову А. И. Желябовымъ. Письмо это было напечатано нѣсколько разъ: сначала въ Вольномъ Словѣ, потомъ отдѣльно брошюрою („Къ біографіи А. И. Желябова"), потомъ въ мартовской книжкѣ петербургскаго журнала Былое на 1906 г. и, наконецъ, въ Собраніи политическихъ статей Драгоманова.

[2]) Собраніе сочиненій М. П. Драгоманова, т. II. Парижъ стр. 819—826.

стическій характеръ. Чернопередѣльческая соціалдемократія была устранена изъ Вольнаго Слова[1]) и газета приняла болѣе цѣльное направленіе, объявивъ себя прямымъ органомъ Общества Земскаго Союза и Самоуправленя. (См. передовую статью отъ 15 мая 1882 года въ № 37 Вольнаго Слова.) Она, впрочемъ, продолжала давать мѣсто голосамъ разныхъ направленій. Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, опытъ изданія земскаго органа „Вольное Слово“ нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно земскіе матеріалы стали поступать въ редакцію правильно только съ конца 1882 г., а въ маѣ 1883 г. изданіе уже было прекращено“.[2])

Въ той же статьѣ у М. П. Драгоманова, правда, въ примѣчаніи, но въ примѣчаніи чрезвычайно характерномъ, находятся такія строки: „Г. Леруа-Болье сообщаетъ, что г. Гордѣенко и другихъ (авторовъ харьковскаго адреса, *В. Б.*) предположено было сослать въ Сибирь и что только гр. Лорисъ-Меликову удалось остановить эту мѣру. Не знаемъ, насколько вѣрно это свѣдѣніе. Неизвѣстно и то, сколько земцевъ поплатилось до сихъ поръ за либерализмъ, кромѣ г. Петрункевича, высланнаго изъ Черниговской въ Костромскую губернію. Слухи, которые ходили, о г. Винбергѣ изъ Таврической губерніи и г. Костливцовѣ изъ Новгородской, „неясны“. [3])

Итакъ, даже въ 1889 г., когда Драгомановъ писалъ эти строки, такой громкій фактъ, какъ высылка изъ Таврической губерніи въ 1881 г. крупнаго земскаго дѣятеля

---

[1]) По этому поводу П. Б. Аксельродъ писалъ намъ, что Драгомановъ здѣсь совершенно ошибается: не соціалдемократія была „устранена“ изъ Вольнаго Слова, а самъ П. Б. Аксельродъ вышелъ изъ газеты, „пославши объ этомъ мотивированное письмо Драгоманову“, какъ только Вольное Слово выступило съ передовой статьей противъ народовольцевъ. „Я не могу допустить предположенія,—продолжаетъ П. Б. Аксельродъ, — чтобы Драгомановъ сознательно сказалъ неправду и потому объясняю себѣ его заявленіе, какъ невольную ошибку“. Безъ сомнѣнія о возможности сознательной неправды у такого человѣка, какъ М. П. Драгомановъ, не можетъ быть и рѣчи, и тутъ просто такая же ошибка памяти, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ воспоминаній Драгоманова.

[2]) Собраніе сочиненій М. П. Драгоманова. т. II. Парижъ стр. 819—826.

[3]) Ibid., стр. 828.

В. К. Винберга, былъ извѣстенъ бывшему редактору Вольнаго Слова только въ качествѣ „неяснаго слуха“. Уже одно это могло бы заставить усомниться въ томъ, что Вольное Слово было „прямымъ органомъ Общества Земскаго Союза и Самоуправленія“...

Драгомановъ такъ и умеръ въ убѣжденіи, что въ августѣ 1881 г. „Земскій Союзъ“ приступилъ къ изданію своего органа „Вольное Слово“, это было для него несомнѣнно, а между тѣмъ, какъ уже сказано, дѣйствительный „Земскій Союзъ“ не только никогда не посылалъ Мальшинскаго издавать за границей газету, но не имѣлъ о немъ до того времени никакого представленія...

Приведемъ изъ той же статьи Драгоманова еще слѣдующія строки:

„Послѣ кіевскихъ переговоровъ земцевъ съ революціонерами, земцы привлекли къ себѣ только нѣкоторые „легальные“ элементы болѣе или менѣе радикальнаго направленія и въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ украинофильскаго направленія. Образовавшійся тогда союзъ нѣкоторые изъ его участниковъ называли не безъ ироніи, какъ это часто бываетъ, „Лигою оппозиціонныхъ элементовъ“ или просто „Лигою“. Она распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 80—81 гг. даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія“ или просто „Земскій Союзъ“. Имя „Лиги“ между тѣмъ пошло въ ходъ и, благодаря послѣдствіямъ тайны и безопасности, стало примѣняться къ самымъ разнообразнымъ обществамъ, о которыхъ ходили слухи. Такъ, когда гр. Игнатьевъ въ началѣ 82 г. основалъ комиссію для собиранія свѣдѣній объ „обществахъ не столь вредныхъ“, то указалъ ей, кромѣ „Земской Лиги“ или „Земскаго Союза“, еще три Лиги: Либеральную (въ Москвѣ), Южно-русскую и Земельную, которая будто бы при помощи „Земской Лиги“ думала заводить „интеллигентныя“ земледѣльческія колоніи по идеямъ проф. Энгельгардта. Въ публикѣ называли „Лигою“ и „Добровольную Охрану“, которая, какъ говорили, тоже имѣла въ виду созваніе Земскаго Собора и даже „Священную Дружину“ или „Дружину Спа-

сенія“ добровольныхъ жандармовъ и шпіоновъ, возникшихъ при градоначальникѣ Барановѣ, члены которой замышляли даже дуэли и контръ-аттентаты противъ воображаемыхъ ими заграничныхъ распорядителей цареубійствомъ. Люди разныхъ категорій находили интересъ поддерживать это смѣщеніе понятій и посредствомъ печати. (Слѣдуетъ въ примѣчаніи ссылка на Общеее Дѣло, Le Revolté 1881—82 гг., Календарь Народной Воли за 83 г., а также Правду — „террористически-анархическій органъ, издававшійся въ Женевѣ въ 82—83 г. агентомъ Судейкина г. Климовымъ“). Изъ упомянутой комиссіи при гр. Игнатьевѣ вышла между прочимъ и „Докладная записка № II о ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ съ 1 февраля по 1 іюня 1882 г.“, напечатанная въ 83 г. въ № 54 Общаго Дѣла. Въ другой запискѣ (№ 3), еще не попавшей въ печать, [1]) посвященнной „Либеральной Лигѣ“, смѣшеніе круговъ и лицъ доходитъ до полнаго комизма“. [2])

Карты смѣшались въ то время до того, что людямъ типа гр. Шувалова открылось для дѣятельности широкое поприще...

Мы уже приводили по другому поводу слѣдующія слова изъ разсказа П. А. Крапоткина:

„Когда Игнатьевъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ, по совѣту бывшаго парижскаго префекта Андріе, напалъ на новый планъ. Онъ послалъ рой своихъ агентовъ въ Швейцарію, гдѣ одинъ изъ нихъ сталъ издавать газету, стоявшую за нѣкоторое расширеніе земскаго самоуправленія. Главная же задача заключалась въ борьбѣ

---

[1]) Эта „Записка“ № 3 такъ почему-то и не была напечатана. Достать ее, невзирая на всѣ поиски, намъ, къ сожалѣнію, не удалось, а она несомнѣнно въ началѣ 80-хъ годовъ за границею ходила въ эмигрантскихъ кружкахъ, разъ Драгомановъ прямо на нее ссылается. О запискѣ № 2 Драгомановъ говоритъ, что ее „пускалъ въ русской эмиграціи въ обращеніе г. Климовъ (редакторъ Правды) въ цѣляхъ шантажа и судейкинскихъ“. Вѣроятно, и записка № 3 такого же происхожденія. Тѣмъ не менѣе, приходится пожалѣть, что она не была напечатана.

[2]) Сочиненія Драгоманова, т. II, стр. 819—820.

съ революціонерами и въ группировкѣ вокругъ него всѣхъ эмигрантовъ, отрицательно относившихся къ террору. То было, конечно, средство посѣять раздоръ". [1])

П. А. Крапоткинъ не называетъ въ этихъ срокахъ ни газеты, о которой говоритъ, ни имени издававшаго ее „агента" Игнатьева, но для всякаго знакомаго съ дѣломъ совершенно ясно, что рѣчь идетъ именно о Вольномъ Словѣ и Мальшинскомъ. Только П. А. Крапоткинъ ошибается, что Мальшинскій былъ посланъ Игнатьевымъ, какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Посылка состоялась, вѣроятно, съ вѣдома Игнатьева,—это такъ, но дѣло всетаки было гораздо сложнѣе, и тутъ была рука цѣлой „независимой отъ правительства" организаціи.

Къ этой организаціи на страницахъ Вольнаго Слова и отношеніе было довольно сложное. Тамъ то появлялись сообщенія, указывающія объ очень большой освѣдомленности въ придворныхъ дѣлахъ корреспондентовъ газеты вродѣ, напримѣръ, такого:

„Въ тотъ день, вѣроятно, какъ вы получите эти строки, въ Правительственномъ Вѣстникѣ появится „Положеніе о личной охранѣ Е. И. В. Государя Императора". Главные пункты его слѣдующіе: 1) Во главѣ охраны будетъ поставленъ главнокомандующій главной квартирой, который назначается посредствомъ Высочайшаго указа правительствующему сенату. 2) Всѣ вѣдомства и учрежденія должны слѣдовать указаніямъ начальника охраны, насколько они касаются безопасности особы Его Величества. 3) Начальникъ охраны непосредственно подчиненъ Государю Императору и дѣлаетъ Его Величеству прямые доклады. 4) Власти, получившія извѣстія о заговорѣ противъ государства или особы Государя Императора, обязаны немедленно сообщать оныя начальнику охраны. 5) Начальникъ охраны издаетъ подчиненнымъ ему властямъ инструкціи по своему благоусмотрѣнію. 6) Къ начальнику охраны прикомандировываются по его желанію чины военнаго, морского и гражданскаго вѣдомства. 7) Кромѣ этихъ чиновъ

---

[1]) П. А. Крапоткинъ: „Записки революціонера". Лондонъ, стр. 422.

начальнику охраны подвѣдомственны слѣдующія части: a) Отдѣленіе почетнаго конвоя гвардейской пѣхоты. b) Отдѣленіе дворцовой полиціи. c) Секретная часть. d) Желѣзнодорожная часть". [1])

То печатались подробности, сопровождавшія выходъ въ отставку командира лейбъ-гвардіи гусарскаго полка генералъ-майора барона Мейендорфа („incident de Meyendorf"), описавши которыя, авторъ корреспонденціи продолжалъ свое сообщеніе такъ: „другой случай, занимающій высшее общество,—внезапная отставка графа Шувалова, адъютанта в. к. Владиміра Александровича, тоже приписывается неблаговидной интригѣ. [2]) Замѣчательно, что Мейендорфъ и Шуваловъ—члены „Святой Дружины". Я уже писалъ вамъ объ этомъ знаменитомъ учрежденіи которое, въ мысли учредителей должно было быть контрольною, направленною противъ террористовъ, но оказалось контрольною, совершенно не дѣйствующею, за неимѣніемъ хорошихъ инженеровъ, т.-е. руководителей. (Написано все это не совсѣмъ грамотно, но тѣмъ, конечно, это характернѣе. В. Б.) Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ „Святая Дружина", она, говорятъ, ничего не дѣлала для охраны Государя или для открытія заговоровъ и только принимала неисполнимыя и смѣшныя рѣшенія. Въ Дружинѣ, однако, было до сихъ поръ нѣсколько людей неглупыхъ и искренно старавшихся служить избранной ими цѣли. Къ числу ихъ принадлежали Мейендорфъ и Шуваловъ, навлекшіе на себя недовольство большинства Дружины оппозиціей противъ безобразныхъ предложеній и плановъ, въ средѣ Дружины появлявшихся. Дворъ, повидимому, принялъ сторону этого большинства". [3])

Тутъ ясно слышатся отголоски борьбы, происходившей въ средѣ дружинниковъ. Все это писалось въ Вольномъ Словѣ въ 1881 году, когда редакторомъ газеты былъ Мальшинскій.

А вотъ отзывы Вольнаго Слова о „Добровольной

---

[1]) Вольное Слово 1881 г., 4 октября, № 9.

[2]) Мы уже цитировали разсказы гр. Валуева и г. Карцева о причинахъ отставки гр. Шувалова въ другомъ мѣстѣ настоящей книги.

[3]) Вольное Слово, 1881 г., 20 декабря, № 20.

Охранѣ“ и „Священной Дружинѣ“, когда редакторомъ газеты былъ уже М. П. Драгомановъ:

„По свѣдѣніямъ изъ Петербурга, Добровольная Охрана, офиціозная, распущена и замѣнена охраной, вполнѣ офиціальной, въ которую, конечно, могутъ поступать и волонтеры, но уже вполнѣ чиновники. Несмотря на все, что до сихъ поръ писано было о всѣхъ этихъ консервативныхъ крамолахъ: Священныхъ Дружинахъ, Охранахъ и т. п., всетаки въ представленіи о нихъ многое остается неяснымъ, а потому мы не беремся судить о томъ, насколько достовѣрно и вышеприведенное извѣстіе. Во всякомъ случаѣ, если вѣрны свѣдѣнія, которыя сообщались и нами изъ довольно вѣроятныхъ источниковъ, а именно, что Добровольная Охрана не лишена была извѣстныхъ политическихъ стремленій,—хотя бы только Фадѣевскаго земскаго духа,[1]) то, тѣмъ болѣе, можно порадоваться ея окончательному крушенію. Опричина чистая, съ песьими головами, скорѣе демаскируетъ настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи и скорѣе доведетъ... до кризиса, чѣмъ опричина съ разными голубиными и масличными украшеніями“. [2])

Вотъ въ какой дремучій лѣсъ былъ заведенъ тогда М. П. Драгомановъ!...

Но прежде чѣмъ подводить всему этому итоги, остановимся еще на политическомъ обществѣ „Вольный Союзъ“, программу котораго также издалъ Драгомановъ.

Что же это за „Союзъ“ и представлялъ ли онъ собою что-либо реальное?

Вотъ что пишетъ объ этомъ самъ Драгомановъ:

„Въ 1883 году лѣтомъ мнѣ было доставлено изъ Россіи нѣсколько политико-соціальныхъ программъ, составленныхъ въ разныхъ украинскихъ кружкахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ активными русскими революціонерами. Эти программы отличались отъ программъ этихъ послѣднихъ, проникнутыхъ болѣе или менѣе якобинскимъ централизмомъ, и сближались съ моими идеями въ пунктѣ федерализма. Въ

[1]) Въ 1881 году небезъизвѣстный Фадѣевъ издалъ въ Лейпцигѣ книгу „Письма о современномъ положеніи Россіи“. Въ 1882 г. „Письма“ эти были переизданы въ Россіи.

[2]) Вольное Слово, 8 января 1883 г., № 52.

концѣ іюня прибылъ въ Женеву делегатъ двухъ изъ этихъ кружковъ, съ цѣлью выработать вмѣстѣ со мною программу для основанія политическаго общества „Вольный Союзъ“, которое задалось бы цѣлью вести агитацію въ этомъ духѣ преимущественно на Украйнѣ, но не упуская изъ вида и всей Россіи. Изъ долгихъ разговоровъ съ этимъ делегатомъ, а также другимъ, который принадлежалъ къ „народовольческой“ организаціи, но дѣйствовалъ на югѣ, имѣлъ украинскія симпатіи и готовъ былъ присоединиться къ „Вольному Союзу“, я увидѣлъ, что между мною и этими делегатами полнаго согласія нѣтъ. Они не желали, по-моему, въ такой степени, какъ я, сосредоточенія дѣятельности „Вольнаго Союза“ на Украйнѣ, а слишкомъ скоро хотѣли раскинуть его работу на всю Россію; въ то же время они находили ненужнымъ усложненіемъ дѣла мое вниманіе къ Австрійской Руси, а еще болѣе къ политикѣ западно-славянской; кромѣ того, они считали нужнымъ и даже въ ту минуту солидарныя отношенія къ кружкамъ русскихъ революціонеровъ-народовольцевъ, которыхъ я считалъ морально уже отжившими, а также опасными по ихъ перепутанности съ agents provocateurs (скоро обнаружившаяся двойная роль Дегаева, какъ агента полиціи и „Народной Воли“ въ одно время, подтвердила мои опасенія)... По всему этому выработка программы подвигалась довольно медленно, но, наконецъ, въ концѣ августа была напечатана и отвезена делегатами въ Россію. Но тутъ полиція уже выслѣдила главныхъ „вольносоюзниковъ“,—между прочимъ, именно по связямъ ихъ съ народовольцами, — и предполагаемое политическое общество умерло въ самомъ началѣ. Впрочемъ, наши политическіе друзья пожелали, чтобы я всетаки выпустилъ печатную программу „Вольнаго Союза“, что я и сдѣлалъ, такъ какъ не терялъ надежды, что идеи ея найдутъ себѣ хоть постепенное сочувствіе въ разныхъ общественныхъ элементахъ Россіи, особенно на югѣ и востокѣ. Я только считалъ теперь нецѣлесообразной форму моей книги, которая соотвѣтствовала уставу, но перемѣнять ее было уже поздно. Но какъ мало я разсчитывалъ на непосредственное одобреніе моей книжки видно изъ того, что я

окончилъ ее словами Ренана: „Le moyen d'avoir raison dans l'avenir est à certaines heures de savoir se resigner à être démodé". [1])

Стало быть „Вольный Союзъ", изданная программа котораго въ формѣ устава можетъ смущать изслѣдователей, по разсказу самого Драгоманова, реальнаго существованія не имѣлъ („предполагаемое политическое общество умерло въ самомъ началѣ").

Обращаясь къ хроникѣ осеннихъ арестовъ 1883 года на югѣ Россіи, мы видимъ, что въ Кіевѣ въ сентябрѣ этого года были арестованы нелегальные В. Г. Малеванный и И. Н. Присѣцкій [2]). Этимъ дѣло съ „Вольнымъ Союзомъ" и кончилось.[3])

---

[1]) Предисловіе ко II т. соч. Драгоманова, стр. XXXVIII—XXXIX.

[2]) Бурцевъ: За сто лѣтъ, стр. 115.

[3]) Вл. Гр. Малеванный, по прозванью „Гетьманъ", былъ высланъ въ 1879 г. изъ Одессы въ Иркутскую губернію Тотлебеномъ, откуда въ 80-хъ г. бѣжалъ, находился за границей въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Драгомановымъ, вернулся въ Россію, арестованъ въ Кіевѣ, снова сосланъ на 5 лѣтъ въ Якутскую область и умеръ въ 1892 г. въ Сибири. Недавно скончавшійся И. Н. Присѣцкій былъ также сосланъ въ Сибирь на 5 л. Впослѣдствіи полтавскій земецъ, членъ 1-й Государственной Думы и извѣстный политическій дѣятель. (О немъ см. некрологъ написанный Вл. Кор. въ Русскихъ Вѣдомостяхъ отъ 17 сентября 1911 г.) Кстати. Незадолго до своей смерти И. Н. Присѣцкій писалъ мнѣ по поводу моихъ статей въ Русской Мысли о Священной Дружинѣ, что, по его мнѣнію, Дружина была закрыта не въ силу тѣхъ причинъ, о которыхъ говорится у меня, а потому, что послѣ ареста Дегаева, отъ котораго правительство узнало всю истину о положеніи дѣлъ въ народовольческой партіи, самая организація Дружины, ея переговоры съ революціонерами и проч. стали болѣе просто не нужны. Туже мысль высказывали въ письмахъ ко мнѣ и нѣкоторые изъ наиболѣе крупныхъ дѣятелей бывшей народовольческой партіи. Но всѣ такія соображенія опровергаются датами происшедшихъ событій: выше приведенная статья Новаго Времени, послѣ которой, какъ тогда же записалъ въ своемъ дневникѣ гр. Валуевъ, Дружину велѣно было закрыть, появилася 24 ноября 1882 г. Въ началѣ декабря того же года было уже разослано секретное циркулярное письмо къ дружинникамъ графа Шувалова о закрытіи по Высочайшему повелѣнію Дружины. Дегаевъ же былъ арестованъ лишь,— и это документально нами выше установлено,—19 декабря 1882 года въ Одессѣ и тутъ онъ и вошелъ въ тѣ соглашенія съ Судейкинымъ, результатомъ которыхъ была выдача имъ В. Н. Фигнеръ,

Итакъ, какую же картину представляетъ собою въ дѣйствительности земское движеніе разсматриваемой эпохи?

О „Кіевской Лигѣ“ въ 1878 году „были разговоры“, но, по свидѣтельству И. И. Петрункевича, реальнаго бытія она тогда не получила.

Переговоры съ революціонерами вели въ то время по своей личной иниціативѣ И. И. Петрункевичъ и А. Ф. Линдфорсъ.

„Земскій Союзъ“ основался въ Москвѣ въ 1881 году, былъ учрежденіемъ весьма полезнымъ въ смыслѣ фермента въ земско-общественной средѣ, но никакихъ сколько-нибудь яркихъ проявленій въ его дѣятельности не было. Наиболѣе энергичнымъ членомъ „Земскаго Союза“, за смертью А. Ф. Линдфорса и ссылкою И. И. Петрункевича, былъ В. А. Гольцевъ, который,— при какихъ обстоятельствахъ, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, намъ какъ-то не пришлось поговорить объ этомъ въ свое время съ нынѣ покойнымъ Гольцевымъ,—познакомился съ гр. П. П. Шуваловымъ; на него Гольцевъ, видимо смотрѣлъ, какъ на „сочувствующаго“ освободительному движенію и готоваго оказывать всякую помощь „Земскому Союзу“. Шуваловъ же преслѣдовалъ свои цѣли, гипотезу о которыхъ мы выскажемъ ниже.

„Земской Лиги“ никогда не существовало и подъ ея обличіемъ, какъ это мы уже установили выше, на основаніи самыхъ несомнѣнныхъ историческихъ документовъ, дѣйствовала „Священная Дружина“, выработавшая даже особое „Положеніе о Земской Лигѣ“.

„Вольный Союзъ“, по разсказу Драгоманова, умеръ въ

военной организаціи и проч. До того же времени, какъ уже отмѣчено выше, Сергѣй Дегаевъ предателемъ не былъ. Слѣдовательно закрытіе Дружины,—(а вслѣдствіе того и прекращеніе переговоровъ дружинниковъ съ народовольцами), какъ имѣвшее мѣсто до Дегаевщины, произошло независимо отъ предательства Дегаева. Это нисколько не противорѣчитъ тому, что Дегаевъ могъ еще весною 1882 г. „разговаривать“ съ Судейкинымъ, съ которымъ онъ познакомился черезъ своего брата Владиміра, о дружинникахъ. Вѣдь, рѣчь идетъ о томъ, когда именно онъ выдалъ правительству остатки народовольческой партіи, вслѣдствіе чего, какъ полагалъ Присѣцкій и другіе, Дружина стала болѣе ненужною,—а эта выдача произошла въ концѣ декабря 1882 г. т.-е. тогда, когда Дружина уже была закрыта.

самомъ началѣ своего еще только предполагавшагося существованія съ арестомъ двухъ лицъ.

Вотъ и разгадка, почему о земскомъ движеніи 70-хъ и 80-хъ годовъ такъ мало имѣется документовъ, матеріаловъ и мемуаровъ, на что указываютъ всѣ изслѣдователи этого движенія.

Но, если не было почти ничего въ земской средѣ организованнаго, то несомнѣнно, что недовольство „приказнымъ строемъ“ среди земцевъ было весьма значительно и, въ сущности, совершенно правъ былъ авторъ написанной черезъ много лѣтъ послѣ того записки гр. С. Ю. Витте о „самодержавіи и земствѣ“, утверждавшій о несовмѣстимости абсолютизма и развитаго земскаго самоуправленія, какъ правъ былъ и Побѣдоносцевъ, указывавшій постоянно на опасность отъ „земщины“. [1])

Передъ такими-то соціальными отношеніями и политическими настроеніями различныхъ общественныхъ элементовъ стояло съ другой стороны правительство, не способное ни на какое творчество, не вѣрящее въ самаго себя, всего боящееся, гонявшееся систематически еще въ 70-хъ годахъ

---

[1]) За исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, необходимо, однако, констатировать, что къ дѣйственной политической роли русская земская среда до самаго кануна нашей революціи никакихъ способностей не проявляла, и вся заслуга въ политическомъ оживотвореніи этой среды принадлежитъ „третьему элементу“, этому общественному слою, для котораго, по самой природѣ его, безусловно необходима свободная политическая атмосфера, но который, въ силу особыхъ историческихъ условій, былъ всегда соціалистичнымъ, что, конечно, не могло не уменьшать и не замедлять его непосредственнаго вліянія на „земцевъ“. Въ этой соціалистичности лежало одновременно на „третьемъ элементѣ“ и благословеніе и проклятіе. Благословеніе, потому что именно благодаря своей соціалистичности, онъ пронесъ черезъ всѣ испытанія въ чистѣйшемъ видѣ демократическую идею, и въ этомъ его несомнѣнная заслуга передъ трудящимися массами. Проклятіе, потому что такою „позиціей“ приносилось постоянно въ жертву грядущему настоящее, на долю котораго приходились во всѣхъ отношеніяхъ одни лишь политическіе акриды да дикій медъ. Къ исторіи русской интеллигенціи вообще и „третьяго элемента“ въ частности можно бы поставить эпиграфомъ заключительныя слова изъ тургеневскаго „Порога“:

— Дура!—сказалъ одинъ голосъ...

— Святая!—промолвилъ другой...

буквально „за мухой съ обухомъ“, а когда горсть народовольцевъ дерзновенно попыталась разрѣшить политическую проблему Россіи на собственный страхъ и рискъ, потерявшее окончательно голову и сосредоточившее все свое вниманіе на одной лишь безконечной сѣти всевозможныхъ „охранъ“...

Какъ же тутъ было ловкимъ людямъ не ловить рыбу въ мутной водѣ?...

Жертвой одной изъ мистификацій сталъ и М. П. Драгомановъ съ его Вольнымъ Словомъ.

Драгомановъ, какъ это ни удивительно для столь замѣчательно умнаго человѣка, слѣпо ввѣрился Мальшинскому.

Когда въ справочномъ отдѣлѣ Календаря Народной Воли за 1883 годъ было воспроизведено обвиненіе Общимъ Дѣломъ Вольнаго Слова въ томъ, что во главѣ редакціи послѣдняго находится Мальшинскій (до 1883 года Вольное Слово издавалось анонимно), болѣе чѣмъ темная личность, то въ отвѣтъ на это Драгомановъ написалъ такія строки:

„Въ заключеніе о справочномъ отдѣлѣ Календаря Народной Воли скажемъ, что сколько-нибудь нравственно развитые читатели его, конечно, оцѣнятъ по достоинству помѣщенную въ немъ справку для государственной полиціи объ имени бывшаго редактора Вольнаго Слова“.[1])

А „бывшій редакторъ Вольнаго Слова“ въ томъ же 1883 году спокойно себѣ уѣхалъ въ Россію, (это во времена графа Дмитрія Андреевича Толстого!), гдѣ и сталъ открыто въ ряды ультрареакціонеровъ. Онъ зналъ, что отъѣздъ въ Россію, несмотря на всѣ его грѣхи по изданію Вольнаго Слова, не представляетъ для него, Мальшинскаго, ни малѣйшей опасности, и „государственной полиціи“ ему бояться не приходиться...

М. П. Драгомановъ, конечно, искренно былъ убѣжденъ, что его газета являлась органомъ „Земскаго Союза“,— на дѣлѣ же выходило нѣчто совершенно иное, и около него

---

[1]) Вольное Слово. 1883 г., № 61—62, а затѣмъ въ собраніи сочиненій Драгоманова. Т. II, стр. 739—740.

мелькали такія фигуры, какъ

1) Аркадій Мальшинскій—членъ „Земскаго Союза“,

2) гр. П. П. Шуваловъ—членъ „Земской Лиги“,

3) докторъ Эдуардъ Нивинскій—членъ той же „Лиги“.

Когда Нивинскій прибылъ за границу для переговоровъ съ народовольцами отъ имени „Земской Лиги“, то онъ явился прежде всего къ Драгоманову, который немедленно вызвалъ изъ Парижа телеграммою Дебагорія-Мокріевича („по очень важному дѣлу“, какъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ самъ Мокріевичъ) и поручилъ ему отвезти Нивинскаго въ Парижъ для переговоровъ съ Лавровымъ, что Мокріевичъ и исполнилъ. Такъ могъ поступить Драгомановъ, конечно, лишь при условіи имѣнія у Нивинскаго солидныхъ рекомендацій..... Отъ кого?.... Драгомановъ былъ знакомъ съ Шуваловымъ лично,—это намъ доподлинно извѣстно,— но когда и гдѣ состоялось такое знакомство, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Между тѣмъ установить этотъ моментъ было бы очень важно.

Дебагорій-Мокріевичъ разсказываетъ еще слѣдующее:

„Прошло послѣ того (послѣ переговоровъ Нивинскаго съ Лавровымъ) четыре года. Мнѣ случилось жить въ Женевѣ. Въ этотъ свой пріѣздъ я близко сошелся и полюбилъ М. П. Драгоманова. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ „доктора“ (Нивинскаго) пріѣзжалъ еще какой-то господинъ отъ „Добровольной Охраны“ [1]) и велъ переговоры съ Тихомировымъ, но что всѣ эти переговоры ни къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ не привели, такъ какъ въ придворныхъ интригахъ „охранцы“ потерпѣли неудачу, попали въ немилость и потеряли вліяніе на дѣла. Реакціонеры взяли верхъ. (Рѣчь идетъ несомнѣнно о переговорахъ, ко-

[1]) Мы уже говорили выше, что, по нашему мнѣнію, Мокріевичъ смѣшивалъ „Добровольную Охрану“ съ „Земской Лигой“, (возможность чего вполнѣ допускалъ и въ личной бесѣдѣ съ нами, самъ В. К. Дебагорій-Мокріевичъ). Въ № 13 Былого (заграничнаго) появились доставленныя ему г. Павликомъ, написанныя еще въ 1889 году М. П. Драгомановымъ „Воспоминанія о переговорахъ „Добровольной Охраны“ и „Исполнительнаго Комитета Русской Соц.-Рев. партіи въ 1882 году“. Въ этихъ „Воспоминаніяхъ“ Драгомановъ говоритъ также о д-рѣ Нивинскомъ (котораго онъ, впрочемъ, не называетъ по имени), какъ о членѣ „Добровольной Охраны“, отъ имени которой, по словамъ Драгоманова, и велись переговоры (черезъ Лаврова) съ Исполнительнымъ

торые велъ съ Тихомировымъ Николадзе, выше нами разсказанныхъ. В. Б.) Далѣе Драгомановъ разсказалъ, что спустя нѣкоторое время ему пришлось встрѣтиться

Комитетомъ. Но мы повторяемъ, что ни въ бумагахъ Лаврова, ни въ документахъ Дружины, къ этому дѣлу относящихся, нѣтъ названія „Добровольная Охрана". И тамъ, и тамъ фигурируетъ „Земская Лига", т.-е. организація, которая, какъ мы уже доказали выше документально, измышлена „Священною Дружиною". Изъ тѣхъ же „Воспоминаній" Драгоманова выходитъ, какъ будто Нивинскій явился къ нему безъ всякихъ рекомендацій, а онъ, Драгомановъ, тѣмъ не менѣе, отправилъ его съ Мокріевичемъ къ Лаврову. Это совершенно невѣроятно для такого солиднаго и осмотрительнаго человѣка, какъ Драгомановъ. Тутъ надо предположить, что „Воспоминанія" Драгоманова, предназначавшіяся имъ въ 1889 году для печати, не выражали собою сознательно полной истины. Онъ самъ пишетъ въ тѣхъ же „Воспоминаніяхъ" такія строки: „я нахожу, что еще не наступило время, когда можно было бы опубликовать всѣ подробности этого дѣла, и потому ограничусь только самыми общими свѣдѣніями изъ того, что мнѣ извѣстно, избѣгая всякихъ личныхъ указаній" (стр. 34). О появленіи у него Нивинскаго Драгомановъ разсказываетъ такъ: послѣ появленія одной изъ замѣтокъ о „Добровольной Охранѣ" въ Вольномъ Словѣ „я увидѣлъ у себя пожилого человѣка, довольно представительной внѣшности, который сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее:—я являюсь къ вамъ отъ имени общества, на которое вы нападаете, но которое имѣетъ, въ сущности ту же цѣль, что и вы, а именно—свободу Россіи. Достиженію этой цѣли препятствуютъ революціонеры-цареубійцы, которые пошли по совершенно ошибочной дорогѣ. Если бы можно было убѣдить ихъ въ этомъ, тогда мы взяли бы на себя обязательство провести въ Россіи политическую реформу. Вотъ съ этой цѣлью я и обращаюсь къ вамъ, какъ къ члену комитета, который руководитъ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи, обращаюсь отъ имени общества „Добровольная Охрана". Вы не должны смѣшивать его съ „Дружиной", которая преслѣдуетъ совершенно полицейскія цѣли и даже имѣла въ виду, въ случаѣ новыхъ покушеній на царя, приступить къ контръ-убійствамъ противъ руководителя цареубійствъ въ Россіи и даже тотчасъ же убить Гартмана, но была остановлена именно „Охраною", которая прямо заявила, что откроетъ убійцъ англійскому правительству. (Просимъ читателей припомнить слова изъ выше напечатаннаго донесенія центру Дружины того „брата", который послалъ Нивинскаго за границу для переговоровъ съ революціонерами: Нивинскій долженъ былъ сказать, что „я будто бы въ порывѣ откровенности сообщилъ ему, что, помимо насъ, существуетъ еще „Священная Дружина", цѣль которой заключается въ сыскѣ всѣхъ эмигрантовъ и въ убійствѣ всѣхъ приверженцевъ террора и укрывателей цареубійцъ, и что мы, „Земская Лига",

съ однимъ изъ главарей этого придворнаго теченія, высокопоставленнымъ лицомъ (не помню, чтобы онъ назвалъ мнѣ этого человѣка), пріѣзжавшимъ за границу (безъ сомнѣнія гр. П. П. Шуваловымъ. В. Б.). Изъ бесѣды съ нимъ Драгомановъ узналъ, что освобожденіе Чернышевскаго изъ Сибири было устроено ими уже послѣ того, какъ они потеряли вліяніе при дворѣ; что съ этимъ имъ пришлось обратиться къ кому-то изъ великихъ князей, который будто бы отвѣтилъ, что въ фактѣ освобожденія Чернышевскаго онъ не усматриваетъ ничего политическаго, а лишь простой гуманный поступокъ и далъ свое согласіе ходатайствовать, послѣ чего и былъ освобожденъ Чернышевскій“ [1]).

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, произошло освобожденіе Чернышевскаго? Кто именно и почему ходатайствовалъ за него передъ высшей властью? Была ли и тутъ въ дѣйствительности рука „мужественныхъ добровольцевъ“? Оставляя, конечно, совершенно въ сторонѣ, какъ само-собою разумѣющіяся, естественныя хлопоты за Чернышевскаго близкихъ

удерживаемъ еще „Священную Дружину“ отъ этого, но что, если терроръ не остановится, то мы ни за что не отвѣчаемъ. Я просилъ доктора Э. предупредить объ этомъ Исполнительный Комитетъ“. Въ разговорѣ съ Драгомановымъ Нивинскій и исполнялъ эту „инструкцію“, а Драгомановъ принялъ, повидимому, слова Нивинскаго за чистую монету... В. Б.). Такъ вотъ я обращаюсь черезъ васъ къ Комитету, который руководитъ революціонно-террористическими предпріятіями въ Россіи, съ извѣстными предложеніями. Пусть Комитетъ заявитъ, что не имѣетъ цѣлью цареубійства—взамѣнъ „Охрана“ обѣщаетъ созваніе земскаго собора, вслѣдъ за коронаціей не дальше чѣмъ черезъ полтора года“. Изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что, по свѣдѣніямъ „Дружины“, сообщеннымъ ею „Охранѣ“ („Дружина“ только на это и годится“,—прибавилъ Нивинскій), заграничный террористическій комитетъ состоитъ изъ Драгоманова, Ткачева, Лаврова, Гартмана и Мокріевича. Конечно, надъ такими фантастическими свѣдѣніями Нивинскаго Драгомановъ только посмѣялся, но, продолжаетъ онъ, „посѣтитель вообще показался мнѣ человѣкомъ искреннимъ, и потому и я чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе сухо сталъ держаться съ нимъ“. Кончилось тѣмъ, что Драгомановъ и отправилъ его съ Мокріевичемъ въ Парижъ къ Лаврову (стр. 36—40).

[1]) Къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета“ съ „Добровольной Охраной“. Былое, 1907 г., апрѣль, стр. 56. Также разсказываетъ это и въ вышецитированныхъ „Воспоминаніяхъ“ Драгомановъ (стр. 42).

ему лицъ, небезъинтересно для пролитія свѣта на поставленные вопросы обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: въ письмѣ фрейлины Юстины Глинки говорится, что Чернышевскій освобожденъ по ея ходатайству. [1]) Мы не имѣемъ, разумѣется, никакихъ основаній сомнѣваться въ истинности словъ г-жи Глинки, но этого недостаточно. Необходимо еще поставить вопросъ: играла ли въ описываемое время г-жа Глинка какую-либо политическую роль? Пересматривая въ Bibliothèque Nationale въ Парижѣ, французскія газеты начала 80-хъ годовъ, мы нашли въ газетѣ Le Radical рядъ статей, подписанныхъ буквой X., подъ общимъ заглавіемъ „La troisième section internationale". Въ статьяхъ этихъ говорится, между прочимъ, о дѣятельности въ Парижѣ нѣкоей русской дѣвицы, которую авторъ называетъ m-selle de G., по наблюденію за „нигилистами", въ чемъ дѣятельную помощь оказывалъ ей тотъ самый парижскій префектъ Андріё, во времена котораго, какъ это читатели видѣли выше, образовалось парижское отдѣленіе „мужественныхъ добровольцевъ". [2]) Вмѣстѣ съ тѣмъ m-selle de G. и ходатайствовала передъ правительствомъ за нѣкоторыхъ „нигилистовъ". Кто такая m-selle de G., о которой писалъ X., это, конечно, осталось бы въ области лишь однихъ догадокъ, и мы никогда не позволили бы себѣ отождествить ее съ г-жею Юстиной Глинкой, если бы извѣстная своими „руссофильскими чувствами" издательница Nouvelle Revue m-me Juliette Adam не оказала своей пріятельницѣ медвѣжьей услуги, назвавши печатно m-selle de G. ея полнымъ именемъ. Въ опроверженіе именно статей г. X. г-жа Жюльета Адамъ напечатала въ той же газетѣ Le Radical, главнымъ редакторомъ которой былъ Henry Maret, слѣдующее письмо въ редакцію (приводимъ его дословно).

„Monsieur! J'aurais le regret d'être femme si un homme pouvait se commetre avec l'auteur des articles que vous publiez sur la police russe.

---

[1]) См. письмо фрейлины Юстины Глинки. Наша Жизнь. 16 ноября 1904 г. № 16.

[2]) Андріё оказывалъ услуги русскому правительству и раньше. Особенно любопытны сообщенія X. объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ арестъ въ Парижѣ Гартмана. (См. Le Radical 26 Iuillet 1882).

Il serait absurde de defendre M-selle Justine de Glinka de telles attaques! Je ne releverais qu'un fait qui informe tous les autres: M-r X. pretend que j'ai présenté M-selle de Glinka au tzar Alexandre II. Il faut être a peine russe pour ignorer que M-selle de Glinka, demoiselle d'honneur de l'impératrice, comme tous les membres de sa famille, fait partie de la Cour de la Russie.

Les Glinkas sont le type de l'honneur, de la loyauté, du dévouement héroique à la patrie russe.

Une Glinka peut donc, à la fois, chercher à defendre la vie du Tzar, sans être de la police, de même qu'elle a pu demander la grâce de condamnés politiques sans être nihiliste.

Au reste M. X., vulgaire agent de police du compte Ignatieff, sait tout cela et je serais bien naïve de lui répondre, si je ne comptais atteindre derrière lui ceux qui veulent décourager M-selle Glinka et moi de poursuivre notre oeuvre d'apaisement. Recevez Mr. le directeur mes salutations distinguées.—Iuliette Adam." [1])

Итакъ, г. X.—это, по свѣдѣніямъ г-жи Аданъ,—„vulgaire agent de la police du compte Ignatieff", которому „было бы неумно и отвѣчать", если бы г-жа Аданъ не расчитывала „достигнуть этимъ, стоящихъ за его спиной, лицъ, желавшихъ обезкуражить г-жу Глинку и г-жу Аданъ въ ихъ дѣлѣ умиротворенія".

Такимъ образомъ борьба Петербургскихъ „теченій" была перенесена и въ Парижъ... [2])

---

[1]) Le Radical 5 Août 1882. № 217.—По поводу письма г-жи Аданъ г. X. напоминаетъ ей въ томъ же номерѣ Le Radical, что онъ вовсе не говорилъ будто ею была представлена (presentée) m-selle de G. ко двору, а лишь, что „peut-être fut elle recommandée (курсивъ подлинника) au tzar par M-me Adam". (Ibid.).

[2]) Отголоски многихъ, невѣдомыхъ „широкой публикѣ" въ Россіи, событій того времени можно найти также и въ газетѣ Gaulois: напр. по поводу пущенной „подъ рукою" басни о мнимомъ самоубійствѣ Скобелева писалось не только какъ о фактѣ, но и съ такими коментаріями: „генералъ совершилъ этотъ актъ отчаянія, чтобы избѣжать угрожавшаго ему безчестія (deshonneur), вслѣдствіе разоблаченій, удостовѣряющихъ его соучастіе въ дѣятельности нигилистовъ", (dans les agissements nihilistes).—(Gaulois. 10 Juillet 1882). Читатели припомнятъ, что, по слухамъ, на предложеніе вступить въ Священную Дружину Скобелевъ отвѣтилъ, „я давалъ присягу ни къ какимъ тай-

Не входя совершенно въ обсужденіе правильности или неправильности свѣдѣній г. Х. о дѣятельности въ Парижѣ m-selle de G. и основываясь лишь на письмѣ г-жи Аданъ, мы видимъ, что на поставленный нами выше вопросъ,—играла ли г-жа Юстина Глинка въ началѣ 80-хъ годовъ политическую роль,—отвѣтъ надо дать вполнѣ утвердительный: да, играла, работая въ Парижѣ совмѣстно съ г-жей Аданъ надъ „умиротвореніемъ“ (apaisement) Россіи и стараясь на этомъ пути, какъ разрушать замыслы террористовъ „sans être de la police“, такъ и „ходатайствовать за политическихъ осужденныхъ sans être nihiliste“.

„Разрушать замыслы нигилистовъ“ старались и „мужественные добровольцы“ тоже „sans être de la police“, а когда, прикинувшись членами „Земской Лиги“, они обѣщали исхлопотать освобожденіе Чернышевскаго, то эту часть своего договора съ народовольцами, они исполнили.

Чернышевскій былъ освобожденъ, вслѣдствіе совершенно для него случайно сложившихся обстоятельствъ...

Возвращаясь къ Вольному Слову и принимая во вниманіе всѣ вышеприведенныя данныя, мы думаемъ, что едвали можетъ уже оставаться сомнѣніе въ томъ, органомъ какого именно „сообщества“ была эта газета. Съ 1883 года газета стала издаваться подъ редакціею М. П. Драгоманова, но А. П. Мальшинскій продолжалъ и тогда играть въ ней первостепенную роль, пока, наконецъ, въ отвѣтъ на продолжавшіе сыпаться на него со стороны эмигрантовъ обвиненія, не издалъ листокъ подъ заглавіемъ „Не знаю къ кому“ (судя по содержанію листка, Мальшинскій хотѣлъ

нымъ обществамъ не принадлежать“, припомнитъ и выше нами цитированное изъ книги г. Карцева сообщеніе,—разумѣется, вздорное, но весьма характерное,—о томъ, что „по другой версіи Скобелевъ убитъ ординарцемъ своимъ М. по наущенію Священной Дружины“ (Карцевъ. стр. 96). Въ связи съ этимъ становится достовѣрнымъ и источникъ распускавшихся ясно слуховъ о самоубійствѣ Скобелева, вслѣдствіе якобы открытаго его соучастія въ дѣятельности „нигилистовъ“. Въ той же газетѣ Gaulois сообщалось, что въ высшихъ русскихъ реакціонныхъ кругахъ великаго князя Константина Николаевича называли „grand-duc Egalité“, въ чемъ опять таки нельзя не видѣть указанія на обстоятельства, о которыхъ мы говорили выше. И т. д. и т. д.

этимъ названіемъ уязвить „Исполнительный Комитетъ“) и уѣхалъ въ Россію.

Вольное Слово существовать перестало.

Въ видѣ эпилога къ этому эпизоду и для окончательнаго разсѣянія всякихъ сомнѣній о роли Мальшинскаго за границей мы можемъ добавить, что читали собственными глазами одно подлинное письмо Мальшинскаго къ „Священной Дружинѣ“. Оно относится къ 1883 году, т.-е. къ тому времени, когда „Дружина“ формально уже была закрыта, но существованіе свое еще нѣкоторое время продолжала отстаивать — поддержкою заграничной газеты Вольное Слово.

Покойный Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ и нѣкоторые другіе революціонеры считали Вольное Слово, главнымъ образомъ, за его борьбу съ террористическимъ направленіемъ, органомъ чисто провокаторскимъ. Это, конечно, не такъ. Когда въ началѣ 80-хъ годовъ съ цѣлями прямой провокаціи, полицейскія власти захотѣли поставить за границей дѣйствительно провокаторскій органъ, онѣ придали ему направленіе не антитеррористическое, а ультратеррористическое.

То была, выходившая въ Женевѣ одновременно съ Вольнымъ Словомъ газета Правда, о которой, мы уже приводили отзывъ Драгоманова, какъ о „террористическо-анархическомъ органѣ, издававшимся въ Женевѣ агентомъ Судейкина г. Климовымъ“.

По поводу этой газеты, вышедшій тогда же Календарь Народной Воли привелъ слѣдующую цитату изъ № 5 Baltischer Föderalist за 1883 годъ: „Какой то субъектъ съ кличкою Климовъ, субъектъ, за чувства котораго вполнѣ ручается его прошлая полицейская карьера, возложилъ на себя не вполнѣ безопасную миссію издавать въ Женевѣ на русскомъ языкѣ революціонную газету, задавшуюся, повидимому, цѣлью перещеголять самый красный радикализмъ, компрометировать русскую революціонную печать самыми разнузданными тирадами и дискредитировать русское революціонное движеніе самыми безумными требованіями. Человѣка, посвятившаго себя подобной дѣятельности, обыкно-

венно характеризуютъ эпитетомъ „agent provocateur“. А для того, чтобы наивная публика не усумнилась какъ нибудь въ добродѣтельности этого публицистическаго опыта предпринятаго III Отдѣленіемъ, новый вѣстникъ выпущенъ подъ громкимъ названіемъ Правда“. [1])

Противъ Правды появилось заявленіе 26 эмигрантовъ, подписанное Плехановымъ, Н. Лопатинымъ и др., послѣ чего Правда прекратила свое существованіе.

О той же газетѣ Драгомановъ писалъ еще такія строки:

„Въ прошломъ (1882) году послѣдовали взрывы въ Монсо-де-Минъ и въ Ліонѣ и въ послѣднемъ нелѣпѣйшій взрывъ въ кафе Белькуръ, столь возмутившій общественное мнѣніе во всемъ мірѣ и прославленный только въ женевской газетѣ Правда, отъ которой отреклась русская эмиграція въ Женевѣ“. [2])

А. Х. Христофоровъ писалъ намъ, что Климовъ „убѣждалъ донимать помѣщиковъ не только топоромъ и пожаромъ, но и калѣченіемъ принадлежащаго имъ скота,—перебиваніемъ ногъ лошадямъ, вырѣзываніемъ у коровъ вымени и т. д.“

Въ газетѣ, тѣмъ не менѣе, участвовали и нѣкоторые революціонеры,—преимущественно Сидорацкій и Григорьевъ. Первый изъ нихъ,—Сидоръ Адскій, какъ онъ самъ себя въ шутку называлъ, извѣстенъ между прочимъ серіею своихъ изданій Нигилистъ, въ которыхъ онъ являя столько же крайнимъ революціонеромъ, сколько и крайнимъ... антисемитомъ. Григорьевъ былъ самый непримиримый революціонный народникъ, мечтавшій о пугачевщинѣ и писавшій (псевдонимъ раскрытъ Элпидинымъ) въ Правдѣ подъ псевдонимомъ Безобразова.

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ самой Правды:

„По нашему глубокому убѣжденію,—писала газета,—Россійское государство должно быть преобразовано въ Восточную Соціальную Республику, безъ всякихъ старшихъ и младшихъ, безъ сильныхъ и слабыхъ, съ политическимъ и экономическимъ равенствомъ“. [3])

[1]) Календарь Народной Воли, стр. 175.

[2]) Вольное Слово 1883 г. № 59, а потомъ въ собраніи сочиненій Драгоманова т. II стр. 702.

[3]) Правда 1882 г. № 5.

Газета привѣтствовала „терроръ“ всюду,—будь то въ Россіи, Франціи или Англіи,—все равно. Въ частности относительно Росссіи Правда держалась такой „позиціи“. Перепечатываетъ она изъ легальныхъ газетъ телеграмму, гласившую: „Казань. 11 октября. Арестанты мѣстнаго тюремнаго замка убили смотрителя“. Перепечатываетъ и коментируетъ извѣстіе однимъ лишь выразительнымъ словомъ: „спасибо!“ [1])

И т. д. въ томъ же родѣ.

И эта самая Правда обвиняла въ свою очередь Вольное Слово въ томъ, что „главнымъ начальникомъ вольнословцевъ является... Судейкинъ“. [2])

Вотъ что читаемъ мы, наконецъ, объ этой же газетѣ въ воспоминаніяхъ Элпидина:

„Редакторъ газеты Климовъ скомплектовалъ свой кругъ сотрудниковъ очень ловко. При всемъ своемъ формулярѣ уголовнаго преступника ему удалось пригласить чистокровныхъ революціонеровъ, какъ Василія Сидорацкаго, князя Варлаама Черкезова и Григорьева (поэта, псевдонимъ П. Безобразовъ). Удилъ онъ сотрудниковъ тамъ, гдѣ голодъ и нужда на порогѣ. Вотъ его манера разсказывать вслухъ при многихъ свидѣтеляхъ: „Вчера приходитъ ко мнѣ какой то Франкъ,—говоритъ Климовъ,—и спрашиваетъ, не могу ли я помочь ему докончить изобрѣтеніе револьвера въ 36 выстрѣловъ, такъ какъ это де оружіе готовится на убійство...“—„Ну, а вы, что же ему сказали?“—„Вотъ вамъ 50 франковъ,—говорю я,—сочувствую идеѣ убійства..., но больше не могу“. Правда сильно воевала съ Вольнымъ Словомъ, во главѣ котораго стоялъ Аркадій Мальшинскій, крупная рука III Отдѣленія. Словомъ, была война главнаго шпіона съ уполномоченнымъ сыщикомъ той же кухни; какъ ни странно, а фактъ“. [3])

Все это было еще до Дегаевщины...

Правда была безъ сомнѣнія органомъ чисто провокаторскимъ. Такое отвратительное и преступное теченіе среди

---

[1]) Правда 1882 г. № 7.

[2]) Правда 1882 г. № 13.

[3]) Профили редакторовъ и сотрудниковъ. Женева. 1906 г. стр. 11—12.

сыскныхъ органовъ Россіи не умирало отъ Судейкина и до Азефа, но Вольное Слово представляло собою безъ сомнѣнія нѣчто совершенно иное. Оно явилось органомъ группы лицъ, принадлежавшихъ къ „мужественнымъ добровольцамъ“. Они и послали за границу Мальшинскаго издавать газету, имѣвшую цѣлью борьбу съ народовольчествомъ.

Но что же такое организація „мужественныхъ добровольцевъ“?—Была ли она исключительно орудіемъ сыска или чѣмъ-нибудь болѣе сложнымъ?

Мы склонны думать, что именно болѣе сложнымъ. Конечно, непосредственно послѣ 1 марта 1881 года главнѣйшею задачею возникшей организаціи явилась исключительно борьба съ террористами, силы которыхъ въ правительственныхъ кругахъ безмѣрно преувеличивались, но потомъ, когда цѣлымъ рядомъ іезуитскихъ интригъ Побѣдоносцеву и К⁰ удалось „посчитаться“ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и княгиней Юрьевской [1]) и „свалить“ гр. Лорисъ-Меликова, гр.

[1]) О томъ, какъ велъ себя Побѣдоносцевъ по отношенію къ кн. Юрьевской послѣ 1-го марта 1881 года, читатели знаютъ изъ вышеприведенныхъ писемъ къ Тютчевой самого Побѣдоносцева. Цитировали мы неоднократно также и составленную со словъ кн. Юрьевской книгу Лафертэ. Отмѣтимъ здѣсь еще, что послѣ выхода этой книги на нее появился въ Парижѣ на французскомъ языкѣ и отвѣтъ, подписанный „Un russe du grand monde“. Въ этомъ отвѣтѣ (брошюрѣ) авторъ между прочимъ говоритъ: „Перескакивая съ предмета на предметъ съ большою свободою, но малою систематичностью, г. Лафертэ постоянно и упорно возвращается къ одной доминирующей въ книгѣ идеѣ,—прославленію княгини Юрьевской. (Такое замѣчаніе совершенно вѣрно,—прибавимъ мы отъ себя и съ этой стороны книга Лафертэ производитъ самое непріятное впечатлѣніе. Это, однако, не исключаетъ цѣнности сообщаемыхъ въ ней фактовъ. В. Б.). Тщетно стараемся мы понять пружину, которая на это толкаетъ автора книги. Что хочетъ онъ доказать? То ли, что случайно кн. Юрьевская имѣла честь быть въ теченіе 8 мѣсяцевъ морганатической супругой императора Александра II? Но этотъ фактъ, къ несчастью, неоспоримый, извѣстенъ всей Европѣ, также какъ и высшимъ сферамъ обѣихъ столицъ нашей имперіи, внѣ которыхъ, впрочемъ, о немъ были въ Россіи мало освѣдомлены. О бракѣ императора официально никогда не было объявлено. Общество въ цѣломъ объ этомъ не знало, нѣкоторые знали частично и въ качествѣ чего то недостовѣрнаго. Вуаль, которая была наброшена на это дѣло, явилась актомъ мудрости, ибо народъ

Милютина и другихъ „конституціоналистовъ“, среди самой Дружины возникли разныя теченія. Борьба съ терроромъ объединяла, безъ сомнѣнія, всѣхъ дружинниковъ, но затѣмъ начинались рѣзкія разногласія. Тогда какъ кн. А. П. Щербатовъ или сенаторъ Шульцъ видѣли въ возникшей организаціи исключительно средство для „искорененія крамолы“, другіе, и среди нихъ въ особенности гр. П. П. Шуваловъ, честолюбиво мечтали при помощи организаціи не терроръ только прекратить, но и представительнаго образа правленія съ двумя палатами,—непремѣнно съ двумя палатами, изъ которыхъ верхняя должна по возможности приближаться къ англійской палатѣ лордовъ,—добиться.

Съ этой точки зрѣнія только и становятся ясными всѣ дѣйствія гр. Шувалова съ его присылкою конституціоннаго

при своемъ простодушіи и величайшемъ почтеніи къ своему государю никогда бы не понялъ такого союза. Во всякомъ случаѣ этотъ союзъ былъ бы принятъ народными массами такъ же несочувственно, какъ приняли его во дворцахъ и салонахъ.

„Пишущій эти строки принадлежитъ къ міру придворному и аристократическому (au monde de la cour et de l'aristocratie) и онъ можетъ удостовѣрить, не боясь быть опровергнутымъ кѣмъ бы то ни было изъ своихъ соотечественниковъ, что на событіе, о которомъ идетъ рѣчь, всѣ смотрѣли, какъ на катастрофу, равнозначущую общественному бѣдствію (comme une catastrophe équivalente à un désastre publique).“ Для Александра II авторъ находитъ, тѣмъ не менѣе, оправданіе въ его „sentiment chevaleresque“, для кн. Юрьевской—никакихъ. „Чувство непріязни, продолжаетъ un russe du grand monde,—которое общество питало къ княгинѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, превратилось въ то время въ положительное и единодушное отвращеніе (se transforma, à cette époque, en une repulsion positive et unanime)“.—(Quelques mots sur la brochure de M. Victore Laferté—L'empereur Alexandre II, détails inedits sur sa vie intime et sa mort. Paris. 1882. ps. 9—10) Отсюда ясно, что Побѣдоносцевъ отлично зналъ, что дѣлалъ въ своихъ интригахъ противъ кн. Юрьевской и своей цѣли онъ, конечно, достигъ. Почва была прекрасно для того подготовлена... Можемъ прибавить, что самая ненависть въ высшихъ сферахъ и къ Лорисъ-Меликову имѣла своимъ основаніемъ не столько даже его знаменитую „конституцію“, которая вовсе не была конституціей, сколько тотъ фактъ, что онъ былъ однимъ изъ шаферовъ при томъ бракосочетаніи, которое разсматривалось „comme une catastrophe equivalente à un désastre publique“...

проекта И. И. Петрункевичу, личнымъ знакомствомъ съ Драгомановымъ и Гольцевымъ, поддержкою Вольнаго Слова, предложеніемъ Н. Я. Николадзе устроить ему свиданіе съ носителемъ верховной власти, во время котораго пригрозить возрожденіемъ террора, и т. д. Объяснить все это одною лишь провокаціею было бы, конечно, очень просто, но въ то же время и исторически невѣрно. [1])

Но самыя крайнія реакціонныя силы взяли въ царствованіе Александра III верхъ и повели Россію по собственному „пути".

Упразднивши даже „Дружину", какъ организацію, грозившую „основамъ", побѣдители стали шествовать „твердою стезею".

Начался тріумвиратъ Побѣдоносцевъ-Толстой-Катковъ и длился онъ много лѣтъ. Сошли въ могилу Толстой и Катковъ, но духъ ихъ жить продолжалъ, да и хранителя его, Побѣдоносцева, судьба наградила особымъ долголѣтіемъ.

Такъ и дожило это побѣдоносцевско-толстовско-катковское направленіе въ нашей „политикѣ" вплоть до его логическаго завершенія—Цусимой и Портъ-Артуромъ.

Люди направленія, взявшаго верхъ въ мартѣ-апрѣлѣ 1881 года, ввергли Россію черезъ четверть вѣка послѣ того во всѣ ужасы японской войны и ея послѣдствій. [2])

---

[1]) Само собою разумѣется, что этими словами мы отнюдь не хотимъ смягчить глубоко антиобщественнаго характера Дружины, членомъ которой былъ гр. Шуваловъ. Желая быть строго объективнымъ, мы только оттѣняемъ разницу между нимъ и другими дружинниками.

[2]) Въ описываемое время директоромъ департамента полиціи былъ В. К. Плеве. Въ эпоху войны съ Японіей онъ же былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Г. Морской, устами котораго говоритъ, какъ объ этомъ открыто твердитъ русская печать, гр. С. Ю. Витте, пишетъ въ своей недавно вышедшей брошюрѣ (съ многознаменательной сноской „фактъ удостовѣренный") такія строки: „Со временемъ, когда русское общество ознакомится съ мемуарами генералъ-адъютанта А. Н. Куропаткина, оно узнаетъ, что незадолго до его назначенія командующимъ арміей Дальняго Востока, онъ въ интимной бесѣдѣ съ В. К. Плеве сталъ упрекать послѣдняго, что война не была бы объявлена, если бы Плеве не отдѣлился отъ остальныхъ министровъ и не поддержалъ всѣмъ своимъ авторитетомъ политическихъ видовъ Безобразова. В. К. Плеве молча выслушалъ упреки, но, уходя изъ кабинета Куро-

XII.

Литература партіи „Народной Воли". Народовольческая программа. Значеніе народовольчества въ исторіи русскаго освободительнаго движенія.

На протяженіи 1879—1886 года центральной народовольческой организаціей были изданы 12 номеровъ газеты Народная Воля (изъ которыхъ два двойныхъ: №№ 8—9 и 11—12.), 6 Листковъ, одно Прибавленіе и одно Приложеніе къ этой газетѣ, три номера Рабочей Газеты съ двумя къ ней Приложеніями, Программа Исполнительнаго Комитета, Программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли и 23 прокламаціи: (По поводу взрыва въ Москвѣ 19 ноября 1879 года; „къ французскому народу" (по поводу Гартмана); по поводу взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 года; по поводу казни Млодецкаго; „Отъ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли"; По поводу событія 1-го марта 1881 года; Письмо къ Александру III; „Отъ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли" (по поводу того же событія); „Честнымъ мірянамъ, православнымъ христіанамъ и всему народу русскому" (о томъ же); „Европейскому обществу" (о томъ же); По поводу казни цареубійцъ; Офицерамъ русской арміи; Украинскому народу (о еврейскихъ погромахъ); „Русскому рабочему народу"; „Славному казачеству"; Студентамъ (центральнаго кружка петербургскаго университета); По поводу покушенія на Черевина; По поводу убійства Стрѣльникова; „Отъ мертвыхъ къ живымъ" (письмо изъ Петро-

паткина, положилъ руку на плечо генералу и проникновенно (?!) изрекъ: „повѣрьте мнѣ, Алексѣй Николаевичъ, намъ необходима маленькая побѣдоносная война,—иначе революціи удержать невозможно". (А. Морской.—„Исходъ россійской революціи 1905 г. и правительство Носаря". Москва. 1911. стр. 19). Въ лицѣ Плеве мы имѣемъ даже одно и тоже физическое лице въ качествѣ дѣятеля и 1881 и 1904 г. Олицетвореніе той правительственной политики, о которой у насъ все время шла рѣчь, Плеве явилъ собою яркое доказательство того, куда такая политика заводитъ страну...

павловской крѣпости); „Каторга и пытка въ Петербургѣ въ 1883 году“ (тоже); „И. С. Тургеневъ“ (по поводу его смерти. Съ приложеніемъ Тургеневскаго „Порога“) [1]); Русскому юношеству отъ центральнаго кружка Союза Молодежи партіи Народной Воли; по поводу убійства Судейкина; по поводу розысковъ правительствомъ Дегаева). Въ 1883 году была издана брошюра (С. Н. Кривенко)—„Чего намъ ждать отъ коронаціи“; въ 1886 году брошюра (В. Г. Богораза)—„Борьба общественныхъ силъ въ Россіи“ и отчетъ о судебномъ процессѣ въ Варшавѣ по дѣлу польской партіи „Пролетаріатъ“. Нѣсколько прокламацій отъ мѣстныхъ группъ было издано въ провинціи.

Кромѣ того, заграницей былъ изданъ Календарь Народной Воли и пять номеровъ журнала Вѣстникъ Народной Воли. Тамъ же были изданы біографіи Соловьева, Александра Михайлова, Желябова, Перовской и Кибальчича и три маленькихъ сборника, носившихъ общее названіе На Родинѣ. [2])

Объ изданіяхъ народовольцевъ, печатавшихся въ Россіи, мы частью уже говорили въ различныхъ мѣстахъ этой книги, частью еще будемъ говорить ниже,—теперь же скажемъ нѣсколько словъ о заграничномъ журналѣ Вѣстникъ Народной Воли.

Этого журнала было издано пять номеровъ. Первый номеръ вышелъ въ 1883-мъ пятый—въ 1886 году. [3]) Редакто-

---

[1]) Такимъ образомъ Тургеневское стихотвореніе въ прозѣ „Порогъ“ было издано въ Россіи народовольцами. Авторомъ прокламаціи по поводу смерти Тургенева былъ П. Ф. Якубовичъ. См. ст. В. Богучарскаго „Къ біографіи П. Ф. Якубовича“. Русское Богатство. 1911 г. май.

[2]) Уже послѣ прекращенія Вѣстника Народной Воли и помилованія Тихомирова заграницей было издано „Письмо товарищамъ въ Россіи“ П. Л. Лаврова (по поводу брошюры Тихомирова „Почему я пересталъ быть революціонеромъ?“). Въ 1888 г. „кружкомъ народовольцевъ“ была издана брошюра „процессъ 21-го“ (Лопатина, Якубовича и др.).

[3]) Вотъ содержаніе всѣхъ пяти номеровъ Вѣстника Народной Воли:

№ 1: Задачи соціализма—П. Лаврова.—Ткачи (изъ Гейне) —ова.—Два года жизни—Вл. Дебагорія-Мокріевича.—Банкротство буржуазной науки—П. Тарасова.—Финансовый кризисъ—В. Рязa-

рами журнала были П. Л. Лавровъ и Л. А. Тихомировъ. Лаврову принадлежали статьи по болѣе общимъ вопросамъ; Тихомирову—„боевыя“, по вопросамъ современности, непосредственныхъ злобъ дня. Направленіе журнала было съ ясно выраженной террористической тенденціей, хотя самъ П. Л. Лавровъ террору и не сочувствовалъ.

нова.—Революціонеры и естественный ходъ событій—Украинца.—Матеріалы для біографіи Нечаева.—Соціалисты и мелкая буржуазія—П. Аксельрода.—Замѣтки о новыхъ книгахъ—Г. П., П. Л. и Л. Т.—Новое царствованіе—Л. Тихомирова.—Хроника революціонной борьбы.—Обвинительный актъ по дѣлу Богдановича, Грачевскаго и др.—Обвинительный актъ по дѣлу оберъ-фейерверкера Филипкова и солдатъ Петропавловской крѣпости. („распропогандированныхъ“ Нечаевымъ.)—Франжоли и Завадская (некрологи).—И. С. Тургеневъ (некрологъ)—за предѣлами Россіи.—Отчеты.

№ 2: Политическій и экономическій факторы въ жизни народовъ—Тарасова,—Два года жизни (окончаніе)—Вл. Дебагорія-Мокріевича.—Тургеневъ и развитіе русскаго общества—П. Лаврова.—Видѣнія (стих.)—Положеніе рудокоповъ и заводскихъ рабочихъ на Уралѣ—Н. М.—Федорушка (стих.)—Соціалисты и мелкая буржуазія—П. Аксельрода.—Отрывки изъ записокъ по дѣлу 193-хъ—Г. Чего намъ ждать отъ революціи—Л. Тихомирова.—Послѣднія минуты (стих.).—За предѣлами Россіи—П. Лаврова.—Библіографія—Лаврова, Тихомирова и Тарасова.—Въ мірѣ мерзости и запустѣнія—Л. Тихомирова.—Какъ живется въ Россіи—Л. Тихомирова.—Хроника революціонной борьбы.—Объявленіе объ изданіи польскаго журнала Walka Klas.—Отъ Краснаго Креста Народной Воли.

№ 3: Соціальная революція и задачи нравственности—П. Лаврова.—Изъ воспоминаній русскаго соціалиста—Вл. Дебагорія-Мокріевича.—Надгробное слово Александру II.—Замѣтки о новыхъ книгахъ—П. Л. и Л. Т.—Карійская каторжная тюрьма—NN.—Какъ живется въ Россіи—Л. Тихомирова.—Хроника революціонной борьбы.—Я. Тихоновъ (некрологъ).—Д. Рогачевъ (некрологъ).—Дихштейнъ (некрологъ).—Отчетъ Краснаго Креста Народной Воли.

№ 4: Соціальная революція и задачи нравственности (окончаніе).—П. Лаврова.—Изъ давняго разговора (памяти Коковскаго)—Л. Тихомирова.—Герой, забывшій умереть. Исп. К.—Изъ пѣсень о молодомъ поколѣніи—Я. Нашимъ порицателямъ—Офицера.—Бытъ въ Россіи—Тарасова.—Документы по вопросу объ охранѣ царей въ Россіи.—Запросы времени—Тихомирова.—Сербія—В—ича.—Англія.—Библіографія—Лаврова, Тихомирова и Тарасова.—Памяти честно павшихъ (В. Н. Фигнеръ и др.)—Л. Тихомирова.—Обвинительный актъ по дѣлу Фигнеръ и др.—Какъ живется въ Россіи—Л. Тихомирова.—Хроника революціонной борьбы—М. Н.—Неустроевъ (некрологъ)—Мелочи.—Отвѣты редакціи.

Уже послѣ покаянія г. Тихомирова Лавровъ писалъ:

„Но всякая ли форма протеста допустима для убѣжденной личности? Конечно, нѣтъ: лишь та, которая не вредитъ общему смыслу протеста.

№ 5: Современная промышленность и экономическія тенденціи—Н. Ч.—Декабристы въ разсказѣ помощника квартальнаго.—Думы и слухи въ народѣ—X. Y. Z.—Воспоминанія о Сухановѣ—NN.—Что дѣлать евреямъ въ Россіи—Ильяшевича.—Документы по исторіи революціоннаго движенія въ арміи.—Старые вопросы (ученіе Л. Н. Толстого)—П. Лаврова.—Письмо К. Маркса.—Библіографія—Тихомирова, Лаврова, И. Р.—Кіевскій процессъ (Шебалина, Караулова и др.).—Обвинительный актъ по Кіевскому процессу.—Какъ живется въ Россіи—Л. Тихомирова.—Хроника революціонной борьбы.—Ткачевъ (некрологъ).—Никитина (некрологъ)—Библіографическая замѣтка.—П. Л.—Товарищамъ Народной Воли—П. Лаврова Заявленіе, товарищамъ и читателямъ—Л. Тихомирова.

Прибавимъ тутъ же содержаніе Календаря Народной Воли: мѣсяцесловъ (революціонный)—Завѣщаніе осужденныхъ по процессу 193-хъ.—Программа Исполнительнаго Комитета.—Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III.—Г. М. Гельфманъ. Побѣгъ М. Ф. Грачевскаго.—Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ Дворцѣ.—Софья Перовская.—Воспоминанія о Софьѣ Перовской.—П. Лавровъ: Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма.—Подготовительная работа партіи.—Политическіе процессы въ царствованія Николая I, Александра II и Александра III.—Мартирологъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ.—Свѣдѣнія о политическихъ убійствахъ въ Россіи.—Вооруженныя сопротивленія.—Бѣгства изъ ссылки и тюремъ.—Библіографія вольной прессы.—Открытое письмо Драгоманову.—Некрологъ Карла Маркса.

Сборники На Родинѣ:

№ 1: Отъ издателей.—Тюрьма и ссылка (перепеч. изъ № 8—9 Нар. Воли).—Біографія Гриневицкаго.—Саблинъ: поэма „Новь“.—Хроника арестовъ (переп. изъ Нар. Воли).—Списокъ пожертвованій поступившихъ въ кассу Заграничнаго отдѣла Общества Краснаго Креста Народной Воли.

№ 2: Воспоминанія объ А. К. Соловьевѣ.—Обвинительная рѣчь прок. Желеховскаго (стихотвореніе).—Процессъ 20-ти (перепеч. изъ 8—9 № Нар. Воли).—Изъ Олонецкой губ. (письмо ссыльной).—Изъ Якутской области (письмо въ редакцію).—Списокъ пожертвованій.

№ 3: Отъ издателей.—А. Д. Михайловъ (автобіографическія замѣтки).—Воспоминанія объ А. Д. Михайловѣ.—Изъ Одессы.—На Карѣ.—Новый начальникъ ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ.—Замѣтки о Судейкинѣ.—Изъ письма.—Заявленіе (о газетѣ Правда).—Списокъ пожертвованій.—Прокламація, изданная въ Одессѣ. „Къ русскимъ людямъ“.

Дозволительны ли формы террора? Мнѣ приходилось слишкомъ часто въ 1880 и 1881 годахъ, когда вся молодая эмиграція была на сторонѣ этихъ пріемовъ, публично предупреждать слушателей объ ихъ опасностяхъ, чтобы меня даже добросовѣстные противники сочли террористомъ. Я указывалъ тогда на возможное возмущеніе общества противъ террористовъ, но въ этомъ отношеніи мои опасенія были излишни: правительство воспитало въ русскомъ обществѣ слишкомъ много неуваженія къ законнымъ мѣрамъ и жизни личности, чтобы это возмущеніе могло развиться, а русскіе террористы были болѣе осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ можно было ожидать. Я указывалъ на опасность истощенія силъ партіи въ продолжительной террористической борьбѣ съ болѣе многочисленнымъ врагомъ, и мои опасенія, къ сожалѣнію, оправдались. Я указывалъ еще на одну опасность: на возможность появленія въ ряду довѣренныхъ лицъ и даже руководителей людей, которые не только не оправдаютъ довѣрія, но вполнѣ обманутъ его. Примѣры Гольденберга и Дегаева были уже печальнымъ подтвержденіемъ моего опасенія; къ нашему общему горю, пришлось мнѣ увидать еще новый, болѣе тяжелый примѣръ (раскаяніе Тихомирова). Терроръ есть оружіе крайне опасное и остается опаснымъ въ Россіи; тяжелую отвѣтственность берутъ на себя тѣ, которые къ нему прибѣгаютъ; но не эмигрантамъ, давно уже оставившимъ отечество, можно произнести приговоръ о его цѣлесообразности въ томъ или другомъ случаѣ. Комитетъ Народной Воли взялъ на себя эту отвѣтственность и былъ поддержанъ долго общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи, привлекъ къ себѣ значительное число живыхъ силъ ея. Ошибался онъ или нѣтъ,—я судить не рѣшаюсь, такъ какъ окончательная неудача не есть доказательство ошибки въ теоріи". [1])

Такимъ образомъ за всѣ террористическія статьи Вѣстника Народной Воли бралъ на себя отвѣтственность тогда еще недавно прибывшій изъ Россіи, второй редакторъ

[1]) П. Лавровъ.—Письмо товарищамъ въ Россіи. Женева. 1888 г. стр. 18.

журнала г. Тихомировъ; Лавровъ же, какъ „эмигрантъ, давно уже оставившій отечество", не бралъ на себя окончательнаго сужденія о „цѣлесообразности" террора „въ томъ или другомъ случаѣ", хотя передъ тѣмъ и часто выступалъ противъ терроризма въ публичныхъ собраніяхъ. Разногласіе и окончилось „компромисомъ": Лавровъ сталъ писать статьи теоретическія, г. Тихомировъ—по вопросамъ „боевой практики"...

Такъ дѣло и продолжалось до самого прекращенія Вѣстника Народной Воли.

Обращаясь теперь къ народовольческимъ идеямъ и народовольческой программѣ, намъ необходимо бросить бѣглый взглядъ на революціонныя программы, народовольчеству непосредственно предшествовавшія.[1])

Народовольчество вышло изъ народничества, этого своеобразнаго движенія, носителемъ котораго была русская революціонная интеллигенція. То было движеніе, этическая цѣнность котораго громадна, но движеніе въ то же время, по задачамъ своимъ, безпредѣльно утопическое. Въ семидесятыхъ годахъ въ нѣдрахъ русской интеллигенціи были два типа людей: одни, „либералы", ясно сознавали, что безъ политической свободы ни соціализмъ вообще, ни тѣмъ болѣе „соціализмъ" въ его русской народнической интерпретаціи, не имѣетъ за собою рѣшительно никакого жизненнаго фундамента, и потому группа эта въ области пониманія соціально-политическихъ задачъ стояла несравненно выше другой группы интеллигенціи,—группы соціально-революціонной. Но въ то же время группа либеральная, за самыми небольшими исключеніями, въ противоположность группѣ соціально-революціонной, отличалась полною немощью, разъ дѣло касалось вопросовъ борьбы за ея собственныя убѣжденія. Наслѣдница людей „сороковыхъ годовъ", группа эта оправдывала вполнѣ характеристику, которую далъ людямъ своего времени еще Герценъ: „мы были,—писалъ онъ (здѣсь и далѣе курсивъ Герцена) тайнобрачными супругами нашихъ идей... Энергіей, дѣ-

[1]) О народничествѣ и вообще о движеніи 70-хъ годовъ мы будемъ говорить подробно въ другой книгѣ.

ломъ, мужествомъ мы мало отличались... Мы всѣ были отважны и смѣлы только въ области мысли. Въ практическихъ сферахъ, въ столкновеніяхъ съ властью являлась большею частью несостоятельность, шаткость, уступчивость... Не то теперь...“ Конечно, самъ Герценъ подъ эту характеристику не подходилъ, но огромное большинство людей его поколѣнія были именно таковы. „Не то теперь“— писалъ онъ,—т.-е. не то въ 60-хъ годахъ, когда на исторической сценѣ Россіи появились „разночинцы“, признавшіе за собою не только право „смѣть свое сужденіе имѣть“, но и умѣвшіе за это право бороться. Наслѣдниками этихъ „разночинцевъ“ явились революціонеры 70-хъ годовъ, наслѣдниками людей типа, охарактеризованнаго Герценомъ, „либералы“ той же эпохи. И получилась такая картина: на одной сторонѣ зрѣлая политическая мысль и въ то же время полное отсутствіе „энергіи“, „мужества“ въ ея отстаиваніи, на другой — огромная дѣйственность, часто необыкновенная твердость характеровъ и способность къ самоотверженной борьбѣ за свои идеи—при полномъ утопизмѣ самихъ идей...

Если не считать Герцена, стоявшаго, такъ сказать, „посрединѣ“ между обѣими группами русской интеллигенціи,—„посрединѣ“ въ самомъ хорошемъ смыслѣ слова, ибо совмѣщалъ онъ въ себѣ лучшія свойства и тѣхъ и другихъ, то спрашивается: что же, напримѣръ, предприняли за все время своей дѣятельности въ разсматриваемую эпоху для отстаиванія столь дорогого, столь необходимаго дѣла, какъ напр. свобода печати, либералы? Нашелся ли среди нихъ хоть одинъ преемникъ, — не по таланту, — талантъ дѣло „божьей милости“,—а просто, какъ продолжатель дѣла Герцена?... Общее Дѣло? Но, вѣдь, за исключеніемъ Н. А. Бѣлоголовaго,—а объ исключеніяхъ, повторяемъ, мы не говоримъ,—вложившимъ въ поддержку этого изданія много энергіи, кто изъ либераловъ разсматриваемой эпохи смотрѣлъ на него, какъ на свое, родное, необходимое? И журналъ именно поэтому скоро при нялъ, подъ вліяніемъ В. А. Зайцева, обычную физіономію заграничныхъ революціонныхъ изданій.

Между тѣмъ „лѣвые“, чаще всего на гроши ставили и

вели заграницею одинъ за другимъ русскіе журналы въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ.

Когда въ концѣ 60-хъ годовъ, появился заграницей соціально-революціонный журналъ Народное Дѣло, — въ немъ приводились отрывки изъ писемъ либераловъ, критиковавшихъ программу журнала, такого, напр., содержанія: „наше (здѣсь и далѣе курсивъ подлинника) русское дѣло состоитъ въ необходимости теперь направить всѣ недовольные элементы единственно на борьбу съ правительствомъ во имя завоеванія Россіи политической свободы. А при этой необходимости соціальная пропаганда въ настоящее время можетъ повести къ разъединенію и ослабленію союза русскихъ недовольныхъ людей". [1]) Всѣ такія указанія Народное Дѣло считало „мѣщанскими" [2]) и упорно продолжало „свою линію". Журналъ этотъ былъ очень неважный,—спору нѣтъ,—но развѣ не имѣлъ бы онъ полнаго права сказать своимъ критикамъ изъ либеральнаго лагеря: вамъ не нравится, что мы не боремся за политическую свободу, прекрасно. Но почему же вы сами, такъ высоко ее цѣнящіе, за нее не боретесь, почему не слышно вашего собственнаго свободнаго голоса?... И нашимъ либераламъ рѣшительно нечего было бы на это отвѣтить...

Точно также обстояло дѣло и съ созданіемъ какихъ бы то ни было организацій внутри самой Россіи для борьбы съ

---

[1]) „Интернаціональная Ассоціація и Россія". Народное Дѣло. № 3.

[2]) „Мѣщанство" было однимъ изъ самыхъ любимыхъ выраженій журнала, которымъ онъ клеймилъ своихъ оппонентовъ. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ рядъ статей (въ №№ 4, 5 и 6 за 1869 г.) которыя такъ и называются „Политика мѣщанства и политика соціализма". Между тѣмъ журналъ издавали „нигилисты" т.-е. именно представители того направленія, о которомъ г. Ивановъ-Разумникъ пишетъ такія слова: „нигилизмъ (конца 60-хъ годовъ) является не индивидуализмомъ, а очевиднымъ радикальнымъ мѣщанствомъ, исключающимъ нигилистовъ изъ группы интеллигенціи... Нигилизмомъ закончились шестидесятые годы". (Исторія русской общественной мысли. Т. II. 1911 г. стр. 95—96). Бѣдные „нигилисты"!. Они ли не старались противопоставить свои воззрѣнія воззрѣніямъ „мѣщанскимъ", и вдругъ явился писатель, который даже „исключилъ нигилистовъ изъ группы интеллигенціи" за ихъ... „мѣщанство". Но объ этомъ въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ.

„приказнымъ строемъ“ за конституцію. Много ли было попытокъ организовать чисто конституціонныя, сколько нибудь дѣйственныя группы? „Лѣвые“ же въ борьбѣ за свои соціалистическія идеи создали своихъ кружковъ и организацій многое множество.

Такимъ образомъ, съ этой стороны либералы не могутъ итти ни въ какое сравненіе съ „лѣвыми“. Лишь послѣдніе являлись тогда людьми, въ Россіи умѣвшими отстаивать свои взгляды въ тяжелой борьбѣ со всею соціально-политической обстановкою русской жизни не на словахъ, а на дѣлѣ, умѣвшими и бороться за свои идеи съ огромнымъ самоотверженіемъ.

Этой чертѣ „лѣвыхъ“ воздалъ должное великій русскій художникъ въ знаменитомъ стихотвореніи въ прозѣ „Порогъ“, заключительныя слова котораго могутъ быть поставлены эпиграфомъ ко всей исторіи русской народнической интеллигенціи, но тотъ же художникъ отлично понималъ и всю полную несостоятельность народническихъ идей. Онъ же нарисовалъ въ другомъ стихотвореніи въ прозѣ [1]) не менѣе талантливо, и не менѣе правдиво ту, поистинѣ, бездонную пропасть, которая раздѣляла тогда воззрѣнія народа отъ воззрѣній народниковъ. Онъ же далъ русскому революціонеру-народнику мѣткое названіе „самиста“. Говоря это, мы имѣемъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ интересныхъ „Литературныхъ воспоминаній“ Н. Н. Златовратскаго, которыя онъ читалъ 27 апрѣля 1897 года въ Обществѣ любителей россійской словесности въ Москвѣ и которыя вслѣдъ затѣмъ были напечатаны въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Собралась компанія, въ которой находились самъ авторъ, Златовратскій, Глѣбъ Успенскій, Всеволодъ Гаршинъ и другіе литераторы для бесѣды „по душѣ“ съ И. С. Тургеневымъ. Рѣчь зашла о „новыхъ людяхъ“ и о романѣ знаменитаго писателя „Новь“. „По поводу этой темы,—разсказываетъ г. Златовратскій,—Тургеневъ говорилъ, что онъ и самъ недоволенъ „Новью“, что онъ только намѣтилъ нѣкоторыя черты, которыя могъ прослѣдить по своимъ заграничнымъ знакомымъ, что онъ теперь очень занятъ мыслью глубже изу-

---

[1]) „Чернорабочій и бѣлоручка“.

чить это явленіе и что у него уже и теперь имѣется планъ изобразить русскаго „соціалиста“, именно „русскаго“, который не имѣетъ ничего въ главныхъ основаніяхъ общаго съ соціалистомъ западно-европейскимъ, что прежде всего русскій соціалистъ—отчаянный идеалистъ, что никакимъ представителемъ рабочаго класса онъ не является, какъ въ Европѣ, гдѣ всякій соціалистъ прежде всего членъ совершенно опредѣленной группы, представитель классовыхъ интересовъ, точныхъ, ясныхъ, безповоротныхъ, нежелающій ничего болѣе знать и защищать, кромѣ этихъ интересовъ, что нашъ—„самъ по себѣ“,—что его соціализмъ есть не болѣе, какъ созданная имъ лично своя собственная идеально-фантастическая программа наилучшей будущей жизни, о которой можетъ быть нашъ рабочій и знать не захочетъ, если о ней узнаетъ и что онъ, по этому самистъ (курсивъ Златовратскаго). Подъ этимъ названіемъ Тургеневъ и хотѣлъ его изобразить“.

Оставляя въ сторонѣ моральную цѣнность народническаго движенія, которая огромна,—о ней мы уже говорили,—и останавливаясь лишь на идейной сторонѣ народничества, мы находимъ, что, сдѣланная Тургеневымъ характеристика русскаго соціалиста-народника вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности. И объемлются этой характеристикой оба направленія русской соціалистической мысли 70-хъ годовъ—и такъ называемый „бакунизмъ“, и такъ называемый „лавризмъ“. Оба—вѣровавшія въ пришествіе въ самомъ близкомъ будущемъ мессіи во образѣ „соціальной революціи“, оба совершенно аполитичныя,—направленія эти различались между собою лишь по степени своего утопическаго содержанія.[1]) По существу же оба они были совершенно одинаково безгранично оторванными отъ конкретныхъ условій русской жизни, и надо было обладать всею тупостью русскихъ властей того времени, чтобы усмотрѣть въ нашемъ народничествѣ движеніе дѣйствительно опасное „для государства“.....

---

[1]) Самъ П. Л. Лавровъ говоритъ, что „во все продолженіе существованія „бакунистовъ“ и „впередовцевъ“ (т. е. „лавристовъ“ заграницею и въ Россіи никогда не было опредѣленнымъ образомъ установлено, въ чемъ существенно расходятся ихъ полити-

До Народной Воли въ Россіи издавались двѣ „подпольныхъ“ газеты: Начало и Земля и Воля.

Обѣ онѣ стремились къ „соціальной революціи“, а къ вопросу о политическомъ строѣ относились такъ:

Въ Началѣ категорически заявлялось, что „въ ближайшемъ будущемъ“ абсолютизмъ „такъ или иначе долженъ рухнуть, а вмѣстѣ съ нимъ и старый государственный механизмъ, построенный на бюрократическихъ началахъ“. [1])

Это писалось 7-го мая 1878 года.

Почему абсолютизмъ долженъ былъ рухнуть да еще „въ ближайшемъ будущемъ“, когда въ той же газетѣ утверждалось съ не меньшею категоричностью, что „народъ совершенно индифферентно относится къ политической свободѣ и формѣ правленія“, [2]) а на „общество“ надежды совсѣмъ плохи, объ этомъ можно только гадать,—гадать тѣмъ болѣе, что и активныя силы Россіи, революціонеры, вовсе не намѣрены были тратить своихъ силъ на такія мелочи, какъ конституція и политическая свобода. Почему? Да потому, что предъ ними открывались другія, гораздо болѣе заманчивыя перспективы. Какія же именно? А вотъ какія:

„При анархичности русскаго народа и отсутствіи органической связи между нимъ и государствомъ, которая давала бы правительству возможность поставить громоотводъ, хотя бы въ формѣ конституціи, противъ проявленія народной бури,—такая борьба, выражающаяся въ настоящемъ цѣлымъ

ческія и соціальныя программы, а столкновенія происходили по второстепеннымъ пунктамъ, какъ то по вопросу о важности или ненужности пріобрѣтенія званій, въ агитаціонной тактикѣ и т. д.“ (П. Л. Лавровъ „Народные-пропагандисты 1873—1878 г.г. С.-Петербургъ. 1907 г. стр. 59—60). Спорили по „второстепеннымъ“ вопросамъ,—въ родѣ того. нужны или ненужны революціонерамъ знанія?... Тотъ же Лавровъ приводитъ по этому поводу такой „анекдотъ“: „у извѣстнаго князя Васильчикова спросили: читаетъ ли онъ „Впередъ“? Онъ отвѣтилъ будто бы такъ: „я взялъ эту книгу, развернулъ, увидѣлъ, что тамъ спорятъ о пользѣ ученія и не нашелъ нужнымъ читать далѣе“. Ibid. стр 122). Вспоминая это, самъ Лавровъ справедливо находитъ такое положеніе дѣлъ „трагикомичнымъ“....

[1]) Начало (органъ русскихъ соціалистовъ). № 4.

[2]) Начало. № 3.

рядомъ бунтовъ, предстоитъ у насъ въ ближайшемъ будущемъ, по крайней мѣрѣ, въ такихъ же размѣрахъ". [1])

И далѣе:

„Русскій народъ, благодаря особымъ историческимъ условіямъ анархиченъ: онъ еще не усвоилъ себѣ, подобно другимъ народамъ, государственныхъ идей и буржуазныхъ инстинктовъ; вопреки освященному закономъ принципу частной собственности — требуетъ общаго раздѣла полей и, несмотря на вѣковое татарское, крѣпостное и государственное иго, мечтаетъ о широкой вольной жизни". [2])

Отсюда сами собою ясны задачи „соціальнаго переворота", а что касается до абсолютизма, то, онъ „рухнетъ въ ближайшемъ будущемъ" дѣйствіемъ какихъ то особыхъ силъ, очевидно, внѣ народа и общества находящихся.

Не лучше была въ этомъ отношеніи и Земля и Воля.

Въ № 1 этой газеты по вопросу о политической свободѣ говорилось такъ:

„Обратить всѣ наши силы на борьбу съ правительственною властью, значило бы оставить свою прямую постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной. Такое направленіе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще и съ другой стороны, со стороны тактики партіи. Паденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. Вопросъ только въ днѣ и часѣ, когда это совершится". Онъ „поражаемый со всѣхъ сторонъ, падетъ, уступивъ мѣсто болѣе современному конституціонному строю, который, какъ всякая конституція, выдвинетъ на первый планъ привилегированныя сословія помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ—всѣхъ владѣльцевъ капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ, буржуазію въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрозненны и потому безсильны; конституціонная же свобода, какъ бы жалка она ни была, имъ то во всякомъ случаѣ дастъ возможность съорганизоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ провозглашеніе крестоваго похода

[1]) Начало. № 1.

[2]) Ibid.

противъ насъ, соціалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ". [1])

Такъ какъ „народъ", по убѣжденію Земли и Воли, тоже отъ конституціи себѣ хорошаго ничего не ждетъ и потому за нее бороться не станетъ, а „буржуазія" является „разрозненной и потому безсильной", то и тутъ остается въ полной неизвѣстности существо таинственныхъ силъ, „поражающихъ" абсолютизмъ „со всѣхъ сторонъ" до такой степени смертоносно, что разговаривать можно только о „днѣ и часѣ" его паденія.

Соціалисты процессу этому содѣйствовать не будутъ, ибо для нихъ грядущая конституція опаснѣе абсолютизма; но кто же, наконецъ, выступитъ противъ этого строя, если то будетъ не „народъ", не „буржуазія" и не „соціалисты"? Можетъ быть то будутъ такъ называемые „либералы"? Опять таки нѣтъ, потому что Земля и Воля отрицаетъ самое ихъ существованіе въ Россіи. Вотъ что читаемъ мы въ той же статьѣ:

„Увѣряютъ, что мы противники политической свободы и ненавистники „либераловъ" и конституціоналистовъ.

„Ненависть къ „либераламъ". Но кто же у насъ называетъ себя этимъ именемъ?

„ Это люди, утверждающіе, что Казанская демонстрація 6-го декабря 1876 года въ честь политическихъ преступниковъ — произведеніе стариковъ, выжившихъ изъ ума или фортель, выкинутый на „иностранныя деньги".

„Это защитники свободы, возмущающіеся тѣмъ, что политическіе преступники не даютъ себя безнаказанно тиранить жандармамъ.

„Это лица, утверждающія, что поступокъ Вѣры Засуличъ— результатъ нравственнаго паденія этой личности.

„Это дѣятели прессы, обѣщающіе правительству въ награду за послабленіе въ цензурѣ, обращаться въ околодочныхъ и сыщиковъ по политическимъ дѣламъ.

„Пусть читатель судитъ самъ, имѣетъ ли дѣятельность вышеупомянутой котеріи что нибудь общее съ борьбой за политическую свободу"? [2])

[1]) Земля и Воля. 25 октября 1878 г. № 1. (передовая статья).

[2]) Ibid.

И всетаки авторъ статьи убѣжденъ, что абсолютизмъ „поражается со всѣхъ сторонъ“ и что вопросъ о его паденіи есть лишь вопросъ „дня и часа“...

Но на что же расчитывали сами соціалисты-землевольцы и въ чемъ состояла ихъ собственная программа?

Вотъ на что и вотъ въ чемъ:

„Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ, изгнаніе, а иногда и поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе „казачьихъ круговъ“ т. е. вольныхъ, автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли—такова была всегда неизмѣнная „программа“ народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ.

„Такова же безъ сомнѣнія остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа.

„Поэтому, ее принимаемъ и мы, революціонеры-народники“.

Вотъ, значитъ, программа: „казачьи круги“ да Пугачевъ, попавшій въ „народные соціалисты“.

Это и называлось „соціализмомъ“, пришествіе котораго авторъ той же статьи призывалъ въ такихъ восторженныхъ словахъ:

„Соціализмъ—высшая форма всеобщаго, всечеловѣческаго счастья, которая только когда либо вырабатывалась человѣческимъ разумомъ. Нѣтъ для него ни пола, ни возраста (даже нѣтъ и возраста!!! В. Б.), ни религіи, ни національности, ни классовъ, ни сословій. Всѣхъ зоветъ она на чудный пиръ жизни, всѣмъ даетъ она міръ, свободу, счастье, сколько каждый можетъ взять“. [1])

Ну развѣ не „идеально-фантастическая“ картина, о которой говорилъ Тургеневъ?

Мы могли бы привести не мало цитатъ о Пугачевѣ и всемъ такомъ прочемъ также изъ заграничныхъ народническихъ журналовъ Община и Впередъ, но это бы значило лишь повторяться.[2]) Отмѣтимъ, поэтому, еще только

---

[1]) Ibid.

[2]) Весьма любопытна попытка В. А. Гольцева отнестись на страницахъ самого журнала Впередъ критически къ основнымъ положеніямъ революціоннаго народничества. Письмо его было напечатано

одно теченіе или, правильнѣе, струйку въ революціонномъ движеніи семидесятыхъ годовъ, хотя и тоже чрезвычайно утопическую, но, по крайней мѣрѣ, не столь аполитичную, какъ другія теченія. Это такъ называемое „якобинство", литературнымъ выразителемъ котораго былъ органъ П. Н. Ткачева Набатъ.

Ткачевъ полагалъ, что самая существенная и неотложная потребность русской революціи состоитъ въ ниспроверженіи политическаго строя и захватѣ власти революціонерами. Онъ былъ убѣжденъ, что „нѣсколько тысячъ революціоне-

---

въ № 21 Впередъ „въ видѣ исключенія" (перепечатано затѣмъ въ статьѣ Гольцева „Изъ воспоминаній и переписки", Русская Мысль 1906 г. октябрь, а также въ сборникѣ „Памяти В. А. Гольцева" и въ № 13 Былого (заграничнаго). Въ послѣднемъ перепечатанъ и очень рѣзкій отвѣтъ Гольцеву редакціи Впередъ). Это, конечно, и не могло быть иначе при программѣ журнала, гласившей: „Всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякія попытки замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой, замѣнить существующее распредѣленіе территорій другими территоріями съ другими центрами и другими законами,—все это намъ враждебно въ своемъ основномъ строѣ и индиферентно для насъ въ своемъ проявленіи". Немудрено, поэтому, что когда началось въ Герцеговинѣ и Босніи возстаніе противъ турокъ (во имя того, чтобы „замѣнить существующее распредѣленіе территоріи другимъ распредѣленіемъ съ другими центрами и другими законами"), то Впередъ давалъ южнымъ славянамъ совѣты, справедливо называемыми сербскимъ историкомъ Скерличемъ „абсурдными" (въ біографіи извѣстнаго сербскаго соціалиста Свѣтозара Марковича),—„подождать съ своимъ возстаніемъ до соціальной революціи въ Германіи, Австріи и Россіи". (Объ этомъ см. въ ст. В. Богучарскаго—„Русское освободительное движеніе и война за освобожденіе Болгаріи". Современникъ. 1911 г., мартъ). Немудрено и то, что Впередъ удивляется, какъ это можетъ Марксъ придавать какое либо значеніе такой мизеріи, какъ фабричная инспекція! Но при всей своей анархичности и утопичности, Впередъ вовсе не занималъ еще самаго „лѣваго фланга" среди революціонеровъ 70-хъ годовъ. Напротивъ, „бакунистамъ" онъ казался совсѣмъ отсталымъ отъ вѣка. На редактора Впередъ Лаврова была пущена такая характерная каррикатура: нарисованъ ракъ, на немъ сидитъ верхомъ Лавровъ. Подъ каррикатурой подпись:

Эксъ-профессоръ, эксъ-философъ,
Революціи оплотъ.
Онъ засѣлъ верхомъ на рака
И кричитъ: впередъ! впередъ!

ровъ, надлежащимъ образомъ организованныхъ, могутъ расшатать власть и овладѣть ею". Онъ проповѣдовалъ, поэтому, заговоръ и терроръ. „Организація, какъ средство, терроризированіе, дезорганизированіе и уничтоженіе существующей правительственной власти, какъ ближайшая, насущнѣйшая цѣль,—такова должна быть въ настоящее время единственная программа дѣятельности всѣхъ революціонеровъ, таковъ долженъ быть ихъ mot d'ordre, девизъ ихъ знамени",—вотъ мысль, которую на всѣ лады много разъ твердилъ Набатъ. Что же касается „народа", то „мы говорили ей (молодежи), говорили, начиная съ самаго основанія Набата, что народъ готовъ къ революціи и что ей нечего заботиться о подготовленіи его къ ней". [1])

Въ этомъ и состояло русское „якобинство".

„Заговоръ" и „терроръ" вошли вскорѣ въ программу народовольцевъ, но Ткачевъ и его Набатъ были слишкомъ мало вліятельны, чтобы можно было тутъ установить преемственную связь.

Самъ Ткачевъ, впрочемъ, думалъ объ этомъ иначе.

Послѣ его смерти журналъ Общее Дѣло привелъ изъ частнаго письма Ткачева слѣдующее его собственное мнѣніе о вліяніи Набата на русскихъ революціонеровъ:

„Набатъ въ предѣлахъ возможности вполнѣ выполнилъ свою задачу и выполнилъ ее вполнѣ удачно. Онъ оказалъ несомнѣнную услугу развитію революціоннаго дѣла, онъ въ значительной степени содѣйствовалъ выработкѣ того новаго направленія революціонной дѣятельности, которое дало въ послѣднее время такіе плодотворные практическіе результаты. Я очень хорошо знаю, что въ Россіи мало кто имѣетъ въ рукахъ Набатъ, но объ его существованіи, его программѣ, его принципахъ извѣстно было во всѣхъ почти революціонныхъ кружкахъ. Вкось и вкривь обсуждая эту программу и эти идеи, извращая ихъ, клевеща на нихъ,—анархисты и лавристы распространили ихъ среди молодежи и подготовили ихъ окончательное торжество, выразившееся въ образованіи партіи „Народной Воли", въ образованіи цѣлаго ряда „исполнительныхъ" и иныхъ комитетовъ, въ

[1]) „Что же теперь дѣлать"? Набатъ. 1879 г. № 3—5, стр. 3 и 10.

программѣ, принятой на Липецкомъ съѣздѣ и, наконецъ, въ цѣломъ рядѣ удачныхъ покушеній". [1])

Можетъ быть, указываемое Ткачевымъ косвенное вліяніе Набата на выработку программы народовольцевъ въ извѣстной мѣрѣ и имѣло мѣсто, но во всякомъ случаѣ, если и имѣло, то весьма незначительное. „Якобинство" было извѣстно въ Россіи еще въ 60-хъ годахъ, его наиболѣе яркій представитель П. Г. Зайчневскій [2]) проживалъ (послѣ отбытія каторжныхъ работъ и поселенія) въ 70-хъ годахъ въ Орлѣ, гдѣ „обратилъ въ свою вѣру" сестеръ Оловенниковыхъ, изъ которыхъ старшая (Марія Николаевна Ошанина-Баранникова, она же Марина Никаноровна Полонская прозванная въ шутку за ея якобинство m-me Якобсонъ) играла впослѣдствіи въ народовольческой организаціи выдающуюся роль; „якобинцами" были Чернявская и Тихомировъ, но въ общемъ „захватъ власти" вошелъ въ народовольческую программу не какъ наслѣдіе отъ Зайчневскаго и Ткачева, а скорѣе, въ качествѣ отчаянной попытки мысли примирить непримиримое, сохранить вѣрность старымъ народническимъ иллюзіямъ съ признаніемъ законности борьбы за политическую свободу.

Желябовъ былъ человѣкомъ не только огромной энергіи, но и большой логической силы ума,—онъ ясно сознавалъ и чувствовалъ все значеніе такого колосальнаго блага самого по себѣ, какъ политическая свобода,—но такихъ, какъ онъ, было еще очень немного. Недаромъ же, когда онъ развилъ на Воронежскомъ съѣздѣ,—объ этомъ мы уже говорили выше,—свои взгляды, то его слушатели—землевольцы съ ужасомъ восклицали: „да онъ чистый конституціоналистъ!.."

Но если мысль о необходимости борьбы за политическую свободу отвергалась въ 70-хъ годахъ огромнымъ большинствомъ революціонеровъ, какъ мысль для „соціалистовъ" совершенно еретическая,—на это были свои историческія и

---

[1]) Общее Дѣло. № 84.

[2]) Объ этой оригинальной личности см. въ книгѣ Л. Ф. Пантелѣева „Изъ воспоминаній прошлаго". СПБ. 1905 г. См. также статью В. Н. Линда „Воспоминанія о моей жизни". Русская Мысль. 1911 г. августъ. Упоминается имя Зайчневскаго и многими мемуаристами въ петербургскомъ журналѣ Былое за 1906 и 1907 года.

психологическія причины, но фактъ именно таковъ, — то власти сдѣлали съ своей стороны рѣшительно все отъ нихъ зависѣвшее для разсѣянія столь упорнаго предразсудка.

В. К. Дебагорій-Мокріевичъ рисуетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ эпоху, непосредственно предшествовавшую эпохѣ народовольческой, такими словами:

Правительство готовилось къ войнѣ за освобожденіе Болгаріи. Но... „подумало ли оно о томъ, чтобы удалить или, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь смягчить хотя бы то противорѣчіе, которое было между его внутренней и внѣшней политикой, между нашимъ русскимъ внутреннимъ рабствомъ и войной за освобожденіе Болгаріи? Нисколько! Черезъ всѣ годы 75, 76 и 77 преслѣдованія не ослабѣвали, а по временамъ принимали даже необыкновенно свирѣпые размѣры. Правительство продолжало свою систему запугиванія. Боголюбовъ за участіе въ Казанской демонстраціи былъ приговоренъ судомъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. По процессу 50 многіе были приговорены (къ каторгѣ), хотя кружкомъ этимъ, кромѣ пропаганды словомъ и брошюръ соціалистическаго характера, не было совершено ничего. Произошелъ рядъ отдѣльныхъ небольшихъ процессовъ, изумительныхъ по своей жестокости. Такъ, Бутовскую приговорили за пропаганду къ 6 годамъ, а Семяновскаго къ 11 годамъ каторжныхъ работъ. Донецкаго за найденныя у него прокламаціи, изъ которыхъ онъ не успѣлъ распространить ни одного экземпляра, такъ какъ схваченъ былъ тотчасъ по переѣздѣ черезъ русскую границу, приговорили къ 5 годамъ каторги и засадили въ централку, гдѣ онъ сошелъ съума. Между тѣмъ на очереди были еще сотни лицъ, надъ которыми велось слѣдствіе съ 74 по 77 годъ. За какую нибудь книгу, найденную во время обыска, людей гноили по тюрьмамъ, доводили до сумашествія и самоубійства, вгоняли въ тяжкія, смертельныя болѣзни“.

А тутъ война за освобожденіе славянъ, по поводу которой южные революціонеры разсуждали такъ:

„Какое суровое, безчеловѣчное отношеніе у себя дома и какое въ тоже время постыдное, жалкое безсиліе во внѣшней политикѣ, во внѣшнихъ дѣлахъ! Имъ ничего не стоитъ ворваться среди ночи въ комнату, стащить васъ съ

кровати, чтобы обыскать, а въ тоже время вести войну будто бы за освобожденіе Болгаріи отъ турецкаго ига и благородно возмущаться турецкими нравами и порядками. Да, вѣдь, даже турки не осмѣливались вламываться въ спальню женщины! А посмотрите, какая несостоятельность въ войнѣ хотя бы съ этой самой Турціей. Эта гнилая держава, полудикая орда съ красными фесками на бритыхъ головахъ потребовала чуть не всѣ силы стомилліонной имперіи для того, чтобы какъ нибудь покончить войну... Задать же имъ страху! Это вовсе не такъ трудно. Побѣгутъ и здѣсь"... [1])

„Задать же имъ страху", — вотъ тотъ лейтъ-мотивъ, который первоначально опредѣлилъ собою появленіе на югѣ Россіи „террористическаго" направленія. Что южане начинали этимъ борьбу политическую, въ томъ мало кто изъ нихъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ [2]), но сама логика вещей должна была русскихъ революціонеровъ къ такому сознанію привести и въ концѣ концовъ, разумѣется, привела.

Біографъ Желябова разсказываетъ слѣдующее:

„Въ 1878 году уже былъ на югѣ элементъ, который началъ смотрѣть на терроръ не какъ на отместку, а какъ на средство борьбы. Это было мнѣніе немногихъ, но оно все-таки существовало. Я полагаю, что Вал. Осинскій былъ главнымъ источникомъ этой теоріи. Отчаянныя головушки въ родѣ Ивичевича (оба брата Ивичевичи умерли отъ ранъ, полученныхъ при вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ въ февралѣ 1879 года. В. Б.) не понимали, почему нельзя терроризировать правительство и заставить его дать соціалистамъ свободу дѣйствій. „Вы, значитъ, конституціона-

---

[1]) Воспоминанія. Стр. 243—244.

[2]) Мы уже говорили выше о томъ, какъ, участвуя въ расклеиваніи по Кіеву террористическихъ прокламацій съ печатью Исполнительнаго Комитета, Дебагорій-Мокріевичъ, по его собственному свидѣтельству, переживалъ при этомъ такое настроеніе: „Мнѣ все еще казалось очень забавнымъ дразнить полицію. Вотъ,—думалъ я,—пойдетъ трескотня по городу. Начнутъ ловить Исполнительный Комитетъ. Полиція совсѣмъ потеряетъ голову. Я радовался, рисуя въ своемъ воображеніи удивленныя рожи нашихъ администраторовъ, толкующихъ между собою объ „Исполнительномъ Комитетѣ" и теряющихся въ догадкахъ—откуда этотъ Комитетъ взялся". (Ibid. стр. 263).

листы?—замѣчали имъ,—„Вы признаете необходимость политической свободы“? Вал. Осинскій, конечно, не сталъ бы отпираться отъ этого, но „террористы“ отпирались: „намъ не нужно конституціи, намъ не нужны ихъ законы,—пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой“... [1])

Понятно, что „идеи“ такихъ, поистинѣ, „отчаянныхъ головушекъ“, какъ Ивичевичи, не могли долго удержаться... Между тѣмъ не лучше обстояло въ этомъ отношеніи дѣло и на сѣверѣ. Тотчасъ же послѣ убійства Мезенцева (4 августа 1878 г.) появилась брошюра „Смерть за смерть“, авторомъ которой былъ самъ, убившій Мезенцева, Кравчинскій-Степнякъ. Въ брошюрѣ этой заявлялось, что борьба ведется не съ правительствомъ, а съ буржуазіей и потому дѣло правительства лишь не мѣшать такой борьбѣ, относиться къ ней терпимо, пока у буржуазіи не будетъ вырвана власть вмѣстѣ съ жизнью... [2])

Лишь принявъ во вниманіе тотъ хаосъ мысли, внѣшнимъ выраженіемъ котораго явились народническо-революціонныя программы, можно оцѣнить весь относительный реализмъ программы народовольцевъ и относительно очень высокую степень ихъ политической зрѣлости.

---

[1]) Андрей Ивановичъ Желябовъ. Лондонъ. 1882 г., стр. 16.

[2]) Это было до такой степени абсурдно, что извѣстный писатель-революціонеръ В. А. Зайцевъ самымъ серьезнымъ образомъ принялъ брошюру „Смерть за смерть“ за издѣлье III Отдѣленія и въ статьѣ, которую такъ и назвалъ, „Новая продѣлка шпіоновъ“, писалъ о произведеніи Кравчинскаго такія строки: „Одни шпіоны III Отдѣленія сочиняютъ и распространяютъ манифесты соціалистовъ, другіе въ Голосѣ критикуютъ ихъ. Но поддѣлка такъ груба, что можетъ произвести эффектъ только среди русской публики, для которой эта продѣлка еще новость. Шпіонъ, притворяющійся революціонеромъ, все-таки не смѣетъ, однако, бранить правительство или предъявлять серьезныя требованія... Поэтому, шпіонъ, изображающій революціонера, требуетъ у правительства только терпимости и тутъ же прибавляетъ, что желаетъ терпимости съ цѣлью исторгнуть жизнь у буржуазіи. Смотрите, молъ, добрые россіяне, вотъ имъ зачѣмъ терпимость то нужна! Чтобы васъ всѣхъ передушить! Стало быть, если увидите соціалиста вѣшаемаго, четвертуемаго или колесуемаго, кланяйтесь намъ и благодарите насъ: это мы вашу жизнь отъ исторженія ограждаемъ“. (Общее Дѣло. 16 октября 1878 г.).

Бросимъ теперь взглядъ на эту программу.

Охарактеризовавши всѣ „облегающіе народъ слои эксплоататоровъ“, какъ „государственно-буржуазный наростъ“, держащійся „исключительно голымъ насиліемъ“, народовольческая программа ставитъ своею задачею „политическій переворотъ, съ цѣлью передачи власти народу“.

„Мы полагаемъ,—продолжаютъ далѣе авторы программы,—что народная воля (курсивъ подлинника) была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявленія народной воли, но единственно въ настоящее время возможная на практикѣ, и мы считаемъ поэтому нужнымъ остановиться именно на ней“.

„Подчиняясь вполнѣ народной волѣ, мы, тѣмъ не менѣе, какъ партія, сочтемъ долгомъ явиться передъ народомъ со своей программой. Эта программа слѣдующая:

1) Постоянное народное представительство, составленное, какъ выше сказано, имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ.

2) Широкое областное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономическою независимостью народа.

3) Самостоятельность міра, какъ экономической и административной единицы.

4) Принадлежность земли народу.

5) Система мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики.

6) Полная свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій и избирательной агитаціи.

7) Всеобщее избирательное право безъ сословныхъ и имущественныхъ всякихъ ограниченій.

8) Замѣна постоянной арміи территоріальной“. [1])

Конечно, и эта программа носитъ на себѣ явные слѣды происхожданія ея авторовъ отъ ихъ непосредственныхъ духовныхъ отцовъ-народниковъ. И въ ней проводится взглядъ на всѣ общественные классы и слои общества, не

[1]) Народная Воля № 3. (1 января 1880 г.).

принадлежащіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, къ „народу“ (понятіе точно не опредѣлявшееся), какъ на „государственно-буржуазный нарост ъ“, что прямо свидѣтельствуетъ о вліяніи эпохи, народовольчеству предшествовавшей, но все же самое стремленіе провести программу черезъ Учредительное Собраніе указываетъ на очень большой прогрессъ мысли у народовольцевъ, особливо если вспомнить, что всего за годъ до того Земля и Воля еще толковала о „казачьихъ кругахъ,“ замѣнѣ государства „федераціей автономныхъ общинъ“ и такихъ „народныхъ соціалистахъ“, какъ Емельянъ Пугачевъ, а заграницей незадолго до того, сравнивая столѣтіе провозглашенія Республики Соединенныхъ Штатовъ со столѣтіемъ пугачевскаго бунта, находили, что „заатлантическимъ“ до насъ далеко...

Съ другой стороны народовольческая программа страдаетъ, конечно, неполнотою и въ ея чисто политическихъ частяхъ. Такъ, она не считаетъ нужнымъ развернуть полнѣе формулу избирательнаго права: она говоритъ лишь о правѣ всеобщемъ, но какомъ именно, прямомъ или многостепенномъ, равномъ или плюральномъ, тайномъ или нѣтъ, въ ней не сказано, какъ не сказано ни объ избирательныхъ правахъ женщинъ, ни о возрастѣ, которымъ опредѣляется пользованіе избирательными правами всѣми гражданами вообще. Совершенно умалчивается въ программѣ о правахъ входящихъ въ составъ Россійской Имперіи національностей, существуютъ въ ней и другіе недостатки,—все это такъ, все это безспорно, но по сравненію съ „казачьими кругами“ прогрессъ мысли, повторяемъ, нельзя не признать въ этой программѣ огромнымъ.

Тоже самое надо сказать и о тактикѣ народовольцевъ. Въ основу ея они положили чисто бланкистскій принципъ заговора, принципъ совершенно несостоятельный, чему исторія того же народовольчества дала очень скоро полное подтвержденіе, но по сравненію съ анархизмомъ даже и бланкизмъ явился, конечно, большимъ шагомъ впередъ.

О „террористическомъ элементѣ“ въ программѣ народовольцевъ намъ говорить уже приводилось неоднократно,

наше отрицательное къ нему отношеніе мы уже установили, но при историческомъ разсмотрѣніи и этого болѣзненнаго явленія русской жизни надо помнить, что терроризмъ народовольцевъ не былъ терроризмомъ анархическимъ. Объ отношеніи самихъ народовольцевъ къ терроризму надо судить и по рѣчамъ многихъ изъ нихъ во время судебныхъ процессовъ, и по такимъ заявленіямъ, какъ заявленіе Исполнительнаго Комитета по поводу убійства Президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Гарфильда нѣкіимъ Гито, которое гласило:

„Выражая американскому народу глубокое соболѣзнованіе по случаю смерти президента Джемса Авраама Гарфильда, Исполнительный Комитетъ считаетъ долгомъ заявить отъ имени русскихъ революціонеровъ свой протестъ противъ насильственныхъ дѣйствій, подобныхъ покушенію Гито. Въ странѣ, гдѣ свобода личности даетъ возможность честной идейной борьбы, гдѣ свободная народная воля опредѣляетъ не только законъ, но и личность правителей,—въ такой странѣ политическое убійство, какъ средство борьбы, есть проявленіе того же деспотизма, уничтоженіе котораго въ Россіи мы ставимъ своею задачею. Деспотизмъ личности и деспотизмъ партіи одинаково предосудительны, и насиліе имѣетъ оправданіе только тогда, когда оно проявляется противъ насилія“.[1])

При исторической оцѣнкѣ идейной и тактической сторонъ дѣятельности народовольцевъ всего этого забывать не слѣдуетъ.

Мы уже говорили, что осенью 1879 г. произошло раздѣленіе организаціи „Земля и Воля“ на „Народную Волю“ и „Черный Передѣлъ“. Перваго октября 1879 года вышелъ въ Петербургѣ и первый номеръ новаго „подпольнаго“ органа Народная Воля. Въ замѣткѣ „Отъ редакціи“ въ немъ, правда, говорилось, что Народная Воля вполнѣ солидарна съ принципами, которые развивала Земля и Воля, но это былъ, повидимому, лишь реверансъ въ сторону вчерашнихъ товарищей, ибо въ томъ же номерѣ помѣщена

---

[1]) Народная Воля № 6 (23 октября 1881 г.).

передовая статья, которая отличалась отъ статей землевольческихъ чуть что не какъ небо отъ земли.

Вотъ нѣсколько изъ нея цитатъ:

„Политическія иллюзіи губятъ народы; онѣ же губятъ и партіи.

„Почему напримѣръ, крестьянину кажется, что стоитъ только дойти съ челобитной..... и все будетъ уважено и улажено? Почему г. Кошелевъ думаетъ, что стоитъ только собрать депутатовъ отъ земства на совѣщательный соборъ— и все пойдетъ, какъ по маслу? Потому что оба живутъ иллюзіей, а не выведенной изъ реальныхъ фактовъ идеей... А между тѣмъ нельзя не признать, къ сожалѣнію, что склонность къ политической иллюзіи—отличительная черта всѣхъ нашихъ русскихъ общественныхъ направленій. Развѣ не напоминаетъ крестьянина-ходока нашъ пропагандистъ 74 года? Лишь бы ему только дойти до мужика, лишь бы не помѣшали добраться до него, а тамъ все будетъ превосходно. Результаты получаются совершенно одинаковые съ ходокомъ: мужикъ такъ же жестоко обманываетъ розовыя надежды прапагандиста..... Необъятное, непроглядным мракомъ покрытое тянется предъ нами болото россійской жизни, и блудящими огоньками бѣгаютъ вдали иллюзіи, манящія неопытныхъ въ теплый и свѣтлый уголокъ и приводящія въ холодную трясину. Партія, претендующая на какую-нибудь будущность, должна основываться прежде всего на строго-реальномъ отношеніи къ жизни. Самый розовый идеалъ не только безполезенъ, но вреденъ, если онъ, по своей неосуществимости, не можетъ воплотиться въ жизни самъ, а между тѣмъ отвлекаетъ силы и работу отъ менѣе грандіозныхъ, но возможныхъ улучшеній въ жизни. Партія дѣйствія должна ставить себѣ конкретныя, осуществимыя, непосредственно полезныя для народа цѣли и выбирать средства въ данный моментъ наиболѣе дѣйствительныя.

„Можно указывать на то, что непосредственное мѣсто дѣятельности партіи—народъ, что не путемъ политическихъ реформъ она осуществитъ его требованія. Все это такъ; но, вѣдь, непосредственною цѣлью операцій русской арміи былъ

Константинополь, а приходилось, однако, чуть не полъ года стоять подъ Плевной, потому что, не взявши Плевны, нельзя было двинуться за Балканы, нельзя было оставить у себя въ тылу армію, способную отрѣзать русскимъ всѣ сообщенія.

„Мы не говоримъ, чтобы въ народѣ была абсолютно невозможна пропаганда, агитація, даже чисто бунтовская дѣятельность, но при настоящихъ условіяхъ она слишкомъ затруднена. Мы говоримъ, что для партіи абсолютно необходимо измѣнить эту обстановку, необходимо обуздать правительственный произволъ, уничтожить это нахальное вмѣшательство въ народную жизнь и создать такой государственный строй, при которомъ дѣятельность въ народѣ не была бы наполненіемъ бездонныхъ бочекъ Данаидъ.

„Политическая борьба, къ которой насъ неудержимо приводятъ всѣ условія русской жизни, вопреки всѣмъ предвзятымъ теоріямъ, была бы еще болѣе популярна, если-бы у насъ не существовало ходячаго предразсудка, что, будто бы, участвуя въ ней, мы загребаемъ своими руками жаръ для другихъ, что результатами побѣды воспользуется не народъ и не соціалисты.

„Мы думаемъ совершенно наоборотъ. Именно устранившись отъ политической дѣятельности, мы загребаемъ жаръ для другихъ, именно устранившись отъ политической борьбы, мы подготовляемъ побѣду для враждебныхъ народу элементовъ, потому что при такой системѣ дѣйствій просто даримъ имъ власть, которую обязаны были бы отстоять для народа.

„Но предразсудки рушатся подъ давленіемъ фактовъ, и живая партія дѣйствія не можетъ долго оставаться во власти книжной теоріи. Мы увѣрены, что уже наступаетъ время, когда соціалистическая партія встанетъ противъ правительственной системы не случайно, а систематически, настойчиво и постоянно и, разрушая мертвящую, всеподавляющую государственную машину, обезпечитъ народу исполненіе его важнѣйшихъ требованій и возможность дальнѣйшаго свободнаго развитія его мысли, его идеаловъ, его формъ общежитія. Delenda est Cartago!...“ [1])

[1]) Народная Воля. № 1. (1 октября 1879 г.). Авторъ этой статьи, кажется, А. А. Квятковскій.

И въ этой статьѣ попадаются строки, свидѣтельствующія все о той же оторванности русскихъ революціонеровъ отъ конкретной русской жизни. Такъ автору статьи,—подобно редактору Набата Ткачеву, полагавшему, что „русское правительство виситъ въ воздухѣ“ и получившему на это реплику отъ Энгельса въ томъ смыслѣ, что не правительство, а онъ, Ткачевъ, съ братіей „висятъ въ воздухѣ“,—представляется, что „русское правительство не опирается ни на чьи интересы въ странѣ и потому не имѣетъ поддержки ни въ чемъ“ и т. д., но въ общемъ статья эта все же свидѣтельствуетъ о громадномъ шагѣ у нѣкоторыхъ народовольцевъ въ сторону реалистической оцѣнки дѣйствительности и ихъ готовности разорвать съ „иллюзіями“, и „ходячими предразсудками“ народнической эпохи.

Сила „иллюзій“ и „предразсудковъ“ была, однако, еще такъ велика, что уже во второмъ номерѣ Народной Воли автору передовой статьи въ ней пришлось аргументировать въ пользу политическаго дѣйствія доводами, стремящимися примирить воззрѣнія, новыя же воззрѣніями старыми.

„Предположимъ,—говоритъ авторъ статьи,—въ самомъ дѣлѣ, что наше правительство отъ какихъ бы то ни было причинъ,—вслѣдствіе повсемѣстной революціи, вслѣдствіе собственнаго истощенія въ связи съ нравственнымъ давленіемъ всѣхъ слоевъ населенія и пр.,—вынуждено ликвидировать свои дѣла. Составляется самостоятельно или по приглашенію правительства Учредительное Собраніе, снабженное приговорами своихъ избирателей. Въ этомъ Собраніи 90% депутатовъ отъ крестьянъ и, если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточною ловкостью,—отъ партіи. Что можетъ постановить такое Собраніе? Въ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній; мы знаемъ, какъ устраивался нашъ народъ на Дону, на Яикѣ, на Кубани, на Терекѣ, въ сибирскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ, вездѣ, гдѣ устраивался свободно, сообразуясь только съ своими собственными наклонностями; мы знаемъ вѣчный лозунгъ народныхъ движеній. Право народа на землю, мѣстная

автономія, федерація, — вотъ постоянные принципы народнаго міросозерцанія. И нѣтъ въ Россіи такой силы, кромѣ государства, которая имѣла бы возможность съ успѣхомъ становиться поперекъ дороги этимъ принципамъ. Устраните государство (только и всего, — совсѣмъ за пустякомъ дѣло! В. Б.), и народъ устроится можетъ быть лучше чѣмъ мы даже можемъ надѣяться".[1])

Къ чести автора этой, быть можетъ, „дипломатической" статьи, имѣвшей въ виду убѣдить народниковъ, что интересы „казачьихъ круговъ" отъ политическаго переворота не только ничего не потеряютъ, но даже выиграютъ, необходимо отмѣтить такое примѣчаніе: „просимъ обратить вниманіе, что подъ словомъ „государство" мы постоянно понимаемъ именно современное Россійское государство. (Авторъ, видимо, хочетъ сказать „государство полицейское",—Polizeistaat. *В. Б.*). Этимъ авторъ, конечно, снимаетъ съ себя всякое подозрѣніе въ „анархизмѣ", но именно потому то, надо полагать, онъ не могъ тронуть своими аргументами сердецъ народниковъ, не взирая на всѣ заманчивыя перспективы, которыя онъ имъ рисовалъ.

Пока были живы и находились на свободѣ Квятковскій, Александръ Михайловъ, Желябовъ и нѣкоторые другіе люди народовольческаго центра, въ идеяхъ Народной Воли реалистическія ноты безусловно преобладали надъ утопическими. Говорилось о завоеваніи политической свободы, объ измѣненіи государственнаго строя и почти замалчивался тотъ утопическій пунктъ программы, который гласилъ: „захватъ власти". Но сошли со сцены эти люди, и въ 8—9 номерѣ Народной Воли появилась удивительная передовая статья. Въ ней говорилось о томъ, что „временное революціонное правительство рядомъ съ политическимъ освобожденіемъ народа, произведетъ экономическій переворотъ: уничтожитъ право собственности на землю и орудія производства. Тогда на созванный Земскій Соборъ (уже послѣ уничтоженія „права собственности на землю и орудія производства" будетъ созванъ... „Земскій Соборъ"!! В. Б.) явятся истинные предста-

[1]) Народная Воля № 2, (1-го октября 1879 г.).

вители народа, освобожденнаго политически и экономически, и народная жизнь станетъ регулироваться неподтасованною народною волею". [1])

Это было уже совсѣмъ по Ткачеву.

Но подобныя статьи не являются для народовольцевъ характерными. Уже въ слѣдующемъ послѣ того № 10 Народной Воли, — правда, отдѣленномъ отъ № 8—9 двумя съ половиною годами (онъ помѣченъ сентябремъ 1884 г.) въ статьѣ „Вмѣсто внутренняго обозрѣнія" о революціонныхъ переспективахъ говорится такъ:

„Мы ясно видимъ, что народъ извѣрился въ правительство, что онъ изстрадался въ конецъ, что онъ усталъ терпѣть, что ему не въ моготу болѣе нести свой тяжелый крестъ, что онъ безпокойно бьется въ своихъ узахъ, ища выхода и что, поэтому, всякій громкій призывъ къ нему поговорить по душѣ „о своихъ нуждишкахъ, о своихъ дѣлишкахъ и о разномъ прочемъ"—глубоко всколыхнетъ народное море и вызоветъ въ немъ радостный откликъ. Раздастся ли этотъ призывъ съ высоты трона, поколебленнаго..... или же онъ будетъ сдѣланъ самою партіею, захватившею на моментъ въ свои руки правительственную власть—это все равно. Мы твердо вѣримъ, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ народъ не пропуститъ мимо ушей обращеннаго къ нему призыва, что онъ сумѣетъ сказать, гдѣ его жметъ тѣсный сапогъ, что онъ найдетъ вокругъ себя людей, которые сформулируютъ его нужды, требованія и желанія въ толковые „наказы" его избранникамъ, что онъ сумѣетъ инстинктивно отличить друзей отъ враговъ и что онъ поддержитъ всею дикою мощью непобѣдимой стихійной силы истинныхъ представителей и заступниковъ его интересовъ въ нѣдрахъ будущаго Земскаго Собора. Мы твердо вѣримъ, что грядущая государственная реформа не можетъ выродиться на нашей почвѣ въ чисто политическую „конституцію", но непремѣнно принесетъ съ собой всѣ тѣ аграрныя и иныя экономическія и соціальныя реформы, какія совмѣстимы съ нынѣшнимъ умственнымъ развитіемъ человѣчества. Ибо только такая реформа или революція можетъ найти себѣ

---

[1]) Народная Воля. № 8—9. (5 февраля 1882 года).

опору въ народныхъ массахъ, во всенародномъ энтузіазмѣ, безъ котораго немыслимо никакое великое историческое дѣло, никакой крупный общественный переворотъ". [1])

Такимъ образомъ здѣсь, если и упоминается, какъ объ одной изъ перспективъ, о возможности захвата партіей власти, то не болѣе, какъ „на моментъ". Какое огромное разстояніе отъ такого захвата, который, какъ полагалъ авторъ вышецитированной статьи въ № 8—9 Народной Воли, повлечетъ за собою „уничтоженіе права собственности на землю и орудія производства" самими захватчиками и затѣмъ уже созваніе ими „освобожденныхъ политически и экономически" представителей народа въ „Земскій Соборъ"! Но и о захватѣ власти „на моментъ", въ № 10 Народной Воли сказано, видимо, лишь для „красоты слога", для поддержанія революціоннаго духа. Дѣйствительныя же упованія автора цитируемой статьи лежатъ въ области первой изъ рисуемыхъ имъ перспективъ.

Что дѣло обстояло именно такъ, это можно видѣть по приведеннымъ въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Лопатина и другихъ выдержкамъ изъ письма П. Ф. Якубовича,—въ то именно время (1883—1884 года) одного изъ руководителей революціоннаго движенія и участника въ составленіи № 10 Народной Воли—къ М. П. Шебалину. Въ этомъ письмѣ Якубовичъ писалъ:

„Еще въ 8—9 номерѣ своего органа партія заявляла, что цѣль ея—захватъ власти. И что же? Въ настоящее время и иного народовольца такая задача заставляетъ улыбаться. Формула наша стала иная: призывъ народа съ высоты трона, поколебленнаго..... (т.-е. слово въ слово первая часть той перспективы, которую рисовалъ себѣ авторъ вышецитированной статьи въ № 10 Народной Воли. На нее, впрочемъ, дальше Якубовичъ прямо и ссылается. В. Б.).....Мы не можемъ съ полною увѣренностью нарисовать послѣдствій такого призыва и представить себѣ эти послѣдствія во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Мы не беремъ на себя пророчествъ. Но я вѣрю, подобно автору прекрасной статьи „Вмѣсто внутренняго обозрѣнія" въ № 10 Народной Воли, что русскій народъ—великій народъ, что моментъ созванія Земскаго Собора будетъ

[1]) Народная Воля № 10 (сентябрь 1884 г.). Этотъ № былъ изданъ подъ редакціей Г. А. Лопатина.

великій моментъ и не пройдетъ безслѣдно въ русской жизни и исторіи; страстный энтузіазмъ, который охватитъ народъ и общество первоначально на почвѣ чисто политической, неизбѣжно повлечетъ за собою также и всю долю необходимыхъ и осуществимыхъ въ настоящее время реформъ экономическихъ. Это — наша вѣра". [1])

Вотъ какую эволюцію совершила мысль русскихъ революціонеровъ на протяженіи 1878—1884 года: отъ анархизма „казачьихъ круговъ", Пугачева и „федераціи автономныхъ общинъ", чрезъ захватъ власти для уничтоженія временнымъ революціоннымъ правительствомъ „права собственности на землю и орудія производства" къ Учредительному Собранію, какъ значилось въ народовольческой программѣ или Земскому Собору, какъ совершенно неправильно, но именно его же нѣкоторые народовольцы называли, — Собранію, созванному при всенародномъ энтузіазмѣ, съ задачами политическаго обновленія страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проведенія въ жизнь „всей доли необходимыхъ и осуществимыхъ въ настоящее время реформъ экономическихъ".

Методы борьбы народовольчества — заговоръ и терроризмъ—какъ методы совершенно невѣрные, оказались, конечно, и совершенно несостоятельными на практикѣ, но въ области политическихъ идей именно направленіе народовольческое одержало такую безспорную, такую блестящую побѣду, что послѣ него совсѣмъ перестали даже существовать въ русскомъ освободительномъ движеніи въ сколько нибудь замѣтныхъ размѣрахъ идеи аполитическія, хотя именно аполитизмомъ освободительное движеніе было пропитано насквозь въ эпоху, народовольчеству непосредственно предшествовавшую.

Конечно, и народовольцы, даже въ лицѣ своихъ такихъ замѣчательныхъ не только дѣятелей, но и мыслителей, какимъ былъ Желябовъ, [2]) не справились съ задачей синтеза „соціализма" и „политической борьбы", продолжая совершенно неосновательно понятія эти одно другому противо-

---

[1]) Процессъ 21-го. Съ приложеніемъ біографической замѣтки о Г. А. Лопатинѣ (составленной П. А. Лавровымъ). Изданіе кружка народовольцевъ. Женева. 1888 г., стр. 22.

[2]) Въ Россіи стачка есть фактъ политическій", — говорилъ

поставлять; задачу эту разрѣшили лишь первые русскіе соціалъ-демократы, Г. В. Плехановъ и его „Группа Освобожденія Труда“, но мы думаемъ, что самая потребность въ такомъ синтезѣ у вчерашнихъ антагонистовъ народовольчества—„чернопередѣльцевъ“, Плеханова и его товарищей,—была навѣяна тою политическою атмосферою, которую внесли въ русское освободительное движеніе народовольцы.

Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что Г. В. Плехановъ и его товарищи не пришли къ своимъ новымъ воззрѣніямъ совершенно самостоятельно; напротивъ, они упорно учились и работали надъ выработкою своего міросозерцанія, твердыя основы которому они затѣмъ нашли не въ ученіяхъ Бакунина или Лаврова, а въ теоріяхъ Маркса и Энгельса,—мы лишь говоримъ о томъ вліяніи, которое имѣла при этомъ народовольческая атмосфера. Самъ Г. В. Плехановъ по этому поводу писалъ: „мы не сшивали своихъ взглядовъ изъ кусочковъ чужихъ теорій, а послѣдовательно вывели ихъ изъ своего революціоннаго опыта (курсивъ подлинника), освѣщеннаго яркимъ свѣтомъ ученія Маркса“.[1]) Совершенно вѣрно, но, вѣдь, въ „революціонный опытъ“ вошелъ безспорно и огромный „опытъ“ политической борьбы народовольцевъ. Такія произведенія, какъ „Наши разногласія“ и „Соціализмъ и политическая борьба“ Плеханова, явившись плодомъ работы надъ синтезомъ этихъ, до того времени одно другому противопоставлявшихся, понятій („соціализма“ и „политической борьбы“), дали прочныя основанія для новыхъ соціально-политическихъ воззрѣній многихъ и многихъ послѣдовавшихъ затѣмъ дѣятелей русскаго освободительнаго движенія, но наврядъ ли явилась бы и самая мысль о необходпмости такого синтеза у бывшаго „чернопередѣльца“ Плеханова, если-бы изъ нѣдръ общей „Черному Передѣлу“ и „Народной Воли“ матери—органи-

---

Желябовъ, и эта мысль была необыкновенно вѣрна и глубока. См также замѣчательное разсужденіе Желябова объ Учредительномъ Собраніи въ письмѣ къ Драгоманову, о которомъ мы упоминали выше. Или такая, напр., его мысль въ томъ же письмѣ: „не велика заслуга предъ отечествомъ аскета—хранителя общественнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочли быть мірянами“...

[1]) См. предисловіе Г. В. Плеханова къ русскому переводу книги Туна, стр. LII.

заціи „Земля и Воля“,—не откололись столь еретическіе „политики“, какъ народовольцы.

Г. В. Плеханову и другимъ бывшимъ „черноперед҃льцамъ“ принадлежитъ передъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ безспорная заслуга, выразившаяся въ томъ, что они явились отцами русскаго марксизма и русской соціалъ-демократіи, но, когда они издавали свой Черный Перед҃лъ, Марксъ ихъ весьма не одобрялъ.

Марксъ, конечно, не раздѣлялъ и народовольческихъ воззрѣній, но онъ былъ всецѣло на сторонѣ „политической“ дѣятельности въ Россіи и потому гораздо болѣе симпатизировалъ народовольцамъ, чѣмъ черноперед҃льцамъ. Въ письмѣ отъ 5 ноября 1880 года Марксъ писалъ Зорге такія строки:

„Въ Россіи, гдѣ „Капиталъ“ читается и цѣнится болѣе чѣмъ гдѣ либо, нашъ успѣхъ еще больше. Мы имѣемъ тутъ за себя съ одной стороны критиковъ (по большей части молодыхъ университетскихъ профессоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые мои близкіе знакомые, а также нѣкоторыхъ журналистовъ), а съ другой центральный комитетъ террористовъ (курсивы вездѣ въ подлинникѣ), тайно отпечатавшій и выпустившій въ Петербургѣ программу, которая возбудила великое бѣшенство между проживающими въ Швейцаріи русскими анархистами, издающими въ Женевѣ Черный Перед҃лъ, что значитъ буквально по нѣмецки Die Schwarze Vertheilung. Большинство этихъ людей (хотя и не всѣ) покинули Россію добровольно и — въ противоположность террористамъ, ставящимъ на ставку свои собственныя головы, — образуютъ такъ называемую партію пропаганды. Чтобы вести пропаганду въ Россіи, уѣзжаютъ въ Женеву. Что за qui pro quo!. Эти господа стоятъ противъ всякой революціонно-политической дѣятельности. Россія должна, по ихъ мнѣнію, перепрыгнуть однимъ скачкомъ (salto mortale) прямо въ анархическо-коммунистическо-атеистическое тысячелѣтнее царство. А пока что они подготовляютъ этотъ скачекъ путемъ скучнѣйшаго доктринерства, такъ называемые „принципы“ котораго давно стали избитыми пошлостями со временъ покойнаго Бакунина“.[1])

[1]) Эдуардъ Бернштейнъ.—Карлъ Марксъ и русскіе революціонеры. Минувшіе Годы. 1908 г., ноябрь, стр. 21.

Вскорѣ послѣ того именно эти самые „чернопередѣльцы“, не сдѣлавшись народовольцами, порвали вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно и съ народничествомъ всѣхъ его оттѣнковъ. Они стали на позиціи марксизма и повели усиленную литературную пропаганду въ новомъ направленіи. Ихъ труды увѣнчались большимъ успѣхомъ.

Возвращаясь къ народовольчеству, какъ къ идеѣ, мы еще разъ говоримъ, что оно замѣчательно очистило атмосферу русскаго освободительнаго движенія отъ предразсудковъ предшествовавшей ему эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ устами Желябова оно выразило слѣдующій взглядъ на будущее въ Россіи партіи, защищающей по преимуществу интересы крестьянъ-земледѣльцевъ:

„Я знаю,—говорилъ Желябовъ,—много очень умныхъ и энергичныхъ общественныхъ мужиковъ (Желябовъ былъ самъ сынъ „мужика“), которые теперь сторонятся отъ мірскихъ дѣлъ, потому что крупнаго общественнаго идеала они себѣ не выработали, а дѣлаться мучениками изъ за мелочей не желаютъ: они люди рабочіе, прелесть жизни понимаютъ и вовсе не хотятъ изъ за пустяковъ лишаться всего, что имѣютъ.

„Конституція дала бы имъ возможность дѣйствовать по этимъ мелочамъ, не дѣлаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дѣло. А потомъ, выработавши крупный общественный идеалъ, не туманный, какъ теперь, а ясный, осязательный и создавши великое дѣло, эти люди уже не передъ чѣмъ не остановятся, станутъ тѣми героями, какихъ намъ показываетъ иногда сектанство. Народная партія образуется именно такимъ путемъ“. [1])

Таковъ былъ лозунгъ крупнѣйшаго изъ народовольцевъ: къ „народной партіи“ черезъ конституцію,—конституцію, конечно, демократическую.

Исторія освободительнаго движенія въ Россіи въ концѣ семидесятыхъ и первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ,—это—исторія постепеннаго перехода мысли русской передовой интеллигенціи отъ соціальнаго утопизма къ соціально-политическому реализму. Въ побѣдѣ политическихъ идей народовольчества надъ аполитическими идеями народничества явленіе это сказалось съ особою выразительностью.

[1]) Андрей Ивановичъ Желябовъ. Лондонъ. 1882 г. стр. 26.

Затѣмъ въ нѣдрахъ самого народовольчества началъ совершаться тотъ же процессъ постепеннаго отмиранія оставшихся въ немъ отъ народничества элементовъ утопическихъ и замѣны ихъ элементами реалистическими. Въ основѣ своей это была таже эволюція, которая ясно видна и въ соціалистической мысли Запада. Много лѣтъ тому назадъ по поводу дѣятельности Маркса Бакунинъ писалъ Анненкову: „Марксъ портитъ рабочихъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ". Въ устахъ ультра-утописта мысль эта была вполнѣ послѣдовательна, и онъ до конца дней своихъ боролся съ марксизмомъ подъ знаменемъ революціоннаго анархизма. Когда же побѣда марксизма среди рабочихъ массъ Европы стала фактомъ неоспоримымъ, то въ глубинахъ его самого началъ совершаться въ свою очередь неизбѣжный процессъ отмиранія тѣхъ утопическихъ элементовъ марксизма, которые пристали къ нему отъ предшествовавшей эпохи такъ же естественно, какъ пристали къ народовольчеству утопическіе элементы народничества. Такъ появилось въ нѣдрахъ соціалистической мысли Запада новое, уже вполнѣ реалистическое, теченіе, и по этому именно руслу во всѣхъ культурныхъ странахъ, если не на словахъ,—область „словесности" всегда наиболѣе консервативна и въ ней всегда съ наибольшею силою le mort saisit le vif,—то на дѣлѣ, главнымъ образомъ, протекаетъ нынѣ соціалистическое движеніе рабочихъ массъ. Чувствуя подъ собою вполнѣ твердую почву, увѣренно движется оно, на основѣ широкой самодѣятельности рабочихъ массъ и все болѣе и болѣе увеличивающагося ихъ значенія въ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ, къ тому самому будущему, путь къ которому былъ усѣянъ въ прошломъ столькими терніями. Едва ли можно сомнѣваться, что то же самое будетъ и въ Россіи, послѣ того какъ рѣшится, наконецъ, должнымъ образомъ ея политическая проблема. И, бросая взглядъ на пройденный русскимъ освободительнымъ движеніемъ длинный путь идейныхъ блужданій историкъ этого движенія всегда долженъ будетъ признать, что въ лицѣ народовольцевъ передъ нимъ несмотря на всѣ ошибки ихъ дѣятельности первые дѣйственные піонеры политическаго реализма въ Россіи.

КОНЕЦЪ.

Алфавитный указатель упоминаемыхъ въ книгѣ фамилій и названій періодическихъ изданій.

Абаза, А. А. 255. 258. 259. 279.
Агатоновъ. 27.
Адамъ, Ж. 430. 431. 432.
Адлербергъ, А. В. гр. 252. 255. 256. 258. 267.
Азефъ, Евно. 122. 436.
Аксаковъ, И. С. 304.
Аксельродъ, П. Б. 231. 415. 416. 441.
Александръ II. 22. 25. 27. 33. 34. 41. 43. 48. 50. 51. 52. 58. 84. 86. 87. 90. 91. 92. 93. 172. 189. 246. 248. 249. 258. 259. 260. 265. 276. 280. 285. 286. 287. 292. 293. 294. 295. 296. 303. 304. 389. 391. 431. 436. 437. 441. 442.
Александръ III. 149. 180. 189. 190. 191. 204. 207. 212. 243. 258. 259. 260. 261. 262. 264. 266. 272. 274. 276. 278. 282. 283. 293. 294. 302. 304. 312. 322. 328. 330. 331. 364. 438. 439. 442.
Александръ Гессенскій принцъ. 58.
Алихановъ. 151.
Альбединскій. 30.
Ананьевъ. 362.
Андреюшкинъ, П. 178.
Андріе. 284. 285. 303. 418. 430.
Анисимовъ. 151.
Анненковъ. 472.
Анненскій, Н. Ф. 6.
Антоновичъ. 407.
Антоновъ, (офиц.) 151.
Антоновъ, см. Свириденко.
Аптекманъ, О. В. 30. 35.
Апухтинъ. 175.
Арончикъ, А. Б. 42. 47. 51. 55. 57. 216.
Артамоновъ, А. 78.
Арсеньевъ, К. К. 194.
Афанасьевъ. 144.
Ашенбреннеръ, М. Ю. 94. 143. 144. 145. 151. 152. 155. 156. 157. 158. 159. 320. 321. 322. 323. 370.
Базилевскій, Б. 28. 50. 108. 399. 400. 401.
Базилевскій. 306.
Бакунинъ, М. А. 398. 469. 472.
Баландинъ. 86.
„Baltischer Föderalist". 433.
Барановъ, гр. 258.
Барановъ, градонач. 275. 276. 277. 278. 280. 297. 298. 418.
Баранниковъ, А. И. 18. 23. 29. 31. 34. 39. 41. 44. 47. 52. 55. 57. 61. 62. 216. 217. 253.
Бардовскій, П. В. 233.
Бартенева. 87.
Барыкова. 180.
Барятинскій, А. И., кн. 354.
Баталинъ. 26.
Батышковъ, С. 58.
Бахъ, А. Н. 45. 46. 139. 140. 177. 179.
Безобразовъ. 438.
Бекеръ. 138.
Бенетъ. 316.
Бердниковъ. 254.
„Берегъ". 388.
Бернштейнъ, Э. 57. 234. 470.
Берьманскій. 248.
Бестужевъ-Рюминъ, проф. 283.
Бильчанскій. 23.
Бинъ. 286. 317.
Bint. 285. 317.
Бирюковъ, П. И. 204. 284.
Бисмаркъ, кн. 309.
Бланки, О. 235.
Бланъ Луи. 367.
Блюммеръ, Л. П. 287. 288.
Бобринскій, гр. 304.
Богдановичъ, Ю. Н. (Кобозевъ). 35. 41. 47. 65. 153. 188. 239. 441.
Богдановичъ, прок. 321. 322.
Богдановскій. 63.
Боголюбовъ. 9. 456.
Богоразъ, В. Г. 440.

Богучарскій, В. Я. 6. 23. 46. 140. 183. 198. 267. 288. 289. 440. 453.
Боковъ, д-ръ. 319. 339.
Бокъ. 410. 411.
Борейша, А. 130. 166.
Бороздина, А. А., (Игнатьева). 309. 410.
Бороздинъ, К. А. 315. 316. 319. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 355. 357. 358. 361. 362. 364. 365. 366. 367. 370.
Бохановскій, И. В. 13.
Брандтнеръ, Л. 16. 28.
Брокъ. 382.
Бубновъ, Л. (арт. офиц.). 146.
Бубновъ, (мор. офиц.). 144.
Буланже, ген. 284.
Булановъ, А. П. 145.
Бурцевъ, В. Л. 1. 55. 113. 384. 390. 423.
Бутовская. 456.
Буцевичъ, А. В. 143. 147. 151. 152. 153. 155. 156. 159. 160.
Буцинскій, Д. 6. 7. 127.
Бухъ, Л. К. 362. 366.
Бухъ, Н. К. 41.
„Былое". 2. 3. 8. 15. 17. 26. 30. 33. 34. 35. 37. 38. 39. 42. 44. 46. 48. 57. 72. 79. 81. 82. 93. 107. 109. 113. 114. 121. 132. 134. 135. 136. 141. 142. 145. 149. 154. 155. 156. 157. 160. 162. 168. 172. 177. 178. 179. 185. 186. 188. 190. 191. 195. 199. 200. 202. 203. 218. 220. 234. 238. 242. 243. 250. 252. 254. 255. 256. 258. 264. 272. 277. 300. 301. 319. 321. 322. 324. 326. 327. 330. 341. 348. 354. 361. 364. 369. 370. 381. 387. 395. 407. 415. 429. 455.
„Былое", (заграничное). 57. 96. 128. 139. 178. 232. 233. 427. 453.
Бѣлинскій, В. Г. 210.
Бѣлоголовый, Н. А. 212. 285. 299. 300. 301. 322. 390. 445.
Бѣлоконскій, И. П. 391.
Валуевъ, П. А., гр. 17. 92. 163. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 255. 256. 257. 258. 259. 264. 271. 278. 279. 289. 290. 292. 296. 298. 305. 367. 369. 371. 372. 378. 379. 420. 423.
„Walka Klass". 233. 441.
Вальтерсдорфъ. 146.
Варынскій, Л. 233.
Василевскій-Плохоцкій, Л. 326.
Васильчиковъ, кн. 449.
Вачнадзе, кн. 151.
Веймаръ, О. Э. 254.
Велепольскій, марк. 211.
Величковскій. 310.
Вершининъ. 146.
Верещагинъ. 318.
Веселитскій-Божидаровичъ. 390.
Вестине де (Жанъ). 316.
Вильгельмъ, имп. гер. 260.
Винбергъ, В. К. 205. 416. 417.
Виташевскій, Н. А. 17.
Витте, С. Ю., гр. 425. 438.
Виттенбергъ, С. Я. 22. 23.
Владиміръ Александровичъ, в. кн. 120. 258. 266. 271. 309. 420.
Владимировъ. 278.
Вогуль. 290. 307. 308. 313. 314. 315.
Война, А. Е. 308.
Войнова, Л. А. 75. 76. 82.
„Волга". 288. 289.
Волковъ, Н., (псевд.). 134. 135. 136.
Волковъ, Ф. К. 406. 407.
Волковъ, (вице-губ.). 305. 372.
Волконскій, Г., кн. 292.
Волошенко. 403.
„Вольное Слово". 221. 224. 234. 311. 343. 378. 379. 381. 387. 389. 390. 394. 404. 408. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 419. 420. 421. 426. 428. 432. 433. 434. 435. 436. 438.
Волянскій, Н. 101. 104.
Вороновичъ-Савченко. 314. 315.
Воронцовъ, студ. 175.
Воронцовъ-Дашковъ, И. И., гр. 271. 297. 298. 304. 305. 319. 323. 325. 336. 346. 350. 351. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 363. 364. 365. 372. 383. 409.
„Впередъ". 449. 452. 453.
Врублевскій. 337.
Вырубовъ, С. А. 146.
„Вѣстникъ Европы". 209. 250. 252.
„Вѣстникъ Народной Воли". 2. 115. 121. 122. 131. 176. 177. 184. 219. 235. 380. 440. 443. 444.
„Вѣстникъ Права". 248.
„Вѣсть". 287.
Вѣтринскій, Ч. 391. 405.
Гавриловъ. 141.
Гагенмейеръ. 309.
Гамбетта. 367.
Гарденинъ, Ю., (псевд.). 148.
Гартингъ, или Гекельманъ. 122. 123.
Гартманъ, Л. Н. 41. 44. 52. 55. 57. 233. 234. 235. 338. 428. 429. 430. 439.
Гарфильдъ, Д. 461.
Гаршинъ, В. М. 50. 447.
„Gaulois". 431. 432.
Гаусманъ, А. Л. 168.
Ге. 406.
Гейкингъ, баронъ. 13. 14. 16.
Гейне, Г. 440.
Гельфманъ, Г. М. 47. 65. 67. 72. 79. 80. 83. 85. 86. 130. 135. 187. 237. 442.
Гендриковъ, гр. 74.

Генераловъ, В. 177.
Георгій, кн. 87.
Герценъ, А. И. 37. 287. 444. 445.
Гильхенъ. 28.
Гинсбургъ, банкиръ. 304. 318.
Гинсбургъ, Софья. 178.
Гирсъ, Н. К. 87.
Гито. 461.
Глазовъ. 74.
Глинка, Ю. 430. 431. 432.
Гобстъ, см. Федоровъ. 22. 23.
Говоруха-Отрокъ, Ю. Н. 174.
Голицынъ, Л. С., кн. 209.
Головинъ. 63.
„Голосъ". 167. 197. 458.
Голубева, Т. 100. 101. 103.
Гольденбергъ, Г. 1. 24. 29. 30. 31. 34. 35. 41. 42. 43. 44. 46. 52. 53. 55. 56. 57. 82. 217. 240. 443.
Гольцевъ, В. А. 180. 366. 391. 398. 399. 404. 405. 424. 438. 452. 453.
Гордѣенко, Е. С. 398. 416.
Горскій. 23.
Градовскій, А. Д. 170. 211. 212.
Грачевскій, М. Ф. 44. 47. 61. 63. 153. 187. 188. 441. 442.
Грейгъ-Джонъ. 310. 371.
Григорьевъ, (Безобразовъ). 434. 435.
Гриневицкій, И. І. 47. 67. 78. 79. 141. 187. 442.
„Громада". 407.
Гроньяръ (Михайловскій). 180.
Грязнова, М. В. 41.
Губаревичъ-Радобыльскій, А. Ф. 156.
Гуревичъ, Софья. 168.
Гурко. 30. 95. 186.
Гюго, Викторъ. 57. 233.
Давиденко, І. Я. 22. 23.
Дантонъ. 228.
Дворжицкій. 73. 74. 75.
Дебагорій - Мокріевичъ, В. К. 2. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 18. 23. 37. 325. 326. 327. 338. 345. 402. 403. 427. 428. 429. 440. 441. 456. 457.
Дебагорій-Мокріевичъ, И. К. 9.
Девель. 35.
Дегаевъ, С. П. 44. 45. 47. 97. 98. 99. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 108. 109. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 126. 145. 148. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 218. 370. 381. 382. 422. 423. 424. 440. 443.
Дегаевъ, Владиміръ. 381. 382. 424.
Дейчъ, Л. Г. 13. 37. 39. 48.
Деляновъ, И. Д., гр. 266.
Демидовъ, П. 100. 101.
Демидовъ Санъ-Донато, кн. 304. 306.
Демуленъ, К. 228.
Денисовъ. 68. 69.
Держановскій. 151.
Деспотъ-Зиновичъ. 318.
Дихштейнъ. 441.
Дмоховская. 180. 181.
Добролюбовъ, Н. А. 325.
Добржинскій. 72. 102. 321. 322. 324.
Долгорукая, кн. см. Юрьевская.
Долгоруковъ, В. кн. 195.
Долгорукій, кн. В. А. 30. 186.
Долгушинъ, А. В. 180.
Донецкій. 456.
Достоевскій, Ф. М. 179. 180.
Драгомановъ, М. П. 221. 222. 223. 224. 234. 235. 317. 325. 326. 342. 379. 386. 387. 389. 390. 394. 407. 408. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 421. 423. 424. 426. 427. 428. 429. 432. 434. 438. 442. 469.
Драгомировъ, М. И. 160.
Дриго. 240.
Дрентельнъ. 25. 26. 27. 29. 249. 250. 251. 387.
Дробязгинъ, И. В. 23.
Дружининъ. 152. 156.
Дубровинъ, офиц. 23. 30.
Дубровинъ, студ. 141.
Дубровинъ, д-ръ 207.
Дурново, И. Н. 306. 369. 371. 372.
„Дѣло". 192. 193. 339.
Дьяковъ-Незлобинъ. 388.
„Европеецъ". 287.
Евсѣевъ. 141.
Ельниковъ, см. Гриневицкій. 78.
Емельяновъ, см. Боголюбовъ.
Емельяновъ, И. П. 47. 48. 79. 81. 187.
Жарковъ. 231.
Желваковъ, Н. А. 48. 60. 93. 94. 95. 96.
Желеховскій. 442.
Желябовъ, А. И. 3. 23. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 39. 41. 43. 44. 46. 47. 48. 52. 53. 54. 55. 59. 60. 61. 62. 64. 66. 69. 70. 71. 72. 75. 76. 79. 80. 81. 82. 83. 85. 87. 88. 124. 128. 130. 132. 135. 141. 142. 144. 145. 148. 151. 166. 168. 181. 182. 183. 184. 185. 189. 198. 199. 200. 201. 203. 217. 218. 234. 235. 237. 240. 241. 252. 253. 268. 269. 270. 400. 415. 440. 455. 457. 458. 465. 468. 469. 471.
Житель, см. Дьяковъ - Незлобинъ. 388.
Жуковичъ. 175.
Жюстъ, д-ръ. 280. 281.
Забрамскій, 253.

Завадская, Е. Ф. 44. 47. 153. 154. 441.
Завалишинъ, Ф. 146. 156. 200.
Зайцевъ, В. А. 390. 433. 445. 458.
Зайчневскій, офиц. 144.
Зайчневскій, П. Г. 455.
Заіончикъ. 337.
Зарудный. 317. 318.
„Заря Рабочаго". 128.
„Заря". 397.
Засуличъ, В. И. 9. 39. 231. 236. 451.
Заянчковскій. 265.
Зезюкинъ. 68.
„Земля и Воля". 17. 18. 24. 26. 27. 28. 29. 36. 125. 126. 127. 166. 449. 451. 461.
„Земство". 405.
Златовратскій, Н. Н. 447. 448.
Златопольскій, Л. С. 51. 55. 61.
Златопольскій, С. С. 41. 47. 51. 52. 53. 55. 148. 153. 188. 189. 190. 312.
Зорге. 470.
Зотовъ, Н. Л. 168.
Зубковскій, А. А. 31.
Зунделевичъ, А. И. 29. 30. 31. 41. 44. 240.
Зуровъ. 27.
Иванова. С. А. 39. 41. 44. 45.
Ивановъ, Петръ, см. Желябовъ. 69. 70.
Ивановъ, В. Г. 152.
Ивановъ, С. А. 160. 163. 180. 181. 182. 202. 319. 323. 344.
Ивановъ-Разумникъ. 446.
Ивановъ, И. К. 254.
Иванъ Григорьевичъ, (Тихомировъ). 361. 362. 366.
Ивановская, П. С. 41. 187.
Ивичевичъ, Иванъ. 11. 13. 14. 16. 23. 457. 458.
Ивичевичъ, Игнатъ. 11. 16. 23. 457. 458.
Игельстромъ. 143.
Игнатьевъ, Н. Д. 309. 310. 410.
Игнатьевъ, Н. П., гр. 219. 300. 301. 303. 304. 305. 311. 324. 367. 368. 408. 410. 411. 417. 418. 419. 431.
Избицкіе, (братья). 13.
Ильяшевичъ. 442.
„Intransigeant". 233. 299.
Исаевъ. 35. 41. 44. 47. 53. 55. 57. 59. 60. 61. 63. 148. 187. 188. 190. 191. 241. 253.
Исаковъ. 69. 76.
„Историческій Вѣстникъ". 388.
Кавелинъ, К. Д. 287. 318.
„Календарь Народной Воли". 59. 165. 201. 237. 242. 252. 418. 426. 433. 434. 440. 442.
Калѣнкина, М. А. 254.
Каменскій. 144.
Кампанецъ, Ф. Н. 166.
Кантакузенъ, кн. 315.
Каракозовъ, Д. В. 18. 27. 260. 287. 373.
Карауловъ, В. А. 45. 113. 140. 177. 442.
Карауловъ, Н. А. 45.
Карпинскій. 406.
Карповъ, Г. А. 316.
Карцевъ, Ю. 162. 297. 298. 302. 308. 309. 315. 370. 410. 411. 420. 432.
Катанскій. 370.
Катковъ, М. Н. 123. 126. 167. 179. 189. 209. 213. 247. 264. 265. 266. 280. 298. 304. 324. 367. 438.
Кашменскій. 309. 310. 410. 411.
Квитка-Основяненко. 406. 407.
Квятковскій, А. А. 29. 30. 31. 34. 39. 41. 44. 46. 58. 59. 60. 129. 216. 254. 463. 465.
Кенанъ, Дж. 209. 401.
Кибальчичъ, Н. И. 4. 41. 47. 53. 54. 55. 59. 60. 66. 72. 84. 85. 187. 203. 242. 440.
Кіедусъ, Н. И., (Судейкинъ). 374. 377. 378. 379. 380. 381. 382.
Кизеветтеръ, А. А. 399.
Кирилловъ. 215. 216.
Клименко, М. Ф. 94.
Климовъ. 342. 418. 433. 434. 435.
Клѣточниковъ, Н. В. 40. 214. 215. 216. 217. 218.
Кобеко, Д. Ф. 297. 298.
Кобозевъ (см. Богдановичъ). 35. 65. 76. 77. 78. 93. 148. 269.
Кобылянскій, Л. 29. 31.
Ковалевская, М. П. 402. 403.
Ковальская, Е. Н. 39. 128.
Ковальскій, И. М. 17. 18. 21. 22. 23.
Коганъ-Бернштейнъ, Л. М. 141. 167. 168. 170. 171.
Козьменко. 75.
Коковскій. 130. 131. 237. 441.
„Колоколъ". 37. 287.
Колоткевичъ, Н. Н. 23. 31. 33. 34. 35. 41. 44. 47. 52. 53. 55. 145. 148. 214. 216.
Кольцовъ, И., (см. Тихомировъ). 192.
Колюжная, М. В. 113.
Колюжный, Н. В. 134. 135.
Конашевичъ, В. П. 97. 100. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 122.
Кондратьевъ, Г. 98.
Кони, А. Ф. 194.
Коновкинъ. 141.

Константинъ Николаевичъ, в. к. 93. 248. 249. 251. 252. 258. 259. 264. 265. 286. 287. 289. 290. 292. 293. 296. 307. 432. 436.
Константиновичъ. 406.
Корба-Прибылева, А. П. 44. 47. 148. 151. 152. 153. 154. 155. 172. 188. 189. 190. 191. 218. 381.
Корниловъ, А. А. 171. 172. 391.
Короленко, В. Г. 278.
Коршъ, Е. 318.
Коссоговскій, П. П. 301.
Костливцовъ. 416.
Костомаровъ, Н. И. 397.
Котляревскій. 9. 11. 12. 13. 16.
Котовъ. 156.
Кохъ. 73.
Кошелевъ, А. И. 462.
Кошлаковъ. 27.
Кравчинскій, С. М., (Степнякъ). 14. 18. 22. 56. 345. 362. 458.
Краевскій, А. А. 197.
Крайскій, 144. 155.
Кранцфельдъ, Раиса (см. Т. Голубева).
Крапивинъ, см. Малышинскій. 394. 408. 411. 412.
Крапоткинъ, кн. (губерн.). 24. 25. 31.
Крапоткинъ, кн. П. А. 162. 223. 299. 300. 302. 304. 310. 338. 362. 418. 419.
Крапоткинъ, кн. (суд. дѣят.). 398.
Кривенко, С. Н. 180. 347. 348. 349. 355. 357. 362. 366. 440.
Крушеванъ, П. А. 235.
Крушевскій. 63.
Крыловъ. 231.
Кувязевъ. 289.
Кузюмкинъ. 141.
Кулебякинъ. 73. 75.
Кульчицкій. 316.
Кунаевъ. 145. 156.
Куницкій, С. 115. 233.
Куропаткинъ, А. Н. 438.
Кутеновъ. 171.
Кутузова, А. 215.
Лавровъ, П. Л. 114. 123. 161. 162. 163. 164. 180. 186. 235. 236. 299. 300. 319. 325. 326. 327. 333. 334. 335. 338. 339. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 361. 362. 366. 372. 394. 405. 408. 409. 411. 412. 427. 428. 429. 440. 441. 442. 443. 444. 448. 449. 453. 468. 469.
Лангансъ, М. Р. 41. 47. 61. 63. 188. 190.
Ланской, Н. С. 84.
Лассаль, Ф. 138. 141.
Латкинъ. 171.
Лаферте, В. 86. 292. 293. 294. 436. 437.
Лебедева, Т. И. 41. 47. 52. 53. 55. 188. 241.
Левашовъ, гр. 306. 372.
Ленскій. 318.
Леруа-Болье. 302. 416.
„Летучій Листокъ“. 29. 399. 400. 414.
Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, С. 403.
Либкнехтъ. 138.
Ливенъ, кн. 258.
Лизогубъ, Д. А. 16. 23. 28. 33. 35. 240.
Линденеръ. 77.
Линдъ, В. Н. 455.
Линдфорсъ, А. Ф. 398. 401. 402. 406. 413. 424.
Липпоманъ. 151.
Лисовскій. 77.
„Листокъ Земли и Воли“. 13. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 36. 40.
„Листокъ Народной Воли“. 148. 180. 205. 225. 227. 238. 239. 304. 439.
Лихачевъ, В. В. 301.
Логовенко, И. И. 22. 23.
Лозинскій. 254.
Лопатинъ, Г. А. 45. 46. 97. 103. 104. 113. 114. 122. 177. 180. 233. 254. 342. 347. 440. 467. 468.
Лопатинъ, Н. Н. 434.
Лорисъ-Меликовъ, М. Т., гр. 30. 49. 50. 64. 67. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 162. 167. 180. 186. 197. 198. 205. 209. 210. 212. 246. 247. 248. 253. 255. 256. 257. 258. 259. 261. 262. 264. 265. 267. 272. 275. 276. 279. 280. 281. 285. 292. 293. 294. 295. 296. 300. 305. 317. 318. 359. 394. 416. 437.
Лубкинъ. 41.
Лукашевичъ, І. Д. 178.
Луценко. 75.
Любатовичъ, О. С. 29. 38. 39. 40. 41. 43. 44. 194. 195. 220. 241 324. 381.
Люри, Н. А. 143.
Люстигъ, Ф. О. 47.
Лютовъ. 322.
Майданскій. 23.
Маймескуловъ. 144.
Макаровъ. 406.
Маклецова-Дегаева, Н. П. 121.
Маковъ, Л. С. 17. 25. 249. 250. 251. 258. 261. 367.
Макухинъ. 151.
Малеванный, В. Г. 423.
Малинка, В. А. 23.
Мальшинскій, А. П. 379. 387. 388. 389. 390. 411. 412. 415. 417. 419. 420. 426. 427. 432. 433. 435. 436.
Манассеинъ, проф. 319. 339. 340. 341.
Маразли. 96.
Maret, H. 430.

Марксъ, К. 57. 114. 225. 233. 234. 442. 453. 469. 470. 472.
Марковичъ-Свѣтозаръ. 453.
Мартовъ, (псевд.). 236. 237. 238. 239.
Мартыновъ, С. В. 185.
„Matin“. 126. 285.
Мезенцевъ, Н. А. 17. 18. 19. 21. 22. 24. 25. 26. 195. 397. 458.
Мейендорфъ, бар. 420.
Менгденъ, гр. 76. 77.
Меркуловъ, В. А. 47. 51. 55. 61. 62. 63. 71. 158.
Мессюро. 69. 71.
Мещерскій, В. П.. кн. 271. 274. 281. 298.
Милорадовичъ. 406.
Милордъ (см. Тригони). 70.
Мильковскій. 337.
Милютинъ, Н. А., гр. 258. 259. 260. 264. 265. 266. 279. 305. 437.
Минскій. 180.
„Минута“. 374.
„Минувшіе Годы“ 57. 234. 250. 470.
Мирскій, Л. Ф. 25.
Митникъ. 151.
Михайловскій, Н. К. 8. 9. 29. 180. 190. 191. 193. 300. 301. 346. 347. 348. 349. 355. 357. 362. 367. 369. 370. 388. 399. 400. 414.
Михайловъ Адріанъ. 18. 254.
Михайловъ, А. Д. 29. 30. 31. 33. 34. 35. 36. 38. 39. 41. 43. 44. 47. 55. 57. 61. 182. 184. 215. 216. 217. 240. 440. 442. 465.
Михайловъ. Т. М. 47. 65. 67. 72. 79. 80. 81. 85. 187. 203.
Михаилъ Ивановичъ (см. Емельяновъ, И. П.). 79. 80. 81. 85.
Михаилъ Николаевичъ, в. к. 74. 258.
Мицкевичъ, 144.
Млодецкій. 49. 50. 167. 253. 439.
Мокшеевъ. 317. 318.
„Молва“. 198. 398.
Мольтке, гр. III.
„Море“. 298.
Мордвиновъ. 174.
Морозовъ, Н. А. 5. 6. 24. 29. 31. 34. 35. 36. 38. 39. 40. 41. 42. 44. 46. 55. 57. 154. 185. 235. 240.
Морской. 438. 439.
Мосоловъ. 367.
Мосеенокъ, П. А. 128.
„Московскія Вѣдомости“. 66. 122. 126. 174. 188. 213. 247. 376.
„Московскій Телеграфъ“. 318.
Мощенко. 35.
Мровинскій. 78. 93.
Муравьевъ-Виленскій, М. Н., гр. 287. 288.
Муравьевъ, Н. В. 48. 268. 269.
Муравьевъ, М. Н., гр. (внукъ Виленскаго). 289. 309. 315.
Мураневичъ. 144.
Муромцевъ, С. А. 209. 266.
Мухановъ, П. А. 168.
Мэрингъ, III. IV.
„Набатъ“. 232. 318. 453. 454. 455. 464.
Набоковъ, Д. Н. 255. 256. 258.
Навроцкій. 68.
Нагорный, О. И. 141.
Нагурный. 337.
Надсонъ, С. Я. 156.
„На родинѣ“. 94. 96. 440.
„Народная Воля“. 40. 42. 70. 109. 112. 130. 131. 140. 148. 168. 170. 171. 174. 177. 180. 185. 191. 192. 204. 217. 220. 224. 226. 227. 228. 232. 234. 236. 238. 239. 241. 269. 304. 338. 340. 400. 439. 442. 449. 454. 459. 461. 463. 464. 465. 466. 467.
„Народное Дѣло“. 446.
„Народъ“. 388. 389.
„Начало“. 29. 400. 449. 450.
„Наша Жизнь“. 430.
Некрасовъ, Н. А. 245.
Неплюевъ. 401.
Нечаевъ, Н. Н. 205. 405.
Нечаевъ, С. Г. 37. 183. 184. 441.
Неустроевъ, М. Н. 441.
„Neue Freie Presse“. 379.
„New York Herald“. 233. 316.
Нивинскій, Э. И. 319. 325. 326. 327. 330. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 342. 343. 369. 370. 372. 404. 409. 427. 428. 429.
„Нигилистъ“. 434.
Никитина. 442.
Николадзе, Н. Я. 319. 325. 335. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 357. 358. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 369. 371. 372. 428. 438.
Николай Павловичъ. 267. 287. 442.
Николаевъ. 145.
Никоновъ. 12. 13.
Нироду гр. 317.
Новицкій. 97. 140. 314. 315.
„Новое Время“. 85. 115. 126. 140. 194. 280. 371. 372. 374. 376. 378. 379. 380. 382. 383. 388. 389. 390. 423.
„Новороссійскій Телеграфъ“. 96.
Новорусскій, М. В. 178.
„Nouvelle Revue“. 430.
Нольде бар. 364.
Нордманъ. 68.
Носарь. 439.
Ноткинъ, Я. 168.

Нудатовъ, Э. 205.
„Обзоръ“. 367.
„Общее Дѣло“. 240. 300. 322. 390. 395. 412. 418. 426. 445. 454. 455. 458.
„Община“. 13. 452.
Озмидовъ. 96.
Окладскій, И. Ф. 42. 51. 53. 54. 55.
Оленскій. 318.
Оловенникова, Е. Н. 47. 48. 166.
Оловенникова, М. Н. (Ошанина-Полонская) 29. 31. 34. 35. 39. 41. 44. 47. 113. 114. 115. 122. 153. 182. 185. 186. 325. 326. 327. 333. 335. 341. 347. 455.
Оловенникова, Н. Н. 44.
Ольденбургскій (принцъ). 258.
Ольхинъ, А. А. 18.
Орловъ, Н. А. 309.
Оржевскій, ген. 368. 369. 371. 372. 379. 382.
„Освобожденіе“. 292. 300.
Осинскій, В. А. 10. 11. 13. 14. 15. 16. 23. 28. 35. 46. 402. 403. 457. 458.
Осипановъ. 178.
„Основа“. 406.
Оссовскій, М. 233.
Островскій, М. Н. 280. 305. 367.
„Отечественныя Записки“. 180. 300. 301. 383.
Отрепьевъ, Г. 121.
Ошанина, (см. Оловенникова М. Н.)
Павелъ Александровичъ, в. к. 275.
Павликъ, 427.
Паленъ, К. И. гр. 6. 214.
Палкинъ. 114.
Панкратовъ, В. С. 132.
Пантелѣевъ, Л. Ф. 289. 455.
Папинъ. 147. 152. 153. 156.
Пассекъ, П. В. 339.
Перетцъ. 258.
Перовская, С. Л. 35. 39. 41. 44. 47. 55. 56. 57. 60. 66. 72. 76. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 124. 141. 142. 148. 182. 187. 188. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 237. 242. 253. 270. 440. 442.
„Pester Lloyd“. 379.
„Петербургская Газета“. 26. 280.
Петровъ, (морякъ). 146.
Петровъ, (см. Колоткевичъ). 214.
Петровскій. 126.
Петрункевичъ, И. И. 397. 399. 402. 403. 404. 406. 409. 413. 416. 424. 438.
Петрусинскій, И. 232.
Пикъ, С. А. 168.
Пироговъ, Н. И. 67.
Плеве, В. К. 102. 112. 118. 119. 324. 371. 379. 382. 438. 439.
Плехановъ, Г. В. 3. 35. 37. 128. 136. 231. 434. 469. 470.
Плещеевъ, А. Н. 193.
Побѣдоносцевъ, К. П. 93. 123. 258. 262. 264. 265. 266. 267. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 289. 290. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 300. 304. 305. 367. 425. 436. 437. 438.
Подбѣльскій, П. П. 141. 167. 168. 170. 171.
Полетика. 399.
Поликарповъ. 253.
Половцевъ. 174.
Полонскій, Л. П. 194. 195. 197.
Поляковъ, С. С. 175. 318.
Помелко. 392.
Попко, Г. А. 8. 13. 14. 16. 23. 30.
Поповичъ. 141.
Поповъ, М. Р. 2. 6. 7. 13. 30. 35. 37. 38. 39. 253. 254.
„Порядокъ“. 194. 195. 197. 301. 318. 388. 389.
Посьетъ, К. Н. 258.
Потихонинъ. 146.
Похитоновъ, Н. Д. 94. 143. 144. 145. 149. 150. 156. 157. 158. 159.
„Правда“. 342. 343. 386. 418. 433. 434. 435. 442.
„Правительственный Вѣстникъ“. 21. 63. 64. 65. 66. 85. 92. 183. 197. 256. 419.
„Правовой Порядокъ“. 194.
Преймъ. 141.
Преображенскій. 35.
„Прибавленіе къ Землѣ и Волѣ“. 401.
„Прибавленіе къ Народной Волѣ“. 86. 439.
„Приложеніе къ Листку Народной Воли“. 175. 176. 383. 439.
„Приложеніе къ Рабочей Газетѣ“. 439.
Присѣцкій, И. Н. 423. 424.
Прокопенко. 228.
Прокоповичъ, С. Н. 128.
Протопоповъ, М. А. 180.
Прохоровскіе. 60.
Пругавинъ, А. С. 180.
Прѣсняковъ, А. К. 35. 41. 44. 52. 53. 54. 55. 61. 62. 129. 237. 254.
Пугачевъ, Е. 452. 460. 468.
Пуришкевичъ, В. М. 207.
Пухальскій, Д. 100.
Пушкинъ, А. С. 179.
Пыпинъ, А. Н. 318.
„Рабочая Газета“. 78. 130. 131. 132. 134. 135. 136. 159. 166. 180. 237. 439.
„Radical“. 430. 431.
Разинъ, С. 452.

Рачковскій, П. И. 115. 122. 140.
„Революціонная Россія“. 300. 348.
„Revoltè“. 303. 418.
Рейнгольдъ. 67. 68.
Рейнштейнъ. 25.
Ренанъ, Э. 423.
Рихтеръ. 298.
Робеспьеръ. 228.
Рогачевъ, Д. М. 144. 441.
Рогачевъ, Н. М. 94. 143. 144. 147. 152. 156. 157. 158. 159.
Родовановскій. 77.
Розановъ, В. В. 194.
Розенкампфъ. 315.
Розовскій. 254.
Романенко, І. (Тарновскій). 235. 324.
Росси, С. А. 102. 103. 104.
„Россія“. 388.
Ростицкій, Б. 100.
Ростовцевъ, Я. И., гр. 287.
Рошфоръ. 233. 299. 300. 302. 310.
Рудыковскій. 73.
Русановъ, Н. С. 192.
Русова, С. Ф. 190.
Русовъ, А. А. 397. 406. 407. 412.
„Русскій Архивъ“. 93. 209. 273. 274. 282. 286.
„Русское Богатство“. 14. 46. 115. 440.
„Русскія Вѣдомости“. 194. 423. 447.
„Русскій Вѣстникъ“. 123. 126. 387. 388.
„Русская Мысль“. І. 163. 194. 205. 294. 330. 335. 347. 349. 381. 382. 384. 407. 423. 453. 455.
„Русь“. 376.
Рылѣевъ, К. Ф. 87.
Рысаковъ. Н. И. 47. 64. 65. 67. 72. 73. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 141. 187. 198. 199. 201. 203. 240. 241.
„Рѣчь“. 140. 182. 266. 290. 292. 308. 314.
Рязановъ, В. 440.
Саблинъ, В. М. 385.
Саблинъ, Н. А. 41. 44. 47. 48. 60. 61. 65. 67. 80. 83. 130. 131. 132. 187. 253. 442.
Сабуровъ, (Оболешинъ) 254.
Сабурововъ. А. А. 167. 168. 169. 170. 172. 258. 266.
Савельевъ. 153.
Савицкій, М. А. 100. 101.
Савичъ. 406.
Салова, Н. М. 45. 46. 114. 347.
Самойловъ, Н. 78.
Санковскій. 49. 50.
Сансо. 303.
Сватиковъ, С. Г. 6. 253.
Свириденко, (Антоновъ). 16. 23. 28.
„Свободная Россія“. 413.
„Свободное Слово“. 287.
„Свѣтъ“. 374.
Святополкъ-Мирскій, кн. 256.
Семека. 18.
Семевскій, В. И. 6. 267.
Семеновъ, Е. П. 123.
Семяновскій. 456.
„Сенатскія Вѣдомости“. 289.
Сентянинъ, А. Е. 13. 16. 23.
Сенягинъ Н. Г. 143. 147. 156. 157. 159. 168.
Сенъ-Жюстъ. 228.
Сергѣева, Е. Д. 35. 41. 44. 47. 153.
Сергѣй Александровичъ, в. к. 275. 283.
Серебряковъ, Э. А. 123. 145. 146. 156. 157. 158. 160.
Середа. 114. 321. 323.
Сидорацкій. 434. 435.
Сиповичъ. 83.
Скаловскій. 144.
Скалонъ, В. Ю. 205. 209.
Скандраковъ. 116.
Скерличъ. 453.
Склявусъ. 325.
Скобелевъ, М. Д. 160. 161. 162. 163. 164. 344. 431. 432.
Славянскій. 86.
Слатвинскій, (Желябовъ). 75.
Слонимскій, Л. З. 389.
Слуцкій. 69.
Слѣпцовъ. 87.
Смирницкая, Н. С. 135.
„Современникъ“. 113. 114. 453.
„Современный Міръ“. 23.
Сокольскій. 143.
Соловьевъ, А. К. 23. 25. 26. 27. 29. 30. 34. 195. 269. 400. 440. 442.
Соловьевъ, В. С. 203. 204.
Сольскій, Д. М., гр. 256. 258. 259.
„Соціалистъ“. 177.
„Соціалъ-Демократъ“. 178.
„Соціалистъ - Революціонеръ“. 97. 140. 315.
„Союзъ“. 166.
Спандони, А. А. 113. 145. 156. 370.
Спасовичъ, В. Д. 318.
„С.-Петербургскія Вѣдомости“. 198. 317.
Станюковичъ, К. М. 180. 192. 193. 194. 195.
Стародворскій, Н. П. 97. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 122.
Стасовъ, Д. В. 319. 339.
Стасюлевичъ, М. М. 194. 318. 388. 389.
Стеблинъ-Каменскій, Р. А. 8. 13. 16. 30.

Степуринъ, К. А. 156. 157.
Стефановичъ, Я. В. 13. 37. 39. 231. 232.
„Страна". 194. 195. 196. 197.
Стратоновичъ. 144.
Страховъ, Н. Н. 283. 301.
Строгановъ, гр. 258. 261. 264. 265. 266. 267. 275.
Струве, П. Б. 2.
Стрѣльниковъ. 49. 50. 51. 60. 93. 94. 95. 96. 163. 219. 360. 373. 439.
Стуартъ, бар. 298.
„Студенчество". 166. 173.
Суворинъ, А. С. 378. 379. 380. 382. 389.
Суворовъ, кн. 87.
Суворовъ, П. И. 98. 99.
Судейкинъ, Г. П. 45. 49. 50. 51. 93. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 110. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 140. 155. 159. 311. 312. 320. 321. 322. 323. 342. 345. 370. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 418. 423. 424. 433. 435. 436. 440. 442.
Судовскій, Н. 97. 98. 99. 107.
Сутугинъ. 86.
Сухановъ, Н. Е. 44. 46. 47. 48. 71. 143. 144. 145. 147. 148. 149. 155. 159. 168. 185. 188. 200. 442.
Сухомлиновъ, В. И. 45. 46.
Сухоруковы (см. Гартманъ и Перовская). 55. 56. 66.
„Съ родины и на родину". 8. 13. 43. 50. 193.
Талапиндовъ. 144. 152.
Тарасовъ, П. 440. 441.
Тарновскій. 406.
Тархановъ, И. Р. 317.
Татищевъ, С. С. 246. 389.
Теглевъ. 78.
Теллаловъ, П. А. 5. 44. 47. 133. 135. 136. 184. 185.
Телье 144.
Теноловъ (Теллаловъ) 44.
Тесленко-Приходько. 231.
Тетерка, М. В. 51. 53. 55. 61. 62. 63. 130. 237. 240. 253.
Тигровъ. 183.
Тигрычъ. 123.
Тимашевъ, А. И. 371.
„Times". 303. 379.
Тихановичъ, А. П. 143. 152. 158.
Тихомировъ, Л. А. 3. 29. 30. 34. 36. 40. 41. 44. 47. 53. 113. 114. 115. 117. 118. 121. 122. 123. 124. 126. 131. 142. 153. 162. 166. 176. 182. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 194. 198. 204. 205. 206. 207. 211. 238. 242. 246. 257. 272. 273. 292. 335. 346. 347. 353. 357. 358. 361. 362. 363. 372. 401. 403. 427. 428. 440. 441. 442. 443. 444. 455.
Тихоновъ, Я. 41. 51. 53. 54. 55. 237. 441.
Тихоцкій. 143. 153. 160.
Тишковъ. 77.
Тищенко (Титычъ) 35. 36.
Ткачевъ, П. Н. 232. 362. 429. 442. 453. 454. 455. 464. 466.
Толмачевъ. 144.
Толстой Д. А. гр. 106. 118. 119. 120. 121. 167. 169. 172. 213. 219. 220. 253. 294. 295. 298. 311. 312. 323. 324. 342. 343. 345. 350. 363. 364. 367. 368. 369. 371. 378. 379. 380. 382. 383. 426. 438.
Толстой, Л. Н. 180. 181. 182. 204. 254. 283. 284. 334. 442.
Тотлебенъ, Э. И. 30. 186. 423.
Трапъ. 27.
Треповъ. Ф. Ф. 9. 16. 297. 317.
Тригони (Милордъ) М. Н. 44. 46. 47. 69. 70. 72. 75. 148.
Тризна. 406.
Трощанскій, 254.
„Трудъ". 397.
Тунъ. 3. 239. 240.
Тургеневъ, И. С. 114. 179. 180. 287. 440. 441. 447. 452.
Тырковъ, А. В. 47. 48. 81. 142. 166. 167. 168. 172. 198. 199. 200.
Тычининъ. 47. 48. 166.
Тэнъ, И. 225. 228.
Тютчева, Е. Ф. 273. 274. 275. 276. 279. 281. 282. 286. 293. 294. 436.
Уваровъ, гр. 265.
Украинецъ (В. В. Лесевичъ). 441.
„Улей". 317. 318.
Ульяновъ, А. И. 178.
Урусовъ, кн. 249. 250. 251. 255. 256. 258.
Усова, С. Е. 45. 347. 348. 365. 366.
Успенскій, Г. И. 3. 180. 193. 447.
Успенскій, 144.
Фадѣевъ. 421.
Фамицынъ, А. С. 179.
Федоровъ (Гобстъ). 22. 23.
Федоровъ (градонач.) 72.
Федоровъ (ин.) 76. 77.
Федоровъ (унт. оф.) 146.
Фигнеръ, В. Н. 5. 6. 35. 39. 41. 44. 47. 52. 53. 55. 61. 94. 113. 145. 148. 150. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 168. 178. 187. 188. 191. 222. 237. 238. 241. 346. 347. 362. 366. 367. 370. 423. 441.
Фигнеръ, Е. Н. 35.
Фирсовъ. 175.
Филиппова (Фигнеръ). 240.

Филипповъ, А. А. 184. 441.
Филиппсонъ. 207.
Флеровскій (Берви). 138.
Фоменко (см. Фроленко). 34.
Фоминъ. 144.
Франжоли, А. А. 44. 47. 130. 153. 154. 441.
Франкъ. 74.
„Freiheit". 223.
Фроленко, М. Ф. 13. 14. 23. 31. 32. 33. 34. 36. 38. 41. 44. 47. 52. 53. 55. 148. 158. 188. 190.
Халтуринъ, С. Н. 24. 44. 58. 59. 60. 94. 95. 96. 125. 133. 135. 136. 237. 252. 442.
Хижняковъ, В. М. 406.
Холмъ, Ф. К. 306. 308.
Хотинскій. 35.
Хохловъ. 141.
Христофоровъ, А. Х. 300. 390. 412. 434.
Цитовичъ, П. П. 388.
Циціановъ, кн. 151.
Цукерманъ, Л. 41.
Черевинъ, П. А. 49. 50. 298. 310. 439.
Черемисовъ (Желябовъ). 53.
Черкасскій. 28.
Черкезовъ, В. кн. 435.
„Черный Передѣлъ". 220. 228. 230. 231. 415. 470.
Чернышевскій, Н. Г. 114. 138. 303. 325. 327. 329. 345. 347. 348. 354. 358. 359. 362. 364. 429. 432.
Чернявская, Г. Ф. 41. 42. 44. 114. 153. 154. 455.
Чертковъ, М. И. 30. 254.
Чижовъ (мор. офиц.). 144.
Чижовъ (арт. офиц.). 147. 156.
Чичеринъ, Б. Н. 211. 212. 213.
Чубаровъ, С. Ф. 22. 23. 28.
Чупровъ, А. И. 209.
Шамиссо. 275.
Шарьеръ (Лавровъ). 334. 335.
Шаталовъ. 141.
Шебалинъ, М. П. 177. 442. 467.
Шебеко. 135. 162. 270. 273. 277. 281. 286. 299. 310. 384. 385. 386. 389.
Шевыревъ, П. 178.
Шелгуновъ, Н. В. 180. 192. 193. 194. 339. 367. 369.
Шепелевъ. 151.
Ширинкинъ. 321. 322. 323.
Широковъ. 76.
Ширяевъ, С. Г. 29. 34. 35. 39. 41. 44. 52. 55. 56. 57. 183.
Шишко, Л. Э. 239.
Шкряба, Ф. 117.
Шуваловъ, Пав. Павл., гр. 271. 304. 306. 309. 315. 319. 325. 336. 343. 351. 363. 364. 370. 372. 379. 383. 404. 409. 412. 418. 420. 423. 424. 426. 429. 437. 438.
Шуваловъ, П. А., гр. 195. 343.
Шуваловъ, Петръ П., гр. 372.
Шульцъ. 304. 311. 352. 371. 431.
Шуръ, А. 168.
Штейнгель, В., бар. 267.
Штромбергъ, А. П., бар. 94. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 155. 156. 159. 200.
Щеголевъ, П. Е. 250. 267.
Щедринъ, Н. П. 39. 128.
Щедринъ-Салтыковъ, М. Е. 297. 300. 301. 367. 384. 388. 389. 411.
Щербатовъ, кн. 306. 319. 349. 350. 351. 370. 437.
Эвальдъ. 317.
Эйбергъ. 100.
Эліава. 146.
Элпидинъ, М. 389. 390. 434. 435.
Энгельгардтъ, А. Н. 417.
Энгельгардтъ, М. А. 141.
Энгельсъ, Ф. 57. 114. 234. 464. 469.
Эрисманъ, Ф. Ф. 405.
Эртель, А. И. 180.
Ювачевъ, И. П. 143. 144. 156. 321.
Юрьевская, Е. М., кн. 86. 87. 92. 93. 286. 292. 293. 294. 296. 436. 437.
Яблонскій (Дегаевъ). 98. 99.
Якимова, А. В. 39. 41. 47. 53. 55. 61. 65. 182.
Якобсонъ см. Оловенникова, М. Н.
Якубовичъ, П. Ф. 6. 45. 46. 97. 115. 440. 467.
Янушевскій. 144.
Ярмонкинъ. 318.

Замѣченныя погрѣшности.

Страница.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
26	39	настоящей статьи	настоящей книги.
55	2—3	каторжныхъ работахъ	поселеніи
92	32	изготовлять	изготовить.
143	13—14	полсотника	сотника.
168	41	Н. В. Зотовымъ	Н. Л. Зотовымъ.
172	20	А. А. Тырковъ	А. В. Тырковъ.
195	40	А. П. Полонскій	Л. П. Полонскій.
204	37	томъ III	томъ II.
245	36	мальчишекъ	„мальчишекъ“.
265	34	Въ москвѣ	Въ Москвѣ.
292	33	„Рѣчь“ 10 августа	„Рѣчь“ 10 апрѣля.
305	32	В. А. Валуевъ	П. А. Валуевъ.
314	39	10 января	10 апрѣля.
344	34	отвѣтъ генералу Скобелеву	отрицательный отвѣтъ генералу Скобелеву.
390	13—14	самъ М. П. Драгомановъ.	самъ М. П. Драгомановъ и П. Б. Аксельродъ.
400	37	на противорѣчіяхъ, политическихъ воззрѣніяхъ	на противорѣчіяхъ въ политическихъ воззрѣніяхъ.
410	23	священной Дружины?	священной Дружины.....
419	16	указывающіе объ освѣдомленности	говорящіе объ освѣдомленности.
432	35	ясно	явно.
452	38	журналъ Впередъ	газета Впередъ.
464	19	новыя же воззрѣніями старыми.	новыя воззрѣнія съ старыми.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ МЫСЛЬ

годъ изданія 33-й. ■ Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

Въ литературно-критическомъ отдѣлѣ ближайшее участіе принимаетъ **В. Я. Брюсовъ.**

Отдѣломъ естествознанія завѣдуетъ профессоръ-академикъ **В. И. Вернадскій.**

Въ 1912 году будутъ продолжаться „АЛЕКСАНДРЪ I". Историческій романъ **Д. С. МЕРЕЖКОВСКАГО** и „АЛТАРЬ ПОБѢДЫ". Историческая повѣсть IV вѣка по Р. Х. **В. Я. БРЮСОВА,** печатаніе которыхъ началось въ 1911 г. Новые подписчики на 1912 годъ **безплатно** получатъ въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ (которые въ отдѣльную продажу не поступятъ) всѣ отпечатанныя въ 1911 г. части этихъ произведеній.

Кромѣ того въ 1912 г. будетъ напечатанъ цѣлый рядъ оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей. Остальные отдѣлы будутъ развиваемы и расширяемы по намѣченному на 1911 г. плану.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и перес.	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
въ Россіи.	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу	**17** „	**12** „ **75** „	**8** „ **50** „	**4** „ **25** „

На одинъ мѣсяцъ только для иногородн. внутри Россіи **1** руб. **25** коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ

(1893—1901 гг.)

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Моимъ критикамъ. 2) Наши утописты. 3) Г. Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому. 4) „Мужики" г. Чехова. 5) „Мужики" Чехова и г. Михайловскій. 6) Замѣчательная книга („Памфлеты" П. Л. Курье). 7) Miscellanea. 8) Философія идеальнаго добра или апологія реальнаго зла? 9) Памяти Владиміра Соловьева. 10) Романтика противъ казенщины (о В. В. Розановѣ). 11) Новая книга по русской исторіи и литературѣ. 12) Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Оболенскаго „Новый расколъ въ нашей интеллигенціи". 13) Марксъ о Гёте. 14) Ф. Лассаль. 15) Еще о Лассалѣ. 16) Замѣтки о Гауптманѣ и Нитцше. 17) Противъ ортодоксальной нетерпимости—pro domo sua. 18) Памяти Н. В. Шелгунова. 19) Австрійское крестьянство и его бытописатель. 20) Соціально-экономическая подкладка нѣмецкаго вопроса въ Австріи. 21) Международный конгрессъ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ. 22) „Экономическіе этюды" Н. В. Водовозова. 23) Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности. 24) Научная исторія русской крупной промышленности (о книгѣ М. И. Туганъ-Барановскаго). 25) Изъ лѣтнихъ наблюденій. 26) Свобода и историческая необходимость. 27) Къ вопросу о морали. 28) Право и права. 29) Въ чемъ же истинный націонализмъ?

Томъ въ 555 страницъ. Цѣна 3 руб. С.-Петербургъ, 1902 г.

СКЛАДЪ въ книгоиздательствѣ О. Н. Поповой, С-Петербургъ, Невскій, 54.

Во всѣхъ книжн. магазинахъ ПРОДАЕТСЯ КНИГА: ПЕТРЪ СТРУВЕ.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ. | **Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 г.).**

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе.

1 ОТДѢЛЪ. Политика.

Скорѣе за дѣло!—Наканунѣ новаго (1906) года.—Русская идейная интеллигенція на распутьѣ.—Черносотенный соціализмъ.—Памяти М. Я. Герценштейна.—Изъ размышленій о русской революціи I. „Современность" и „элементарность" русской революціи.—II. Консерватизмъ интеллигентной мысли.—Двѣ потери. I. В. Ю. Скалонъ. II.—Графъ П. А. Гейденъ.—Легенда и трагедія. По поводу смерти генерала Трепова.—Тактика или идеи? Изъ размышленій о русской революціи.—Памяти А. А. Бакунина и П. А. Корсакова.—Великая Россія. Изъ размышленій о проблемѣ русскаго могущества.—Отрывки о государствѣ.—Споръ съ Д. С. Мережковскимъ.—Современное международное положеніе подъ историческимъ угломъ зрѣнія.—Культура и дисциплина. Вродѣ новогодняго размышленія.—Поверхъ текущаго момента.—Неестественный режимъ.—Экономическія программы и „неестественный режимъ".—Гипнозъ страха и политическій шантажъ.—Клевета и на предковъ, и на конституцію.—„Профессоръ" Шварцъ и „кураторъ" Мелиссино.—Русскій шантажистъ и нѣмецкій патріотъ.—За султана и Кесаря.—Тревога и безголовье.—Униженіе Россіи.—Размышленія на политическія темы. I—XIV.—Физіологія одного превращенія. „Незнакомецъ" и „Новое Время".—Официальное (?) разъясненіе о дѣлѣ Азефа.—17-го октября 1909 г. А. И. Гучковъ и П. А. Столыпинъ.—Что такое государственный человѣкъ?—Политика внутренняя и политика внѣшняя. Соотношеніе между политикой внутренней и внѣшней.—Угрожающіе признаки государственнаго безсилія.—Рождающаяся отсюда патріотическая тревога.—Два націонализма. Противорѣчія офиціальнаго націонализма.—Онъ является либо творцомъ, либо пѣстуномъ національныхъ сознаній и чаяній угнетаемыхъ народностей.—Два націонализма: открытый или завоевательный, и скрытый или оборонительный.—Какая національная политика можетъ создать Великую Россію?—Нѣкоторыя черты нашего времени. Общественная безчувственность и общественная безформенность.—Безчувственность не есть настоящее успокоеніе.

II ОТДѢЛЪ. Культура, религія, соціализмъ.

Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія.—Интеллигенція и революція.—Интеллигенція и народное хозяйство.—Интеллигенція и національное лицо.—Полемическіе зигзаги и несвоевременная правда.—Слабонервность или игра на слабыхъ нервахъ?—На разныя темы. I—IX.—Герценъ.—Левъ Толстой. I. Смыслъ жизни.—II. Смыслъ смерти.—Роковые вопросы. По поводу статьи Л. Н. Толстого „Неизбѣжный переворотъ".—Индивидуализмъ и соціализмъ. Отрывокъ.—Facies hippocratica. Къ характеристикѣ кризиса въ современномъ соціализмѣ.—Религія и соціализмъ.—Памяти Людвига Гумпловича.

Томъ въ 619 стр. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. Цѣна 3 руб.

Складъ изданія: Москва, „Русская Мысль", Ваганьковскій, 3 и С.-Петербургъ, т-во „Обществ. Польза", Невскій, 40.

Цѣна 3 рубля.

типо-лит. Ю. ВЕНЕРЪ, Москва.

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ.